

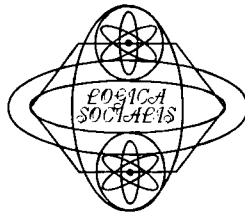
LOGICA SOCIALIS

Макс ВЕБЕР
АГРАРНАЯ
ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО МИРА

КАНОН-ПРЕСС-Ц

ЦФС

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

МАКС
ВЕБЕР

АГРАРНАЯ
ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО МИРА

МОСКВА
КАНОН-ПРЕСС-Ц
КУЧКОВО ПОЛЕ
2001

УДК 316
ББК 60.5
В26

LOGICA SOCIALIS:
СОЦИАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Серия основана в 1998 году Центром Фундаментальной
Социологии и издается под общей редакцией
С. П. Баньковской, Н. Д. Саркитова и А. Ф. Филиппова

Ответственные редакторы
Г. Э. Кучков и Н. Д. Саркитов

Вебер М.

В26 Аграрная история Древнего мира / Пер. с нем.;
Под ред. Д. Петрушевского; Вступ. ст. Ю. Давыдова,
Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. — М.: «КАНОН-
пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 560 с. (Малая се-
рия «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра
Фундаментальной Социологии»).

Очередная книга большой серии «Публикации ЦФС» (малая се-
рия «LOGICA SOCIALIS») представляет собой первую книгу двухтом-
ника, в который входят три весьма важных для понимания творче-
ства М. Вебера труда по исторической социологии: «Аграрная исто-
рия Древнего мира», «История хозяйства» и «Город».

В первую книгу включены «Аграрная история Древнего мира» и,
в качестве приложения, очень важная для понимания всех трех ра-
бот М. Вебера статья М. Ростовцева «Колонат».

Книга предназначена для социологов, философов, историков, эконо-
мистов и всех изучающих эти дисциплины.

ISBN 5-93354-010-2

УДК 316
ББК 60.5

- © Ю. Н. Давыдов. Вступительная статья, 2001
- © Г. Э. Кучков. Комментарии, 2001
- © Н. Д. Саркитов. Комментарии, 2001
- © Название серии LOGICA SOCIALIS является
зарегистрированным товарным знаком, 1998
- © Издательство «КАНОН-пресс-Ц». Составление,
оформление серии, знак серии, 1998.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Двухтомник, включивший в себя три работы Макса Вебера по истории хозяйства явился результатом естественного развития простой идеи о необходимости опубликования последнего курса лекций великого социолога, изданных в Германии под названием «История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории». Окончательная концепция настоящего издания изложена во вступительной статье Ю. Н. Давыдова, здесь же мы предлагаем читателям краткую информацию о помещенных в данном двухтомнике работах.

Опубликованная в первом томе «Аграрная история Древнего мира» «...представляет собой точный перевод статьи Макса Вебера «Agrarverhältnisse im Altertum», напечатанной в первом томе третьего издания (1909 г.) известного Handwörterbuch der Staatswissenschaften, издаваемого под редакцией Conrad'a, Elster'a и Loening'a, — пишет редактор русского издания «Аграрной истории Древнего мира» 1923 года Д. М. Петрушевский. — Для того, чтобы сделать работу Макса Вебера более удобной для чтения и изучения, редактору казалось вполне естественным обозначить как части и главы те подразделения, на которые разбил ее сам автор, и, кроме того, напечатать весь текст кроме подстрочных примечаний одним шрифтом, не прибегая к мелкому шрифту, которым так неумеренно часто вынужден был пользоваться автор, по-видимому, чувствовавший себя очень стесненным необычными для словарной статьи размерами своей работы. В виде дополнения к книге Макса Вебера редактор счел нелишним напечатать в качестве приложения статью профессора М. И. Ростовцева «Колонат», помещенную в том же Handwörterbuch der Staatswissenschaften, тем более, что сам Макс Вебер часто отсылает к ней читателя».

Мы тоже включили в наше издание (в качестве приложения к первому тому) статью М. И. Ростовцева.

Второй том составлен из двух работ Макса Вебера: «История хозяйства» и «Город». «История хозяйства» «...составлена в настоящем виде на основании записей автора его учениками: профессором истории в Мюнхенском Университете *С. Геллерманом* и доцентом Высшей Коммерческой Школы в Берлине *М. Палием*, — пишет редактор русского издания профессор И. М. Гревс. — Вопрос, которому посвящена настоящая книга, составлял предмет последнего прочитанного *Максом Вебером* курса в зимнем семестре 1919—1920 гг. по настоятельной просьбе слушателей. Сначала он неохотно соглашался на это, так как мысль его за последние годы жизни была посвящена тем широким проблемам социологии, только часть которых вошла в состав его трехтомного труда — «Gesammelte Aufsätze zur Religionsociolo-

gie». Но раз согласившись, он отдался делу, по обычаю своему, не щадя сил и напряжения, влагая в работу всю свою личность. Когда же автор принялся в последовавший летний семестр за новый курс под заглавием — «Общее учение о государстве и политике», его постигла смерть (...) Составители и редакторы долго колебались, выпускать ли в свет книгу так, как она могла быть подготовлена к печати. Автор не оставил законченного текста, а только неполный набросок, который надлежало обработать путем сличения записей лучших слушателей и собственного их близкого знакомства со взглядами учителя, его терминологией и манерою изложения. Отлично зная, каким строгим судьей был М. Вебер прежде всего к самому себе, они боялись, что сам автор не разрешил бы выпустить в таком виде свой курс. Но когда сама вдова и близкая сотрудница покойного, Марианна Вебер, предложила им взять на себя опубликование его последнего опыта, они нашли, по зрелом размышлении, действительно желательным к оставленному Максом Вебером научному наследию присоединить и эту, так сказать, «лебединую песню».

Что касается публикации «Города», то мы решили включить в наше издание старый перевод этой работы, выполненный Б. Н. Поповым под редакцией известного русского ученого Н. И. Кареева, позволив себе, правда, выполнить определенную сверку перевода.

Работа над текстами «Аграрной истории Древнего мира» и «Истории хозяйства» ограничилась лишь их редактированием, хотя иногда и весьма глубоким, что было вызвано желанием опубликовать столь необходимые сейчас работы одного из классиков мировой социологии в обозримое время, поскольку серьезная работа над текстами всех трех работ (к которой ЦФС и издательство «Канон-пресс-Ц» уже приступили) требует значительного количества времени и затянется на многие годы. Кроме того, мы ставили перед собой задачу представить в *настоящем издании* каждую из трех работ Вебера в том виде, в каком она была выпущена на русском языке в своем первом издании. В связи с этим все новые комментарии вынесены нами в конец каждого тома, поскольку в качестве подстрочных примечаний оставлены лишь комментарии автора, переводчиков, и первых издателей (редакторов).

Для облегчения восприятия весьма сложных и перенасыщенных малоизвестными фактами и редко встречающимися (а также специальными) терминами текстов мы снабдили оба тома обширными комментариями, которые не претендуют на глубину и аналитичность, но единственно, позволяют читателю работать с книгой не окружая себя со всех сторон различными справочниками и энциклопедиями. К большинству греческих слов даются лишь переводы, так как их значение подробно разбирается в прилагаемой к первому тому статье М. Ростовцева «Голонат».

Юрий Давыдов

ВЕБЕРОВСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ

I

Чтение работ М. Вебера в сегодняшней России, совсем недавно пережившей нечто вроде собственного «веберовского ренессанса», не лишено своих специфических трудностей. В первую очередь они связаны с иллюзорным ощущением «понятности» целого ряда терминов, введенных в социологический оборот этим классиком социологии, однако нами полученных, что называется, из «вторых» и даже «третьих» рук, благодаря чему они приобрели своеобразный «брезжащий» смысл — результат диссонанса их многочисленных интерпретаций на Западе, где вебероведение вместе со всей западной социологией успело пережить ряд глубоких потрясений и кризисов, расколовших социологическое сообщество на несколько противоборствующих течений и групп, утративших общий язык.

Замысел западных провозвестников «веберовского ренессанса», стремившихся найти выход из этой кризисной ситуации, опираясь на аутентичное прочтение М. Вебера, не осуществился. И хотя в русле этого устремления были достигнуты в высшей степени плодотворные результаты — «Полное собрание» веберовских текстов, работа над которым близится к концу — основная (хоть и подспудная) цель не была достигнута: консолидации социологического сообщества, пусть не мирового, но хотя бы немецкого на почве современного веберианства не произошло. Что же тогда говорить о российском сообществе социологов, где «веберовский ренессанс» способствовал такому росту «известности» М. Вебера, которая оказалась обратно пропорциональной его «познанности». Едва ли не каждый социолог (а то и «политолог» — выходец из среды недавних «историков

КПСС) считает своим профессиональным долгом лишний раз употребить какой-нибудь веберовский термин — «например, «харизма» (которому у нас явно повезло), хотя, результатом подобных ритуальных жестов, как правило, оказывается лишь его когнитивная девальвация.

В итоге мы имеем сегодня дело с тем, что, пользуясь емким солженицинским выражением можно было бы назвать социологической «образованщиной», способной скорее вызвать у молодежи привычный для нее негативизм по отношению если не к самому М. Веберу, то уж, во всяком случае к высоколобому веберрианству, а у зрелого поколения — скепсис и растерянность перед лицом столь же необозримой, сколь и неприступной «веберианы», успешно наступающей с Запада, зато в «наших палестинах» способной породить лишь веберрианствующих графоманов. Перед лицом этой удручающей угрозы трезвомыслящим социологам ничего не остается, кроме надежды на «социологическое просвещение», но уже не «первичное», о каком мечтал недавно умерший Н. Луман, и даже не «вторичное», с которым мы уже опоздали, а скорее «третичное», когда пришла пора задуматься о просвещенности наших самозванных просветителей.

Однако в нашем случае совсем не подходит чапаевское «Наплевать и забыть». В чем в чем, а в склонности к «напливизму» (даже в виде березовского «пофигизма») и к постоянной «забывчатости» нам, россиянам никак не откажешь. В нашем случае «социологическое просвещение» должно предполагать разумную избирательность — способность найти в захлестывающем нас потоке социологической литературы (и «литературщины») то, за что можно было бы ухватиться, чтобы всплыть на поверхность и оглядеться. И здесь — в противовес самоупоенно-шапкозакидательскому: «Мы успели сорок тысяч всяких книжек прочитать, // И узнали что почем и очень точно» — мы должны вспомнить об идее «медленного чтения», сформулированной Ф. Ницше-античником (вопреки Ницше-«дионисисту»). Речь идет о новом, — о медленном и медлительном прочтении, — веберовских текстов, в особенности тех, которые в нашей прежней спешке мы прежде не столько прочитывали, сколько проскакивали глазами в поисках чего-то «невероятного», чего при «скоростном» чтении мы, конечно же, не могли в них обнаружить, хотя оно, это «невероятное»,

буквально лежало на поверхности, ожидая лишь одного-единственного: неторопливого, а значит, внимательного и вдумчивого прочтения.

Речь идет в данном случае о необходимости медлительного — а, значит, совершенно нового — прочтения трех веберовских работ, казалось бы, далеких от современной социологической «Теории» (включая веберовскую), а потому раньше либо просто «просматривавшихся» нашими «методологами», либо прочитанных по методу «скоростного чтения» исключительно в интересах «Эрудиции», скорее поражающей воображение (причем, наповал) слушателей и читателей, чем дающей пищу их уму, еще не научившемуся отличать насущность знаний, от необязательности «сведений». А именно о «Городе», «Аграрной истории Древнего мира» и курсе лекций по «Истории хозяйства», прочитанном М. Вебером незадолго до его безвременной кончины, настигшей его буквально в период «акме» — исполненного зрелой мудрости расцвета творческих сил.

Разумеется, помочь нам понять «неясности», встречающиеся в этих работах, должны комментаторские тексты, опубликованные в «Полном собрании» веберовских сочинений и других текстов М. Вебера, в которых, кстати сказать, присутствует глубоко родственный ему самому исследовательский пафос, стремление вникнуть в то, что есть (а не воображается «искушенным читателем»), присутствует в непосредственной данности исследуемого предмета, явление непосредственно, а не скрывается в мистических глубинах «непостижного уму». Однако никакие комментарии веберовских текстов не могут заменить самого главного и решающего для их аутентичного восприятия. А именно читательского сотворчества, возможного лишь в самом «акте» медлительного чтения работ М. Вебера, особенно тех, что исполнены смиренной прозы исторических фактов, не написаны ни «шершавым языком плаката», ни туманным языком надуманной многозначительности, этой вчерашней плакатности, но только, что называется, «наоборот», остающейся таковой даже в том случае, когда она выдается за — совсем уж «чисто теоретическую» — социологию.

Именно такого рода «сверх-теоретичности» и противопоставлял М. Вебер свой вариант социологии, которую он называл «эмпирической» вопреки ее ярко выраженной теоретичности, каковая — опять-таки не в духе нашей «постмодер-

новой» эпохи — не очень-то торопилась выставить напоказ свою (уже тогда порядком «фрейдизированную») наготу. Язык фактов — прежде всего исторических, то есть «культурно нагруженных» — явно был для него предпочтительнее туманных намеков «девственно чистой теории». Вот почему М. Вебер остается «эмпириком» даже тогда, когда он работает с, казалось бы, «сугубо теоретическим» (либо «культурно нагруженным») материалом, находя в нем такие аспекты, которые можно, что называется «попробовать наощупь» или «на вкус». И в то же время остается подлинным теоретиком даже тогда, когда оперирует вполне конкретной «эмпирией» предстающей как «непосредственная данность», поскольку она берется в таких — на первый взгляд, неожиданных — ракурсах, которые обнажают ее (этой «данности») сугубо интеллектуальный «под»- и «за»-текст.

Однако именно в такой, можно сказать «кентаврической», двузначности и двуединости, позволяющей объединить «чисто эмпирический» и «сугубо теоретический» аспекты социологии, изначально предстает в веберовских исследованиях действительно человеческая, то есть историческая реальность. Реальность, сотканная из осмысленных, то есть исполненных смысла, смысловым образом ориентированных, человеческих действий, совершаемых, что называется, «в здравом уме и трезвой памяти». Действий, фиксируемых эмпирически, но в то же самое время заключающих в себе нечто более-чем-эмпирическое. А именно — смысл, постижение которого необходимо предполагает подключение сверхэмпирической — интеллектуальной, «умопостигающей» — способности, сколь бы «автоматически» и «нерефлексированно» оно, это постижение, ни совершалось.

Непосредственное, изначально целостное восприятие этого двуединства человеческой природы, сказывающееся как в простейших, так и в сложнейших «социальных действиях» индивида и было глубинным источником исследовательского интереса и Вебера-историка, каким он предстает уже в самых ранних своих работах, и Вебера правоведа-экономиста, каким он очень быстро становится, и Вебера религиоведа-социолога, каким он заявил о себе в классической «Протестантской этике», и, наконец, Вебера правоведа и экономиста, социолога и культуролога, каким он обнаруживал себя во всех последующих трудах, включая и те, что представлены в предлагаемых книгах.

Уже сам перечень тех научных областей, на которые простирался исследовательский интерес М. Вебера, свидетельствовал далеко не только о его энциклопедической образованности, ставящей его в один ряд с мыслителями эпохи Ренессанса, но и об изначальной «синтетичности» его исследовательского подхода, которая в век углубляющейся научной профессионализации и специализации не могла найти для себя другой «крыши», кроме социологической. Ибо только в достаточно широких рамках уже состоявшейся, но еще не «устоявшейся» и не «отстоявшейся» социологии еще оставались дозволенными широкие «синтезы», которые могли позволить себе такие универсально мыслящие исследователи как М. Вебер или Э. Дюркгейм, унаследовавшие системосозидательскую устремленность от основоположников социологии XIX столетия.

* * *

Стоит только попытаться всерьез ввести итоговые теоретико-методологические размышления М. Вебера в универсально-исторический контекст предшествовавших им либо следовавших за ними исследований западно-европейского города, культур-философски углубленных экскурсов в аграрную историю Древнего мира, и, наконец, всеобщую историю хозяйства, как начинает проявляться действительный фундамент и реальный подтекст веберовской социологии, в свете которых она предстает не столько как отвлеченно «теоретическая», сколько как *синтетическая** научная дисциплина. Отсюда и «неожиданность» М. Вебера, чья социология встает обновленной его животворным видением «большой» — всемирной — истории. Отсюда и актуальность «специальных исследований» М. Вебера — история хозяйства и права — «полузабытых» именно потому, что мы все еще пытались (если пытались вообще) читать их с помощью довеберовской «оптики», обособляющей друг от друга названные выше дисциплины, — вопреки его постоянному стремлению перебросить мосты между ними.

Сегодня, когда социологи читают веберовские тексты, так сказать «с конца», «отталкиваясь» от «достигнутых результатов» (забывая мудрое предостережение Гегеля, гово-

* В дальнейшем веберовские курсивы будут выделяться разрядкой, а мои собственные — курсивом.

рившего, что «голый результат» есть не более чем «труп», оставивший позади себя животворную «тенденцию», изначальную движущую пружину), мы зачастую просто проскакиваем самое существенное в сравнительно-исторической социологии М. Вебера, к чему он вновь и вновь возвращался, но каждый раз, как говорится, «на новом витке спирали». А именно — его синтетически-целостное видение исторических реалий, которое именно в силу этой объемности и синтетичности представало одновременно и как социологическое. Ибо социология, в конце концов, есть не что иное, как постижение общественной реальности в ее целостности, в каковой и заключается социологическая «суть дела».

А то, что М. Вебер называл «идеально-типическим» подходом, было фактически особого рода оптикой, используемой для того, чтобы, вычленив с помощью этого способа типологизации существенно важные связи и сопряжения общественной «тотальности» (как сказал бы Гегель), совершить *затем* то же самое «восхождение от абстрактного к конкретному», которое рассматривали как конечную цель научного исследования не только Гегель и Маркс, но, в чем мы сможем еще и еще раз убедиться, также и Вебер.

И в этом нам поможет «медленное чтение» прежде всего его историко-правовых и историко-экономических исследований, таких как «Город», «Аграрная история Древнего мира» и лекции по «Истории хозяйства», — то самое «медленное чтение», которое настоятельно рекомендовал своим читателям и почитателям еще Ф. Ницше, но которое, быть может, еще важнее для нашей околосоциологической «образованщины», каким-то чудом «сумевшей» (согласно ее несколько завышенной поэтической самооценке), «сорок тысяч всяких книжек прочитать». Быть может, эта рекомендация не вполне «релевантна» (несмотря на все усилия нынешних постмодернистов дерридистского призыва доказать обратное) в «случае Ницше», но вот что касается названных веберовских исследований, — впрочем, не только их, — ее следует воспринимать, что называется, «на полном серьезе». Кавалерийским наскоком здесь не обойтись. Чем медленнее будет чтение веберовских текстов, тем дальше продвинется — за тот же промежуток времени — читательская мысль.

* * *

Как видим, называя свою социологию «эмпирической» М. Вебер противопоставляет ее не теоретической социологии, которая вовсе не исключается его пониманием социологического исследования, но именно *абстрактной*, отвлекающейся от «материи» социальной жизни, работающей с формализованными понятиями, создаваемыми с помощью «генерализующего» метода естествознания. Веберовская работа с социологическими понятиями предполагает их далеко идущую содержательность, учитывающую неповторимую индивидуальность каждого из исследуемых с их помощью «объектов», извлеченных из многообразных «сцеплений» общественной жизни, что и делает необходимой особого рода *типизацию* исследуемой действительности, существенно отличную от ее чисто логической формализации, работающей с понятиями «рода» и «видовых отличий». Ибо понятие «типа», с которым работает веберовская социология, принципиально отличается от формально-логически полученного «рода» уже тем, что вырабатывается на путях углубленного противопоставления его другим «типам» исследуемого явления, предполагающего особый способ теоретической рефлексии: учет альтернативных возможностей типологического конструирования, которому никогда не дано постичь всю уникальность самого этого явления.

Работая с идеально-типическими понятиями, то есть понятиями, учитывающими принципиальную неисчерпаемость исследуемых исторических явлений, связанную именно с их уникальностью и неповторимой «однократностью», М. Вебер никогда не забывал, что «постичь» каждое из них можно лишь с учетом принципиальной *гипотетичности* каждого из упомянутых понятий, представляющих собой «мыслительные конструкции», создаваемые на путях сопоставляющего противопоставления другим аналогичным конструкциям (или противопоставляющим сопоставлениям с ними). Там, где формальная логика — вполне справедливо! — искала и ищет «видовые отличия», веберовская *типология*, умудренная неокантиански-риккертовским «идиографизмом», то есть учением о принципиальной неповторимости всего индивидуального, фиксирует *социо-логические* (если не *онто-логические*), исторические, то есть *событийные* (если не *метаисторически-«бытийные»*) различ-

ния и противоположности. Иначе говоря, речь идет о гораздо более глубоком понимании *отличия* и *различия*, учитывающем неустранимую историческую дистанцию между сопоставляемыми и различаемыми явлениями, каждое из которых имеет не логически, а «событийно» — неповторимый характер, так что даже там, где, казалось бы, фиксируется одно и то же, оно, на самом деле — в исторической действительности — вовсе не то же самое.

В данном случае не постулируется заранее принципиальное тождество одного экземпляра данного вида другому (что и позволяет идентифицировать их по принадлежности к одному и тому же виду), но скорее предполагается их изначальное различие, которое оказывается, таким образом, одновременно и видовым и индивидуальным, как, например, различие типов капитализма, каждый из которых одновременно есть неповторимый индивидуум, отличный от других «экземпляров» данного типа. Речь идет об исторической уникальности, то есть несравнимости явления, которое не может рассматриваться как «экземпляр» вида, самотождественный именно в силу его уникальности. Отсюда и необходимость конструирования идеального типа явления, подлежащего сопоставлению, в качестве какового оно (это явление) только и может быть сравниваемо с другими, подлежащими той же сопоставительной процедуре.

Иначе говоря, уникальное, то есть несравнимое, если и может быть сопоставляемо с другими «несравнимостями», так только *после* его предварительной — типологизирующей — обработки. Сопоставляются ее *результаты* — исторические типы (общества, экономики, города, сословия, класса и т. д.), а не сами явления, взятые во всей их уникальности. Речь идет о предварительной типизации, отборе и комбинировании аналитически выделенных сторон явления, делающих его *доступным* сопоставлению с другими явлениями того же «ряда». Это и есть метод исторической конкретизации явления, предваряющий процедуру сравнения одного идеального типа явлений с другими, подвергшимися аналогичной обработке.

Но это значит, что в основе веберовски понимаемой процедуры, составляющей главное содержание сравнительно-исторического подхода, лежит методика и техника формирования «идеального типа» явления, подлежащего такому сопоставлению. Так что уже одно это обстоятельство ре-

шающим образом трансформирует привычное представление о сравнительно-историческом методе, упускающем, как видим, едва ли не самое существенное, внесенное М. Вебером в эту методологию, которую он далеко идущим образом революционизировал, превратив в «элемент» своего метода анализа культурно-исторических явлений. Речь идет об идеально-типическом конструировании (вернее, реконструировании) исследуемого исторического явления, которое — уже затем, на следующем этапе аналитической работы, — подвергается сопоставлению с другими «идеальными типами», позволяющему ставить вопрос о сходстве или различиях, близости или удаленности соответствующих общественных процессов и форм.

И совсем не случайно, развивая ту же мысль в самом конце «Аграрной истории...», уже после основного текста, в последнем из библиографических примечаний к нему, М. Вебер пишет, возвращаясь к обсуждаемой нами проблеме: «Действительно критическое сравнение стадий развития античного полиса и средневекового города (ср., например, замечания об этом в «Wirtsch. Gesch. des Schwarzwalds» E. Gothein'a, стр. 61 и след.) было бы благодарным делом и плодотворным, конечно, только в том случае, когда оно не является целью и (на манер теперь модных построений общих схем развития) не охотится за «аналогиями» и «параллелями», но, как раз наоборот, только тогда, когда его цель заключается в выяснении особенностей каждой из обеих, в конечном счете столь различных эволюций и в установлении причин различного их хода. Что для него при этом необходимо в качестве необходимой предварительной работы изолирование (следовательно, абстракция) отдельных составных частей явления и затем для каждой отдельной части ориентирование на правила опыта и образование ясных понятий (см. выше во Введении), без которых нигде не может быть достигнута какая-либо достоверность в установлении причинных связей, конечно, остается при этом правильным и должно быть принято во внимание как раз для экономического явления, в области которого отсутствие точности понятий может создать самые превратные, какие только можно представить себе, суждения» (2, 406). Итак, снова и снова: «охота» за поверхностными параллелями и аналогиями, в которую уже при М. Вебере вырождалась сравнительно-историческая методология,

не имеет ничего общего с ее подлинной целью — выяснением неповторимых особенностей сравниваемых явлений, в котором он видел задачу, в частности, и своего собственного радикального историзма, отстаивающего сущностную (если не онтологическую) неповторимость действительно исторических явлений.

Однако именно такого рода историзм, смыкающийся, как видим, с радикально последовательным идиографизмом, приводит М. Вебера в конфликт не только с поверхностно толкуемым сравнительно-историческим методом, но и с марксовым учением об «общественно-экономических формациях», нанизываемых на шампур просветительской концепции прогресса, унаследованной социологией XIX века как в ее контовском, так и в марксистском вариантах. Отказываясь от «прогрессизма» классической социологии и тем самым открывая перспективу ее *неклассического* развития, М. Вебер *начинает* с того, что меняет общую философско-историческую перспективу, предполагая такую последовательность эволюции социальных форм, в русле которой допускается образование более развитых форм одновременно с менее развитыми или даже *п р е ж д е* менее развитых, и толкуя такого рода факты не как аномалии «понятных сдвигов» на «восходящей линии поступательного развития человечества», а как свидетельство независимости течения реальной истории от каких-либо априорных принципов, в том числе и «закона Прогресса».

Единственным критерием «развития» общественных форм (утрачивающих при этом онтологическую фундаментальность марксовых «общественных формаций») становится у М. Вебера эмпирически фиксируемое «*приближение*» исследуемого явления (например, города, или какой-нибудь «частичной» структуры, входящей в состав этого синтетически-целостного образования) к соответствующему «идеальному типу», либо, наоборот, «удаление» от него. Эта исследовательская процедура позволяет М. Веберу рассматривать те или иные социальные процессы, не присягая на верность таким ценностно нагруженным категориям как «прогресс» или «реакция», вынуждающим исследователя делать поспешные заключения о заранее данном «смысле процесса», каковой на самом деле складывал как итог деятельности и зачастую весьма и весьма драматического противоборства самых различных общественных сил, каждая

из которых вносит в него свой собственный «смысл». В столь решительном отказе М. Вебера от идеологического «глобализма», одержимого стремлением предписать человечеству априорные цели его эволюции, и заключается пафос веберовского «эмпиризма», побуждавший будущего автора «Хозяйства и общества», достаточно далекого от того, что в наше время называют «эмпирической социологией», все-таки определять свою версию социологической науки именно с помощью этого словосочетания.

Все это не помешало М. Веберу внести свой особый вклад в философию истории, заострив одну из центральных ее проблем — проблему трехчленной периодизации исторического процесса: «античность — Средневековье — Новое время (или «современность»)». Причем заострил он ее именно в результате своей попытки поставить на рельсы «эмпирического исследования» вопросы, доступные, как до него казалось, лишь «отвлеченно-теоретическому» (если не вовсе умозрительно-спекулятивному) рассмотрению. И сделал это М. Вебер, в частности (а, быть может, прежде всего) как раз в таких работах, как «Город», «Аграрная история Древнего мира» и «История хозяйства», сама «материя которых исключала, казалось, культур-философскую и философско-историческую постановку вопроса, заранее отмежевываясь от нее. Причем одной из центральных проблем оказалась в них (особенно в первых двух) как раз «сфинксова проблема» феодализма, к которой мы еще вернемся.

* * *

«Синтетичность» социологии М. Вебера, предполагаемая спецификой ее предмета особенно остро обозначилась уже в самом начале его «Города», когда автор книги задался вопросом об определении понятия этого многосложного объекта, подлежащего всестороннему исследованию. «Полноправный г р а ж д а н и н античности, — начинает он свой анализ с того, что можно было бы по примеру К. Маркса назвать «клеточкой» данного объекта, — был жителем города, обладающим землей (Ackerbürger)», причем, как дает понять автор, не только на территории самого города, но и за ее пределами, а подчас, только за городской чертой. (1, 314). А это значит, что понятие социальный «статус» типичного горожанина невозможно, не выходя за формально-право-

вые рамки его «гражданства» в имущественную сферу, где чисто юридические отношения переплетаются с экономическими, а те, в свою очередь, с административно-политическими, поскольку условием «гражданства» полноправного жителя «античного полиса», был экономический факт обладания определенным участком земли, имевший в глазах его сограждан, кроме всего прочего, и политическую значимость, ибо только обладание землей, так или иначе «принадлежащей» городу, обеспечивало ему право участия в городской политике, включая военную, поскольку каждый горожанин должен был участвовать в вооруженных формированиях, имеющих целью защиту городских территориальных интересов.

Вот какой комплекс разнопорядковых отношений был связан в античности с простым фактом удостоверения «гражданства» горожанина, который скрывается в наши дни за бюрократически звучащим словом «прописка». Для нас же важно пока что констатировать, насколько тесно история античного, а еще теснее — средневекового города была сопряжена с аграрной историей античности и Средневековья. Так что в одних случаях история города включала в себя — по крайней мере частично — историю городских земель, теснейшим образом связанную с аграрной историей «городской округи», а в других — брала ее целиком; и тогда судьба городских и соседствующих с ним внегородских территорий оказывалась вплетенной в аграрную историю как античного, так и средневекового обществ. Не случайно книги М. Вебера, посвященные этим двум, казалось бы, достаточно далеким друг от друга сюжетам — судьбам античных и средневековых городов, с одной стороны, и аграрной истории античности и Средневековья — с другой — оказались так тесно связанными друг с другом и чисто хронологически, и содержательно (первая из них вышла в 1905—1906 гг., а вторая — в 1909 г., причем многие сюжеты буквально «перекочевали во вторую»).

Но дело не только в том, что названные книги оказались *тематически и проблемно* так тесно переплетены друг с другом, что адекватное понимание каждой из них с необходимостью требовало обращения к другой. Еще более далеко идущим образом их объединяло единство веберовского *синтетического подхода* к рассмотрению предмета каждой из них, который буквально требовал его как в том случае, ког-

да это был город, так и в том, когда им было сельское хозяйство. Как свидетельствует одна из более ранних работ, в которой уже ярко заявил о себе будущий социолог, задаваясь вопросом о необходимости «сопрячь» проблематику «аграрной истории Древнего Рима» с государственно-правовой (и тем самым политической) и частно-правовой (и тем самым экономической) проблематикой, еще до того, как М. Вебер специально углубился в социологическую проблематику, он уже фактически сталкивался с нею каждый раз, когда вставал вопрос о необходимости органического сочетания правоведения и политэкономии при решении конкретных вопросов античной истории.

Во всех этих случаях на заднем плане веберовских исканий маячил образ будущей — уже синтетической — социологии, который он еще не идентифицировал в соответствующем понятии только потому, что она еще не существовала фактически и ее только предстояло создать, причем создать никому иному, как ему самому. Что он, по сути дела, и попытался предпринять в своем главном труде (практически так и оставшемся незавершенным) под несколько условным названием «Хозяйство и общество», заключительным разделом которого совсем не случайно оказался именно «Город», — работа, в которой прорыв к искомой М. Вебером *синтетической социологии* впервые обнаружил всю свою плодотворность.

«Из того, — писал М. Вебер, — что мы в нашем исследовании данного вопроса должны были говорить о «хозяйственной политике города», о «городской округе», «городских властях», следует, что понятие «город» может и должно быть введено не только в ряд рассмотренных до сих пор экономических, но и политических категорий» (1, 317). Но это не все. Город, согласно М. Веберу, должен был рассматриваться также и «как до некоторой степени автономный союз, «община», с особыми политическими и административными учреждениями». «Во всяком случае, — уточнял он, — необходимо безусловно придерживаться различия между уже разъясненным экономическим понятием города и политически-административными. Только в последнем смысле городу принадлежит особая городская территория. В том же смысле городом может считаться местность, экономически этого имени и не заслуживающая» (5, 15).

И тем не менее все эти аспекты понятия города, фиксируемые в более узких понятиях специальных научных дисциплин, должны быть — в итоге его всестороннего рассмотрения — сведены в рамках более общей категории, которая уже не должна принадлежать никакой науке, кроме социологии, взятой в самом широком смысле этого термина. Причем в отличие от понятий других научных дисциплин, с помощью которых концептуализируются экономический, политический, юридический и другие аспекты городской жизни, обобщающая категория города «синтезирует» (Гегель сказал бы «снимает») в себе содержание всех остальных. Только в отличие от гегелевского «снятия» в веберовском синтезе эти различия не растворяются, а, напротив, заостряются в обобщающей категории, поскольку читателю каждый раз дается понять, какой аспект городской жизни имеется в виду, когда упоминается город.

Так что необходимость «безусловно придерживаться различия» между вышеупомянутыми аспектами синтетического понятия города не только не «отменяется», но, напротив, становится тем более настоятельной, что в каждом конкретном случае приходится одновременно учитывать, «иметь в виду», присутствие в рассматриваемом предмете не одного-единственного аспекта, но и целого ряда других, внутренне с ним связанных. Отсюда — дополнительные трудности читателей веберовских текстов, не привыкших к суровым требованиям «медленного чтения», к которому призвал даже Ф. Ницше, «налету» схватывавший нетривиальные мысли.

Итак, отправным пунктом веберовского — синтетического, то есть (в данном случае) социологического, определения понятия города является «двоица», уже принадлежащая к категории *м н о ж е с т в а*, а не единства: «рынок» и «бург», уже хронологически далеко не всегда совмещавшиеся друг с другом, поскольку в одних случаях «бург» (городская крепость) предшествовал появлению рынка, а в других, наоборот, последний предшествовал первому. «Бург» символизировал военно-политическую составляющую города, «рынок» — его экономическую составляющую. К военно-политической составляющей примыкала уже «чисто» административная: «городской суд», предполагавший «хотя бы какое-то, но собственное, городское, право» (1, 323).

Но сверх того город в целом конституировался и как своего рода «корпорация», вырвавшаяся из разного рода социальных общностей (родовых «общин» и межродовых «союзов»), то есть, если вспомнить Ф. Тённиса, образований как общинного («гемайншафтного»), так и собственно общественного («гезельшафтного») типа, противоположность каковых постепенно стиралась в городских рамках. Если иметь в виду традиционные дисциплинарные разграничения, то именно этот последний аспект города и должен был бы оставаться предметом «собственно социологического» рассмотрения в точном смысле этого словосочетания, которое, как видим, представлялось слишком узким с точки зрения «синтезирующей» социологии М. Вебера.

* * *

Как видим, объединение в одном издании трех веберовских работ, хронологически относящихся к различным периодам творчества М. Вебера, вовсе не случайно. Во-первых, все они отмечены бросающимся в глаза единством его социологического и специфически исторического интересов, которое характерно далеко не для всех социологов минувшего века, особенно тех из них, которые спешат причислить себя к «элитарному» кругу «чистых теоретиков», склонных выводить свои концепции из социологических абстракций, кажущихся им тем более глубокими, чем дальше они от всякой «материи», в особенности же — исторической, включая историю самой социологии. Во-вторых, и «Город», и «Аграрная история Древнего мира», и лекции по «Истории хозяйства» объединены объемом исследования, исследовательской оптикой их автора, предполагавшей видение исторической реальности — будь это «полис», сельское хозяйство, взятое в различные исторические периоды, или история хозяйства в целом, — одновременно с нескольких точек зрения: не только «собственно» социологической, но и юридически-правовой, и, как сказали бы сегодня, «политологической», и экономической.

В-третьих, что вытекает из двух названных пунктов, каждая из перечисленных работ в отдельности, и все они вместе свидетельствуют об изначальной синтетичности исследовательского подхода М. Вебера, которая изначально подталкивала его на путь обновленной социологии, поня-

той как синтез наук об обществе, произрастающий на единственно возможной для него почве Истории. Причем дело здесь не только в том, что город, или хозяйство в качестве особенно сложных («комплексных») объектов исследования требует соответствующей «комплексности» исследовательского инструментария. Историческое исследование города знает и его «одномерные» рассмотрения — например, чисто экономические, или чисто политические. Однако сущность веберовского подхода такова, что она требует многоаспектности рассмотрения, предполагающей синтез этих различных аспектов как *цель всего* исследования. Причем речь шла совсем не о «выведении» одного аспекта анализа из другого (например, политического из экономического, или наоборот, как того требовал монизм — все равно какой, материалистический или идеалистический), а о существенно ином. О том, чтобы совместить их в рамках целостного рассмотрения исследуемого предмета, отведя ему свое место в итоговой картине.

То, как этого можно достичь М. Вебер продемонстрировал раньше, чем была опубликована первая из упомянутых нами работ, — в своей знаменитой «Протестантской этике», за которой последовал целый ряд новаторских исследований, составивших три тома его монументальной «Хозяйственной этики мировых религий». Задавшись вопросом ставшим уже традиционным в его времена, — о роли духовного фактора в развитии материального производства (или — в переводе на догматический язык «материалистического понимания истории» — о соотношении «базиса и надстройки») автор «Протестантской этики» предложил гениальное решение разверзнувшейся здесь антиномии. Он отказался от глобальной (и неразрешимой в этой своей глобальности) постановки вопроса и предложил конкретизировать сам этот вопрос, ограничив его узкими рамками «хозяйственной этики» различных религий и ее роли в эмпирически фиксируемой истории исповедующих их народов.

При этом, проблема локализовалась в рамках вполне определенного исторического пространства, например, точки пересечения «протестантской этики» и того, что можно было бы конкретно фиксировать как «дух» капитализма, животворную идею этого последнего. (Работа, название которое заставляет вспомнить о «Рождении трагедии из духа музыки», где «дух музыки» сталкивается на узенькой до-

рожке с «трагедией» как определенным культурно-историческим феноменом, трактуемым как одно из двух противоборствующих начал западной культуры вообще.

«Проклятый вопрос» о роли идей в общественном развитии «изымался» таким образом из отвлеченной сферы социального философствования и погружался в стихию вполне конкретного исследования определенного типа хозяйственной этики, его рождения из лоно протестантской религии и воздействия на образ жизни людей, его исповедующих. В центре исследовательского интереса оказывается, таким образом, вполне обозримая в каждом конкретном случае проблема определения места и роли в жизни «вот этого» индивидуума этической установки на хозяйственную деятельность, предполагающую соответствующую систему поведения и что здесь самое существенное — религиозное оправдание, обоснование этой «системы», придающее высший смысл повседневной деятельности религиозно озабоченных (или, как сказал бы М. Вебер, «религиозно музыкальных») людей.

Таким образом социально-философская проблема утрачивала свою непреодолимую отвлеченность и выводилась, если хотите, на чисто эмпирический уровень, — уровень исторического эксперимента, который действительно был произведен в рамках определенной «общины» верующих, каковой в каждом данном случае предстал протестантизм. Это и был многообещающий переход от социальной философии к социологии, от *философии* истории — к социологическому исследованию. Переход, который, как это продемонстрировали и «Город», и «Аграрная история Древнего мира», открывал для социологии новые возможности, которые, к сожалению, остаются невостребованными нашим социологическим сообществом до сих пор.

Что же касается самого М. Вебера, то он не замедлил с использованием этих возможностей, расширяя рамки собственно социологической постановки вопроса за счет территорий, каковые до него считались доменом специфически философских (ибо чисто умозрительных) дисциплин. Прежде всего он продолжил, выведя ее на новый уровень, вялотекущую войну против «теории прогресса», которую и в XX веке разделяли далеко не одни только «твердокаменные» марксисты и эволюционисты. Его вклад в эту борьбу был связан, как свидетельствует веберовской «Город», преж-

де всего с дальнейшей разработкой сравнительно-исторического метода, доведенной до того пункта, где возникла потребность в дополнении его новым — идеально-типическим — методом, который автор этой книги предложил уже в программной статье «Объективность» социально-научного и социально-политического познания» (1904).

Свое понимание сравнительно-исторического метода М. Вебер акцентирует следующим образом. «...Кто видит и с к л ю ч и т е л ь н у ю задачу «истории», — пишет он в последней главе «Аграрной истории Древнего мира», явно отводя упреки, касающиеся его склонности к проведению исторических параллелей, которая отличает эту его работу точно так же, как и предшествовавший ей «Город», — не в том, чтобы сделать себя излишней, доказав, что «все уже было», и что все или почти все различия есть различия м е р ы (что, конечно, справедливо), тот будет делать ударение на р а з л и ч и я х (Verschiebungen), и будет пользоваться сходствами для того только, чтобы выяснить с в о е о б р а з и з е каждого из обоих (сопоставляемых — Ю. Д.) кругов развития по отношению друг к другу» (2, 362).

Иначе говоря, главное в сравнительно-исторической процедуре автор видит не только и не столько в отождествлении сопоставляемых эпох («кругов развития»), а в их более отчетливом *различении*, и, следовательно, в выявлении различий, связанных с изначальной (в конечном счете онтологически фундированной) уникальностью каждой из них. Сознание этого последнего момента и образует онтологический подтекст веберовского понимания «идеального типа» как теоретической «стилизации» типизируемого объекта, осуществляемой с ясным и отчетливым сознанием того, что это вовсе не «отражение» (и тем менее «копия») исследуемой реальности, а всего лишь мысленная конструкция — «утопия», выстраиваемая для того, чтобы более выпукло представить какие-то отдельные «аспекты» данного объекта, поставленные в логически оправданную связь друг с другом.

Приводя пример такого — методологически отрефлектированного (в отличие от автоматически применяемого теми учеными, которые не отдают отчета о *природе* используемой ими методики исторического сопоставления) — сравнения «аналогичных» явлений, относящихся к различным культурно-историческим контекста, М. Вебер пишет, имея

в виду его собственные сопоставления городов, типичных для античности, с одной стороны, и европейского Средневековья — с другой: «Где в средние века цехи и приобретают господство над городом и для политических целей принуждают городскую знать, как и каждого, кто хочет пользоваться политическими правами, записываться в какой-нибудь цех, чтобы облагаться им (цехом) налогами и подлежать его контролю, там в древности стоит δῆμος (демос), деревня, которая — например, почти по всему кругу афинского владычества — для политических целей употребляет *такое же* принуждение. Где Древность распределяет *abstuf* обязанность иметь военное вооружение по классам владельцев земельной ренты, там средние века (распределяют ее — Ю. Д.) по цехам. Разница эта чрезвычайно бьет в глаза, и уже она одна показывает, что «средневековый», то есть являющийся специфическим для средних веков, город экономически и социально в решающих пунктах был совершенно иначе конструирован, чем античный (2, 362).

Настаивая в этом, как и в других подобных случаях, на весьма существенных содержательных различиях социокультурных явлений, принадлежащих к различным историческим эпохам, автор «Аграрной истории Древнего мира» — здесь же! — оставляет место для другого, на этот раз не удаляющего, а, напротив, сближающего сопоставления, специально подчеркивая в заключение к приведенному отрывку фразу, открывающую место для нового сближения, встающего на место только что отвергнутого. Оказывается, что «средневековый» город «конструирован» совсем иным образом, чем античный, «хотя бы в том смысле, что средние века задолго до возникновения форм капиталистической организации ближе стояли к нашему капиталистическому развитию, чем (античный — Ю. Д.) полис (там же). За этой, вовсе не случайной, оговоркой стоит *новый поворот*, который автор «Города» и «Аграрной истории..» придает сравнительно-исторической методологии, выводя ее на новый мировоззренческий уровень, где она приобретает характер отчетливо выраженной оппозиции далеко не только к просветительской «теории прогресса», с каковой она так долго «мирно сосуществовала».

И в самом деле. Сказать, что средние века стояли ближе к современному капиталистическому развитию, чем антич-

ный полис, даже в тот период, когда там вообще не возникли какие бы то ни было формы «капиталистической организации», — значит не только дистанцироваться от позиции Т. Моммзена и Э. Мейера, считавших, что капитализм, вполне аналогичный современному, существовал уже в Древней Греции, но и пойти гораздо дальше, поставив вопрос о *двух* культурно-исторических формах капитализма, отвечающих экономической сущности этого понятия, одна из которых — античная — стояла *дальше* от современного, а другая — средневековая — напротив, *приближалась* к нему, по крайней мере в некоторых отношениях, причем настолько, что давала возможность говорить о ней как о непосредственной предшественнице капитализма Нового времени.

Итак, мы вновь убеждаемся в том, что сравнительно-исторический метод в культурологии, а затем и в обществоведении (еще на рубеже XIX—XX веков, казалось, «мирно сосуществовавший» с новейшей, то есть марксистской разновидностью теории прогресса), тем не менее изначально таил в себе *возможность* стать альтернативой всякого прогрессизма, которой и воспользовался М. Вебер, с самого начала придававший своим сравнительно-историческим экскурсам в историю города — как азиатского, так и европейского, — историю сельского хозяйства, как и хозяйства вообще, смысл, явно исключавший возможность прогрессистского толкования человеческой эволюции. Способы сопоставления современных М. Веберу результатов общественной эволюции человечества с ее хронологически более ранними фазами, гораздо чаще давали ему основание сомневаться в возможностях общечеловеческого прогресса, чем убеждали его в обратном.

II

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ ГОРОДА

Набор необходимых признаков, характеризующих, согласно М. Веберу, «идеальный тип» западного города, определяется им в процессе сопоставления с типическим восточным, или «азиатским», городом, у которого отсутствует целый ряд вышеупомянутых признаков. Причем на первое место он выдвигает отсутствие в азиатских городах такого признака, как «**к о р п о р а т и в н о с т ь**», в силу которой

типичный город представлял как «объединение полноправных граждан, имеющих своих представителей в городском управлении, борьба за автономию которого и ее последующее расширение была характерной чертой истории западноевропейского города как в античности (особенно, в прибрежных городах), так и в средние века (особенно на севере Европы).

В противоположность Западу, констатирует М. Вебер, на Востоке «общих объединений, представительства г о р о ж а н как таковых... не существовало», там «такого понятия вообще не было». Прежде всего отсутствуют специфические свойства горожан как *с о с л о в и я* (1, 323). А там, где, как в Японии, существовало сословное деление, «понятия «совокупность горожан» не было, также как понятия «городская община» (1, 325). «Понятие городской общины и горожан как целого отсутствует» и в Китае (там же). Как в Китае, так и в Японии «самоуправлением обладали профессиональные союзы, но не города» (там же). Что касается Индии, то там, согласно М. Веберу, возможность возникновения «горожан как некоего целого» и «городской общины» исключалась расчлененностью индийского общества на «наследственные касты» и «ритуальным обособлением профессий» (там же).

Как видим, первый — и основной — признак из числа отсутствующих у восточных городов в противоположность западным относится к социологическим категориям в узком смысле. Здесь веберовская мысль движется скорее в традиционном русле, столь же традиционном, что и его изначальное противоположение деспотического Востока и демократического Запада, каковое нет-нет, да и проступает на уровне самой общей, скорее уже социально-философской, чем эмпирически-социологической, схематики веберовского исследования. Как известно, в основе этого противоположения лежало традиционное для западноевропейской философии истории противопоставление «монументальности» восточных и дифференцированности западных общественно-политических структур, «косности» первых и динамичности вторых, господство бюрократических начал в первых и противоборство гражданских и бюрократических начал во вторых, и т. д. и т. п.

«Введение» к «Аграрной истории Древнего мира» дает достаточно определенные основания предположить, что —

в конечном счете — М. Вебер был склонен возводить все эти противоположности к «индивидуализму», проявившемуся, согласно его гипотезе, еще и «как форма владения стадами со всеми его последствиями», который дал о себе знать уже в древнейшей истории у «западных народов», но «отсутствует у народов азиатского Востока» (2, 1—2). Дело в том, что, согласно М. Веберу, «для поселений европейского Запада, в противоположность поселениям культурных народов азиатского Востока, общим является то, что... на Западе переход к окончательной оседлости есть переход от сильного преобладания скотоводства или, еще точнее, разведения молочного скота, над земледелием к перевесу земледелия над совместно с ним существовавшим скотоводством, а на Востоке, напротив, это есть переход от экстенсивного, следовательно, связанного с переходами с места на место землепользования (к интенсивному земледелию без разведения молочного скота» (2, 1). «Эта противоположность, — оговаривается М. Вебер, — относительная... Но, поскольку она существовала в историческое время, значение ее было достаточно велико. Ее последствием было то, что присвоение земли в собственность у европейских народов всегда связано с выделением на занятой общиной территории определенных пространств под п а с т б и щ е и предоставление их в исключительное пользование более мелким общинам, тогда как у азиатов, напротив, э т о т исходный пункт и тем самым и обусловленные им явления первобытной «общности полей» (Flurgemeinschaft), напр., западное понятие марки и альменды, отсутствуют или имеют другой экономический смысл. Поэтому элементы общности полей в деревенском строе азиатского Востока... носят совсем иной отпечаток, чем в Европе» (там же), где специфическая «форма владения стадами» имела далеко идущие последствия, в частности — выделение части общинной земли в «исключительное пользование» небольшим («более мелким») общинам, внутри которых складывались особые правила землепользования, открывавшие некоторый простор для индивидуальной инициативы общинников, что привело впоследствии к далеко ведущим внутриобщинным метаморфозам.

Так в рамках изначально общинного землевладения и землепользования, имевшего характер того, что правоверный гегельянец назвал бы «немой всеобщностью», где не

были различимы индивидуальные голоса, мало-помалу проклевывалось «индивидуалистическое» начало, которое, как оказалось, было чревато далеко идущими последствиями для западного типа «общинности», утвердившегося как в рамках деревенских, так и — в особенности — городских общин, вступавших в различные «союзы» друг с другом, чтобы в конце предстать в виде «общества» в современном смысле этого слова. Этот исторический процесс многовековой эволюции западного общинного «духа», оказался, по М. Веберу, судьбоносным для всей культуры Запада, предопределив ее коренную — «типологическую», пользуясь веберовским словоупотреблением — противоположность культуре Востока. Таковы, согласно веберовской концепции, заявленной уже на первых двух страницах «Аграрной истории Древнего мира», корни *изначальной дивергенции* Востока и Запада, в рамках которой вершилась вся последующая история Европы и Азии.

Как видим, корни эти — социологические, причем не в расширительном, а в самом узком смысле этого слова, который откристаллизовался к концу XIX века в классической западной социологии: речь идет о социологии как учении о формах общения, или «социальности». В духе понятой так социологии М. Вебер фактически выстраивает и свою — эмпирическую — *социологию истории*, которую он с самого начала решительно противопоставляет популярной в XIX столетии философии истории, — все равно, в гегелевском ли, контовском («закон трех стадий») или марксистском («материалистическое понимание истории») ее вариантах. Для всех этих попыток философского постижения исторического процесса была характерна неприемлемая, согласно изначальной веберовской установке, тенденция сведения его к абстрактному принципу, оборачивающемуся, в конечном счете, «законом Прогресса» — будь это саморазвитие гегелевского «Понятия», трехступенчатая «эволюция Человечества» или диалектика «Производительных сил».

Что же касается социологии истории М. Вебера, то в ней бросается в глаза прежде всего отсутствие прогрессистской однолинейности, побуждавшей всех явных или тайных приверженцев просветительской теории прогресса встраивать все многообразие различных исторических форм в цепочку последовательных «ступеней» или «стадий», ведущих к некоей конечной цели, заранее постулируемой теоретиком.

Исторические формообразования, предстающие в веберовском социологическом понимании истории в «идеально-типической» обработке, располагаются в последовательности, весьма далекой от той, что предписывалась им в рамках прогрессистски ориентированных теорий. (Ярче всего в веберовской «Аграрной истории Древнего мира» это проявляется при рассмотрении такого исторического формообразования, как ф е о д а л и з м, достаточно часто возникающий в тексте этой работы.)

М. Вебер решительно противопоставляет «генерализующему» способу рассмотрения исторического процесса, взятого в «целом», свой собственный — идеально-типический подход, играющий в данном случае значительно бóльшую роль, чем обычно принято сопрягать с веберовской процедурой «идеализации» типа. Дело в том, что «идеальный тип» исполняет у него роль, в некоторых отношениях близкую той, что играет у К. Маркса «общественно-экономическая формация», зато в других, не менее (а иногда и более) существенных отношениях он же выполняет едва ли не диаметрально противоположную функцию.

С одной стороны, «идеальный тип» позволяет решить, как будто, чисто методическую задачу четкого и однозначного определения разграничительных линий в контексте общего исторического «течения» различных процессов. На эту сторону «работы» с «идеальными типами» обращал внимание М. Вебер в заключительном разделе «Аграрной истории Древнего мира», специально посвященном обзору использованной в ней литературы.

«Самое большое заблуждение, — пишет он, — в которое все еще впадают некоторые — не все — историки, состоит в том, будто «сложность» и «текучесть» исторических явлений не допускает применения твердых и точных понятий. Само собой понятно, например, что от мелкого ремесленника, который при случае или как общее правило дает у себя работу и рабу, но сам вместе с ним работает, до ремесленника, который учился, правда, своему искусству и понимает его, но преимущественно ведет лишь надзор за своими рабами, далее до такого, который иногда, часто в большинстве случаев, всегда передает его одному из своих рабов, затем к просто купцу, который лично мало или вовсе не владеет техникой, но руководит продажей в качестве «торгово-

го директора» (Kaufmannischer Direktor), далее, к купцу, который только одну часть сырья перерабатывает с помощью собственных рабов для продажи, еще дальше к купцу или к частному человеку, который иногда «вкладывает» свои деньги в одного или нескольких обученных рабов, наконец, к княжескому дому (Haushaft), который заставляет выученных рабов работать для рынка, но также и для собственных надобностей дома или, наконец, только для собственных надобностей, — не прерывная цепь возможностей. Но это нерасчлененное многообразие фактов не доказывает, однако, что мы должны образовывать неясные понятия, но, наоборот, что ясные «идеально-типические (ср. Archiv für Sozialwissenschaft XIX, I) понятия должны быть правильно применены, не как схемы для преодоления исторически данного, но для того, чтобы с их помощью определить экономический характер явления, поскольку оно *приближается* к тому или другому «идеальному типу» (2, 393).

Здесь мы должны прервать наше изложение веберовской концепции «идеального типа», чтобы, во избежание недоразумения, уточнить сказанное о «синтетичности» веберовской социологии. Дело в том, что стремление к «синтетически»-целостному пониманию таких сложных социальных объектов, как, например, «Город», вовсе не означает у М. Вебера разработки системы каких-то «синкретически»-текучих понятий, которые принадлежали бы одновременно двум, если не трем научным областям, например, экономике, политике и праву. Наоборот, веберовский «синтетизм», предполагающий объединение нескольких (в данном случае трех) областей научного знания, не только не предполагает «стирания границ» между их разнопорядковыми понятиями, но, наоборот, акцентирует эту их разнопорядковость, высвечивая специфический угол зрения, в котором каждая из них раскрывает, исследуемый объект.

Так что искомый синтез образуется не путем «слияния» различных понятий, а в иной плоскости — на уровне итоговой картины исследуемого предмета — будь то тип города или тип сельского хозяйства. Но вот чего требует социология, пример которой демонстрирует в своих исследованиях М. Вебер, так это соответствующего образования — досконального знания тех научных дисциплин, которые при-

меняются в синтетическом социологическом исследовании. Потому-то так редко появляются до сих пор труды, поднимающиеся на уровень веберовского «синтетизма». Хотя, надо сказать, среди исследователей М. Вебера, а, в особенности, в русле «веберовского ренессанса» чаще, чем в иных социологических направлениях, все-таки появлялись аналогичные труды.

Однако вернемся к рассмотрению второй — специфически методологической — функции, которую «идеальный тип» выполняет в рамках веберовской *социологии истории*. Дело в том, что с помощью этой категории М. Вебер избавляется от необходимости апеллировать к мифологеме «прогресса», заменяя ее серией конкретных анализов процесса «приближения» каждого из исследуемых им явлений к соответствующему «идеальному типу». Процедура эта осуществляется им в рамках сопоставления любого явления — социального (в узком смысле), экономического, политического, юридического или общен исторического порядка, представляющего собой то или иное сочетание (комбинацию) этих односторонних явлений (например, война, с ее «идеальным типом»), чтобы установить степень приближения рассматриваемого явления к соответствующему «типу» или, наоборот, удаления от него.

В этих случаях, по убеждению М. Вебера, удастся избежать «оценочного» подхода, заменив его чисто аналитическим, измеряющим отрезок пути, приближающий исследуемый феномен к «идеально-типическому состоянию», или удаляющий от него, предоставляя возможность читателю самому оценить пройденный путь как «прогресс» или, напротив, регресс, исходя из своей собственной системы ценностных координат. Тем более, что сам «идеальный тип», как таковой, не есть реальность, а ее идеализация, или, как говорил иногда сам М. Вебер, «утопия», к которой можно лишь приближаться, никогда ее не достигая. Это ориентир, по которому можно определять лишь направленность и тенденцию развития исследуемого исторического формообразования.

А теперь посмотрим, как «идеализирующе-типологизирующая» методология М. Вебера реализуется в процессе социологического осмысления истории западноевропейского города.

* * *

Как уже говорилось, отправным (и основополагающим) принципом сравнительно-исторического рассмотрения города у М. Вебера было восходящее к скотоводческой архаике противопоставление восточного («азиатского») и западного (западноевропейского) типов социальной эволюции. Соответственно, и самое общее — культурно-историческое — различие двух типов города основывается у автора этой работы на том, что в первом случае город рассматривается как своего рода консервация первоначальной несвободы людей, связанной с их «естественно»-родовыми, религиозно-магическими и проистекающими из них социальными и политическими зависимостями. Тогда как во втором город предстает в качестве социо-культурного пространства эмансипации во всех этих областях — «места перехода» к свободе в исторически углубляющемся и расширяющемся смысле этого слова. В э т о м случае, как ни парадоксально, «неокантианствующий» социальный мыслитель оказывается поразительно близким к Гегелю с его философией истории, понятой как «прогресс свободы» — от свободы одного, к свободе немногих и, наконец, — к «свободе всех». Впрочем, это первоначальное впечатление тотчас же исчезает как только мы вспоминаем о собственно социологическом содержании веберовского противоположения «европеизирующегося» Запада «неподвижному» Востоку.

Эта, условно говоря, «европеизация», под которой Вебер-социолог понимал процесс укоренения и последующего распространения «форм общения», открывающих все более широкое поле свободы для большего числа горожан, — «бюргеров», изначально стремившихся к «равноправию», а потому бывших естественными противниками всех и всяких «привилегий» (независимо от того, насколько ясно и отчетливо осознавалось это их стремление), — и получила, по сути дела, свое теоретико-методологическое выражение в его конструкции «идеального типа» западного города, которому посвящен в книге второй параграф, следующий за первым, специально посвященным «понятию» города и конкретизирующим его «категориям». Причем, если в первом параграфе то и другое берется скорее чисто логически, то во втором оно фигурирует уже «с о ц и о-логически. Общинно-родовое происхождение города конкретизируется

по мере рассмотрения дифференцирующих его начал, каждое из которых предстает как специфическая «форма общения», совокупность каковых выступает как «объемлющая» все другое.

Сперва речь идет о городе как социальном пространстве взаимодействия старых, еще внегородских по своему происхождению, «естественно сложившихся» форм общения «первобытно-религиозного» типа, с одной стороны, и новых, которые можно уже было бы назвать искусственными и в том смысле, что в их конституировании все более осознанную роль начинало играть рациональное целеполагание — с другой. Последние же оказывались, в конечном счете, продуктом уже не столько социального действия традиционного типа в атмосфере «сакрально замкнутости родов» (1, 336), сколько действия, продиктованного вполне осознанным интересом его инициаторов, опирающихся на достаточное число своих последователей. Новые «формы общения», возникшие в результате победы «чистых» горожан над теми, кто продолжал придерживаться традиционных сакрально-родовых принципов, и вылились — в конечном счете — в общегородской союз граждан: городскую общину как их *политическое* объединение, «конфедерацию отдельных бюргеров (отцов семейств)», скрепленную их общей клятвой верности городу и его суверенитету.

Так выглядит процесс самоутверждения города как осознанного — юридически оформленного в результате присяги его новых «отцов» — социального образования, утрачивающего родовые («общинные», «гемайншафтные», как сказал бы Ф. Тённис) признаки, превращаясь в сугубо *общественное* «учреждение», продукт вполне осознанного волеизъявления граждан, усматривавших в его суверенитете («автокефалии») гарантию своей собственной свободы и независимости. «Чистая социальность», если позволительно так выразиться, городской общины, расстающейся таким образом с последними остатками ее «естественно»-родового (а вместе с тем и магически-религиозного) происхождения, предстает здесь как *общественность* в столь же узком, сколь и точном смысле слова, исключаящем все иррациональные моменты, генетически связанные с ее матерински-общинным лоном.

Согласно М. Веберу (в чьих нижеследующих рассуждениях чувствуется подспудная полемика с Ф. Тённисом), «окончательно понятие «общины» сложилось в античности и противоположность «государству» только при включении ее в эллинистическое или римское государство, что, с другой стороны, лишило ее политической самостоятельности. Напротив, средневековый город был «коммуной» с момента его возникновения, независимо от того, в какой степени ясно осознавалось *правовое понятие* «корпорации» как таковое» (там же). Рационально-юридический аспект этого понятия противопоставляется здесь различного рода «общинным» ассоциациям, способствующим его идеологизации в качестве боевого лозунга средневекового бюргерства, скрывавшего его действительный — социологический — смысл, который все время эксплицирует автор «Города». «Часто весьма значительная роль, которую церковная община играла в управлении средневековых городов, — лишь один из симптомов влияния христианской религии на *разрыв родовых связей и тем самым на образование средневекового города*» (1, 337), — пишет М. Вебер, акцентируя таким образом парадоксальный характер христианской «общинности» как специфически городского (и уже по этой причине «искусственного») исключаящего возможность ее безоговорочного подведения под понятие «гемайншафта».

«Город», — подчеркивает он, — был во всем мире совместным поселением до того чуждых по местожительству людей» (там же). «И в античном полисе каждый человек был горожанином, но первоначально всегда только как член рода» (1, 338). «Ибо л е г и т и м н ы й союз должен был покоиться на традиционной ритуальной основе ритуальных форм союза: род, военный союз (фратрия), политический племенной союз (фила), или создавать видимость этого» (1, 339). Но вот «при основании *средневековых городов, особенно на севере, дело обстояло совершенно иначе. Бюргер входил, по крайней мере при образовании новых городов, в городскую корпорацию как отдельное лицо, и в качестве такового приносил присягу городу. Его личное правовое положение как бюргера гарантировала ему личная принадлежность к городскому союзу, а не род или племя*» (1, 339). Что же касается античного европейского города, где уже началось многообещающее разрушение прочности «за-

мкнутых родовых и магических уз», то и здесь вместо них все более решительно выдвигались *чисто военные структуры* (1, 337), в своей общественно объединяющей функции явно оттесняющие на второй план «естественно»-родовые связи. И если даже во времена Великого переселения народов завоеватели-германцы и пытались в античных городах «искусственно восстановить традицию» посредством деления вновь основываемых общин на родовые союзы и фратрии, то — как решительно утверждает М. Вебер — «*основополагающей единицей* в полисе был уже не родовой, а военный союз (там же), препятствующий возникновению иррациональных «табуистических и тотемических связей: «судебный и военный союз сотни», опирающийся на столь же рациональную систему земельных наделов в качестве основы «обложения повинностями» (там же).

Западное христианство, согласно автору «Города», окончательно обесценившее и уничтожившее «родовые связи в их религиозном значении», лишь завершало этот давно наметившийся процесс. Средневековый западный город представлял таким образом как позитивная альтернатива фактическому разрыву родовых связей, воссоздавая утрачиваемую «родовую» общность на специфически общественной основе индивидуально-родового общения. На смену «религиозной замкнутости «арабских племен» (там же), а отчасти и древнегреческого язычества, пришла религиозная открытость раннего христианства, католичества и православия, приведшая, однако, в протестантизме к совершенно специфической замкнутости религиозно мотивированного общения, понятого как абсолютно «личная» связь с Богом, с точки зрения которой все остальные связи предстают как «мнимость».

Так выглядит логически неизбежная перспектива самоотрицания всякой собственно человеческой коммуникации, отчетливо прорисовывающаяся в русле протестантизма, толкая на путь иррелигиозного — «ценностно нейтрального» — понимания межчеловеческих связей и отношений. Что, впрочем, не препятствовало и до сих пор не препятствует появлению новых и новых протестантских общин, то есть религиозно мотивированных форм общения, лишней раз доказывая, что религиозное сознание и самосознание — это одно, а религиозная практика, религиозная жизнь — совсем другое. И эту последнюю как раз и пытался понять

М. Вебер, стремясь вопреки своему трезвому убеждению в том, что между ними — пропасть, возвести над нею свой «идеально-типический» мост. Впрочем, в эпоху классического античного полиса и средневековой городской общины все это было делом отделенного будущего.

Пока же нам важно еще раз подчеркнуть, что город предстает у М. Вебера как эмпирически существующая форма общения и в то же самое время как совокупность (а, подчас, система) всех других способов общения, так или иначе подчиненных ему. В чем, кстати сказать, он аналогичен аристотелевскому «полису» (городу-государству), включающему в свою структуру семейную, родовую и «соседскую» форму межчеловеческих связей.

Подобно тому как Аристотель конструировал то, что можно было бы, пользуясь веберовским определением, назвать «идеальным типом» города, по образу и подобию Афин, сам М. Вебер выстраивал тот же тип, имея в виду прежде всего и главным образом «западный город». Судя по логике веберовского рассуждения, город получил свое оптимальное осуществление на Западе и именно в средние века. Только здесь и лишь в эту эпоху присутствует максимальная полнота содержательных определений города, отсутствующая во всех иных его исторически существовавших разновидностях либо частично, либо целиком (как на Востоке, где М. Вебер не находит никаких аналогий с западным городом). Здесь, кстати сказать, есть большой соблазн провести параллель с гегелевским конструированием «понятия» вообще, хотя, по сути дела, она может быть полезна лишь в объяснительных целях. Подобно Аристотелю, М. Вебер трактует город как «форму общения», не только не исключаящую, но, напротив, предполагающую «разобщение», то есть сосуществование в рамках его «тотальности» гомогенных и гетерогенных моментов.

«Античные города, — пишет М. Вебер, имея в виду именно европейские (отчасти переднеазиатские) города, отличая их от среднеазиатских, — были в соответствии с весьма немаловажными представлениями их жителей прежде всего добровольными объединениями и конфедерациями личных союзов отчасти родового, отчасти как, вероятно, фратрии, военного характера, которые затем при позднейшем делении городов, были, исходя из управленческой точки зрения, подведены под определенную схему. Поэтому горо-

да античности сакрально замкнуты не только вовне, но и внутри города по отношению к каждому, не принадлежащему к какому-либо роду конфедерации, — к плебейам; именно потому они оставались и внутренне разделенными на замкнутые культовые союзы. По своему характеру знатных родовых конфедераций с античными городами были в значительной степени сходны южноевропейские города раннего Средневековья, особенно приморские (но не только они)» (1, 335—336).

Уже одного этого достаточно, чтобы понять, что, рассматривая город как специфическую «форму общения», М. Вебер вкладывает в понятия «общность», «общение» и т. п. смысл, все более решительно отдаляющийся, от того, какой вкладывал в понятие «гемайншафта» Ф. Тённис, акцентировавший радикальную противоположность его «гезельшафту» с риском ликвидировать тот самый «момент», который связывал «общину» и «общество» как две формы одного и того же начала — о б щ е н и я. Здесь последний заходил в своем стремлении к акцентированию идеально-типических разграничений гораздо дальше М. Вебера, вошедшего в историю теоретической социологии в качестве автора концепции идеального типа. В рамках своего социологического — и в то же время сравнительно-исторического — исследования категории «города» он скорее релятивизирует эту противоположность, чем иллюстрирует ее подобно автору классического труда «Община и общество». Для М. Вебера город особенно важен как та специфическая среда, в рамках которой имело место своего рода «сосуществование» двух начал — традиционного общинно-родового и не-, если не «анти»-традиционного, которое, разумеется, не было бесконфликтным, хотя и не исключало самые разнообразные компромиссы. История западноевропейского (в отличие от азиатского и дальневосточного) города предстает в веберовском труде как длительный процесс в з а м о д е й с т в и я общинно-родового и собственно общественно-го начал, в процессе которого каждое из них настолько трансформировалось, что их — «идеально-типическое» — противоположение мало-помалу утрачивало свой изначальный смысл.

Общинный архетип античного европейского города неуклонно разрушался по мере того, как утрачивали свою самостоятельность и самобытность те самые родовые общи-

ны, объединение которых (сопровождаящееся процессом все глубже заходящего их слияния) положило ему начало. Исчезновение «сакральной замкнутости родов» (1, 336), наметившееся в ходе исторической эволюции еще в античном городе, завершилось уже в средневековом городе, «особенно в городах «Центральной и Северной Европы», где ослабление влияния общинно-родового принципа происходило с самого начала, и роды очень скоро утратили свое значение конституирующего город элемента» (там же). И если, по словам М. Вебера, «уже античный полис становился в представлении его жителей все больше общиной как учреждением» (там же), то это тем более можно было сказать о средневековом городе, который «был «коммуной» с момента его возникновения, независимо от того, в какой степени ясно осознавалось правовое понятие «корпорации» как таковое» (там же). В связи с этим и понятие «общины» как тённисова «гемайншафта» утрачивало здесь свое изначальное «естественно»-родовое значение: оно оказалось вытесненным понятием общества как совершенно искусственно-пространства общения, независимого от «естественно»-природных определений его участников. Каждый индивид получал право вхождения в это пространство независимо от «рода», из которого он происходил. В качестве горожанина он определялся теперь не родовыми, и даже не семейными, а прежде всего чисто *административными* связями, специфичными для «городской общины» как особого учреждения.

Механика и техника работы этого учреждения не может быть постигнута без помощи науки о праве и всего комплекса юридических дисциплин, которые, таким образом, с необходимостью включаются в состав социологии как широко понятой науки об обществе, какой она предстает в веберовском исследовании города. Не случайно с нем такое большое место занимает правоведческая проблематика, без рассмотрения которой невозможно понять город, предстающий в работе М. Вебера как сложное, синтетически-целостное образование, неизменно выступающее как единство правового и экономического аспектов, исключаящее их раздвоение на манер «базисно-надстроечной» теории. Эта тенденция отчетливо прорисовывается уже в одном из ранних научных трудов М. Вебера — его докторской диссертации «Римская аграрная история в ее значении для государ-

ственного и частного права» (1891), где определенный раздел *экономической истории* берется в контексте государственно- и частно-правовой проблематики, и тем самым нащупывается пункт далеко идущего взаимопроникновения социально-экономически толкуемой исторической науки, с одной стороны, и правоведения — с другой.

Аналогичная тенденция сближения (если не синтезирования) подходов социально-экономических и юридических наук намечается и в веберовской книге «К истории торговых обществ в средние века», вышедшей двумя годами раньше. В обоих случаях прорисовывается исследовательская тенденция, не укладывающаяся в узкие рамки прежних дисциплинарных различий, властно требуя «широкого социологического синтеза» (5, IV) уже в первый период веберовского творчества. Но то же самое можно сказать и о более поздней работе М. Вебера «Аграрная история Древнего мира» (1909), которая, по словам только что процитированного редактора ее первого перевода на русский язык (1923), «дает гораздо больше, чем обещает ее скромное название, изображая и исторически истолковывая аграрную эволюцию Древности в живой связи с социальной и политической эволюцией» (1, V). Здесь опять-таки можно сказать гораздо больше: она предлагает с и н т е з аграрной эволюции Древнего мира и с политической, и с социальной эволюцией, — в чем и заключается одна из наиболее характерных (если не специфических и потому важнейших) особенностей веберовской версии социологической науки. Иначе говоря, и здесь социология выступает в двух внутренне сопряженных, но в то же время существенно различных ипостасях: и как характеристика особенностей ее предмета (в отличие от других, принадлежащих к тому же общему социо-культурному комплексу), и как обозначение родственности ее теоретико-методологического подхода методологии других гуманитарных дисциплин (всеобщей истории, правоведения и пр.), отражающих единство «многообразного исторического опыта».

* * *

Единство социологического и экономического, юридического и «политологического» (если пользоваться сегодняшним словоупотреблением) подходов обнаруживается в про-

цессе веберовского анализа исторического генезиса исследуемых им социокультурных явлений — например, процесса образования земельной собственности (как в «Аграрной истории Древнего мира», а еще раньше в «Римской аграрной истории»), или формирования «городской общины» (как в «Городе»). Как аграрная история, так и история города, взятые в качестве социологических феноменов, начинается у М. Вебера с анализа п о с е л е н и й, то есть предметно-пространственно локализованных человеческих общностей, или «общин». «Для поселений европейского Запада, в противоположность поселениям культурных народов азиатского Востока (обратим внимание на это изначальное *противопоставление* — оно же сопоставление, так характерное для сравнительно-исторической типологизации М. Вебера. — Ю. Д.) общим является то, что... на Западе переход к окончательной оседлости (то есть стабилизации «поселения» как такового. — Ю. Д.) есть переход от сильного преобладания с к о т о в о д с т в а или, еще точнее, разведения молочного скота, над земледелием к перевесу земледелия над совместно с ним существовавшим скотоводством, а на Востоке, напротив, это есть переход от экстенсивного, следовательно, связанного с переходами с места на место землепользования (Ackernutzung) к интенсивному земледелию (zum gartemässigen Ackerbau) без разведения молочного скота. Эта противоположность... поскольку она существовала в историческое время, значение ее было достаточно велико. Ее последствием было то что присвоение земли в собственность (то есть изначальная кристаллизация земли как важнейшего объекта собственности — Ю. Д.) у европейских народов всегда связано с выделением на занятой общинной территории определенных пространств под п а с т б и щ е и предоставление их в исключительное пользование более мелким общинам, тогда как у азиатов, напротив э т о т исходный пункт и тем самым и обусловленные им явления первобытной «о б щ н о с т и п о л е й» (Flurgemeinschaft), например, западное понятие марки или альменды, отсутствуют или имеют другой экономический смысл» (2, 1).

А отсюда — вывод уже, так сказать, чисто социологического — и в то же время культурфилософского — порядка: «Поэтому элементы общности полей в деревенском строе азиатского Востока, поскольку они вообще не новейшего происхождения, не возникли, например, из особенностей

податной системы и носят совсем иной отпечаток, чем в Европе. И «индивидуализм» как форма владения стадами со всеми его последствиями отсутствует у народов азиатского Востока» (2, 1—2).

На этой основе М. Вебер выстраивает свою более широкую культурно-историческую схему эволюции западноевропейского общества, подчеркивая «идеально-типически» конституируемую тенденцию, ведущую, в конечном счете к победе индивидуалистических и чисто общественных начал над родовыми и глубокого укорененными в них магически-религиозными. Тенденцию столь мощную и всеобъемлющую, что она увенчалась, в конечном счете, возникновение соответствующего типа религиозности — протестантизма, в принципе исключающего элементы магически-родовой общинности.

Согласно М. Веберу, эта всемирно-историческая перспектива была возведена человечеству еще Христом, призывавшим своих восторженных приверженцев идти за ним, разорвав традиционные семейно-родовые связи. Не случайно М. Вебер назвал христианство «религией... глубоко потрясенных в своих традициях народов», которая могла «стать таковой вследствие слабости или отсутствия у них магических и табуистических ограничений», что «окончательно обесценило и уничтожило родовые связи в их религиозном значении» (1, 337). Этот фрагмент из работы М. Вебера о городе появился в заключении отрывка, посвященного анализу отправных моментов концепции аграрной истории Древнего мира совсем не случайно. Он фигурирует здесь как одна из иллюстраций *структурного тождества* концепций, лежащих в основании двух названных веберовских работ (хотя лишь одна из них вошла в итоговый веберовский труд, сопрягающий социологическое рассмотрение хозяйства с институциональным и экономико-правовым анализом общества).

В результате мы обнаруживаем один и тот же ход мысли, «исходом» которого является принципиально важный тезис об освобождении индивида от связывавших его «естественно»-родовых и магически-религиозных зависимостей и детерминаций «гемайншафтного» происхождения (если воспользоваться терминологией Ф. Тённиса) и замена их «чисто общественными» связями, в конституировании которых принимают участие сами индивиды, пребывающие —

как правило — в здравом уме и трезвой памяти. И пусть даже в античных городах «повсюду делались попытки искусственно восстановить традицию» посредством деления вновь основанных общин на родовые союзы и фратрии, «основополагающей» единицей в полисе был уже не родовой, а военный союз». И даже если горожане «пытались, как сообщается, селиться по реальным или фиктивным родам, решающими оставались судебный и военный союз сотни и система земельных наделов как основа обложения повинностями, а позже отношение к правителю, дружина и вассалитет; быть может, именно эти обстоятельства привели к тому, что магические родовые связи не получили своего развития» (1, 337). «Часто весьма значительная роль, которую церковная община играла в организации управления средневековых городов, — лишь один из симптомов влияния христианской религии на разрыв родовых связей и тем самым на образование средневекового города. В отличие от христианства, ислам, как показывает вся история внутренних конфликтов старого халифата, в сущности не преодолел замкнутости арабских племен и родовые узы, так как оставался религией войска завоевателей, разделенного на племена и роды» (там же).

М. Вебер не отрицает, что «вражда между родами бушевала» в европейском городе в средние века, «во всяком случае не менее сильно, чем вне его... Но здесь, — как он решительно подчеркивает, — ...не было никаких следов существовавшей еще в античности сакральной замкнутости родов по отношению родов друг к другу и вовне...» (1, 336). Впрочем, как он тут же оговаривается, «ритуальная замкнутость ослабевала уже в античных городах и была близка к исчезновению. Безродный плебс в принципе добился равного положения в ритуальных церемониях» (там же). С этим ведущим отличием западноевропейского города от «азиатского» М. Вебер связывает — «в качестве решающего признака» — то, что как античные, так и «типично средневековые» европейские города «представляли собой общественную организацию официального характера, обладающую особыми органами; «бюргеров», подчиненных в качестве таковых общему для всех них праву, следовательно равных по своему правовому положению» (1, 334). Этот факт существования особого «сословного права» городского бюргерства в средневеко-

вой Европе сыграл, согласно М. Веберу, *решающую* роль в эволюции западно-, а особенно северо-европейского города, городской культуры, да и всего европейского Средневековья. Как видим, конкретный сравнительно-исторический социологический анализ привел автора «Города» к весьма важным теоретико-методологическим выводам относительно роли широко, культур-философски, понятого права, понимаемого далеко — очень далеко! — не как простая «надстройка над базисом», отражающая его «экономические сдвиги». Кодифицированное право, как и предшествующее формально-юридической «кодификации» *правосознание* определенных городских слоев, предстает в веберовском «Городе» как *реальная историческая сила*, участвующая наряду с другими «движущими силами» общественного процесса в его структурировании и дальнейшей радикализации.

Городское население узурпирует отмену прав господина — и это было великим, в сущности революционным новшеством, введенным западноевропейским городом в отличие от всех остальных городов. В городах Северной и Центральной Европы возник известный принцип: «городской воздух приносит свободу»; другими словами, по истечении разного, но достаточно короткого срока господин раба или зависимого терял право притязать на подчинение его своей власти... Следовательно, в городе сословные различия исчезали, во всяком случае в той мере, в какой они означали отличие свободных от несвободных» (1, 332—333). Именно благодаря этой основополагающей норме правосознания средневековых горожан их город, несмотря на все раскалывавшие его имущественные дифференциации и сословные различия фактически, «явочным порядком» превращался в «плавильный тигль», в котором формировался свободный гражданин. Вот один из ярчайших примеров реального превращения «силы права» в «право силы» — социальной метаморфозы, по крайней мере, проблематизирующей, если не опровергающей, «базисно-надстроечное» представление о действительности правосознания и правовых норм.

Это, однако, вовсе не означает, что автор «Города» вообще игнорировал социальную мощь и проникающую способность того, что в его времена предпочитали называть «экономическим фактором», дабы не преувеличивать его значи-

мость среди других общественных сил, влияющих на процесс исторической эволюции. Однако взятый не обособленно от них, а в органической связи с ними, образующими единый ансамбль социально-экономических и социокультурных воздействий, и сам этот «фактор» предстает совсем иначе: не в виде фатально необходимой детерминанты, а в виде одного из элементов исторически складывающейся и открытой для самых разнообразных воздействий извне системы человеческих мотиваций, которая получала все более отчетливо выраженную индивидуально-личностную окраску.

Говоря о юридически-правовом аспекте этой «индивидуалистической» тенденции, отличающей западную культуру от восточной, М. Вебер пишет: «Бюргер входил, по крайней мере при образовании новых городов, в городскую корпорацию как отдельное лицо и в качестве такового приносил присягу городу. Его личное правовое положение как бюргера гарантировала ему личная принадлежность к городскому союзу, а не род или племя» (1, 339). Как мы помним, ту же «индивидуалистическую» тенденцию М. Вебер прослеживает в своей книге «Аграрная история Древнего мира», вышедшей несколькими годами позже «Города», с еще более ранних времен скотоводческой культуры, связывая ее со специфически западным «индивидуализмом», проявившемся, по мнению автора, уже как (отсутствовавшая «у народов азиатского Востока») «форма владения стадами со всеми его последствиями» (2, 1—2). Речь идет о том, что «присвоение земли в собственность у европейских народов всегда связано с выделением на занятой общинной территории определенных пространств под пастбище с предоставлением их в исключительное пользование более мелким общинам, тогда как у азиатов, например, этот исходный пункт и тем самым и обусловленные им явления первобытной «общности полей» (Flurgemeinschaft) например, западное понятие марки и альменды, отсутствуют или имеют другой экономический смысл» (2, 1).

Этот индивидуализм, как видим, глубоко укорененный не только в городской истории, но и в аграрной предыстории западной культуры, получил и свое юридическое оформление — процесс, наложивший свою печать не только на чисто идеологическую, но и на практически-политическую как и хозяйственную историю Запада. По мере углубления

и, как можно сказать, радикализации, этого процесса, то и дело обнаруживавшего свой экономический и политический «подтекст», город превращался, «хотя и в различной степени», в автономное и автокефальное правовое объединение, в активную «местную корпорацию», а должностные лица города стали полностью или частично органами этого учреждения. Для такого развития средневекового города было важно, чтобы привилегированное положение горожан с самого начала рассматривалось как *право каждого отдельного горожанина в его общении с третьими лицами*. Это было следствием не только *изначально* свойственного как античности, так и Средневековью *лично-правового* понимания подчинения общему «объективному» праву как праву «*субъективному*», следовательно, как выражение с о с л о в н о г о статуса лица, но и особенно в средние века... также следствием еще не исчезнувшего в германском судопроизводстве отношения к *каждому субъекту* как к «участнику судебного собрания», а это значит — как к *активному члену судебной общины*, где *принадлежащее бюргеру* объективное право само выступает как выносящее суждение...» (1, 341—342).

Исходя из органической включенности этого процесса индивидуализации «правового лица» в целостность социальной эволюции западного города, М. Вебер в то же время специально подчеркивает, что при анализе «необходимо строго различать его формально-правую, социологическую и политическую стороны, что не всегда делалось в споре различных теорий «городского строя» (1, 342). Теоретически обоснованное и последовательно продуманное объединение этих аналитически выделенных сторон и стало для М. Вебера задачей его «большой» («общей») социологии в отличие от социологии «частной», упоминаемой им обычно в ряду других дисциплин социокультурного комплекса. Дело в том, что «в формально-правовом отношении», с точки зрения которого рассматривается город в юриспруденции, «корпорация горожан как таковая и ее учреждения «легитимно» конституировались посредством (действительных или фиктивных) привилегий, данных политической, а иногда и вотчинной властью. Отчасти ход событий действительно соответствовал этой формально-правовой схеме. Но часто, причем именно в важнейших случаях, речь шла о совершенно другом: о революционной узурпации, если рас-

смагивать происходящее с формально-правовой точки зрения. Правда, не повсеместно» (1, 342).

В этом — *решающем* — пункте юридически-правовой подход уже, что называется, «не работает». Здесь вступает в свои права политика, апеллирующая уже не к силе права, а к «праву», вернее, самоуправству, силы — насилию, в принципе находящемуся «по ту сторону» права. В этой «парадоксальной» теоретической ситуации приходится апеллировать к «фактичности» исторического процесса, не ведающей различия «справедливого» и «несправедливого», «правомерного» и «неправомерного». И тут уж приходится, вставая на чисто историческую точку зрения, «делать различие между исконным и производным возникновением средневековой городской общины» (1, 343).

Покидая ради этой «ценностно нейтральной» точки зрения формально-правовую, М. Вебер констатирует, что «при исконном возникновении союз бюргеров был результатом *политического* объединения горожан в корпорацию, *невзирая* на «легитимные» (кавычки, означающие в этом контексте нечто вроде скептического «остранения» этого формально-правового понятия. — Ю. Д.) власти и вопреки им, вернее, результатом целой серии подобных актов. Решающее формально-правовое подтверждение этого состояния легитимными властями происходило позже — впрочем, не всегда» (там же). Что же касается «производного» возникновения средневековой городской общины, то оно совершалось посредством предоставленного «союзу горожан» или его потомкам по договору, либо «пожалованного основателем города», «более или менее полного или ограниченного» права «на автономию и автокефалию» (там же).

Впрочем, так или иначе, «революционным» или «оппортунистическим» способом, но «из заключенных от случая к случаю или на короткий срок чисто личных, скрепленных клятвой союзов возникло прочное *политическое* объединение, члены которого относились к сфере особого сословного права жителей города. Формально это право означало уничтожение старого личного права, материально — разрыв ленных связей и сословного патримониализма. Правда, еще не в пользу подлинного принципа местных корпоративных «учреждений». Городское право было сословным правом членов образовавшегося посредством принесения клятвы объ-

единения. Ему были подвластны те, кто относился к сословию горожан или зависимым от них людей» (1, 346). Это — один из примеров «синтетичности» веберовского подхода, в рамках которого право переплетается с политикой, а политика выливается в то, что в XX веке будут называть «прямым действием». В общем, «западный город, более точно — средневековый город... был не только экономическим центром торговли и ремесла, политически (обычно) крепостью и часто местонахождением гарнизона, административно судебным округом, но также скрепленным клятвой б р а т с т в о м» (1, 340), или «к о м м у н о й» (там же). «В правовом смысле» он считался «корпорацией» (1, 341). А значит для того, чтобы ответить на «элементарный» вопрос — что же, собственно, такое «средневековый город», приходится иметь в виду, по крайней мере, четыре системы понятий, каждая из которых дает свое «теоретическое видение» этой «исторической действительности», или «исторического индивидуума», как любил говорить близкий друг М. Вебера, один из лидеров «баденской школы» неокантианства Генрих Риккерт.

И не просто «иметь в виду», но как-то соотносить их внутренне, то есть так или иначе «синтезировать, учитывая, что каждая из этих систем, воюющих друг с другом за теоретическое «обладание» городом, представляет собой результат отнесения эмпирической реальности города к соответствующей «ценности».

III

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ ФЕОДАЛИЗМА

Понятие «феодализм» вводится М. Вебером уже на первых страницах его «Аграрной истории Древнего мира». Причем вводится оно здесь сугубо социологически в широком смысле этого слова. А именно в связи с проблематикой разделения труда, без которой со времен Адама Смита и Гегеля не обходится ни политэкономия, ни социальная философия. Что же касается самой этой проблематики, то она операционализируется здесь для более обоснованного различения таких категорий как «Древность» и «Средневековье». Согласно М. Веберу, «черты, резко отличающие Древность от Средневековья, вырабатывались на той ступе-

ни развития, когда после окончательного перехода к прочной оседлости масса населения необходимостью более интенсивной работы была прикована к земле и по своим экономическим условиям не была уже способна служить для военных целей, так что путем *разделения труда* выдвинулось профессиональное военное сословие, которое и старалось для извлечения средств на свое содержание эксплуатировать безоружную массу» (2, 2).

Эта, как видим, уже чисто социологически толкуемая категория разделения труда, используемая для рассмотрения генезиса (и в чем нам еще предстоит убедиться, *образа жизни*) «военного сословия» кладется затем в основание веберовского исторического исследования, с самого начала представляющего как историко-социологическое, или, если быть совсем уж точным, социолого-историческое, поскольку социологический аспект оказывается, в конечном счете, решающим при всей скрупулезности «чисто» исторического рассмотрения М. Вебером мельчайших фактов аграрной истории Древнего мира. Да и само это веберовское исследование можно было бы с тем же правом назвать не «аграрная», а *социологическая* история Древнего мира, — настолько многоаспектным, вплетенным в целостность всей социо-культурной жизни этого многосложного «мира», оказывается, в конечном счете веберовский историзм, насквозь пропитанный «социологизмом» в самом широком смысле этого слова, не имеющим уже ничего общего с тем, что у нас было принято в свое время называть «вульгарным социологизмом».

И в первую очередь все сказанное относится к понятию «феодализм», без постоянного — систематического — обращения к которому автор названной работы не мыслил себе ни понимание «Средневековья» (что разумеется само собой), ни — что звучало в его времена гораздо менее тривиально, чем сегодня — постижение «Древности». Вот почему вопрос о «древнем феодализме» М. Вебер с самого начала ставит и обсуждает, так сказать, «в полемическом ключе». «Развитие военной техники», — пишет М. Вебер, углубляя свой социологический анализ генезиса «феодализма», — до степени искусства, требующего постоянного совершенствования и упражнения и потому доступного только людям, посвятившим себя этой профессии, шло с этим (выделением профессионального сословия — Ю. Д.) па-

раллельно, отчасти как следствие, отчасти как вызывающая его причина. В Европе в начале средних веков подобный процесс привел, как известно к возникновению «феодализма». В той форме, в какой он возник там и в то время, Древность знала его только в зачатках: соединение вассалитета и бенефиция и та форма, в которую вылилось романо-германское ленное право, не имеют полной аналогии в древности в историческую эпоху. Но ведь совсем и не нужно и не правильно ограничивать понятие «феодализма» только этой специальной его формой. Культурным народам, как азиатского Востока, так и древней Америки, были известны учреждения, которые мы, имея в виду их функции, без всякого колебания признаем «феодальными», и непонятно, почему бы не подвести под это понятие и все те социальные учреждения, в основе которых лежит выделение из общей массы живущего для войны и службы царю господствующего слоя (Herrschicht) и содержание его при помощи привилегированного землевладения, рент и барщин зависимого безоружного населения, будут ли то чиновничьи лены (die Amtslehen) в Египте и Вавилоне или спартанское государственное устройство. Различие заключается лишь в том, каким образом расчленен военный класс и экономически обеспечен» (2, 2—3).

Как видим, в основании веберовской социологии истории вообще (которую автор «Аграрной истории Древнего мира» разворачивает, начиная с философии истории «феодализма») лежит отмена «базисно-надстроечного» понимания соотношения экономики и политики. Политика, исторически возникавшая как политика войны, вооруженного отстаивания права того или иного социального формообразования на свое обособленное существование, выступает у М. Вебера «на равных» с экономикой как хозяйственным способом обеспечения «материальной жизни» людей, поскольку она осуществляется изначально в рамках «общностей» и немислима без них точно так же, как и они без нее. Если экономика обеспечивает физическое существование каждого, принадлежащего к той или иной социальной общности, то политика обеспечивает «право на существование» этой последней, взятой как некая реально существующая целостность в рамках которой индивид — так или иначе — обретает смысл своего существования.

Расширение хронологических рамок «феодализма», охватывающих две различных фазы истории человечества, привело М. Вебера к выводу о существовании двух довольно существенно расходящихся форм «феодализма», выделив отдельно «индивидуалистическую», как он ее называл, его форму, которую, согласно автору «Аграрной истории...», «мы встречаем на Западе в с р е д н и е в е к а (а в зачатках уже на исходе Древнего мира) и которая поддается точному анализу» (2, 3). Это одна из «различных возможностей расселения господствующего класса по всей стране. А именно расселение его «в качестве в о т ч и н н ы х з е м л е в л а д е л ь ц е в (там же). Но кроме этой исторической возможности существовала и другая перспектива, которую «знала в начале своего культурного развития «средиземноморская и, в частности, эллинская Древность» «в начале своего культурного развития»: «городской феодализм» (там же). Это — «феодализм» профессиональных воинов, поселенных совместно в «укрепленных местах» (там же) — тех самых «бургах», о которых М. Вебер писал еще в своей работе о городе.

«Не то, чтобы «городской феодализм» был единственной формой феодализма, известной в древности», — оговаривается М. Вебер. Однако именно «в этой форме он прямо господствовал в позднейших центрах «классической» античной культуры в начале их своеобразного политического развития. Он означал поэтому для них нечто б о л ь ш е е, чем то, что означало принудительное переселение сельского дворянства в некоторые города средневековой Италии» (2, 3—4). Дело в том, что к чисто военным импульсам, толкавшим древнюю Европу на путь «феодализации», со временем добавился еще один, на этот раз собственно экономический мотив представителей «господствующего сословия». Речь идет о торговле, в которую «военное сословие» втягивалось все больше и больше, тем более что в торговый оборот все шире включались и предметы военной техники.

«Импорт иноземной и более развитой военной техники, — читаем мы у М. Вебера, — производился в древности в Ю ж н ы й Европе м о р с к и м п у т е м и одновременно с тем, как раньше всего захваченные им прибрежные местности вступили в широкий, по крайней мере если судить по его географическому притяжению, о б о р о т. Как общее правило, классом который прежде всего извлекал выгоду из этого

оборота, как раз и был господствующий класс феодалов. Поэтому с п е ц и ф и ч е с к и античное феодальное развитие привело к образованию феодальных городов - г о с у д а р с т в » (2, 4). Так обстояло дело в прибрежных южно-европейских городах, в которых — именно по причине их интенсивного торгового развития — «феодализм» сложился гораздо раньше, чем в удаленной от морских торговых путей центральной Европе, где та же самая по существу «феодальная» структура отлилась в существенно иную форму. Когда Центральная Европа «созрела для феодализма», там «н е б ы л о» товарооборота, столь же сильно развитого, как в древности (там же). И потому там «феодализм строился гораздо более на земельной основе, на которой он и выстроил «феодалное поместье», а социальная связь, «которая связывала здесь господствующий военный слой, была по существу чисто личной связью ленной верности» (там же).

Однако как раз то, что отличает античный «городской феодализм» от континентального средневекового, напротив, сближает его с другими социальными процессами этого последнего, также происходившими в городах в отличие от сельских местностей. Это: «рост свободного ремесла в наших средневековых городах, падение господства знатных родов («Geschlechter»), «скрытая борьба между «городским хозяйством» и «феодалным поместьем» и, наконец, «разложение феодального государства благодаря развитию денежного хозяйства в эпоху позднего Средневековья и в Новое время» (там же). И все-таки любопытно, что как раз в подобных случаях, когда, казалось бы, открывались почти необозримые перспективы открытия новых и новых аналогий между различными историческими эпохами, культурами, политическими или хозяйственными структурами, М. Вебер вдруг резко обрывает самого себя, замечая, что «эти аналогии со средневековыми и современными явлениями, сами собой напрашивающиеся на каждом шагу, большею частью в высшей степени ненадежны и нередко прямо-таки вредны для непредвзятого понимания. Ибо эти сходства легко могут быть обманчивыми и нередко бывают таковыми» (там же). В этом случае, как и в целом ряде других, которые повторяются вплоть до самого конца книги, автор от констатации многочисленных сходств между сопоставляемыми явлениями неожиданно переходит к акцентированию различий, которых, как правило, оказыва-

ются меньше, зато они отмечаются М. Вебером как более фундаментальные и глубокие.

Так произошло и в только что рассмотренном случае, когда он, проведя достаточно далеко идущую аналогию между античным и средневековым феодализмом, в частности, взятым в эпоху «разложения феодального государства», перешел к разговору о «специфических особенностях», которые «резко отличают» античную культуру «как от культуры Средневековья, так и от культуры Нового времени» (там же). Причем все они сводятся, в конечном счете к тому, что «по своему экономическому центру тяжести» античная культура до начала императорской эпохи является на Западе береговой, приморской культурой (Küstenkultur), а на Востоке и в Египте прибрежной, речной культурой (Stromuferkultur) с географически экстенсивной и приносящей высокую прибыль междуместной (interlokalen) и международной торговлей...» (2, 4—5). Хотя, во избежание неверного толкования этого сопоставления, М. Вебер тут же добавляет, что тем не менее «по относительному значению количеств обмениваемых товаров» античность все-таки «остаётся позади позднего Средневековья» (2, 5). Так что примитивного «переворачивания» прогрессистской перспективы в регрессивистскую здесь не происходит.

Для веберовского понимания «феодализма» — феномена, осмысление которого играет принципиально важную роль в социологии истории М. Вебера, — характерно следующее рассуждение из его теоретико-методического Введения в «Аграрную историю Древнего мира», совсем не случайно развернутое уже на первых страницах книги, чтобы вернуться к нему в ее заключении. «Черты, резко отличающие Древность от Средневековья, выработались на той ступени развития, когда после окончательного перехода к прочной оседлости масса населения была прикована к земле и по своим экономическим условиям не была уже способна служить для военных целей, так что путем разделения труда выделилось профессиональное военное сословие, которое и старалось для извлечения средств на свое содержание эксплуатировать безоружную массу. Развитие военной техники до степени искусства, требующего постоянного совершенствования и упражнения и потому доступного только людям, посвятившим себя этой профессии, шло параллельно с этим, отчасти как следствие, отча-

сти как вызывающая его причина. В Европе в начале средних веков подобный процесс привел, как известно, к возникновению «феодализма. В той форме, в какой он возник там и в то время, Древность знала его только в зачатках: соединение вассалитета и бенефиция и та форма, в какую вылилось романо-германское ленное право не имеют аналогии в древности в историческую эпоху. Но ведь нам и не нужно и не правильно ограничивать понятие «феодализма» только этой специальной его формой. Культурным народам, как азиатского Востока, так и древней Америки, были известны учреждения, которые мы, имея в виду их функцию, без всякого колебания признаем «феодальными», и не понятно, почему бы не подвести под это понятие и все те социальные учреждения, в основе которых лежит выделение из общей массы живущего для войны и службы царю господствующего слоя (Herrenschicht) и содержание его при помощи привилегированного землевладения, рент и барщин зависимого безоружного населения, будут ли то чиновничьи лены (die Amtslehen) в Египте и Вавилонии или спартанское государственное устройство. Различие заключается лишь в том, каким образом расчленен военный класс и экономически обеспечен». (2, 2—3)

Как видим, подобное, скорее «функционалистское», чем «субстанционалистское» определение такой социальной структуры, как «феодализм», не исключает, что и древнейший Вавилон и древняя Спарта одинаково могут оказаться причисленным к обществам «феодального» типа, что уже с самого начала нарушает привычную стройность тройственной периодизации истории на рабовладельческую античность, феодальное Средневековье и Новое время. Но это не все. «Среди различных возможностей, — продолжает М. Вебер свое социолого-историческое Введение в «Аграрную историю Древнего мира», — расселение господствующего класса по всей стране в качестве *вотчинных земледельцев* (Grundherren) есть та «индивидуалистическая» форма феодализма, которую мы встречаем на Западе в *средние века* (а в зачатках уже и на исходе Древнего мира) и которая поддается точному анализу. Напротив, средиземноморская и, в частности, эллинская Древность знали в начале своего культурного развития «городской феодализм» («Stadtfeudalismus») поселенных совместно в укрепленных местах профессиональных воинов. Не то, чтобы «го-

родской феодализм» был единственной формой феодализма, известной в древности; но в этой форме он прямо господствовал в позднейших центрах «классической» политической культуры в начале их своеобразного политического развития. Он означал поэтому для них еще нечто большее, чем то, что означало принудительное переселение сельского дворянства в некоторые города средневековой Италии» (2, 3—4).

Как видим, социо-историческое веберовское понимание феодализма предполагает не только его наличие как в античности, так и средние века, но и два различных его типа — «городской» и, если так можно выразиться, «сельский». В первом случае с п е ц и ф и ч е с к и античное феодальное развитие и привело к образованию отдельных городов-г о с у д а р с т в», возникших на средиземноморском побережье Южной Европы (2, 4). Что же касается Центральной Европы, то к тому времени, «когда она созрела для феодализма», там не было «такого как в древности», столь же «сильно развитого» товарооборота, и потому «феодализм строился гораздо более на земельной основе», создав «феодалъное поместье» (Grundherrschaft) (там же). И здесь возникает соблазн вступить на путь аналогий, поскольку «отношение... а н т и ч н о г о городского феодализма к меновому хозяйству напоминает нам рост свободного ремесла в наших средневековых городах, падение господства здесь знатных родов (Geschlechter), скрытую борьбу между «городским хозяйством» и «феодальным поместьем» («Grundherrschaft») и разложение феодального государства благодаря развитию денежного хозяйства в эпоху позднего Средневековья и в Новое время» (там же).

Однако такого рода аналогии «со средневековыми и современными явлениями, сами собой напрашивающиеся на каждом шагу», представляются М. Веберу «в высшей степени» ненадежными, а нередко и прямо-таки вредными «для непредвзятого познания» (там же). Они способны скорее затушевать, чем обнажить «специфические особенности, которые резко отличают «античную культуру» как от культуры Средневековья, так и от культуры Нового времени» (там же). Дело в том, что, если иметь в виду экономический «центр тяжести» античной культуры, то придется признать культурно-историческую значимость того «географического» факта (и «фактора»), что — «до императорской эпохи» —

античная культура была «на Западе береговой, приморской культурой (Küstenkultur), а на Востоке и в Египте — прибрежной, речной культурой (Stromuferkultur) с географически экстенсивной и приносящей высокую прибыль междуместной (interlokalen) и международной торговлей, которая, однако, по относительному значению количеств обменивавшихся товаров, если исключить некоторые значительные intermezzi, остается позади позднего Средневековья» (2, 5).

Продвигаясь еще в ранний период своего творческого развития к собственному — «неформационному» — пониманию феодализма, М. Вебер столкнулся с распространенной в конце XIX века «ойкосной» теорией Родбертуса, о которой он вспоминает в том же Введении к «Аграрной истории Древнего мира». «...необходимо, — подчеркивает он, — ...всегда усиленно настаивать, что «ойкос», как его понимает Родбертус, действительно играл в хозяйстве Древнего мира в высшей степени важную роль. Но только он, с одной стороны — это я в свое время старался доказать — для лежащей в свете истории эллинско-римской Древности, является продуктом лишь позднейшего развития (императорской эпохи) и составляет переходную ступень к феодальному хозяйству и феодальному обществу раннего Средневековья. С другой стороны, он (на Востоке и отчасти также в Элладе) стоит на пороге доступной нам истории... Но и тут он, конечно, отнюдь не был чем-то, в родбертусовском смысле, выросшем непосредственно из расширенного собственного хозяйства древних домовых общин» (2, 12).

При этом, что естественно, имея в виду весь ход веберовской мысли, «ойкос» оказывался, в конечном счете, далеко не настолько «автономным» натуральным хозяйством, как это представлялось и самому Родбертусу и, особенно, таким его последователям, как К. Бюхер. В Древнем Египте, например, он соседствовал с «государственно-социалистическим» и «общественно-хозяйственным» регулированием воды» (там же), а на Востоке и в древней Элладе «он обязан своим возникновением тем торговым барышам, какие получал древнейший представитель правильных меновых отношений, главарь и князь...» (там же). «Хотя, — как тут же уточняет М. Вебер, ...тем не менее, удовлетворение потребностей в этом раннеантичном «ойкосном» хозяйстве кня-

зей и политически господствующего сословия повсюду совершалось, г л а в н ы м о б р а з о м натурально-хозяйственным способом» (там же).

Здесь возникает впечатление, что М. Вебер с самого начала стремился придать понятию «ойкосного хозяйства» не столько философско-исторический, сколько ограниченный, и в то же время более определенный, «идеально-типический» смысл. «...Карл Б ю х е р, — пишет он, — принял эту родбертусовскую категорию «ойкоса» как х а р а к т е р н ы й для Древности тип хозяйственной организации, однако, судя по его аутентичному толкованию этого взгляда — насколько я его понимаю — в смысле «идеально-типической» конструкции хозяйственного строя, который в древности выступал с особенно сильным п р и б л и ж е н и е м к чистому понятию домашнего хозяйства со всеми его специфическими последствиями, но без того, однако, чтобы домашнее хозяйство господствовало во всем Древнем мире на в с е м его протяжении и во в с е его эпохи...» (2, 8). В те же эпохи, когда «ойкосное» хозяйство существовало, его «господство», согласно веберовскому уточнению, не означало «что-либо большее, чем, правда, очень сильное по своим последствиям, чрезвычайно действенное о г р а н и ч е н и е явлений обмена в их значении для удовлетворения потребностей и соответственное деклассирование т е х слоев общества, которые могли бы стать носителями обмена» (2, 8—9).

Возражая против «ойкосного» понимания эволюции хозяйства на ранних этапах античной истории и утверждая, что «ойкос» вовсе не был «изначальной» формой хозяйствования, М. Вебер пишет: «натуральное хозяйство получало все большее и большее господство и в феодальных поместьях (Grundherrschaften), и в организованном в форме «ойкосного» хозяйства («oikowirtschaftlich») государственном хозяйстве п о з д н е античной эпохи (начиная с 3-го столетия). Напротив, в к л а с с и ч е с к и е периоды Древности, когда мы видим крупные состояния, заключающиеся в рабах, это было не в такой мере, как полагал Родбертус, и никогда в такой степени, как и я, со своей стороны был прежде склонен допускать...» (2, 13). Но таким образом отвергалась не только концепция «изначальности» ойкосного типа хозяйственной эволюции общества, но и попытки соответствующего истолкования «феодализма», близкого к марксовскому

представлению о нем как определенной «общественно-экономической формации», имеющей раз и навсегда данное место на лестнице «социального прогресса».

Дело в том, что «феодализм», трактуемый «идеально-типически», вообще имеет у М. Вебера не столько даже хозяйственную, сколько политическую нагрузку, это у него прежде всего социально-политическая, но не социально-экономическая структура.

Для нас же особенно важно принять к сведению эти теоретико-методологические уточнения, касающиеся применимости категории «ойкоса» к исследованию античной хозяйственной истории, учитывая что она зачастую фигурирует у М. Вебера в сочетании с категорией «феодализма», которую он (по мере возможности) «функционализирует» аналогичным образом. А потому продолжим оборванную нами цитату: «Правда, — оговаривается М. Вебер, — было вполне в порядке вещей, что Бюхер, рассматривая Древность как н а г л я д н ы й п р и м е р типа «ойкосного хозяйства ... поневоле в известной мере подчеркивал как раз подходящие для этой прагматической цели составные части античной хозяйственной истории, так что у историков явилось представление, будто, по его мнению, всему античному хозяйству можно целиком приписывать характер «ойкосного хозяйства», а *рядом* с этим, во всяком случае в городах, характер «городского хозяйства» (в «идеально-типическом» смысле слова)» (2, 9). А потому возникала опасность «раздвоения» античной хозяйственной истории, спасаясь от которого «Эд. Мейер в своих возражениях против понятого так ... бюхеровского взгляда пошел так далеко, что отверг в о о б щ е применение к Древности особых экономических категорий и сделал попытку, по крайней мере к классическому периоду расцвета Афин, оперировать совсем современными понятиями, как «фабрика» и «фабричные рабочие»...» (Там же).

Противопологая произвольной, вызывавшей критическое неприятие самого К. Бюхера, генерализации категории «ойкосного хозяйства» более дифференцированный подход к пониманию распространенности этого типа в античную эпоху, допуская ее целесообразность применительно как к *ранне*, так и *поздне*-античному периоду, — в особенности к последнему, когда «...натуральное хозяйство получало все большее и большее господство и в феодальных поместьях (Grund-

herrschaften) и в организованном в форме «ойкосного» хозяйства («oikewirtschaftlich») государственном хозяйстве по з д н е античной эпохи (начиная с 3-го столетия). Напротив, в к л а с с и ч е с к и е п е р и о д ы Древности, когда мы видим крупные состояния, заключающиеся в рабах, это было не в такой мере, как полагал Родбертус...» (2, 13), М. Вебер, как видим, лишает ее, а заодно и понятие «феодализма», прежнего значения «общественно-экономической формации», взятой во всей ее догматизированной «монументальности».

Аналогичным образом редуцируется содержание понятий «средние века», «Средневековье» и т. п., которые вообще освобождаются от дополнительной смысловой нагрузки, возникающей в связи с его тесной сопряженностью с категорией «феодализма», и применяются также в связи с рассмотрением раннего периода античного общества, предшествующего эпохе античной «классики». Как пишет М. Вебер, «функционализируя» таким образом понятие «Средневековья»: «...В «классическом» полисе законодательство сознательно истребляло институты «средних веков» (2, 50). Кавычки, поставленные в обоих случаях, должны, по-видимому, подчеркнуть «идеально-типическую» условность употребляемых категорий. Но тут же, на следующей странице, — пример бескавычного обозначения явления, казалось бы, относящегося к тому же ряду феодализма: «...в период, следующий за окончательным уничтожением города-государства всемирной военной монархией, мало-помалу, все более и более выступает на первый план одно явление, которое представляет собою, по-видимому, нечто совсем новое: сельское ф е о д а л ь н о е поместье (Grundherrschaft). Колоны, прикрепленные к земле... с установленными в большей или меньшей мере традицией повинностями и правами, помещики (Grundherren) в качестве местной власти, государственные повинности, в частности налоги и поставка рекрутов, как повинности, лежащие на этих поместьях (Grundherrschaften), б ó л ь ш и х или меньших размеров иммунитеты в их пользу, — вот явления, которых, конечно, не знает «гражданская община» («Bürgerpolis») (№ 6, 7), более того, которых она сознательно у себя обыкновенно не допускает. Поэтому возникновение их к а ж е т с я чем-то абсолютно новым» (2, 51).

В действительности же, как подчеркивает М. Вебер, эти явления «решительно никогда не переставали существо-

вать». Лишь сузилась область их господства и надолго уменьшилось их «универсальное значение» по сравнению с временами «городской монархии (Burgenkönigtum). «В не имевших городов обширных континентальных областях, без сомнения, всегда существовали феодальные поместья в более или менее развитом виде...» (там же). Характерно, что во всех аналогичных случаях, «феодализм» — в веберовском его изображении — оказывается совместимым с различными историческими формами производства, что открывает возможность для проведения между ними самых разнообразных аналогий. «Мы можем признать, — пишет М. Вебер, — что положение единственно полноправных в феодальном городе-государстве ранней эпохи патрицианских родов покоилось на такой же экономической основе, как и господство родов в эллинских городах: на владении скотом и рабами, с одной стороны, на монополизации посреднической торговли, с другой стороны...» (2, 272). Хотя в одном случае речь идет о «ранней эпохе» Греции, а в другом — о «ранней эпохе» Рима, существенно отделенными друг от друга как чисто хронологически, так и культурно-исторически, идеально-типическая «аналогичность» оказывается здесь решающей.

Между тем сам же М. Вебер отмечает, что «...Римское государство в своем отношении к своим членам с самого начала в одном направлении отличается от эллинского полиса: в трактовании семейственного права. Для эллинского полиса (напр. для Афин) политическое полноправие (politische Wehrhaftmachung) и частнопредварная дееспособность взрослого сына (Haussohn) совпадают, — для римского государства между ними нет ничего общего. Гражданин как солдат есть объект власти должностного лица; как сын он есть объект домашней власти, пока жив его отец. Государство останавливается у порога дома, и право дома («dominium») ... есть зародыш абстрактного понятия собственности (familia pecuniaque)» (2, 287). Но хотя это — исходное — различие и могло бы пролить свет на генезис и последующие судьбы феодализма, с одной стороны в Греции, а с другой в Риме, М. Вебер, к сожалению, оставляет эту важную тему, переходя к обсуждению «радикально патриархального семейственного права» вообще, безотносительно к только что отмеченным различиям, которые не могли не сказаться на особенностях «феодальной» предыстории этих

стран. Он прямо переходит к констатации того факта, что «...строгая авторитарная организация семейных союзов в римском государственном строе была источником известных феодальных составных частей его, которые во все продолжение существования государства со своей стороны широко определяли его своеобразие» (2, 288). И тут становится понятным, почему — в данный момент — он опустил, казалось бы напрашивающуюся тему различия греческого и римского «семейственного права». Ему гораздо важнее было развернуть идею, согласно которой именно «...Римский социальный строй, как в свою (нам доступную) раннюю пору, так и после того *несравненно более сильно* развил элемент, который вовсе не отсутствовал и в эллинских городских государствах, но там уже в раннюю пору, а вполне в эпоху демократического устройства был далеко отодвинут назад: феодальную клиентелу. Связь с семейственным правом ясно обнаруживается в том, что древние приравнивали наделение землей клиентов к наделению землей *filii familias*: патриархальное положение главы рода есть источник римского клиентского права» (там же). Клиент, получивший земельный надел от своего будущего «патрона», а тем самым и гражданское полноправие, автоматически оказывался в правовой зависимости от него, приравняемой к зависимости сына от отца, но — без аналогичных прав, из которых ему даровалось лишь право городского гражданства. Отсюда сложное, вплоть до неразличимости, совмещение юридических прав клиента с его этическими обязательствами по отношению к своему патрону.

Специфические особенности «клиентского права», действовавшего в Риме, решительно препятствовали, согласно М. Веберу, тому, чтобы колонии приравнивались к плебеям, со всеми вытекающими отсюда последствиями для социологического понимания «феодализма». Как он особо подчеркивает «...Крепко держаться нужно лишь за следующее: что плебс и клиента, плебейтет и поземельная крепость (*Grundhörigkeit*), феодальное городское государство и вотчинная власть (*Grundherrlichkeit*) совершенно не совпадают. В словесной борьбе патриции — поскольку верна истине традиция — в общем имели в клиентах опору *проти* в плебса. Крепким (прикрепленным к Ю. Д.) земле (*grundhörig*) городской плебей... вообще не может быть. В деревне земельная крепость (*Grundhörigkeit*) клиентов возможна (но не

доказана» (2, 297). А вот более общее заключение, радикальнее отмежевывающее веберовское понимание «феодализма» от его «вотчинного» толкования: «Феодалным» было социальное расчленение старинного городского государства благодаря как существованию клиентов, так и исключению plebs'a из управления. Но «феодализм» — не то же самое, что «вотчинная власть» (там же).

Подводя предварительные итоги своего исследования роли «феодализма» как в античности (на чем, как мы убедились продолжал настаивать М. Вебер), так и в средние века, автор «Аграрной истории Древнего мира» пишет: «Мы видели, какое большое значение имели феодальные элементы в течение всей Древности. Мы видели всевластие религиозно окрашенных клиентских отношений в Египте, и при страшной силе религиозного элемента в повседневной жизни людей античного мира... нельзя и для более поздней поры недооценивать живучести феодальных отношений верности (Treuverhältnisse). И сходный пункт феодального развития в обоих случаях один и тот же. В начале развития стоит в средние века, как и в древности, дружина (trustus) областного князя (des Gaufürsten), которая потом опять появляется в большем масштабе, как дружина короля, здесь, как и в древности, часто рассматриваемая как чуждая стране (landfremd) или во всяком случае стоящая вне земского права (Landrecht), находящаяся под защитой принудительной власти короля... Здесь, как и там, наконец, из этой дружины — хотя и при использовании и разных других вне специально дружинных отношений лежащих правовых институтов — развивающаяся рыцарская знать, благодаря своему могуществу и невозможности без нее обойтись, все более и более связывает короля, делает его зависимым от себя, иногда низводит его до положения чисто выборного короля и получает господство над страной. Не как и король не есть городской король, так и знать не есть городская знать и ею — по крайней мере в континентальной области (...) в средние века и не сделалась» (2, 371). Но если в ранне- «средневековой» Древности оправданием существования упомянутой «знати» было «рыцарское войско», которое «...в средние века сделало необходимым феодальный общественный строй» (2, 375), то один раз она лишилась этого оправдания с появлением «крестьянского войска голплитов», а второй раз — уже на заре нового времени — с появлением

«дисциплинированного современного войска» и «современного государственного порядка» (2, 375—376).

В том, что пишет автор «Аграрной истории Древнего мира» о «феодализме» встречается много ассоциаций с веберовским пониманием социальных учреждений Египта. И это не случайно, ибо «...Египет привел в жизнь два учреждения впервые и притом в совершенстве, какого они никогда более не достигали: 1) принцип литургии, прикрепления владения к государственной функции, владельца — к функции и к владению и 2) бюрократическое управление. Оба эти принципа в позднейший период античной истории победоносно распространились отсюда на весь мир, а вместе с ними, как их неразлучная тень, и «а п о л и т и з м» покоренных народов ... возможно, что из Египта ведут свое начало важные в смысле т е х н и к и п р о и з в о д с т в а формы античной организации труда, а именно: 1) хозяйство при помощи дисциплинированных живущих в казармах несвободных рабочих (ἐργαστήριον), 2) несвободная работа на дому (der Kolonen-Fronhof), 3) барский двор, ведущий хозяйство с помощью колонов (die unfreie Heimarbeit), и их различные комбинации... (2, 118).

В связи с этим именно в Египте, причем «уже в раннюю пору» впервые возник и развился «довольно выработанный бюрократический правительственный аппарат», а также традиция «очень широкого» привлечения населения к несению барщинных повинностей...» (2, 87), — явления, органически присущие далеко не только одному египетскому «феодализму». Тот факт, что в Египте — «вполне в эпоху «Нового» царства, а в зародыше уже и в эпоху «Древнего» царства... — к а ж д о е отдельное лицо является прикрепленным к той ф у н к ц и и, которую оно выполняет в социальном организме», имел своим следствием порабощение всего египетского населения; так что «в принципе к а ж д ы й несвободен» (2, 91). Причем этот порядок, получивший широкое развитие «уже в древнейшие исторические времена», был настолько всеобъемлющим, что если в Египте «и существовали «п р и в и л е г и р о в а н н ы е слои общества», то там «во всяком случае» не существовало «юридически свободных граждан» в эллинском смысле слова» (там же).

Но чем тотальнее несвобода населения, тем тотальнее власть бюрократии, достигшей именно в Египте своего «идеально-типического» выражения. Этот «идеальный тип» не-

свободы не случайно маячит на горизонте всех веберовских рассуждений о «феодальной бюрократии», феномен какой он фиксирует и в европейской античности, а, в особенности во времена феодального Средневековья. Однако первоначальные тенденции в этом направлении М. Вебер фиксирует еще в социально-политической эволюции «вновь возникающих» эллинистических монархий, «управление» которыми было, по его словам, «чисто бюрократическое и становилось все более и более бюрократическим», и где в то же время «все сильнее и сильнее выступает вперед принцип литургии» (2, 230). И хотя, напоминает М. Вебер, «Египет в этом отношении классическая страна», «однако и в других местах мы встречаем зачатки этого» развития, (там же).

Любопытно, что Египет фигурирует здесь как «классическая страна» не только в контексте рассуждения о «далекой старине». Его привлекают здесь и хронологически более близкие аналогии. «...Как и у нас в *настоящее время*, — пишет он здесь же, — так и в эллинистическую эпоху как раз необходимость денежно-хозяйственного покрытия государственных потребностей послужила рычагом для преобразования всего хозяйства страны в смысле возвращения ко все увеличивающейся связанности хозяйственной жизни общества, к ее обобществлению и к вытеснению оборота. В древности этот процесс нашел свое завершение в форме достигнувшего своего полного развития опирающегося на литургии государства («Leiturgiestaat») (2, 237). Такого рода государство, необходимой формой верховной власти которого является монархия, неизбежно «есть (или становится) бюрократическое государство» (2, 367). Так в Египте «...из царской клиентелы уже во 2 тысячелетии (до н. э. — Ю. Д.) выросло универсальное господство бюрократии. Это господство и теократия сообща подавили развитие на Востоке свободного полиса; Римская империя при монархии (...) пошла тем же путем» (там же). «И римская монархия стала... опираясь на литургии государством (ein Leiturgiestaat) по эллинистически-египетскому образцу» (2, 386).

Начиная со «способа продовольствования» войск и обеспечения земель легионеров, превращаемых в «фактически наследственное сословие» женатых людей, несущих пограничную службу, что было несомненным заимствованием «с

Востока, в частности из Египта», не говоря уже о бесчисленных «литургиях», «крепкой сетью» опутывавших отдельного человека, прикрепляя его «к его функции», эллинистический Запад шаг за шагом двигался по пути бюрократизации, которая «медленно, но верно, задушила» в конце концов «античный капитализм» (2, 387). И хотя «по крайней мере до эпохи Марка Аврелия включительно» в Римской империи продолжался «рост денежного хозяйства», но ведь, согласно веберовской концепции, лежащей в фундаменте «Аграрной истории Древнего мира», «денежное хозяйство» совсем «не то же самое, что капитализм» (там же). «...Об успехах капиталистической хозяйственной организации мы ничего не слышим ни в торговле, ни в сельском хозяйстве, ни, тем более, в промышленности» (2, 387—388).

Однако «закат» античного капитализма не означает для М. Вебера «конца» истории Запада. «...Теперь, — пишет он, — в период, следующий за окончательным уничтожением города-государства всемирной военной монархией все более и более выступает на первый план одно явление, которое представляет собою, по-видимому, нечто совсем новое: сельское феодальное поместье (Grundherrschaft)»; плюс «колонны, прикрепленные к земле» (2, 51). Не возникает ли здесь впечатление, что автор «Аграрной истории Древнего мира» просто-напросто переворачивает традиционную со времен социально-философского просветительства, которому отдал дань и К. Маркс, схему исторического прогресса, поменяв местами на его лестнице «капитализм» и «феодализм»? Или здесь несколько завуалированное следование контовско-спенсеровской схеме перехода от «военных» обществ к «промышленным»? Судя по всему, М. Вебер не принял бы ни первого, ни второго варианта возможного истолкования его социологии истории уже по одному тому, что он решительно отвергал как прогрессизм, так и регрессизм с их одинаково однолинейным видением социально-исторического процесса. Не случайно он, говоря о том, что «сельское феодальное поместье» есть «нечто совсем новое», ставит перед этими словами дистанцирующее «по-видимому», которое существенным образом трансформирует смысл сказанного, подчеркивая уже в следующей фразе, что его возникновение лишь «к а ж е т с я чем-то абсолютно новым» (там же). А в самом начале следующего абзаца утверждает

ся, что «на самом деле» такого рода поместья «решительно никогда не переставали существовать. Только область их господства сузилась, и их универсальное значение со времен городской монархии (Burgenkönigtum) надолго чрезвычайно уменьшилось». Дело в том, что «абсолютно новым» это явление могло представляться лишь на фоне целой эпохи развития и процветания античных городов-государств средиземноморского побережья. Между тем в «обширных континентальных областях», где не было городов, «без сомнения всегда существовали феодальные поместья в более или менее развитом виде...» (Там же).

Как видим, вместо восходящей линии общественного прогресса, на которой за первобытным обществом следует рабовладельческое, за рабовладельческим — феодальное, за феодальным — капиталистическое, чтобы смениться социалистическим или чем-то вроде того, веберовская социология истории предлагает нечто подобное не вполне упорядоченному волнообразному движению, в процессе которого некоторые «привилегированные» (скажем так) формы хозяйства всплывают вновь и вновь, — вспыхивая как огонь, «мерами возгорающийся и мерами затухающий» (если не задушаемый противодействующими силами социально-экономической и не р ц и, в качестве каковой у М. Вебера чаще всего фигурирует именно бюрократия.) При этом, как он подчеркивает, вновь возвращаясь к этому мотиву в заключение своей книги, «...Пригнетение частной экономической инициативы бюрократией не есть специфическая особенность античного мира» (2, 389). Ибо вопрос стоит гораздо шире, глобальнее.

В целом же перед нами — «объемная» картина многолинейного процесса, который никак нельзя «вытянуть» в одну линию. «Линия жизни» античных городов-государств, с одной стороны, и «сельского феодализма» могли долгое время существовать независимо друг от друга, «пересекаясь» лишь время от времени. Но нет здесь и циклизма с его монотонной идеей «вечного возвращения одного и того же», которую пытался реанимировать Ф. Ницше. Скорее уж можно было бы говорить о «предвечной» возможности самореализации неких социально- и политико-экономических «прототипов» — они же «идеальные типы», — которые, «соприсутствуя как абстрактные возможности, реализуются в исто-

рической действительности, понятой как уникальное сочетание («конstellация») неповторимых обстоятельств.

«Нечего и говорить, — пишет М. Вебер, завершая свое теоретико-методологическое Введение в «Аграрную историю Древнего мира», перечнем «идеальных типов», с помощью которых он предполагает как-то организовать, а тем самым и «рационализировать» колоссальный исторический материал, — что все изображенные здесь «типы»: «крестьянской общины», «полиса знатных», «бюрократического города-царства», «полиса гоплитов» и «гражданского полиса», «монархии, опирающейся на литургии» — редко существовали один возле другого или после другого в чистом виде. Эти «идеально-типические» понятия служат тут только тому, чтобы сообразно с ними классифицировать каждое отдельное государство, чтобы выяснить, п р и б л и ж а е т с я ли оно в большей или меньшей степени в данный момент, в общем или в каких-нибудь определенных отношениях, к тому или другому из этих типических понятий. Ибо реальные государства всем самым важным исторически, что составляет своеобразие каждого из них, конечно, являются живым протестом против в с я к о й подобной упрощенной классификации» (2, 52—53).

Причем, как ни странно, казалось бы, звучит это в устах убежденного противника эволюционизма, а в особенности, прогрессизма (или «регрессизма») с его идеей постепенного (то есть ступенчатого восхождения (или нисхождения)) исторического процесса, М. Вебер полагает, что «...Во всяком случае данная классификация (которая только что была приведена здесь — Ю. Д.), кроме терминологического, может иметь еще и то значение, что покажет нам, *каким ко-ренным образом различны* те с т а д и и развития, на которых мы застаем отдельные античные нации в случайный момент первых исторических свидетельств о них» (2, 53). Так что противоречия здесь нет.

Дело в том, что в числе радикальных различий, разделяющих исследуемые им явления — бездонная пропасть между ними, измеряется не то что столетиями, но подчас буквально тысячелетиями. Например, «месопотамские государства и государство египетское», которые М. Вебер втягивает в поле своих социологических и культурно-исторических сопоставлений, «...несомненно, имеют позади себя

уже многие тысячелетия городского развития или (Египет) близкого к городскому в тот момент, с которого начинаются древнейшие доступные нам источники. Это уже «царства, опирающиеся на систему литургий (Leiturgiekönigtümer)» (там же).

А ведь это — основной признак, который позволяет М. Веберу подвести соответствующее государственное образование под идеально-типическую категорию феодализма. И стало быть, в подобных случаях вопрос о том, какая из «первоначальных» исторических форм, уходящих своими корнями во тьму тысячелетий «древнее», — скажем, «крестьянская община», которая, оказывается, уже в незапамятные времена имела свой «уклад» и свои «учреждения», или «феодализм» с его «системой литургий», — представляется неразрешимым. Попытаться как-то «уйти от него» можно было бы лишь чисто гипотетически, — предположив, что феодализм с его «литургической» системой невозможен без крестьянской общины.

Но ведь тогда возникает другой нерешенный вопрос: а не сыграли в процессе «самоорганизации» общины какую-то роль военно-феодальные элементы, без которых она не смогла бы отстоять свое право на самостоятельное существование? В самом деле, не аналогичен ли в некоторой степени этот вопрос тому, которым задался М. Вебер уже после того как предложил свою типологию древних «форм общения», заявив, что в его перечень не попала «конституировавшаяся в военном отношении как союз гоплитов совокупная община (Samtgemeinde) крестьянских общин (Bauernschaften), которая выступает в древности неоднократно, впрочем, по моему, всегда имея второстепенное значение, и отчасти заимствуя городские учреждения (древний Израиль, этоляне, самнитяне)» (2, 53).

IV

СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ КАПИТАЛИЗМА

Проблема «параллелизма» экономического, политического, правового или общесоциологического развития античности и Средневековья, с одной стороны, и современности — с другой, которая вновь и вновь заострялась в русле сравнительно-исторической методологии, неизменно приобретала

особую актуальность, когда речь заходила о сопоставлении античности с Новым временем и, прежде всего, античного капитализма с новейшим. Эту тему М. Вебер затрагивал уже в ранних своих работах, чтобы сделать ее профилирующей в «Протестантской этике...» и, наконец, вынести на передний план в «Аграрной истории Древнего мира». Как мы помним, в этой последней книге она возникает в связи с рассмотрением концепции Эдуарда Мейера, который в «своих возражениях против» «ойкосной» теории Карла Бюхера (к тому же понятого им «неверно») зашел «...так далеко, что отверг в о б щ е применение к древности особых экономических категорий и сделал попытку, по крайней мере в отношении к классическому периоду расцвета Афин, оперировать с совсем современными понятиями... и вообще доказывал, что мы представляем себе не «в достаточно современном духе» («*gar nicht modern genug*») условия тогдашней хозяйственной жизни...» (2, 9).

И хотя при этом М. Вебер сделал ряд замечаний, касающихся прямого отождествления Э. Мейером античного капитализма с новейшим, в целом он не только не отвергал, но, наоборот, решительно отстаивал сам факт существования капитализма в античности, внося здесь свои критические коррективы лишь в тех случаях, когда игнорировались типологические различия между этими двумя «капитализмами». Так что, задаваясь вопросом о том, «...знает ли Древность в достаточной, в культурно-историческом смысле, мере к а п и т а л и с т и ч е с к о е хозяйство?» (2, 14), М. Вебер отвечал на него безусловно положительно, приводя новые и новые примеры в обоснование своего общего заключения.

Тем не менее он в своей привычной манере начинает свое обсуждение этого вопроса с его конкретизирующего уточнения: «...если мы видим в древности 1) возникновение городских промыслов с целью экспорта некоторых изделий, требующих высокоинтенсивной и высокой по качеству работы, 2) постоянную зависимость от подвоза хлеба издалека, 3) торговлю рабами, 4) сильное преобладание специфически торговых интересов в политике, то спрашивается: являются ли эти резкими толчками приливающие и отливающие «хроматистические» эпохи эпохами с «капиталистической» структурой?» (2, 15).

Но хотя М. Вебер оговаривается, что ответ на этот вопрос «зависит от определения понятия «капиталистический»,

для него самого «остается во всяком случае неоспоримым» одно: а именно то, что «...под «капиталом» всегда следует понимать частнохозяйственный «приобретательский капитал» («Erwerbskapital»)... следовательно, блага, которые служат цели приобретения «прибыли» в процессе обращения благ» (там же). А раз это так, то здесь «...во всяком случае необходимым условием является, чтобы производство имело своим базисом «меновое хозяйство» (verkehrswirtschaftliche) Basis). Следовательно, с одной стороны продукты (по крайней мере отчасти) должны становиться предметами оборота. Но и, с другой стороны, средства производства должны были бы быть предметами оборота» (2, 15—16).

В этом пункте, где М. Вебер оперирует категориями, перекликающимися с марксистскими, особенно отчетливо выявляется методологическая противоположность марксовой политической экономики капитализма и веберовской социологии истории капитализма, а тем самым резко артикулируется теоретико-методологический фундамент этой последней. Прежде всего обращает на себя внимание резко выраженная «формализация» марксистского понимания капитализма. Вместо его истолкования в духе социологического реализма, углубляющегося в «субстанциальную сущность» этого всемирно-исторического явления, определяемого как единая и единственная «общественно-экономическая формация», представляющая собой раз и навсегда данную «ступень» на лестнице общечеловеческого Прогресса, мы получаем у М. Вебера номиналистическое и скорее функционалистское понятие «экономической формы», многократно встречавшейся в истории — реже на Востоке и чаще на Западе, причем в контексте самых разнообразных исторических эпох. (Хотя, как это ни парадоксально, авторы «Манифеста коммунистической партии» оказываются здесь гораздо большими номиналистами в своем определении «места» капиталистической «формации» в истории человечества, чем автор «Аграрной истории Древнего мира», полемически противопоставлявший единому и единственному в своем роде капитализму целый веер разнообразных «капитализмов», меняющих свое оперение в зависимости от исторических условий их возникновения.)

Замыкание капитализма в рамки единой и единственной в своем роде исторической эпохи, отличающее маркси-

стский подход к его пониманию, связано у авторов «Манифеста...» с традицией гегелевской диалектики, рассматривающей каждый культурно-исторический феномен как «тотальность», вырастающую из своего собственного первоначала (вспомним марксов «товар», эту саморазвивающуюся «клеточку» капиталистического общества), «снимая» в себе, или просто ликвидируя, все «инородные» образования. По сравнению с марксистским монизмом философско-исторической конструкции «капитала», не допускавшего в пределах своей «тотальности» никаких капитал-«измов» (не случайно термин «капитализм» вообще отсутствовал в лексиконе самого К. Маркса, так что первым марксистам, и марксологам, и марксоведам» пришлось изобретать его), М. Вебер со своими различными «капитализмами» выглядит прямо-таки как плюралист и релятивист, сознательно подменяющий проблематику исторического генезиса и эволюции скрупулезной типологизацией.

Этот подход он демонстрирует уже при рассмотрении генезиса античного капитализма, отправляясь от бюхеровского понятия «ойкоса» как широко толкуемого «домашнего хозяйства». В качестве связующего звена между «ойкосом» и античным капитализмом М. Вебер выдвигает «вотчинное производство», существование которого, по его словам, «есть переходное явление», причем таящее в себе две возможности: переход «или от «ойкоса» к капитализму, или наоборот, к натуральному хозяйству» (2, 17). «...Это ведь, — поясняет он свою мысль, — всегда есть симптом относительной слабости капитала, в частности, слабости производственного капитала, которая находит свое выражение в перекладывании потребности в средствах производства на зависимые хозяйства и в устранении необходимости иметь 1) капитал на покупку инвентаря, 2) капитал или на покупку рабов, или на заработную плату — при помощи эксплуатации подневольного труда и (обыкновенно) объясняется (сравнительно) мало развитой интенсивностью хозяйственного оборота» (там же).

Следующий этап (или форма) античного капиталистического производства — «...Производство при помощи купленных рабов (т. е. производство в условиях, в которых рабы являются нормальным предметом оборота, безотносительно к тому, были ли они действительно (in concreto) приобретены путем купли) на собственной или арен-

дованной земле...»; это, «...с экономической точки зрения, конечно, «капиталистическое» производство: земля и рабы составляют предмет свободного оборота и, конечно, представляют собою «капитал»: рабочая сила, в отличие от того, как это делается в производстве с помощью «свободного труда», покупается, а не нанимается, а е с л и (в виде исключения) нанимается, то не у ее носителя (рабочего), а у господина» (там же). Здесь, как видим, формализм «чисто экономического» подхода доводится до предела, то есть до полной «элиминации» социального аспекта проблемы, которая была немыслима у автора «Капитала» (впрочем, далеко не только у него одного).

Надо сказать, что сам М. Вебер не только не исключал возможных возражений по этому поводу, но постарался предупредить их: «...если понятие «капиталистического хозяйства» не ограничивать совершенно немотивированно определенным способом э к с п л у а т а ц и и капитала — именно эксплуатацией чужого труда путем договора со «свободным» рабочим, — возражает автор книги своим потенциальным критикам, — не вносить, следовательно, с о ц и а л ь н ы х признаков, но вкладывать в это понятие чисто экономическое содержание и признавать наличность «капиталистического хозяйства» везде там, где объекты владения составляющие предмет о б о р о т а, эксплуатируются частными лицами с целью приобретения п р и б ы л и способами, присутствующими меновому хозяйству, — тогда нет ничего бесспорнее далеко идущего «капиталистического» отпечатка, лежащего на целых, — и как раз на «величайших», — эпохах античной истории» (2, 18). Однако, если слишком далеко зайти по этому пути «обесчеловечения» экономической науки, то придется отказаться от ее определения не только в качестве политической экономии, что фактически уже произошло в начале XX века, но и в качестве «социальной экономии», которым предпочитал пользоваться и сам М. Вебер...

Согласно веберовской концепции античного капитализма, «...среди составных частей капитала, разумеется, отсутствуют все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний «постоянный капитал» (2, 19). А это как раз те «более многочисленные и более грандиозные производительные силы», чем все, созданные предшествующими поколениями «вместе взятые», о которых писали авто-

ры «Манифеста...» как об основных достижениях буржуазии Нового времени. Но, «с другой стороны», как подчеркивает М. Вебер, вместо отсутствующих в древности составных частей капитала «...надо прибавить одну важную составную часть, которая отсутствует теперь: рабов, попавших в рабство за долги, и рабов купленных» (там же). Впрочем, если более строго придерживаться политэкономической терминологии, следовало бы подчеркнуть, что рабов тогда пришлось бы рассматривать не среди «составных частей капитала» вообще, а в качестве составных частей именно *переменного* капитала. Но ведь и сам автор «Капитала» писал, что «рабы, крепостные и т. д.» «принадлежат непосредственно к числу средств производства» (4, 726), — парадокс, свидетельствующий о том, какие чисто терминологические трудности возникают в случае попыток применить к античной экономике категории экономики капитализма. Так что в этом пункте М. Вебера придется причислить скорее к последователям К. Маркса, чем к его убежденным противникам.

Однако это — совсем не единственный пункт, свидетельствующий об «опасной близости» автора «Аграрной истории Древнего мира» к автору «Капитала». Если сопоставить то, что писал М. Вебер об экономике античного общества, с тем, что написано в XXIV главе «Капитала» о «так называемом первоначальном накоплении», нам придется не раз наткнуться на поразительные созвучия, побуждающие задаться вопросом о «неофициальных» источниках веберовского вдохновения. Эта глава начинается характерным пассажем, обнажающим пункт, в котором К. Маркс оказывался перед необходимостью покинуть строго экономическую позицию в поисках «внеэкономического» источника «накопления капитала», выводящего за пределы капиталистического общества с его имманентной логикой диалектического саморазвития «товара».

«Мы видели, — пишет он, — как деньги превращаются в капитал, как капитал производит прибавочную стоимость и как за счет прибавочной стоимости увеличивается капитал. Между тем накопление капитала предполагает прибавочную стоимость, прибавочная стоимость — капиталистическое производство, а это последнее — наличие значительных масс капитала и рабочей силы в руках товаропроизводителей. Таким образом все это движение вращается, по-

видимому, в порочном кругу, из которого мы не можем вырваться иначе, как предположив, что капиталистическому накоплению предшествовало накопление «первоначальное» («previous accumulation» по А. Смиту) — накопление, являющееся не результатом капиталистического способа производства, а его исходным пунктом» (4, 725).

Так вот, судя по всему и М. Вебер, ищущий не просто «зачатки», но достаточно развитые формы капитализма, и не только «в недрах» феодализма, но и за его пределами, заходит гораздо дальше К. Маркса, двигаясь, тем не менее, по тому же, «предуказанному» им пути. И не об этом ли свидетельствуют поразительные совпадения его констатаций вне-экономических источников античного капитализма с теми, что автор «Капитала» увидел в Европе XVI—XVII веков? И не это ли тождество «первоисточников» давало автору «Аграрной истории Древнего мира» основание говорить об античном и средневековом «капитализмах» как о вполне самостоятельных (имевших «достаточные основания» существования в самих себе) «разновидностях» капитализма, укорененных в специфической «конstellации» исторических условий, вновь и вновь вызывавших их к жизни?

Говоря о внеэкономических причинах возникновения «античного» и «средневекового» типов капитализма, М. Вебер, как правило, до предела заостряет проблему политического насилия и его роли в истории. Причем достаточно многое из того, что он пишет по этому поводу, заставляет задуматься о марксистских импульсах его вдохновения, восходящих именно к XXIV главе «Капитала», где экономическому детерминисту К. Марксу, пришлось искать «условия возможности» накопления капитала где угодно, но только не в собственно экономической сфере. Вот тут-то (как и в иных аналогичных случаях) автор «Капитала» вспоминает, что «как известно, в действительной истории большую роль играют завоевание, порабощение, разбой, — одним словом насилие» (4, 726). Причем, не просто «большую», но, как оказывается, определяющую роль, поскольку в роковые минуты становления новых исторических форм иных способов «первоначального накопления» капиталов просто не было в наличии. Это — роковое «место встречи» К. Маркса, Ф. Ницше и М. Вебера, испытавшего далеко ведущее влияние как первого, так и второго.

Читаем едва ли не центральное, с точки зрения его «дальнобойности» место из упомянутой XXIV главы, которое так часто цитировалось что, подчас, уже забывается — в каком месте и по какому поводу (одновременно вполне конкретному и в то же время «абстрактному»: теоретико-методологическому и мировоззренческому) оно появилось в «Капитале»: «Различные моменты первоначального накопления распределяются, исторически более или менее последовательно, между различными странами, а именно: между Испанией, Португалией, Голландией, Францией и Англией... Но все они пользуются государственной властью, т. е. концентрированным и организованным общественным насилием, чтобы ускорить процесс превращения феодального способа производства в капиталистический и сократить его переходные стадии. Насилие является повивальной бабкой всякого старого общества, когда оно беременно новым. Само насилие есть экономическая потенция» (4, 761).

Что касается «беременности» старого общества новым, — этот «диалектический» оборот М. Вебер вполне мог списать за счет гегельянского прогрессизма автора «Капитала». Но вот что касается государственной власти как концентрированного и организованного общественного насилия, то этот «ход мысли» неоднократно всплывает в веберовских рассуждениях о государственной «легитимации» насилия, о «естественном» праве государства на его применение. Наряду с торговлей, а зачастую существенно опережая ее, насилие античных государств, предстает у М. Вебера решающим рычагом их капиталистического развития, инструментом того самого «первоначального» накопления», на результатах которого покоились древние цивилизации, погибавшие в тот момент, когда так или иначе перекрывались его источники.

В последней главе «Капитала» достаточно широко и впечатляюще представлена еще одна тема, развитие которой могло навести на мысль о неслучайной связи античного капитализма с рабовладением. Это — роль и место использования рабского труда в процессе «первоначального накопления» в Западной Европе и Америке. «Англия получила право вплоть до 1743 г. поставлять в испанскую Америку 4800 негров ежегодно. Ливерпуль вырос на торговле рабами. Последняя является его методом первоначального накопления... В 1743 г. Ливерпуль использовал для торговли

рабами 15 кораблей, в 1751 г. — 53 корабля, в 1760 г. — 74, в 1770 — 96 и в 1772 г. 132 корабля». (4, 769). Подобный размах работорговли, свидетельствовавший о ее экономической целесообразности в Новое время, невольно подталкивал исследователей к более далеко идущему умозаключению: если, таким образом, оказывается, что современный капитализм и рабовладение не так уж исключают друг друга, то так ли уж невероятным было бы предположение о существовании капитализма, основанного на рабстве, в глубокой Древности? Тем более, что чисто экономический анализ понятия капитализма, проделанный М. Вебером, убеждал его в том, что это последнее не исключает вывода об экономической «релевантности» рабовладения, способного — при определенных обстоятельствах — стимулировать не только хозяйственное, но также политическое, и, так сказать, культурно-историческое развитие отдельных народов и стран.

Таким было общее заключение, которое витало в «теоретическом воображении» молодого, но уже многообещающего автора статьи (не оставшейся незамеченной) «Социальные причины падения античной культуры», опубликованной еще в 1896 году, но уже содержащей основополагающие идеи и конструктивные схемы положенные как в основание «Города», так и в фундамент «Аграрной истории Древнего мира».

А теперь вспомним веберовский перечень способов «помещения капитала во времена классической древности»: разработка рудников» (осуществлявшаяся главным образом рабами) (...) плантационное производство» (опять-таки с помощью рабского труда); отдача внаем (иногда обученных) рабов или устройство их как самостоятельных ремесленников или торговцев «за оброк», как бы сказали русские», «наконец, капиталистическая эксплуатация обученных ремеслу рабов, принадлежащих в полную собственность или же взятых в залог, производившаяся в «мастерских» или без них...» (2, 19). Он, этот перечень, должен подчеркнуть роль рабского труда в формировании и функционировании античного капитализма.

Однако в противоположность Т. Моммзену и Э. Мейеру, склонным акцентировать черты, роднящие античный капитализм с современным («новейшим»), М. Вебер ни на минуту не забывает о специфических особенностях первого, резко противопоставляющих его последнему. «...Экономиче-

ское своеобразие капиталистической эксплуатации находящихся в собственном владении рабов (Sklavenbesitzes), в отличие от системы «свободного труда, заключается прежде всего в громадном повышении (Steigerung) количества капитала, затрачиваемого на содержание живой рабочей силы и вкладываемого в покупку ее; когда, в случае застоя в деле, раб оказывается незанятым, капитал этот не только не приносит процентов, — как и машина, — но и «съедает», кроме того (в буквальном смысле слова), непрерывно присоединяемые к нему прибавки. Из этого одного уже следует замедление 1) оборота капитала и 2) процесса образования капитала вообще» (2, 21—22).

В тесной связи с этим обстоятельством оказывается включение в это, казалось бы, «чисто экономическое» рассуждение — его политической составляющей, которая до тех пор оставалась на заднем плане (хотя и молчаливо предполагалась, учитывая «синтетичность» веберовской социологии). Ибо «...настоящая же, «капиталистическая» эксплуатация раба, как простого орудия производства, находила себе границу в своей зависимости от правильной поставки рабов на рынок, т. е. от успешности войн» (2, 22). Ведь «...полная капиталистическая эксплуатация его рабочей силы была возможна при не только юридической, но и фактической безземельности раба, т. е. при системе казарм, которая, однако, делала невозможным пополнение класса рабов из собственной среды. Иначе стоимость и содержание женщин и воспитание детей ложились бы мертвым балластом на основную капитал» (2, 22—23).

Развивая мысль о решающем значении «военно-политической» составляющей в истории античного капитализма М. Вебер пишет: «Военное (...) расширение территории государства и большие победы обыкновенно способствовали расширению рабовладения, удешевлению рабов и вместе с тем усиливали побуждение к капиталистической эксплуатации рабов в собственном производстве (плантации, мореходство, горное дело, ἐργαστήριον и т. д.)» (2, 30). На этом основании он делает вывод о том, насколько «сильно» «...политические судьбы и особенности отдельных стран должны были влиять на степень развития свободного и несвободного труда в их отношении друг к другу, на размеры капиталистической эксплуатации этого последнего и на ее направление (...) обременение военными повинностями

ми свободного населения являлось премией за рабский труд больше всего там, где включавшему в свой состав вооруженных за свой счет крестьян и мелких горожан ополчению из свободных граждан приходилось вести хронические войны крупного стиля, как это было во времена расцвета эллинской демократии и в республиканском Риме» (2, 30—31).

Но, как со всей решительностью утверждает М. Вебер, «...одно военное устройство, как таковое, само по себе не имело решающего значения для степени развития рабства, и, следовательно, не определяло окончательно степени и направления в развитии античного «капитализма». Напротив, громадное влияние имели тут общие политические основы античной жизни и в особенности обуславливаемый, в конце концов, политическим строем характер государственного управления, в частности, управления финансового» (2, 31). В целом же, как неоднократно повторял М. Вебер, античный капитализм, в противоположность современному, «промышленному», стоял «на политическом якоре». И стоило только разрубить канат, связывавший древний капитализм с этим «якорем», как оказывалась разрушенной и другая — «золотая» (торгово-экономическая) цель, связывавшая его с военно-политическим «якорем». Так, в изображении М. Вебера, ярко окрашенным плохо скрытой полемикой с «формационным» толкованием капитализма и его истории, выглядит судьба античного капитализма.

Если, однако, принять вслед за М. Вебером, войну и военную политику в качестве «реального базиса» античной экономики (да и всей античной культуры и цивилизации, как он стремился доказать со времен его ранней работы, посвященной анализу «социальных причин» «падения античной культуры»), то «государственные «финансы» можно было бы назвать столь же реальной «надстройкой» над ним, лишенной всякой иллюзорности и «идеологичности». Они, по его словам, «были древнейшим» и оставались «крупнейшим» из всех «хозяйственных предприятий» («Wirtschaftsbetriebe») Древнего мира, отчасти «заменявших» «частное накопление капитала», отчасти игравших роль его «ускорителей» (Schrittmacher), «отчасти, наконец», «подавлявших» его (2, 31). Важнейшую роль среди финансовых предприятий античного государства играла «система государственных откупов, прежде всего в области откупа податей», где она была, согласно М. Веберу, «...несомненно, важным сред-

ством — а в Элладе, наверное, одним из важнейших — к образованию частных капиталов» (2, 33).

Развивая и углубляя этот принципиально важный тезис, он тут же добавляет: «...Но простым «ускорителем» (Schrittmacher) процесса образования частных капиталов финансовое хозяйство может сделаться лишь там, где государство-город, которое, как таковое, не располагало собственным бюрократическим механизмом и, следовательно, нуждалось в государственном откупщике, распоряжалось в качестве властелина доменами и землей, и податям огромных завоеванных и подвластных областей. Так было в древности в Риме времен Республики. Поэтому тут и образовался, несомненно, первоначально главным образом из государственных откупщиков, могущественный класс частных капиталистов, которые во время 2-й Пунической войны... наподобие современных банков своими деньгами поддерживали государство...» (там же).

Заключает М. Вебер свое общее рассмотрение «финансового строя» античных государств кратким перечнем его основных моментов «угнетающего», деструктивного, воздействия «на развитие частных капиталов» (2, 33—34). Согласно его выводу, «...прежде всего, общая политическая основа античных государств вообще содействовала усилению и без того (...) большой, вызванной способом его составления, непрочности (Labilität) наличного капитала и его нового образования. Податная система (литургии имущих), обычное для греческого полиса, в особенности в эпохи господства демократии, совершенно бесцеремонно суверенное распоряжение частным имуществом своих граждан (...), далее, существовавшая во всех античных общинах опасность конфискации при каждом политическом потрясении и смене партий (...) — все это действовало в том же направлении» (2, 34).

Однако, по убеждению автора, «...гораздо более решающее значение, чем эти (...) катастрофы, которые затрагивали капиталы отдельных лиц или наличный капитал политической общины, имело то, в какой мере практика управления предоставляла простор свободному стремлению частного капитала к прибыли вообще и тем самым и образованию капитала» (там же). В целом здесь ситуация складывалась по-разному в «городах-государствах», с одной стороны, и в монархиях — с другой,

хотя исход оказывался «летальным» для античного капитализма в обоих случаях. Если полис лишь «в высочайшей мере» усиливал «лабильный» по своей внутренней сущности «характер частных капиталов», «...но в то же время не мешал при этом все новым и новым вспышкам о б р а з о в а н и я капитала и с т р е м л е н и я к капиталистической эксплуатации» (2, 36), то монархии подрывали античный капитализм иным, гораздо более радикальным способом. «...бюрократический «п о р я д о к» монархического государственного хозяйства постепенно доводил до полного истощения как раз к р у п н е й ш и е капиталы, закрывая главнейшие и с т о ч н и к и прибыли» (там же).

В итоге «...там, где в замкнутых монархиях приостанавливалась, с одной стороны (...) эксплуатация деревни городом, а с другой стороны, прекращались войны и связанный с ними захват земли и людей в широких размерах, — там прекращалось и необходимое для расширения капиталистической эксплуатации рабского труда переполнение рынка дешевым человеческим товаром и приток удобных для капиталистической эксплуатации новых земель» (там же). Таким образом оказалось в итоге, что «...Столь благодетельный для массы поданных п о р я д о к, принесенный монархией, был как раз смертью для капиталистического развития и всего, что на нем покоилось... А там, где монархия к тому же принимает т е о к р а т и ч е с к и й характер, там и никогда не отсутствующая в таких случаях религиозная и законодательная «защита слабых» может — как это было на Востоке — превратиться в довольно крепкую границу капиталистической эксплуатации людей» (2, 37). А вот и нечто вроде эпилога к предыдущему веберовскому размышлению о «закате» античного капитализма, а вместе с ним и всей античной цивилизации: «Всегда, как раз в периоды «насыщенного» (от слова «сытость» — Ю. Д.) п о р я д к а, который как раз тождественен с н е п о д в и ж н о с т ь ю в экономической жизни — останавливается и полет капитализма» (2, 38—39).

* * *

Итак, мы имеем вполне достаточные основания заключить, что М. Вебер не только сам исходил из идеи «множественности» исторических типов капитализма, ибо «двои-

ца» — это уже принцип множественности, и там, где доказан факт существования двух существенно различающихся «видов» (или «типов») капитализма, вполне можно поставить вопрос и о третьей его разновидности, что и сделал автор «Аграрной истории...», поставив вопрос о существовании капитализма в западноевропейском Средневековье. В принципе он имел возможность — в случае необходимости (которой он, впрочем, не испытывал) — сослаться на авторитет самого автора «Капитала», который в XXIV-й главе этого монументального труда привел множество примеров «совместимости» раннего (и не очень «раннего») капитализма с рабовладением.

Но если убежденный «монист» К. Маркс предпочитал не делать далеко идущих выводов из факта «мирного сосуществования» капитализма с рабовладельческой архаикой (тем более, что это привело бы его к противоречию с собственной философией всемирно исторического процесса, понятого как последовательность смены «общественно-экономических формаций», так красиво расположившихся на незыблемой лестнице Прогресса), то столь же убежденный «плюралист» М. Вебер, не чувствовал себя связанным этими догматическими постулатами. Они представлялись ему решительно несовместимыми с его — сугубо эмпирически ориентированной социологией истории, с точки зрения которой существование капитализма не только в античности, но и в средние века было исторически доказуемым фактом, засвидетельствованным, в частности, и такими выдающимися исследователями, как Т. Моммзен и Э. Мейер.

Вопросом, разводящим М. Вебера с этими авторитетными «свидетелями Древности», было только то, считать ли, что во всех трех случаях — в Древности, Средневековье и Новое время — мы имеем дело с одним и тем же капитализмом, или речь должна идти о его различных «видах». Как мы могли уже убедиться из предыдущего изложения, М. Вебер решительно отстаивал второй вариант ответа, более соответствовавший его «методологическому индивидуализму» и, соответственно, плюрализму, тогда как Т. Моммзен и Э. Мейер (вместе с классиками политической экономии и их критиком — К. Марксом), отправлялись, в конечном счете, от постулата «единственности» капитализма и, соответственно, полного тождества «древнего» капитализма и «современного», — точка зрения, которая, согласно веберов-

скому убеждению, и должна была вести к недопустимой «модернизации» архаических разновидностей капиталистического способа хозяйствования. Завершая 7-ой параграф своей «Истории хозяйства», посвященный «городскому гражданству» и его особой роли в эволюции европейской культуры, М. Вебер задается вопросом о том, «какое влияние оказало все вышеизложенное» концентрирующееся вокруг различия специфических особенностей городов античного и средневекового типов «на развитие капитализма» (3, 210). При этом он считает, что ответить на него можно лишь обратив — «прежде всего» — «внимание на различие в способах получения дохода в древности и в средние века, на различие *видов капитализма* там и здесь» (там же).

Вопрос о том, можно ли говорить о капитализме в средние века, а тем более в античности перед М. Вебером не стоит. Положительный ответ на него уже заранее задан тем определением «капитала» и, соответственно, капитализма, которое он предложил в теоретико-методологическом Введении к «Аграрной истории Древнего мира». Теперь же он задается другим вопросом — о типологизации различных «видов» капитализма, имевших место» как в античности, так и в Средневековье. В ее основании у М. Вебера лежит различие между двумя, если можно так выразиться, «родами» капитализма — современным рациональным, который достиг безраздельного господства на Западе, с одной стороны, и «нерациональным капитализмом», который, по его утверждению, мы «встречаем повсюду и во все эпохи» (там же), — с другой.

В качестве примеров капитализма этого второго рода, различающихся способами «получения дохода», М. Вебер называет «капиталистические предприятия с целью откупов (на Западе, в Китае и Передней Азии) и с целью финансирования войн (в Китае, Индии во времена, когда там существовали отдельные государства), торговый спекулятивный капитализм (вряд ли можно назвать какую-нибудь историческую эпоху, когда он не существовал), ростовщический капитализм, путем ссуд эксплуатирующий затруднительное положение людей; все эти формы капитализма базируются на военной добыче, налогах, доходах по должности, должностных злоупотреблениях (...) и, наконец, на даях и на людской нужде. Все эти обстоятельства носят

хозяйственно-нерациональный характер и из них никогда не могла возникнуть рациональная система организации труда» (3, 210). А потому и не мог возникнуть рациональный капитализм.

Что же касается последнего, то, согласно М. Веберу, он «базируется на положении рынка, то есть на чисто хозяйственных условиях» и тем более рационален, чем больше опирается на массовое производство и массовый сбыт. А эту почву он мог обрести «лишь на современном Западе», где потому и развился в прочную систему» (там же). В прошлом же он мог возникнуть, да и то не надолго, лишь благодаря уникальному стечению обстоятельств. Так это случилось, например, в Древнем Риме, где некоторое время задавал тон «единственный капиталистический класс» античности, «рационализм которого может быть приравнен к рационализму современного капитализма» — «класс римских всадников», этих рационально действующих капиталистов, которые «со времени Гракхов играли в государстве «выдающую роль», хотя и наталкивались «на сопротивление служилой аристократии» (там же).

Впрочем, «капитализм этого класса» опирался отнюдь не на массовое производство. Он «черпал свою силу в использовании государственных предприятий и доходов, в аренде *ager publicus*, т. е. завоеванной земли, и казенных имений, откупах податей, в финансировании политических честолюбцев и военных расходов» (там же), — и в этом смысле мало чем отличался от других разновидностей архаического капитализма, судьбу которых он в конце концов разделил. Ведь если «сначала императоры зависят в финансовом отношении от всадничества», то «потом постепенно освобождаются от этой зависимости, лишая всадников откупов и таким образом отнимая у них главный источник богатства; таким же образом раньше египетские фараоны сумели обойтись в конце концов без откупщиков, как посредников по сбору податей, создав самостоятельную организацию для удовлетворения политических и военных потребностей государства и превратив откупщиков в финансовых чиновников» (3, 210—211).

Характеризуя этот «закат» античного капитализма, М. Вебер сопоставляет его с судьбой средневекового капитализма, поскольку, по его убеждению, именно в этом закатном свете наиболее четко выступает «различие между античным

капитализмом и капитализмом конца средних веков, из которых только последний опирается на условия рынка» (3, 210). Оно, это различие, «проявляется и в самом ходе общего развития после утраты городами их самостоятельности», поглощенной «бюрократически организованным мировым государством, в котором политическому капитализму (еще одно название, которое М. Вебер дает архаическому капитализму — Ю. Д.) уже не находилось места» (3, 210). В этом и заключалась его «архаичность»: он процветал на почве, вспаханной и засеянной не им самим. «В эпоху римских императоров аренда казенных имений повсюду заменяется наследственным владением. Вместо сдачи государственных подрядов предпринимателю организуются принудительные трудовые повинности подданных. Отдельные классы населения делятся по специальностям, и на эти вновь образованные профессиональные группы возлагаются государственные тяготы с круговой порукой. Это явление равносильно гибели античного капитализма» (там же).

Однако «закат» античного капитализма вовсе не означал для М. Вебера тотального крушения капиталистической формы хозяйствования. Капитализму предстояло второе рождение во времена европейского Средневековья (не путать с античным «средневековьем», о котором также писал М. Вебер и в «Городе», и в «Аграрной истории...»), а затем третье — уже в Новое время. Причем каждый раз «могильщиком» капитализма была, если верить автору этих книг, все та же *бюрократия*, тревожные признаки нового «пришествия» которой он с возрастающей тревогой констатировал уже в первом десятилетии XX века.

«Пригнетение частной экономической инициативы бюрократией, — писал М. Вебер, заключая свою «Аграрную историю...», — не есть специфическая особенность античного мира. В с я к а я б ю р о к р а т и я имеет тенденцию путем расширения своей сферы достигать того же действия. Также и наша. И в то время как в древности политика полиса должна была составлять «ускоряющее колесо» («Schrittmacher») для капитализма, в настоящее время капитализм является ускоряющим колесом б ю р о к р а т и з и р о в а н и я х о з я й с т в а» (2, 389). Иначе говоря, во времена расцвета античного капитализма «политика полиса» фактически была на службе капитализма, тогда как во времена «за-

ката» античного капитализма он сам становился слугой бюрократии, которая в конце концов задушила его. Та же судьба поджидает, согласно исторически фундированным опасениям М. Вебера, и современный капитализм.

А вот и доказательства обоснованности веберовских тревог: «Если мы вспомним об угле, железе и всех горных продуктах, о всех отраслях металлургической индустрии, далее о спирте, сахаре, табаке, спичках и по возможности обо всех, в настоящее время в высокой мере картеллированных массовых продуктах, взятых в государственные или *de facto* государством контролируемые производства, о владении доменами и о фидеикомиссиях и государством контролируемых платящих ренту поместьях, все умножающихся в проекте «Каница», проведенном со всеми своими последствиями, для надобностей войска и государственных чиновников, государством руководимых мастерских и потребительских обществах, о внутреннем судоходстве, тянущемся на буксире у государства, о морском судоходстве, находящемся под контролем государства, о всех взятых в казну железных дорогах и т. д., к этому еще о ввозе хлопчатой бумаги, регулируемом государственными договорами и руководимом государством, обо всех этих производствах, ведущихся в бюрократическом порядке, о «контролируемых» государственных синдикатах и обо всем прочем, регулируемым цеховым способом, посредством бесчисленных академических и иного рода удостоверений правоспособности, об обобщенном типе «*gentier paisible*», то, при милитаристски-династическом режиме, мы получим состояние эпохи позднейшей империи, только на технически более совершенной основе» (2, 389—390).

Опираясь на его собственную методику сравнительно-исторического анализа, М. Вебер делает общий вывод, вполне логически вытекающий из опыта как очень, так и не очень далекого прошлого: «Бюрократизация общества у нас по всем видимостям к о г д а - н и б у д ь также одолеет капитализм, как и в древности. И у нас тогда на место «анархии производства» наступит тот «порядок», который, в принципе сходный, отличает римскую императорскую эпоху и, еще больше, «Новое царство» в Египте и владычество Птолемеев. И ведь не думают только о том, что служба в бюрократически снабженном военными машинами, одетом, одержимом, вымуштрованном, командуемом казарменном войске может

представлять «противовес», и что вообще современная военная принудительная работа в династических государствах имеет внутреннее родство с гражданской боеспособностью прошлого» (2, 390).

Показательно, что М. Вебер не ограничивается этим ударным заключительным пассажем. Очевидно, полагая что при этом он может быть неверно понятым, например, в качестве примитивного циклиста, либо, что еще хуже, приверженца «однолинейного» понимания истории (скажем в духе «теории прогресса» или, что то же самое, но только с противоположным знаком «теории регресса»), М. Вебер прибавляет к своему заключению еще один — уже чисто методологический — абзац, подвергающий критическому «остранению» все заранее данные системы координат, в том числе и ту, отправляясь от которой он набросал прогноз будущего европейской цивилизации, который, надо полагать, показался ему слишком уж фаталистическим: «Но эти перспективы сюда не относятся... — пишет он, как бы дистанцируясь от них, и продолжает, корректируя свой прежний подход: — ...Континуум (das Kontinuum) средиземноморского, европейского культурного развития не знал до сих пор ни замкнутых «круговых движений», ни однозначно ориентированного «прямолинейного» развития. На время совершенно потонувшие явления античной культуры впоследствии опять всплывают в им чуждом мире. С другой стороны, как города поздней античной эпохи, в частности эпохи эллинизма, в области промышленности, так позднеантичные поместья (Grundherrschaften) в аграрной области были подготовительными ступенями средних веков» (2, 390—391).

Как видим, «перспективы», которые «сюда не относятся», — это те способы сравнительно-исторического видения, которые подталкивают исследователя (в данном случае самого М. Вебера) к апокалиптическому видению «Заката Европы». (Вспомним О. Шпенглера, не устоявшего перед этим соблазном несколько лет спустя после появления «Аграрной истории Древнего мира», о существовании которой он не мог не знать.) И М. Вебер делает вывод в пользу другого варианта сравнительно-исторической реконструкции западноевропейской истории, о котором здесь было также упомянуто. Речь идет о некоторых, так сказать, «архетипических» структурах, время от времени всплывающих в потоке

истории, но каждый раз в виде новых формообразований, обладающих теми чертами, которые, с одной стороны, «подобны» тем, что уже «имели место» в процессе исторической эволюции, но, с другой — обладают всеми признаками уникальности и неповторимости, свойственными каждому историческому феномену, так что их невозможно полностью отождествить с их «двойниками». В каком-то смысле они похожи на тех «знакомых незнакомцев», которых российская философская критика вновь и вновь открывала в русской классической литературе (к каковой, кстати сказать, испытывал «ненаучную слабость» и Макс Вебер.)

Так же обстоит дело и с «идеальными типами» веберовской социологии истории: по своей «идеальной» и даже «утопической» сущности они идентичны, несмотря на разделяющие их тысячелетия эмпирической истории, но образ, какой они принимают, «всплывая» в «им чуждом» мире (вернее, мирах), не позволяет слишком далеко заходить в проведении исторических параллелей. «Гладко было на бумаге, // Да забыли про овраги. // А по ним ходить.» А потому приходится посмотреть на тот же процесс «с другой стороны», рассматривая его типичные образы как «п о д г о т о в и т е л ь н ы е с т у п е н и» для более поздней эпохи или эпох.

* * *

Мы уже имели случаи обратить внимание на то, что, противопоставляя античному и средневековому капитализму современный, М. Вебер прежде всего и главным образом акцентирует его последовательно рациональный характер. Не ограничиваясь такими попутными замечаниями, он посвящает всестороннему обоснованию этого тезиса заключительный параграф своих лекций по истории хозяйства — «Развитие капиталистического мировоззрения». «В конце концов, — утверждает он, имея в виду новейший капиталистический тип хозяйственной организации общества, — создателями капитализма были: рациональное постоянное предприятие, рациональная бухгалтерия, рациональная техника, рациональное право; но даже и не они одни: мы должны отнести сюда рациональный образ мысли, рационализирование образа жизни, рациональную хозяйственную этику» (3, 221).

Как видим, речь здесь идет о *синтетическом* (как и при определении города) понятии капитализма, каждая из «составляющих» которого имеет свою особую историю, раскрываемую соответствующей научной дисциплиной: историей финансов, историей техники, историей права, историей этических учений и т. д. И только объединяя все эти, по необходимости односторонние подходы, М. Вебер получает в итоге объемное — социологическое! — изображение истории хозяйства и (в качестве ее важнейшей заключительной части) истории промышленного капитализма.

Любопытно, что «рациональная хозяйственная этика» называется последней среди «создателей» современного капитализма. Но это отнюдь не означает, что она была последней по значению. Иначе М. Вебер не начал бы именно с нее свой перечень тех проблем, которые предстояло решать Западу на пути к созданию рационального капитализма. Капитализм этого типа невозможен без рациональной этики точно так же, как он невозможен без всех остальных его (названных выше) составляющих, каждая из которых имела за собой длинную и не лишенную собственных проблем историю, которую нужно было пройти точно так же как «прошла» ее — в той или иной форме — веберовская социологическая история хозяйства. Одной из таких проблем была внутренняя антиномичность хозяйственной этики капитализма.

С одной стороны, как и всякая этика она не лишена известной консервативности, поскольку в основе «...вытекающих из нее хозяйственных отношений всегда лежит известная традиционность — святость предания, сохранение способов ведения торговли и хозяйства в том виде, в каком они перешли к нам от праотцов. Эта особенность глубоко сохраняется и в наши дни. (...) Неспособность и нежелание отказаться от рутины есть основа всякой традиции» (3, 222). Но, с другой стороны, в качестве этики *капиталистического* способа хозяйствования, она исполнена жаждой обогащения, стремлением к наживе, постоянно вовлекающим людей, ею обуянных, в конфликт с традиционными этическими нормами. Конфликт этих двух устремлений «хозяйственной этики» капитализма, вынуждал к компромиссам либо с одной, либо с другой стороны. Либо со стороны традиционной этики с ее стремлением к мере («умеренности») и заранее данному ограничению, либо со стороны «прокля-

той страсти» к злату, которая должна была проявить «добрую волю» к самоограничению.

Но в первом случае происходило некое примитивное «раздвоение личности», когда все, что запрещалось хозяйствующему индивиду в пределах рода, разрешалось по отношению к чужакам-инородцам. Во втором случае становилась реальной опасность парализовать у человека всякую своекорыстную инициативу, без которой вообще немыслима «хозяйственная этика» капитализма (или, по меньшей мере этика подталкивающая в капиталистическом направлении). Иначе говоря, «первоначально стремление к наживе сталкивалось с двумя, тесно друг с другом связанными препятствиями: с одной стороны, здесь влияет, так сказать, в н у т р е н н я я м о р а л ь, а именно подчинение домашним традициям и пиетет по отношению к членам своей семьи, рода и племени, что препятствовало возможности беззастенчивой наживы в кругу лиц, связанных известными узами; с другой стороны, — в н е ш н я я м о р а л ь, а именно беззастенчивость в средствах получения торговой прибыли вне этого круга, во внешнем обмене, где каждый чужеземец рассматривался как враг, по отношению к которому не обязательны никакие этические рамки» (3, 222). Однако такой «компромисс» традиционной морали с «духом наживы», властно требовавшим своих прав, мог открыть дорогу только для «иррационального» или (что здесь то же самое) «архаического» капитализма, который укоренился в «древнем Вавилоне и Китае, где «не ставилось других объективных пределов стремлению к наживе, кроме норм, устанавливавшихся внутри рода, в котором хозяйство велось на коммунистических или общинных началах» (3, 223). Но, «несмотря на это, там не развился современный капитализм» (там же). Архаический — в самых разнообразных формах — да, современный — нет.

«В результате, — заключает М. Вебер, — мы приходим к удивительному выводу: зародыши современного капитализма надо искать не в культурах Востока и античного мира, но как раз в тех странах, где официально господствовали явно враждебные ему (а не «компромиссные» — Ю. Д.) теории» (там же). На том же основании М. Вебер отказывается признавать вместе с В. Зомбартом решающую роль еврейства в формировании хозяйственной этики современного капита-

лизма. «...Еврейство, — согласно его концепции, — сохранило первоначально общий для всех (вариантов архаического капитализма — Ю. Д.) дуализм внутренней и внешней морали в том отношении, что с иноверца разрешалось брать проценты. Этот дуализм позволил евреям заняться экономически-иррациональными предприятиями, как, например, откупам и всякого рода финансированием государства. В течение нескольких столетий евреи достигли в этих областях такого искусства, что их специально повсюду приглашали и зазывали. Но то был капитализм париев, а не рациональный капитализм, как он впоследствии установился в Европе; поэтому среди крупных предпринимателей, творцов современной хозяйственной организации, почти нет евреев...» (3, 224—225). Тезис, — решительно отвергавший не только зомбартовскую, но и ранне-марксистскую трактовку «еврейского вопроса», взятого в контексте проблематики современного капитализма.

Что же касается самого М. Вебера, то он настаивает на противоположности дуалистически раздвоенной (и в этом смысле архаической) иудаистской этики не всякому, а именно современному капитализму с его «монистической» этикой, не различающей ее на ту, что существует лишь для «внутреннего» (в конце концов внутрисемейного) и ту, которая употребляется исключительно для «внешнего», «публичного» употребления. В качестве таковой, «как показывает Талмуд, национальная еврейская этика глубоко традиционна. Набожный еврей так же боится, — по утверждению М. Вебера, — всяких новшеств, как и представитель дикого народа, опасющийся за это мести таинственных сил» (3, 225).

Однако, настаивание М. Вебера на архаичности (и в этом смысле «иррациональности») иудаистской этики в данном пункте не мешало ему тем решительнее подчеркивать все аспекты позитивной роли иудаизма в формировании рационального капиталистического мировоззрения. По его утверждению, «иудейство имело важное значение для современного рационального капитализма постольку, поскольку оно передало христианству свое отрицательное отношение к магии. За исключением иудейства, христианства и двух или трех восточных сект, (из коих одна находится в Японии), нет ни одной религии с ясно выраженным отрицательным отношением к магии... Подготовив христианство и придав

ему характер свободной от магии религии, иудейство оказало тем самым огромное влияние на историю хозяйственной жизни; ибо магия, господствовавшая повсюду вне сферы влияния христианства, является одним из главных препятствий для рационального развития хозяйства. Магия равносильна рутине в области техники и экономики» (там же).

Заключение последнего параграфа «Истории хозяйства», а вместе с тем и всего этого курса лекций посвящено проблеме «призвания», которая оказалась центральной в классической работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма». И здесь представляет интерес заключительный абзац «Истории хозяйства», ставшей одновременно последним из крупных научных «предприятий» М. Вебера: «Этот религиозный корень современной экономической жизни уже отмер. Теперь понятие «призвания» представляет собой в мире *caput mortuum*. Аскетическая религиозность сменилась пессимистическим, отнюдь не аскетическим мировоззрением, как оно представлено в басне Мандевилля о пчелах: грехи и пороки отдельных лиц при известных обстоятельствах могут послужить всеобщему благу. Оптимизм «Просвещения», доказывавший всеобщую гармонию интересов, отбросив самым решительным образом все остатки протестантского религиозного пафоса, заимствовал от протестантского аскетизма лишь его взгляды на хозяйство (...) Хозяйственная этика, возникшая на почве аскетического идеала, лишилась теперь своего религиозного обоснования (...) Надежда на награды в будущем пала и на первый план выдвинулись все возрастающие противоречия интересов. Здесь кончается эпоха раннего капитализма и начинается железный век XIX столетия» (3, 230).

Это тот самый век, о котором десятилетием раньше А. Блок писал в своей поэме «Возмездие», так и оставшейся незавершенной:

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!

.....

Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!)

Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела...
А человек? — он жил безвольно:
Не он — машины, города,
«Жизнь» так бескровно и безбольно
Пытала дух, как никогда...»

А. Блок

Собрание сочинений в 8-ми тт.,
т. 3, с. 304

Литература

1. Вебер М. Город / Пер. М. И. Левиной // Вебер М. Избранное: Образ общества, — М.: Юрист, 1994, С. 309—439.
2. Вебер М. Аграрная история Древнего мира / Пер. под ред. Д. М. Петрушевского. — М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1923.
3. Вебер М. История хозяйства: Очерк всеобщей социальной и экономической истории / Пер. под ред. проф. И. М. Гревса. — Пг.: Наука и школа, 1923.
4. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1. — М.: Издательство политической литературы, 1983.
5. Вебер М. Город / Пер. Б. Н. Попова под ред. проф. Н. И. Карева. — Пг.: Наука и школа, 1923.

**АГРАРНАЯ
ИСТОРИЯ
ДРЕВНЕГО МИРА**

ВВЕДЕНИЕ

Общим для поселений европейского Запада и поселений культурных народов азиатского Востока, несмотря на все весьма существенные различия между ними, общим является то, что — если формулировать это коротко и потому не совсем точно — на Западе переход к окончательной оседлости есть переход от сильного преобладания *скотоводства* (или, еще точнее, разведения молочного скота) над земледелием к перевесу земледелия над совместно с ним существовавшим скотоводством, а на Востоке это есть переход от экстенсивного, следовательно, связанного с переходами с места на место землепользования (*Ackernutzung*) к интенсивному земледелию (*zum gartenmässigen Ackerbau*) *без* разведения молочного скота. Эта противоположность относительна и к доисторическим временам, может быть, не относится. Но, поскольку она существовала в историческое время, значение ее было достаточно велико. Ее последствием было то, что присвоение земли в собственность у европейских народов всегда связано с выделением на занятой общиной территории определенных пространств под *пастбище* и предоставлением их в исключительное пользование более мелким общинам, тогда как у азиатов, напротив, *этот* исходный пункт и тем самым и обусловленные им явления первобытной «*общности полей*» (*Flurgemeinschaft*), например, западное понятие марки и альменды¹, отсутствуют или имеют другой экономический смысл. Поэтому элементы общности полей в деревенском строе азиатского Востока, поскольку они вообще не новейшего происхождения, не возникли, например, из особенностей податной системы, и носят совсем иной отпечаток, чем в Европе. Отсутствует у народов азиатского Востока и «индивидуализм» как форма владения стадами со всеми его последствиями. У западных же народов, напротив (мы имеем в виду преимущественно, но не исключительно, Европу), мы почти повсюду можем проследить

развитие до известных исходных пунктов. Обычно тут — насколько мы можем судить — перешедшее окончательно к оседлости земледелие возникло вместе с сужением площади прокорма путем перенесения центра тяжести питания с дохода от разведения молочного скота на доход с полей. Это относится не только к Северо-Западной Европе, но, по существу, и к Южной Европе, и к Передней Азии. Но, впрочем, в Передней Азии (в Месопотамии), как и у единственного крупного африканского культурного народа, египтян, этот ход развития уже в доисторическую эпоху был сильно изменен решающим влиянием связанной с системой орошения культуры, сложившейся по берегам рек (Stromufer-und Bewasserkultur), которая, как можно себе по крайней мере представить, могла развиваться непосредственно из первобытного, предшествовавшего приручению домашних животных, чистого земледелия в свою позднейшую форму огородной культуры, во всяком случае она и в историческую эпоху наложила на всю хозяйственную жизнь свой очень специфический отпечаток.

Напротив, эллинические (несмотря на то, что как раз в античных источниках постоянно подчеркивается значение скота именно как *рабочего*, а не как молочного), а также римское общества в своей аграрной основе обнаруживают по существу больше родства с нашими средневековыми условиями. Черты, резко *отличающие* Древность от Средневековья, выработались на той ступени развития, когда после окончательного перехода к прочной оседлости масса населения ввиду необходимости перехода к более интенсивному труду была прикована к земле и по своим экономическим условиям не была уже способна служить для *военных* целей, так что путем разделения труда выделилось *профессиональное военное сословие*, которое и старалось для извлечения средств на свое содержание эксплуатировать невооруженную массу. Развитие *военного дела (и техники)* до степени искусства, требующего постоянного совершенствования и упражнений и потому доступного только людям, посвятившим себя этой профессии, шло с этим параллельно, отчасти как следствие, отчасти как вызывающая его причина. В Европе в начале средних веков подобный процесс привел, как известно, к возникновению «феодализма». В *той* форме, в какой он возник там и в то время, Древность знала его только в зачатках: соединение вассала

литета и бенефиция² и та форма, в какую вылилось романо-германское ленное право³, не имеют полной аналогии в Древности в историческую эпоху. Но ведь совсем и не нужно, и не правильно ограничивать понятие «феодализма» только этой специальной его формой. Культурным народам, как азиатского Востока, так и древней Америки, были известны учреждения, которые мы, имея в виду их функцию, без всякого колебания признаем «феодальными», и непонятно, почему бы не подвести под это понятие и *все* те социальные учреждения, в основе которых лежит выделение из общей массы населения господствующего слоя (Herrschicht), живущего для войны и службы царю, и его содержание при помощи привилегированного землевладения (будь то чиновничьи лены (die Amtslehen) в Египте и Вавилонии или спартанское государственное устройство), ренты и барщины, отрабатываемой зависимым невооруженным населением. Различие заключается лишь в том, каким образом военный класс расчленен и экономически обеспечен.

Среди различных возможностей расселение господствующего класса по всей стране в качестве *вотчинных землевладельцев* (Grundherren) есть та «индивидуалистическая» форма феодализма, которую мы встречаем на Западе в *средние века* (а в зачатках уже и на исходе Древнего мира) и которая поддается точному анализу. Напротив, средиземноморская и, в частности, эллинская Древность знала в начале своего культурного развития «городской феодализм» («Stadtfeudalismus») поселенных совместно в укрепленных местах профессиональных воинов. Не то, чтобы «городской феодализм» был единственной формой феодализма, известной Древности; но в этой форме он прямо господствовал в позднейших центрах «классической» политической культуры в начале их своеобразного политического развития. Он означал поэтому для них нечто *большее*, чем то, что означало принудительное переселение сельского дворянства в некоторые города в средневековой Италии.

Импорт более развитой иноземной военной техники производился в *Южной* Европе в древности *морским путем* и одновременно с тем, как захваченные им раньше всего прибрежные местности вступили в широкий, по крайней мере, если судить по его географическому протяжению, *оборот*. Как правило, классом, который прежде всего извлекал выгоду из этого оборота, как раз и был господствующий класс

феодалов. Поэтому *специфически* античное феодальное развитие и привело к образованию феодальных *городов-государств*. Напротив, *Центральная Европа* в начале средних веков *сухим путем* была охвачена по существу однородным военно-техническим развитием. Когда она созрела для феодализма, в ней *не было* такого, как в древности, сильно развитого оборота, в связи с чем здесь феодализм строился в гораздо большей степени на земельной основе и создал *феодальное поместье (Grundherrschaft)*. Поэтому связь, которая связывала здесь господствующий военный слой, была по существу чисто личной связью ленной верности; в древности же это была гораздо более крепкая связь права городского гражданства.

Отношение этого *античного* городского феодализма к *меновому* хозяйству напоминает нам рост свободного ремесла в наших средневековых городах, падение господства в городе знатных родов («Geschlechter»), скрытую борьбу между «городским хозяйством» и «феодальным поместьем» («Grundherrschaft») и разложение феодального государства благодаря развитию денежного хозяйства в эпоху позднего Средневековья и в Новое время.

Но эти аналогии со средневековыми и современными явлениями, сами собой напрашивающиеся на каждом шагу, по большей части в высшей степени ненадежны и нередко прямо-таки вредны для непредвзятого познания. Ибо эти сходства легко могут быть обманчивы и нередко и действительно бывают такими. Античная культура имеет специфические особенности, которые резко отличают ее как от культуры средневековой, так и от культуры Нового времени. По своему экономическому центру тяжести она до начала императорской эпохи является на Западе *береговой, приморской культурой (Küstenkultur)*, а на Востоке и в Египте *прибрежной, речной культурой (Stromuferkultur)* с географически экстенсивной и приносящей высокую прибыль внутренней межрегиональной (interlokalen) и международной торговлей, которая, однако, по относительному значению количества обменивавшихся товаров, если исключить некоторые значительные *intermezzi*⁴, остается *позади* позднего Средневековья.

Правда, предметы торговли очень разнообразны, и в их число входят и неблагородные металлы и гораздо больше сырых материалов, чем можно было бы предполагать а priori.

Но, с одной стороны, сухопутная торговля может только в отдельных пунктах, да и то лишь в отдельные периоды, идти в сравнение с (торговлей) позднего Средневековья; с другой стороны, и в морской торговле большинство предметов массового потребления играют действительно господствующую роль лишь в известных высших пунктах политического и экономического развития, прежде всего в случаях монополизации штапельного права: в Афинах, позднее на Родосе, в Египте и в Риме. Сумма годового оборота, которую Белох определяет на основании данных об аренде пирейских пошлин за 401—400 гг. (пошлина взималась в размере $\frac{1}{50}$ стоимости товара, арендная плата равнялась 30—36 талантам⁵, следовательно, оборот был около 2000 талантов = около 13 млн. фр.), составила бы, впрочем, для одного Пирея, к тому же очень скоро после Пелопонесской войны⁶ (и не принимая во внимание разницы в покупной цене денег) во всяком случае приблизительно $\frac{1}{10}$ внешнего оборота теперешнего* Греческого королевства (130—140 млн.), что составляет, конечно, внушительную сумму и достоверную в *том случае*, если будет окончательно установлено, что *эти* торговые пошлины равнялись тогда лишь 2% и что на откуп сданы были *только* они одни, а не вместе с какими-либо иными платежами. Но тут все спорно. Еще внушительнее была бы сумма в 1 млн. (родосских) драхм (= приблизительно 140 аттическим талантам), которой достигал по утверждению родосцев (NB!) пошлинный сбор их острова (занимавшего, впрочем, исключительно привилегированное положение среди почти всех эллинистических государств) до основания свободной Делосской гавани (после того — только 150 000 драхм!), если бы это утверждение не было довольно-таки сомнительным, несмотря на свой «официальный» характер. Чтобы, тем более, 5%-ный сбор с морского оборота *одних* союзных городов, не считая Афин и самых больших островов, установленный афинянами в V в. до Р. X. взамен известных взносов союзников, хотя бы только по *их* субъективному расчету мог дать 1000 талантов, как утверждает Белох, представляется мне немислимым. Место из Фукидида⁷, которое имеют при этом в виду, по своей чрезмерной сжатости не может служить достаточным основанием для правильного понимания смысла этого

* Т. е. начала XX в. — (Прим. ред.).

мероприятия, и к тому же эту цифру трудно согласовать с 30—36 талантами аренды пирейских пошлин. И подать, заменяемая 5%-ным повышением цены ввозимых морем товаров, была бы детской игрой. 55 млн. сестерциев⁸ (16 млн. франков), которым равнялся годовой ввоз Египта морем из Индии при Веспасиане⁹, так как, по-видимому, чтение соответствующего места источника правильно, составляют во всяком случае очень значительную сумму, выше которой, по-видимому, и не поднимался торговый оборот в античном мире в свободной *частной* торговле — без государственного контроля и без государственного пособия. При всяких цифрах, относящихся к античной древности, надо, кроме того, всегда помнить, что не одни вещи, но также и *люди* (рабы) составляли (благодаря легкости их транспортировки) во времена расцвета торговли очень важный, а в *мирные* времена, при хорошем качестве, и очень ценный предмет торговли. Зависимость от подвоза иноземного хлеба там, где она в древности составляет постоянное явление, *всегда* была обстоятельством, которое вызывало вмешательство со стороны власти и влекло за собой институционные и политические последствия самого широкого характера, потому что частная торговля являлась недостаточной для того, чтобы обеспечить население продовольствием (литургии¹⁰ в Афинах, закупка хлеба государством на деньги, обеспеченные ипотекой, и раздача его гражданам, как в Самосе и т. д., вплоть до грандиозных мероприятий Рима).

Как известно, не только средним векам, но и эпохе меркантилизма, и даже еще в настоящее время России знакома хлебная торговая политика, преследующая подобные же цели. Но по своему политическому значению, хотя бы с вавилонской и египетской системой государственных магазинов (Magazinsystem)¹¹ или даже с римской системой аннон¹² магазинная политика (die Magazinpolitik) абсолютных государств и даже России (где она достигла наибольшего развития) может быть сравниваема лишь очень издали.

К тому же здесь и цели, и средства (даже в России) иные. *Своеобразие* античной хлебной политики по сравнению с современной объясняется главным образом совершенно иным характером *античного* так называемого «пролетариата» по сравнению с теперешним пролетариатом. То был пролетариат *потребителей* (ein Konsumenten-Proletariat), толпа деклассированных мелких *буржуа*, а не нынешний пролета-

риат — рабочий класс, который на своих плечах несет *производство*. Современный пролетариат, как класс, в древности *не существовал*. Ибо античная культура, отчасти благодаря малой стоимости содержания человека в местах ее расцвета, отчасти по причинам историко-политическим, либо опиралась главным образом на *рабство* — как было в Риме конца республики, — либо, по меньшей мере там, где преобладал в частно-правовом смысле «свободный» труд (как в эпоху эллинизма и в императорскую эпоху), все-таки в такой мере была проникнута рабским трудом, как этого никогда не бывало в средневековой Европе. Конечно, остраконы¹³ и папирусы эпохи Птолемеев¹⁴ и Римской империи, так же, как и, например, Талмуд¹⁵, свидетельствуют о значении *свободного* труда на эллинистическом Востоке и вне пределов требующего выучки ремесла, да и надписи говорят о нем очень ясно. Специфически капиталистическое понятие «работодателя» (ἐργοδότης) было, по-видимому, развито. Но, что весьма характерно, там, где требуется обеспечение рабочей силой в *большем* количестве и на твердо определенные сроки, например, хотя бы на птолемеевских монопольных масляных прессах, сейчас же принимаются меры для косвенного или прямого ограничения свободы передвижения. И *рабство* особенно *сильно* выступало на первый план как раз в эпохи и в местах «классического» расцвета «свободных» общин. Хотя количество рабов, как и их социальное значение для достаточно больших частей и периодов античного мира (в частности для эпохи эллинизма, более всего для Египта, но также и для более раннего Востока и Греции) было, несомненно, как теперь установлено (см. ниже) довольно сильно преувеличено, однако это все-таки не слишком сильно меняет принципиальное значение этого различия.

Во всяком случае, после всего этого нельзя уже обойти вопрос, не проявляются ли вообще в экономическом строе Древнего мира черты, исключаящие возможность применения к нему категорий, которыми мы пользуемся при изучении хозяйственной истории средних веков и тем более Нового времени. Вокруг этого вопроса за последнее десятилетие шли оживленные, отчасти даже страстные, споры.

Исходным пунктом дискуссии послужила теория *Родбертуса*, по которой античный мир в своей совокупности принадлежал к сконструированному им периоду «ойкосного» хозяйства¹⁶, т. е. производства для собственных надоб-

ностей, которое ведет расширенный с помощью несвободного труда дом; античное разделение труда по существу было только специализацией труда в пределах большого рабовладельческого домашнего хозяйства, обмен был явлением непостоянным и случайным, имеющим целью утилизировать случайные излишки в принципе самодовлеющих крупных домашних хозяйствах («автаркия¹⁷ ойкоса»). И Карл Бюхер принял эту родбертусовскую категорию «ойкоса» как *характерный* для Древности тип хозяйственной организации, однако, судя по его аутентичному толкованию этого взгляда — насколько я его понимаю — в смысле «идеально-типической» *конструкции* хозяйственного строя, который в древности выступал с особенно сильным *приближением* к чистому понятию домашнего хозяйства со всеми его специфическими последствиями, но без того, однако, чтобы домашнее хозяйство господствовало во *всем* Древнем мире, на *всем* его протяжении и во *все* эпохи, и (это можно прибавить без всяких колебаний) без того, чтобы это «господство» в те эпохи, когда оно существовало, означало что-либо большее, чем, правда, очень сильное и по своим последствиям чрезвычайно действенное *ограничение* явлений обмена в их значении для удовлетворения потребностей и соответственное деклассирование *тех* слоев общества, которые могли бы быть носителями обмена. Правда, было вполне в порядке вещей, что Бюхер, рассматривая Древность как *наглядный пример* типа «ойкосного хозяйства» (таков ведь должен был быть тогда смысл его разъяснений), поневоле в известной мере подчеркивал как раз подходящие для этой парадигматической цели составные части античной хозяйственной истории, так что у историков появилось представление, будто, по его мнению, всему античному хозяйству можно целиком приписать характер «ойкосного хозяйства», а рядом с этим, во всяком случае в городах, характер «городского хозяйства» (в «идеально-типическом» смысле этого слова). Э. Мейер в своих возражениях против понятия так (по разъяснению Бюхера, понятия неверно) бюхеровского взгляда пошел так далеко, что отверг *вообще* применение к Древности особых экономических категорий и сделал попытку, по крайней мере в отношении к классическому периоду расцвета Афин, оперировать* с совсем совре-

* Замечательно то, что эти предполагаемые античные фабрики можно было таким образом «утаить» (Афоб) или «промотать» (Тимерок), что

менными понятиями, такими как «фабрика» и «фабричные рабочие», и вообще доказывал, что мы представляем себе не «в достаточно современном духе» («gar nicht modern genug») условия тогдашней хозяйственной жизни, между прочим, и то значение, какое имели тогда торговля и банки. Между тем (чтобы ограничиться одним этим замечанием) до сих пор еще не доказано существование в древности даже свободной «домашней промышленности» («Hausindustrie») в том значении этого понятия, в каком она существовала уже в XIII в. после Р. Х., т. е. с договорными формами кустарной системы («Verlagssystem») (следовательно, не только как фактическая эксплуатация производителя знающим рынок купцом, которая была известна, конечно, и в древности). Но уже совершенно не имеется до сих пор никакого доказательства существования «фабрик», хотя бы только в чисто *техническом* смысле, в организации производства включающем, например, и русские крепостные фабрики, опиравшиеся на барщинный труд, а также и государственные мастерские, работающие для собственного потребления). Ни о каких *промышленных* предприятиях, которые бы по своим размерам, по своей долговременности и техническим свойствам (концентрации процесса труда в мастерских с разделением и с объединением труда и с постоянным капиталом) заслуживали бы названия фабрики, как о сколько-нибудь распространенном явлении, источники не знают *ничего*. В качестве *нормальной* формы производства они ни разу не встречаются ни в производстве фараонов, ни в монопольном производстве Птолемеев и позднейшей Римской империи, которые скорее всего *могли бы* их напоминать (см. ниже.). Эллинский ἐργαστήριον¹⁸ (эргастерий) есть в сущности *людская* (Gesindestube) состоятельного человека — большей частью купца, в частности импортера ценного сырья (например, слоновой кости) — в которой он с помощью любого количества скупленных или взятых в заклад с правом пользоваться их трудом обученных рабов, под надзором надсмотрщика (ζυεὼν οὐ ἐργαστήριον) перерабатывал ту часть сырья, которую он не продал свободным ремесленникам (Demosth. XXVII 823, 19). Этот эргастерий можно *делить* на сколько угодно частей (продавая часть

они в *буквальном* смысле слова исчезли с лица земли, не оставив никакого следа! С современной фабрикой во всяком случае этого не могло бы произойти.

рабов), как кусок свинца, потому что он представляет собой недифференцированное скопление попавших в рабство *рабочих*, а не дифференцированную *организацию труда*. И встречающиеся кое-где в крупных сельскохозяйственных производствах «побочные промышленные производства» («Nebengewerben») для сбыта, так же как и мастерские для переработки сырья при монопольных правительственных организациях (Monopolverwaltungen) на Востоке и во времена Римской империи и, несомненно, как и в средние века, принимавшие иногда более значительные размеры текстильные «производства» (Textil-«Betriebe») хозяек княжеских домов, являются лишь придатком плантаций податного управления или «ойкоса», но не «фабриками».

Если бы действительно где-нибудь можно было доказать наличие зачатков чего-нибудь, в техническом смысле похожего на «фабрику» — что, разумеется, вполне *возможно* в древности так же, как это было возможно в крепостное время в России — то, конечно, эти исключения по тем же причинам, как и эти русские «фабрики» (см. ниже), лишь «подтверждали бы правило». Ибо, во всяком случае, это не было бы постоянным явлением *частной* хозяйственной жизни.

Далее, можно доказать или по крайней мере допустить существование в древности в практике государственных откупщиков очень немногих политических центров (главным образом Рима, затем Афин и некоторых других) банковских предприятий, которые по своему объему и характеру превосходят по степени то, что существовало в этом роде в XIII в. в средние века, но превосходят *количественно*, а не качественно. Деловые *формы торговли* — морская ссуда, коммента¹⁹ (характерные для *прерывности* («Diskontinuität») «раннекапиталистической» торговли), дела по банковым уплатам и банковым переводам — по своей юридической форме характерны ведь для раннего Средневековья; известный уже в эпоху раннего Средневековья вексель²⁰ существует только в своих начальных стадиях; размер процента по высоте, сроку уплаты и законодательной регламентации также обыкновенно носит раннесредневековый характер. Отсутствие всяких, уже в средние века известных форм государственного кредита, которые могли бы превратить его в регулярный источник ренты с капитала, характерные его суррогаты, затем колоссальные «сокровищницы» («Horte») восточных, в частности персидских, царей

равно как и сокровища греческих храмов с тем значением, которое они имели, и с их обычным применением — все это показывает, как *мало* наличные запасы благородного металла находили применения в качестве «капитала».

Нет ничего опаснее, чем представлять себе отношения античного мира на «современный лад»: кто делает это, тот недооценивает, как это довольно часто бывает, ту дифференциацию форм, которую произвели — хотя и на *свой собственный лад* — у нас уже средние века в области капиталистического права (Kapitalrecht), и которая, *тем не менее*, не уменьшает расстояния, отделяющего средневековый хозяйственный строй от нашего. Государственным и наполовину государственным денежным операциям хотя бы птолемеевского банка с его колоссальной денежной наличностью или даже денежным операциям римских откупщиков можно найти поразительную параллель в соответствующих явлениях в *средневековых* городах-государствах (например, в Генуе²¹); однако уже в XIII в. эти последние превзошли их в технике хозяйственного оборота. И далее, необходимо также всегда усиленно настаивать на том, что «ойкос», как его понимает Родбертус, действительно играл в хозяйстве Древнего мира в высшей степени важную роль. Но только он, с одной стороны (это я в свое время старался доказать) — для лежащей в свете истории эллинско-римской Древности, — является продуктом лишь позднейшего развития (императорской эпохи) и составляет переходную ступень к феодальному хозяйству и феодальному обществу раннего Средневековья. С другой стороны, он (на Востоке и отчасти также в Элладе) стоит *на пороге* доступной нам истории, как ойкос, правда ойкос царей, князей и жрецов, отчасти наряду с мелким домашним хозяйством подданных, отчасти — там, где существует барщина этих подданных — главенствуя над ним. Но и тут он, конечно, *отнюдь* не был чем-то, в родбертусовском смысле, выросшим непосредственно из расширенного собственного хозяйства древних домовых общин. Отчасти ему присущ государственно-социалистический характер, как это было, может быть, преимущественно в Египте в результате общественно-хозяйственного (gemeinwirtschaftlichen) регулирования воды; отчасти (на Востоке и в древней Элладе) он обязан своим возникновением тем *торговым* барышам, которые получал древнейший представитель правильных меновых сношений, вождь и князь, путем обмена по-

дарками, от фактической монополии в посреднической торговле, наконец, от самостоятельной торговли (и неразрывно связанного с ней морского разбоя), и какие, в виде его сокровища, служат опорой его господствующего положения и источником расширения его хозяйства. Тем не менее, удовлетворение потребностей в этом ранне-античном «ойкосном» хозяйстве князей и политически господствующего сословия повсюду совершалось *главным образом*, натурально-хозяйственным способом. Принудительные поборы, барщина, захват рабов путем разбоя давали князьям средства для выменивания чужих товаров, а благородные металлы княжеской казны (даже и персидского царя) служили не для регулярно совершаемого покрытия потребностей денежно-хозяйственным способом, а для награждения тех или иных лиц или для возникавших при случае политических надобностей. Но точно так же натуральное хозяйство получало все большее и большее господство и в феодальных поместьях (Grundhegtschaften), и в организованном в форме «ойкосного» хозяйства («oikenwirtschaftlich») государственном хозяйстве *поздне*-античной эпохи (начиная с III в. до Р. Х.). Напротив, в *классические* периоды Древности, когда мы видим крупные состояния, заключающиеся в рабах, это было не в такой мере, как полагал Родбертус, и никогда в такой степени, как и я со своей стороны был прежде склонен допускать: по моему, в этом пункте правым надо признать Э. Мейера и некоторых из его учеников (например, Гуммеруса).

Точно так же следует, по моему, признать, что само по себе вполне законное стремление выяснить специфические особенности хозяйства Древности, к которым, несомненно, принадлежит *также* и рабский труд, неоднократно (как, например, было и со мной) приводило к слишком низкой оценке количественного значения свободного труда, как это показали работы Вилькена для Египта, занимающего, впрочем, как раз в этом несколько нестандартную позицию. Древность знает наряду с несвободным и полусвободным земледельцем также и свободного земледельца — в виде собственника, арендатора, снимающего землю за деньги, арендатора из части продукта, она знает наряду с домашним производством (Hausfleiss) и несвободным ремесленным трудом также и свободного ремесленника — в виде ремесленника, работающего для продажи на рынке («Preiswerker»), в виде ремесленника, работающего на заказ (Lohnwerker) (по-

следнее *гораздо* чаще) и (тоже очень часто) в качестве занимающегося ремеслом лишь как побочным занятием (Nebenproduzenten) — знает ремесленное производство как семейное или как одиночное производство (широко преобладающее) или как производство, которое вел мастер с одним или несколькими рабами и свободными или (в большинстве случаев) несвободными учениками. Древность знает, далее, совместную работу артелями мелких ремесленников (σὺνερῶν). Она знает совместный наем обученных рабочих подрядчиком (ἐργολάβον) для определенной конкретной цели (почти исключительно государственные рабочие). Но в Древности совсем не существует, например, *слова* для нашего понятия «подмастерья» («Geselle») (которое ведь возникло благодаря борьбе против «мастера» — опять понятие, чуждое Древности). Ведь, несмотря на довольно богатое развитие союзов, Древность вообще не знает ремесла на такой ступени автономной организации, с таким искусным расчленением и с такой организацией труда (институт подмастерьев), каким уже владели на высшей точке своего развития в средние века. Цеховая или цехообразная организация там, где она существует в древности, почти всегда представляет собой по существу скорее принудительную государственную организацию литургий. Социальное положение ремесленника, за исключением мимолетных и лишь частичных (и то больше кажущихся) перерывов во времена эллинской демократии, было угнетенным, и *нигде*, очевидно, у занимавшихся промышленностью не хватало силы добиться *правовой* концентрации в городах, как было в средние века (о причинах см. ниже в главе об Афинах). Наконец, Древность знает свободного необученного наемного рабочего, который постепенно возник из проданного на время (ребенок, должник) или себя самого на время продавшего в рабство человека. Она знает его как работающего во время жатвы и большими массами на общественных земляных и строительных работах или иных государственных предприятиях, в иных же случаях, в общем, как явление случайное, большей частью разрозненное и непрочное.

Теперь спрашивается: знает ли Древность в достаточной (в культурно-историческом смысле) мере *капиталистическое* хозяйство?

Прежде всего, в общем, первоначальную основу площади прокорма античного города (как и восточного, а также

любого средиземноморского полиса древнейшего периода) в такой высокой мере составляло получение *рент* жившими в городе князьями и знатными родами с их земельных владений, а также взносов, поступавших в определенных случаях с их подданных, как это теперь можно встретить только в специфических городах-резиденциях, или — чтобы взять более подходящий пример — как это было в Москве в эпоху крепостного права в России. Значение этих источников дохода и, в связи с этим, особенно тесная зависимость экономического «расцвета» городов от *политических* условий, которая обнаруживается в резких перипетиях этого «расцвета», очень сильно давали себя знать и на протяжении всей древней истории. Античные города были *всегда* в *гораздо* более высокой мере, чем средневековые, *потребительными* центрами и, напротив, в *гораздо* меньшей мере *производительными*. Ход развития античных городов, несмотря на многочисленные, отчетливо выраженные в них явления «городского хозяйства» (см. ниже), нигде не приводил к «городскому хозяйству» («*Stadtwirtschaft*»), так сильно приближающемуся к «идеальному типу», данному в этом понятии, как это было во многих городах средних веков, — вследствие того, что античная культура была по своему основному характеру культурой *прибрежной*. И вот, если мы видим в древности а) возникновение городских промыслов с целью экспорта некоторых изделий, требующих высоко интенсивной и высокой по качеству работы, б) постоянную зависимость от подвоза хлеба издалека, в) торговлю рабами, г) сильное преобладание специфически торговых интересов в политике, то спрашивается: являются ли эти резкими толчками приливающие и отливающие «хроматические» эпохи эпохами с «капиталистической» структурой?

Это зависит от определения понятия «капиталистический», которое — само собой разумеется — может быть весьма различным. Одно остается во всяком случае неоспоримым — это то, что под «капиталом» всегда следует понимать *частнохозяйственный* «приобретательский капитал» («*Erwerbskapital*»), если вообще терминология должна иметь какую-нибудь ценность для целой классификации; следовательно — блага, которые служат цели приобретения, прибыли в процессе *обращения* благ. Таким образом, *во всяком случае* необходимым условием является то, что производство должно иметь своим базисом «меновое хозяйство» («*ver-*

kehrswirtschaftliche» Basis). Следовательно, с одной стороны, *продукты* (по крайней мере отчасти) должны *становиться* предметами оборота. Но и, с другой стороны, *средства производства* должны *были* быть предметами оборота. Под понятие «капиталистический» в аграрной области, следовательно, не подходит всякая вотчинная (grundherrliche) эксплуатация сеньором людей, подвластных ему по *личному* праву, просто как источник рент, податей и пошлин, как было в начале средних веков, когда крестьян эксплуатировали, собирая с них платежи за владение землей, пошрины с наследства, с оборота и личные платежи как натурой, так и деньгами: ведь здесь ни находящаяся во владении земля, ни находящиеся под властью люди не составляют «капитала», потому что власть над тем и другими (в принципе) опирается не на *приобретение* в процессе свободного оборота, а на *традиционную связанность* большей частью *обеих* сторон друг с другом.

И Древности известна эта форма вотчинного землевладения (Grundherrschaft). С другой стороны, Древности известна входящая в сферу *менового* хозяйства сдача земельного владения *в аренду* мелкими участками; но тут земельное владение является источником *ренты* (Rentenfonds), и «капиталистическое» *производство* опять *отсутствует*. Эксплуатация подвластных людей в качестве *рабочей силы* в собственном *производстве господина* встречается в древности и как поместное производство (Fronhofsbetrieb) с помощью колонов²² (царство фараонов, домены²³ императорской эпохи), и как крупное производство с помощью труда покупных рабов, и в виде комбинации того и другого. Первый случай (поместный строй) (Fronhof) представляет трудности в смысле классификации, потому что здесь возможны разнообразнейшие переходные ступени от формально «свободного» земельного оборота и «свободной» аренды колонов (следовательно, на основе менового хозяйства) до полной традиционной социальной связанности обязанных повинностью колонов в отношении к господину и господина в отношении к ним. Последнее непременно является правилом там, где только существует производство с помощью колонов. Сами колоны *лично* не представляют собой «капитала»; они стоят вне сферы *самостоятельного* свободного оборота, но их служба (службы) *вместе* с землей может быть предметом оборота и действительно бывает им (Восток и

времена позднейшей Римской империи). Производство в таких случаях есть нечто среднее: оно «капиталистическое», поскольку продукты производятся для рынка и земля является предметом оборота, и не капиталистическое, поскольку рабочая сила как средство производства изъята из сферы купли или найма в процессе *свободного* оборота. Но, как общее правило, существование вотчинного производства (Fronhofsbetrieb) есть переходное явление или от «ойкоса» к капитализму, или, наоборот, к натуральному хозяйству. Это ведь всегда есть симптом относительной *слабости* капитала, в частности, слабости производственного капитала, которая находит свое выражение в перекладывании потребности в средствах производства на зависимые хозяйства и в *устранении необходимости* иметь а) капитал на покупку инвентаря, б) капитал или на покупку рабов или на заработную плату при помощи эксплуатации подневольного труда и (обыкновенно) объясняется (сравнительно) мало развитой интенсивностью хозяйственного оборота.

Производство при помощи *купленных* рабов (т. е. производство в *условиях*, в которых рабы являются нормальным предметом оборота, безотносительно к тому, были ли они действительно (in concreto) приобретены путем купли) на собственной или арендованной земле есть с экономической точки зрения, конечно, «капиталистическое» производство: земля и рабы составляют предмет *свободного* оборота и, конечно, представляют собой «капитал»: рабочая сила, в отличие от того, как это делается в производстве с помощью «свободного труда», покупается, а не нанимается, а *если* (в виде исключения) нанимается, то не у ее носителя (рабочего), а у его господина. *Потребность* в капитале для одинакового количества рабочей силы, ceteris paribus²⁴, здесь, следовательно, значительно больше, чем при применении «свободного труда», — так же, как *покупатель* земли, ceteris paribus, должен затратить больше капитала, чем ее *арендатор*.

Наконец, крупное капиталистическое производство со «свободным трудом», которое при одинаковой степени накопления капитала делает возможным гораздо большую затрату капитала на *вещественные* средства производства, Древности в качестве *нормального* и постоянного явления в области частного хозяйства ни в сельском хозяйстве, ни вне его неизвестно. Конечно, производство помещичьего типа («squire»-Betrieb) встречается на Востоке и в Элладе, но как

раз в те эпохи и в тех областях, в которых господствуют *традиционные* порядки (эллинистические внутренние области, Талмуд, некоторые эллинистические области), а не в областях с *прогрессирующим* экономическим развитием. *Прочные крупные производства* со связанным исключительно *лишь* контрактом, следовательно, формально «свободным» трудом, если не считать государственных предприятий, о которых речь впереди, насколько известно, не встречаются — во всяком случае в *значительной* (в практическом, экономическом и социальном смысле) мере, в «классических» местах античной культуры; иначе было (отчасти) на позднем Востоке.

В настоящее время понятие «капиталистического производства» привыкли ориентировать как раз на эту форму производства, потому что именно она порождает своеобразные *социальные* проблемы *современного* «капитализма». И поэтому, стоя на этой точке зрения, хотели отвергнуть существование в Древнем мире и господствующее значение «капиталистического хозяйства».

Между тем, если понятие «капиталистического хозяйства» не ограничивать совершенно немотивированно определенным способом *эксплуатации* капитала — именно эксплуатацией чужого труда путем договора со «свободным» рабочим, — не вносить, следовательно, *социальных* признаков, но вкладывать в это понятие чисто экономическое содержание и признавать наличие «капиталистического хозяйства» везде там, где объекты владения, составляющие предмет *оборота*, эксплуатируются частными лицами с целью приобретения *прибыли* способами, присущими меновому хозяйству, — тогда нет ничего бесспорнее далеко идущего «капиталистического» отпечатка, лежащего на целых — и как раз на «величайших» — эпохах античной истории. Но только и тут надо остерегаться преувеличений (не об этом после). Затем, составные части капитала, точно так же, как и способ его эксплуатации, обнаруживают характерные особенности, имеющие опережающее значение для всего хода античной хозяйственной истории. Среди *составных частей* капитала, разумеется, *отсутствуют* все те средства производства, которые созданы техническим развитием последних двух столетий и составляют нынешний «постоянный капитал», с другой стороны, к ним надо прибавить одну важную составную часть, которая отсутствует

теперь: рабов, попавших в рабство за долги, и рабов купленных. Среди способов *эксплуатации* капитала отстывает на задний план помещение капитала в промышленность и, в частности, в «крупные производства» в области промышленности; напротив, прямо доминирующее значение имеет в древности один способ эксплуатации капитала, который в настоящее время по своему значению совершенно отступил на задний план: государственный откуп.

Способы помещения капитала во времена классической древности были следующие: 1) взятие на откуп или участие в откупе государственных налогов и общественных работ; 2) разработка рудников; 3) морская торговля (с помощью собственных судов или в форме участия в торговле, в частности, путем морской ссуды); 4) плантационное производство; 5) банковские и им подобные дела; 6) отдача денег взаймы под заклад земли; 7) торговля с заграницей (в форме не прерывающегося крупного предприятия лишь sporadически, — на Западе лишь в первые два века императорской эпохи с севером и северо-востоком — большей частью в виде помещения комменды в караванную торговлю); 8) отдача внаем (иногда обученных) рабов или устройство их как самостоятельных ремесленников или торговцев за «оброк», как бы сказали русские, и наконец, 9) капиталистическая эксплуатация обученных *ремеслу* рабов, находящихся в полной собственности или же взятых в залог, производившаяся в «мастерских» или без них (примеры ниже, в главе об Афинах). Частое применение рабского труда в собственном *частном промышленном* производстве не подлежит сомнению. Встречаются ремесленники, работающие сами вместе с несколькими рабами. *Капиталистическая* эксплуатация рабского труда встречается в форме упомянутого выше эргастерия, о котором еще будет речь. Существовавшая, несомненно, на Востоке и господствовавшая в Египте эксплуатация собственных рабов в форме «несвободной домашней индустрии» (предоставление господином рабу сырья (сырого материала) и рабочего инвентаря, доставка рабом продуктов, изготовленных им у себя *на дому*), существовала, конечно, и в «классическую» эпоху, хотя существование ее и не может быть доказано с полной достоверностью. Если же на многих (максимум пока около 80) вывезенных за пределы их родины аттических вазах стоит одно и то же имя, то это, конечно, имя «художника» (а не «фабриканта» или

скупщика («Verleger»), которое затем присваивает себе иногда в качестве эпонима²⁶ семья гончаров, в которой техническое умение переходило как секрет от отца к сыну. Существование целых деревень ремесленников (δημοί) в Аттике очень характерно для семейного ремесленного производства (см. ниже) как здесь, так и в других местах. Как количественное, так и качественное значение капиталистического приобретательского хозяйства (Erwerbswirtschaft) в древности определялось всегда целым рядом отдельных моментов, которые выступали в очень различных комбинациях друг с другом.

1. Значение *запасов благородных металлов для темпов* капиталистического развития, несомненно, должно очень высоко оцениваться. Но в настоящее время нередко замечается склонность переоценивать их значение для самой *структуры* хозяйства. Хозяйство Вавилонии, несмотря на отсутствие рудников и, очевидно, очень небольшой запас металла — о чем свидетельствует как ограничение функций драгоценного металла одним лишь измерением ценности предметов, так и переписка вавилонских царей с фараонами — уже в древнейшую эпоху сделало такие же успехи в своем развитии в направлении к меновому хозяйству, как и хозяйство любой из стран Востока, и большие, чем хозяйство богатого золотом Египта; с другой стороны — даже если новейшие изыскания только приблизительно правильны — колоссальные запасы драгоценного металла, которыми владел птолемеевский Египет, несмотря на возникновение здесь вполне развитого денежного хозяйства, не помогли «капитализму», как принципу *структуры* хозяйства, подняться на особенно заметную высоту, в частности, достигнуть той ступени развития, какой он достиг одновременно в Риме; наконец, тот удивительный взгляд, по которому вторжение натурального хозяйства в позднейшую римскую эпоху было следствием начавшегося истощения рудников, по-видимому, понимает соотношение вещей совершенно наоборот: там, где тогда вообще началось истощение рудников, оно, со своей стороны, могло быть *следствием* того, что прочно утвердившееся в горном деле в классическую эпоху капиталистическое производство с рабским трудом по совершенно другим причинам уступило место хозяйству *мелких* арендаторов. Этим вовсе не отвергается громадная культурно-историческая роль, какую сыграло об-

ладание большими запасами благородного металла, и в особенности их внезапное появление на божий свет: древняя вотчинная царская власть (Fronkönigtum) (см. ниже) опирается на «сокровищницу» царя; без рудников Лавриона не было бы аттического флота (?)²⁶; превращение сокровищ эллинских храмов в средство обращения могло *способствовать* (?) изменению цен в V—IV вв. до Р. Х., а такое же превращение сокровищ персидского царя облегчило развитие эллинистических городов; влияние же явившегося результатом войн колоссального ввоза благородного металла в Рим во II в. до Р. Х. всем известно. Но условия, благодаря которым этим запасам благородных металлов было найдено именно *такое*, а не иное применение (например, они могли быть спрятаны в сокровищницы, как это делали на Востоке), конечно, должны были быть *заранее* налично: «творческой» силы в смысле создания качественно *новых* по своей структуре хозяйственных форм большие запасы благородных металлов, как таковые, не обнаружили и в древности.

2. *Экономическое своеобразие* капиталистической эксплуатации *находящихся в собственном владении рабов* (Sklavenbesitzes), в отличие от системы «свободного» труда, заключается прежде всего в громадном *повышении* (Steigerung) количества капитала, затрачиваемого на содержание живой рабочей силы и вкладываемого в ее покупку; когда, в случае застоя в деле, раб оказывается незанятым, капитал этот не только не приносит процентов, — как и машина, — но, кроме того, «съедает» (в буквальном смысле слова) непрерывно присоединяемые к нему прибавки. Уже из одного этого следует замедление *а)* оборота капитала и *б)* процесса образования капитала вообще.

Затем, оно заключается в связанном с этим большим *риске*, который несет как раз эта форма капитала. Риск этот заключается не только в том, что очень высокая при капиталистической эксплуатации и притом совершенно не поддающаяся учету смертность рабов экономически является для их *владельца* потерей капитала, а также не только в том, что всякая политическая передряга могла совершенно уничтожить капитал, вложенный в рабов, но, кроме этого и прежде всего, в колоссальных колебаниях *цен* на рабов (Лукулл²⁷ продавал рабов, доставшихся ему в добычу, по 4 драхмы²⁸, тогда как в мирное время, при умеренном снабже-

нии рынка рабами, платили сотни драхм, чтобы получить пригодного рабочего), которые влекла за собой постоянная опасность полного обесценения вложенного капитала. Тот базис верного *расчета* издержек (Kostenkalkuls), который составляет необходимую предпосылку дифференцированного «крупного производства» («Großbetriebe»), был невозможен. Сюда присоединялся еще один момент; патриархальное рабство, которое преобладало на Востоке, или давало рабу положение члена семьи своего господина, или представляло ему возможность иметь свою собственную семью. В этом последнем случае заранее отказывались от извлечения из хозяйства возможного максимума прибыли. Раб или платил оброки (тогда он являлся источником ренты (Rentenfondes), а не рабочей силой), или — там, где он (в некоторых случаях вместе со своей семьей) служил в качестве рабочей силы, — был барщинником (Fronarbeiter) или несвободным домашним работником (Heimarbeiter) с присущей такому положению ограниченной доходностью для его господина.

Настоящая же «капиталистическая» эксплуатация раба, как простого орудия производства, ограничивалась зависимостью от регулярной поставки рабов на рынок, т. е. от успешности войн. Ибо полная капиталистическая эксплуатация его рабочей силы была возможна при его не только юридической, но и фактической *бессемейности* раба, т. е. при системе казарм, которая, однако, делала невозможным пополнение класса рабов из их собственной среды. Иначе стоимость и содержание женщин и воспитание детей ложилось бы мертвым балластом на основной капитал. Относительно женщин этого, пожалуй, иногда можно было избежать, найдя их силам применение в текстильной промышленности, хотя при своеобразии античного удовлетворения потребностей и при том значении, какое имело домашнее прядение и ткачество, это далеко не всегда было возможным. Относительно детей одно место у Аппиана²⁹ (гл. I, 7) может быть понято в том смысле, что, по крайней мере, в известные периоды римской древности выращивание рабов для целей спекуляции носило *массовый* характер; следовательно, существовало (как в южных штатах Северной Америки) разделение труда между производством и эксплуатацией, по крайней мере, для одной части заключающегося в рабах капитала. Но такое понимание текста Аппиана все-таки остается несколько спорным. Резкие колебания цен

на рынке рабов делали выгоду выращивания их для продажи слишком ненадежной. Затем, в главных областях использования рабского труда — в возделывании плантаций, мореплавании, в горном деле, сборе податей — женский труд не был пригодным. В хозяйстве с *коммерческими целями* (*Erwerbswirtschaft*) даже было правилом пользоваться главным образом только трудом рабов-мужчин (этих, насколько известно, единственных рабочих в поместьях времен Катона³⁰, равно как единственных рабочих аттического эргастерия), если только это было возможно, т. е. пока хронические войны обеспечивали правильную поставку рабов на рынок. Рабыни занимались проституцией или домашней работой.

Если регулярная поставка рабов прекращалась надолго, то дальнейший прирост их мог быть обеспечен лишь путем разрушения рабских казарм и восстановления семейной жизни раба, т. е. перенесением интереса к воспроизведению заключающегося в рабах капитала на самого раба, что означало отказ от безграничной эксплуатации его рабочей силы. Но такой отказ, при системе закованных в кандалы и работающих под ударами кнута плантационных рабов, везде должен был означать чистый убыток там, где одновременно с этим не была найдена форма, которая бы делала *собственный* экономический интерес раба полезным для господина. Ибо, наряду с непрочностью капитала, заключающегося в рабах, и со связанным с ним не поддающимся учету риском, в случае прямой эксплуатации раба как рабочей силы в крупном производстве, отсутствие у раба собственного интереса к делу, конечно, прежде всего противодействовало всякому техническому прогрессу и всякому увеличению интенсивности и качества работы. Имеющие решающее значение для работы «этические» качества рабов при эксплуатации рабов в крупном производстве — самые наихудшие, какие только можно себе представить.

Растрата капитала, вложенного в рабов, сопровождалась растратой капитала, вложенного в рабочий скот и в орудия производства, и застою в технике орудий производства (например, плугов). Относительно первого пункта прямо раздаются жалобы: применение рабского труда к производству хлебных злаков, поставленному на широкую ногу, оказывается по этой причине невозможным, так как античная земледельческая техника требовала интенсивного тру-

да; да и вообще рабов можно было употреблять в крупном производстве с действительной выгодой только на хорошей почве и при низких рыночных ценах на рабов, и их применение обыкновенно означало переход к экстенсивному хозяйству. И — что было еще важнее — эта особенность рабского труда в *промышленной* области не только служила препятствием к введению усовершенствованных *орудий* производства, но вообще к тому комбинированию тесно между собой соприкасающихся и строго разграниченных рабочих сил, которое как раз и составляет *сущность* специфически современных форм производства, для которых характерна не только *численность* рабочих.

Применение промышленного труда *обученных* покупных рабов в крупном производстве на основе *разделения труда*, несомненно, было по тем же причинам невозможным в древности, равно как и во все времена, как явление *нормальное*; в отдельных же случаях — но всегда в небольших размерах — оно встречается и тогда (см. ниже). Даже *эргастерий*, представляющий собой в сущности случайное соединение отдельных рабочих, встречается, главным образом, в местах, занимающих особенно благоприятное в экономическом смысле положение, таких как Афины, Родос, Александрия и т. д., да и там всегда лишь как придаток к торговому делу или к дающему ренту имуществу. Если на рынке нередко появлялись излишки ремесленных изделий барщинного происхождения или несвободной домашней работы, или продуктов крупных домашних хозяйств княжеских или полукняжеских «ойкосов», то, разумеется, надо весьма остерегаться видеть в этом доказательство существования «фабрик» с *покупными* рабами. Даже такие явления полукапиталистического характера, как применение уже совсем крупными рабовладельцами или монархами принудительного труда для создания «побочных производств» («Nebenbetrieben») промышленного характера, типом которых в новое время являются многие русские «фабрики» XVIII и первой трети XIX вв., могут существовать, только опираясь на *фактическую* монополию и при наличии определенных условий. Эти условия — *дешевая пища*, *монопольные цены* на продукты, но, *кроме того* еще, *низкие цены на рабов* и, следовательно, очень высокая степень эксплуатации, покрывающая риск вымирания (даже по Демофену и Эсхину³¹ от 30% до 100%) — должны были быть

налицо для того, чтобы было возможным длительное применение *покупных рабов*-ремесленников в эргастерии господина. Но и тогда эти «производства» были ограничены самое большее несколькими дюжинами рабочих. *Не существовало «постоянного капитала»*, без которого не может существовать никакая «фабрика». В *наем* отдавали *рабов*, а не «мастерскую». Сами рабы — это и *есть* мастерская; *содержание* рабов господином, а не применение их в концентрированном «производстве», имеет решающее значение. «Мастерская», в свою очередь, была частью «ойкоса», и все те чреватые последствия изменения в праве, которые еще в XIII—XIV вв. — за много столетий *до* возникновения наших «фабрик» — сопровождали отделение «мастерской» от домашнего хозяйства семьи, вложенного в дело капитала от частного имущества, остались совершенно неизвестными Древности (поэтому — за немногими характерными исключениями, именно, в области *государственного* откупа — не существует и всех тех «форм предприятий» («*Unternehmensformen*»), которые обеспечивают *долговечность производства* (des *Perennieren des Betriebes*) среди превратностей судьбы отдельных состояний, таких как акционерная компания и т. п.). Массовое применение рабского труда в крупном производстве в рудниках, в каменоломнях и на общественных работах представляет собой почти исключительно эксплуатацию труда необученных рабочих.

«Несвободный труд на дому» («*die unfreie Heimarbeit*»), как один из видов барщины (des *Robottsystems*), имеет экономически слабые стороны последней, и еще вопрос, в какой мере она служила целям производства для рынка. Фараоны и храмы пользовались такого рода трудом главным образом для надобностей храма, дворца и государства, в особенности, конечно, в тех случаях, когда сырье было вывезено фараоном (или храмом) из-за границы или добыто им из недр земли; рядом с этим могла производиться продажа продукта на рынке. Во всяком случае, и эта работа там, где она встречается, представляет собой работу в собственном *мелком* (семейном) производстве раба.

Квалифицированный рабский труд в *крупном* производстве, как явление длительное и нормальное (и за пределами немногих крупных торговых центров), можно встретить только на местах рабов-руководителей — старшего рабочего или инспектора в руднике или на плантации, в конторе,

в частности, ведущего кассу и заведующего счетоводством (ввиду возможности подвергать их пытке) и т. д. Но этой аристократии среди рабов, обыкновенно в интересах самих же господ, разрешалось иметь подобие собственной семьи (*contubernium*) и подобие собственного имущества (*peculium*³²); иной раз даже соглашались уважать их завещания (как у Плиния³³) и, сверх того, почти всегда предоставляли им возможность выкупа на волю. Тем самым *этот* род эксплуатации рабов является уже переходной ступенью к эксплуатации обученного раба, т. е. или обучившегося уже до своего обращения в рабство (по причине войны или банкротства), или отданного в ученье господином за свой собственный счет, только как источника *ренды* (*als Rentenfonds*).

Такая эксплуатация могла производиться посредством отдачи раба внаем в качестве «работающего на заказ» («Lohnwerker»), что носило массовый характер, причем нередко риск, связанный со смертью раба, переносился на нанимателя. Но еще выгоднее было, потому что тут затрагивался *собственный* интерес раба, снабжение раба известной суммой денег (*peculium*), с которой он мог бы заняться ремеслом или мелкой торговлей на свой страх и риск. Господин получал свою *апофору*³⁴, которую он мог увеличивать, поскольку это можно было сделать, не ослабив собственного интереса раба; кроме того, он мог амортизировать стоимость вложенного в раба капитала через посредство его самого, предоставив рабу возможность употребить сбережения от своего заработка на выкуп себя из неволи, но и при выкупе раба сохраняя за собой право получать со своего бывшего раба определенные платежи и службы, и — для чего особенно римское право предоставляло в его распоряжение самые разнообразные правовые формы — присваивая себе из *наследства* вольноотпущенника³⁵ установленную законом или контрактом, или завещанием долю (в некоторых случаях и все наследство целиком). Риск потери капитала из-за смерти раба сильно уменьшался, когда раб устраивался самостоятельно, обзаводился *семьей* и обучал детей своему ремеслу. Ручательство господина за коммерческие дела раба, рабское право, обычно ограничивалось лишь размером его *пекулия*, хотя, конечно, формально *он* имел право наложить руку целиком и на все предприятие своего раба. Однако, слишком часто пользоваться этим правом, по крайней мере, *крупному* рабовладельцу в древности — как и в Рос-

сии перед освобождением крестьян — мешала необходимость поддерживать собственный интерес раба, а также — достигшее в России в свое время такого совершенства — искусство рабов утаивать свое имущество. Очень многочисленные во все периоды древней истории и вызывавшие нередко вмешательство законодательства случаи отпуска рабов на волю, которые, конечно, не могут же объясняться одним тщеславием господ и потребностью их приумножить свою клиентуру для политических целей, показывают, как хорошо действовал собственный интерес раба. Но этот несравненно более верный способ извлечения выгоды из владения рабами явным образом уже представлял собой замену капиталистической эксплуатации раба в качестве орудия производства для получения «прибыли» получением с него «ренты» и выкупных денег.

«Борьба между свободным и несвободным трудом» происходила тогда, главным образом, в области мелкого промышленного производства и мелкой торговли; но это не была борьба между *крупным* производством на основе рабского труда и свободным мелким ремеслом. Тот громадный экономический и политический риск, который ложился бы бременем на всякое состоящее из рабов имущество при непосредственной их эксплуатации, как средства производства, тогда отпадал. Такое положение вещей было широко распространено в древности. Наряду с совершенно лишенными владения свободными крестьянами, мелкими арендаторами, мелкими торговцами и ремесленниками, работающими на заказ (Lohnwerker), существовал *а*) слой *свободных* мелких собственников, занимавшихся торговлей и мелким ремесленным производством (для рынка) (Preiswerker), которые могли иметь при себе в поле или в мастерской одного или нескольких рабов, может быть, взятых на войне в качестве добычи или купленных на свои сбережения, в качестве подручных («Gesellen»), а затем *б*) слой *несвободных* обученных ремесленников и мелких торговцев, крепостных крестьян или несвободных мелких арендаторов. Только в качестве взимающего подати господина (Tributherr) стоял тогда над самостоятельно хозяйствующим *несвободным* его крепостной барин (Leibherr), подобно тому, как над крестьянином и свободным мелким торговцем или ремесленником стоял иногда его кредитор, а над свободным колоном тот, у кого он снял землю. Этот способ эксплуатации раба в

качестве «источника ренты» (als «Rentenfonds») для того, чтобы приносить господину прибыль, должен был, само собой разумеется, предполагать широкое *местное* денежно-хозяйственное разделение труда; но раз оно было налицо, он должен был, по вышеуказанным причинам, иметь тенденцию не только к занятию прочного положения наряду с эксплуатацией раба в качестве средства производства, но, естественно, и распространяться, в особенности там, где господин (как, например, полноправные граждане в противоположность метекам³⁶, должностная знать в противоположность «рыцарскому (всадническому) сословию») много времени отдавал политической деятельности и потому не мог сам заниматься хозяйством, в особенности, если к тому же цена на рабов держалась высокая.

Что касается конкуренции свободного и несвободного труда, то, при густоте населения, высоких ценах на землю и неизбежно возникающей при этих условиях интенсивной культуре, при свободном обороте, при отсутствии крепостных отношений, эксплуатация *деревенского* земельного владения в форме сдачи земли в аренду мелкими участками являлась в древности, как и в настоящее время, несомненно, самой выгодной в экономическом отношении. Ведь, вообще мелкое производство в сельском хозяйстве Древности является правилом, и только в плантационных культурах — к которым в древности принадлежали виноделие и культура оливкового масла — крупное производство с применением рабского труда было обычным явлением. Хлебопашество, да еще при состоянии древней техники, требовало слишком большого интереса со стороны рабочего, чтобы оно в качестве нормального явления могло быть доступно производству с рабским трудом. Только дешевизна рабов вместе с высокими ценами на производимые плантациями продукты являлась в *сельском хозяйстве* условием, благоприятным для *крупного* производства с применением рабского труда. В промышленности и в мелкой торговле премия на собственный интерес раба в виде возможности выкупа могла, пожалуй, оказывать свое действие и усиливать его конкуренцию везде, где вообще была возможность делать сбережения. Не было случайностью, что вольноотпущенники, которые, будучи еще рабами, научились работать и делать сбережения, достигали экономического преуспеяния; отчасти, конечно, это могло быть также просто

последствием закрытия для них доступа к политической деятельности. Если надписи императорской эпохи делают вероятным, что рабский труд *а)* и в промышленности был представлен на Востоке слабее, чем на Западе, *б)* рабы чаще употреблялись на более грубых работах, то *первое* является отчасти следствием выясняемых ниже исторически сложившихся особенностей восточной культуры, отчасти же это показывает, какое важное значение имело обусловленное политическими причинами, более богатое снабжение рабами *римского* рынка; *второе* же объясняется тем, что города, естественно, не очень часто брали на себя риск и расходы, связанные с продолжительным обучением рабов. Поэтому нельзя считать прямое *вытеснение* свободного труда исключительно, или даже хотя бы преимущественно, последствием конкуренции рабского труда.

Впрочем, наряду с усиленным конкуренцией иноземных покупных рабов, и без того не чуждым Древности социальным дискредитированием труда (см. ниже), действовала и такая тенденция к вытеснению свободного труда повсюду *там*, где только (как позднее на Востоке) бремя военной службы не было возложено на профессиональных воинов, наемных солдат или господствующих в стране чужеземцев; непрерывные тяжелые войны с переменным успехом, удерживавшие свободное население из года в год в походах и разорявшие его экономически, должны были, — как сообщает Аппиан, — благоприятствовать развитию рабского труда в целом в ущерб свободному труду и *всех* форм рабской эксплуатации. Военное же расширение территории государства и большие победы обыкновенно способствовали расширению рабовладения, удешевлению рабов и вместе с тем усиливали побуждение к *капиталистической* эксплуатации рабов в собственном производстве (плантации, мореходство, горное дело, эргастерии и т. д.). Для капиталистической эксплуатации рабов, в частности, в *сельском хозяйстве*, решающее значение должно было иметь, далее, прежде всего, наличие дешевой и притом плодородной *земли*, что *иногда* случалось в результате военных или революционных конфискаций, а *постоянно* там и до тех пор, где и пока редкое заселение больших пространств плодородной земли шло рука об руку с быстрым развитием обладавших покупательной силой городских потребительных центров, — как это было в размерах, не повторявшихся ни до того, ни

после, в *Риме* после объединения древней Италии и после первых победоносных заморских войн.

Уже эти последние замечания и многие замечания, сделанные выше «указывали на то, как сильно» *в) политические судьбы и особенности* отдельных стран должны были влиять на степень развития свободного и несвободного труда в их отношении друг к другу, на размеры капиталистической эксплуатации этого последнего и на ее направление. Резко подчеркнутое Л. М. Гартманом во всем его значении обременение военными повинностями свободного населения являлось дополнением к рабскому труду больше всего там, где включавшему в свой состав вооруженных за свой счет крестьян и мелких горожан ополчению из свободных граждан приходилось вести хронические войны в больших объемах как это было во времена расцвета эллинской демократии и в республиканском Риме. Условия складывались как раз наоборот, когда войско, по крайней мере часть его — было ли это войско феодальное, или войско неограниченно властителя — являлось войском профессиональным, состояло ли оно из людей, несущих военную повинность, или из наемников, как это было в Египте, во многих эллинистических государствах, в позднейшем греческом полисе, в мировой державе последних римских императоров. Но различие в организации труда в этих последних группах государств показывает, что, во всяком случае, одно военное устройство, как таковое, само по себе не имело решающего значения для степени развития рабства и, следовательно, не определяло окончательно степени и направления развития античного «капитализма». Напротив, громадное влияние имели тут общие политические основы античной жизни и в особенности обуславливаемый, в конце концов, политическим строем характер государственного *управления*, в частности управления финансового.

Государственные «финансы» в их постепенном развитии из «ойкоса» городского князя с его наполненной драгоценным металлом «сокровищницей» были древнейшим и остаются крупнейшим из всех «хозяйственных предприятий» («Wirtschaftsbetriebe»). Они отчасти *заменяют* собой частное накопление капитала, отчасти они являются его *ускорителем* (Schrittmacher), отчасти, наконец, они его *подавляют*.

1) Что касается того, что они «заменяют» капитал, то полнее всего это достигалось бюрократически руководимой

организацией принудительных работ (Robottapparat) фараонов, которая (первоначально) не знает «предпринимателя». Но финансирование больших общественных сдававшихся на руки *частным* предпринимателям сооружений эллинских городов, как это видно из надписей на постройках, показывает — особенно характерна здесь обычная уплата предпринимателю *вперед* производственного капитала из *государственной* казны, — что частного накопления капитала, достаточного для того, чтобы такие большие суммы могли быть взяты для этого из собственного кармана капиталиста, не существовало, что этот пробел должен был восполняться из податей, взимаемых силой политического или сакрального *авторитета*. Тут вмешательство частного предпринимателя имело по существу лишь такой смысл: город-государство, которое, в противоположность управлению фараонов, не располагало необходимыми строительными организационными силами, а также (со времен уничтожения натуральных повинностей граждан) подневольными рабочими руками (за исключением государственных рабов, слишком малочисленных для исполнения таких работ и большей частью занятых другим делом — в канцеляриях и регистратурах, в кассах, в монетном деле, иногда при постройке дорог), передавало *организацию* этих строительных контор и рабочих сил частным лицам за предпринимательское вознаграждение. Далее, что касается сдачи на откуп податей, то надо иметь в виду, что и она в очень многих случаях не включала в себя как раз той функции частного капитала, которую мы привыкли считать для нее характерной, — уплаты откупной суммы вперед. Откупщики часто выплачивают сумму за которую они поручились лишь *после того*, как соберут все подати, или, еще чаще, после того, как соберут соответствующую часть податей; мало того, там, где государство располагает исполнительными органами, — как мы это видим, например, в птолемеевских Revenue Laws³⁷ — откупщик даже не сам собирает подати; их собирает государство, а откупщики, уже *после того*, как подати, собираемые натурой, обращены в деньги, только отвечают как поручители за дефицит, а излишек берут в свою пользу. Тут цель сдачи на «откуп», очевидно, одна: приобрести в форме *наличности твердую* основу для государственного бюджета устанавливая минимум государственного дохода в *деньгах*. Если это также есть продукт разви-

тия системы откупов уже в эллинистическую эпоху и если откупщики нередко брали на себя обязательство уплатить хоть часть откупной суммы вперед, то все-таки такое положение вещей показывает, что нередко очень большие откупные суммы не дают еще права делать заключение о соответственно больших размерах частного накопления капитала. Напротив, система государственных откупов, прежде всего в области откупа податей, была, несомненно, важным средством — а в Элладе, наверное, одним из важнейших — для образования частных капиталов.

2. Но простым «ускорителем» (*Schrittmacher*) процесса образования частных капиталов финансовое хозяйство может сделаться лишь там, где государство-город, которое, как таковое, не располагало собственным бюрократическим механизмом и, следовательно, нуждалось в государственном откупщике, распоряжалось в качестве властелина домена и земель, и податями огромных завоеванных и подвластных ему областей. Так было в древности в Риме времен республики. Поэтому тут и образовался, несомненно, первоначально главным образом из государственных откупщиков, могущественный класс частных капиталистов, которые во время 2-й Пунической войны³⁸ — момент достаточно характерный — наподобие современных банков своими деньгами поддерживали государство, но зато уже во время 3-й войны могли предписывать ему свою политику, которым для удовлетворения их жадности к наживе такой реформатор, как Гракх³⁹, вынужден был предоставлять целые провинции и ссуды, чтобы расположить их в пользу своего дела; чья борьба с должностной аристократией, которую они, как «денежные люди» в экономическом отношении имели «в кармане» («in der Tasche»), наполняет собой последнее столетие республики. Расцвет античного капитализма явился следствием этой констелляции и своеобразной внутренней политической структуры римского государства.

3. Наконец, финансовый строй античных государств мог разными способами оказывать «угнетающее» влияние на развитие частных капиталов.

Прежде всего, общая политическая основа античных государств вообще содействовала усилению и без того, как мы уже видели, большой, вызванной способом его составления, *непрочности* (*Labilität*) наличного капитала и его нового образования. Податная система (литургии имущих),

обычное для греческого полиса, в особенности в эпохи господства демократии, совершенно бесцеремонное распоряжение государства частным имуществом своих граждан (еще в позднейшую эллинистическую эпоху, например, для целей кредитования, причем таким способом, какого никогда не знали средние века: отмечаются даже случаи заклада городом всей *частной* земельной собственности); далее, существовавшая во всех античных общинах опасность конфискации при каждом политическом потрясении и смене партий (тем более нередкие в монархиях совершенно произвольные конфискации имущества, такие как, например, конфискация земли «половины Африки» при Нероне⁴⁰), — все это действовало в том же направлении.

Но игравшие гораздо более решающую роль, чем эти — хотя они могли носить и более острый характер — катастрофы, которые затрагивали капиталы отдельных лиц или наличный капитал политической общины, приобретало то, в какой мере практика управления предоставляла простор свободному стремлению частного капитала к прибыли вообще и тем самым и к образованию капитала.

Мера эта часто менялась. Простор этот должен был быть по существу более узким в античных монархиях, чем в республиках. Античный монарх и его государство являются всегда крупнейшими землевладельцами (*Grundherren*), владевшими землей частью в формах частного права, частью в форме неограниченного господства над покоренными, обязанными платить чинш⁴¹ чужими народами, не имевшими *гарантированного* права на владение землей. *То же самое* можно сказать и об античном полисе; в колоссальных размерах это существовало и в Римской республике. Но тогда как для *полиса* такое владение составляло, конечно, прежде всего объект чисто экономической эксплуатации со стороны постоянно сменяющихся компаний приспешников политических карьеристов и, конечно, прежде всего кредиторов этих последних, и поэтому в городах-государствах, в частности в Риме, именно эти государственные земли в большинстве случаев становились очагами частной капиталистической эксплуатации (спекуляция с откупом податей, спекуляция с арендой земли, производство с рабским трудом — смотря по обстоятельствам), — монарх должен был поступать иначе. С одной стороны, он смотрел на держате-

лей (Hintersassen) своих доменов по существу больше с *политической* точки зрения: как на опору своего династического могущества. С другой стороны, он должен был в своих же собственных интересах гораздо выше ценить постоянные, обеспеченные ренты, чем это делало руководимое на короткий срок избираемыми должностными лицами управление республиканской общины: ведь для этих последних и для их приспешников на первом плане стояла быстрая нажива в данный момент. Прежде всего, его *финансовая* политика должна была быть более *государственно-хозяйственной, политически* ориентированной, направленной на *постоянную* эксплуатацию платежных сил подданных, следовательно, на осторожно-бережливое отношение к ним, в противоположность на частные *капиталистические* интересы ориентированную эксплуататорскую политику городов-государств. Поэтому в монархиях *мелкая* аренда на государственных доменах обыкновенно имеет полное преобладание, тогда как крупная аренда и крупное производство с рабским трудом являются исключением; если римские императоры в своих фамильных поместьях из денежных соображений предпочитали крупную аренду, то в отношении к государственному домену они следовали общему правилу. Но главное то, что в *республиканских* государствах откуп податей, этот «венец» капиталистической эксплуатации, во всякий момент был готов, как это было в средневековой Генуе, превратить государство в антрепризу⁴² государственных кредиторов и государственных откупщиков. Напротив, в *монархических* государствах откуп податей всегда находится под контролем, часто все дело или почти всецело переходило в руки государства, но всегда было ограничено в своих шансах на барыш и, следовательно, было лишено своей творческой силы в деле образования частных капиталов, или в большинстве случаев было прямо превращено в комбинацию бюрократического управления с организацией монополии, финансируемой как сравнительно мелкое предприятие.

Этот процесс контроля, монополизации и бюрократизации, нередко полнейшего вытеснения частного капитала, неудержимо шел вперед во всех *крупных* античных монархиях. Он захватывал постепенно, кроме податей и доменов, также и горную промышленность, важные для госу-

дарства отрасли торговли и мореходства (в особенности снабжение населения хлебом); далее, нужные двору и армии, необходимые для строительства и общественных работ поставки, банки (в форме как государственных, так и коммунальных монопольных банков; последние существовали, например, в эллинистических монархиях и коммунах для всякого рода размена денег). Таким образом, в то время, как полис только в высочайшей мере усиливал по своему внутреннему существу непрочный (*labil*) характер частных капиталов (не столько почти всегда оставшейся бесплодной борьбой против имущественных различий во имя равенства граждан, сколько постоянно повторявшимися всякого рода политическими и экономическими катастрофами, вытекавшими из самого существа античной борьбы партий и античного способа ведения войны), но в то же время не мешал при этом все новым и новым вспышкам *образования* капитала и *стремления* к капиталистической эксплуатации, этот бюрократический «*порядок*» монархического государственного хозяйства постепенно доводил до полного истощения как раз *крупнейшие* частные капиталы, закрывая главные *источники* прибыли. А затем, там, где в замкнутых монархиях приостанавливалась, с одной стороны, изначально присущая как Древности, так и средним векам эксплуатация деревни городом, а с другой стороны, прекращались войны и связанный с ними захват земли и людей в широких масштабах, там прекращалось и необходимое для расширения капиталистической эксплуатации рабского труда переполнение рынка дешевым человеческим товаром и приток удобных для капиталистической эксплуатации новых земель.

Рука об руку с вызванным всем этим ослаблением и замедлением процесса образования капитала шла обыкновенно (недавно очень хорошо выясненная Ростовцевым) тенденция обеспечивать удовлетворение государственных потребностей с помощью дифференциации и расширения круга лиц, отвечающих своим имуществом или своим личным положением за исполнение государственных повинностей и вследствие этого в административно-правовом смысле прикрепленных к своей социальной функции и к своему владению, что, в конце концов, и привело к тому универсальному господству литургий и *munera*⁴³, к уничтожению всего

того, что во время «классической» Древности называли «свободой», которое столь характерно для так называемых «эпох упадка» античных государств.

Столь благодетельный для массы подданных *порядок*, принесенный монархией, был как раз смертью для капиталистического развития и всего, что на нем покоилось. Тут рабство в качестве источника капиталистической *наживы* (Erwerb) отстывает далеко назад, образование новых капиталов в форме движимого имущества прекращается, так как стимул к этому, заключавшийся в шансах на эксплуатацию капитала падает ниже минимума, необходимого при том характере (Konstitution), какой был присущ античному капиталу, регламентированный и в административно-правовом смысле связанный, но формально, в частно-правовом смысле «свободный труд выступает на первый план экономической структуры. А где монархия, к тому же, принимает *теократический* характер, там еще и всегда присутствующая в таких случаях религиозная и законодательная «защита слабых» может — как это было на Востоке — превратиться в довольно крепкую границу капиталистической эксплуатации людей.

Обычными результатами этого процесса развития, поскольку он дает себя знать в области *аграрной* истории, является: уменьшение относительного значения плантации с покупными рабами, мелкая аренда из части продукта, как господствующая форма эксплуатации земельного владения, княжеское и наполовину частное, опирающееся на княжеское пожалование, приносящее *ренды* поместье (*Rentengrundherrschaft*), как социально и экономически преобладающая категория владения.

Итак, в общем, самые главные препятствия, которые встречало развитие капитализма в Древнем мире, заключались: 1) в *политическом* своеобразии античных общин, только что нами рассмотренном; 2) в рассмотренном раньше *экономическом* своеобразии античной культуры, а именно — чтобы резюмировать это — в ограниченности *рыночного* производства вследствие ограниченной, благодаря техническим условиям оборота, (экономической) провозоспособности товаров внутри страны и обратно, в вызванной экономическими причинами и в *самом существе* его лежащей непрочности (Labilität) капитала и его образования, в обусловленной

техническими причинами ограниченности эксплуатации рабского труда в крупном производстве, и наконец, в ограниченности «отчетности», которая прежде всего обусловливается невозможностью строгого коммерческого расчета при применении рабского труда. (Сама по себе, технически, вовсе не развитая *частная бухгалтерия* Древнего мира представляет собой отчасти банковскую бухгалтерию, отчасти запись сельскохозяйственной наличности и расширенную отчетность домашнего хозяйства: только первая имеет характер купеческой бухгалтерии; вся остальная *частная бухгалтерия* — насколько нам это известно — по сравнению с поздним Средневековьем еще совсем не дифференцирована, если приложить к ней мерку капиталистического *контроля доходности*.)

Существовавшие в древности «крупные производства» с рабским трудом вызваны были к жизни не необходимостью *по существу*: не способом *производства*, основанным на разделении и соединении труда, а чисто *личными* причинами: *случайным* скоплением человеческого товара в руках одного лица в виде его *имущества*. Таков истинный смысл «ойкосной» теории. Вот *поэтому-то* всякое «крупное производство» и остается чем-то до такой степени *непрочным* (Labiles). «Мытарь»⁴⁴, мелкий ремесленник, мелочной торговец являются последним словом денежного хозяйства на Востоке и в эллинистическом мире, и как раз со все увеличивавшейся *неподвижностью* (Stabilität) политической и экономической жизни Запада и с одновременным замедлением процесса образования капитала они, в конце концов, и здесь оказываются господами положения. Всегда, как раз в периоды «насыщенного» *порядка*, который как раз тождествен с *неподвижностью* экономической жизни, останавливается и полет капитализма.

Античный капиталистический *предприниматель*, которого не следует смешивать с капиталистом-*рантье*, занимает почти всегда довольно-таки непрочное социальное положение, за частичным исключением разве что известных периодов вавилонского и эллинистического развития, как и развития конца Римской республики и начала императорской эпохи. В классический период главный контингент их составляют метеки и вольноотпущенники. Человек, занимающийся промышленностью, в демократической общине

(и как раз именно там) нередко не имеет права занимать какие-либо должности. Политически полноправный гражданин, напротив, в идеале, «чужд корысти» (Nichtinteressent), т. е. на самом деле он — рантье или же приближается к типу рантье и в «свободных» общинах всегда прежде всего (так сказать) он — «обязанный делать военные упражнения резервист» (übungspflichtiger Heeresreservist). «Антимонетаризм» государственной теории Древности, по крайней мере по существу своему, не имеет этической основы, во всяком случае, не имеет ее и отдаленно в том смысле и в той мере, в каких его проповедовала средневековая церковь, чувствовавшая антипатию к безличному и потому недоступному моральной нормировке характеру чисто «деловых» отношений. Он обоснован, прежде всего, политически: 1) соображениями «государственной необходимости» (о них будет речь в своем месте); 2) идеалами равенства граждан и «автаркии» (самодовления) полиса и 3) социально: как одно из проявлений общего презрительного отношения господствующего класса рантье к ремесленному труду и к его представителям (als Bestandteil des Antibanausentums). С другой стороны, не существовало никакого этического преобразования (Verklärung) промышленного труда (Erewerbsarbeit), и слабые его зачатки мы находим только у киников⁴⁵ и у мелкой буржуазии эллинистического Востока. Той опоры, какую рационализирование и экономизирование жизни нашло в религиозно, в сущности, мотивированной «профессиональной этике» начала Нового времени, не доставало античному «экономическому человеку». Он остается в сознании своей среды и в своем собственном сознании «лавочником» (Krämer) и «мастеровым» (βανάκος). То, что *обладание* собственным кораблем, нагрузка собственных кораблей собственными предметами обмена и их сбыт через посредство слуги (как это делают цари, храмы, знать приморских областей в древнейшую эпоху), а затем ответвившаяся отсюда ἐμπόριον, т. е. производившаяся в областях морской торговли первоначально, наверное, в форме комменды, а затем и вполне на собственный счет нагрузка чужих кораблей скупленными или взятыми на комиссию товарами, считались — впрочем, всегда с оговорками — вполне почтенным занятием, когда они представляли собой, в сущности, случайное, кратковременное распоряжение капиталом (Kapitalbesitz), а не носили ха-

рактера постоянного «занятия» («Betriebes»), конечно, не является возражением. Государства Древнего мира, и *как раз* «свободные» города-государства, были полны *сословных* различий среди населения и *политически* обусловленных различий в имущественном *праве* (в частности, в земельном и наследственном), которые могли сделаться и делались источником всякого рода доходов и прежде всего рент. В особенности в демократиях — стоит только вспомнить политику Афин в отношении к праву гражданства — над всеми другими интересами господствовал мелкобуржуазный интерес к рентам и к «пропитанию». Это отношение ко всему с точки зрения рент и «пропитания» давало себя знать по политическим причинам и в монархиях, поскольку оно не сталкивалось со всемогущими *фискальными* интересами.

Таким образом, античная *аграрная история* в своем течении так тесно переплетается со всеми перипетиями истории античного города, что ее едва ли можно было бы рассматривать отдельно от них. Лишь в виде редкого исключения дошли до нас ясные известия об отношениях в тех имевших громадный количественный перевес областях, которые не имели городской организации и, конечно, лишь весьма немногие известия о порядках, существовавших в городских территориях — *до* возникновения города, а главное, почти никаких известий не дошло до нас из уст *самих* народов. Древнейшая еврейская традиция, которая, должно быть, была отредактирована до возникновения у этого народа городской организации, создавалась все же в среде, испытывавшей на себе влияние вековой городской культуры и владычества чужеземных культурных народов, и, кроме того, еще до сих пор нельзя установить, в какой мере действительно «древнейшие» части ее подвергались позднейшей ретуши. Но и на Западе, где мы застаем народы на гораздо более примитивных стадиях, чем египтян и вавилонян, дело обстоит едва ли иначе. Чем собственно была *первоначально* «волость» («Gau») ⁴⁶, каков был *социальный* строй «деревни» («Dorf») *до того*, как началась на почве *военного* дела дифференциация (о ней речь впереди)? Делать об этом заключения на основании тех немногих сведений, какие мы имеем об этих учреждениях в историческое время, хотя бы и в *тех местах*, где не существовало тогда городского строя (как, например, в Аркадии, Самниуме, Персиде ⁴⁷), невозможно,

конечно, уже потому, что нельзя знать, в какой мере то состояние, в каком эти учреждения в это время находились, являлось уже продуктом влияния находившихся в непосредственном соседстве городских областей. Тем более, очевидно, не может быть разрешен окончательно и бесповоротно вопрос, к какому времени восходят такие учреждения, как, например, фратрии, филы, курии, трибы⁴⁸, наконец, также и «роды». Ибо для этого предварительно надо получить совершенно определенный ответ на вопрос: подходит ли, в частности, «фратрия» (по общераспространенному взгляду самое древнее учреждение) к известным в этнографии типам или нет. В последнем случае, несмотря на все возражения, представляется наиболее вероятным, что она является продуктом уже вторичного, обусловленного *военными* требованиями развития.

Из различных воззрений на исторический исходный пункт античной социальной истории, которые пользуются почти всеобщим признанием, во всяком случае, *одно* в настоящее время уже является прямо-таки несостоятельным (если не иметь в виду, может быть, некоторых граничащих с пустыней восточных общин): это — вера в первоначальную «бродячую» жизнь («Nomadenleben») западных народов, т. е. в существование у них первобытной эпохи, которая знала одно лишь скотоводство и *вовсе не была знакома* с земледелием. И та роль, которую повсеместно, как это доказано, играет скот как главная составная часть *движимого* владения (имущества), а вследствие этого и как важнейший объект обложения и обмена, и обладание скотом как главная основа социальной дифференциации и (наряду с металлическими украшениями и драгоценным оружием) как главная составная часть имущества *вождя*, и уход за скотом как специально мужская (и поэтому достойная и человека благородного сословия) работа, не могут служить подтверждением этого мнения. Даже если в отдельных случаях правдоподобная гипотеза, будто по крайней мере *господствующие* роды (Herrengeschlechter) произошли в результате нападений чисто пастушеских племен и покорения ими оседлых земледельцев и представляется вероятной, *в общем и целом* она оказывается неприемлемой, потому что античное аристократическое государство (Adelsstaat) особенно рано и сильно развилось как раз в *прибрежных* местах, и там известны

ные источники господствующего положения царей и знатных граждан. Но как было с социальной стороны организовано земледелие (которое восходит к доисторическим временам, как мы их себе представляем) всех интересующих нас народов, в их крестьянскую «первобытную эпоху», об этом нельзя узнать *ничего* достоверного. То, о чем можно составить существенно более ясное понятие, это — известные *стадии* этой организации, которые в известной мере, по-видимому, повторились у всех *тех* «античных» народов, от Сены до Евфрата, которым *вообще* было известно *городское* развитие.

1. Прежде всего — то состояние, когда в качестве отдаленного предшественника позднейшего города существуют лишь валы для защиты от вражеских нападений, домовая община (Hausgemeinschaft) и деревня обеспечивают существование отдельного человека экономически, а союзы для целей кровной мести, культа и военной обороны дают ему полицейскую, сакральную и политическую гарантии, хотя ни о структуре этих союзов, ни о совмещении ими различных функций, ни, наоборот, о разделении их ими между собой в доисторическую эпоху античной культуры *ничего* вполне достоверного узнать невозможно. Члены племени, принадлежащие к «свободным», все имеют долю во владении землей, при малочисленности рабов, сами принимают участие в полевых работах. Положение политического вождя и его — большей частью временные — функции едва ли были иными, чем, например, у германцев. Он появляется только там, где может быть угроза войны. В качестве «судьи», как у большинства «первобытных народов» (Naturvölker), он располагает только средствами третейского суда: он не может, далее, безнаказанно нарушать традицию, относительно которой его призванными советниками являются *самые старые* люди. В зависимости от политического положения находится здесь *вообще* существование общих *политических* дел. Значение соединяющей между собой членов «рода» (Geschlecht) связи через «кровь» (вместо первоначально единственно решающей общности источника прокорма) сильнее развивается прежде всего в родах вождей (Häuptlings Sippen), а воспоминание о военных подвигах или о ценных третейских судебных приговорах узаконивает их положение людей, получивших свои преимущества от богов. Эко-

номические преимущества их заключаются в том, что они получают добровольные подарки, лучшую долю в добыче и, в известных случаях, специально выделенный земельный участок.

2. Затем следует другое состояние, когда появляется другой, более близкий предшественник города — *бург* и в качестве его владельца «царь», который, выделяясь размерами своих земельных владений, количеством принадлежащих ему рабов, скота и благородного металла, сперва буквально кормит своим столом свою личную *дружину* (*Gefolgchaft*); затем наделяет — в виде дарения или ленного пожалования — землей, рабами, скотом и сокровищами, во главе ее предпринимает военные или разбойничьи походы, а в отношении к остальному «народу» занимает весьма разнообразное положение, то просто требуя от него при случае подарков, то совершенно произвольно облагая его натуральными повинностями (*Robot*) и податями и заставляя его отправляться в поход (в качестве обоза или пехоты), смотря по тому, живет ли он мирно, или же путем завоеваний создает себе «царство» («*Reich*») «подданных». Положение лежащей за стенами бурга страны (*des platten Landes*) на этой стадии для нас в высшей степени темно. *Возникновение* власти владеющего бургом царя (*des Burgenkönigtum*) обыкновенно стоит в связи а) с плодородием *почвы* (со способностью земли давать ренту), б) с *торговым барышом*. Обычно царская дружина появляется как нечто новое и потому чуждое среди состоящего из крестьян народа. Царское и ленное право (*Königs und Lehenrecht*) повсюду стоит отдельно от «права народного» («*Volkrecht*»). Дружинники *не считались* принадлежащими к народу даже там, где они в действительности к нему *принадлежали*. Как это мы видим у многих «первобытных народов» (*Naturvölker*), предание изображает, например, дружину Давида («*Krethi* и *Plethi*») и легендарного основателя Рима⁴⁹ «бандитами», и возможно, что на положении царских ленников в Месопотамии (см. ниже) еще сохранились следы этого. Как только царь выступает в качестве *завоевателя*, это безразличное отношение его к национальности своих личных верных товарищей, конечно, нередко соответствует и фактам: телохранители становятся фактически наемным отрядом. *Возникновение более крупных царств* является при этом возможным путем дифференциации бо-

затства владельцев бургов: цари, владеющие самой большой «сокровищницей» («Hort»), делают других владельцев бургов своими вассалами: таково начало почти всех античных государств.

3. Дальнейшее приближение к «классическому» состоянию средиземноморских стран в античном мире представляет «полис» в тех случаях, когда он соответствует в то же время типу «аристократического государства» («Adelstaat»). Подготовленный к военной профессии, благодаря размерам своего владения, заключающегося в земле и в закабаленных за долги рабах (или зависимых), имевший экономическую возможность вооружиться за свой счет (в форме дорого стоящего полного вооружения, доспехов), располагавший средствами для ведения положенного знати рыцарского образа жизни слой «родов» («Geschlechter») владеет «акрополем»⁵⁰, а оттуда и всей страной. И этот слой может образоваться только там, где а) качество *почвы* делает возможным образование *земельной ренты*: в речных равнинах, б) где возможен *денежный доход*: вблизи *морского берега*. Знать ленников издревле владевшего бургом царя («Burgkönig») эмансипируется от его власти и — что характерно по контрасту с аналогичным феодально-поместным развитием на *континенте* в эпоху раннего Средневековья (тогда как развитие в средневековой Италии ранней поры представляет, наоборот, известные сходные черты) — конституируется в самоуправляющуюся, расчлененную для военных надобностей на группы *городскую* общину, руководимую царем, как *primus inter pares*⁵¹, или (в дальнейшем ходе развития почти везде) выборными должностными лицами, но — и это решающее обстоятельство — *без бюрократии*. Кто не может вести рыцарскую жизнь, не может участвовать в военной организации города, тот не принадлежит к союзу «родов» («Geschlechter»). Вера в значение «крови», *происхождения* теперь получает общее распространение. *Типичной* (хотя и не единственной) *рабочей* силой этого социального строя является закабаленный за долги раб (Schuld knecht). «Знать» есть прежде всего слой *кредиторов* и *становится* слоем земельных ренты. Крестьянин — прежде всего должник и в силу этого *становится* «наследственно подданным» («erbuntertänig»). Поэтому страна вне городских стен (das platte Land) обычно населена, наряду с

не принадлежащими к «родам» крестьянами, широким словом закабаленных за долги людей. Иногда они и юридически отделены от свободных, в виде особого «сословия». Ведь достаточно было в большинстве случаев долгового и процессуального права древнейшей поры в связи с подчинением судов господствующему классу и выросшего на этой почве института клиентелы⁵², чтобы привести к подобному результату.

4. Но от состояния, характеризующегося господством примитивной власти царя-предводителя войска (Heerkönigtum) (см. выше № 2 в конце), возможно развитие в *другом* направлении: усиливаясь экономически, царь может стать *господином* своей дружины и военных сил таким образом, что войско превратится прямо в нечто вроде войска из крепостных (Leibeigenenheer), и может — и это главное — создать всецело находящееся у него в руках, иерархически расчлененное сословие *чиновников* (Beamtenstand), посредством которого он будет управлять «подданными». Тогда «город» становится резиденцией и его, и его придворных чинов (Hofbeamten) или без всякой автономии (как в «лишенном городов» Египте), или с автономией (по существу сакральной — Ассур⁵³), или лишь с лишенным политического значения и находящимся под контролем царя местным управлением и с определенными привилегиями (каковыми являются засвидетельствованные источниками иммунитетные привилегии Вавилона). Положение лежащей за стенами города страны (das platte Landes) на *древнейших* стадиях этой *самодержавной* городской царской власти (Stadtkönigtum) в большинстве случаев довольно темно. Податные и барщинные повинности подданных могут приводить здесь к почти полному государственному социализму (Египет), или же здесь может оставаться довольно большой простор для частного оборота, смотря по тому, каким способом покрываются потребности царского домашнего обихода: путем барщины или с помощью «податей», следовательно, смотря по тому, была ли эта царская власть больше царской властью, опиравшейся на *барщину* (Fronkönigtum), или больше властью, опиравшейся на *подати* (Tributkönigtum). Первая форма в большинстве случаев возникает из последней и, в свою очередь, переходит в форму, о которой сейчас будет идти речь (государство, опирающееся на налоги и на литургии (Steuer und

Leiturgiestaat): это процесс «рационализации» (ein «Rationalisierungs» — Process).

Уже в обоих названных сейчас типах (представленных, само собой разумеется, в самых разнообразных оттенках «чистоты») может сказываться влияние *менового* хозяйства (Verkehrswirtschaft). Развитие *второго* типа, как общее правило, вообще связано с тем, что вождь (der Häuptling) — вроде того, как «короли» Камеруна перед немецкой оккупацией (отчасти и после нее) — монополизирует внешнюю торговлю или же, по крайней мере, облагает ее теми или иными пошлинами и таким образом собирает «сокровищницу», эту *непременную* опору *всех* первобытных «царей» — как Нибелунгов⁵⁴, так и микенских царей, иудейских (см. меры, принятые теократией против накопления сокровищ во Второзаконии⁵⁵), персидских, индийских. В связи с этим происходит экономическое подчинение крестьян: легенда об Иосифе⁵⁶ (Бытие. 47, 15—26) в типической форме изображает этот процесс: ссуду хлебом для потребления и для посева в трудные годы с отдачей за это скота, земли и себя самого в долговую кабалу и с получением земли и скота обратно на праве колона с уплатой части урожая. Приведет ли дальнейшее развитие к состоянию, изображенному под рубрикой 3 («аристократический полис») («Adelspolis»), или же к состоянию, изображенному под рубрикой 4 (бюрократически управляемое царство-город) (Bureaokratisches Stadtkönigtum), очевидно (см. ниже), зависит от сложных, отчасти географических, отчасти чисто исторических условий. Но, разумеется, в обоих этих типах в общем степень прямой эксплуатации *рабочих* сил подданных в «вотчинной» («grundherrlicher») ли форме, или в «государственной», для покрытия ли потребностей господствующих родов или царского ойкаса, обратно *пропорционально* развитию *частного* оборота в области внутреннего обмена. Но, поскольку основу власти составляют *подати*, *оба* эти типа сами по себе занимают нейтральное положение в отношении к *земельному* обороту. Наследственные права на владение и (в аристократическом государстве вотчинные (grundherrliche), а в монархическом — обусловленные военными соображениями) ограничения земельного оборота существуют, конечно, повсюду. Но царь, стоящий во главе бюрократической монархии (der bureaukratische König) (рубрика 4), после образования

своего, лично ему «принадлежащего» («gehörigen») войска и системы чиновников и податей, может легко примириться со свободой земельного оборота. Знатные роды желают этой свободы для *крестьянского* владения, потому что их положение опирается на земельное барышничество. Но владение самой *знати* (der *adelige* Besitz) (фактически или юридически) является связанным благодаря образованию знатных *родов* (Adelssippe) (gens). Наоборот, деспот, как показал еще Наполеон, политически заинтересован в том, чтобы без исходящего от *него* специального письменного разрешения не могло возникнуть никаких патримониальных⁵⁷ владельческих прав на землю. Поэтому «тиран» ограничивает скопление земли в одних руках там, где это может произойти (Эллада), и, наоборот, не препятствует дроблению земли там, где оно происходит (Восток).

Из 4-го типа, т. е. из бюрократической городской или прибрежной-речной монархии (Stadt-oder Stromufer-Königtum), царю которой войско и чиновники «принадлежат как крепостные (als Leibeigene «gehören»), а «подданные» несут барщину (Robot) и платят подати, развивается, по мере рационализации способов покрытия государственных потребностей,

(5.) деспотическое, *опирающееся на литургии государства* (der autoritäre *Leiturgiestaat*), которое *планомерно* стремится покрывать свои потребности при помощи сложнейшей (kunstvolles) системы государственных повинностей и смотреть на «подданных», как на простые объекты.

По своей формальной сущности эти повинности являются: 1) прямыми барщинами (direkte Robot) для надобностей двора и государства; 2) организованными на основе этой барщины и иного рода разнообразных прав принуждения монополиями; 3) податями, притом часто главным образом *денежными* податями или равноценными имущественными взносами, которые, однако, системой принудительного поручительства за их правильное поступление создают ту характерную черту прикрепления к функции, которая так часто присуща восточным деспотиям. «Свободе оборота» это государство не препятствует, поскольку она не мешает его фискальным целям, — наоборот, оно прямо покровительствует ей, где только оно может путем обложения воспользоваться ею для своих фискальных целей.

Этот «просвещенный» деспотизм античного Востока обычно развивается по прямой линии из более примитивных форм бюрократической городской монархии, отличаясь от нее лишь более рациональной организацией. Напротив, разнообразнейшие переходные ступени соединяют третье состояние — «аристократический полис» («Adelspolis») с

(6.) типом *полиса гоплитов* («Hoplitenpolis»)⁵⁸, распространенного в античных средиземноморских странах. Господство «родов» («Geschlechter») над городом и города над страной (das platte Land) (формально) рухнуло. Военная повинность (сравнительно) демократизировалась благодаря господству войска гоплитов; она, а вместе с тем и политическое полноправие гражданина, опирается просто на *земельное владение*, войско есть войско *граждан*, вооружающихся за свой счет. Дальнейшая стадия развития «полиса гоплитов» есть:

(7.) *демократический полис граждан* (die demokratische Bürgerpolis): военная повинность, а вместе с ней и полное право гражданства уже не связаны с земельным владением, и существует тенденция (которая, конечно, даже во времена самой радикальной аттической демократии, например, при замещении должностей, никогда в действительности вполне не была осуществлена) *всем* (в приморских городах), способным к службе во флоте (которая не требовала почти никаких издержек на экипировку), а это значило: просто-напросто всем гражданам открыть доступ к государственным должностям, причем имущественные различия здесь все более и более утрачивают значение.

В полисе гоплитов (рубрика 6) самое ядро войска составляют свободные, имеющие упряжку крестьяне, или, может быть, вернее, занимающиеся земледелием горожане (Åkerbùrgerschaft). Оборот, в частности земельный оборот, в нем поставлен в *определенные границы*. Так называемые «законодательства», столь характерные для конституирования *полиса гоплитов*, стремятся в принципе создать доступное для всех твердое право и, чтобы смягчить борьбу между *кредиторами* (знатью) и *должниками* (крестьянами), раз и навсегда *закрепить* существующее деление на классы. Поэтому земля была связана не только правами рода, но и военными надобностями (необходимостью содержать максимум способных нести военную повинность гоплитов — свое-

го рода «охрана крестьянского сословия», «Bauernschutz», со стороны полиса), расширение крупного владения прямо или косвенно стесняется (ограничение владения землей, рабами, устранение старого *долгового* права). При этом такое стремление затруднить дифференциацию среди гражданства приводит к изданию различных постановлений, характерных для «городского хозяйства». Но интересы *денежных* людей и все поднимающихся городских классов делают свое, и, самое позднее, с переходом к демократическому полису граждан (die demokratische Bürgerpolis) земля подлежит совершенно свободному или почти совершенно свободному распоряжению при жизни владельца и на случай смерти.

Такое положение вещей, как основа аграрных отношений, вполне освещено для нас историческими источниками. То, что *предшествовало* ему, переходит в «исторический, в полном смысле слова, период аграрных отношений в виде самых разнообразных остатков, от таких крайних случаев, как Спарта, до скудных остатков обремененных литургиями (например, повинностью сооружать дороги и т. д.), полей позднего периода Римской республики. В «классическом» полисе законодательство *сознательно* истребляло институты «средних веков». Ведь это не случайность, что *частное* аграрное право исторического периода ни на Востоке (см. выше), ни на Западе не знало не только никакого связывания земли федеикомиссами⁵⁹, но и никакой *частно-правовой* формы обременения земли барщинными повинностями и рентами, вообще никаких иных видов обременения земли, кроме *а)* заклада и *б)* абсолютно необходимых водных и дорожных сервитутов⁶⁰, — между тем как у *публичной* власти везде оставалась возможность обременить землю и барщиной, и наследственной арендой; не является случайностью, далее, и то, что наряду со *всеми* общинно-хозяйственными формами владения (gemeinwirtschaftlichen Besitzformen) (альменда) были устранены также *все* виды господской сдачи земли (herrschaftliche Bodenleihe) — за исключением самой простой (nackte), расторгимой для обеих сторон денежной аренды и аренды из части продукта — и *все* правовые ограничения дробления земли на мелкие участки как в порядке наследования, так, и помимо того, в области *частного* аграрного права.

Затем начинается капиталистическое развитие: вместо исчезающего института рабства за *долги* появляются по-

купные рабы. Эволюция, совершившаяся в землевладении и в производстве под их влиянием и в то же время под влиянием политических перипетий города-государства, составляет тему аграрной истории «классического» периода». Аграрная история этого периода должна рассказывать главным образом о повсеместном падении возвысившегося в «полисе гоплитов» свободного, владеющего землей и упряжкой крестьянства и о выступлении на передний план производства с рабским трудом или трудом мелких арендаторов, и об одновременном выступлении на передний план или наемного войска, или (в Риме) пролетарского войска, опоры цезаризма.

Если в конце «классических» эпох преобладающее положение занимают свободный срочный арендатор и раб — первый на Востоке, второй в качестве сельского рабочего на Западе — хотя ни тот, ни другой, впрочем, *не вытесняют* сохраняющегося почти повсюду, а местами составляющего весьма компактную массу и имеющего численный перевес земельного собственника, ведущего самостоятельное хозяйство, — то теперь, в период, следующий за окончательным уничтожением города-государства всемирной военной монархией, мало-помалу, все более и более на передний план выступает одно явление, которое представляет собой, по видимому, нечто совсем новое: сельское феодальное поместье (Grundherrschaft). Колоны, прикрепленные к земле — к выгоде, но (надо заметить) в известном смысле и к невыгоде помещика (des Herrn), — с установленными, в большей или меньшей мере, традицией повинностями и рабами, помещики (Grundherren) в качестве местной власти, государственные повинности, в частности налоги и поставка рекрутов, как повинности, лежащие на этих поместьях (Grundherrschaften), больших или меньших размеров иммунитеты⁶¹ в их пользу, — вот явления, которых, конечно, не знает «гражданская община» («Bürgerpolis») (рубрики 6, 7), более того, которых она *сознательно* у себя обыкновенно не допускает. Поэтому возникновение их *кажется* чем-то абсолютно новым.

На самом деле они решительно никогда не переставали существовать. Только область их господства сузилась, и их универсальное значение со времен городской монархии (Bürgerkönigtum) надолго чрезвычайно уменьшилось. В не имев-

ших городов обширных континентальных областях, без сомнения, всегда существовали феодальные поместья в более или менее развитом виде, и лишь только восточные города-царства (Stadtkönigtümer) и монархии, организованные с помощью системы литургий (Leiturgiemonarchien), разрослись в «мировые державы» — что произошло прежде всего в ассирийском царстве, — они, естественно, образовали в качестве доменов или ленов конгломерат областей, имевших городскую или поместную организацию. То же было и в персидском царстве. То же самое было, по крайней мере (но едва ли *только*) на земле доменов, где государь нераздельно соединял частнопровольные полномочия владельца со своими правами административного принуждения, в эллинистических монархиях, которые, впрочем, в общем по самой своей структуре (за исключением Египта), решительно покровительствовали полису, как организационной основе, и пропагандировали его. Возникновение римской мировой державы, как завершение античной истории, означало в конце концов и на Западе перемещение культуры и (получавшего все большее и большее значение для военных целей) центра тяжести населения с морских берегов *вглубь* страны (in das Binnenland) и вместе с тем широкий сдвиг во всех основах общественной организации и в организационных проблемах государственной жизни. С этими перестановками и с их экономическими последствиями для императорской политики было связано тогда развитие тех социальных институтов, которые обозначают переход к нашему *средневековому* обществу. Поэтому центральные явления аграрной истории этой эпохи и позднеантичного поместья (Grundherrschaft) вообще будут рассмотрены в особой статье («Колонат»)*.

Нечего и говорить, что все изображенные здесь «типы» «крестьянской общины», «полиса знатных», «бюрократического города-царства», «полиса гоплитов» и «гражданского полиса», «монархии, опирающейся на литургии» редко существовали один возле другого или после другого в чистом виде. Эти «идеально-типические» понятия служат тут только тому, чтобы сообразно с ними классифицировать каждое

* Статья эта написана для Handwörterbuch der Staatswissenschaften профессором М. И. Ростовцевым и напечатана в соответствующем томе 3-го издания его (*Прим. ред. 1-го рус. изд.*).

В настоящем издании эта статья помещена в Приложениях к настоящему тому (в конце книги, стр. 471).

отдельное государство, чтобы выяснить, *приближается* ли оно в большей или меньшей степени в данный момент, в общем или в каких-нибудь определенных отношениях, к тому или другому из этих типических понятий. Ибо реальные государства всем самым важным что в них есть исторически и что составляет своеобразие каждого из них, конечно, являются живым протестом против *всякой* подобной классификации. Прежде всего один имеющий большое историческое значение тип совсем не нашел себе в ней места: именно, конституировавшаяся в военном отношении как союз гоплитов *совокупная община* (*Samtgemeinde*) *крестьянских общин* (*Bauernschaften*), которая выступает в древности неоднократно, впрочем, по-моему, *всегда* имея второстепенное значение, и отчасти заимствуя *городские* учреждения (древний Израиль, этоляне⁶², самнитяне).

Во всяком случае, данная классификация, кроме чисто терминологического, может иметь еще и то значение, что покажет нам, каким коренным образом различаются те *стадии* развития, на которых мы застаем отдельные античные нации в случайный момент первых исторических свидетельств о них. Месопотамские государства и государство египетское, несомненно, имеют позади себя уже многие тысячелетия *городского* развития или (Египет) *близкого* к городскому в тот момент, с которого начинаются древнейшие доступные нам источники. Это уже «царства», опирающиеся на систему литургий» («Leiturgiekönigtümer»). Римляне ко времени *действительно* достоверного предания *фактически* уже пережили стадию гражданской общины («Bürgerpolis»). Для эллинов еще можно сделать довольно достоверные заключения относительно стадии «полиса знатных» («Adelspolis»), даже относительно «городского царства» («Burgenkönigtum»). Недостоверные известия о кельтах⁶³ (мы не будем их здесь рассматривать) показывают нам их на всех первых трех «стадиях». Но при этом, далее, ход развития Спарты, аттической демократии времен гегемонии⁶⁴ и Рима, представляет собой нечто совершенно «единственное» в своем роде в исторически самых важных пунктах, и вообще нередко отдельные черты *различных* мысленно разграниченных «стадий» сочетаются в своеобразное конкретное целое.

Наконец — и это прежде всего — эти «типы», в основу разграничения которых положена чисто военная сторона

их организации, перекрывались открытой или тайной борьбой светской политической власти с властью *теократической*, борьбой, оказывавшей влияние на всю структуру социальной жизни. Правда, повсюду первоначально княжеская и жреческая функции соединяются в одном лице. Но с образованием жреческой власти и с развитием теологии разделение этих функций было неизбежным. Могущество жрецов, помимо материального значения их владения, заключавшегося в жертвованных землях и доходах, и господстве над массами, которым они внушали страх перед последствиями святотатства, объяснялось еще и тем, что вся первобытная «наука» находилась в их руках. Из этого вытекало два следствия: 1) вообще — их знание права, которое, пока право не было кодифицировано, создавало родам, в руках которых находились жреческие должности, непоколебимое могущество; 2) в частности — в монархических государствах, управлявшихся *бюрократически*, всякое образование, которое требовалось для занятия государственных должностей, можно было получить почти исключительно, лишь обучаясь у жрецов. Повсюду восточные жрецы старались забрать в свои руки преподавание: так, в Египте в период «Нового царства», обучение у жрецов заменило светскую «науку» («Lehre»), которую изучал прежде чиновник. Борьба храмового жречества с военной знатью и с царской властью в бюрократических монархиях и борьба граждан, не принадлежавших к знатному сословию, против правовой монополии жрецов, принадлежавших к знати, в аристократических государствах (Geschlechterstaaten), наполняет собой — в самых разнообразных формах — весь ранний период античной истории и оказывает влияние и на развитие материальной культуры: секуляризации и реставрации, совершаемые узурпаторами, стремящимися к узаконению своей власти, сменяют друг друга. О важных различиях восточной и западной культуры в этом отношении речь будет идти ниже.

Мы не собираемся здесь давать ни классификацию, ни историю *всех* известных доселе аграрных устройств; мы только пытаемся сделать очерк того, что известно об аграрной истории важнейших по своему *историческому* значению государств. При этом следует, конечно, настойчиво подчеркнуть, что в настоящее время, если бы речь шла не об

обязательстве дать «новое издание»*, эта попытка безусловно должна была быть предоставлена специалистам. Ведь опубликованный за последнее время материал по своему объему и в связи с тем, что он требует от исследователя овладения всей совокупностью культурно-исторического материала, *превосходит* силы всякого, кто бы вздумал взяться за его обработку, не имея специальной (т. е. филологическо-археологической) подготовки.

* Речь идет о новом, третьем издании *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, в котором помещена эта *Аграрная история древнего мира*. (Прим. ред. 1-го рус. изд.).

ЧАСТЬ I

ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Глава первая

МЕСОПОТАМИЯ

Что касается *азиатского Востока*, то тот материал, который был добыт благодаря изумительным успехам в области изучения клинописных табличек, еще и теперь, даже после открытия «Кодекса Хаммурапи»¹, не приведен в такое состояние, чтобы тот, кому приходится изучать лишь переведенные тексты и вообще черпать из вторых рук, мог рассчитывать в своем анализе хозяйственной жизни на окончательные результаты. И как раз тексты, более всего важные для изучения права и социальной истории, часто не поддаются истолкованию. А при пользовании ветхозаветными книгами, несмотря на работы Велльгаузена, Э. Мейера, Гуте, Еромиаса, Винклера и за последнее время А. Меркса, все еще остается чрезвычайно темным вопрос о том, где произведения в стиле «государственного романа», появившиеся после пленения евреев, перестают окрашивать действительность. Поэтому и нижеследующие, поневоле краткие замечания могут быть сделаны лишь с величайшими оговорками.

В культурных государствах Месопотамии наряду с разведением всяких домашних животных, сельское хозяйство также очень рано — особенно в Вавилонии — в сильной мере развилось в интенсивное огородничество (*zur intensiven Gartenkultur*). Кроме хлебных полей мы видим, в качестве обычной составной части всякого значительного состояния, сады финиковых пальм а, наряду с хлебом — сезам в качестве главного предмета потребления; наряду с этим в различных источниках встречаются всевозможные овощи и бобовые растения: репа, редис, огурцы, колоквины, лук, чес-

нок — этот последний является предметом поставок в чудовищных количествах (по сто тысяч единиц меры), — укроп, латук, свекла, кишнец, кориандр, шафран, иссоп², тмин, ежевика и т. д., которые разводились преимущественно в царских садах. Зато лесов нет: строевой лес ассирийский царь приобретает оружием в Ливане, о его охотах в лесах по скатам северных гор надписи сообщают вперемежку с военными подвигами. Разведение скота (овец и крупного рогатого скота) играет в кодексе Хаммурапи видную роль, но, очевидно, крупнейшим владельцем скота является сам царь.

Основой земледелия является искусственное орошение: с каждым новым поселением связано прорытие нового канала, земля здесь есть в специфическом смысле продукт *труда*; место относительно *индивидуального труда по расчистке* первобытного леса здесь занимает по необходимости в той или иной форме осуществляемый *общественно-хозяйственный труд по сооружению каналов*. Именно в этом (как и в Египте — см. ниже) в конечном счете коренится чрезвычайное экономическое могущество местной царской власти. Уже надписи, относящиеся к самому древнему («шумеро-аккадскому») культурному центру, переполнены вопросами о каналах и искусственном орошении; то же самое мы встречаем позднее на ассирийском севере. Всевозможные барщинные повинности по постройке плотин и рытью каналов, с одной стороны, многочисленные царские надсмотрщики — с другой, — быстро направили древнюю городскую царскую власть на путь *бюрократического управления*. На войне желанной добычей царей Вавилонии и Ассирии (в особенности последней) — этого обширного разбойничьего государства — неизменно является прежде всего одно — *подданные*, которые сейчас же должны прорыть новый канал для нового города и поселиться в этом городе сначала на льготном положении (в отношении барщинных повинностей и податей), чтобы затем приумножить источники доходов и могущества царя. Ассирийские цари эпохи завоеваний настаивают, чтобы покоренные (народы) «*дань и подати платили, как ассирийцы*», которые, следовательно, со своей стороны тоже считаются *объектом владения* царя. Первоначально это было не так, да и позднее это не было проведено вполне последовательно. Город Вавилон ссылается в одном письменном обращении к ассирийскому царю

на привилегии, которые были дарованы ему его предшественниками (определенного рода иммунитеты, прежде всего очень благоприятные для интересов торговли законы о чужестранцах). Другие города тоже имеют гарантированные привилегии. Случается, что «старейшины», например, Вавилона и Сиппара³, созываются для совещания относительно постройки храма, и что ассирийский царь после постройки своего нового дворца угощает в нем ассирийских «знатных и горожан». Но это уже не меняет общего основного характера отношений.

Хозяйство царя — это превосходящий своими размерами частные хозяйства ойкос. Он получает питание: 1) из царских землевладений и от находящегося у царя во владении обширного количества крепостных и иных зависимых людей (*Leibeigenen-und Hörigenbesitz*) — у шумерского царя, как, очевидно, и у всех позднейших царей, были собственные пастухи — 2) из а) барщин и б) натуральных взносов подданных. Каково было в отдельные периоды соотношение между удовлетворением потребностей с помощью собственного хозяйства на землевладениях (при помощи собственного скота) и с помощью податей, остается неясным. Полевые продукты — в противоположность, может быть (по крайней мере, в древнейшую эпоху), скоту — получались преимущественно в виде податей. Точно так же неясно соотношение между трудом собственных *рабов* царя и барщиной подданных, но и оно также, по-видимому, довольно *изменчиво*. Это в природе вещей: совершенно так же, как и фараоны, шумеро-аккадские городские цари постоянно были заняты регулированием барщины, заботой о пище и питье принудительно набранных рабочих и о следуемом им вознаграждении натурой. У царя имеются всевозможнейшие амбары, сараи (сарай для экипажей, хлебный амбар, денник для скота, склад пряностей, сокровищница и т. д.) и мастерские. Шумерский царь ввозит золото из-за границы, перерабатывает его в собственной мастерской в драгоценный колчан, из камней с царской каменоломни делают в собственной мастерской царя статуи; прежде всего в собственных царских мастерских изготавливается все для построек царя, для чего издалека привозится дерево. Рабочей силой служат ему при этом, очевидно, наделенные участками земли, поселенные вокруг царского бурга⁴ и обязанные за это выходить на барщину ремесленники. Ассирий-

ские цари для удовлетворения своих колоссальных строительных надобностей впоследствии пользуются трудом как военнопленных, так и своих, туземных, обязанных выходить на барщину ремесленников (трудом последних для более тонких работ). Санхериб⁵ хвалится своими техническими нововведениями в литье бронзы и насмеяется над своими предками, которые «по своему неразумию заставляли стонать всех ремесленников». Определенной границы между царскими рабами и обязанными выходить на барщину политическими подданными царя, очевидно, не существовало. 3) Шумерский царь отбирает «лодочников и их капитана» и посвящает их храму: очевидно, царь в то время не был расположен самолично вести *собственную торговлю*. Но то, что первоначально он ею занимался, не подлежит сомнению, и известно, что эта собственная торговля существовала в виде постоянного обмена «подарками» с иностранными князьями еще тысячу лет спустя. Несомненно, как раз монополизация посреднической торговли при устьях рек и была древнейшей основой могущества городских царей юга страны, который *поэтому* и был древнейшим очагом царских «ойкосов», как в Египте область дельты Нила. 4) Именно в Ассирии в казну царя текли средства из *добычи* от разбойничьих войн, которые царь ежегодно предпринимал, находясь на высоте своего могущества.

Одним из важнейших государственных ресурсов, в частности запасным фондом для займов, служили здесь, как и на всем древнем Востоке и в древней Элладе, *принадлежащие храмам сокровища*. Умножение этих сокровищ, фиксирование всякого рода платежей, адресуемых храмам в тех или иных случаях (в частности, плата при вступлении в брак), преследование тайных жрецов («колдунов») и еретиков в пользу монополии признанного бога было делом еще шумеро-аккадских городских царей. Правда, способствуя образованию у храмов больших запасов благородных металлов и *натуральных* продуктов, а также земельной собственности, царь своими руками создавал такое экономическое могущество храмового жречества, которое иногда могло быть опасно ему самому; жрецы получали возможность с переменным успехом вести борьбу с владельцами светских ленов и чиновниками за господство над тронем и за эксплуатацию этого господства (что мы и наблюдаем впоследствии почти повсеместно). В социальном отношении

жреческие роды ведут себя там, где они имеют власть, совершенно так же, как городские знатные роды (*die Stadtgeschlechter*) в Древней Греции. Древним местным городским царям эпохи до Хаммурапи приходилось постоянно бороться, с одной стороны, против обременения слишком большими поборами, закабаления за долги и лишения владений «бедных» жрецами. С другой стороны, они должны были не давать чиновникам возможности: 1) использовать барщину подданных в собственную пользу, 2) сокращать содержание, полагающееся при отбывании ими барщины, 3) оказывать давление при определении цены при продаже продуктов или даже прямо принуждать продавать их по дешевым ценам (особенно скот) «магнатам»; для борьбы с этим последним злоупотреблением были установлены таксы на продукты. Если шумерский царь говорит о себе, что он «водворил свободу» и устранил «существовавшее прежде закабаление», то под этим надо разуметь только: 1) сокращение или отмену известных государственных барщинных повинностей («в области X с тех пор уже не было надсмотрщика»), 2) а также и устранение присвоения частными лицами права на эти барщины; но прежде всего и чаще всего опять-таки 3) защиту «бедных» путем обеспечения им правосудия и путем охраны заработка и владения крестьянина и мелкого горожанина от противозаконных посягательств; в каком именно смысле надо понимать это последнее, остается неясным (см. ниже). Как об особенно тяжком требовании «магнатов» (т. е. чиновников и крупных землевладельцев, светских, а иногда и жреческих родов) упоминается о том, что *задолжавший* (здесь это значит: «закрепощенный») государству или светской, или духовной знати мелкий владелец должен выплачивать им свой долг чистыми деньгами. Следовательно, экономическая ситуация очень сильно напоминает то, что было в Элладе в эпоху до «законодательств»⁶. Основное различие составляет безмерно могущественное положение жрецов и бюрократическая организация государства. Царь старается — как греческий «тиран» (по крайней мере в древней Элладе) — обеспечить себе симпатии крестьян и мелких горожан. Но, несмотря на борьбу с чиновниками, царь нуждается в бюрократическом аппарате, и, несмотря на борьбу с жрецами, ему необходима легитимация⁷, которую можно было получить или путем апофеоза⁸ (как в Египте), или путем утверждения со

стороны божества. Цари, опиравшиеся исключительно на военную силу в завоеванном крае (в Ассирии), старались, и успешно, освободиться от контроля жрецов. Древним «культурным государствам» (Kulturstaaten) это было труднее. В Вавилоне, где теократия приняла гораздо более законченные формы, чем в ассирийском военном государстве, царь считался данником божьим (и это выражалось в ежегодном новом вкладе в храмы).

Подати, вносимые подданными, изначально, насколько нам известно, представляли собой разного рода едва ли поддающиеся точному разграничению платежи зерновым хлебом, впоследствии сообразованные с правовым положением плательщика и с качеством его земли, а также платежи всякими другими продуктами непременно натурой, в весьма, по-видимому, значительном количестве; арендные договоры обыкновенно содержали параграфы, касающиеся уплаты этих платежей (сохранились обломки кадастровых карт⁹). Затем следует взимавшийся, по-видимому и со свободных, во всяком случае с женщин (быть может, первоначально со всех неспособных носить оружие), поголовный налог. Наряду с этим позднее встречаются отдельные пошлины со всякого рода сделок, как например, с продажи рабов и земельных участков. Там, где за нарушение контракта устанавливался штраф в пользу государства, там в древнейшие времена это, по-видимому, была еще просто *барщинная работа* на царя, работа в виде наказания, как наследие эпохи, когда царская власть опиралась всецело на барщину подданных (являлась как Fronkönigtum).

К повинностям, которыми облагалась земля, принадлежала и *поставка воинов* (во времена персидского владычества эта повинность выполнялась посредством заместителя). Но каким в экономическом смысле способом, особенно в таком специфически военном государстве, как Ассирия, создавалась и содержалась весьма значительная (если даже отбросить все возможные, впрочем, не обязательно предполагаемые, преувеличения источников), дисциплинированная, способная к «пионерским» работам по освоению новых территорий и к совершению больших походов *военная сила*, это еще не совсем выяснено. Существование военной повинности, в принципе обязательной для всех подданных — за исключением персонала храмов, придворного штата царя, пастухов и, по-видимому, царских колонов — явствуется из

писем Хаммурапи. Но такой набор, наверное, мог производиться только в крайних случаях в качестве поголовного ополчения для защиты родины. Техника сражения на колесницах, которой обязаны своим военным расширением государства, лежащие по берегам Евфрата, требовала, конечно, *профессионального* воина; точно так же, как требовали профессиональных воинов конница и пехота, во время более значительных войн насчитывавшие все же многие десятки тысяч. Салманасар II¹⁰, по его собственному уверению, имел в Сирии против себя войско в 70 тыс. человек (с 4 тыс. колесниц), составные части которого он перечисляет. Если принять во внимание, что в течение ряда поколений воинам *ежегодно* приходилось участвовать в походах, они, конечно, больше уже не могли пополняться с помощью набора из среды самостоятельно хозяйствовавших крестьян наподобие (очень скоро превратившегося в фикцию) германского народного ополчения (Heerbann). *Обученное* военному делу и притом *национальное* войско было бы опасно для царской власти, а огородная культура (die gartenartige Kultur), т. е. привязанность воинов к своим крестьянским хозяйствам, делала его образование и экономически невозможным: снаряжающееся на собственные средства тяжело-вооруженное войско отсутствует в этом искони теократически-бюрократическом городе-государстве. Становящаяся в позднейшее время обычной *вербовка* едва ли существовала в раннюю эпоху. Колесницы, копья и вооружение выдает из своих цейхгаузов¹¹ царь. Сообразно с этим он давал и лошадей, быть может, из своих табунов или добывал их для этого путем реквизиции. Что касается людей, то во времена Хаммурапи «солдаты» царя, оказывается, были владельцами *служилых ленов* (Dienstlehen), с которыми была связана в качестве литургии профессиональная военная служба. При этом владельцы ленов, очевидно, не составляют привилегированного сословия (сравнительно с остальными подданными). Сведения, будто им выжигали клеймо (Daiches), основаны, *может быть*, на тождестве их названия с названием закабаленных *должников* (Schuldknechten) частных лиц. Но и само тождество названий во всяком случае поразительно. Если относящийся сюда документ действительно следует отнести к человеку, обязанному нести военную службу (который был отдан в распоряжение какому-то магнату), то он служил бы в то же время доказатель-

ством того, что люди, находящиеся — по франкскому выражению — «in truste» или «in hoste»¹² царя, тем самым лишались своих семейных прав (права наследства), как какой-нибудь чужестранец или человек, попавший в рабство (когда он, отбыв свою военную службу, возвращается домой, то семья предоставляет ему право жить при себе, но не участвовать в наследстве). Хаммурапи говорит о ленах воинов в одном параграфе с царскими рыбаками, которые были также наделены землей на правах ленного владения. «Лен», как и везде на Востоке — кончая клерухами Лагидов¹³ — плебейски мал, так как экипировка была, несомненно, очень простой, да и, кроме того, обеспечивалась, по-видимому, всецело за счет царя.

Под страхом смертной казни воины обязаны были нести службу самолично, и за притеснение их и незаконное лишение владения наместники строго карались. Их собирали также на земляные работы — например, при постройке города (при присоединении новых областей «пересаживаемое» туда на места туземцев население состояло, вероятно, из таких ленников). Вместе с двором царь передавал им в пользование скот. Все это, конечно, без права отчуждения, но обычно с правом наследования (если сын годен для военной службы) и с обеспечением вдов и сирот. В случае неисполнения ленником служебных обязанностей в течение трех лет все это переходило к тому, кто возьмется исполнять его обязанности. Хотя ленник, судя по всему этому, служит царю лично за специальное вознаграждение, но он все-таки считается и исполняющим определенную общественную обязанность (als Funktionär der Gesamtheit): кто выкупит солдата из плена, может, если имущество последнего не достигает суммы выкупа, возместить затраченные на выкуп деньги из храмовой казны своего города; вдобавок к этому поручителем язляется и царская казна.

Рядом с наделенными землей солдатами стоят «не вполне свободные» (nicht «vollfreie»), поэтому не приравненные к свободным в отношении платы за службу, но, судя по тому, что они владели *рабами* — очевидно, ввиду того, что они сами не занимались хозяйством (im Interesse ihrer «Abkömmlichkeit») — поставленные в особенно благоприятные условия «служители» (как переводит Пейзер) царя, которые, очевидно, живут при дворе и всегда находятся в распоряжении царя. В Ассирии мы встречаем «всадников и ев-

нухов» царя в качестве гарнизона завоеванных городов, — следовательно, царских дружинников *наряду* с крепостными — а пленных царь просто тысячами присоединяет к своему войску. С другой стороны, при заселении *новых* городов в них «набиралось» определенное количество войска — что может означать только или возложение поставки солдат на новых поселенцев, *или* же выделение соответственного количества солдатских ленов.

Организация войска быстро эволюционирует в направлении к армии, состоящей из получающих жалование солдат. Войско ленников было всего только *запасным* войском (*Reservetruppe*); ведь ассирийские солдаты были еще во времена Саргона¹⁴ женатыми людьми, содержание которых в мирное время составляло заботу царя, который во время войны усиливал свое войско, потому что солдаты (см. выше) призывом на военную службу были вырваны из своих семейных отношений, и теперь их надо было содержать. Еще во времена Артаксеркса¹⁵ при сборе налогов отличалась, например, «земля стрелков из лука» («*Bogenland*») от «десятиной земли» («*Zehntland*»). Ход развития был, очевидно, таков: поставка людей, обязанных нести военную службу, — бывшая первоначально (см. выше) чисто личной ленной повинностью — позднее была связана как литургия с владением определенными участками земли, в конце же концов владельцы их откупались от этой повинности податями, из которых царь отныне платил жалование чужеземным наемникам. Как рано и в какой мере окончательно это произошло, узнать это ближе мы не имеем возможности. Во всяком случае войско последних ассирийских царей — это совершенно не национальное войско, а вавилонский корпус стрелков из лука времен персидского владычества также получал одежду и пищу из царских складов, следовательно, тоже не был «национальным» войском в экономическом смысле.

Свобода движения частного *оборота* была в раннюю эпоху стеснена царским, по существу натурально-хозяйственным, ойкосом так же, как это было в Египте (см. ниже). Но это относится к довольно отдаленному периоду, от которого сохранились клинописные частные документы. Уже перед эпохой Хаммурапи и непосредственно после нее развитие оборота отличается сравнительно необычайной свободой (явно все увеличивающейся). Теократическая монар-

хия, правда, регулирует внутренний оборот, в частности также и заработную плату, при помощи тарифов, как это мы видим в законе Хаммурапи. Но на практике товарооборот в принципе свободен. В Вавилонии, которая в гораздо большей мере выросла на почве посреднической торговли, он развился, разумеется, гораздо богаче, чем в военной державе — Ассирии. Попытаться разграничить эти два государства со стороны их развития, а также разграничить отдельные периоды этого развития, которое, начиная от «первой» вавилонской династии и кончая переходом в ислам, представляет в большинстве основных черт в сущности *все одну и ту же* картину, фон которой меняется лишь по мере проникновения (а временами и отлива) менового хозяйства (*Verkehrswirtschaft*) (ибо выражение «денежное хозяйство» применимо здесь только условно), здесь невозможно из-за недостатком места, и прежде всего из-за скудости источников.

Довольно узок и не подлежит здесь рассмотрению вопрос о расчленении населения на группы в древнейшую эпоху: в какой мере оно делилось по родам, как в эллинско-римском мире, и в какой мере по профессиям, как в Египте? Оба эти способа деления нередко встречаются и на Западе одновременно в известных *сочетаниях* (см. ниже), и соответственно и здесь встречаются «трибы» обоих видов. О «кастах» в собственном смысле в Вавилонии речь можно вести, конечно, в еще меньшей степени, чем о кастах в Египте. Скорее же, весьма вероятно, здесь, как и в древнейшем Египте, основой расчленения общества на группы первоначально служили существовавшие *литургии*, связанные с занятием ремеслами, причем, быть может, товарищи по профессии (может быть, связанные между собой круговой порукой) имели также и известные права на имущество тех, кто нес с ними одинаковые повинности. По крайней мере, мы встречаемся, по-видимому, с правами *обратного выкупа* (*Retraktrechte*), принадлежавшими одному товариществу ткачей при продаже земли. Но все это еще не вполне установлено.

Право на землю в эпоху полного развития древней, опиравшейся на натуральные повинности подданных, монархии (*Fronkönigtum*) рассматривалось, по-видимому, вообще как вознаграждение за исполнение связанных с землей государственных повинностей, а не только применительно к солдатской земле: несение земельным участком барщин-

ных повинностей с помощью упряжного рабочего скота упоминается в древневавилонском праве как доказательство того, что владелец этого участка имеет на него право собственности. «Должностные надель» (die «Amtslehen»), очевидно, только потому долгие *оставались* связанными в смысле свободы оборота, что в этом смысле *личная* квалификация владельца имела для царя особенно большое значение. Но о том, чтобы в случаях передачи земли из одних рук в другие, когда речь шла о всяком земельном владении, требовалось разрешение или утверждение со стороны светских или духовных властей (как это бывало иногда в Египте), в источниках мы уже ничего не находим, если не считать того, что раздел наследства очень часто производился жрецами. Существование *соседских* прав «членов марки» («Markgepossen») нет возможности установить с полной достоверностью. Ответственность общин существует, правда, в форме ответственности за нарушение мира в случае преступления. Но существовала ли круговая порука за подати и барщинные повинности (как в «Древнем царстве»), с точностью не установлено. Еще большой вопрос, можно ли считать ту перемену в правовом положении подданных, на которую указывают надписи некоторых шумерских царей (см. выше), за освобождение крестьянского *земельного* владения (упоминаются только рыбные пруды и скот) от *вотчинных* пут. То, что то законодательство теократических монархий *в целом* имело своим результатом обеспечение частного оборота, понятно само собой. Но если существовали путы, связывавшие *землю*, то лишь благодаря тому, что земля была обременена *повинностями*. Напротив, в историческую эпоху *государственные* интересы не ограничивали вообще земельного оборота — за исключением земли, отданной в ленное владение должностным лицам. Кодекс Хаммурапи совершенно определенно предполагает свободное отчуждение *благоприобретенного* земельного владения. Напротив, *наследственным порядком* полученное земельное владение, по свидетельству источников, являлось настолько связанным в интересах семейной общины и членов рода, что отчуждение его (очевидно, первоначально невозможное) давало им и *самому продавцу* право выкупа его за цену, уплаченную покупателем земельного участка, *вместе с процентами*. Это последнее обстоятельство представляет собой обычно правовой осадок типичной, направлен-

ной на устранение опасности ретракта (обратного выкупа)¹⁶ договорной сделки, рядом с которой в источниках обычно встречаются проклятия ретрагента и условные штрафы.

Таким образом, *фактически* в конце концов всякая частная земля стала свободно отчуждаться и свободно делиться на части. Единственный раздел между наследниками — наряду со встречающимся время от времени наследованием сообща — является в дошедших до нас источниках общим правилом. Конечно, мы не найдем никаких признаков общности полей, за исключением права выгона скота на скошенные и находящиеся под паром поля, о разновидностях которого мы находим постановление в кодексе Хаммурапи. Вообще же земельные участки имеют каждый определенные границы (обыкновенно (очевидно) огорожены), и отчуждение земли происходит с точным обозначением границ, которые определяются местоположением, отрогами, соседними участками. Размер земельного участка при этом определяется примерно, и, как правило, определяется его площадь, иногда же, по-видимому, размер участка определяется и размерами посева (встречаются также случаи покупки земли по «modus agri» в том смысле, что несоответствие действительного размера земли предполагаемому ее качеству должно быть возмещено потом). Экспроприация, по свидетельству надписей, производимая в Ассирии, чтобы очистить место для постройки храма, является, быть может (но не обязательно), юридическим выводом из земельной регалии¹⁷, на которую заявлял притязание царь; по крайней мере, царь *хвалится*, что он *возместил убытки* тем, кто благодаря этому лишился владения. То, что благодаря проведению каналов ставшая годной для обработки земля раздавалась царем — в Ассирии с указанием обязательного способа ее обработки (например, под огороды) — наводило на мысль, что царю принадлежало верховное право собственности на *всю* землю (которое в Вавилоне, может быть, приняло форму божественного права на землю). Земля, которую отдавали переселенным сюда чужеземным народам, была, очевидно, частью земли, которую нужно было вновь канализовать, часто это были, вероятно, и должностные лены, прежние владельцы которых были ввиду этого переселены в другие места.

Отдача в ленное владение земли и закабаленных людей заслуженным должностным лицам, пожалование царем зем-

ли в дар, беспопылинная передача в лен должностному лицу земельного владения его отца встречаются издавна как в Вавилонии, так и в Ассирии; обыкновенно же чиновник, состоящий на службе у царя, как и должностное лицо храма, получает *довольствие* натурой из царских и храмовых магазинов и из собираемых царем и храмами податей. Если и существовали здесь зачатки общего вотчинно-феодального (*grundherrlich-feudalen*) развития в *государственном* строе, то во всяком случае они так и остались зачатками: государство осталось по существу государством *чиновников* (*Beamtenstaat*) с сильной *теократической* окраской. Но, впрочем, в нем можно найти *элементы* вотчинного (*grundherrschaftlicher*) развития. Конечно, существование чисто частного земельного *закабаления* (*Grundhörigkeit*) *прямо* не может быть доказано с полной несомненностью. Но в письмах Хаммурапи упоминается одна категория населения, как свободная от военной службы, которую, видимо, совершенно правильно называют (*царскими*) закрепощенными (*schollenpflichtige*) колоннами. Были ли упоминаемые в источниках в качестве сидящих на земле *частных* имений «огородники» («*Gärtner*») и «крестьяне» просто женатыми рабами, или же в них следует видеть, например, «юридически» закрепощенных на земле, в частности, и против воли своего господина (следовательно, в интересах государства), прикрепленных к земле полусвободных людей наверное сказать нельзя. Принадлежащие *храму* крестьяне при даче в аренду принадлежащей храму земли просто сдавались в аренду вместе с землей совершенно наравне с живым инвентарем. Далее, из одной надписи, относящейся ко времени царствования Асархаддона¹⁸, мы узнаем об утверждении царем прав владельца *частного феодального поместья* (*Grundherrschaft*), которое, судя по данным о его границах, несомненно, охватывало собой целые деревни. А в государствах, возникших путем завоевания, еще во время города-царства (*Stadtkönigtum*) мы встречаем раздачу царем в ленное владение целых городов вместе с принадлежащей им территорией, а позднее — как было уже упомянуто — пожалования земли и людей заслуженным чиновникам, а также несомненно, образование и вотчинных «*иммунитетов*» в силу наследственной, при случае возобновлявшейся царем привилегии. Государство сохраняло всегда сильную *феодальную* окраску, несмотря на свой основной теократически-бюрократический

характер, как это выразилось уже хотя бы в развитом «коллате».

Основы *семейной* жизни те же, что первоначально и во всем античном мире: домовая община (die Hausgemeinschaft) есть хозяйственная община (Wirtschaftsgemeinschaft) патриархальной семьи и притом, очевидно, обычно уже *малой* семьи, хотя конечно, еще часто встречались случаи сохранения наследственных прав за членами родовой общины. Женщину отдавал замуж, в древнейшую эпоху просто продавал, глава ее семьи. О первоначально совершенно неограниченной власти мужа (карательной власти и праве отослать жену обратно) мы очень часто находим соответствующие статьи в контрактах (о деньгах, которые должен уплатить муж в случае отправки жены назад к ее родным, и т. д.); наложница, в частности сестра жены в этой роли, встречается рядом со «служанкой» в том ее положении, о котором мы знаем из Ветхого Завета. Происхождение «законного» брака из стремления обеспечить с *помощью договора* жену, выданную замуж с *приданым*, и право ее детей на наследство от первоначально ничем не ограниченного произвола мужа, совершенно ясно просматривается и в кодексе Хаммурапи: положение «законной» жены, созданное таким образом первоначально в среде имущих классов, законодательство постепенно распространило и на другие классы и придало ему характер положения, единственно отвечающего требованиям нравственности. Шумерские цари (Гудеа¹⁹) воспрещают сообща приобретать нескольким мужьям одну жену и преследуют со страшной суровостью нарушение супружеского долга (т. е. со стороны *жены*). Уже гораздо больше идет навстречу интересам жены закон Хаммурапи (право жены на развод, штрафы при отсылке жены). В более древнее время приданое жены состоит обычно из домашней утвари, драгоценностей, платья и нескольких рабов (как видно из Талмуда, не только для прислуживания лично ей, но также, чтобы снять с нее обязанность прислуживать *мужу*); позднее в качестве приданого встречаются также участки земли (после того, как владение землей утратило военное значение); а в нововавилонском праве брак с приданым и без покупки невесты, но с обеспечением вдовы, является уже общим правилом. Занимал ли первоначально старший сын, как это можно предположить по некоторым следам, после смерти отца первенствующее положение и полу-

чал ли он лучшую долю при дележе, это, очевидно, остается невыясненным.

Как в средневековой Италии, с развитием менового хозяйства и с расширением поля частной предприимчивости на первоначально строго патриархальное имущество дома начинают смотреть как на товарищеский капитал (*Assoziationskapital*) членов семьи. Не нарушая прав *patria potestas*²⁰, все-таки и *filius familias*²¹ является в известном смысле пайщиком. Например, при усыновлении, которое является покупкой приемного сына у его настоящих родителей, право усыновленного на имущество его приемного отца устанавливается контрактом, в частности, на случай отсылки его обратно к родителям. Само усыновление, т. е. покупка с предоставлением купленному сыновних прав, в противоположность покупке раба, первоначально являлось примитивной формой пополнения домового общины рабочей силой со стороны. Усыновление рабов, браки с рабынями и т. п. создают в домовом общине известную связующую нить между свободой и несвободой — вроде того, как в средневековых торговых домах *filius familias* были на равном положении с *factores* и *discipuli*²². Из договоров стариков, уходящих на покой и выговаривающих себе свою долю — передача имущества *retento usufructu*²³ — постепенно вырабатывается раздел имущества *inter liberos*²⁴ по завещанию.

Рабы в древнеавилонский период были не очень многочисленными: в приданое чаще всего дают 1—3 рабов. Но, очевидно, с развитием оборота постоянно возрастало и их число вплоть до времени персидского владычества, когда раб подвергался весьма систематической эксплуатации со стороны господина в денежно-хозяйственной форме в качестве источника ренты (как русские крепостные, отпускавшиеся на оброк, и как уже в совершенно другом роде, «крепостные» («*Leibeigene*») в западной и южной Германии вплоть до XVIII столетия), и когда мы поэтому встречаем и рабский пекулий, и участие раба во всевозможных предприятиях, и выкуп себя рабом на свободу, и даже договоры (*Beweisverträge*), заключавшиеся между рабами одного и того же господина. В *домашнем обиходе* рабы в позднейшую эпоху — если исключить царей и храмы — немногочисленны: иметь четырех рабов в услужении, по-видимому, считалось вполне приличным для хозяйства средней руки. Но, очевидно, и в сельском хозяйстве, и в промышленности

рабскому труду также не следует приписывать слишком большой роли.

Царские домены, в том числе и отданные в ленное владение должностным лицам, так же, как и крупные имения вавилонских храмов, а также и земли, постепенно скопившиеся в руках торгового патрициата, особенно в Вавилонии — во всяком случае в большей мере, чем в Ассирии — если не сдавались мелкими участками в аренду, то обрабатывались при помощи купленных рабов, а также, первоначально, и при помощи обязанных выходить на барщину, и имевших семью несвободных людей, так называемых «огородников» и «крестьян»; есть ли основание проводить различие между правовым положением этих последних, как «колонов», и положением рабов, остается, как уже говорилось раньше, спорным. Рабы продаются нередко *целыми семьями*. Отдача себя в рабство за долги достигла в Вавилонии полного развития, и быстрота, с какой она осуществляется (взятие в кабалу совершалось чисто частным путем), является основой сильного развития кредита: жена и дети попадали в рабство вместе с главой семьи, но по кодексу Хаммурапи через три года получали свободу. Если за должника, отданного в рабство, ручался состоятельный родственник, то он отпускался на свободу с ограниченным правом передвижения, чтобы дать ему возможность заработать на уплату долга. Насколько попавшие в рабство несостоятельные должники составляли (в доступную по состоянию источников нашему исследованию эпоху) количественно значительную категорию прикрепленных к земле зависимых людей, мы не знаем.

Примитивной формой *временного* обеспечения себя рабочей силой является наем рабов или свободных за содержание, одежду и плату (натурой, впоследствии деньгами). На таких условиях нанимали прежде всего рабочих на время жатвы. Из этого развился, как прототип свободного рабочего договора, наем свободного человека «*им самим*». Первоначальный взгляд на временное поступление в рабочие как на временную отдачу себя в рабство (римское *in mancipio esse*) находит свое выражение не только в этой формуле, но и в том, что нанимающийся рабочий первоначально нуждался в патроне²⁵, который, очевидно, при случае мог сыграть роль *assertor in libertatem*²⁶. Конечно, эта временная отдача себя в рабство нередко могла быть отдачей себя в рабство за

долги, и для исторической эпохи это представляется вполне вероятным. Ибо уже в эпоху Хаммурапи *свободный* труд был очень распространен в сельском хозяйстве.

При чтении закона Хаммурапи и более древних памятников складывается впечатление, что, наряду с мелким производством в форме садоводства и огородничества, где хозяйство ведет сам собственник, существуют и более крупные хозяйства, владельцы которых живут в городах и эксплуатируют свое владение частично с помощью несвободных, но порой и свободных хозяйственных инспекторов (верность которых закон обеспечивал уголовным порядком), и с помощью свободных, нередко нанимаемых на один год рабочих, заработную плату которых регламентирует закон, по-видимому, в интересах как хозяина, так и рабочих — в соответствии с теократическим принципом «охраны слабых» (женщин, попавших в кабалу должников, рабов). Скотоводство ведется в больших размерах. Скуда скотом производится по определенному тарифу и урегулирована так же, как и обязанности пастуха (который считался состоящим на службе у всей общины) в отношении к земле-владельцам. Брать рабочий скот в залог в кодексе Хаммурапи воспрещено.

В общем источники дают возможность нарисовать картину распределения владения и способов производства, которая существенно отличается от условий римского сельского хозяйства приблизительно времен Катона а) заметным и у Хаммурапи выступлением на передний план интересов орошения, б) более разносторонним развитием огородничества (Gemüsebau) и, прежде всего, в) незначительным развитием организованного рабского труда. Последнее обстоятельство, несомненно, находится в связи с тем, что на Востоке *не существовало* ни такого переполнения рынка рабами, с одной стороны, ни такой массы земли, какую римские войны предоставили в распоряжение *частной* эксплуатации. Цены на рабов невысоки, но количество рабов, очевидно, невелико. Землю и людей, добытых на войне, конфисковывает *царь*. Правда, он, как и фараон, распределяет часть доставшегося в добычу скота и пленников, а также, конечно, и завоеванную землю между войском; но это наделение войска землей всегда происходило или в такой форме, что войска поселялись в качестве гарнизона во вражеской стране, а вновь покоренные подданные, наобо-

рот, переселялись со своих мест в Месопотамию, или же так, что получавшие землю принимали на себя обязательство проводить каналы и разводить огороды, следовательно, все-таки являлись прежде всего источником взимающихся в пользу *царя* податей. То же самое назначение *прежде всего* имели пленные и их имущество, — как раз в противоположность Римской республике, где военная добыча земель и людьми становилась почти всецело предметом эксплуатации *частных* откупщиков налогов, арендаторов доменов и покупателей рабов (в частности, для плантаций). Ограниченный, поставленный в зависимость от орошения земельный запас Месопотамии не был сам по себе подходящим базисом для покоящегося на рабском труде крупного производства со всеми его особенностями (см. выше). Поэтому эксплуатация земельных владений со стороны не ведшего самолично хозяйства вавилонского патрициата все более и более развивалась в сторону *мелкой аренды*: аренды с фиксированной арендной платой (без права арендатора в случае чрезвычайных затруднений требовать сложения арендной платы) и аренды из части продукта. При этом *в обоих случаях* закон высказывается в том совершенно определенном смысле, что арендатор берет на себя *обязательство* тщательно обрабатывать землю. Срок аренды, судя по показаниям источников, был большей частью довольно короток: 1—3 года; мелкий арендатор, особенно арендатор из части продукта, несомненно, уже и тогда являлся лишь заинтересованной в доходе, связанной лишь временно (*kündbare*), но по большей части фактически благодаря своей задолженности прикрепленной к данному хозяйству *рабочей* машиной землевладельца, как и колонны в позднейший период римской истории и как мелкие арендаторы (*Parzellenpächter*) по берегам Средиземного моря вплоть до наших дней. Чтобы выяснить, каким образом с течением времени изменялось его общее положение, для этого потребовалось бы особое исследование. В источниках довольно ясно, хотя и постепенно, выступает развитие — но не преобладание — денежной аренды. Точно так же некоторые пункты контрактов ясно указывают на то, что сдающим в аренду в Месопотамии обыкновенно является *живущий в городе* капиталист, который желает или привести в культурное состояние скупленную землю, или эксплуатировать в качестве источника ренты уже находящуюся в обработке землю.

Заем средств (в особенности серебра) для уплаты рабочим вознаграждения во время жатвы, равно как и заем зерна, фиников и т. д. для посева — в обоих случаях с обещанием возвращения займа после жатвы — это древнейшие случаи *производственного* кредита (*Produktivkredit*), который уже в древнеавилонский период выступает наряду с, тоже по большей части совпадающим с периодом жатвы, займом хлеба для собственной потребности. Заем на осеменение, в частности, есть, должно быть, древнейшая форма производственного кредита и, во всяком случае, еще более древняя, чем заем скота (*Hainisch*).

Развитие явлений *оборота* вообще на всем азиатском Востоке идет значительно дальше вперед, чем, по крайней мере, в предоставленном *собственному* культурному развитию Египте (см. ниже), что является следствием *городского* характера вавилонской культуры и положения Вавилона как места *посреднической торговли*, где формы менового хозяйства должны были развернуться на полном просторе. Вавилон и его право сделали для всего Востока как раз носителями развития, ведшего к «капитализму», и это несмотря на то, что запасы благородного металла в стране, наверно, почти всецело были *привозные*. Цари, и в особенности храмы, при таких условиях, очевидно, находились в экономически очень хорошем положении, поскольку *подати* преобладали над барщиной, и поэтому не препятствовали развитию менового хозяйства. Чтобы вавилонская теократия, как таковая, принципиально относилась враждебно к признанию за *деньгами* особого положения в праве, созданном развитием оборота — как (может быть) относилось жреческое сословие в Египте (см. ниже) — это трудно допустить. Все, что можно там встретить в подобном роде, не идет дальше аналогичных явлений в западных государствах. Впрочем, уже шумерские цари (см. выше) стараются облегчить для подданных специфическую тягость денежных требований. Но на сисахтию²⁷ нет указаний, и она представляется маловероятной.

Смягчение строгости долгового права в кодексе Хаммурапи путем допущения уплаты *in quo potuerit*²⁸ находится в полном соответствии с подобными же соглашениями в частных контрактах и вообще с той ролью, какую «деньги» как таковые играли в обороте древневосточного мира. Ведь финикийская торговля за все время своего настоящего рас-

цвета (также и в Карфагене²⁹ вплоть до IV в. до н. э.) не знала монеты в современном правовом смысле. В Вавилонии мы находим сначала не ведающую не только монет, но и вообще сколько-нибудь регулярного действительного употребления денег *во внутреннем обороте*, но тем не менее высокоразвитую *технику натурального обмена*. Деньги в древневавилонском царстве, представляющие собой серебро в виде предметов употребления (колец) или на вес, служат, правда, и в качестве добра (сокровищ), играющего роль цены, но *главным образом служат мерилом стоимости* обмениваемых друг на друга *in natura* благ, как *действительное (effectives)* средство обмена во внутреннем обороте (как в Египте) большей частью только для уплаты разницы в цене, которой нельзя было возместить *in natura*. Лишь в позднейшее время они принимают некоторое подобие монеты, сначала, по-видимому, посредством *частного* удостоверения веса известными фирмами — в источниках встречаются «куски в одну пятаю зекеля (шекеля)³⁰ со штемпелем X», — и только таким путем начинают постепенно приобретать монополию в качестве действительной платы за товар. В древневавилонском царстве еще нередко продолжают обменивать финики на хлеб, дома на поля, иногда восполняя разницу в цене серебром. Наряду с этим встречаются тогда в высшей степени сложные акты обмена, в которых только оценка товаров обеих сторон в серебре делает возможной этот обмен: так, например, обменивают землю на 816 зекелей серебра, из которых 100 уплачены повозкой, 300 — шестью конскими сбруями, 130 — ослом, 50 — ослиной сбруей, 30 — быком, остальное в виде мелких сумм — маслом, платьем и т. д. Для такого оборота, как раз *благодаря* присущему ему характеру натурального оборота, были уже в раннее время находимы своего рода *банковские* предприятия (bankartige Unternehmungen) для посредничества и окончательного расчета (als Vermittelungs- und Ausgleichsstellen). «Денежный человек» является в кодексе Хаммурапи весьма обычной категорией. Мы встречаем расценку натуральных доходов профессиональными торговцами, которые считают не только на серебро, но и на хлеб, финики и т. д. Затем мы встречаем в высшей степени своеобразный оборот с требованиями (Anweisungen) на эти состоящие из натуральных сборов запасы, даже со своего рода складскими свидетельствами на предъявителя (Lagerscheine au porteur), требующий и заслуживающий бо-

лее близкого рассмотрения: по-видимому он заимствовал свои формы первоначально из порядков управления доходами царских магазинов и храмов.

Храмы были в Вавилонии крупнейшими заимодавцами, ссужавшими хлеб и деньги, и первоначально, наряду с царскими магазинами, с членами царствующего дома (которые в источниках выступают в этой роли) и с некоторыми «магнатами» государства, единственными, которые делали себе из этого постоянный источник дохода. Так как с основанием каждой новой колонии была связана «ссыпка» хлеба, собираемого с данной местности в качестве подати, в один определенный магазин (большей частью состоящий при храме), то эти магазины занимали первенствующее положение сравнительно с частными. Но и возникшие впоследствии наряду с ними частные «банки» («Bank» — *Geschäfte*) достигли, очевидно, значительных размеров.

Почти все главные деловые формы денежного хозяйства, хотя по большей части и в архаическом виде, уже намечаются. Упомянутые выше займы натурой — хлебом, финиками, кирпичами и т. д. — стоят рядом с займами зекелями (причем, вероятно, нередко эти зекели представляли только установленную в договоре стоимость данных займы натуральных продуктов) с процентами, которые при займе зерном доходят до $\frac{1}{3}$ суммы долга, а при денежном займе составляют всего лишь $\frac{1}{5}$. Встречается и залог, при закладывании рабов и в земельном обороте принимающий форму антихрезы³¹ (например, беспроцентной денежной ссуды за право бесплатного пользования домом), а также земельной ипотеки, первоначально еще без ясного правового развития вторичных ипотек; позже иногда ясно выраженное оставляемое за кредитором право искать удовлетворения прежде других или установление факта, что заложенный участок уже заложен был в другом месте, псказывает, что это право ипотеки почти соответствует эллинскому (так было, во всяком случае, в эпоху персидского владычества). Далее, мы наталкиваемся иногда и на имеющее прерываемый характер (*discontinuerliche*) капиталистическое предприятие и притом в его характерной примитивной форме, господствовавшей и у нас в эпоху раннего Средневековья, — в форме *комменды*. Корни ее расходятся в стороны. Часть, *может быть*, берет свое начало в сельском хозяйстве (хотя представляется более вероятным, что товарище-

ские отношения, например, в преследующей мелиорационные цели аренде, наоборот, были заимствованы из области торговли). Наряду с уже упомянутой сдачей в аренду *мелких участков* держателям (Rückenbesitzer) за часть продукта (в большинстве случаев $\frac{1}{3}$) или за определенный чинш натурой, или деньгами мы встречаем: 1) сдачу в аренду в крупных размерах *fundi instructi*³² храмами, 2) рядом с долгосрочной арендой с целью устройства насаждений (Anpflanzungspacht) (предшественница эллинистического эмфитевсиса³³) коммendu для поднятия нови³⁴ (die Neubruchskommenda). Берущий коммendu строит — в таком именно виде представляется это отношение — на земле свою хижину, живет продуктами с земли, дает первые годы «барыш («Vorgewinn»), состоящий из того, что он собирает сверх нужного ему для удовлетворения его потребностей, а впоследствии *делит* доход с дающим коммendu *in natura*, например, по кодексу Хаммурапи через пять лет после того, как взял землю для приведения ее в культурное состояние. Уже в древнеави-лонском праве в качестве параллельно существующих явлений встречаются товарная и денежная коммenda (die Ware- und Geldkommenda) как формы помещения капитала во *внешнюю торговлю*; точный смысл относящихся к ней статей еще во многом не вполне установлен, но в принципе они однородны со средневековыми исламскими и генуэзскими постановлениями (только в большинстве случаев здесь доля коммендатора равняется $\frac{1}{2}$ прибыли вместо типичной генуэзской quarta proficui³⁵). Позже встречается коммenda в мелочной торговле (die Gramladenkommenda) как форма капиталистического предприятия *внутри страны*.

Чтобы определить, в какой мере в древней Месопотамии еще до проникновения туда эллинизма был развит *откуп податей*, нужны точные изыскания. До сих пор они, насколько мне известно, не были сделаны. Еще при Артаксерксе встречается в самом широком масштабе уплата казне вперед *натуральных податей*, следуемых с землевладельцев, какой-нибудь компанией, которой эти последние, со своей стороны, дают обеспечение в форме залога (ипотеки) своих земель. В частности, это вмешательство капитала имело место там, где следовало платить царю хлебом (мукой), а плательщик развел на обложенной податью земле, например, плантацию фиников. Кредитор покупает муку и доставляет ее царю, получает за это от должника финики

и продает их. Далее, встречаются (это достоверно известно относительно эпох персидского владычества) случаи спекуляции с отдачей внаем (*Mietswucher*) в крупных размерах, причем отдававший внаем, может быть, нередко был только кредитором, дававшим внаем вещь, которую он получил в обеспечение долга вместе с правом пользования ею (*antichretischer Pfandgläubiger*).

В промышленности наряду с рабочим, получающим по данным кодекса Хаммурапи плату по установленному тарифу, следовательно, наряду с «*Lohnwerker*» (рабочим за плату — *ред.*), по терминологии Бюхера (например, ткачи, портные, кузнецы, а также золотых дел мастера получали сырой материал от заказчиков по весу), стоит «*Preisswerker*» (т. е. ремесленник, работающий на продажу) (например, ткачи, ткавшие пестрые ткани, *по-видимому*, принадлежали к их числу, очень вероятно, что к ним принадлежали также и столяры и др.), а впоследствии — и эксплуатация рабов в промышленном производстве для сбыта, по обыкновению *не в форме крупного производства с рабским трудом*, а в виде свободной комменды, состоящей в предоставлении господином рабу собственности, чтобы дать ему возможность начать дело. Особенно распространена, как единственная форма «предпринимательской» организации промышленного труда, «несвободная работа на дому», в особенности среди рабов, принадлежавших храму, которые получают сырой материал и нередко орудия производства и доставляют в храм готовый продукт. О существовавших в древнейшие времена *царских* ремесленниках, несших барщину, упоминалось выше. По свидетельству памятников, относящихся и к позднему (даже персидскому) времени, царь и принцы оказываются владельцами обученных ремеслу рабов (к ним, например, частные лица отдают других рабов в учение). Каким именно образом рядом с литургиями возникла и развилась «свободная» промышленность и работа на частных лиц и для «рынка», об этом источники сведений не дают; тут, разумеется, совершались постепенные переходы в зависимости от потребности царя в литургиях, от числа ремесленников вообще, от наличия взятых в качестве военнопленных обученных ремесленников. Во всяком случае *несвободные* ремесленники, обучающие чужих рабов, встречаются в памятниках часто. Эксплуатация рабов-ремесленников в качестве источника ренты (*mandaku-*

оброк) составляла обычное явление в особенности в позднейшее время. Цены на рабов в позднейшее время, если раб ничему *не* был обучен (а обучение, смотря по ремеслу, длилось иногда годы, у ткачей 5 лет), были умеренные. Рабыни в этом случае ценились *дороже*.

Наряду с примитивными формами арендной платы, предпринимательского и ссудного процента (*Leihkapitalzinse*) встречается — в известной мере соответствующий современному помещению капитала в дающие процент государственные займы — в качестве предмета менового оборота, заклада и приданого, выступающий уже в древнеавилонском царстве *оклад чиновников (Beamten-Pfründe)*, в особенности чиновников, служащих при храмах. В Вавилоне эти оклады становятся предметом правильного *оборота*. Оклады состоят из полученной натурой, которые отчасти заменили собой первоначально существовавшее право на даровой стол (*Freitisch*), т. е. право на участие в общих обедах жрецов и на даровую квартиру («*freie Station*»), оплачиваемые из доходов храма, а отчасти заменили прежнее наделение (в форме ленного пожалования) чиновников землей, а затем превратились в *наследственные* и, наконец, в *отчуждаемые* права на получаемую натурой ренту. В памятниках мы очень часто встречаем упоминания о землях, обложенных различного рода натуральными повинностями в пользу храмов, приуроченными к определенным числам месяца — например, к 30-му числу каждого месяца — в силу ли добровольного пожертвования доходов с этих земель в пользу храма, в силу ли того, что эти земли первоначально принадлежали храму и были им сданы в пользование под условием уплаты этих сборов. Из этих и иных получаемых натурой доходов храм выплачивал натурой (мясом, хлебом, пивом, одеждой и т. д.) оклады своим служащим, которые в определенные дни — например, каждое 15-е и 30-е число — отчуждали их и делали их предметом оборота.

Каково было значение намеченных выше, во всяком случае уже достаточно сложных явлений оборота для структуры хозяйства, об этом мы пока не можем составить себе вполне достоверного и ясного представления. Несмотря на то, что этот оборот был технически высоко развит, образование цен, даже и в тех случаях, когда они не регламентировались непосредственно властью как в Вавилонии в эпоху Хаммурапи, находится, очевидно, под громадным вли-

янием царских и принадлежащих храмам магазинов (складов). В Ассирии, не говоря уже об упоминаемой в царствовании Ашшурбанипала³⁶ продаже ассирийцам по твердым ценам доставшегося в добычу скота, в период царствования Саргона хранившимися в царских магазинах запасами хлеба и сезама воспользовались, во время борьбы с дороговизной, для урегулирования цен на оба эти продукта: постановление того же царя об «ограничении обедов» имело, по видимому, смысл ограничения потребления как одну из мер борьбы с дороговизной, поскольку оно не объяснялось стремлением не терпеть рядом с царем никаких других социально выдвинувшихся вперед классов. Ту же роль, что и царские магазины, играли нередко и запасы храмов, и, несомненно, типичный размер процента, установленный храмом, фактически — делалось ли это сознательно, остается неизвестным — способствовал регулированию и фиксированию высоты частного процента. Поэтому, когда в древне-вавилонском праве (где уже вполне развито комиссионерство (*das Kommissionsgeschäft*) в караванной торговле в виде взятия на комиссию закупки скота и рабов) мы встречаем поручения купить «по цене, которая будет», то это едва ли установленная конкуренцией рыночная цена; скорее это продажная цена царских или принадлежащих храму магазинов.

Из всего количества клинописных текстов, число которых достигает чуть ли не 200 тыс., *переведена* такая небольшая часть, причем переводы так разбросаны, а некоторые из них (и как раз очень важные памятники) так спорны, что я, по крайней мере, не могу решиться на попытку построить на доступном *мне* материале настоящую историю *развития*.

Глава вторая ЕГИПЕТ

I Древнее царство

Если Вавилония с самого начала, за много тысячелетий до появления «хартальных» денег, является носителем «капиталистических» хозяйственных форм, строгого долгового права с самыми суровыми формами личной экзекуции — и впоследствии — развитого денежного хозяйства, то Египет, наоборот, по крайней мере в древнейший период, считается специфически натурально-хозяйственной страной. Нелегко сказать, в каком смысле это справедливо относительно *внутренних* хозяйственных отношений — *внешнюю* торговлю в те времена, от которых вообще дошли до нас исторические известия, да и гораздо раньше, вел, вероятно, фараон: на нее ведь между прочим как на экономическую основу опирается и его положение в государстве. Денег в древнейшую эпоху, очевидно, *не существует*. Напротив, уже в IV тысячелетии до Р. Х. существует *оборот* и, в частности, даже *земельный* оборот, и почти наверное можно сказать, что наследственная, а иногда и отчуждаемая *земельная собственность* существовала уже (или, вернее, *как раз*), *перед* объединением царства, и что преобладающее над всем значение «ойкоса» фараона и храмов есть лишь продукт дальнейшего развития. Свидетельства памятников во времена Древнего и Среднего царства, и тем более Нового царства, разумеется, преимущественно говорят о хозяйственных отношениях царя и храмов. Что на этом основании образовались весьма преувеличенные представления о размере *владений* храмов, не подлежит, по-видимому, теперь никакому сомнению. Но что отсутствие во времена древнейших исторических династий всякой частной, т. е. не составляющей ни лена, ни земли колона, земельной собственности, давно привыкли верить, было некогда реально-

стью, это уже представляется теперь более, чем сомнительным. К сожалению, смысл показаний источников во многих случаях является чрезвычайно спорным. Текст памятников, в особенности демотических³⁷, во многих случаях еще совершенно не установлен. В частности, заслуженному Е. Ревилью (на важные, но невыносимо болтливые работы которого все же часто ссылаются) принадлежат грубейшие ошибки (смещение памятника, говорящего о заключении брака, с памятником говорящим об отсылке жены домой, и т. п.).

Памятники начинают теперь проливать свет на эпоху (так называемую «Тинитскую»), которая *предшествовала* перенесению резиденции фараона в Мемфис, и в которую государство (около 4000 г. до Р. Х.) предстает перед нами еще в состоянии перехода от порядков, характерных для монархии, опирающейся на обладание бургом и на натуральные повинности подданных (Bürgen-und Fronkönigtum), к тому громадному царскому «ойкосу», который достиг своего высшего развития в древнейшую пору Нового царства.

Социальные учреждения так называемого Древнего царства получили свой специфический отпечаток благодаря трем условиям: а) благодаря отсутствию серьезной военной опасности и возможности расширять пределы государства; б) благодаря вызванной своеобразными условиями существования необходимости иметь уже в раннюю пору довольно устоявшийся бюрократический правительственный аппарат и очень широко привлекать население к несению барщинных повинностей для надобностей орошения; каждое отдельное лицо есть прежде всего государственный барщинник (Staatsfroner), и если фараоны хвалятся, что они водворили порядок и «научили каждый город знать свою область», то тут речь идет, как видно из общей связи, об отношениях, связанных с орошением, и о вытекающих из них правах и натуральных повинностях; в) благодаря, очевидно, стоящему в связи с этим отсутствию фамилий или иных (семейно-индивидуалистических) институтов, служащих связующим звеном для отдельных «родов» (Geschlechter), как таковых, что видно из того, что все были связаны в одно хозяйственное целое, а также и из преобладающего значения придворных рангов. Семьи «магнатов», это, правда, землевладельческие семьи, но в то же время, и прежде всего, это *служилая аристократия*, и эта служилая аристо-

кратия вербовалась по мере роста могущества фараонов все более путем возвышения из низших слоев.

Относительная децентрализация правительственного аппарата в Древнем царстве обуславливается незначительным развитием собственно военных учреждений: наряду с гвардией фараона и полицейскими отрядами храмов обыкновенно существует только областная милиция (Gaumilizen), которую областное управление (Gauvorstand) созывает в случае надобности для отражения малоопасных в то время шаек бедуинов.

Сооружения для орошения и осушения почвы, каналы, приспособления для подъема воды, это — основные учреждения хозяйственной организации, которая находится в полной зависимости от колебаний и от регулирования уровня воды в Ниле и вследствие этого с самого начала — т. е. с тех пор, как началось регулирование воды — в сильной мере должна была принять характер *коммунистического хозяйства* (gemeinwirtschaftlich beeinflusst). Существовавшее с незапамятных времен деление страны на округа также, несомненно, находилось в связи с экономическими учреждениями для надобностей орошения и производства, подобно тому, как упоминаемые в более позднюю эпоху государственные хлебные магазины в главных городах каждого округа, подобно ассирийским учреждениям того же рода, преследовали как фискальные цели, так и цели борьбы с дороговизной. Поэтому на номархе³⁸, наряду с заботой об оросительных сооружениях, лежала прежде всего забота об обложении населения натуральными повинностями и, затем, о доходах с царских земельных владений. Что эти царские владения были издавна очень обширными, не подлежит сомнению. Позднее могла возникнуть идея о принадлежащей царю земельной регалии, вызванная причинами, о которых речь будет идти ниже. Но отсюда до мысли о государственно-социалистической организации *всего* производства как основной форме древнеегипетского хозяйства еще очень далеко.

Мы, разумеется, почти ничего не знаем о древнейших социальных отношениях. Весьма первобытные земледельческие орудия — соха, запряженная волами, мотыги и молоты вместо бороны, овцы и свиньи для втоптывания посева, серп для жатвы, ослы и крупный рогатый скот для вытоптывания зерна — употреблялись при возделывании ячменя, пшеницы, проса. Наряду с этим разводили виноград,

овощи, финиковые пальмы, лишь в очень позднюю эпоху и изредка также оливковые деревья, в нильских болотах собирали зерна лотоса (*nelumidium*) для еды и папирус для самых различных технических целей, от судостроения до письма. О простоте стола фараонов (главным образом *овощи*) упоминает Диодор³⁹; масса населения питалась хлебом и маслом из сезама (утверждать, будто египтяне жарили на *касторовом* масле, значит быть все же высокого мнения об их желудках). Существование лошади в период до Нового царства не может быть доказано, и, очевидно, она была вывезена из Сирии; существование верблюда с полной достоверностью впервые засвидетельствовано в эллинистическую эпоху (в более ранний период его изображение встречается лишь на *одной* камее); осла использовали в качестве вьючного животного; разводили также крупный рогатый скот, овец, коз и разных антилоп, из птиц — в особенности гусей, которых откармливали тестом. Впоследствии более густо заселенные долины Дельты (*Deltamarschen*) в более раннюю эпоху периодически служили местом, куда жители внутренних областей массами выгоняли свои стада на подножный корм. Илистые и болотистые территории небольшого размера, по-видимому, издавна также и вверх по Нилу принадлежали отдельным округам, так как скотоводство было значительно развито (в эпоху Лагидов царь позволял оставлять повсюду необработанными мелкие участки земли, предназначенные под выгон). Свинья, очевидно, была известна исстари, но на изображениях она появляется в стадах впервые в Новом царстве. Строевого леса чрезвычайно мало, но он и не играет решающей роли ни при постройке домов, материалом для которых служат кирпичи из нильского ила, ни, первоначально, при постройке судов.

Обработка полей требовала исстари сравнительно немного времени. В их удобрении не было надобности; отдых земли под паром был не нужен; плодоперемнная система была делом личного выбора. В зависимости от этого интенсивность труда при обработке земли во времена фараонов была довольно умеренной: каждые 6 арур ($1\frac{2}{3}$ гектара) пахотной земли в одном памятнике времен XVIII династии прикрепляют, по-видимому, к одной семье рабов (впрочем, в одном памятнике из эпохи Шешонкидов⁴⁰ на семью приходится 0,7 аруры: по расчету Ревилью, на земле, возделываемой под *огороды* (*Gardenland*), 5 человек несли барщину

на 4 арурах). Напротив, папирусы *kahun'a* (XII династия) определяют по 10 арур (2,75 га) на человека. Длинный *перерыв* в работе, который, как ни смотреть на эти и позднейшие, конечно, весьма различные данные, существовал в египетском сельском хозяйстве, давал возможность, с одной стороны, исполнять колоссальные строительные повинности для фараона, с другой стороны — открывал возможность очень широкой побочной работы в области промышленности, для рынка ли, или, в виде литургии, на царские магазины. Может быть, этим, созданным естественными условиями земледелия, положением можно объяснить и то, что в Египте в гораздо меньшей мере, чем где-либо, произошло отделение промышленности от сельского хозяйства в форме образования *городов*. С другой стороны, это имело (тогда, как и теперь) свою причину и в географической конфигурации страны: река как естественная огромная дорога, по которой шел хозяйственный оборот, с непрерывной узкой полосой населенной земли по обе стороны. Далее, решающую роль здесь играл социальный строй страны (единая система барщины и литургий, см. ниже) и военно-политическое устройство (мирный характер Древнего царства до вторжения гиксосов⁴¹, военное устройство Нового царства, опирающееся на наемников и на литургии крестьянского военного сословия). Что страна «не имела городов», это справедливо, конечно, лишь в том смысле, что ее крепости и более крупные поселения настолько не имели тех признаков, которые присущи античным городам, даже городам Месопотамии, что вся страна в древнеегипетские, как и в птолемеевские времена, была разделена в административном отношении сплошь на сельские округа, и привилегий городского *гражданства* и даже наделенных ограниченной автономией заведующих *управлением* городских корпораций *не существовало* (кроме, как в трех населенных эллинами городах).

Существовало ли в языке особое национальное название для *рабов*, достоверно не известно. На табличках (даже те слова, которые чаще всего употреблялись для обозначения военнопленных, беглых рабов, покупных рабов (*boku, hollu*), употреблялись в применении и к самым высшим светским или духовным должностным лицам (что касается жрецов, то в пояснение сказанного надо вспомнить, что уже в Среднем царстве существовала организация «жрецов по часам»,

«Stundenpriester», которые были разделены на четыре жреческие филы и совершали богослужение *сменами* — совершенно наподобие *смен* отбывавших барщину *рабочих* фараона, о которых речь еще впереди). Огромное количество выражений существует для обозначения *одного и того же*, несомненно, несвободного состояния, и тщательнейшим изысканиям (например, Ж. Байо) до сих пор не удалось их классифицировать с той или иной степенью достоверности ни этимологически, ни по ремеслу, ни по сословию, из которого они происходят, если не считать весьма немногих, упоминаемых ниже, но всегда лишь приблизительно проведенных разграничений. Основная особенность государства, опирающегося на *литургии* (Leiturgiestaat), каким вполне является Египет, в эпоху Нового царства, а в зародыше уже и в эпоху Древнего царства, заключается в следующем: *каждое* отдельное лицо является прикрепленным к той *функции*, которую оно выполняет в социальном организме, поэтому в принципе *каждый* не свободен. Уже в древнейшие исторические времена этот порядок получил такое широкое развитие, что если и существуют *привилегированные* слои общества, то во всяком случае не существует юридически *свободных* граждан в смысле эллинской *κόμη* или *πόλις*⁴², и в принципе каждый раб, по крайней мере, если ему удавалось сделать карьеру «писца», носил «в своем солдатском ранце маршальский жезл». Разумеется, покупные рабы встречаются в большом количестве. Но цены на рабов, сравнительно с ценами на землю, по-видимому, возросли с эпохи Нового царства; раб стоил, как мы это видим в одном памятнике, относящемся к эпохе Шешонкидов (ливийская династия), почти столько же, сколько и то количество земли, которое он обрабатывал. При Дарии⁴³ он стоил, по свидетельству одного памятника, в 12 раз больше, между тем, как цена на землю была ниже, чем в более древних памятниках. Египет вел, правда, по временам большие разбойнические войны, и в эпоху династий Тутмоса и Аменхотепа⁴⁴ платили дань рабами. Но эти рабы предназначались для домашнего обихода самого царя. Дошедшие до нас цифры пленных — поскольку они заслуживают доверия — не высоки. Уже эти условия рабского рынка и упомянутые выше цены на рабов — если признать их типичными — должны были с течением времени делать все более и более затруднительной *частную* эксплуатацию рабского труда в круп-

ном сельскохозяйственном производстве. Впоследствии сильный рост цен на землю делал подобную эксплуатацию тем более невыгодной (*unrentabel*). Все несвободные имеют обычно собственную семью; только военнопленные ее не имеют.

В Древнем царстве функцию рабства исполняют *клиента* и *колонат*.

В общем признано, что власть фараонов возникла в Верхнем и Нижнем Египте путем покорения отдельных областных царей («*Gaukönige*») и превращения их в наделенных ленами «номархов» (наподобие «*patesi*» Междуречья). «Владелец бурга» как титул должностного лица встречается еще в позднейшее время. Прежняя независимость областных князей сказывается также в существовавшей, по-видимому, в Древнем царстве монополизации многих жреческих мест известными «благородными» фамилиями. Дружина из сотрапезников и тут была зародышем ленной аристократии: слово, употреблявшееся позднее наряду с другими для обозначения «раба» — «хамсу» (*chamsu*) — первоначально означало свободного министра⁴⁵ (поэтому оно употребляется и в смысле любовной «службы»). Но в Египте, благодаря абсолютной зависимости всех от бюрократической системы регулирования Нила, дружинные отношения (*das Gefolgschaftsverhältnis*) распространились на все сферы социальной жизни. Уже суд постепенно должен был признать положение: «*Nul homme sans maître*»⁴⁶ — «Человек без господина (покровителя)» считался лишенным защиты. Все население страны представляло собой иерархию клиентов («*amach*»). Царство фараона представляет собой уже в древнейшие времена «крепостное государство» (*Frontstaat*): фараон держит в руках «бич» как атрибут власти. И, по-видимому (и это соответствовало бы и общей схеме развития), прикрепление крестьян к барщине и тем самым к земле, и мера их обременения барщиной были вначале сильнее в области устья Нила, в Нижнем Египте, чем в Верхнем Египте и, следовательно, имели свое начало там, где находились древнейшие пункты *торговли*. Если (будто бы) «колон» фараона времен царя Снофру⁴⁷ или, во всяком случае, до постройки пирамид выступает со своей собственной печатью, то из этого можно бы, казалось, заключить, что в то время порабощение царских крестьян было еще не так велико и началось лишь с эпохи великих сооружений (однако, не надо забывать — см. выше — расплывчатости выра-

жений). Первоначально барщина, по-видимому, была мало дифференцирована и по профессиям. Цари Древнего царства требуют солдат, матросов и других подданных, цари XII династии — также воинов и жрецов для переноски тяжестей (Ментухотеп⁴⁸ потребовал 3 тыс. человек для перенесения крышки гроба). В более позднее время встречается также призыв лишь *строительных* рабочих всей страны.

Крестьяне области, лежащей по нижнему течению Нила, по-видимому, все считаются рабочими фараона и обрабатывают под надзором его чиновников назначенный каждому из них участок земли, продуктами которой распоряжаются согласно инструкции фараона. «Оценщик колонов» встречается в качестве должностного титула уже в IV тысячелетии. «Рету» (*«retu»* — людей, во времена Птолемеев λαοί⁴⁹) дарят вместе с поместьями. Напротив, признано, что в *Верхнем* Египте в то время продолжали существовать феодальные отношения и преобладали «свободные» крестьяне, т. е. в сущности, такие, которые преимущественно должны были платить *оброк*. И ремесленники также находятся не все в одинаковом положении: и в более позднее время встречаются (как будто) «свободные» сельские и городские ремесленники наряду с такими, которых фараон поселил как своих барщинников в городских кварталах, лежащих вокруг его дворцов. Но, конечно, это разграничение между ними едва ли гарантировано юридически. Большая *фактическая* возможность передвигаться с места на место, существовавшая у египетских наемных рабочих (для которых можно найти параллель в соответствующих явлениях русского крепостного права), не может считаться следствием их правового положения. «Рабочий» — это одно из обычных названий не принадлежащего к должностной и храмовой знати «народа»: барщинная повинность (*die Robotpflicht*), несомненно, распространялась субсидарно на всех. Отдельное лицо с давних пор является *объектом* власти фараона: и он, и его владение являются прежде всего таким-то «номером кадастра». Общины через посредство своего старосты солидарно отвечают за выполнение повинностей, возложенных на них царем. Таково, очевидно, первоначальное положение вещей. Поэтому уже Древнему царству было знакомо (как об этом свидетельствует, между прочим, берлинский иерархический папирус эпохи II династии) приобретенное впоследствии такое значение понятие «*idia*»: каж-

дый должен быть в состоянии указать свое «местожительство», т. е. именно общину, к которой он «приписан», и где он может быть в случае надобности привлечен к исполнению государственных натуральных повинностей; в противном случае его имущество и особенно его семья попадает в руки фараона, который, конечно, и им самим может располагать по своему усмотрению. Впоследствии, например, барщинная повинность (по утверждению Ревилью, *повсеместно*) была регламентирована таким образом, что, например, каждый должен был обработать 2000—2500 квадратных локтей земли под овощи: такая огородная земля, очевидно, особенно часто возделывалась в собственном хозяйстве царя. Подданные платили *подати* зерном, скотом, тканями и другими произведениями домашнего производства.

Наследственное «частное» земельное владение — т. е. земельное владение, не только фактически переходившее по наследству, как участки колонов, но наследственный характер которого был *гарантирован* — восходит, по-видимому, преимущественно к царскому лену. В поместьях царских ленников размер, происхождение и гарантия наследственных прав данного владельца вырезаны на стеклах. Засвидетельствованные дошедшими до нас памятниками царские пожалования заключаются большей частью в домах и садах (в одном случае охватывавших до 200 арур, заключавшихся в 12 мелких участках) с рабами, а иногда с колонами. Нередко это были пожалования, которые получали как принадлежность своего должностного положения («*Amtspertinenz*») и номархи. Они всегда тщательно заносятся в списки и оцениваются. Как раз надписи могильных склепов древнейшего (Тинитского) периода (например, надпись Мтен'а около 4000 г. до Р. Х.) указывают на существование *наследственных* и подлежащих *разделу* земельных владений. Наряду с царскими пожалованиями в лен («*geg*» = *beneficiarius*) и, в частности, с пожалованиями участков для могил (которые в Египте издавна играли большую роль и, так сказать, сами подлежали *commercium*'у) встречаются частные договорные акты о передаче владения отцом сыну, царские дарения земель и людьми и, наконец, отчуждения, например, 200 арур и оклада жалования в виде ежедневной ренты в 100 хлебов *titulo oneroso*: в качестве вознаграждения должностного лица за выполнение определенных служб. Возможно ли было в то время отчуждение их в сфере част-

ного оборота, нельзя пока сказать с уверенностью, но оно представляется скорее *вероятным*, чем невероятным (о «покупке» в собственном смысле слова, конечно, не могло быть и речи, так как «денег» еще не существовало). Инвентарь (amit-peg, ampa) при договоре о передаче имущества является суррогатом завещательных распоряжений; впоследствии инвентарь встречается как технический термин при передачах имущества *а)* от отца сыну, *б)* от мужа к жене, *в)* от брата к брату.

О принципиальной отчуждаемости земельного владения, по-видимому, можно сделать заключение *e contrario*, а также по данным, относящимся к засвидетельствованным уже для IV тысячелетия до Р. Х. надписям и пожертвованиям в пользу храмов, в которых *совершенно определенно устанавливается* неотчуждаемость жертвующей («на помин души» — *sit venia verbo!* — умершего) земли: жрецы соответствующего храма должны оставлять это имущество, как «*hopu-ka*», *только своим детям*, и, следовательно, связаны со своей функцией навсегда и из рода в род (*dauernd und erblich*). Название «вечные дети» («дети» — люди свободного состояния, подчиненные чьей-нибудь власти, как *liberi in potestate*⁵⁰ отца в Риме) встречается в применении к людям, обязанным отбывать ту или иную литургию. В делавшихся в пользу храмов пожертвованиях (*Stiftungen*) технически это достигается (так как современного юридического понятия *Stiftung* тогда, конечно, не существовало) в форме *donatio sub modo*⁵¹ (именно наследования), как это прекрасно доказали Море и Булар. Для выяснения общего характера социального строя упомянутые тексты важны тем, что указывают прежде всего на существование жреческих имений уже в этот древнейший период, затем на существование имевших впоследствии такое большое значение (см. ниже) должностных *окладов* наряду с *должностными ленами*; *изъятие* жреческих поместий из *юрисдикции* нотаблей (владельцев крупных ленов) оговаривалось в актах делавшихся в пользу храмов пожертвований (которые, конечно, могли исходить только от людей, *принадлежавших* к классу нотаблей). Косвенно это свидетельствует о господствующем положении «магнатов» в IV тысячелетии до Р. Х. и в то же время указывает на способ возникновения могущества жрецов. В эпоху XI династии, впрочем, даже беглые рабочие апеллируют на решения своих господ самому фараону, и точно так же

впоследствии в эпоху Нового царства уголовная юрисдикция даже в отношении к беглым рабам принцев царского дома опять находится в руках *государственных* судей. Но в эпоху Древнего царства цари должны были делить свою власть с *номархами*, которые в Верхнем Египте в подвластных им округах фактически либо занимали положение настоящих династов⁵², либо захватывали это положение. Уже в эпоху IX династии наследственное занятие и других должностей стала общим правилом. Многие должности еще гораздо раньше являются предметом завещательных («амра») распоряжений.

При чрезвычайной широте «понятия должности» это неизбежно должно было создавать в семейственном праве привилегированное положение для старшего сына, который один наследовал должности. Ни в чем другом древнейшее семейственное право не уклоняется от обычной нормы. На существование в Египте «материнского права» («Mutterrecht»), т. е. на отсутствие права наследования по мужской линии, нет решительно никаких указаний. Уже древнейшие надгробные надписи свидетельствуют о наследовании по обеим линиям. Нередко встречающееся в текстах упоминание *только* матери, несомненно, находится в связи, с одной стороны, с ее качеством как дочери-наследницы (в наследовании должностей), с другой стороны — со стремлением семьи жены бороться с влияниями полигамии⁵³, которое (стремление) вызывало необходимость путем контракта обеспечить положение невесты как «главной жены», «большой жены», а ее детей — как единственных или хотя бы в определенной мере обеспеченных наследников, и, наконец, также в связи с вопросами о равенстве по происхождению. «Сын *такого-то* X, сделанный (sic!) от *такой-то* Y», это — корректное выражение для отчества. Позднейшее благоприятное *правовое* положение женщины (*фактическое* положение женщины сильно колебалось в разные исторические моменты и, очевидно, было различно в разных классах общества: «я — женщина» есть формула политического *подчинения*) было, конечно, дальнейшим последовательным развитием указанной практики в связи с ослаблением военного духа в египетской нации. Там, где вообще существует частное право наследования, женщина равноправна с мужчиной и сохраняет, насколько можно судить по существующим источникам, свою правовую дееспособность до времен

Птолемеев. Уже в IV тысячелетии до Р. Х. муж оставляет ей по завещанию имущество с тем, чтобы она разделила его между своими детьми по своему усмотрению, и сын (в надписи Мтен'а) получает землю по завещанию — «amitper» — от матери. Часто встречающиеся браки братьев с сестрами, очевидно, имеют целью — «вверху», как и «внизу» — избежать раздробления имущества (в доме фараона это практиковалось также и для сохранения чистоты крови).

Если проследить через ряд поколений названия земельных комплексов, сохранившиеся на фамильных гробницах Древнего царства (в Нижнем Египте), можно видеть наглядно, какого громадного скопления земельных владений можно было достигнуть искусной брачной политикой, соединявшей брачными узами по возможности членов одних и тех же родов (Proc. Bibl. Arch. XVII, стр. 244). Там встречаются массовые скопления земельных владений (видимо, разбросанных по разным местам), которые переходят из рук в руки, главным образом, по наследству (и по женской линии) и путем передачи их сыну, но увеличиваются и другими, не столь ясными для нас путями — в то время, главным образом, очевидно, путем ленных пожалований или дарений со стороны царя. Хозяйство уже в древнейшие времена ведется на них с помощью *колонов*, и депутации от них, отправляемые на похороны владельцев отдельными деревнями, изображены на их гробницах. Хозяйство здесь, по-видимому, *барщинное* (*Fronhofs-Wirtschaft*) (*наряду* с арендой земли несвободными колонами).

В подробностях почти все еще является пока не установленным. Очевидно лишь одно, а именно то, что разбросанные по всем областям домены и колоны *царя*, его казначейства, хлебные склады, скотные дворы и арсеналы составляли экономический скелет государства. Но на все это, со временем, все более и более накладывается заметный феодальный отпечаток.

II

Среднее царство

Царские областные правители (номархи) наделены на правах ленного владения доменами и выдачами натурой из царских магазинов, юридически ясно отграниченными от аллодиальных доходов⁵⁴ и земельных владений чиновника.

После периода партикуляристической⁵⁵ анархии, предшествовавшей новому объединению страны под главенством Фив (этого исконного очага частного крупного землевладения (der privaten Grundherrschaften), они образовали в *Среднем царстве* (XII, XIII династия на повороте между II и III тысячелетием) совершенно естественным путем фактически наследственную феодальную аристократию. Точно так же и храмы присвоили себе массы земли и людей. Крупные феодальные поместья (Grundherrschaften), управляемые бюрократически наподобие настоящих государств, с писцами и т. п., состоящие из множества деревень с платящими подати крестьянами, с приученными к военной дисциплине и разделенными на несвободные профессии рабочими — встречаются поместные плотники, столяры, гончары, кузнецы — затем стада, насчитывающие тысячи голов скота, да сверх того выдачи натурой (Tantiemen und Deputaten) из принадлежащих храмам и царю имений, которыми они должны были управлять, — таковы владения номархов, делавшие их всемогущей в социальном отношении аристократией. Из поместных амбаров — помещичьих или царских магазинов — выдается крестьянам зерно на семена, в амбары доставляется новая жатва, т. е. соответствующие ее доли. Во всяком случае уже в то время существует система «ипут» — занесения в списки всего *личного* состава каждого дома с целью определения числа обязанных исполнять барщину голов («capitatio plebeja»⁵⁶ на языке римской императорской эпохи). По-видимому, в принципе эта система распространялась на всю страну.

Существовало ли повсюду однообразное регулирование барщины, с уверенностью сказать нельзя. В отдельных деревнях барщинник выходил на барщину и обрабатывал известный участок барской земли — «ahuit» — по указанию царского управляющего. Писцы при этом были свободны от барщины. Около царской резиденции и при больших царских магазинах находились окруженные каменной стеной мастерские, которые иногда являлись и рабочими казармами. Несшие барщинную повинность делились на партии по 5 и 10 человек и, по-видимому, работали по сменам, причем обычная смена длилась два месяца за вычетом праздников. А если, с другой стороны, государственная земля делилась на низменную, болотистую, и на высоко лежащую, степную, землю, и каждый рабочий получал по 10 арур (8¹/₂ на

степной и 1½ на болотистой земле), то надо полагать, что речь здесь идет о наделении барщинников землей на правах колонов. Крупные феодальные землевладельцы (*grosse Grundhegen*), очевидно, вели хозяйство по существу на тех же началах, что и фараон.

Ведение собственного хозяйства на лучшей земле и сдача худшей земли зависимым крестьянам (*an leibeigene Bauern*) за барщину или за фиксированные оброки, — эти два способа эксплуатации земли существовали, вероятно, рядом, и, видимо, не всегда можно провести между ними ясную границу; крестьяне, очевидно, просто отчасти превратились из государственных барщинников (*Staatsfröner*) в помещичьих барщинников (*grundherrliche Fröner*); возможно ли (и имеет ли какое-нибудь практическое значение) деление крестьян на зависимых (*leibeigene*), с одной стороны, и лично свободных, но прикрепленных (*schollenfeste*) к земле, с другой, по-видимому, решить невозможно. Может быть, единственное различие, которое все же можно хотя бы приблизительно (а отнюдь не точно) провести между по меньшей мере 24 названиями, выражающими (см. выше) личную подчиненность вообще, без специального обозначения профессии, по-видимому, сводится к тому, что клиенты или зависят лично от своего господина и эксплуатируются в его собственном (реальном или предполагаемом) домохозяйстве (*Haushalt*) (*schemsu, baku, sodmu, keri-dot, amu, ketu*), или же они — *glebae adscripti* (прикреплены к земле) (по Байо: *honu, meratiu, nesitiu, satiü, sidiu, samdotu, uhuitiu*). Крестьянину иной раз грозит, в случае, если он будет продолжать уклоняться от исполнения своих обязанностей, «перевести» его в самый низший разряд: *awaitiu* (простые сельские зависимые *батраки*).

И в отношении к государству повинности принимают такую форму: всякий, кто владеет землей или занимается промышленностью, обязан с них платить подати: крестьянин — земельные подати, ремесленник — подать за разрешение заниматься ремеслом и подать с самого ремесла в форме продуктов своего ремесла. Кто не может платить своих *податей*, тот попадает вместе со своей семьей в кабалу к фараону и с той минуты несет барщину по указанию властей. Но, несмотря на эти разграничения, одно остается неизменным: все плательщики *податей* в такой же малой мере самостоятельны, как и рабочие, так же подвергаются

контролю и наказанию, как и они, и, как и они, принадлежат к презируемому общественному классу.

Дружинникам царя, которые теперь выступают в качестве *профессиональных* солдат, может быть, соответствовали дружинники вассалов.

Относительно храмов является, по-видимому, твердо установленным, что их земля и, прежде всего, принадлежавшее им право отправлять отдельные функции и получать за это пошлыны (и, в определенных случаях, вносимые платежи) переходили по наследству в качестве окладов к отдельным жрецам, сама же *земля* — добровольно или недобровольно — отдавалась также *другим* землевладельцам (Grundherren), которые в таком случае со своей стороны делались господами принадлежавших храму колонов.

III

Новое царство

Не введение по существу принципиально новых учреждений, а односторонне направленное дальнейшее развитие старых находим мы в тот момент, когда после долгого мрака, окутывавшего владычество бедуинов⁵⁷, Египет снова выступает на авансцену истории. Теперь он стал последовательно организованным на началах принудительного отбывания подданными натуральных повинностей единым государством (Fronstaat), в котором землевладельцами (Grundherren) рядом с фараоном остаются почти одни только храмы, и которое, по-видимому, с большой постепенностью превращается в бюрократическое, опирающееся на литургии государство (Leiturgiestaat) времен Птолемеев.

«Новое царство», начавшее свою историю с борьбы XVIII династии против чужеземного владычества «пастушеских царей» около середины II тысячелетия до Р. Х., пока оно было *национальным* государством, т. е. до конца царствования Рамессидов⁵⁸ включительно, относится к Среднему царству так же, как Московская великокняжеская Русь после свержения татарского ига относится к расчлененному на сословия государству домонгольского периода, имеющему своим центром Киев: феодальные образования, ленная аристократия и все или большинство крупных поместий (Grundherrschaften) исчезли. Большая часть земли находится

в руках фараона. Другая, но притом лишь меньшая, часть всех земельных владений сосредоточилась благодаря дарениям в руках храмовых жрецов. С другой стороны, в связи с большим территориальным расширением страны, явившимся результатом войн, совершался массовый ввоз в страну военнопленных, которыми «полны военные магазины». И теперь царь продолжает раздавать заслуженным должностным лицам в ленное владение землю — большей частью в умеренном размере — и по несколько рабов. Часть царской земли считается доменами фиска⁵⁹ и обрабатывается для надобностей домохозяйства царя. И вся остальная (не присвоенная *храмами*) земля считалась прежде, на основании показаний книги Бытия и греческой традиции, отданной крестьянам *царем* за известную долю дохода. В настоящее время известно, что египетский земельный налог взимался *не* пропорционально количеству земли, а в виде фиксированной суммы; только *колоны* платили из части продукта.

Самое позднее в царствование Рамессидов вошло в обычай, вероятно, по образцу служебных ленов азиатских царей, знаменитое наделение земель *войска*, в основу организации которого была положена система обеспеченных земель литургий.

Земельные владения храмов и воинов являются владениями на *вечном* праве собственности, только связанном с функцией, зато освобождающем от общих повинностей, обязательных для остального населения. Властители Древнего царства предоставляли себе право раздавать заслуженным чиновникам лены на принадлежавших *храмам* территориях, — образ действий, который с течением времени, наверное, становился все более и более невозможным (относящийся сюда материал более близко мне, впрочем, не знаком); во всяком случае, позднейшие попытки секуляризации (см. ниже) привели, очевидно, к тяжелым конфликтам. Участки земли, раздаваемые в ленное владение воинам (*μάχιστοι*⁶⁰), невелики — около $3\frac{1}{3}$ га во времена Геродота⁶¹ — легкое вооружение не требовало никаких расходов на экипировку; члены этой «касты воинов» участвовали в гражданском обороте (*am bürgerlichen Erwerb*), как и эллинистическое, наделенное ленами войско клерухов; они могли сдавать свою землю в аренду и занимали очень различное положение.

В эту эпоху одновременно существуют: 1) царская гвардия и наемные наемники, 2) затем, посаженные на землю «та» («та» = μάχοι); 3) иногда ad hoc⁶² призванные и вооруженные *колоны* фараона, посаженные на землю воины, по годам службы разделяемые на *seniores* и *juniores*⁶³; затем 4) храмовые ополчения, образованные из принадлежащих храму колоннов, и, наконец, 5) областное ополчение (ландштурм). Таким образом, здесь войско есть по существу войско из людей зависимых (ein Hörigenheer). Царским матросам, когда они были иностранцами, выжигали клейма, как (может быть, см. выше) ассирийским, посаженным на землю воинам.

Все *управление*, как царское, так и храмовое, носит бюрократический характер и находится в руках по большей части зависимых (leibeigene) писцов, а не в руках наследственной аристократии, какой прежде были номархи.

Численность жрецов, их значение и их замкнутость растет. В Древнем царстве жрецы составляли самостоятельную профессию лишь в зачаточном состоянии; в Среднем царстве они *набираются* уже преимущественно в порядке наследственного перехода должности; в Новом царстве они разделяются на филы, принадлежность к сословию клириков (а не конкретная должность) переходит к сыновьям, (если они к нему пригодны). Хотя и филы, видимо, никогда не были замкнутыми и пополнялись *также* и путем принятия в свою среду людей посторонних (существовал также и *соппубиум* [брак] с другими слоями общества: следовательно, не существовало *никаких* признаков «касты»), тем не менее, жрецы с течением времени образовали собственное, взявшее в свои руки воспитание детей чиновничества, тесно связанное с этим последним, нередко благодаря и родственным связям, и совмещению светских и духовных функций, чрезвычайно влиятельное сословие, которое умеет сделать тщетной всякую попытку фараонов эмансипироваться от его власти, так как противовеса в виде *светских* феодальных родов теперь почти что не существует.

В царствование Рамзеса III⁶⁴ мы находим богатейшие владения храмов, с массой людей и соответствующим количеством земли и скота (цифры доходят до сотен тысяч), а также собираемые храмами подати (в виде тканей и т. п.). «Белый дом» храма является центром его управления. У храма есть свои контролеры для наблюдения за полевыми

работами его колонов. «Первый пророк» одного большого храма хвалится своей «заботой о потомстве крепостных». Уже в древности храм Аммона в Фивах⁶⁵ славился своим на весь мир неслыханным богатством и, конечно, не без основания, хотя, как доказал Эрман, размеры, в частности, *земельных* его владений были преувеличены эллинами. Нередко $\frac{3}{4}$ и $\frac{4}{5}$ военной добычи отдавались богам.

Земля, принадлежавшая храмам (конечно, так же, как и царская, и вся остальная земля), была измерена и делилась на луговую и степную землю, пахотную, огородную и землю под виноградники. У храмов, после царя, наибольшее число ремесленников — в качестве прикрепленных к земле держателей — и они ведут внешнюю торговлю на собственных кораблях (упоминаемые в надписях лишь *временно* находящиеся на службе у храма люди, очевидно, волонтеры, а не наемные рабочие; впрочем, свободные наемные рабочие, получающие вознаграждение натурой, по видимому, бывали на службе и у фараона, хотя смысл обоих *Gurob'sких* папирусов, комментированных *Гриффигом*, вызывает сомнение, а перевод одного из них, наверное, неправилен: ведь невозможно же, чтобы служанке в виде вознаграждения за 24 дня работы в числе других вещей дали *вола*).

Существовали ли уже в Древнем Египте вошедшие в обычай в эпоху Птолемеев большие ежегодные синоды принадлежащего к клиру в собственном смысле высшего жречества, этого, по-видимому, на основании данных источников доказать нельзя. Быть может, их развитие (как и еврейского синедриона⁶⁶) есть продукт, с одной стороны, иноземного владычества, которое желало найти себе опору в теократии, с другой стороны, они могли быть в данном случае и органом реакции *против* него. Во времена фараонов фараон *формально* является сюзереном⁶⁷ (Lehensherr) жрецов, и позже (например, во времена Птолемеев) ему принадлежит решающая власть (das Exequatur).

Царский ойкос со своими многочисленными должностными лицами удовлетворяет свои потребности (т. е. потребности двора и государства) в принципе по способу натурального хозяйства. Каждый из отделов управления, заведующий доменами, храмами, магазинами и постройками, имеет свой штаб организованных на военный лад барщинных работников (Fronarbeiter), которым выдаются рационы

из царских кладовых, — а то и утаиваются, как это видно из забастовок, вызванных голодом и невыдачей рациона. В изданных Шпигельбергом счетах магазинов царского двора в Мемфисе зарегистрирована выдача муки пекарям — очевидно, несвободным и работавшим на дому, потому что там же далее значится и доставление в эти магазины этими же пекарями хлеба (значительно больше 100 тыс. солдатских черных хлебов в 3 месяца, 480 хлебов одного сорта на день) с указанием пропажи. Точно так же заносится в книги выдача корабельного леса, кожи (предводителям наемных войск), одежды неграм-невольникам, негров-невольников «магнатам» для услужения. У фараона в его собственных ригах молотят то, что он получает в качестве десятины натурой или собирает с полей, обрабатываемых барщиной; рабочих кормят хлебом из царских магазинов: здесь, следовательно, мы имеем дело с собственным производством фараона. В случае же неурожая не только рабочим, но и крестьянам — как теперь в России и в древности в Месопотамии, — выдается хлеб из магазинов для пропитания и на семена. И едва ли возможно было бы установить каждый раз, были ли рабочие, употребляемые фараоном при постройках, рабами, или же все они, или часть их были привлечены к работе в силу общей государственной барщинной повинности. «Рабочие» имеют жен и детей, составляют довольно обширный слой населения; нередко среди них встречаются и грамотные. От крестьян они, видимо, отличались только тем, что они или вовсе не имели предоставленной им в долгосрочное пользование земли (с которой они платили оброк), или же имели ее в меньшем размере. Царские «мастерские», это (несомненно) — прежде всего, кладовые, в которые доставлялись продукты возложенной на крестьян побочной ремесленной работы (для которой крестьянин находил время благодаря упомянутой выше особенности египетского сельского хозяйства), произведенные им или в домашнем производстве, или в условиях «несвободного домашнего труда» («*unfreie Heimarbeit*»). Но каково было *правовое* положение ремесленников и крестьян во времена национальных династий, это, понятно, совершенно невозможно установить с достоверностью. Позднейшие условия при последних династиях перед персидским владычеством не могут иметь здесь решающего значения, потому что в промежутке проходит полоса *ассирийского* владычества; кро-

ме того, имевшая перед тем место борьба между еретиком Аменхотепом IV⁶⁸ и жрецами Аммона должна была произвести сильные потрясения основ традиции.

Потребности царского домохозяйства (в широком смысле слова) удовлетворяются при помощи барщинного труда и податей всего населения. Когда мы иной раз слышим о будто бы новых порядках в *землевладении*, то речь идет, несомненно, о новых порядках в *обложении повинностями*. Царь неоднократно издает приказ, чтобы чиновник распределил работу на барщине «сообразно с ремеслом каждого», или чтобы он установил «порядок *всего* населения данного округа и «разделение его на народные классы», т. е. производил дальнейшее составление податного кадастра. Для больших построек и для работ в каменоломнях снаряжаются, как в старые времена, целые огромные экспедиции барщинников: однажды при Рамзесе IV⁶⁹ было вызвано 9268 человек, из них 5000 воинов и 2000 колонов фараона. При этом, как при военном наборе, так и при наборе на барщину отличают «старый народ» от «молодого народа». И точно так же, как войско пестрит чужестранцами, так же точно пестрит ими и состав колонов: царь — уже Аменхотеп — велит, совершенно так же, как и ассирийские цари, «включить пленных в ряды своих подданных». Принятие в число участников экспедиции на золотые прииски на верхнем Ниле, связанной с колоссальной тратой людей, считалось наказанием.

Занесение в списки кадастра всего населения дало возможность вместо *сельских* общин облагать податями и литургиями, связанными с владением землей, непосредственно *отдельные* семейства: в таком случае и положение «*hir'a*», если только он действительно, как уверяет Ревилью, есть старший в *семье* (старший сын, брат, и т. д., а не, скажем, феодальный *землевладелец*), в наследственном праве того времени (он играет руководящую роль при разделах) объяснялось бы тогда, кроме влияния наследования должностей (см. выше), также и той ролью, какую играли здесь и фискальные интересы (но все это еще не ясно). Как обстояло дело с отчуждаемостью земли (*за пределы семьи*) в начале Нового царства, после исчезновения феодальных землевладельцев (*Grundherren*) прежних времен, остается под сомнением. Правда, в одном часто цитируемом «крестьянском рассказе» (возникшем в эпоху, *предшествующую* «Новому

царству») фигурируют крестьяне, которые хотят *продать* свои дома. Но во всяком случае принадлежащая крестьянину *пахотная земля* и хозяйство профессионального ремесленника в принципе и здесь опять-таки являются коррелятом литургии, т. е. податей. Ввиду этого «наследственность» земельного владения была перед лицом фараона *условной*. Это соответствует тому положению, которое занимало население, не находившееся ни в привилегированном положении жрецов, воинов, ленников, чиновников, писцов, ни в положении безземельных зависимых, состоящих в услужении непосредственно у фараона или у привилегированных классов.

Долгое время верили в существование «каст» в Египте (благодаря, в особенности, Геродоту). Между тем «наследственность» профессий сводится к упомянутому выше *фактическому* переходу литургий и податных *повинностей* «крестьянского» (в русском значении этого слова) населения, поскольку эти повинности связаны с *землей* или *ремеслом*. Она не означает, поскольку с профессией не связана религиозная «нечистота», образования каст ни в смысле воспрещения *connubium*'а [брака], ни в смысле цеховой замкнутости профессий. Таким образом и «каста» воинов состоит из крестьян, на которых возложена литургия, заключающаяся в том, чтобы быть готовыми стать в ряды войск по первому призыву, и которые, конечно, должны, подобно казакам, регулярно заниматься военными упражнениями. И вообще доступ ко всякой профессии в принципе, по-видимому, оставался *свободным*. А что действительно сделалось в Египте наследственным в сфере имущественных прав (*Ergwerbsrechte*), так это отнюдь не цеховое «право на работу», а определенные роды *рент*: земельные ренты, ренты в форме окладов жалования, ренты в форме поступлений в определенных случаях и пошлин.

Наследование *государственных* должностей в Новом царстве совсем отошла на задний план перед чисто бюрократическим «повышением» чиновников; точно так же и жречество при Рамессидах переходит (см. выше) в ведение писцов. Несмотря на это, внутри этого бюрократического механизма каждый в отдельности естественно смотрел на свое место, например, на место «на́большого»⁷⁰ одной из упомянутых выше групп рабочих (прототип греческого ἡγεμόν τοῦ ἐργαστηρίου⁷¹), как на «обеспечение», как и теперь на это

смотрит каждый чиновник: наместники хвалятся иной раз, между прочим, и тем, что «ни у кого не отнимали его группы рабочих». Но *юридически* в принципе существовала, конечно, неограниченная сменяемость должностных лиц. Однако, некоторые функции, например, имеющие отношение к очень важному в религиозном смысле обряду погребения (как, например, профессия «бальзамировщика трупов»), как связанные с распоряжением местами погребения, действительно стали совершенно неотъемлемо принадлежать на правах собственности определенным лицам и исстари *юридически* рассматривались как объекты наследования и предмет распоряжений *inter heredes*⁷², из которых каждое нуждалось, однако, в согласии заинтересованного в повинностях, связанных с данной должностью, землевладельца (каковым является государство или, в большинстве случаев, храм).

Благодаря обширности царских и храмовых земельных владений, памятники говорят обыкновенно о владениях людей, сидящих на земле фараона или на храмовой земле (*nefer hotep*) в качестве ленников или колоннов. Поэтому в них распоряжения, в частности распоряжения о порядке наследования, но также и передача земли отдельным лицам, например, жрецам, совершаются *с согласия* одного из этих двух крупных землевладельцев (*Grundherrn*), как раз в противоположность контрактам о передаче земельной собственности в древнейшую (Тинитскую) эпоху (но зато в полном соответствии с порядком передачи ленов, находящихся в руках *государственных* чиновников, в частности номархов, в Древнем царстве). Нуждались ли и *другие* акты передачи прав на землю в особой концессии, *нельзя* утверждать с полной достоверностью, но, впрочем — именно в эпоху теократии (конец эпохи Рамессидов) и для отчуждения *за пределы* семьи — это представляется возможным. Скотом (и иной раз рабами), принадлежавшим колоннам, можно было распоряжаться, по-видимому, лишь с согласия землевладельца (*Grundherr*). Сами колонны, конечно, были прикреплены к земле, но, по-видимому, подлежали юрисдикции государственных судов.

Тем, что право на землю в действительности было главным образом *обязанностью* (исполнять связанные с владением землей *повинности*), вполне удовлетворительно объясняются те остатки семейного уклада, которые можно наблюдать еще и в гораздо более позднюю эпоху: например,

упомянутое выше (предполагаемое) положение старшего (или старших), как представителя семьи перед государством (или храмом, или землевладельцем) (Grundherr). Сюда же относится также и находящееся в связи с этим иногда встречающееся понятие о владении, как о семейном владении, встречающееся иногда, но не господствующее общее хозяйство (Kommunionwirtschaft) (судя по домашним хозяйственным записям) и связанные с этим права на наследство и права ретракта (обратной покупки), которые или старались совсем парализовать, отчасти с помощью заклятий (durch Huchfogmein — к этому средству прибегали привилегированные сословия, имевшие право быть представителями бога на земле и потому имевшие право и заклинать, отчасти испрашиванием *божественной* санкции при разделах наследства), или принимали в расчет, упоминая в виду этого в контрактах детей. Сюда же примыкает и то, очевидно, связанное с существованием этих семейных общин, явление, что арендаторами земли (даже при аренде мелких участков) очень часто являются товарищества (представитель и его сотоварищи). Сюда же, наконец, *может быть*, относится и то, что еще и в позднейшее время при передаче земельных участков из одних рук в другие избегали упоминать цену: Ревилью, *может быть*, и прав, утверждая, что в этом сказывается принципиальный момент: право на землю, как неразрывно связанное с повинностью, не есть предмет обмена — только путем любовной сделки между членами семьи можно менять временного пользователя. Но, по-видимому, были и *сакральные* причины, препятствовавшие признанию особого положения денег как средства обмена: эпоха Древнего царства не знала денег, и ставшие стереотипными схемы допускаемых религией контрактов, позволявшие только обмен земли на землю или простую передачу («дарение»), может быть, имеют с этим связь. Мы начинаем чувствовать твердую почву под ногами лишь во времена Амазиса⁷³, т. е. когда национальный характер Среднего царства уже изменился благодаря иноземному владычеству.

После эпохи Рамессидов развитие, по-видимому, двигалось вперед среди противоположных течений, обусловленных сменявшимся господством то азиатских, то эфиопских влияний. Иноземное влияние объясняется окончательным устранением, благодаря созданию постоянного наемного вой-

ска, и без того изначально слабо развитого национального ополчения и все возрастающим значением состоящего по преимуществу из иноплеменников профессионального войска, которое служило опорой владычества фараона. Перенесение в Египет азиатской военной техники — коня и боевой колесницы — в эпоху господства гиксосов и в период последующих завоевательных войн привели к возникновению класса профессиональных воинов. Затем владычество сменявших друг друга иноземных племен привело к тому, что чем дальше, тем все более и более, по крайней мере фактически, *иноплеменные* солдаты и нередко крепостные (*Leibeigenen*) царя вместе с жрецами делили между собой власть над страной, со времен ассирийского завоевания никогда более на сколько-нибудь продолжительное время не видевшей свободы. Захват власти жрецом Аммона, затем ассирийская и эфиопская династии, в промежуток захват власти Бокхорисом, затем греческие влияния при Амазисе, далее, после персидского завоевания, борьба эфиопской, персидской и поддерживаемой греками туземной династий⁷⁴, приводившая нередко к отделению на долгие времена Верхнего Египта от Нижнего, — все это не давало установиться в Египте сколько-нибудь прочному политическому порядку вплоть до времен Лагидов. Тот тип, какой представляет собой страна при их режиме, в смысле меры *свободы оборота*, созданся, конечно, лишь постепенно. Греческая традиция приписывает именно Бокхорису основные нововведения, изображая его наподобие эллинских «эйсимнетов»⁷⁵: допущение очистительной клятвы, уничтожение долговой кабалы и, прежде всего, свободную отчуждаемость земли. Может быть, способ, каким Ревилью старается установить это, отчасти свидетельствует о богатстве его фантазии, но все-таки, по-видимому, не подлежит сомнению, что развитие менового хозяйства (*Verkehrswirtschaft*) было делом прежде всего азиатских влияний и затем антитеократической нижеегипетской тирании, с которыми боролась теократия жрецов Аммона, опиравшаяся на захвативших престол эфиопов и на часть эмигрировавшую в Эфиопию касту воинов. Приблизительно во времена Бокхориса начинают появляться демотические контракты вообще и контракты о передаче земли в частности. Таким образом, действительно, по-видимому, произошла перемена в праве, регулирующем оборот, и, в частности, в земельном праве, даже, по-

жалуй, и секуляризация земли, с чем совершенно согласуется факт сожжения Бокхориса, как святотатца, восторжествовавшими сторонниками жреца Аммона (который является представителем принадлежащей богу верховной ответственности на землю).

Как бы то ни было, явления *частного оборота* разрастаются теперь повсюду.

Постоянно возраставшее вплоть до эпохи Рамессидов преобладание ойкосного хозяйства фараона, конечно, сильно ограничивало в древне-национальном Египте круг экономических явлений, имеющих своей основой соответствующее условиям *менового* хозяйства (*verkehrswirtschaftlicher*) разделение труда. Не то, чтобы их когда-нибудь вовсе не существовало, — в древнейшем царстве они имели, *относительно* даже, может быть, *большее* значение для покрытия потребностей, чем во времена полного господства теократии и бюрократии. Но внешняя торговля, как с «Божьей землей» и «Пунтом» (с Аравией и сомалийскими берегами), так и с Сирией, юридически, да, главным образом, и фактически, находилась в руках самого фараона, а впоследствии как раз в руках храмов, которые владели собственными флотами. Она долго сохраняла форму обмена подарками между главами государств, как видно из переписки с вавилонским царем, найденной в Тель-эль-Амарне⁷⁶. Туземных купцов, по-видимому, не знают египетские источники древнейших времен. Потом они вдруг появляются в качестве принадлежащих храмам зависимых (название их является производным от слова, означающего «опорожнять», т. е. опорожнять корабль). В Новом царстве они большей частью чужестранцы (семиты). Тогда как медь и золото добывались в самой стране, предметом ввоза в страну с самого же начала должны были стать не только серебро, первое время чрезвычайно редкое и потому вплоть до приобщения Египта к международному обороту (эпоха Нового царства) ценившееся *дороже* золота, но и олово и железо — последнее до эпохи Нового царства совершенно уступает свое место бронзе. В эпоху Нового царства предметами ввоза являются корабли, колесницы, оружие, сосуды, курения, скот, рыба и т. д. из Сирии и Вавилона, а соответствующими предметами вывоза — золото, но вскоре также и холст. При Рамессидах, по-видимому, появляются *частные* предприятия для перевозки товаров водой.

Точно так же, наряду с рабочими фараона, которые первоначально и по числу, и по значению своей работы играли преобладающую роль, снова все более и более начинает расти число (едва ли когда-либо совершенно исчезавших) «свободных» ремесленников. В литературных памятниках, относящихся к Древнему царству, упоминаются ремесленники, работающие на заказ, а наряду с этими «Lohnwerker» в смысле бюхеровской терминологии, по-видимому, также и «Preiswerker» (ремесленники, работающие на продажу). В какой мере носители древнеегипетской столь высокоразвитой *художественной* промышленности были крепостными (leibeigene) работниками царя и храмов, и в какой мере это были работавшие в «несвободной домашней индустрии» («unfreie Hausindustrie») колонны или «свободные» ремесленники, обязанные исполнять литургии, выяснить будет нелегким делом. Как у деревень был свой староста, отвечающий за них перед фиском, так и у отдельных ремесленников каждого округа был свой (по-видимому, выборный) главный мастер. Первоначально он, очевидно, отвечал за исправную явку ремесленников на барщину к фараону, т. е. к номархам. Впоследствии положение ремесленников было, очевидно, отнюдь не одинаковым. Ремесленников, работавших на заказ («Lohnwerker»), по мере надобности вызывали на барщину и давали им на руки сырой материал (см. выше). Но наряду с этим, по-видимому, существуют ремесленники, которые сами доставали себе сырой материал и за это платили *подати* изделиями своего ремесла, перечни которых отличаются необычайным разнообразием. Поскольку сырой материал был предметом ввоза, а обработанные продукты предметом вывоза, представляется вероятным что производство находилось под непосредственным руководством фараона, знати и храмов. Во всяком случае, в документах отношение к ремесленникам как было, так и осталось презрительным. Ткачество, в особенности выделка холста, одно из самых важных ремесел, является, по-видимому, типичной несвободной профессией и попало прямо в руки рабов в ойкосе сначала фараона и аристократии номархов, затем в особенности в ойкосном хозяйстве храмов: так как народная масса, а первоначально и сам царь, не носили никакой одежды, кроме кожаного передника, ткани являлись отчасти предметом роскоши двора и чиновничества, отчасти предметом, по-видимому, монополизирован-

ного вывоза. Развитие и дифференциация потребностей, в особенности потребности в одежде, были, совершенно очевидно, следствием становившихся в Новом царстве все более и более тесными сношений с Передней Азией, в частности, с Вавилоном.

Частный внутренний меновой оборот есть, главным образом, обмен пищевыми продуктами и мелочными товарами; рыба, овощи, сандалии, простые украшения — вот обычные предметы рыночной торговли, которые мы видим на изображениях. Обмен есть обмен *натурой*. Лишь в Новом царстве *мерилом ценности* служит согнутая медная проволока определенного веса (*uten, deben*), с помощью которой *расцениваются* обмениваемые друг на друга *товары*, а иной раз возмещается *излишек* стоимости одного товара сравнительно с обмениваемым на него другим. Марки в руках рабочего Древнего царства, это, конечно, «тессеры»⁷⁷, чеки, ассигновки на выдачу продуктов из господских амбаров. Во *внешней* торговле были в ходу в качестве мерил ценности кольца из благородных металлов, как это было и в Вавилонии. Таким образом, «*deben*» есть прежде всего мерило стоимости и употребляется обычно как идеальное (а не действительное) орудие обмена (как первоначально и серебряный зекель в Вавилонии). В общем отношении *uten*'а как единицы *веса* к *uten*'у как единице *ценности* [денежной единице], по-видимому, еще совершенно не выяснено (ср., например, *Bibl. égypt.* X, стр. 164). Натуральному обмену товарами соответствовал с древних времен (как первобытный предок фондовой биржи) натуральный оборот с рентами (*Naturalrentverkehr*): как жертвуют храму земельные участки, например, за ежегодно поставляемые им светильники, зажигавшиеся в дни поминовения усопших и т. д., так обменивают и выдачи натурой, получаемые чиновниками и другими имеющими на это право, на другие натуральные ренты: определенное число дневных рационов, которые следует получить из магазина — $\frac{1}{360}$ годовой выдачи — обменивается, например, на ежегодно поставляемое определенное количество хлеба и пива и т. п. Мы видели совершенно то же самое и в Вавилонии.

Вслед за падением национальных династий явно настала пора все более и более подвигавшегося вперед развития «денежного хозяйства», хотя в то же время вся духовная и художественная жизнь застыла в стереотипных теократи-

ческих традиционных формах. Хотя евреям времен после Исхода Египет все еще представляется большим «Домом службы» («*Diensthaus*»), тем не менее барщина должна была, по крайней мере *фактически*, постепенно уступить место податям, — с чем, вероятно, связано и все дальнейшее. Число настоящих рабов в руках храмов и чиновников и их применение в полевых работах, по-видимому, растет. Точно так же в частных помещичьих хозяйствах, по-видимому, все чаще применяется труд наделенного землей колона для обработки отдельных полевых участков, — следовательно, встречающаяся в римскую императорскую эпоху комбинация с системой так называемых «*partes agrariae*». Из революционной эпохи Бокхориса (см. выше) сохранился, по-видимому, первый *чисто* частный — т. е. не нуждавшийся в утверждении ни божеского оракула, ни царя — договор о передаче земли; в нем, однако, речь идет о юридической сделке между членами *одной и той же семьи*. В царствование Псамметиха⁷⁸, по-видимому, вообще была разрешена жрецами передача земли, принадлежавшей (прежде?) храму, и за пределы семьи с уплатой пошлины, по случаю перемены владельца в $\frac{1}{10}$ стоимости. Эти владельцы земель, принадлежавших храмам, превратились, таким образом, в своего рода наследственных арендаторов. По временам опять возникавшее требование испрашивать специальное согласие бога на передачу земли навсегда исчезает со времен Амазиса, который тоже считался «законодателем». Старая иерархия владельцев земли храма: Бог — находящийся с ним в вассальных отношениях храм или владевший леном жрец — колон — сменилась теперь другой: Бог — наследственный арендатор — колон. К царствованию Амазиса относится первый дошедший до нас письменный арендный договор: это контракт о *пересдаче* земли (*Afterpachtkontrakt*); затем встречаются — если тексты прочитаны правильно — также частные аренды из третьей части продукта и как будто также и аренды на основе антихрезы. *Колон* является односторонне обязанным (прекаристом⁷⁹). Передача недвижимого имущества за *деньги* теперь тоже встречается. Однако в документ, говорящий об уступке участка земли, не включено упоминание о его цене, о ней говорит особый документ. Господствует покупка на *чистые деньги*. Что касается, в частности, аренды, то — если опять же чтение документов (*Ревилью*) правильно — бросается в глаза

распространенность коллективной аренды (2—15 лиц). В некоторых случаях это, по-видимому, была не «артель» съемщиков, арендовавшая землю с потребительными целями, в виде «*Bedarfspacht*» в русском смысле, а аренда спекулятивного характера, следовательно, крупная аренда. Но затем земля, конечно, дальше сдавалась в аренду мелкими участками, и масса арендаторов состояла все-таки из мелких арендаторов. Так как не нужно было считаться ни с какой плодопеременной системой, то контракт, если не всегда, то во всяком случае часто, бывал годовой. Арендатор платил все платежи (*Abgaben*) и возвращал зерно, взятое на семена. Часть урожая, которую должны были выплачивать арендаторы земель, принадлежавших *храмам*, нередко равнялась его трети.

Однако эти отношения — при недостаточном количестве вполне надежно прочитанных документов — не могут, очевидно, быть предварительно установленными для данного периода времени с полной достоверностью, точно так же, как и значение, и распределение частного земельного владения наряду с давно *de facto* присвоенными в собственность ленами и дарениями, находившимися в руках магнатов. Разделение *всей* земли на три части между царем, жрецами и воинами, о котором говорят греческие писатели, есть в лучшем случае преувеличение (Э. Мейер, по-видимому, считает его соответствующим действительности). Что почти половина всей земли принадлежала воинам (μάχιμοι), как пришлось бы признать с арифметической точностью, руководствуясь показаниями Геродота, совершенно недопустимо; владения храмов, даже при Рамзесе III не превышали $\frac{1}{8}$, самое большее $\frac{1}{5}$ всей земли и часто переходили в другие руки, а иной раз подвергались также и секуляризации (Амазис), а в позднейшее время, как это можно документально доказать, никогда больше не были так значительны, как при Рамессадах. Значительное расширение земли, отданной в ленное владение «магнатам» в позднейшее время, также не подлежит сомнению. Но царь оставался крупнейшим землевладельцем (*Grundherr*). Фактическое положение крестьян, которые составляли массу населения, — поскольку это не были «воины» или люди в каком-нибудь другом смысле привилегированные — было едва ли лучше положения феллахов⁸⁰ в позднейшие времена. В глазах античных писателей египетский крестьянин — все-

гда пролетарий, для которого бюрократическое государство есть совершенно такая же чуждая ему власть, как для русского русская бюрократия, который арендует землю за ничтожную плату для нищенского удовлетворения своих потребностей и гордится ударами кнута, полученными за утайку податей. При рафинированной всеобъемлющей системе барщин и податей, которую греки принимали за «кастовый строй», отношение крестьянина к государственному механизму и не могло быть иным, независимо от того, является ли он «арендатором» или «собственником». Ведь мы знаем, как происходит в Египте «сбор податей»: неожиданно появляются чиновники, начинается, при воплях женщин, всеобщее бегство и погоня; пойманных *недоимщиков* побоями и другими истязаниями вынуждают к «*professio*»⁸¹, которого только и надо чиновникам (они ведь должны отвечать за определенное количество податей соответственно кадастру). В таком виде предстает «государство» перед людьми Востока (как и перед русским крестьянином). Вот где корень той глубокой антигосударственности (*Antipolitismus*) восточных народов, в отношении к которому христианство апостола Павла является уже сильным приспособлением.

Указывает ли двойственность словоупотребления, принятого в Птолемеевскую эпоху — «собственная» (*ιδιωτική*) и «благоприобретенная» (*ιδιόκτητος*) земля — на ограничение прав выкупа (*Retraktrechte*) наследственного имущества (существовавших в течение всего периода, предшествовавшего Птолемеем), определить, конечно, невозможно. Во всяком случае уже указы первых Птолемеев предполагают существование частной продажной земли, и нет ни малейшего основания видеть в этом нечто новое. О существовании *мелкой* собственности — которую при делимости в древности царских жалованных земель естественно предполагать — в эпоху позднейших фараонов говорят инвентарные описи переходившего по наследству имущества, в которых так часто попадаются «сады».

Прикрепление земли к семье и сохранение многоженства делали, естественно, очень важным для жены закрепить свое собственное положение и положение своих детей контрактом, тем более, что в области отношений между полами, по свидетельству источников, в это позднейшее время существовала полная свобода договора и свобода развода. Контракты об общности имущества, контракты о вдовьем

имуществе, установление определенных рент (в частности, как впоследствии в исламе, раз и навсегда определенных денег на хозяйство для жены) встречаются наряду с особенно часто встречавшимися контрактами о переводе всего состояния мужа на детей жены, в частности на старшего сына, вероятно соответствовавшем по своему значению английской *entail-system*⁸². Существование «пробного года» в браке у египтян — басня. Аурафос γάμος⁸³ эпохи Птолемеев есть, очевидно, первоначально брачные отношения без «брачного контракта», т. е. когда муж не приобретал manus⁸⁴ над женой путем уплаты ее *цены*, но — как и в римском «свободном браке» — получал власть над детьми.

В общем встречаются почти все те же важнейшие договоры, какие мы встречаем и в вавилонском праве, например, даже продажа себя в приемные сыновья.

Рабы встречаются в числе имущества, переходящего по наследству, наряду со скотом, домами, садами; они никогда не были многочисленны даже и в позднейшем Египте, кроме, как у царя, жрецов и чиновников. Отчетливой *общей* картины аграрного строя периода позднейших фараонов, несмотря на все отдельные подробности, мы все-таки пока не имеем.

Египет провел в жизнь два учреждения впервые и притом в совершенстве, какого они никогда более не достигали: *а)* принцип литургии, прикрепления владения к государственной функции, владельца — к функции и к владению и *б)* бюрократическое управление. *Оба* эти принципа в позднейший период античной истории победоносно распространилась отсюда на весь мир, а вместе с ними, как их неразлучная тень — и «*аполитизм*» покоренных народов, корни которого отнюдь не в *одном* уничтожении *национальностей*. Затем, по-видимому, возможно, что из *Египта* ведут свое начало важные в смысле *техники производства* формы античной организации труда, а именно: *1)* хозяйство при помощи дисциплинированных, живущих в казармах несвободных рабочих (ἐργαστήριον — эргастерий); *2)* несвободная работа на дому (die unfreie Heimarbeit); *3)* барский двор, ведущий хозяйство с помощью колонов (der Kolonen-Fronhof), и *4)* их различные комбинации, между тем как, с другой стороны, формы частного *предприятия* и *эксплуатации капитала*, по-видимому, имеют своей родиной Вавилонию.

Глава третья

ИЗРАИЛЬ

В известной мере достоверные сведения об условиях, в которых жил Израиль до Исхода, мы имеем в тексте тех «Законов»⁸⁵, которые восходят, несомненно, к более древнему периоду и в силу своего предполагаемого божественного происхождения в сравнительно большой мере гарантируют достоверность предания. Мы должны бросить беглый взгляд на иллюстрируемые ими условия, хотя бы потому, что *только* здесь, по-видимому, мы имеем из уст самого народа свидетельство о временах, *предшествовавших городской оседлости*, государственной власти и власти духовенства. Конечно, предположение, будто в древнейшем «Законе» (Исход, 19 и далее) мы имеем дело с какими-то «первоначальными» условиями, с правом первобытного народа земледельцев, еще не носившего на себе никакого городского и денежно-хозяйственного отпечатка, совершенно неприемлемо, как это среди новейших исследователей признает в особенности А. Меркс, хотя он усиленно подчеркивает большие различия в культурном отношении между временем, к которому относится этот «Закон», и эпохой Второзакония. Несмотря на большое — как и повсюду — значение скота, как важнейшего источника имущественных различий, одно не подлежит сомнению: настоящим бродячим народом, или «племенем бедуинов», *исторические* израильтяне, и даже их господствующие классы, не были никогда*: у них не было замечено не только верблюдов, но и лошадей; вол, как и в древнейшем Риме, является прежде всего *рабочим* скотом. Кожа (как и в Египте) являлась древнейшим материалом для одежды. *Хлеб* в качестве главного продукта пита-

* В источниках, насколько мне известно, нет никаких признаков специфического бедуинского права. *Религиозное* значение Синая⁸⁶ само по себе указывает только на то, что древнее поклонение Иегове, *lahwe*⁸⁷, на высотах на время было перенесено на эту самую высокую гору.

ния, а наряду с ним овощи и вино, встречаются с самого начала, точно так же и оливковое масло; в повседневном обиходе мясная пища встречается, конечно, только за царским столом; остальной народ забивает скот лишь по праздникам (и то *под видом* жертвоприношения); но, например, о каком-либо особом значении сыра (как в Древней Греции) мы ничего не знаем. Из скота, владение которым здесь, как и всюду, считается признаком богатства и количество которого в руках царя достигает больших размеров, большую роль играют овцы (вследствие особенностей почвы и по мере того, как все более и более распространяется ношение шерстяного платья). Обработка земли (соха и удобрение полей, по-видимому, были развиты слабо), а приготовление хлеба (ручная мельница, квашня) оставалось на довольно первобытной ступени.

Во всяком случае, после всего сказанного, несмотря на большое внимание, какое, сравнительно со Второзаконием, древний «Закон» уделяет владению скотом, все-таки едва ли можно на евреев того времени смотреть, как на народ, даже только *преимущественно* занимающийся скотоводством (Книга бытия, 47, 3 подчеркивает их противоположность в этом отношении *египтянам*). Но, впрочем, евреи до периода Царств⁸⁸ суть протеснившийся «с той стороны», т. е. с востока от Иордана через реку на западную его сторону и затем проникнувший дальше через горную страну и стремящийся дальше к морскому берегу, то оттесняя других, то, в свою очередь, оттесняемый от него другими «горный народ», который ценит продукты горных склонов — «молоко и мед». Когда «эйсимнет» (в эллинском смысле слова) Моисей⁸⁹ дал им «закон», им удалось сперва отчасти завоевать более крупные ханаанские города в речных долинах. Их главные силы — в горных долинах, занятых коленом Иосифовым, из которых они, — как этолийцы и самнитяне — врываются в равнины и постепенно захватывают их в свои руки, попеременно, то попадая при этом под власть филистимских⁹⁰ или других городских царей, то свергая ее, будучи кроме того теснимыми надвигающимися на них с востока племенами пустыни и нередко платя им дань. Но совершенно независимо от вопроса о действительности их пребывания в Египте в качестве барщинных крестьян одного из «домов служб» фараона (Исход, 20, 1: вполне хорошего *знакомства* с египетскими отношениями — даже титул

Иосифа исторически верен — нельзя отнять у автора этих глав; но при близости расстояния от Египта это само по себе еще ничего не доказывает) влияние существовавшей задолго до их появления сирийской *городской* культуры не подлежит никакому сомнению. «Закон» не только предполагает оседлый земледельческий народ, но мы не можем в нем найти и следа коллективного владения. И земля составляет полную собственность владельца, хотя предметом оборота, по крайней мере как общее правило, она является лишь в пределах семьи. Существование кровной мести, которую в Афинах, согласно предположению, хотя и не вполне доказанному, но все же не невозможному, уничтожил лишь Дракон⁹¹, не есть, конечно, доказательство «первобытных» отношений. Точно так же не служит доказательством и уплата судебных пеней скотом, которая в Греции и Риме еще долго существует в исторические времена и объясняется не столько абсолютной редкостью, сколько неустойчивым *состоянием* тогдашнего запаса благородных металлов: *обязанность* платить по первому требованию непременно деньгами — это то, что является для крестьянина опасным и ненавистным, как у шумеров и позже в Вавилонии в период царствования Хаммурапи, так и в Афинах при Солоне⁹² и вообще всегда и везде. «Закон» обнаруживает очень характерным образом то же стремление связать упрочение доброго старого патриархального обычая с интересами *зادолжавших* крестьян, которое свойственно так же и всем «законодателям» Запада, какие бы они не носили имена — Залевк, Харонд, Питтак⁹³ или Солон. Десять заповедей предписывают (кроме чисто религиозных обязанностей) почтение к родителям, уважение к чужому браку, устанавливают преступность убийства и кражи, требуют обеспечения справедливого судопроизводства и честности (*bona fides*) в повседневном обороте (не устраивать «махинаций», как выражается Меркс, против чужого владения) и, наконец, — и это самое оригинальное и самое богатое последствиями — соблюдение субботнего отдыха и предоставления его рабочим, рабам, скоту. Объяснять происхождение этого последнего предписания одними «социально-политическими» мотивами, тогда как оно как раз красноречивее всего свидетельствует об огромном значении в то время религиозных соображений, было бы, конечно, невозможно, хотя заповедь, несомненно, послужила на пользу и — но не им одним — попавшим в рабство за долги

людям. Но более подробное изложение этих мыслей в «За-коне»⁹⁴, в коротких и сжатых словах провозглашенных в Десяти заповедях, показывает, что защита простых свободных (Gemeinfrein) от последствий имущественного и социального неравенства (der Besitz-und Machtdifferenzierung) является, во всяком случае, очень сильно выступающим вперед лейтмотивом законодательства. Сюда относятся, прежде всего: 1) ограничение долговой кабалы израильянина определенным сроком; 2) защита его от насильственного обращения в рабство; 3) известное обеспечение брака свободных с рабами (т. е. собственно с попавшими в рабство за долги, как видно из текста); 4) также известное обеспечение израильянки, купленной в жены, от приравнения ее к обыкновенным купленным рабыням; 5) охраны рабов (попавших в рабство за долги) от тяжелого, прежде всего угрожающего жизни телесного наказания и повреждения со стороны господина; 6) охрана от вреда, наносимого скотом; так как богатство высшего класса заключалось главным образом в скоте, то это соответствует нашим тяжбам о вреде, наносимом дикими зверями («Wildschaden») (обычай мстить скоту, как человеку, является общим для многих древних правд и остается как пережиток в древнеримском праве в виде обязанности возмещения убытков, когда скот причинит вред «contra naturam sui generis»; современный человек ожидал бы как раз обратного, и иудейский закон по существу «современнее»); 7) «защитой земледельца» («Bauernschutz») является также ограничение права наложения ареста на имущество должника (свобода от ареста платья должника) и 8) впоследствии превратившееся в «воспрещение процентов» предписание не применять со всей строгостью в деловых сношениях долговое право к своим единоплеменникам; 9) регулирование права убийства и кровной мести и основ уголовного права, т. е. права возмездия вообще — причем, по-видимому, однако, еще не предполагается *постоянного* урегулированного существования предназначенной для производства суда инстанции (низшей и высшей) — здесь, как и во всех античных «законодательствах», имеет смысл защита простых свободных от все возрастающего всемогущества богатых родов заседавшей в совете знати, вызванного ростом несшего с собой социальную дифференциацию менового хозяйства.

Постановления, которые запрещают гнуть закон как в сторону богатых, так (явно) и в сторону бедных, соответст-

вовали такому положению вещей, при котором законодатель, как и большинство «законодателей» Древности, желал устранить антагонизм классов своим *посредническим* вмешательством. Но настойчивое требование не притеснять метеков указывает уже совершенно ясно на влияние торговых сношений, имеющих место поблизости, а отчасти и осуществлявшихся через страну, населенную израильтянами. Само собой разумеется, что «Закоу», как явствует из него самого, очень хорошо известны и деньги из благородного металла. Что они играют незначительную роль в постановлениях закона, объясняется прежде всего техникой оборота и вытекающей отсюда юридической трактовкой денег вообще на Древнем Востоке; с другой стороны, быть может, как раз в желании *сохранить* среди крестьянства натурально-хозяйственную традицию и заключается «социально-политическая» сторона законодательства. Входило ли требование оставлять *поля* на *седьмой* год необработанными в какой бы то ни было форме в состав имеющего серьезные цели «Закона», является по существу, конечно, проблематичным. Этот «субботный год» и в самом древнем понимании (Исход, 23, 10—11)⁹⁵ представлял собой предписание в интересах «бедных», т. е. в данном случае безземельных, которые в этот год должны были пользоваться сборами с полей. Но всякая попытка выделить в этом предписании в его нынешней формулировке те черты, которые сообщают ему утопический характер, и объяснить его рационально с точки зрения сельскохозяйственной техники или с социально-политической точки зрения (например, как первоначально направленное против владельца взятой в виде *заклада* земли в интересах должника, сидящего в качестве колона на заложенном участке, как это часто бывало в Вавилонии, да, очевидно, и в Афинах, или вообще, как прощение арендной платы и т. п.) представляется тщетной, так как *религиозный* мотив запрета «обсеменения» является препятствием для всяких объяснений подобного рода. Если это не есть искусственная вставка позднейшего теологического крючкотворства, то мы просто не можем дать этому постановлению никакого культурно-исторического объяснения, между тем, как, наоборот, так называемый «юбилейный год», относящийся к несравненно более поздно редактированной части Пятикнижия, гораздо скорее мог бы быть истолкован экономически прежде всего как уста-

новление определенного срока для владения в порядке антихресы взятой в *заклад* земель (которое везде представляет собой одну из древних форм *фактического* — по необходимости — отчуждения земли) путем определения максимального времени, после которого долг считается погашенным из доходов от земли, но, как известно, остался «седой теорией».

Если оставить в стороне этот в научном смысле «неудобоваримый» пункт, то остальные постановления носят, очевидно, по существу тот же характер, что и многие законодательства, изданные на Западе с целью смягчить сословную борьбу. Рассматривая эти постановления вне всякой связи с историческими условиями, можно было бы подумать, что они, как и эти последние, были изданы городскими «родами» («*Geschlechter*») с целью смягчить последствия закабаления крестьян за долги, а при известной дозе воображения можно было бы себе представить ханаанскую городскую аристократию (которая, например, в Сихеме⁹⁶ так долго продолжала свое существование) в виде патрициата, а израильтян в виде организованного капеланами восставшего плебса, который в «законе» добился своей *magna charta*⁹⁷. Между тем об этом нельзя говорить серьезно. Скорее же можно допустить, что «закон» — кроме своей чисто религиозной цели — должен был *воспрепятствовать* такому же порабощению крестьян родами, какое уже произошло на их глазах в прибрежных городах, и *спасти* старую свободу простых свободных. Такое понимание было бы во всяком случае менее фантастичным, чем некоторые другие выдвинутые за последнее время гипотезы, хотя и оно, конечно, не бесспорно. Что в сражениях так называемой эпохи судей израильтяне сражались пешими, их противники — на конях, а городские цари этих последних — на колесницах, явствует из данных древнейшего литературного памятника: из песни Деборы (Книга Судей, 5)⁹⁸. Отсюда же видно, что они считали свою победу торжеством простых свободных над «магнатами» (которые от их покорения ждали себе дани хлебом и «цветных шитых платьев»), как, например, швейцарцы свою борьбу против рыцарства. Но до каких пор эта свобода простых людей (*Gemeinfreiheit*) могла называться «крестьянской», представляется, судя по источникам, весьма спорным. Песня Деборы знает и на стороне израильтян один город (не выступивший на бой с Си-

зерой⁹⁹ и потому подвергаемый в песне проклятию) и его «горожан». Конечно, каким образом был устроен этот и другие израильские «города» того времени, не ясно. В предании об эпохе Судей встречаются роды, владеющие многочисленными (30) «селениями», затем живущая в городе ханаанская, но породнившаяся с израильтянами, аристократия (в Сихеме), и вся эпоха Судей¹⁰⁰ вообще есть сплошная цепь сменяющих друг друга узурпаций некоторых сильных своей численностью и богатством, в том числе и рабами, аристократических родов, которые снаряжали своих колонов и во главе их вели непрерывные войны с городами филистимлян и с племенами пустыни, — положение вещей, которое, если судить по аналогии с явлениями из истории других народов, обыкновенно *предшествует* «синойкизму»¹⁰¹, но, однако, уже указывает на большие успехи социальной дифференциации.

Освободительная борьба с филистимлянами создала затем царскую власть. Ополчение, набранное Саулом¹⁰², есть прежде всего национальное ополчение. Но власть избираемого народом царя скоро утратила свой первоначальный характер. Еще в легенде о единоборстве *Давида*, едва ли без тенденции, прославлялось геройство необученных военному делу крестьян, с которыми пребывает Иегова (Iahwe), в сравнении с филистимлянами, герои которых были «воины от юных лет» (напр. Голиаф, I. Сам. 17, 37)¹⁰³. Дальнейшие данные показывают, что образование прочных кадров с царскими офицерами и целым коленом (Stamm) обученных и получающих постоянное содержание царских «слуг» было неизбежно. Схематическое разделение на двенадцать колен служило цели обложения натуральными повинностями в пользу царя и войска в соответствии со сменой месяцев; если оно даже и могло совпадать с древними областными союзами (Gauverbände), тот само было все-таки искусственным делением на *филы*, имевшее тот смысл, что и деление на филы в эллинских государствах воинов (Kriegerstaaten).

Уже при Давиде и еще более при Соломоне¹⁰⁴ Израильское царство начало приобретать черты восточного, опирающегося на натуральные повинности государства (Fronstaat): укрепленная столица, образование царской «сокровищницы», появление иноплеменных телохранителей наряду с народным ополчением, постройки, для которых мастера вывозятся из-за границы, а материал доставляется населе-

нием, вызываемым на барщину. Господство городов и бой на колесницах проникают теперь и к израильтянам, как свидетельствуют об этом как библейские, так и ассирийские данные (об Ахаве¹⁰⁵). Тем не менее национальное войско не теряет своего значения: известия, относящиеся к периоду царств, показывают, что состоит оно из людей, вооруженных за собственный счет и имеющих для этого достаточный земельный участок. Данные о подати, наложенной Менаимом¹⁰⁶ на «богатых» (*adsidui* в римском смысле), указывают значительную цифру (60 000?) хозяйств, способных и обязанных поставлять вооруженных воинов. По данным ассирийских источников Ахав выставил на поле сражения 2000 колесниц и 10 000 человек.

Действительно ли произошло наделение царских воинов на ленных правах земель за счет израильтян, чем грозил израильтянам Самуил¹⁰⁷ (I. Сам., 8) — хотя бы только воинов, сражавшихся на *колесницах* — или же это только картина, взятая с целями устрашения *против* царской власти из отношений, существовавших в Египте и в городах-государствах — последнее кажется более правдоподобным, — решить это невозможно. Во всяком случае последующая история показывает, что военная организация и тут имела своим последствием господство «родов» («*Geschlechter*»), способных по своему экономическому положению и вооружаться за свой счет, и заниматься военными упражнениями, о чем говорят появившаяся теперь забота о чистоте крови и происхождения, возникающий интерес к героической истории, легенды о патриархах и, прежде всего, (см. ниже) Второзаконие с его многочисленными постановлениями. Кто не принадлежит к родам, способным носить оружие и внесенным в кадастр, т. е., по меньшей мере, все безземельные, юридически рассматриваются как метеки. Тот факт, что в Израильском царстве войско не раз распоряжалось царской короной, соответствует такому положению вещей.

Оно же было причиной «распада» древнего единого государства: возникающая концентрация царской власти и культа в «полисе» Иерусалиме создавала хорошо известный на всем Востоке, возникающий почти всегда вместе с образованием государства, антагонизм между старыми военными родами и жреческими родами нового центрального города: первые являются естественно заинтересованными в сохранении древних местных культов, отпавлявшихся на их

родных высотах, и в то же время в подчинении царской власти войску. Последние дают царской власти «законность» («Legitimität») и тем самым, между прочим, и право на произвольное распоряжение рабочей силой «подданных», чтобы в свою очередь подчинить себе царскую власть; они стремятся к искоренению местных культов. Этот антагонизм привел к взрыву сразу же после Соломона, который — de facto такой же египетский вассал, как и его сын — очевидно и беспощадно, на египетский лад, эксплуатировал барщину своих подданных. После «отпадения» древних коренных израильских колен (которые противодействовали образованию барщинного государства [Fronstaat]), государство, сделавшееся отныне «иудейским», стало концентрироваться окончательно как настоящий город-царство в Иерусалиме, завися временами от Египта, позднее платя дань Ассирии, явно все более и более приобретающая характер бюрократического города-государства.

Упадок международного значения царской власти и возрастающее под страхом варварских хищнических войн месопотамских государств влияние религиозных настроений дали возможность городскому духовенству в Иерусалиме достигнуть при царе Иосии¹⁰⁸ в 622 г. до Р. Х. господства в государстве и октроировать¹⁰⁹ «Закон Моисеев», т. е. Второзаконие. Царь делается в Иудее «законным» властелином, т. е. он должен признаваться потомком Давидовым. Но зато ему воспрещается иметь свою «сокровищницу» и конную свиту, дружину, и признание законности его положения стоит в зависимости от ответа оракула (Loosorakel), к которому обращается для этого иерусалимское священство. Монополия иерусалимского храма в качестве средоточия культа устанавливается окончательно, жрецы местных культов «увольняются на покой» и постепенно сводятся на положение слугителей при городских священнических родах.

Одновременно с этой громадной переменой в положении политической власти перестроились по новому и политические, и социальные отношения в стране. Этот новый порядок показывает, что сравнительно с временем древнего Закона совершилась глубокая перемена. Он предполагает широкое денежное хозяйство, так как — за дальностью расстояния от Иерусалима и его храма — десятина должна была доставляться храму деньгами, а деклассирование жрецов местных культов в интересах центрального храма при-

вело к созданию светских судей на местах; таким образом, интересы иерусалимского храмового священства шли навстречу интересам крестьян и, тем самым, интересам местных сельских родов (Geschlechter), — для Востока весьма типичная и часто встречающаяся ситуация. Это дало толчок — как, вероятно и повсюду на Востоке — к возникновению первых зачатков судебной бюрократии: бюрократизация и теократизация идут здесь рука об руку, очевидно, как и в упомянутых в свое время правительственных распоряжениях шумерских царей. Устройство в духе политики «покровительства бедным» местных хлебных магазинов, в которые должна была складываться через каждые два года на третий вся десятина, соответствует также теократически-бюрократическому характеру восточного города-царства. Но, с другой стороны, повсюду прорывается ненависть, нерасположение к «египетскому дому служб», т. е. к царской власти, которая, как это было при Соломоне, по примеру фараонов, находит для себя опору в собственной торговле, в постройке бургов и магазинов («хлебные дома, города колесниц и города всадников», I Кн. царств, 9, 19) с помощью барщины и податей, налагаемых на подданных. (Кто сомневается в достоверности традиции о пребывании евреев в Египте, тот может допустить, что — уже в древнем Законе — «Египет» отождествлялся с протестом против гнета восточной царской власти, опирающейся на литургии (Leiturgiekönigtum). Эта идея, например, вложена в уста Самуила (I Сам., гл. 8 и 12), и священники считали, что они являются избавителями народа от этого гнета точно так же, как в свое время его избавил от подобного же эйсимнет Моисей. Разумеется, в этой книге мы будем защищать не это построение.

Второзаконие, как уже и древний Закон, и как вообще все теократические законодательства, старается увеличить гарантии против злоупотреблений силой со стороны имущих: ограничения, внесенные древним Законом (Второзак., 24, 10) в залоговое право, заменяются абсолютным запрещением переступать порог дома должника для наложения ареста на его имущество, воспрещается брать в залог домашние мельницы, отменяется бывшая прежде в обычае ответственность сыновей за отца и, наоборот, в уголовных делах, похищение людей (теперь также женщин и детей) грозит смертью, уплата вознаграждения за наемный труд

должна производиться в тот же день, требование уплаты долгов в субботний год приостанавливается (так совершенно правильно толкует Меркс соответствующее место (Второзак., 15, 3), освобождение всех продавших себя в рабство на седьмой год делается обязательным, наконец, и это всего важнее, брать процент разрешается только в деловых сношениях с иноплеменниками; на практике это могло во всяком случае иметь своим последствием то, что некоторое время правом давать деньги займы под проценты пользовались только одни метеки и, *может быть*, по примеру Вавилона, храм (это представляется вероятным потому, что Второзак., 15, 6 указывает как на желательное *последствие* этого на то, что иудей будет давать займы чужим, а у них занимать *не будет*)¹¹⁰.

Относящиеся к семейственному праву постановления Второзакония указывают на перемены, происшедшие в семейных отношениях, а также во взглядах на эти отношения. Долг повиновения родителям, лежащий на детях, подчеркнут со всей силой; только самовольное убийство детей отцом воспрещается.

Но бывшая патриархальность сильно пострадала: во времена древнего Закона жена, приобретенная покупкой (*tohar*) — в противоположность не купленной и потому (как и во всех древних правдах) оставшейся в своем роде — принадлежала просто-напросто к приобретенному покупкой движимому имуществу мужа, а дочь — к предметам, которыми мог торговать ее отец. Только законная жена (*die Ehefrau*) была как израильтянка защищена от того, чтобы в ней видели предмет оборота наравне с купленной рабыней, а ее сын от продажи в рабство на *долгий* срок. Но зато, с другой стороны, незаконные дети и даже дети публичных женщин («*Hurenkinder*»), *если* отец их признал, получали долю в наследстве, и отец мог разделить свое имущество между детьми по своему произволу. Теперь это все очень изменилось. Правда, наделение невесты приданым, как *правило* (как об этом свидетельствует *авилонское* название для *dos*), относится ко времени после Исхода, как и выработка твердых принципов для брака вдовы (*Ketuba* — письменное обязательство со стороны мужа). Исключение дочерей из наследства и ограничение их прав одним приданым продолжалось тоже еще долгое время — здесь, как и повсюду, до тех пор, пока существовала общая воинская повинность (*die Wehrhaf-*

tigkeit des Volks). Но все же патриархальный произвол отца исчез: он должен был оставлять первородному сыну его (двойную) часть наследства. Он не мог сделать наследником «Mamser'a» (побочного сына или сына от недозволенного смешанного брака). Первоначально существовавшее на всем Востоке наследование сыном отцовского гарема было запрещено; развод — происходивший фактически до этого, как и после, по произволу мужа — был поставлен в известные формальные рамки. Улучшение положения жены, начало которому кладут эти (и некоторые другие) постановления, было достигнуто здесь, как и повсюду, несомненно, благодаря силе жениного рода, который не желает больше видеть в дочери простой объект купли и продажи, но хочет обеспечить ее на случай вдовства, а ее детей, как наследников, от произвола мужа. Оно находится в связи с воззрениями *городских* родов (*der stadsässigen «Geschlechter»*) (ср. ограничение наказуемости супружеской неверности городской территорией. Второзак., 22; 23)¹¹¹, с их все увеличивающейся заботой о чистоте крови, об обеспечении положения *детей*, а также с военными интересами. Многоженство продолжало, конечно, существовать — хотя и в ограниченных размерах, — и присущая всем древнейшим правдам точка зрения, не признающая физической кровной связи, как таковой, остается в силе, как видно из рассказов о патриархах, по которым дети от данной в приданое рабыни причислялись к детям ее госпожи. Но — как показывает легенда об Измаиле¹¹² — мнение руководящих кругов требует в Израиле исключения «сына служанки» из наследства. Интересам продолжения рода, занесенного в войсковой кадастр, по экономическому своему положению как способного носить оружие, служит здесь, как и в других странах, право дочери на наследство, а также левиратный брак¹¹³, т. е. право и обязанность ближайшего члена рода «разбудить» умершему бездетным родственнику «семя» через посредство его вдовы.

Владение землей, конечно, связано принадлежащими магнатам правами обратной покупки (*Retraktrechte*) (позже *преимущественными правами покупки*); помимо этого, землю в историческую эпоху можно было и продавать, и отдавать в залог; тот факт, что отчуждать наследственное имущество считалось позорным или грешным, находится в полном соответствии с общей схемой развития и с военным

характером народа (ср. историю Ахава и Навуфея¹¹⁴: I Кн. Цар. 21). *Обязанность* агната¹¹⁵ выкупать владения, принадлежащие роду, возникла, очевидно, уже после Исхода. Более сильное развитие городской жизни в период царей способствовало во всяком случае известному развитию ремесла: в Исходе (31, 1 и след.) говорится о поручении специально для этого приглашенной семье художников, по видимому переходившего от отца к сыну, исполнять более тонкие художественные работы в храме, а для постройки храма Соломона царь призывал финикийских ремесленников; при разрушении Иерусалима нужные в военном деле кузнецы и плотники причислялись, наоборот, к «военным людям», т. е. обязанным исполнять литургию (как «fabri»¹¹⁶ в Риме), и уводились в плен. Вообще же ремесленники (булочники в городах, валяльщики, гончары), очевидно, были очень немногочисленны. Лишь после Исхода ремесло достигает большого развития. Вероятно, довольно сильно было развито крупное землевладение — благодаря тому, что и здесь задолженность крестьян у живших в городах родов (Geschlechter) представляла собой неизбежно повторяющееся в течение периода царей явление, против которого, как известно (Иис., 5, 6; Михей, 2, 1 и след.), ратуют пророки. Основное положение талмудического права, что земля и ханаанские рабы *в первую голову* берутся в обеспечение хартального долга (напротив, позднее *коммерческие* долги иудеев ложились, как известно, только на *движимое* имущество), есть пережиток еще от тех времен, когда (как в Элладе) господствовал заклад с правом выкупа отданной в заклад вещи в качестве формы долгового обязательства: с тех пор, как взятие в рабство за долги потеряло свою цену для кредитора благодаря учреждению субботного года, каждый седьмой год освобождавшего всех продавших себя в рабство за долги, взыскание первоначально (вероятно, *ex contracto*¹¹⁷), было направляемо в первую голову на *землю*, и отсюда могла развиваться талмудическая легальная ипотека (см. ниже.).

Как велось хозяйство в крупных земельных владениях с точностью установить невозможно. *Может быть*, «ханаанский раб» Талмуда был илотом¹¹⁸ или клиентом, прикрепленным к земле. Древнее предание, так же, как и законодательство, знает, наряду с рабами, также и наемных рабочих. Типичная историческая последовательность ступеней

в развитии несвободных рабочих сил, а именно: 1) продаваемые или отдаваемые внаймы дети, 2) попавшие в рабство за долги, 3) военнопленные и приобретаемые покупкой рабы, 4) мелкие арендаторы (но ступень мелкой аренды впервые была достигнута в эллинистическую эпоху), и здесь будет иметь тенденцию осуществляться. Но собственная потребность в рабах, а потому и число их никогда не могли быть очень велики: мы слышим, что финикияне следовали за войсками, чтобы покупать пленников, конечно, для продажи их за границу. И рабство не только юридически, но и практически, всегда оставалось мягким восточным наследственным рабством. Бóльшая верность детей рабов сравнительно с купленными рабами, считалась фактом, доказанным на опыте; рабы часто имеют (по-видимому, это даже, как бы общее правило) семью; законодательства предусматривают случаи, когда рабы решительно откажутся от предложенного им в субботний год отпуска на волю, что, между прочим, устанавливает вероятность небольшого спроса на свободных поденщиков и свидетельствует о малоблагоприятном положении этих последних. Для «аграрной истории» эпохи, предшествующей Исходу, нет материала, так как имущественные отношения и система производства этой эпохи нам совершенно неизвестны. Пророки, интересующиеся прежде всего вопросами религии, а потом *внешней* политикой, как ареной деятельности их универсального Бога, и иной раз, но лишь с этих же точек зрения, также и «социальной политикой», дают типичную картину развития античного полиса под влиянием денежного хозяйства, в борьбе с дифференцирующими общество влияниями которого законодательные постановления (о субботнем годе, о воспрещении процентов и т. д.) достаточно доказали свое бессилие. «Преобразовательные планы» Иезекииля¹¹⁹ — чистейшая утопия (*Idealbild*) времен изгнания. После увода носителей вооруженной силы, т. е. живущих в городах родов, остались одни крестьяне и виноградари, и так называемое «восстановление» при Ездre и Неемии¹²⁰ на деле было новым конституированием теократического города-государства на основе синойкизма (см. ниже в главе об эллинизме).

ЧАСТЬ II

ЭЛЛАДА

Глава первая

ДОКЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА

Земледелие эллинов, поскольку оно не принимало характера специальных культур, состояло в возделывании полбы¹, ячменя, пшеницы по травопольной системе (Feldgraswirtschaft) (отсюда четные сроки аренды) различной степени интенсивности. Трехпольная система, по-видимому, встречалась реже. Плодопеременной системы не существовало. Только бобовые растения сеют иногда на земле, лежащей под паром. Удобрение почвы путем уваживания известно Гомеру (растительное удобрение относится уже к позднему времени), но в других отношениях техника земледелия остановилась на довольно примитивной стадии и дальше не двигалась. Соха (долгое время целиком деревянная), волы в упряжке, вбрасывание руками семян в борозды, взрыхление мотыгой и вспалывание хлебного поля, серп и, во всяком случае, доска для молотбы (die Dreschtafel) в качестве орудий уборки хлеба, все это требовало большой интенсивности труда и, так как запас девственной почвы истощился, делало для *хлебопашества*, даже при высоких ценах более позднего времени, трудным перенесение центра тяжести с натурально-хозяйственного производства на производство для рынка. Скотоводство начинает более заметно сокращаться благодаря развитию земледелия, по-видимому, впервые в эпоху покровительствовавшей крестьянам (см. ниже) тирании. В эпоху гомеровского эпоса главную пищу составляют сыр, молоко и — заметьте: у знатных — мясо; шерсть и шкуры служат широкой массе народа материалом для одежды; главное богатство царей и знатных — кроме благородного металла и сделанной из него и из бронзы утва-

ри — составляют стада: козы, овцы, коровы и волы (в качестве рабочего скота, так как молоко и сыр получали главным образом от овец и коз), между тем как лошадей держат в большом количестве лишь для военных целей, да еще для передвижения и спорта на больших равнинах — в Эвбее и в Фессалии²; пастухи являются самыми почетными слугами царя. Нередко и здесь уже в раннюю пору большую роль играет *орошение*. Но оно не вызывает необходимости в бюрократии, и вообще, конечно, совсем нельзя сравнивать вечные препирательства, происходившие, например, между Тегеей и Мантинеей из-за закупоривания друг другу *катавотр*³, с катастрофами, которые вызывались какими-нибудь беспорядками на Ниле или на Евфрате.

Обычной формой домашнего общежития (Hausgemeinschaft) в классическую эпоху является повсюду патриархальная *малая семья* (Kleinfamilie) с таким же по существу, как у семитов, положением жены и детей (покупка жены, приданое, право отсылки жены домой, принадлежавшее отцу право первоначально неограниченного, затем ограниченного правами законных детей и пробудившимся у знатных «родов» (Geschlechter) (см. ниже) сознанием кровной связи, распоряжения детьми в форме выбрасывания детей, убийства их, продажи и отдачи внаймы с целью получения барыша; ко времени возникновения права Гортины⁴ все уже приняло значительно более современный вид). Знать и царь — первоначально между ними почти не было никакой разницы (см. ниже) — живут, наоборот, как и везде, большими *семейными* общинами (in grossen Hausgemeinschaften) на основе агнатического рода (γένος⁵) в интересах сохранения в неразделенном виде наследственного имущества. Поэтому гомеровский эпос знает *раздел наследства* наряду с наследованием семейной общины (ὄμοσίπλοοι Харонда, ὄμογάλακτες аттического юридического языка; изображение дома Риама общеизвестно).

Юридическая структура большой патрицианской семейной общины впоследствии, при переходе к городскому строю, подвергается в своем историческом развитии изменениям, подобным тем, какие мы наблюдаем, например, в больших семейных общинах итальянских средневековых городов: первоначальный полный семейный коммунизм с проникновением денежного хозяйства уступает место новому взгляду на такую общину, как на приобретательскую ассоциацию;

постепенно входит в обычай (например, в праве Гортины) выделение в особую категорию из отдельного имущества члена общины дарений и случайно доставшихся имуществ, собственности женщин на принесенную в дом мужа движимость, как на Востоке (в противоположность Риму). Как и в итальянско-сицилийском средневековом праве, нередко возникает вопрос, не может ли сын требовать своей доли еще при жизни отца (право Гортины определенным образом отрицает только применение к отцу *принуждения* в деле выдела). Имущество все более и более является продуктом *приобретательской деятельности* членов семьи, и тем самым разлагаются основы старого домашнего патриархального быта.

Охранителями (Garanten) личной безопасности каждого отдельного лица в силу обязанности кровной мести, а вследствие этого и запасными наследниками на случай вымирания домовой общины, является в позднейшем праве «ἀρχιοτεὸς»⁶, различный по широте круг ближайших родственников (большей частью до сестриных детей включительно), который мы находим уже у Гомера. Это идет, вероятно, из глубокой Древности и находит себе, во всяком случае, аналогии в практике кровной мести у других народов, которая опять-таки далеко не всегда соответствовала их «теории». Отсутствие такого многочисленного и экономически сильного «рода» («Sippe») заставляет всех *безземельных* по необходимости отдаваться в клиентелу знатым. «Иметь долю в земле» и «принадлежать к категории простых свободных» первоначально было одним и тем же; ограниченный запас земли и рост имущественного неравенства создают впервые клиентелу знатных.

Что «фратрии» — впоследствии местные подразделения фил с определенными административными и религиозными функциями — первоначально также отправляли функцию охраны права (в смысле кровной мести), по-видимому (судя по остаткам ее в историческую эпоху), не подлежит сомнению. Но действительно ли они представляют собой «древнейшую», — т. е. *повсеместно* господствовавшую еще в *чисто* крестьянский период эллинской истории — форму социального единения, хотя в пользу этого приводились более или менее правдоподобные доводы, остается все-таки недоказанным.

Аналогии с областями, не имевшими городского строя в *историческое время*, можно проводить лишь с осторожностью (вспомним только, какие коренные различия существовали среди «древнейших» для нас германцев между

воинственными племенами — например, свевами Ариовиста⁷ — и другими. Во всяком, случае «фратрии», несомненно, очень древнего происхождения. Только не следует думать, будто упоминаемые в историческое время пиры, которые они устраивали иногда для всех своих членов, были «остатками» первоначально *полной* хозяйственной общности (Wirtschaftsgemeinschaft) кочующей орды. Напротив, они могут (как пиры германских «защитных гильдий») (Schutzgilden) служить как раз признаком *искусственного* образования союза; общность *питания* («домашняя община» в экономическом смысле), а не «кровь», является древнейшим источником взаимных обязанностей (что можно, например, совершенно явственно видеть и у арабов): поэтому она и должна была соблюдаться, по крайней мере *символически, как раз* в (первоначально) *самопроизвольно* возникших союзах. Фратрии относятся к той стадии развития, когда землевладельцы организовались в *военную* общину и земля ее считалась «приобретенной копьем»; этому соответствует и ее позднейшая функция: забота о военной подготовке детей («Wehrhaftmachung», говоря по-немецки) и тем самым за их пригодностью стать наследниками. О тех переменах, какие происходили в социальном строе фратрий, в частности о том, в какое отношение они становились к благородным родам (Sippen) и, что было бы еще гораздо важнее, к древней «κώμη»⁸, ничего не дает ни аттический закон, который предписал им принимать в свой состав и *благородные, и неблагородные* союзы, ни акты Демотионидов (IV в.), ни, наконец, список фратрий (IV в.), изданный Кастриотисом и истолкованный Кёрте, потому что в то время фратрии уже давно представляли собой союзы, искусственно регламентированные сверху (решающее значение имело бы установление того, в каких отношениях фратрии стояли в древнейшую эпоху к κώμη и δῆμος⁹). Фратрии были, быть может, продуктом *дифференциации*, совершившейся в эпоху крупных политических перемен, когда находившаяся в распоряжении земля нуждалась в постоянной военной охране, так что физическая и экономическая способность носить оружие приобрела единственно решающее значение. Быть может, они возникли непосредственно из практики свободных крестьян (gemeinfreier Bauern), заводивших такой порядок на *завоеванной* или находившейся *под угрозой неприятельских нападений* земле, ко времени так называемого «переселения дорийцев»¹⁰.

Всем полисам одинаково присуще деление на филы, превратившиеся впоследствии в чисто военно-административное деление государства, причем филы часто в свою очередь являются союзами фратрий. Деление на филы отно-

сится к еще более поздней ступени — к эпохе образования *полиса*, и обыкновенно сопутствует «синойкизму». Первоначально оно служит главным образом военно-административным целям: чтобы сделать возможным *расчленение на слои* и обложение *повинностями* организовавшегося теперь в «государство» сословия воинов, следовательно, имело совершенно второстепенное значение. *Формулировка* Шанто (Szanto), что три дорийские филы опирались на местную связь *земельных участков*, заставляла бы предполагать какую-то *аграрно-политическую цель* (в смысле раздела земли), которой доказать нельзя. Конечно, бывают случаи, что войско победителей, делившееся при своем выступлении в поход на филы, делит на филы и завоеванную землю и предоставляет уже им дальнейшее деление (так было на Родосе¹¹); бывает также, что, при синойкизме нескольких общин приблизительно одинакового размера в один «полис», вновь образовавшиеся филы просто соответствуют тем общинам, из соединения которых он произошел. Но здесь не могло быть ни того, ни другого. *Дорийские полисы* — это *настолько* специфически военные государства, что они везде вводили три *одинаковые филы*. В других местах господствует пестрое многообразие. Но *всегда* деление на филы в техническом смысле слова означает, что народ образовал из себя хронически находящийся на военном положении полис (см. ниже). (Название φυλή [фила], может быть, гораздо старше, но техническим термином, означающим «племена» не имеющих городского строя общин, как показывает терминология дельфийских амфиктионий¹², был ἔθνος [этнос]).

О политической и социальной жизни «свободных» общин в ранний период мы не знаем никаких подробностей. По аналогии с другими народами можно предположить, что положение «государя» (ἄναξ) переходило по наследству в одной особенно богатой стадами фамилии, которая своими успехами в бою и справедливыми решениями в спорах узаконила себя как близкую к богам. Более крупная доля в военной добыче, подарки при случае, подарки сторон за приговор на третейском суде составляют доходы князя. Так как *традиция* является единственным источником познания «права», то князю необходима помощь совета «старейшин», который, конечно, тоже вскоре оказался состоящим из состоятельных, отличившихся в бою родов. Собственный авторитет князя меняется в зависимости от потребности в нем, а эта последняя определяется прежде всего мерой внешней военной опасности.

Эти близкие к богам, а потому прежде всего необходимые для исполнения обрядов культа роды местных князей

и советников составляют и здесь ядро, из которого образовалась *знать*. В их кругах возникает здесь, как и повсюду, идея о значении уз крови, как таковых, об особых передаваемых с кровью предков качествах. Соединенный узами той крови *род* (Geschlecht) (γένος) есть расширенный род (Sippe) знатного человека, что *экономически* выражается, как уже было упомянуто, в *нераздельности имущества* в ойкосе (οἶκος) (выражение, которое часто служит синонимом γένος'а), — два института, *отделяющих* знатного человека от простого. Мнение, будто первоначально *весь* народ (alle Volksgenossen) — в качестве активных или пассивных членов — входил в состав родов (Geschlechter), большинством признается за перенесение в более раннюю эпоху позднейших порядков, созданных искусственно в целях административных. Стояли ли роды (Geschlechter) уже первоначально в каких-нибудь определенных отношениях к фратриям, а если стояли, то приобрели ли они в их среде после борьбы или без борьбы с другими, не принадлежащими к всадническому сословию членами фратрии, определенные привилегии, а если приобрели, то какие, об этом пока еще не достигнуто, а может быть, и не может быть достигнуто *общего для всех* мнения, и, во всяком случае, только специалист, имеющий археологическую подготовку, может позволить себе иметь здесь свое суждение.

Селятся первоначально *деревнями*; места поселения не укреплены; возведенные на высотах стены дают, в случае надобности, защиту людям и скоту. Понятие о владении землей как об основе и принадлежности права (Genossenrecht) того, кто является членом военной общины, проявляется в более позднее время, кроме участия фратрии в акте признания данного лица как suus heres¹³ (см. выше), еще и в форме, какую принял иск о собственности в классическом праве. В такой же малой мере, как и древнейший римский процесс о собственности, знает и классическое греческое право односторонний петиторный иск¹⁴ о земельной собственности и о наследстве. Эти вопросы, как и вопросы о публичных правах и обязанностях отдельного лица — поскольку они могли быть предметом процесса (литургии, права на имя, принадлежность к фратрии) — решались больше путем покоящегося на контравиндикации процесса¹⁵, так называемой диадикасии, досудебным порядком (präjudiziell) по принципу *относительно* лучшего права (и на совершенно одинаковом во всех случаях основании). Односторонний иск о насильственном лишении владения (Exmissions klage) (δικηῆξούλης), юридически не однородный с римским интердиктом¹⁶, но по своей функции очень родственный ему, был предоставлен только определенным, имевшим право

самоуправства лицам, право которых определено и ясно установлено приговором, государственной ассигнацией¹⁷, признанным за ними правами как *sui heredes* (см. выше) и качеством владельца заклада (ср. римский прекарий), и также представляет собой не абсолютный иск, но иск на основе лучшего права (по-моему, очень правильно Г. Лейст (*Leist*) видит причину отсутствия абсолютного иска о собственности в греческом праве в отсутствии в нем римской *usucapio*¹⁸, давности).

Первоначальный греческий *полевой строй* (*Flurverfassung*) так же, как и древний римский, не следует представлять себе похожим на германский наделный порядок (*Hufenverfassung*). Игнали ли там какую-нибудь роль при *обработке земли* общинно-полевые элементы (*flurgemeinschaftliche Elemente*), нам совершенно неизвестно. *Присвоение* земли в *собственность*, во всяком случае первоначально, не могло быть безусловно окончательным. Что политическая община гомеровских времен распоряжалась довольно автократично наделением полевыми участками земли отдельных лиц, на это указывают многие источники; достаточно вспомнить одно часто упоминаемое выделение «царской земли» (*τέμενος*)¹⁹ из общинного поля (*aus der Feldflur*) при возведении какого-нибудь знатного рода в царское достоинство. У аттических сельских общин (*δῆμοι*) были еще в IV в. до Р. Х. очень значительные, в то время сдававшиеся в аренду, пространства земли, которыми они, несомненно, владели еще с давних пор. В IV в. до Р. Х. эти земли — первоначально, несомненно, бывшие общинными пастбищами — нередко обращались в обработанные поля и огороды. Напротив, мнимые свидетельства, приводимые (Риджуэй) в пользу существования полевой общины (*Feldgemeinschaften*) с принудительным севооборотом, наподобие немецких деревень, совершенно не имеют доказательной силы. Если судить по аналогиям с Востоком, по способу вспахивания земли у южно-европейских народов вообще и принять во внимание полное, сколько известно, отсутствие сервитутов, то этот взгляд представляется решительно противоречащим вероятности. Если выражение «клерос» (*κλήρος*)²⁰ и свидетельствует, может быть, о распределении участков земли по «жребию» при *новых* поселениях, оно отнюдь не доказывает *периодических* переделов земли. У Гомера оно употребляется в двух значениях: 1) как земля, которой князь наделяет своих до-

мочадцев (Эвмей²¹), и 2) как земельный надел воина как такового.

Заповедное пастбище (ewige Weide) выступает у Гомера во всем своем значении. Так как собственное разведение льна вполне доказано только для времен Фукидида, а разведение конопли — для времен Плиния в Малой Азии, то держать овец для удовлетворения потребности в одежде было необходимо — отсюда известия о запрете забоя овец до первой стрижки и до первого помета, — и уже поэтому следует предполагать и в историческое время существование больших пространств, оставленных под пастбище, о чем свидетельствуют надписи, говорящие об общинных пастбищах очень значительного размера. Точно также и пространства, покрытые лесами, были очень значительны еще во времена Теофраста²² (конец IV в. до Р. Х.), несмотря на развитие кораблестроения и горного дела.

Первый большой толчок, вызвавший сдвиг социальных отношений в Элладе и приведший к образованию полиса, по всей вероятности, был дан проникновением с моря элементов восточной культуры и вовлечением прибрежных местностей в торговый оборот с заморскими странами. Поскольку в эллинских государствах, как и повсюду, правовое положение отдельного лица определялось его участием в войске, то среди населения должна была произойти резкая дифференциация благодаря: 1) проникновению распространившейся на всю область античного оборота, от индусов до галлов, новой военной техники — сражений *на колесницах* и в большей или меньшей мере закрывающего тело панциря, для чего является необходимым *состоятельный и атлетически подготовленный воин*, 2) монополизации обмена в руках все более и более достигавших господства царей *побережных бургов*. Бурги Микен и Тиринфа²³ и др. являются резиденцией сражающихся на колесницах «царей» с их нередко весьма многочисленными, а иногда за недостатком места насчитывающими только каких-нибудь несколько дюжин, «товарищами», которые ели за столом царя, иной раз наделялись им землей, рабами, скотом, — что мы совершенно в такой же мере находим у военной придворной знати в Ассирии и Персии, у гетеров македонских царей, у галльских *solduri*'ев и у *degen*'ов и антрустионов германских королей²⁴. Бург окружен поселениями ремесленников и мелких торговцев. Хотя гомеровский эпос

знает сельское крестьянское население только как слой $\psi\eta\tau\epsilon\varsigma$ и $\omicron\kappa\eta\tau\epsilon\varsigma$, но на основании этого отнюдь не следует предполагать существования во всей Элладе всеобщего вотчинного закрепощения (*grundherrliche Knechtung*). Скорее крестьяне, благодаря военному превосходству владельцев бургов и их дружин, лишились только своего *политического* влияния и остались в стороне от придворной культуры. «Народ» во всяком случае — как показывает «Одиссея» (феаки²⁵) — принужден терпеть «поборы» от своих властителей («Umlagen» der Herren) даже тогда, когда и он призван на войну и формально обладает правом одобрять или не одобрять их решения, подвергается издевательствам и насилию при каждом высказанном самостоятельном суждении (Терсит²⁶). В военном смысле это не более, чем обоз, и из-за своего бессилия он нередко встречает фактические, а иногда, может быть, и юридические затруднения в отстаивании своих прав и, в конце концов, бывает вынужден вступать в клиентские отношения. Обычно это положение было уделом лишь немощных и поэтому *неспособных* нести военную повинность, но и для обедневшего простого свободного (*Gemeinfrei*) оно если не было юридически необходимым, то во всяком случае было полезным. Но нередко, надо думать, гнет бывал еще значительно тяжелее. Во всяком случае, поражающее величие сооружений, которые возводились в бургах, может быть объяснено только страшно напряженной барщинной работой в военном отношении совершенно подчиненного бургам сельского населения.

Экономически это преобладание первоначально, несомненно, и здесь опиралось на участие властителей, как таковых, в заморской торговле (*Verkehr*): ведь эти живущие в бургах и облагающие сельское население барщиной власти-тели впервые появляются на морском берегу и отсюда уже распространяются внутри страны. Торговые сношения (*Verkehr*) сперва, конечно, сводились к монополизированной пассивной торговле с посещавшими берег восточными купцами, но постепенно превратились в самостоятельную торговлю и приводили, в поисках нового рынка, к военным экспедициям за море и, наконец, к устойчивым оккупациям наподобие тех, какие устраивали в более позднее время норманны, и к колониальной экспансии. Экспорт «микенских» кузнечных и гончарных изделий, например, несомненно, находился, как первоначально на Востоке, в руках

самого царя, который получал товар от изготовлявших его для него селившихся вокруг бурга барщинников — одна впоследствии часто упоминаемая киренейская ваза показывает тамошнего царя при отweighивании сиффия²⁷, исполняющим функцию не торгового *контролера*, а самостоятельного торговца. Этот торговый оборот наполняет золотом сокровищницы в гробницах немногочисленного властвующего слоя, приносит ему полотняную восточную одежду, хитон и устанавливает резкую разницу в потребностях и образе жизни между ним и не носящей оружия массой сельского населения. «Государственные» отношения (*die «staatlichen» Verhältnisse*) соответствуют этому. Встречаются — в «микенском царстве» — довольно обширные политические образования, но всегда лишь в форме соединения нескольких принадлежащих владельцам бургов феодальных владений в руках одного верховного царя: Агамемнон предлагает Ахиллу в ленное владение несколько «городов»²⁸, указывая при этом на хорошее состояние скотоводства у живущего вокруг них населения (как на важнейший источник податей). Принимаемые в клиенты неимущие и чужестранцы являются «феодальной», а закабаленные за долги простые свободные (*Gemeinfreie*) «капиталистической» составной частью *лично* зависимых от сидящей в бурге знати категорий людей, к которым прибавляются еще доставшиеся в виде военной добычи и все чаще и чаще приобретающиеся покупкой рабы. Клиенты преобладают в древнейшую эпоху и прочными узами связаны с сидящей в бургах землевладельческой знатью, попавшие же в кабалу за долги и купленные за деньги рабы — в позднейшую эпоху и в прибрежных местностях*.

Колонизация этого раннего периода носит тоже особый характер, сообщаемый ей соединением феодализма с торговлей: это «земледельческая колонизация» («*Ackerbau kolonisation*») лишь постольку, поскольку подвластное крестьянство, очевидно, необходимо как основа для вновь основываемого полиса; но «роды» («*Geschlechter*»), держащие его в руках, как и князья метрополии, желают иметь выгоды и от торговли. Напротив, маловероятно, чтобы колонизация малоазиатского берега произошла, как «вполне постепен-

* В Элладе ясного разграничения *нет* даже между *покупным* рабом и «клиентом». Эвмей куплен Одиссеем, но надеется от него получить клерос («*pragagium*») и сам имеет слугу.

ная» колонизация с помощью факторий (Faktoreikolonisation) (вроде финикийской), как думал когда-то Э. Мейер. О плате туземцам чинша за пользование землей (как в Карфагене) ничего неизвестно; наоборот, знать завоевателей господствует в некоторых местах, по-видимому, даже сидя в своих бургах, как и на родине. Скорее всего можно предполагать такой характер «факторий» у некоторых (*позднейших*) коринфских колоний, в частности у Эпидамна (основ. в 627 г. до Р. Х.), где олигархия *на общий счет* вела торговлю с материком при помощи $\kappa\omega\lambda\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ ²⁹, и едва ли этот характер был общим для всех колоний.

Во всяком случае развитие колонизации, несомненно, стоит в связи с переходом от *пассивной* торговли к *активной*, к владению собственными судами, к исканию эллинскими мореплавателями иностранных рынков и тем самым относится к великому перевороту, результатом которого явилась эллинская культура во всем ее своеобразии. Решительный поворот в эллинской социальной истории был вызван развитием военного городского *партикуляризма* и вместе с тем характерного для него типа «полиса», в противоположность ходу развития на Востоке, где царская власть на основе городского властвования (Stadtherrschaft) создала бюрократическую территориальную, а в конце концов и «мировую» монархию. Главная, решающая причина того, что ход развития на Востоке был иной (см. выше), несомненно, заключается в оросительных потребностях, в тесной зависимости всего городского существования от сооружения каналов, регулирования рек и постоянного контроля за состоянием воды, которые требовали единого бюрократического режима. Кроме того, на почве неизменности создавшихся раз навсегда условий существования и строгой прикрепленности отдельного лица к общественному хозяйственному механизму (an die Gemeinwirtschaft) создавалось господство над жизнью религиозной традиции и политическое могущество духовенства. Наконец, постоянно сменяющееся порабощение стран речной культуры то арабскими, то иранскими чужеземными властителями надолго приводило к разоружению и обезличению нации. Таким образом, здесь из сотрапезников и соратников (Waffengenossen) городского царя вышло чисто царское, бюрократически экипировавшееся и содержавшееся, а потому и бюрократически организованное войско, из охватывавшей все более и

более широкие круги царской клиентелы — царская бюрократия, а из борьбы этих бюрократических организаций — первая «мировая держава» — Ассирийское царство.

Наоборот, в Элладе дружины царей бургов утрачивают всякое значение; лишь в лице сотрапезников победоносных властителей Македонии опять оживают они в качестве политического фактора. Вместе с тем падает значение царей и начинается процесс развития, который в своем конечном результате, к началу «классического» периода, приводит к тому, что обязанность оружием защищать государство, а вместе с ней и политическая власть, оказывается в руках независимых, самоэкипирующихся *граждан — земледельцев* (Ackerbürger), и в связи с этим в то же время возникает та чисто светская культура, которая так характерна для эллинского мира и которая налагает свой особый отпечаток и на его *капиталистическое* развитие, делающий его непохожим на капитализм восточный.

Зачатки этих перемен, а также, в большинстве случаев, их дальнейший ход, скрыты во мраке, да и ход их, и результаты в высшей степени различны в отдельных государствах. Если сравнить гомеровских царей богатого конями (rossefrohen) Лакедемона с их сокровищницами, не менее соблазнительными для их вороватых гостей, чем их жены, и спартанское государство гоплитов, с полнейшим отсутствием в нем конницы, в котором обладание благородным металлом считалось чем-то особенно предосудительным, вспомнить отсутствие в нем укрепленного города-бурга, ежегодную клятву избираемых войском эфоров³⁰ не посягать на царскую власть, *если* цари в свою очередь поклянутся не посягать на исстари существующие у войска установления, тогда не останется сомнения, 1) что перед нами порядок, некогда созданный сознательно, путем компромисса царей с войском, и 2) что эта перемена стояла в связи отчасти с введением *дисциплинированного (строевого)* сражения (вместо единоборства) с *железным* оружием для рукопашного боя (вместо прежних бронзовых метательных копий и стрел), отчасти с падением политического значения царской «сокровищницы». На Востоке у всех властителей даже во времена персидского владычества забота о «сокровищнице» и ее судьбе стоит на первом месте, совершенно как у Нибелунгов. Их могущество всегда в *значительной степени* опирается на запас благородного металла, которым воз-

награждается служба дружины и на который в случае необходимости нанимаются солдаты. «Сокровищницы» эллинских царей, владельцев бургов, создавались благодаря отношениям с большими восточными государствами (Grosstaaten). Совершенно справедливо признается, что распад этих больших государств к концу II тысячелетия до Р. Х. был причиной упадка также и микенской культуры³¹, хотя, конечно, свои особые географические условия и без того, в конце концов, привели бы, быть может, к победе партикуляризма в Элладе. Во всяком случае, *окончательное падение* (das absolute Sinken) экономического могущества царской власти ясно видно уже из исчезновения восточной роскоши. Этим одним уже пресекалась возможность развития царской клиентелы в царскую «бюрократию» и уничтожались все предпосылки для образования большого государства (der Grosstaatenwicklung).

Но еще важнее было *косвенное* (relativ) влияние падения старых царских родов, так как к тому времени, несомненно, должны были образоваться такие социальные слои, которые по своему экономическому положению составляли конкуренцию царю. Наемничество (das Reisläufertum), которое давало возможность фараону вербовать солдат для войска по всему Средиземному морю вплоть до Сардинии, *быть может*, впервые создало в Элладе слой людей обеспеченных и имеющих военную тренировку, который в социальном отношении был независим от царя и мог играть немаловажную роль в походах и в захватах земель для колоний. Но и боевые товарищи царя должны были, совершенно, как и в государстве Меровингов³², тем скорее образовать из себя наделенные землей, вооружающиеся на свой счет и потому фактически эмансипировавшееся от царя военное сословие, чем больше теряла свое значение царская «сокровищница». Когда герои, окружавшие владевших бургами царей, из жажды добычи начали пользоваться *судоходством* для своих заморских набегов, они взяли верх над царем, который стал зависеть от их каприза — ведь «гнев» одного обиженного при дележе добычи героя мог посадить на мель всю экспедицию. Отправляющийся в набег царь бурга (Burgenkönig) становится лишь царем-полководцем (Herkönig), так как не он один, как это было на Востоке, держит в руках экономическую основу войска, т. е. его экипировку и содержание, а вместе с тем и командование. Но по-

стоянно меняющееся соотношение сил между царем-полководцем и его войском — колеблющееся между властью и произволом и зависимостью и компромиссом в отношении к своему войску положение Агамемнона и, первоначально, диадохов, Хлодвига³³ и первых Меровингов в этом отношении лишь разновидности одного и того же типа — складывается в эллинском мире *не* в пользу царя с тех пор, как царская «сокровищница» и царский стол утратили свое центральное экономическое значение, т. е. с тех пор, как активная торговля и военные походы за море заняли место пассивной торговли с Востоком. Личная дружина царя, которая не могла не существовать в микенском государстве, уже у Гомера — где она, по крайней мере насколько об этом можно судить, состоит сплошь из *единоплеменников* царя — отступает на задний план и мало чем отличается от «на случай набираемой дружины» (*Gelegenheitsgefolgschaft*), вроде тех, о которых упоминает Тацит³⁴, с которыми совершали свои набеги германские князья.

Рядом с царем теперь стоят, кроме его сидящих в собственных бургах вассалов, также другие знатные «роды» («Geschlechter»), имеющие, как и он, свои собственные замки и земельные владения и живущие рядом с ним в том же «городе»; они отправляются вместе с ним за свой счет в поход, поэтому и заседают с ним в совете, делят с ним добычу и являются участниками его политической власти над «народом». Значение существовавшего исстари и состоящего из знати совета *растет*, тогда как на Востоке он совершенно исчезает, и его место заступают чиновники и жрецы. Понятие «города» у Гомера изменчиво, что находится в соответствии с тем, что отдельные песни возникли в разное время, и есть нечто среднее между древним бургом и позднейшим, возникшим путем синойкизма «полисом». Чтобы «благородными» вообще являлись у него сидящие *на земле* и *противопологались* в этом смысле городским жителям, этого из мест, приводимых в подтверждение такого понимания Э. Мейером (говорящих на самом деле о «земле» в смысле «родины», а не «деревни»), по моему мнению, не следует. Положение было скорее такое: многие из местных вождей (Gauhauptlinge) крестьянского периода и другие разбогатевшие фамилии превратились во владеющую землей и клиентами знать. Признавая над собой власть как первого среди равных (primus inter pares) «царя» (до этого по-

ложения спустился прежний микенский властитель, облагавший барщинными повинностями всех своих подданных) (Fronherrscher), но во всем остальном координируя свои действия на основах равенства, они живут в «городе», который является исключительным средоточием «политики». Они имеют обыкновение только с хозяйственными целями посещать деревню, своих пастухов, наделенных землей на правах ленного владения рабов и клиентов. Тот, кто, как царь Лаэрт, удаляется *навсегда* в деревню³⁵ (на свой стариковский надел), тем самым отказывается от всяких притязаний на царское достоинство. Все эти знатные «роды» (Geschlechter) накопили сокровища из своей доли военной добычи и (несомненно) участия в прибылях от торговли, *с их помощью* собрали в своих руках большое количество земли (об этом после) и могут набирать на войну собственных клиентов в качестве обоза или пехоты. Царь теперь не выше их. Если уж царская власть клонилась к упадку в прибрежных местах, преимущественно принимавших участие в морской торговле, то тем более это происходило в тех, которые больше сохранили характер континентальных местностей (Binnenorten), и где значение царской «сокровищницы», и сообразно с этим и царской дружины, было, конечно, с самого начала меньше. Так называемое «дорийское переселение», т. е. нашествие племен *изнутри* страны, способствовало, конечно, ускорению этого процесса. Ибо чем бы оно ни было в действительности в других отношениях, во всяком случае, оно создало такие политические общины — в частности Спарту, — в которых сословие воинов оставило за царскими родами, призывавшимися предводительствовать на войне, *вне «службы»* еще только одни почетные преимущества, и это не только в своем полисе, но по мере сил и у соседей, где оно в интересах обеспечения своего собственного государственного устройства везде выступало в пользу господствующего военного сословия против всяких попыток установить «монархию» восточного типа.

Возникающее таким путем «государство греческого средневековья», как называет его Э. Мейер, представляет величайшее разнообразие в смысле социальных отношений, если даже оставить Спарту в стороне, как нечто *sui generis*. По всей Элладе появляется то «рыцарское» общество, которое организует военный спорт и национальные турниры, подготавливает почву для героической, а позже для любовной пес-

ни (*Minnesang*), которое на средневековый лад берется регулировать «*Comment*»³⁶ рыцарских раздоров (тщетные попытки путем взаимного соглашения воспретить употребление метательного оружия: довольно характерно для лежащего в основе всего этого развития военной техники!) и прибегает в сражениях к формам куртуазии вроде средневекового: «*Messieurs les Anglais, tirez les premiers*»³⁷. Наподобие «гвельфов» и «гибеллинов»³⁸ оно разделяется на два лагеря, независимо от национальности (как в Лелантской войне³⁹), но и *внутри* каждой общины оно делится на постоянно враждующие между собой роды, пока, наконец, и здесь, как и в средние века, отдельные роды не приходят к мысли — в качестве «эйсимнетов» или «тиранов» (трудно провести между теми и другими резкую грань) — путем союза с «народом» возвыситься до синьории⁴⁰ (*signoria*). Возможность такого союза с «народом» предполагает, конечно, как и в Италии, существование *способного к союзу* «народа». В Элладе это стало возможным в результате исторического развития, которое можно приурочить к следующим основным моментам: 1) к введению оружия для рукопашного боя вместо бронзовых копий и стрел, как это было в микенский период; в связи с этим 2) к возрастающему значению *военной дисциплины* (известной уже Гомеру) и строевого боя, в особенности пешего боя сомкнутой фалангой гоплитов (Брасид⁴¹ в своем известном изречении говорит о военной дисциплине эллинов в *противоположность* принятому у варваров способу сражаться); и вследствие этого 3) в тех государствах, которые или уже распространили свое политическое господство за пределы своей территории, или еще только распространяют (Спарта: завоевание Мессении, Афины: завоевание Саламина⁴²), к перенесению военно-политической власти на тех, кто входит в состав этого войска гоплитов; 4) наконец, к идущему параллельно с этим развитию чисто «бюргерских источников дохода», (*des «bürgerlichen Erwerb-bes»*), которые расширяли слой людей, имевших *экономическую* возможность приобрести себе полное вооружение, паноплию.

«Бург» ранней поры окружен поселениями торговцев и ремесленников. Гомеровская эпоха знает уже каменщиков, плотников, столяров, тележников, золотых дел мастеров, медников, мастеров изделий из рога и мастеров кожаных изделий, гончаров. Конечно, они все появляются лишь в

позднейших частях поэм. Но чтобы когда-либо *все* ремесленники в Элладе были несвободными работниками жившей в бургах знати — это столь же маловероятно для Греции, как и подобный же взгляд для раннего Средневековья, которого прежде держались, а теперь оставили. Невероятно также, чтобы они — наподобие восточно-азиатских сельских ремесленников — в еще более раннюю эпоху были на службе у деревни, а после того, как развился полис, были рабами полиса. В Эпидамне⁴³, где торговля была организована олигархией на основах общественного хозяйства (*gemeinschaftlich organisiert*), при случае и переработка сырья могла производиться подобным же образом, и это могло встречаться довольно часто. Но чтобы это было правилом — этого доказать нельзя. И барщина ремесленников была, несомненно, знакома микенскому государству так же, как и его восточным образцам: как фараон и городской царь Месопотамии, так и (в достаточной мере состоятельный) древнеэллинский городской князь поселял вокруг бурга ремесленников, заставляя их за то исполнять барщину. Но эти (предполагаемые) ремесленники царского ойкоса микенской эпохи, — поскольку они существовали — во всяком случае сошли со сцены вместе с падением основ микенской культуры (как показывает уже изменение техники). Не имевшие даже позднее собственной промышленности города могли следовать своего рода «меркантильной системе», ввозя обученных рабов в качестве государственных рабов. Но всего вернее, что те явления, которые объясняют иногда первоначальный *государственной* службой (*Staatsanstellung*) или государственным рабством всех «демиургов» (*δημιουργοί*)⁴⁴, стоят в связи с *военной* организацией полиса. Что ремесленники, как «fabri» в Риме, были организованы для изготовления предметов, удовлетворявших потребности государства, и были обложены литургиями — это следует признать явлением, часто встречающимся в более древний период эллинской истории. (Выражение «демиург» искони шире нашего понятия «ремесленник» и обнимает всех, получающих средства к жизни за услуги, оказываемые неопределенному множеству людей, в том числе и врачей, певцов, предсказателей и т. д.)

Эти поселения плебеев вокруг бурга не укреплены: так было в Экбатане⁴⁵, так было и в Афинах еще в исторические времена. В Спарте царский бург совсем «сломлен», полис

превратился в открытый военный лагерь. Но, как общее правило, полис сохраняет укрепления или делается крепостью, как восточные города, но крепостью, которой расporяжаются связанные тесным союзом военные товарищи, а не царь. Этот акт «синойкизма» означает также конститирование класса воинов как господствующего в городе-государстве класса. Что в большинстве случаев это было настоящее *совместное* поселение (Zusammensiedelung) — в этом не может быть сомнения, если даже оставить в стороне доподлинно известные примеры из позднейшей эпохи. Отдельные бурги были уничтожены или, во всяком случае, утратили свое политическое значение резиденций властителей, знатные роды (Geschlechter) были «включены в состав общины» («eingemeindet»), вроде того, как это произошло с сельской знатью во многих итальянских городах Средневековья. Но в античную эпоху синойкизм означает прежде всего образование разделенного на филы и на их более мелкие подразделения (см. выше) *вóйска*, чтобы быть на высоте того *хронического военного положения*, которое с этого времени делается нормальным положением согласно эллинскому международному праву (которое не знает «вечного» мира между несоединенными союзом городами и не желает его знать, ссылаясь на религиозную опасность клясть на вечные времена).

Синойкизм не означает непременно совершенного прекращения всякой деревенской оседлости, но означает оседлость *также* и прежде всего в городе, как в политическом центре. Несомненно, уже очень рано с ним соединяется впоследствии рационально действовавшее штапельное (складочное) право и другие регулирующие торговлю меры. Ибо город делается не только политическим, но и экономическим центром: *рынком*. Со времен фараонов и до римской императорской эпохи право устраивать «рынок» есть право, принадлежащее верховной власти. И как в средние века, так и в древности, не *только* город, но *каждый* город есть рынок. Мы видели на Востоке развитую технику обмена при отсутствии чеканки монеты. Эллыны, как это доказано, за много веков до того, как государство впервые начало у них чеканить монету, стали таким же ведущим активную торговлю народом, как и финикияне. Однако едва ли лишено значения, что они первые в полной мере воспользовались этим изобретением. Ибо, во всяком случае, их прево-

сходство над финикийцами в торговле, несомненно, сильно возросло благодаря тому, что они на много столетий раньше стали употреблять монету (Карфаген впервые стал чеканить монету в интересах своей новой военной организации — наемного войска, которая открывает собой эру его великих завоеваний; не знавшей монеты древней технике обмена в Передней Азии соответствовала финикийская система колонизации, в форме основания факторий).

Но *денежно-хозяйственное* развитие во *внутреннем* обороте со всеми его последствиями и в Элладе старше изобретения монеты (VII в. до Р. X.); оно лишь усилилось благодаря ему. С давних пор, наряду с экстенсивным международным оборотом, существовал интенсивный *местный* рынок. «Демиург», т. е. профессиональный ремесленник, в области *промышленности* работающий (см. выше) «на народ», т. е. на всякого, кто пожелает сделаться его заказчиком, а не только (как «ἀνορθός»⁴⁶) работающий у себя дома (im Hausfleiss) для собственного потребления или на барщине для своего господина (Fronherr), «Lohnwerker» (ремесленник, работающий на заказ), по бюхеровской терминологии, размножается и специализируется. Растущий слой людей, принимающих участие в заморском обмене (Verkehr) в качестве активных торговцев, распространяет уже давно практиковавшиеся на Востоке и оттуда перенятые капиталистические формы обмена; во внутреннем обороте с появлением монеты выдвигается все более и более вперед денежно-хозяйственное покрытие потребностей.

Все этим создавались условия для развития *местного* сельскохозяйственного, крестьянского производства *на сбыт*, и отдельные составные части «городского хозяйства» («Stadtwirtschaft»), таким образом, налицо. Пока еще, впрочем, в зачатках и с примесью феодальных черт. В качестве военной общины полис, т. е. «вместе поселившаяся» в нем военная знать, господствует над окружающим сельским округом (Land) на первых порах совершенно так же, как прежде господствовали владевшие бургами цари. Но развитие шансов сбыта продуктов сельского хозяйства, с одной стороны, изменение военной техники, с другой, *расширяло* круг тех землевладельцев, которые по своему экономическому положению были способны нести военную службу в панцире; а вечная угроза опасности извне *заставляла* также привлекать силы всех слоев общества, способных по

своему экономическому положению вооружиться за свой счет и отдавать время на военные упражнения. Характер города при этом продолжает быть очень различным в зависимости от *степени демократизации* милитаризма. Где военная служба остается преимущественно *службой в коннице*, там, естественно, сравнительно тонкий слой крупных землевладельцев (Grundherren) держит в строгой крепостной зависимости (Hörigkeit) население лежащей вдали от моря страны (im Binnenland), например, в Фессалии; и в Аттике они господствовали над городом, пока конница имела определенное значение на войне. Но и там, где благодаря развитию военной техники, как то было повсеместно в исторической Элладе, центр тяжести составляли дисциплинированные, тяжело вооруженные с головы до ног, сражавшиеся в строю, обученные военному делу гоплиты — во времена персидских войн конница исчезла совершенно — и там число родов, имеющих полноправное гражданство, было очень нередко невелико, каких-нибудь несколько сотен или «тысяча» — т. е. тысяча самых богатых. Число мест в совете граждан неодинаково и иной раз пополняется путем кооптации, в этом случае вступают сыновья — как сыновья мастеров в каком-нибудь цехе — старшие прежде младших. И так как военная служба, как в цехах, лежит на оседлых гражданах, способных по своему экономическому положению самоэкипироваться, то, естественно, с *расширением* военной общины основой этой экономической квалификации становится земельное владение членов цеха. Отец Гесиода⁴⁷ прибыл из Кимы в Беотию, приобрел на берегу моря маленькое состояние и *потом* поселился вблизи Геликона⁴⁸ как крестьянин с *земельным владением*; надо сравнить эту *свободу передвижения*, предоставленную каждому частным правом, в частности *земельным* правом, с позднейшей цеховой политикой демократии в отношении к праву гражданства и к земельному праву, чтобы увидеть, насколько *увеличилась связанность* владения и лица. И точно также исчезает древний странствующий рыцарь-министериял, все более и более уступая место замкнутой местной знати *полиса*.

Мы встречаем уже в историческую эпоху самые разнообразные следы возникшей в ту эпоху *связанности* земли, составлявшей владение захватившего политическую власть военного цеха — $\lambda\rho\acute{o}\tau\omicron\iota$ ⁴⁹ или $\mu\alpha\lambda\alpha\iota\acute{o}\iota$ κλῆροι, ἀρχαία μοῖρα Ари-

стотеля. Прежде всего существует преимущественное право сыновей, в обход дочерей, на владение землей, а иногда и стадами, обремененное лишь обязанностью дать сестрам приданое. По праву Гортины сыновья заранее получают городские земельные участки, как носители политических прав. При отсутствии сыновей повсюду существовало право на руку дочери-наследницы (*ἐπίκληρος*)⁵⁰, переходившее в строго определенном порядке, наподобие права на наследство, от одного агнатического родственника к другому, в силу которого иногда даже разрывался уже заключенный ранее брак и которое первоначально (как в иудейском левирате), несомненно, было связано с соответствующей обязанностью, позднее иногда (например, в Афинах) заменяемой обязательством дать приданое. Выдать замуж дочь-наследницу и вместе с ней отдать клерос ее мужу было важным с военной точки зрения, следовательно, общественным делом, которое в случае отсутствия правомочных родственников брал на себя магистрат (в Спарте — царь). В интересах сохранения воинских наделов соответствующего сословному цензу размера клерос, во всяком случае в дорийских, специфически военных государствах, но и вне их, очень часто был неделим и неотчуждаем — как, например, в основанной в VII в. до Р. Х. колонии Левкаде еще до позднего времени — или во всяком случае и деление, и отчуждение его было ограничено. Это милитаристическое право владения землей составляет полную *противоположность* общеэллинскому земельному праву. Ибо в эпоху Гомера и Гесиода разделение земли на равные части *in natura* является общим правилом. Преимущественное право старшего было неизвестно. (Смутные воспоминания о порядке древнейшей поры — старейший в роде занимал положение патриарха в качестве домашнего жреца — можно, пожалуй, видеть в том, что Посейдону, который, выступая против Зевса, ссылается как раз на этот общеэллинский принцип, Ирис указывает на то, что эринии стоят на стороне старшего брата⁵¹.) Во всяком случае, связанность клероса на практике должна была действовать как установленный законом порядок наследования и препятствовать распадению больших семейных общин; с другой стороны, она должна была иметь последствием, по крайней мере в Спарте, ограничение деторождения и даже многомужество (т. е. совместное обладание одной женщиной, что едва ли было

«остатком древнейших времен», как думает Э. Мейер). *Завещание* существует в Афинах лишь со времен Солона, в Спарте — с Пелопонесской войны и первоначально служит, главным образом, цели усыновления ради способного носить оружие рода и ради культа умерших.

Имела ли когда-либо эта связанность военных участков *повсеместно юридический* характер — вопрос этот должен остаться без ответа; быть может, достаточно было сословной традиции, которая дает себя знать и в позднейшую пору в моральном осуждении, какому подвергалась продажа наследственных владений. Во всяком случае, в источниках упоминается об ограничении отчуждаемости клероса, например, в Элиде и в Фивах (Филолай)⁵², о равенстве наделов в Аргосе (Федон⁵³).

* * *

Экономическая основа военного цеха могла быть в отдельных случаях очень различна. Наиболее приспособлена она к чисто военным интересам там, где она носит *натурально-хозяйственный* характер, как во многих дорийских военных государствах, в особенности на Липарских островах⁵⁴, на Крите и прежде всего в *Спарте*. Подвластное население трактуется здесь как находящееся в рабстве или в лично зависимом состоянии у государства (in Staat — sklavegeibezw. — Hörigkeit). Их взносы натурой идут на содержание воинов, отчасти на началах общественного хозяйства (gemeinwirtschaftlich), о чем ниже будет речь, отчасти так, что отдельное лицо получало доход с определенных отведенных ему и обрабатываемых при помощи рабов площадей земли, которые в различной мере становятся его собственностью, впоследствии все более и более делающейся наследственной. Новое распределение участков и дальнейший их раздел считались допустимыми и в историческое время, по-видимому, практиковались. Это, конечно, не были переделы *пахотной земли*, а переделы в известном смысле источника *рент* (Rentenfondsunteilungen).

Военные соображения, в особенности милитаристская политика народонаселения (Bevölkerungspolitik), определяют все детали: при отсутствии наследников прибегают частью к обязательному в этом случае усыновлению или вступлению в брак с дочерью умершего, или же к праву и обязанности

«разбудить потомство» с помощью третьего лица, как это было в Израиле. Вполне законченная организация гражданского войска завершается устройством совместных обедов воинов наподобие наших казино, так называемых «сисситий» или «гетерий»⁵⁵, и совместным военным воспитанием детей, как в наших кадетских корпусах, за счет государства. Тут уже военные союзы (фратрии), благодаря развитию милитаризма *вырастают* в настоящие коммунистические общины (zu vollen Lebensgemeinschaften) в ущерб общине семейной (Familiengemeinschaft). Этому соответствует и право военных частей участвовать в решении судьбы новорожденных или входящих в военный возраст детей, которое не имеет в себе решительно ничего «первобытного» («первобытное» *отцовское* право над жизнью и смертью детей).

Спарта боролась сознательно за сохранение этой *натурально-хозяйственной* основы городского милитаризма и за свой цех воинов с его товарищеским равенством привилегированных членов, которые с юности должны были посвящать себя исключительно упражнениям, подготовляющим к битве в качестве гоплитов. Но этот цеховой дух ставил государству известные границы. В виде противовеса постоянно, до самого позднего времени возобновлявшимся усилиям царской власти увеличить политическую наступательную силу государства путем демократизации права носить оружие (Wehrrecht) учреждается эфорат. С разлагающим влиянием денежного хозяйства боролись путем искусственного сохранения натурального хозяйства и прежнего уровня потребностей военного положения: отсюда воспрещение денежного обмена, введение неотчуждаемости земельных участков спартиатов и сохранение общественных обедов (Kasinogemeinschaft). Это препятствовало увеличению числа воинских земельных участков, но не препятствовало уменьшению его путем соединения нескольких участков в одних руках (в руках женщин) и обеднению владельцев, а также тайному участию в добывании денег за пределами страны, в то же время затрудняло всякий крупный политический акт со стороны государства и приводило к известному боязливому бережению налично.о состава спартиатов. В конце концов, это перестало быть возможным, когда первенствующее положение, занятое Спартой после Пелопонесской войны, и вызванная им необходимость перейти к денежно-хозяйственному покрытию государственных по-

требностей внесли денежное хозяйство в самые недра замкнутого государства воинов, создали денежное богатство, радикально изменили уровень потребностей господствующей касты и тем самым в самое короткое время уничтожили экономические основы всей системы. Демократическая реставрация Клеомена с ее новым переделом земли потерпела фиаско при Селласии⁵⁶ (222 г. до Р. Х.)

По эллинской традиции, опирающийся на натуральное хозяйство милитаризм Спарты той формы, в какой он был известен современникам, являлся продуктом совершенно единственного в своем роде законодательства. Это заблуждение так естественно. Спарта представляет собой лишь доведенное до своих крайних последствий дальнейшее, самое крайнее развитие древнего города-государства (Stadtherrschaft). Действительно, «единственное» заключается здесь лишь в том, что на феодальную основу опирается здесь класс, вступление в который определялось не *происхождением*, а *одним лишь воспитанием*, и что выработанная таким путем виртуозность боя гоплитов, в силу его особенностей требовавшая и особого образа жизни (Lebenszuschnitt), составляла противоположность всякой «аристократии».

Принадлежность к касте полноправных граждан требовала, как и принадлежность к рыцарскому [всадническому] сословию в средние века, *повсюду* непрерывных профессиональных упражнений в военном деле (что поэтому и составляло *повсюду* заботу государства), а эти упражнения делали необходимым, по крайней мере для самого ядра войска — состояло ли оно из всадников или из гоплитов — жить совместно в городе: «непобедимость» спартиатов, как и «священного отряда» в Фивах более позднего времени, была результатом их непрерывной «тренировки» («training»). Кто, следовательно, в строго милитаристских общинах покидает город и вместе с тем и военные упражнения, тот становится «περίοκος», «ἄγροκος»⁵⁷, тот политически *деклассируется*, *теряет свои политические права*; участие в гимнасиях и политическое полноправие неотделимы друг от друга.

Но чтобы система *натурально-хозяйственного милитаризма*, которую мы находим в исторические времена в Спарте и на Крите, являлась, хотя бы в основных своих чертах, в качестве *всеобщей* переходной стадии, представляется, с другой стороны, совершенно невероятным, потому что нигде в другом месте нельзя встретить такой полной демокра-

тизации греческого городского феодализма, чтобы члены правящего военного класса могли существовать *только* на доходы с земельного владения в 8—12 гектаров, обрабатываемого для них илотами, и потому что, далее, *строгость* проведения в жизнь характерных военных учреждений даже в историческое время отнюдь не ослабевает в Спарте, но, по-видимому, *усиливается*, так как, с увеличением территории и относительным уменьшением числа граждан, военное могущество государства становилось все более и более шатким. Такие учреждения, как афинские обеды за счет государства в пританее⁵⁸ — замена прежних обедов за царским столом — конечно, не доказывают, чтобы когда-нибудь там существовали спартанские сисситии с их специфически военным значением (или хотя бы что-нибудь подобное). Мы не находим у Гесиода никаких следов феодального прикрепления свободного крестьянина, который работает самолично с небольшим числом постоянных работников и поденщиков, взятых на время жатвы. Только судебные злоупотребления, неизбежность отдачи себя на время или навсегда в *клиенты* к богатым для того, чтобы иметь возможность обратиться к суду, и *долговое* право составляют повсеместно предмет жалоб.

Этот последний пункт является решающим. В противоположность спартанскому, критскому и другим созданным путем завоевания феодальным государствам, порабощение сельского населения, где оно ни происходит, является, как общее правило, закабалением за *долги*, перед которым все более и более отступает назад в раннюю эпоху везде сама собой разумеющаяся клиентела неимущих (как, например, *πελάται*⁵⁹ в Афинах).

Нахождение политической власти в руках живущего в городе военного сословия само по себе так же мало должно было приводить к возникновению многочисленного сельского класса илотов, как и господство военных монархов Востока должно было везде иметь своим последствием принудительную организацию работ, какая существовала в Египте. В историческое время «крепостная зависимость» («Hörigkeit») всего сельского населения, кроме дорийских государств, в Пелопоннесе — Спарты, Аргоса, Сикиона, — а также Крита, встречается *навверное* только в Фессалии, Локриде, Византии и в обеих Гераклеях⁶⁰. Она, по-видимому, встречалась и во многих других местах, но невозможно

установить ничего достоверного о ее юридическом характере. В Сикионе и Аргосе источником ее было, очевидно, как и в Спарте, завоевание или превращение *клиентов* в зависимых людей, вследствие монополизирования военного дела гражданами города (зависимые следуют за ними в качестве легковооруженных); здесь и в основанных путем *завоевания* колониальных государствах, как Крит, Византий и обе Гераклеи, зависимые (там, где они не несут воинской повинности) являются, очевидно, платящими оброк *государственными* зависимыми людьми, положение которых государство (как в Гераклее на Понте) отчасти гарантирует при завоевании путем договора (они представляют собой нечто среднее между спартанскими илотами и периэками⁶¹, которые, как и они, несли воинскую повинность и платили подати, но лично были свободны). В Фессалии, по-видимому, скорее существовало в смягченной форме настоящее личное прикрепление крестьян к земле (*Grundhörigkeit*). Фессалийские и критские зависимые люди (*Herigen*), очевидно, имели определенно гарантированное им право на семью и собственность.

Что эта государственная зависимость (*Staatshörigkeit*) всего сельского населения, являющаяся результатом эксплуатации *политического* его подчинения, *не была* общей переходной стадией эллинского развития — это представляется в высшей степени вероятным. Городской феодализм приводил к такого рода последствиям только в отдельных местах и, по крайней мере, преимущественно только в покоренных областях. Что, с другой стороны, зависимость отдельных *частей* населения была явлением более общераспространенным, чем позволяют об этом судить скудные источники, представляется вполне вероятным. Ведь повсюду существовала *клиентела*, как источник дохода (*Tributquelle*) для знати. Напротив, в «средневековой» Элладе городская знать доставала человеческий материал для своего *хозяйства*, наверное, тем же путем, как это делалось на Востоке, в более древнюю эпоху в Риме, вообще в древних городах-государствах в более ранний период их истории *до* появления в них масс покупных рабов. Наряду с нанимавшимися на время жатвы жнецами, которых мы встречаем как в более раннюю, так и в позднейшую эпоху, главный контингент постоянных рабочих там, где хозяйство велось самими землевладельцами, составляли отчасти рабочие, нанятые за

годовую плату, отчасти — главным образом, у знати, и чем дальше, тем все больше и больше — *попавшие в кабалу должники* (Schuldknechte). *Попавших в кабалу должников*, как деклассированных свободных, следует отличать, как это показывает критское право, от личных клиентов политически подвластных «зависимых» (Höfige) (об историко-юридических контраверзах в связи с ними см. ниже в главе об Афинах). Они появляются здесь, как и повсюду, обычным типическим для них способом, лишь только устанавливается правление живущих в городе «родов» (Geschlechter) и пока покупные рабы еще не приобретают массового распространения.

О применении *покупных рабов* специально в полевых работах в эллинской древности источники сообщают сравнительно немного. Их применение в более *крупном* производстве в то время, очевидно, не было типическим явлением. Да и вообще кажется невероятным, чтобы настоящее «крупное производство» (Grossbetriebe), особенно в это время, представляло собой сколько-нибудь распространенное типическое явление. Изображение сцены жатвы и стоящего возле хозяина с жезлом в руке указывает только на то, что и в Греции существовало среднее помещичье хозяйство («Squire» — Betrieb), в котором хозяин сам не принимает участия в работе. Когда однажды пифия назвала коринфян Χοινοκομετροί [отмериватели хлебных пайков] за то, что у них было большое количество рабов, то еще вопрос, имелось ли при этом в виду крупное производство (см. ниже в главе об Афинах). Во всяком случае, как раз в эпоху эллинского средневековья на первом плане стоит несвободная или полусвободная аренда, находившаяся в руках или прямо попавших в рабство несостоятельных должников, или же должников, отработывавших *свой* обеспеченный *закладом долг* (Einlösungspfandschuldner). Задолженность, при которой обе стороны принадлежат к слоям *землевладельцев*, задолженность крестьянства у крупных владельцев земли, скота и денег, является типичной для всего раннего периода древней истории и так резко отличает тогдашние «социальные» конфликты от наших: надо представить себе наших юнкеров *кредиторами*, а крестьян — их должниками, и юнкеров притом живущими в *городах*, чтобы совсем перенестись в эти отношения. Залоговые камни на землях крестьян и обращенные в рабство несостоятельные должники на зем-

лях магнатов — два явления параллельные. Точно так же еще и в более позднее время бывало в Вавилоне, что отдельные капиталисты имели в своем распоряжении поражающее количество земельных участков в городе, причем представляется вероятным, что они владели ими не как собственностью, а в качестве залога в обеспечение денежного займа (in antichretischem Pfand) и сдавали их в аренду своим должникам. Земледельцы древней Аттики, платившие оброк в виде шестой части урожая (ἐκτμῆριον), находились на подобном же положении. Их оброк, равнявшийся шестой доле урожая, по существу не был ниже третьей доли, взывавшейся с египетских колонов, так как почва была там несравнимо плодороднее (об этом вопросе см. ниже в главе об Афинах). Знатные роды (die Geschlechter) эллинских городов, в особенности приморских городов, всегда владеют кораблями и нередко — как Солон — принимают непосредственное участие в торговле. Как главные владельцы хлеба, они сужали им крестьян во все неурожайные года. Затем, к этому присоединилась и *денежная* сила.

Малое, если брать его абсолютно, значение торговли раннего периода не должно приводить к уменьшению *относительного* значения торговых *барышей* для *среды*, еще всецело пребывающей в стадии натурального хозяйства. *Городская оседлость* (аттические эвпатриды⁶² носят название «ἄστοι») составляет также в экономическом смысле силу знати.

Рост денежного и земельного богатства, с одной стороны, задолженности крестьян — с другой, в городах, принимающих участие в морской торговле, приводят к кризису «родового государства» («Geschlechterstaat»). «Народ» гомеровской эпохи, поскольку он призывался во время войны в качестве пехоты, находится под властью и в подчинении у сражающихся на колесницах знатных родов (Geschlechter) точно так же, как херуски, по утверждению Сегеста, у своих «principes»⁶³. Но по мере увеличения значения войска гоплитов это уже не везде было возможно. Прежде всего закабаление за долги крестьян грозило уменьшить военную силу государства и его могущество. А развивавшееся с денежным хозяйством имущественное неравенство создавало рагвен⁶⁴, неимущих свободных, разорившиеся знатные роды и вызывало таким образом в жизни полиса чрезвычайно страстную борьбу противоположных друг другу интересов.

Повсюду — в соответствии с правилами образования земельной ренты — самая богатая почва, прежде всего земля в равнинах, в противоположность горным скатам, в результате задолженности и путем покупки попадает в руки знати. Только она могла кормить, кроме земледельца, еще владельца ренты. Поэтому *такую* землю приобретает знать на сбережения, оставшиеся от собственного хозяйства, точно так же, как у нас фидеикомиссы предпочитают хорошую землю. Поэтому аристократический полис (Adelpolis) не только с гораздо большим трудом проникал в горные области, но и в других местах равнины («плоский Лакедемон», мессинская, эллидская, фессалийская, беотийская, аттическая равнина) являются местопребыванием знати, а *ἄγροικοι* селятся по скатам гор. Таким образом, крестьянская демократия и господство родовой знати (обычно это ясно в Афинах) разграничивались и территориально.

С другой стороны, в приморских портах вместе с развитием работающей для вывоза промышленности — например, гончарного промысла в Афинах — и мореплавания появляется все возрастающее в числе сословие людей, которые, находясь вне круга людей, сидящих на собственной земле и имеющих сельскохозяйственные интересы, готовы были служить политическим целям каждого, кто будет поддерживать их экономические интересы. Эти группы и деклассированные, попавшие в кабалу в качестве несостоятельных должников свободные составляют те элементы, на которые, на все вместе, если они находились в союзе друг с другом, или на один из них мог опереться государственный переворот, направленный против правления знати. С другой стороны, наряду со старинными землевладельческими родами возникает слой богатых людей, не принадлежащих знати, а вышедших из родов мелкой буржуазии. Что в древние времена до капиталистического развития было возможно приобрести богатство в качестве *δημιουργός* (демиурга), *быть может*, возможно заключить и из того известного компромисса партий, устроенного в Афинах в 581 г. до Р. Х., в силу которого в число архонтов⁶⁵ было допущено также двое «демиургов», которые, следовательно, должны были быть пентакосиомедимнами⁶⁶, следовательно, должны были иметь постоянный доход, по меньшей мере, 500 драхм (по тому времени высокий доход, а во времена Демосфена — нищенский). Не надо забывать, что к числу более древних

демиургов принадлежали те семьи ремесленников-художников, которые наследственно владели секретом своего ремесла и первоначально (если судить по мифам) получали высокую плату за свои ценившиеся как редкость изделия и, несомненно, жили наподобие знати, большими *семейными общинами* (Familienkommunionen) и накапливали богатства. Лишь капитализм и рабский труд в связи с распадом древней большой семейной общины разрушили эту основу (см. ниже). Впрочем, надо принять в расчет еще и то, что к 581 г. до Р. Х. к *политической* партии «демиургов» причислялись, наверное, также и не принадлежащие ни к знати, ни к земледельческому классу *купцы**.

Господство города над страной (das Land) не могло больше держаться там, где внутри самого имущего класса создались резкие противоположности. Конечно, переворот произошел в разных местах очень различным образом и в очень различной мере. В первых крупных реформах в древней Элладе, однако, самым решительным образом преобладает стремление, прежде всего имея в виду чисто *политические* интересы — *боевую* готовность государства — прийти к какому-нибудь компромиссу с впадшими в задолженность крестьянами, как это было и в восточных «законодательствах». Радикализм крестьянства, явившийся последствием лишения политических прав, социального деклассирования и экономического угнетения способных нести службу гоплитов-землевладельцев, был для знати самой тяжелой политической опасностью. Законы Дракона и другие родственные им своды законов, так же, как и тирания, являются логическим выводом из этого, лишая полис его характера полуфеодального принудительно господствующего над страной бурга (als halbfeodaler Zwangburg des Landes), а зная — ее политических преимуществ: землевладельцы, поскольку они по своему экономическому положению способны носить оружие (βπλα παρεκόμενοι у Дракона), делаются гражданами, государственные повинности граждан распределяются сообразно с доходами с земельного владения (так было в Афинах). Город-государство в том смысле, в ка-

* Демосфен-старший всю жизнь назывался «ножовщиком», хотя он на самом деле в изготовлении ножей понимал, вероятно, не более, чем владелец Бохуских акций в технике плавильного дела, и род его был уже в течение многих поколений состоятельным *купеческим* родом. Он был одним из *владельцев* эргастерия ножовщиков (рабов). См. ниже.

ком он существовал до тех пор, исчезает, *земельное владение*, как таковое, определяет политические права каждого: таким образом, город официально был *подчинен* стране. Как впоследствии Двенадцать таблиц в Риме, так и «своды законов» в Элладе носят аграрный отпечаток в смысле эмансипации не принадлежащего к знати землевладельца (nicht adeligen Grundbesitzes).

Мотивы и, большей частью, средства были аналогичны с теми, какие выступают уже в надписях шумерских царей и в древнейшем израильском законе. По своему экономическому положению способное носить оружие крестьянство и мелкая буржуазия (Kleinbürgerschaft), без которых теперь уже невозможно было обойтись на войне, потребовали (как мелкая буржуазия и крестьяне на Востоке) уничтожения остатков частного самоуправления («права фиды»⁶⁷, можно сказать), суда (Rechtsprechung), опирающегося всецело на традиции и предрассудки, и судебной клиентелы и замены их писаными законами и гражданским судом (bürgerliche Rechtspflege). Они потребовали уничтожения личного закабаления за долги, в особенности же тяжести *денежных* долгов с их последствием — лишением мелких землевладельцев их владения и выходом их из их класса — посредством уничтожения рабства за долги, ограничения размера процентов и ограничения скопления земли в одних руках.

Радикальные представители деклассированных требовали нового передела земли и прощения долгов; так как громадная часть земли в качестве *залога* попала в руки знати, то первое требование в сущности было только более резкой формой второго*. Эйсимнеты старались найти компромисс. Рядом с фиксированием ставок штрафов, с устранением или смягчением задолженности идет стремление парализовать всякие попытки, направленные против существующего владения, и ослабить источники имущественного неравенства. Всего дальше навстречу нуждам крестьян пошла революционная мера Солона, сейсахтейя — прощение всех долгов (Pfandschulden), лежащих на земле и на личности должников. В связи с выкупом попавших за долги в рабство и проданных за пределы государства аттических граждан она находится в соответствии с политическим смыслом всей ре-

* В Афинах только не обремененное долгами владение, «οὐσία, ἐλευθερία»⁶⁸, имело значение ценза для вступления в соответствующий имущественный класс граждан.

формы: сохранением войска гоплитов, на которое отныне всецело опирается военное могущество государства.

Конечно, эта тенденция заметна не везде и не везде в одинаковой мере присутствует. Прежде всего тирания, хотя она и опирается прежде всего на лишенные прав (*entrechtete*) классы, тем не менее, представляет собой политическую узурпацию и действует как таковая с помощью самых разнообразных средств. Несомненно, в древней Элладе есть теократический оттенок: как впоследствии оракулы стоят на стороне персов, так и здесь — совершенно, как на Востоке — на стороне «тиранов» оказываются, если не древние аристократические жреческие роды, то всевозможные пророки. Сицилийская тирания в позднейшую эпоху своего существования сильно отличается по своему характеру от древнеэллинской. В эту эпоху она идет рука об руку с денежной аристократией, несомненно, в значительной своей части пришедшей. Но и политические средства *древнейших* поколений сицилийских тиранов — включение целых городских общин и даже иноземных наемников в состав общины собственного полиса — носят восточный характер и были возможны в колониях, но не в самой древней Элладе.

Но в общем в своем существе нововведения как «законодателей», так и «тиранов», носят двойственный характер. С одной стороны, они представляют «городское хозяйство» («*Stadtwirtschaft*») и его интересы в *противовес* монополизации политической власти древними знатными «родами» («*Geschlechter*»), с другой стороны, они выступают *против* монополизации экономической власти старыми и новыми владельцами денег и людей. Союз с крестьянами, выдвинувший принцип, что «вся Аттика есть город», является политическим выражением этой двойственности. Обеспечение права и независимость права от традиционной и пристрастной юстиции патримонально-сакральных судов родов аристократии были созданы, кроме кодификации его, также — при Писистрате⁶⁹ — обеспечением чисто должностного разбирательства судебных дел по деревням (Писистрат сам ездил по деревням для производства суда, позже, по крайней мере, для мелких дел, встречавшем странствующих *δικασται κατὰ δῆμον*⁷⁰), что представляет собой также аналогию к законодательству Второзакония. Среди мероприятий в области *экономической* политики, принадлежащих тиранам Периандру, Феагену, Клисфену⁷¹, Писистра-

ту как и в законодательствах Залевка и Солона, мы находим целый ряд мер, свидетельствующих об этой же тенденции. Строгий надзор за «роскошью», доходящий нередко до очень далеко идущих запретов в этой области, направлен против возникновения различий в образе жизни, представляющих, отчасти с сословной, отчасти с мелкобуржуазной точки зрения, опасность для равенства граждан. Воспрещение приобретать рабов, изданное Периандром и в других государствах — в Фокиде⁷² и Локриде оно было в силе еще в классическую эпоху — и сделанная Солоним попытка ограничить скопление земли в одних руках, имели в виду экономическим путем в корне пресечь неравенство владения. Но устранение задолженности и уничтожение сословных различий между владеющими землей гражданами (политическое «освобождение крестьян»), с *одной* стороны, и воспрещение крестьянам переселяться в город, с *другой* — явления соотносительные. Неоднократно делались попытки обеспечить крестьянство путем устанавливаемой государством связанности земли, например, в форме воспрещения продавать земли городу (*τρος τὸ ἄστυ*), что в то же время значило: знати. Частое воспрещение скупки и перекупки, посреднической торговли (Залевк) и вывоза хлеба относится к той же категории, как и соответствующие меры средневековой городской политики, не в меньшей степени также и преследование праздности и нищенства. Эти постоянно повторяющиеся типические мероприятия — и, возможно, еще целый ряд других, принадлежащих к той же связи, — имеют целью *установить раз навсегда* мелкобуржуазную норму «пропитания» («Nahrungen»).

Но в конце концов, по крайней мере в больших приморских городах, мероприятия законодателей так же, как и политика тиранов в *результате* по существу означали все-таки координацию интересов *нового*, опирающегося *прежде всего* на торговлю и на обладание деньгами, специфически городского богатства с интересами старых родов. Законодательство Солона, по-видимому (даже если доводы Б. Кейля и не считать абсолютно убедительными), уже положило в основу деления на классы *денежную* расцежку доходов, следовательно, уже оставило почву *крестьянского* полиса гоплитов. И меркантилистское покровительство занимающимся промышленностью метекам, которым, в противоположность политике позднейшей демократии, был об-

легчен доступ к правам гражданства и тем самым дана была возможность приобретать землю в Аттике и тем сохранить их имущество для Афин, свидетельствует о том, что принимали во внимание интересы союза владеющих деньгами (и поэтому и людьми) классов. Допущение вывоза оливкового масла при воспрещении вывоза других продуктов земледелия соответствует античному *аграрному* (плантационному) меркантилизму. Покровительство крестьянам являлось, таким образом, лишь средством для достижения политической цели; та же черта выступает и в распоряжении Периандра, воспрещавшем крестьянам носить городское платье, чтобы отбить у них охоту пребывания в городе, и в упомянутом выше воспрещении селиться в городах. Задолжавшее, лишившееся имущества и вытесненное в город сельское население старались, как и в Риме, выпроводить за пределы страны. Аттические клерухии на Саламине с их принудительным наследственным владением и воспрещением аренды — такие постановления встречались и позже при основании колоний с политическими целями, но последнее не всегда — имели, *наряду* с непосредственно военными целями, также и эту цель: освободиться от избытка населения; несомненно, эту цель имели основанные тиранами колонии, которым внутри страны соответствуют государственные постройки с целью «занять безработных». Установление неподвижного уровня «пропитания» (*Stabilisierung der Nahrungen*) во избежание возникновения слоя социально деклассированных граждан, в связи с этим регламентация оборота, однако, без нанесения слишком чувствительного ущерба шансам на барыш, — вот типичный пароль той эпохи.

Поэтому «борьба сословий» не только создала такие относительно «чистые» типы, как Фессалия, Спарта, Афины, но приводила, конечно, и к всевозможным самым различным компромиссам и комбинациям, которые своим содержанием оказывали сильное влияние на *социальные группировки* (*die sozialen Gemeinschaften*) среди населения страны. К сожалению, немного можно установить с полной достоверностью. Целью «демократического» движения было прежде всего: разрушить прочную связь «родов» («*Geschlechter*»), которая опиралась на связанность земли в (широко понимаемой) домовых общине (*Hauskommunion*), и сломить их чрезмерное влияние в местных и личных *союзах*: в деревне и во

фратрии. Деревня (κῶμη, впоследствии: δῆμος) в качестве хозяйственной общины (Wirtschaftsgemeinschaft), разумеется, всегда продолжала существовать. Но родовое государство (Geschlechterstaat) не признает за ней права на политическое существование, и занятые рода со своими земельными владениями стояли (как наши владельцы рыцарских поместий), несомненно, de facto вне деревенских союзов, образовывали нередко свои собственные (κῶμαι) вместе со своими клиентами, закабаленными должниками или арендаторами. Но, с другой стороны, их земельное владение, так как очень часто оно доставалось им в качестве оставшегося за ними залога (als Pfandbestiz), в значительной своей части состояло и из *разбросанной по разным деревням земли* (Streubesitz). Отсюда программа крестьян: включить поместья в состав крестьянских общин («Eingemeindung»), затруднить помещикам возможность иметь землю, разбросанную в *нескольких деревнях*. Фратрия, как самая низшая единица в организации *войска, как военная община* (Wehrgemeinde) с давних пор держит в своих руках в *военном* государстве *допущение* к правам гражданства и к владению землей, и она, в свою очередь, находится совершенно под властью знатных родов, хотя в ее состав (Вильбрандт тут совершенно прав) входят не они одни, но все носящие оружие граждане (alle Wehrhaften). Отсюда программа крестьян: демократизация фратрии *или* уничтожение только что названных ее прав.

Уступки в пользу гоплитов шли не везде одинаково далеко. В Элладе, например, вплоть до самого синойкизма 471 г. до Р. Х. (см. ниже), «полиса» вовсе не существовало. Знать плодородной «впалой Элиды» была занимавшейся исключительно разведением лошадей знатью членов совета (Ratsadel), сидела, как и в старые времена, по своим бургам и объединялась только вокруг олимпийского святилища и на почве весьма выгодного в экономическом отношении руководства олимпийскими играми. Сколько-нибудь значительной торговли *не было* там никогда. Вследствие этого долгое время сословия жили мирно. Совместно с войском гоплитов знать покорила Пизатиду. Как римские патриции плебсу, так элейская знать представила демам (δῆμοι)⁷³ часть завоеванной земли: писаты оставались данниками элейского государства. Упомянутое Аристотелем, направленное против скупки крестьянских участков воспрещение отдавать землю в заклад относилось уже к этому времени compro-

миссов. Δήμοι или κώμαι (деревни) *оставались* составными частями общественного союза. Здесь *они*, а не государство и не фратрия, предоставляют право владеть землей. С другой стороны, гопплиты до 471 г. до Р. Х., очевидно, без всякого протеста предоставляли военное командование господствующему классу, как и в старину. Здесь синойкизм не имел места (следствие слабости *торговли*), и по этой-то причине долгое время *не* возникали (или возникали лишь в слабой мере) тинические явления аристократического полиса: 1) задолженность крестьян, 2) скопление земельных владений в одних руках, 3) исчезновение демов из административного права, 4) новая знать (относительно синойкизма 471 г. см. ниже). Напротив, иначе дело обстояло в обоих соседних торговых *городах*: в Мегаре и Афинах. В Афинах* и в Мегаре, как и в других *приморских* городах, кроме задолженности крестьян требовала разрешения еще другая важная в *организационном* отношении проблема: судьба массами возникавших вместе с развитием торговли *новых* родов. В Мегаре эти *ragvevus*, огромные притязания которых возбуждают негодование Феогнида⁷⁴, разбогатели совершенно так же, как в свое время «древняя» знать, благодаря торговле (экспорту) шерстяными изделиями, приготавливавшимися из шерсти, которую давали стада знати (очевидно, в эргастериях знатных). В Афинах их возвышению способствовал также вывоз масла и гончарных изделий. В обоих городах они, добиваясь равноправия, действуют против знати по временам заодно с демосом сельских округов (в Мегаре против этого направлен предостерегающий голос Феогнида, и, быть может, по *этой* причине Феогнид и перешел на сторону олигархии). Но собственно «революционно» настроенными повсюду являются впавшие в *задолженность* крестьяне. И в Мегаре путем политической революции крестьянства была проведена ограниченная (и очень характерная) сейсахтейя: должникам были возвращены выплаченные ими кредиторам *проценты*. Произошла ли при этом и в Мегаре «дегра-

* Более подробное рассмотрение вопросов, касающихся *государственного устройства*, конечно, здесь невозможно. Резкие разногласия между такими выдающимися учеными, как Вилавомиц и Э. Мейер, частые изменения взглядов этого последнего исследователя, работы Б. Кейля, Ф. Кауэра, Вильбрандта, во всяком случае, доказывают одно: что тут даже имеющий филологическую подготовку специалист, несмотря на новые открытия творений Аристотеля, нередко бродит в потемках, тем более мы.

дация» знатных до положения простых свободных с помощью принудительного зачисления их в «демы», нам неизвестно; впрочем, уничтожение мегарской торговли афинянами воспрепятствовало дальнейшему развитию настоящей демократии.

В Афинах это развитие совершалось лишь толчками, сперва на основе образования *новых* родов. Обозначал ли вопрос об участии в родовом культе Ζεὺς ἑρκείος и Ἀπόλλων πατρῷος⁷⁵, который предлагали вступающим в должность архонтам (при этом требовалось указать *место*: это квалификационное требование соответствует до некоторой степени нашему средневековому «Хантгемалу»⁷⁶), *после* клисфеновской реформы нечто *большее*, чем требование для американского президента быть рожденным в Америке, остается открытым. Введенная Клисфеном *наследственная* приписка всех знатных и всех новых граждан к определенному *дему* должна была способствовать также *устранению* значения как раз этого вопроса; Клисфен делает всех афинян «знатными», говорится поэтому о нем: именно теперь у всякого была своя «родная община». Но для эпохи, предшествовавшей Клисфену, этот вопрос является свидетельством того, что перемены в государственном устройстве с тех пор, как заседавшие в совете знатные роды, переселившись путем синойкизма из своих бургов в город (Декелия, например, была таким родовым бургом), стали *выбирать* из своей среды архонтов, и вплоть до реформы Клисфена совершались в рамках *родового* строя.

Так называемые «солонеры» классы, несомненно, старше Солона: они служили для распределения натуральных повинностей граждан, взносов и военных тягостей, как в раннюю эпоху Рима. Когда Дракон предоставил активные права гражданства всем экономически способным носить оружие, а Солон также стоящим ниже имеющих ценз зевгитов⁷⁷, и при этом и доступ к должностям поставил в зависимость лишь от того же сословного ценза, то граждане, не принадлежащие к старинной городской знати (ἄστοι) эвпатридов, для того, например, чтобы иметь возможность сделаться архонтами, непременно должны были искусственно организоваться в *новые роды* (gentes minores), без чего был бы совершенно немислим последовавший вскоре после Солона полуреволюционный компромиссный архонтат двух демиургов (ввиду упомянутого выше требования участия в

культе Зевса как защитника домашнего очага). Но принадлежность к родам означала при *всех* условиях, как они складывались до Клизфена, также и *земельную* оседлость в качестве должностного ценза, так как без земельного владения вообще «род» немислим. Но в противоположность Элиде мы еще не находим здесь «демов» в качестве самой мелкой единицы государственного союза. Поэтому в Афинах находившаяся в руках аристократии фратрия, а не дем, как в Элиде, заведует имеющим такое большое практическое значение составлением списков граждан. Еще не существует «*деревни*»: «навкраии»⁷⁸ означают не составлявшиеся из общин единицы, но распределение повинностей на местной основе. Экспортная политика, покровительствующая вывозу масла и гончарных изделий, и благоприятная для торговли реформа валюты показывают, вместе с воспрещением вывоза хлеба, достаточно ясно, что реформа Солона отнюдь не была чем-то *первоначальным*: крестьянской политикой.

Преобладание старинной знати во фратриях осталось, таким образом, в силе и после Солона. Поэтому опять началась задолженность, борьба земли, не приносящей ренты, с землей, приносящей ренту (если так можно выразиться) в виде противоположности интересов педизи (знати и новых владельцев земельной ренты), с одной стороны, и крестьян — с другой, берегового населения, с одной стороны, и аграриев внутри страны — с другой. Политика Писистрата ниспровергла древние роды и опиралась на крестьян. Мероприятия, направленные ею *против* знати (за исключением конфискаций), в подробностях неизвестны (построения Кауэра стоят здесь не совсем на твердой почве). Политика *Клизфена*, наконец, стремилась связать массовое включение в состав гражданской общины состоятельных новых граждан (метеков, даже вольноотпущенников) в интересах политического могущества государства с *уничтожением* родового деления государства. Необходимо было включить знать в состав сельских общин, с одной стороны, и сделать возможным для не принадлежащих к знати граждан иметь влияние во фратриях — с другой. Для этой цели было предпринято совершенно новое, намеренно разрушающее целостность родовых союзов, чисто местное деление государства. У каждого, также и у горожанина, есть теперь свой *местный* «демос», к которому он в *государ-*

ственно-правовом смысле принадлежит *навсегда и из рода в род*.

Опирающееся, как на свою основу, на эти «демы» государство, с народными судами и с остракизмом⁷⁹, называлось *тогда* «демократией». Демократия еще не была ни в каком смысле равнозначна с «народным суверенитетом». Правда ареопаг⁸⁰, эта самопополнявшаяся коллегия представителей от родов, первоначально (по Аристотелю) назначавший должностных лиц, а впоследствии, наоборот, пополнявшихся из их среды, был вытеснен из своего прежнего положения учреждения, контролирующего должностных лиц, в частности их отчетность, *частью* еще до Клисфена: учреждение выборного βουλῆ пританов⁸¹ относится еще ко времени господства знати. Эволюция в положении ареопага вроде той, через какую прошел римский сенат, которому он соответствовал, была уже этим затруднена. Однако ареопаг все-таки продолжал существовать как кассационная инстанция для противозаконных (в особенности же противоречивших *божескому* праву) постановлений экклесии⁸² и пал жертвой лишь законодательства Эфиальта и Перикла⁸³.

Такое положение вещей уже вполне соответствовало понятию радикальной «демократии». Аттическая «демократия» тем-то и стоит ближе к суверенитету Американских Соединенных Штатов, чем к суверенитету английского парламента, что в Афинах изменение в *праве* связано с известными формальностями, и *каждый* гражданин может подать кассационную жалобу (при существовании народного суда) на противозаконное постановление народа. Однако, суверенитет аттической экклесии все-таки стоит по существу выше суверенитета комиций⁸⁴ в *римском* государственном праве, согласно которому не только нарушение *божеского* права лишало силы народное постановление, но является противозаконным и внесение нормы, *не* имеющей значения *общего правила*, следовательно, распоряжения, относящегося лишь к отдельным лицам (этот пункт в законах Двенадцати таблиц направлен, очевидно, против рецепции эллинского остракизма).

«Суверенитет» эллинского полиса обнаруживается также и в том, как полис распоряжается имуществом своих граждан. Против взгляда фон Виламовица, который видит в этом симптом «юности» частной собственности в Элладе,

можно указать на то, что предоставленное полису свободное распоряжение хотя бы, например, земельной собственностью граждан, является, правда, само собой понятным и гомеровскому времени (см. выше), но что в историческую эпоху оно не подвергается ограничению, а скорее, может быть, усиливается, вплоть до эллинистического периода (ср. долговой документ из Аркесины, см. ниже в главе об эллинизме). В конечном счете объясняется оно *военным* характером полиса, который представляет собой военный лагерь, и народного собрания, которое представляет собой собрание *войска*. Это имеет, конечно, так же мало общего с какими бы то ни было отзвуками первобытного коммунизма, как хотя бы прусский проект относительно поляков.

«Демократия» в смысле аттического государственного порядка, опиравшегося на *демы*, распространилась из Афин (и под политическим влиянием Афин) на большинство приморских городов, говоривших по-ионийски, и на некоторые, говорившие на дорийском языке (Родос).

Переплетаясь с *сословными* различиями «знати» и «простых свободных», *имущественные* противоположности между «олигархией» и «демсом» проходят через всю «классическую» эллинскую историю: перемена во внутренней политике включает в себе и перемену во внешней политике, и наоборот. Конечно, здесь речь идет не о противоположности интересов «рабочего пролетариата» в *нашем* смысле и каких бы то ни было крупных промышленников-«работодателей». Это противоположности *размеров* имущества (независимо от экономической структуры имущества), отношений *кредитора и должника*, с одной стороны, и *образа жизни* («рыцарского» или же не рыцарского, в древнем смысле слова, конечно) — с другой. Что касается в частности этого последнего пункта, то имущество *древних* родов заключалось в земельной ренте, накопленное (как неоднократно указывалось) с помощью торговли (конечно, это надо понимать à rotundis: не каждый знатный род занимался торговлей или принимал в ней участие; древнейшим источником знатности было, несомненно, достоинство областного князя; но те, кто достигал *благосостояния*, достигали его *повсюду* одним путем: благодаря владению собственными кораблями, участие во владении ими, комменде и пр.)*.

* Прототипом этого экономического процесса в малых размерах служит в большом виде так называемая «Лелантская война»: *велась* она па-

Но, невзирая на это, древние роды, естественно, старались воспрепятствовать вторжению *новых* родов в их среду также и путем дискредитирования денежной наживы. В позднейшее время даже в приморских городах только *ἐμπορία*⁸⁵ и связанное с ней занятие крупной морской торговлей считались достойными порядочного человека. Понятия, господствовавшие в кругу настоящей *земельной аристократии*, официально совершенно отвергали всякий «заработок» в собственном смысле и безусловно, само собой разумеется, личное участие в купле и продаже с целями наживы и даже личный труд. В *Спарте* — в результате военной организации — не только ремесленник и торговец (мелочной, как и оптовый) лишены права занимать должности и не обладают полными гражданскими правами — ведь они перизки — но спартиату прямо воспрещено собственным трудом добывать заработок, как занятие, не соответствующее его сословию — как нашим офицерам. Но с *другой стороны* — и это представляет резкий контраст как раз афинской демократии — здесь не является невозможностью принятие несвободнорожденных, даже детей илотов, в сословие граждан и даже *полноправных* граждан, так как, соответственно чисто военному характеру государства, военное *воспитание* составляет основу сословной обособленности «спартиатов», а не «кровь». В *Фивах*, где долгое время было в ходу сражение на колесницах, должник как таковой (так как он или отдавал самого себя в залог, или продавал свое имущество за долг с правом выкупа) считался, как в древнейшую пору, лишенным своего сословного положения и должен был в течение 10 лет воздерживаться от появления в народном собрании, *ἀγορά*⁸⁶, чтобы получить право быть выбранным на какую-нибудь должность. Правда, в Афинах, наоборот, все должности (за внушающим некоторые сомнения исключением протостратега⁸⁷) замещались по жребию, и демос был избавлен от налогов благодаря литургиям имущих классов; однако разница между джентльменом — *владельцем ренты* — и человеком, живущим своим трудом, продолжает существовать, несмотря на «демократию», в общественной оценке, и ясно выступает, например, в речи Демосфена за венок, хотя она и была обращена к представителям демоса.

тринатом крупных *торговых* городов и на *море*. Но *целью* и ценой победы была плодородная, приносящая ренту Лелантская равнина.

Тот факт, что военное сословие владельцев рент в полисе гоплитов (Hoplitenpolis) *не являлось* сословием вельмож, но по своему имущественному положению и согласно обычаю как раз в эпоху развития своего самосознания принуждено было жить просто и «буржуазно», имел решающее значение для развития характерных черт эллинской культуры — в частности также и эллинского искусства. Национальные состязания, гимнасии с их проникшей из Спарты и имевшей такие большие последствия санкцией наготы, — ничего подобного никогда не могло бы возникнуть при дворах этрусских или римских, или восточных «вельмож»: это не соответствовало бы их «достоинству» (этрусские атлеты, например, по мнению специалистов, уже по своему внешнему облику, *профессиональные* атлеты, которые, как в Риме позднейшего времени, выступали за деньги перед господами как перед *зрителями*).

Ход развития, ведший прежде всего к партикуляризму аристократического полиса (Adelspolis), затем к государству гоплитов и далее — в наиболее богатых городах — к радикальной демократии, определил в Элладе (как и в Риме) и специфически «светский» характер культурного развития в противоположность теократии Востока. *Главная* причина этого различия лежит, во всяком случае, не в различии экономического могущества храмов. Ибо и в Элладе они были иногда крупными землевладельцами; крупнейшие владения принадлежали Дельфам после «священной войны», давшей храму область Кирры и Крисы⁸⁸, которую с тех пор стали сдавать колонам. И сокровища, принадлежавшие храмам в Греции, исполняли то же назначение, что и на Востоке. У храмов были свои эргастерии, как в Египте, и они давали займы. С другой стороны, они служили депозитными кассами (быть может, выкуп рабов на свободу богом храма объясняется также тем, что боги служили сберегательной кассой для рабов, потому что только у них пекулий раба был в безопасности от вездe угрожавших ему на законном основании посягательств со стороны господина; конечно, гарантия свободы освобожденного раба со стороны бога тут также играет ту роль, какую она играла первоначально). Они были прежде всего в классической период (позднее, в эпоху эллинизма было иначе) единственными настоящими *кредиторами* государства и местами для сбережения государственного военного фонда: сокровищница бо-

гини Афины так же, как и сокровищницы Дельф и Олимпии⁸⁹ (значение которых для пелопонесцев оценивает Перикл у Фукидида), играли эту роль (олимпийская еще в очень позднее время).

Сравнительная слабость теократического начала не может быть объяснена также и этническими различиями в смысле меньшей доступности суеверию: в этом отношении эллины, и тем более римляне, несколько не уступают по крайней мере *древнейшему Востоку* (до всеобщей политической нивелировки и теократизации), и всегда безусловно необходимо было считаться с этим в политике. Совершенно иная роль, которую религия играла на Западе, объясняется отсутствием сплоченного, строго расчлененного и организованного в качестве единого целого жреческого *сословия* со всеми его последствиями (отсутствие всякой специфически духовной *образовательной подготовки* и, в связи с этим, и религиозного воспитания мирян, отсутствие всеобщей специфически духовной (priesterlichen) аскетической или установленной ритуалом регламентации жизни, — даже — *сравнительно!* — незначительных ее задатков, и поэтому отсутствие сектантской аскезы в целях «чистоты» для мирян в духе иудейской регламентации жизни).

Жреческие должности нередко, впрочем, даже в историческое время были еще наследственными в определенных знатных родах (как, например, жрецы Диониса в Дельфах, но не жрецы Аполлона), а в древнейшее время, по-видимому, существовала жреческая знать. Но еще задолго до победы «полиса гоплитов» и тем более после нее это перестало быть общим правилом: наряду с (редко практикующимся) народным избранием чаще всего встречается замещение жреческих должностей по жребию (из квалифицированных кандидатов) и в особенности *продажа* должностей. Совмещение должности жреца с другими занятиями большей частью допускается. Должности были пожизненными, но позднее замещались лишь на один год. Нередко замещение должности жреца имело смысл практической сделки (оно было затруднительно в случае, если оливковые плантации храма были сожжены). Не существует никакого единства сословия, как такового, никакой почвы для образования «церкви» и никакого жреческого сословного сознания. Сильная конкуренция божеств отдельных местностей (der Partikulargottheiten) сама по себе (как показывают средние века) еще это-

го не объясняет. На самом деле это является последствием политического *подчинения* жрецов *военному* могуществу занятых интересами чисто светской политики аристократических родов, а позднее граждан полиса. Дельфами владеет не дельфийский жреческий род, а полис. Поводом к «священной войне» является во всяком случае попытка этого владеющего храмом полиса сделать из него доходную статью, обложив паломников налогом. С тех пор храм находится под весьма ощутимым контролем амфикистий, многих (первоначально) деревенских общин (ἔθνη), при все растущем влиянии все более и более вмешивающихся в его дела полисов.

В теократических течениях, как и в мистико-экстатических, в Элладе, как известно, не было недостатка и в позднейшую эпоху. Еще персидские войны⁹⁰ можно рассматривать — как это сделал так остроумно Э. Мейер — как решительную борьбу между этими течениями (к которым персы, несомненно, примкнули бы здесь, как и везде) и «светскостью» («Weltlichkeit») эллинской культуры. Все тираны и кандидаты на тиранию находятся в тесных отношениях с храмами или пророками (особенно известный пример — связи Алкмеонидов⁹¹ с Дельфами). Но могущества жрецов было недостаточно, чтобы дать узурпаторам санкцию законности, как на Востоке, и об это разбилась тирания.

Это бессилие жреческого сословия было наследием (обходившейся в эпосе так непочтительно с богами) гомеровской эпохи: *военные* роды эпохи военной монархии, которые на Востоке в конце концов повсюду *подчинились* вступившим в союз царской бюрократии и теократии, здесь *одержали верх* над царями и жрецами. И победа гоплитов, в состав которых входили бюргеры и крестьяне, еще *более враждебно* относившиеся к власти жрецов, и прежде всего к опиравшемуся на религию традиционному судогроизводству, там, где жрецам пришлось оказаться на *службе* у знати, окончательно закрепила поражение всяких теократических течений (между тем, как на Востоке, наоборот, теократия имела на своей стороне как раз массу «маленьких людей», потому что они видели в ней все же некоторый оплот *против* крайних проявлений произвола царей и собственников крупных частных владений).

С историко-юридической точки зрения *владения* храмов, вероятно, имели то значение, что, по-видимому, от

них повел свое начало институт *наследственной* аренды в своей античной форме (позднейший «эмфитевсис»). Городские и сельские земли в древнейшую пору едва ли могли сдаваться в *наследственную* аренду: они нужны были для раздачи клеросов приросту населения или для общего пользования. Ни того, ни другого назначения не имела земля, принадлежавшая храму. Только в Элиде часть покоренной Писатиды была, по-видимому, роздана в наследственную аренду. Так как уже для Египта эпохи фараонов существует *возможность* (но, конечно, *не* полная достоверность), что там храмовые крестьяне были отчасти наследственными арендаторами (см. выше), то, конечно, не случайность, что в Элладе, где первое известие о наследственной аренде (в одной надписи в Олимпии) относится к V в. до Р. Х., храмы в таких широких размерах сдавали землю в наследственную аренду. Наряду с ними в *классическую* эпоху стоит альменда (общинные земли) городских *общин*. Напротив, частные владельцы никогда не сдают землю в наследственную аренду (единственный случай, на который ссылаются, не только не достоверен, но и совершенно неправдоподобен).

Институт этот применяется в двояком экономическом смысле (как впервые выяснил Миттейс): 1) как сдача в аренду *пустыря* с *обязательством* обработать соответствующую его площадь (именно: засадить масличными деревьями или виноградными лозами) за счет наследственного арендатора: в данном случае *наследственная* аренда есть просто превращение часто встречающейся на Востоке и в Элладе (см. ниже) долгосрочной аренды в вечную, с той оговоркой, что невыполнение взятого на себя съемщиком обязательства обработать взятую пустошь влечет за собой отнятие у него арендованной им земли, тогда как вообще земля возвращается в руки владельца только в случае смерти арендатора без наследников (мы видели, как еще более примитивно трактовало сдачу земли в аренду с целью амелиорации древне-вавилонское право); 2) наследственная аренда выступает иногда как «покупка ренты» (так справедливо называет этот случай Миттейс по аналогии с соответствующим германским явлением), когда *обработанная* земля, купленная храмом (или для него), возвращается продавцу под условием уплаты чинша. Для храма это — верное помещение капитала, а для того, кто предлагает ему участок

за ренту, это означает приобретение производственного капитала и *сверх того*, правовое обеспечение, которое, таким образом, приобретала его земля в качестве земли, принадлежащей храму. Вопрос об отчуждаемости определяется контрактом; иногда она не допускается. Тот факт, что в одном (очень позднем) контракте из Физбы отчуждение допускается производить лишь в пользу граждан данной общины, соответствует древним эллинским принципам.

Глава вторая
КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА
(АФИНЫ)

Наследственная аренда — которая, как уже было указано, и в Элладе встречается *лишь* в практике юридических и даже собственно «публичных» юридических лиц, но не физических лиц, в *частном* обороте и здесь (как и в Риме) была совершенно невозможна — в Аттике классического периода и во всех странах, обладавших таким же *радикально-демократическим* строем, была единственным видом *связанного* владения землей в классическую эпоху. Процесс развития, приведший к превращению полиса ранней поры в «гражданский полис» («Bürgerpolis»), в своем конечном пункте в общем совпадает с процессом развития, приведшим к полной *свободе земельного оборота*. Не только в Афинах и в союзных с ними городах (возможность покупки и аренды земли в союзных общинах составляет главную выгоду союза для афинян), но и в других местах, кроме Спарты и специфически землевладельческих стран типа Фессалии, земельный оборот освобожден в классическую эпоху от ограничивавших его прав выкупа *членами рода*. Но и те ограничения, которые государство гоплитов создало для него при своем возникновении с целью сохранения экономической основы способности нести воинскую повинность, какими являются совершенное воспрещение продажи клероса или же воспрещение скопления земли в одних руках, ограничение дробления участков и задолженности и т. д., держались недолго (и, конечно, совершенно исчезли там, где перешли, в более позднее время, к новой военной организации, к войску, получающему *жалование*). В возникшем путем совершившегося в 471 г. до Р. Х. синойклизма государстве Элиды, когда, благодаря соглашению между партиями, изгнанным аристократам было разрешено вернуться на родину (350 до Р. Х.), ad hoc было издано запре-

щение продавать принадлежавшие им участки земли — что, следовательно, само по себе и притом, наверное, уже очень задолго до того, было разрешено. С этой свободой оборота в свободном полисе открылась, конечно, возможность возникновения различий в размерах земельных владений, которых не избежала и сама Спарта. Этому еще более способствовало то, что запреты и ограничения, налагавшиеся древним полисом гоплитов на рабовладение, нигде не удержались, и мы можем, таким образом, проследить вплоть до эллинистического периода все большее и большее распространение покупных рабов как нормальное явление на все новые и новые области. Так было, например, в Фокиде (см. выше) после Пелопоннесской войны (известен обративший тогда общее внимание случай ввоза сразу 1000 рабов). То же было у этолийцев в эллинистический период, когда они конституировались в военном отношении в качестве государства господ-завоевателей, и введение покупного рабства было, несомненно, *следствием* этой новой конституции, которая сделала для них необходимым быть в хозяйственном отношении абсентеистами⁹² («*abkömmlich*»).

Теперь является вопрос: как мы должны представлять себе влияние этой свободы оборота в древней Элладе? Было ли оно, в частности, аналогично тому процессу развития, в направлении к крупному землевладению и крупному производству с помощью рабского труда, который мы наблюдаем в Риме?

Источники позволяют делать, даже относительно столь ярко освещенных ими областей, как Аттика, лишь косвенные заключения. Прежде всего надо иметь в виду, что за стенами бургов древней поры, служивших местопребыванием знатных родов, не существовало сельских «усадьб» и вообще никаких сколько-нибудь *крупных* сооружений за исключением местных храмов. Не только рабы, стада, всякая утварь, но и постройки, т. е. составные части деревянных домов, в случае нападения врагов перевозились в город. Затем, участие в политике необходимо влекло за собой абсентеизм. Таким образом, кроме *известного* числа рабов для полевых работ, *профессиональному* политику необходимо было держать еще и надсмотрщиков (ἐπίτροποι) для управления имением. С другой стороны, гоплиту для достижения высшей ступени технического усовершенствования было необходимо или постоянно жить, или, во всяком

случае, часто бывать в городе для военных упражнений, как только город вступил на путь «большой» политики на суше (zu Lande). Когда Аргос вознамерился вступить на этот путь, первое, что он решил сделать, это специально подготовить тысячу «избранных», которые должны были сравняться со спартиатами. Точно так же создавался в Фивах «священный отряд».

С другой стороны, те отношения, которые имеют в виду в своих речах аттические ораторы, показывают, что земельные владения «капиталистов» в *приморских* городах, которые смотрели на них, как на случайное помещение капитала, во всяком случае, часто представляли собой разбросанное в разных местах владение (Steubesitz) и не имели характера крупного землевладения. Эти земельные владения капиталистов классического периода в противоположность владениям древней знати, видимо, легко переходили из рук в руки (ср. Тимарха). Как раз потребности сделать это возможным и шло навстречу развитие свободы оборота.

В Аттике в V в. до Р. X. и позднее существовала полная свобода отчуждения земли, заклада и, по крайней мере, в случае отсутствия законных сыновей, безусловной передачи по завещанию, в иных случаях только в форме легатов⁹³, против которых не существовало (как это было в Гортине) *законом установленного* права законных наследников на неотъемлемую их часть. Из одного места у Лисия⁹⁴ сделано было неправильное заключение о существовании установленного законом различия между унаследованным и благоприобретенным имением. В Афинах в то время считалось просто долгом приличия не продавать наследственного имущества (может быть, иначе дело обстояло еще в IV в. до Р. X., например, в Фере⁹⁵). Во всяком случае, по-видимому, было в обычае при дележе наследства при жизни наследственнук землю (в противоположность благоприобретенной) отдавать сыновьям. (Этот последний обычай по своему *происхождению* мог быть сопоставлен с японским обычаем «инкио» и с тацитовскими замечаниями о порядке наследования у германцев: *неспособный более носить оружие* человек принужден был в полисе гоплитов передать свой клерос сыну и сам перейти на свою стариковскую часть. Вместе с этим, первоначально он, конечно, терял и свой голос в собрании войска, но зато заседал в совете старейшин.)

Преимущество, которым пользовались сыновья в наследственном праве, продолжает существовать, находясь в соответствии с военным характером полиса. Наследственное право здесь есть наследственное семейное право с предпочтением мужской линии; вспомогательного наследственного права рода (*Sippe*) не существует; нет также права на наследство и у фратрии (обязанность родовой мести и право на наследство не стоят ни в какой связи). Земельной собственности не может иметь неполноправный гражданин со времен Перикла, следовательно, тот, кто не происходит со стороны отца и со стороны матери из семьи полноправных граждан (т. е. не от вольноотпущенников или от метеков).

Из этого вытекает одно важное в экономическом отношении следствие: для всех чужестранцев и метеков была закрыта возможность заниматься таким важным во всех отношениях коммерческим делом, как *ипотека* (которая отчасти являлась покупкой с правом обратной покупки, отчасти заключала в себе эвентуальное право⁹⁶ кредитора стать полным собственником закладываемого имущества), следовательно, этого рода поместье капиталов было предоставлено исключительно полноправным гражданам. Первая, удостоверенная свидетельствами источников привилегия, данная афинянами иностранцам и предоставлявшая им право брать в залог землю внутри страны, относится к эпохе Декелейской войны⁹⁷ и, следовательно, является мерой вынужденной, и значение этого допущения или недопущения иностранных кредиторов видно из того, что афиняне при заключении своего так называемого «второго морского союза»⁹⁸ должны были дать специальную гарантию, что ни один афинянин не будет ни покупать землю в союзных городах, ни брать в залог в обеспечение долга. Земельное барышничество наряду с государственными откупам как до, так и после этого было капиталистическим предприятием *par excellence* [по преимуществу], и первый атический морской союз⁹⁹, несомненно, имел значение своего рода вотчинной власти зажиточных афинян, владевших на ипотечном праве землей в союзных городах.

Это иллюстрирует и самая *форма* земельного кредита. Формой залогового права была или *πρόσις ἐπί λύσει*: продажа участка земли кредитору с сохранением права обратной покупки (форма, юридически более напоминающая соответствующий институт немецкого права, чем римскую «*fidu-*

сiа»), или ипотека в нашем смысле слова. Еще в классическую эпоху функционируют рядом обе эти формы, и кроме того существуют (отличающиеся от ипотеки лишь по названию) ἄποτίψις (права заклада в отношении к приданому и к праву опеки). Лишь в позднейшую эпоху получает окончательное преобладание ипотека в собственном смысле слова.

Возможно, что первоначально лишь *публичные* или квазипубличные обязательства получали обеспечение при помощи залогового права *без* указания определенного вида владения взятым в заклад имуществом (чему началом послужили своей конструкцией литургии). Еще в IV в. до Р. Х. аттические ипотечные камни говорят о *займе* в форме πρῶσις ἐπὶ λῶσει как о нормальной форме, а не об ипотеке. Что ипотека возникла из личного закабаления за долги (после выделения личности должника законами, запрещающими отдавать в рабство за долги), Шанто мог бы заключить также из известной галикарнасской надписи (Bull. IV p. 295), между тем, как πρῶσις ἐπὶ λῶσει (как и римскую «fiducia») он выводит из простой окончательной продажи, при которой покупная цена отдавалась займы.

Однако, если принять во внимание ту роль, какую играют в других, притом чрезвычайно различных между собой и к тому же древнейших из известных нам систем античного права с ограничениями и sub causa совершавшиеся передачи, ограниченная определенным сроком кабала за долги, договоры, представлявшие кредитору право пользования взятой в залог вещью и т. д., и прежде всего, ту роль, какую именно задолженность *земли* играет среди в других отношениях еще довольно «первобытных» общих условий; наконец, если принять в соображение и то, что во многих эллинских государствах *наряду* с ипотекой продолжает существовать и личное рабство за долги, то эта (талантливо построенная) теория не представляется убедительной и не является никакой необходимостью принимать ее и в том переделанном виде, какой сообщил ей Свобода в своем, впрочем, весьма поучительном изложении. Гораздо более вероятным представляется, что и здесь πρῶσις ἐπὶ λῶσει есть очень древнее право, столь же древнее, как право брать в залог жену и детей должника, и что это, как и в средние века, есть древнейшее залоговое земельное право, что должник, который обыкновенно (здесь, как очень часто и в других

странах) продолжал владеть участком в качестве прекариста или арендатора (в частности, как ἐχτησίριος), водружая на своей земле ὄρος (ипотечный камень), тем самым признавал (подлежащее выкупу) право собственности на нее кредитора. Конечно, по надписям ὄροι сохранились (что и вполне понятно) лишь от IV в. до Р. Х., но Солон упоминает о них совершенно определенным образом. *Личная кабала* должника была воспрещена Солоном, равным образом, как обращение в рабство в *порядке исполнения* (die Exekutionsversklavung), так и заем под залог собственного тела. В других местах кабала за долги продолжала допускаться. Развитие ипотеки было только естественным продолжением этого процесса смягчения здесь, как и в других местах: самовольное ἐμβάτευσις (вступление во владение) кредитора в случае неплаты долга и применение так называемого δίκη ἐξούλης против должника, который не очищает доставшийся кредитору участок, были бы тогда остатками прежнего положения отдавшего под залог свой участок должника как прекариста. Развитием ипотеки из πρώσις ἐπὶ λῶσει объясняется и первоначально требовавшееся согласие кредитора при отчуждениях. Постепенно развилась затем и отдача под залог так называемой ὑπεροχή¹⁰⁰, которая первоначально, естественно, также была связана с согласием первого кредитора, а вместе с этим и вторичный заклад (die Nachhypothek).

Земельный и ипотечный оборот был формально очень облегчен. Земельные книги существовали (вопреки показаниям Аристотеля и Теофраста), правда, лишь в отдельных случаях: на Теносе, где также, как, по-видимому, и на Хиосе, существовали ипотечные регистры. В остальных местах в большинстве случаев для передачи права собственности достаточно было простого контракта. В Афинах (в противоположность Египту и Риму поздней поры) не существовало легальных ипотек, и сведения об оборотах с землей давали податные списки и земельный кадастр демархов¹⁰¹ — именно с введения нового порядка Навсиником (377 до Р. Х.); кроме того, здесь предписывалось перед отчуждением вывешивать для общего сведения плакаты, приглашающие лиц, желающих предъявить права на отчуждаемую землю, предъявить их (в других местах мы встречаем обязанность публично выкрикивать об этом или устраивать публичные жертвоприношения), — для отношений пространственно ограниченного полиса всем этим в до-

статочной мере обеспечивался особый характер сделок и их публичность.

Теперь спрашивается: какое влияние эта свобода оборота и его обеспеченность в связи с государственным устройством, опиравшимся на демы, оказала на социальное расчленение страны (*des platten Landes*), в частности в Аттике?

Свобода земельного оборота отнюдь не есть всецело дело рук Солона. Им впервые, несомненно, создана свобода завещания. Во всем другом он, может быть, создал вновь столько же ограничений (запрещение скопления участков в одних руках), сколько их устранил. Поддерживавшаяся за последнее время много раз (Фюстель де Куланж, Вильбрандт) гипотеза, будто Солон устранил повсеместно существовавшую до тех пор в Аттике *родовую* собственность на землю, которая исключала всякий земельный оборот и всякую индивидуальную частную собственность, никоим способом не может быть удостоверена и находится в противоречии с тем, что нам дает традиция об установленном Драконом цензе гоплитов и о солоновских классах (со всеми аналогичными явлениями), которые, несомненно, существовали до него для поимущественного распределения налогов и воинской повинности и тем самым заставляют предполагать существование *индивидуальных* имущественных различий, а также и со всеми, аналогичными явлениями. В древности «роды» («*Geschlechter*») повсюду *моложе*, чем (конечно, в нормальном порядке с помощью прав ретракта связанная с *семьей*) частная собственность на землю, являющаяся продуктом *дифференциации*, развивавшейся в связи с доходами от торговли и военной добычи. Не имеется никаких достоверных известий о тех отношениях, какие предполагает эта теория. Соображения Вильбрандта об ограничениях земельного оборота переносят в далекое прошлое *законодательные* ограничения, которые были установлены в интересах обеспечения *военной* повинности граждан, а то, что он говорит о $\rho\rho\alpha\sigma\iota\varsigma \ \epsilon\pi\iota \ \lambda\upsilon\beta\epsilon\iota$, свидетельствует о том, что он упускает из виду, что «покупающий» кредитор приобретал не *собственность*, а *подлежащее выкупу* право, но право на *землю*, а не лишь на *доходы* с нее (что *нигде* не встречается). Точно так же я не могу присоединиться к мнению Свободы, будто бы «гектемории»¹⁰² были «зависимыми» («*Höfiger*»), *наподобие* спартанских *илотов*. (Что они, с другой стороны, не могли быть рабочими, по-

ставленными по подряду (*Akkordarbeiter*), было уже замечено.) То, что Свобода говорит об их положении в наследственном праве, далее, об их *glebæ adscripti*¹⁰³, об их праве на защиту их прав, об их барщине и т. д., — все это гипотезы и, поскольку речь идет о возникновении *крупного* производства, по-моему, гипотезы совершенно невероятные, явившиеся на свет (как и гипотезы относительно Рима у К. И. Неймана) благодаря тому, что автор, увлеченный работами нашего ученого мэтра Г. Ф. Кнаппа, перенес в Древний мир блестяще изображенный им чисто *современный* процесс. Об «отмене» Солоном института *крепостных* (лично зависимых) не сохранилось никаких известий, которые, однако, непременно существовали бы, если бы он действительно сделал это. Что он устранил надобность в судебной клиентеле — это было совершенно правильно выведено из сохранившейся до нас традиции (но в то же время это естественно предполагает существование плебейской *свободы* до него). Πελάται, т. е. неимущие и поэтому состоящие у кого-нибудь клиентами рабочие, получают отныне право выступать в качестве стороны в судебных процессах. (Но они не тождественны с гектемориями, в пользу чего высказывается встречающееся уже у античных лексикографов мнение.) То, что остается *верного* в соображениях Свободы, могло бы быть принято во внимание и при построении гипотезы, согласно которой гектемориями были (см. выше) *отдавшие свою землю в залог должники*, землей которых владел кредитор, предоставляя им обрабатывать ее в качестве арендаторов из части урожая. *Может быть*, то, что все платили «шестую часть» урожая, есть результат законодательного регулирования, которое имело значение ограничения прав кредитора. Солон, во всяком случае, уничтожил это учреждение, подвергнув реформе все *долговое* законодательство и кассировав все существовавшие тогда обеспеченные залогом долговые обязательства (тем самым, следовательно, и существовавшие долговые обязательства гектемориев и самую эту социальную категорию). Во всяком случае, с Солона не существует более этого отношения. Единственное место, в котором имя Солона упоминается в связи с арендой земли за *часть* урожая (Поллукс, VII, 151), только подтверждает это: закон Солона занят судьбой земли, «γῆ ἐλευθεροῦς» (т. е. освобождением ее из-под залога), а не сословия ἐκτιμῆριοι¹⁰⁴.

Какую форму избрал Солон для уже упомянутого раньше ограничения скопления земли в одних руках, сведений об этом до нас не дошло. Судя по тексту соответствующего места Аристотеля (Политика, II, 4, 4), едва ли это было прямое запрещение. Общее запрещение (о котором, как о существующем, упоминает Аристотель) продажи земли, лежащей в отдалении от города, городским жителям (т. е. знати) представляется вполне вероятным в эпоху происходившей в Афинах партийной борьбы между педиаками и диаκριями¹⁰⁵; но тогда оно должно быть приписано скорее Писистрату. Очень возможным, напротив, представляется, что ограничения приобретения земли за пределами своего *дема* существовали при организации Клисфеном управления Аттики на основе демов, вероятно, со времен *Писистрата*, в правление которого должна была произойти парцелляция земли¹⁰⁶, находившейся ко времени Солона в руках немногих («δὶ ὀλίγων»). Ибо еще в IV в. до Р. Х. аттические демы, ведшие кадастр, взимали особый *налог* с земельного владения тех, кто не принадлежал к дему. Этот налог («ἐκτετικόν») был, конечно, чувствительным ограничением и для помещения капитала в земельные *ипотеки*. В общем это указывает на существование крепко сплоченных *местных* общинных союзов (Gemeindeverbände) внутри страны. В течение всего V в. до Р. Х., несмотря на ужасающие опустошения, произведенные Пелопонесской войной, а также в IV в. до Р. Х. и аттическая местная община (Landgemeinde) представляет собой живое единство, как это подтверждают источники (хотя вопрос о ее финансовом положении не выяснен Плотейской надписью, так как неизвестно, составляют ли 22 000 драхм ее капитал или годовой расход). «Дем» владеет собственной землей (а также полями, виноградниками, а иногда и театром и, несомненно, всякого рода тавернами), управляет ею, сдает в аренду (дем Айксоне — на 40 лет); он же есть округ для набора войска: заболевший может поставить за себя в войско заместителя из своего дема; он есть самый мелкий податной округ, он определяет, следовательно, кто обязан вносить подать (προεσφορά¹⁰⁷); наконец, он принимает участие в выборах (при помощи жребия) членов буле. Документы, касающиеся пританов, говорят об участии в выборах *всех* демов соответствующих фил, и даже, по-видимому, в основе лежал принцип пропорционального представительства. При этом имен-

но принцип *наследственной* принадлежности к дему решительно противоречил идее, лежавшей в основе как клисфеновской, так и писистратовской политики. Их целью было создать политическое господство землевладельцев средней руки, способных нести службу гоплитов, разрушить крупные родовые союзы. Для этой цели, как в демократических общинах Италии каждый нобиль был приписан к цеху, так здесь каждый знатный был приписан к деревне, а его лежавшее вне этой деревни земельное владение подвергалось особому обложению. Впоследствии (неизвестно, когда) *фратриям* было поставлено в обязанность принимать в свой состав как *ὄμογάλακτες* (старинная знать), так и *ὄρυεῶνες* (искусственно созданные quasi-gentes из новых граждан), позднее также *θῆῆσοι*¹⁰⁸, т. е. свободно формировавшиеся союзы граждан, принадлежавших к неоседлому, не имеющему никакой родовой организации населению*. И если в первой надписи Демотионидов (начало IV в. до Р. Х.) древний ойкос (эвпатридовский род) Декелеев еще занимает во фратрии, как остаток древних прав, положение своего рода официального адвоката при отправлении фратрией ее важнейшей функции: занесения в списки граждан, то во второй надписи (середина IV в. до Р. Х.) первой инстанцией в решении вопроса о внесении в списки граждан является исключительно *θῆῆσος*, и вмешательство знати отсутствует. Фратрия и дем демократизировались. Демы поставили кадры могучего афинского войска гоплитов во времена наивысшего могущества Афин (480—460 до Р. Х.), и в первую голову *крестьянство*. Из 30—33 тыс. зевгитов (кроме 2000—2400 пентакосиомедимнов и всадников), входивших в состав афинского войска (кроме 20 000 фетов¹⁰⁹) в 431 г. до

* Почти все частности в этом вопросе спорны. Следует все-таки признать, что упомянутый выше «список фратрий» от начала IV в. до Р. Х., с 20 (!) именами содержал, наверное, имена *не всех* членов фратрии. С другой стороны, надо помнить, что — правда, по декретам о праве гражданства — каждому *новому* гражданину было предоставлено право *свободно* выбирать дем, фратрию (впоследствии с некоторыми ограничениями) и филу, но что фила определялась выбором дема, который ведал списками граждан, между тем как формальное вступление во фратрию было важно *только* для лиц, желавших *получить по наследству* (ab intestato) состояние, в особенности *земельное владение*, таким образом, очевидно, отнюдь не предreshалось принятием в дем, как показывают акты Демотионидов, следовательно, весьма *возможно*, что многие граждане, и даже значительное большинство их, в позднейшее время вовсе не принадлежали ни к какой фратрии.

Р. Х., по исчислению Э. Мейера, большинство принадлежало, по всей вероятности, к сельскому населению.

Но в политике перевес был уже *не* на стороне деревни. Афинский гражданин был приписан к дему, как русский крестьянин к своей общине (но без стеснения свободы передвижения) раз и навсегда независимо от местожительства и занятия. Каждый платит налог по своему дему, где бы он ни находился в данное время. Но лишь постоянно жившие *в городе* члены демов были в состоянии регулярно принимать участие в народных собраниях, в которых поэтому, при наличии соответствующих условий, *κοινὸς ὄχλος* и имел случай проявлять свое, известное из политики демократии, влияние. Этому нисколько, конечно, не противоречит то, что в совете, в должностях стратегов и в финансовом управлении, как это доказано, преобладали имущие и что, судя по надписям, в народном собрании предложения вносили в значительной части также имущие. В древности *профессиональный* политик в общем *должен* был быть человеком «имущим» (ведь в прежнее время и вожди социал-демократии были в значительной части люди состоятельные, тогда как теперь редакторами и секретарями могут быть все). Напротив, важно с практической точки зрения и характерно то, что состоятельные люди начинают играть все большую и большую роль в *местном* управлении *многих* демов, а еще, разумеется, важнее стоящий с этим в связи вопрос о распределении *владения* внутри демов.

Невзирая на сильное влияние имущих классов, это еще в IV в. до Р. Х., по-видимому, *не* была плутократия. В V в. до Р. Х. четвертая часть аттических граждан не имела земли, большинство же жило по деревням. Об этом ничего не известно из первых рук. Из существующих земельных дарственных записей мы узнаем, что имения величиной с крестьянский (по нашим понятиям) надел считались за солидный подарок, земельные владения более, чем в 50 гектаров (для разведения масличных деревьев — это действительно довольно большая площадь) почти не встречались. Приблизительно 50 гектарам равнялся древний минимум участка земли, дававшего ценз пентакосиомедимна*. Аристократ,

* При переложном (с применением удобрения) хозяйстве для производства 500 медимнов¹¹⁶ ячменя (валовой доход) нужны около 22 гектаров полевой земли при *нынешней* доходности (средние цифры для Пруссии), в Аттике в древности, наверное, больше, чем вдвое. Но ведь счита-

вроде Алкивиада¹¹⁰, получал в наследство всего лишь каких-нибудь 50 гектаров. Кимон выплатил 50 талантов штрафа за своего отца Мильтиада¹¹¹, конечно, не из земельной ренты, а из доходов с *капитала*, пущенного в международный оборот. Руководящие государственные деятели эпохи Пелопонесской войны, как консервативные (Никий¹¹²), так и радикальные (Клеон¹¹³), были не землевладельцами, а рабовладельцами (но не «фабрикантами», см. ниже), как позднее Демосфен. Участки, отдававшиеся в наследственную аренду, тоже в общем равнялись по своим размерам средним крестьянским участкам, превосходя их только в случае отдачи в аренду *новой*, еще не тронутой культурой земли (эмфитевсис в собственном смысле). Никогда не надо забывать *великой* — в противоположность Востоку и Риму — *простоты* образа жизни эллинов и *как раз* носителей эллинской культуры, ее «культуртрегеров», во времена ее наивысшего творческого развития. Эллинское искусство в особенности возникло *отнюдь не* на почве утонченных *материальных* потребностей.

Несомненный упадок военной силы в Афинах, их гоппитов, т. е., неспособность их восстановить страшный, понесенный на войне урон, можно объяснить по существу следующими причинами: 1) уменьшением *числа* лиц, способных по своим экономическим условиям нести военную службу в полном вооружении, благодаря дроблению земли на мелкие участки или, наоборот, благодаря скоплению нескольких участков в одних руках; 2) снижением военных *качеств* людей, по экономическим условиям способных нести службу гоппитов, благодаря большему экономическому прикреплению к хозяйству, вызванному возрастанием его интенсивности, — уменьшением «тренировки». Эти причины могли действовать *совместно*, так что для Афин трудно установить, какой момент являлся преобладающим. Рассматриваемое Сандуолом движение принадлежавшего к отдельным категориям демов населения (на основании существовавшего одно время распределения пританов по «триттиям»¹¹⁴, из которого видно, что в IV в. до Р. Х. население демов, расположенных *внутри* страны, остается *неподвижным*, население *береговых* демов *увеличивается*, а населе-

лись вместе и твердые, и *текущие* доходы, и при денежном расчете медуша принимался по курсу равным драхме при оценке его на деньги.

ние городских демонов *уменьшается*), как оно ни интересно, дает все-таки, конечно, результат, который имеет различный смысл, поскольку возникает вопрос о *местожительстве* и профессии, но прежде всего о густоте *сельского* населения. Семьи, живущие *из рода в род в городах* и в их ближайших окрестностях, повсюду вымирают раньше; рост населения *береговых* демонов, настоящих носителей радикализма, есть, быть может, следствие учащения браков благодаря повышению заработка от морской торговли, во всяком случае, едва ли это рост крестьянства; неподвижность населения демонов, расположенных *внутри страны*, еще не доказывает, что принадлежащие к ним оставались крестьянами или что они жили только в деревне. Что ослабление городских демонов было вызвано особенно сильным привлечением именно *их* членов к клерухиям, представляется все-таки маловероятным. Скорее здесь должно быть принято во внимание сужение площади пропитания свободного труда благодаря конкуренции рабского труда (см. ниже). Достоверно только, что в то время в многочисленных сельских демах фактически наследственно держали все в своих руках состоятельные роды, затем, что жизнь в демах *с конца IV в. до Р. Х.* начала замирать. Продажа должностей в демах, с одной стороны, монополизация их в руках имущих — с другой, идут рука об руку уже в IV в. до Р. Х., и уменьшение политического и социального значения сельского среднего сословия находит свое красноречивое выражение в прекращении в III в. до Р. Х. относящихся к демам надписей. Это, конечно, есть последствие перемен в распределении богатств, происшедших в эллинистическую эпоху (см. ниже). Напротив, для классической эпохи невозможно установить, ни какие размеры принял *рабочий* труд в деревне, ни какое значение приобрела *аренда*.

Что касается этой последней, то, в противоположность Востоку (что объясняется состоянием материала источников), имеется только *один* (испорченный), чисто *частный* арендный документ, относящийся в Афинам, остальные — арендные договоры исключительно только с общественными корпорациями. Не подлежит сомнению только решительное преобладание аренды *за строго определенную плату* (*feste Pacht*) не только в Афинах, но и вообще на территории древней Эллады, в противоположность давно, по-видимому, отошедшей там совсем на задний план аренды из

части продукта (Teilpacht), и распространенность *денежной* аренды (в особенности, конечно, в Аттике) в противоположность аренде за плату натурой или аренде смешанной. Затем столь же несомненной является, соответственно высокому размеру процента в древности, по нашим понятиям довольно умеренная высота оценки при капитализации земельных участков (арендная плата участка земли в чисто сельской местности в Фриии¹¹⁵ составляет 8% оценочной стоимости этого участка; в других случаях отношение арендной платы к покупной цене невозможно установить, потому что в оценку входят не одни сельскохозяйственные объекты. Всегда гораздо более низкая плата при наследственной аренде — 4% или несколько выше — конечно, не идет в сравнение). Положение арендатора представляется, по сравнению с восточным и римским арендатором, сравнительно благоприятным, что, впрочем, может быть последствием того, что в сущности мы знаем, главным образом, примеры сдачи в аренду общественной земли. Сроки аренды, в тех случаях, когда они определены, в противоположность Востоку, сравнительно долгие — 5, нередко 10 лет. Встречаются, однако, и аренды бессрочные, следовательно, или пожизненные, или, наоборот, «at will» [на любое время]. Что арендатор был *обязан* обрабатывать землю, что обработка им взятой в аренду земли не только регламентировалась — что естественно — но и подвергалась при известных условиях рациональному контролю, это само собой понятно при аренде общественной земли; в какой мере это распространялось и на частные аренды, остается открытым.

Спорным, наконец, как уже было отмечено, остается вопрос о том, в какой *мере* применялся в сельском хозяйстве *рабский труд*.

Здесь необходимо, так или иначе, коснуться вопроса о способе применения и о значении рабского труда в «классическую» эпоху (в V—IV вв. до Р. Х.) вообще. После чудовищных преувеличений прежних оценок наступила, именно под влиянием Э. Мейера, сильная реакция и, поскольку речь идет о древней Элладе, несомненно, по существу вполне справедливая в смысле *количественной* оценки рабского труда. В смысле же *качественной* оценки, что касается рабского труда в области промышленности, она даже недостаточно последовательна (поскольку удержалось понятие «фабрики» с рабским трудом), с другой стороны, она захо-

дит слишком далеко, поскольку вслед за Франкоттом подчас недостаточно оценивали влияние рабства на положение *свободного* труда. Ввиду этого к тому, что уже говорилось об этом выше, необходимо прибавить еще кое-что.

Заметно разрастающееся рабовладение в древней Элладе *не* в такой *мере*, как я признавал это прежде, ослабляло денежно-хозяйственное покрытие потребностей «ойкоса», и тем самым и покупательную силу рынка тем, что давало возможность производить в собственном хозяйстве продукты, необходимые для удовлетворения потребностей. Но влияние это *во всяком случае* существовало и имело большое значение: 1) о Перикле рассказывают, что он (из политических соображений) по мере возможности пользовался не домашними (*aushäusig*), а покупными продуктами, т. е. сделанными руками свободных ремесленников — ясное указание на ограничивающее необходимость пользоваться чужими услугами влияние *домашних* рабов сеньюра, так как чем больше рабов было в хозяйстве дома, тем больше можно было иметь в доме обученных специалистов, и тем больше домашнее хозяйство вытесняло свободную «работу на заказ» («Lohnwerk»). 2) В древности одежда, а в городе и пища раба, впрочем, в значительной мере покупались (как это было, например, в южных штатах Северной Америки). Но конкуренция рабов, которые со своей стороны, конечно, были ограничены в своих жизненных потребностях самым необходимым, должна была вообще влиять на уровень жизненных потребностей и на покупательную силу неимущих рабочих, а тем самым и на развитие *рынка жизненных припасов*. Как *непостоянен* (*prekär*) должен был быть спрос на продукты промышленности при том уровне потребностей, какой был у народных *масс* в древности, видно, между прочим, из того факта, что афиняне должны были отсрочить союзным городам выплату *дани* вследствие неурожая в областях, лежащих по берегам Черного моря: до такой степени все зависело от цен единственно на *хлеб*, как они определялись для каждого данного момента. Из большой надписи на Эрехтейоне¹¹⁶ узнаем, что наемные свободные рабочие и рабы получали *одинаково*: по 1 драхме в день; в IV в. до Р. Х. поденная плата (впрочем, *обученным* рабочим) доходит иногда даже до 2 драхм, тогда как в Элевсине (IV в. до Р. Х.) расходы храма на прокормление своих *собственных* рабов равнялись всего 3 оболам¹¹⁷ на человека, в Дель-

фах, в 338 г. до Р. Х. предпринимателю считали также 3 обола на σίτηρον, наконец, на Делосе, еще позднее, *расходы* на прокормление самого себя равнялись всего 2 оболам. Но нужно принять во внимание, что в Афинах именно *демократия* в V в. до Р. Х. назначает такую приличную плату за труд на общественных работах, плату, от которой, конечно, мог оставаться значительный барыш в руках владельца рабов, поставившего их на стройку и/или получавшего с них *όλοφoρά*, или же сдававшего их от себя на работу за плату, а для свободных рабочих, имеющих к тому же семью, тем не менее, быть может, только едва достаточную. Эти цифры сами по себе (более подробное рассмотрение их здесь невозможно) отнюдь *не* доказывают, что конкуренция рабского труда — поскольку она имела место — *не* была тяжела для свободных рабочих, как то полагает Франконт. Ограничение заработной платы *свободных* (*не* сельских!) рабочих одним доставлением им средств простого физического поддержания жизни (в иных случаях — питания) натурой, как это бывало по образцу Египта и Востока, также в Греции (например, в 282 г. до Р. Х. — следовательно, в период значительно развитого денежного хозяйства — в Делосе), свидетельствует о тенденции ограничить заработную плату минимумом необходимого для поддержания существования («Existenz-minimum»), поскольку это не была требовавшая особенного искусства работа или поскольку не давал себя знать особенно усиленный спрос (в особенности спрос на квалифицированный труд тех, например, обученных рабочих, которые получали по 2 драхмы приблизительно за *то же* время, за какое необученные рабочие получали лишь содержание натурой) или *политические причины*. Социальное деклассирование свободного труда благодаря совместной работе рабов со свободными — при постройке Эрехтейона членами и *руководителями* рабочих артелей являются вперемешку граждане, метеки и рабы — не могло не стать фактом. И возражение Аристарха в *Меморабилиях*¹¹⁸ на замечание Сократа о благосостоянии афинских граждан, что они на эти свои денежные заработки покупают себе *варваров* и заставляют их работать, остается в полной силе.

Домашние рабы и рабы-рабочие ограничивали, таким образом, сферу применения свободного труда. Тот факт, что несмотря на узкую политику государства в деле дарова-

ния прав гражданства и на постоянно повторяющиеся на протяжении всей древней истории стремления монополизировать в пользу полноправных граждан шансы на «предпринимательскую» прибыль, в течение всего классического периода ничего не известно ни об одной попытке принудительно ограничить сдачу общественных работ своими ремесленниками — между тем, как эпоха тирании и законодателей (см. выше), знала ограничение рабского труда, — один этот факт указывает на беспомощное положение, в каком находились уже тогда свободные граждане, живущие трудами рук своих, несомненно именно вследствие распространения рабского труда. Кроме того, он, конечно, указывает также и на невозможность такого рода ограничения вследствие отсутствия достаточно многочисленного свободного «рабочего класса» в современном значении этого слова. Крупные государственные предприятия с их острой потребностью в рабочих руках, несомненно, вообще не находили нужного числа рабочих сил в среде свободных ремесленников и рабочих, и тем более (отчасти благодаря политике, которой держалось государство в деле дарования права гражданства) в среде одних полноправных граждан, чтобы можно было говорить о подобном ограничении, популярность которого была бы вне сомнения, особенно, если представить себе, как это еще до сих пор так часто делается, аттический демос, как прежде всего народ ремесленников.

Конечно, рабы, так как господа не любили отдавать их на долгие годы в ученье, попадали преимущественно на более грубые работы, и были занятия, как, например, молотба, на которые в течение всей Древности свободные нанимались лишь в моменты крайней нужды. Но, с другой стороны, свободное ремесло довольно поздно, и то лишь отчасти, утратило характер домашнего производства (*Familienarbeit*) и никогда не достигло структуры, соответствующей средневековой. Что слово *σύνεργος*¹¹⁹ (или ему подобные) могло иногда обозначать положение, подобное нашему «подмастерью» («*Geselle*»), этого безусловно оспаривать невозможно. Но не установлено, находился ли апостол Павел на жаловании у своего сотоварища по ремеслу, Акилы¹²⁰, у которого он работал (Деян. Апост., 18, 2), а относительно людей, которых золотых дел мастер Димитрий¹²¹, кроме своих ближайших сотоварищей по ремеслу, поднял против борющихся с идолопоклонством христиан (там же 19, 25),

представляется также более вероятным, что это были самостоятельные ремесленники других отраслей того же ремесла, также заинтересованные в производстве предметов культа. Во всяком случае, существование обученных, но не имеющих средств, ремесленников, находящихся *на службе* у других, которые предоставляли инструменты и сырье, для эллинистической эпохи представляется весьма возможным. Но для классического периода представляется, в конце концов, всего более вероятным, что в тех случаях, когда мы встречаем ремесленника, носящего название ἡμεῖς¹²² (или другое подобное название) и занимающего соответствующее положение в сообществе с другими рабочими, то речь идет обыкновенно об *ассоциациях*, образовавшихся ad hoc, по крайней мере во всех тех случаях (составляющих огромное большинство), когда *орудия производства* не представляли собой большой ценности (следовательно, «капитала»). Сомнения остаются часто неразрешимыми. Рабочие, например, которые работают группами вместе с главными мастерами (Vorarbeiter) при каннелировании¹²³ в Эрехтейоне и группами получают вознаграждение — это часть рабы главного мастера, частью (по-видимому) чужие рабы (нанятые им? или работающие от себя?), частью, наконец, свободные метеки и граждане. Когда один из главных мастеров — сам раб, а один из его сотрудников — свободный человек, не может быть речи об отношениях мастера и «подмастерья» («Geselle»). Рабочие, очевидно, подразделяются на группы руководителями *постройки*, сообразно со способностями, как можно, по-видимому, судить по различной плате, получаемой различными группами (Франкотт), причем главный мастер (Vorarbeiter), вероятно, оплачивался дороже. Но прежде всего отношение главного мастера, с одной стороны, и сотрудников — с другой, встречается и *внутри* несвободных эргастериев, — следовательно, в форме своего рода производительного товарищества, как, например, в эргастерии Тимарха, где ἡμεῖς платит господину более высокую ἀφορὰ, чем другие, будучи, очевидно, просто особенно хорошо обученным несвободным работником — *возможно*, и вольноотпущенником — своей отрасли труда, который стоит во главе (vorsteht) мастерской, в отношении к третьим лицам выступает как главный мастер (Vorarbeiter) и потому получает бóльший доход (Extragewinn). Во всяком случае, все эти зачатки *внутреннего* расчленения ремесла еще тре-

буют исследования; пока же можно сказать наверное, что, если иметь в виду средневековое расчленение, античное *свободное* ремесло было «аморфно». Относительно эргастериев все существенное для нас было уже сказано раньше*. Здесь нужно добавить только следующее: господин мог пользоваться своими рабами-рабочими: а) отдавая их внаем; б) давая им сам работу и для этого содержа их и, поскольку это была работа для рынка («Preiswerk»), заботясь сам о поставке сырья, орудий производства и сбыте; в) давая им сам работу, также давая деньги (в виде круглой суммы) на содержание (ἀπόδοσις); д) предоставляя им самим эксплуатировать свою *рабочую* силу в качестве ремесленников, работающих на заказ («Lohnwerker»), и взимая с них строго определенную ренту (ἀφοροῦν); е) если это была работа для рынка («Preiswerk»), предоставляя им оплачивать помещение, сырье, орудия производства из своего пекулия и взимая с них ἀφοροῦν; ф) наконец, соединяя взимание ἀφοροῦν с предоставлением помещения, сырья, орудий производства господином: так, по-видимому, было поставлено дело у Тимарха (но не у Демосфена, как то думает Франкотт). Само собой разумеется, каждая форма эксплуатации, пробуждающая *собственный* интерес раба, оказывается гораздо более благоприятной для развития производительности рабского труда — который в больших постройках, видимо, насколько не уступает в этом отношении труду свободных рабочих, — следовательно, нормально приносит и большую ренту господину. Ибо, если уже учет размера ренты оказывается сложнее, чем пытался его представить Франкотт, то все же красовавшиеся на храмах бесчисленные надписи об отпуске рабов на волю указывают на то, что господа считались с довольно быстрым израсходованием своих заключающихся в рабах капиталов.

Применение рабского труда в обрабатывающей промышленности (индустрии), работающей для рынка вообще, в частности же устройство *собственных* (in eigener Regie) эрга-

* Но следует признать твердо установленным (в дополнение к намеренно подчеркнутой формулировке, сделанной во «Введении»): конечно, *существовали* также эргастерии в смысле постоянных (каменных) ремесленных мастерских; например, одна такая мастерская упоминается в контракте как объект наследственной аренды: это устроенные специально «места для работы» («Arbeitsstände») вроде наших «рыночных мест» («Marktstände») в крытых рынках; но, конечно, они так же мало похожи на «фабрики», как эти «рыночные места» похожи на «конторы».

стериев, исходило, очевидно, от купцов, *ввозивших сырье* (у Демосфена упоминается один из таких купцов, ввозивший слоновую кость для украшения рукоятей мечей и деревянных изделий), тогда как в средние века, наоборот, *домашняя (кустарная) промышленность* возникла благодаря купцам, *вывозившим* готовые *продукты*. Ввозом *сырого* материала — слоновой кости — поэтому и объясняется приводимый Демосфеном случай на первый взгляд странной комбинации в одном эргастерии мастерской ножовщика и столярной мастерской. Первоначально Демосфен-отец, быть может, сам вовсе не перерабатывал сырого материала, позднее он стал перерабатывать лишь часть его, скорее он продавал его во всякое время «*τῷ βουλομένῳ*»¹²⁴; стоимость запаса, оставленного им после смерти, сын исчисляет в 11 250 марок. И это при общей стоимости всего состояния, равной 62 000 марок, из которых 13 200 марок были розданы займы — в большинстве они находились в банках и в морских предприятиях, а рабочие-рабы составляли около 17 550 марок, между тем, как, не считая дома, оцененного в 2250 марок, не земля, а, напротив, чистые деньги, обработанный благородный металл и другие ценные предметы, следовательно, *хранящееся в виде сокровища*, а не функционирующее *в качестве «капитала»* движимое имущество равнялось 18 000 марок (*больше, чем обе «фабрики», взятые вместе*)*. Специфически купеческое происхождение состояния бросается в глаза. *Один эргастерий* есть случайное приобретение. Рабы попали в руки Демосфена как *залог* (*πρόσις ἐπὶ λύσει*), вероятно, от какого-то не заплатившего денег покупателя слоновой кости, но *оба эргастерия* существовали — это совершенно очевидно — только для эксплуатации *купеческого* товара. Иногда комбинация разных «профессий» бывает и совершенно случайной (как, например, у Тимарха, державшего одновременно кожевников и вышивальщиков и т. д.), вызванная просто представившейся в данный момент возможностью сделать по случаю покупку и тем найти место для помещения капитала. Не подлежит сомнению, что число *покупных* рабов в историческое время *превосходило* число *οἰκογενής*¹²⁵ — по причинам, приведенным во Введении. Все эти отношения оставил совершенно неиссле-

* Я беру расчет Шефера; абсолютные цифры спорны, но здесь важны не подробности, но приблизительные отношения.

дованными, например, Франконт, очень почтенная книга которого, хотя она по вопросу об экономической *структуре* античного мира собственно лишь развивает дальше то, что уже было сказано Бюхером и др., по-видимому, *первая* произвела впечатление на историков. А как *раз* эти вопросы еще нуждались бы, несмотря на существование некоторых весьма хороших подготовительных работ по отдельным вопросам, в систематическом анализе. Ибо с этим своеобразием развития промышленного капитализма в древности стоит в связи также и то, что он не принес с собой почти что *никакого* прогресса в технике и экономике процесса труда сравнительно с мелким ремесленным производством. Само собой разумеется, *существовало* — это надо сказать в дополнение к сделанным раньше замечаниям — с древнейших времен и *разделение* труда, и соединение труда, точнее: основанная на разделении труда совместная работа многих в одном производственном процессе *внутри* данного хозяйства; дошедшие до нас в изобилии египетские и помпейские настенные изображения и античные вазы были бы тому свидетелями, если бы кому-нибудь вздумалось усомниться в этом. Притом число этих комбинированных друг с другом дифференцировавшихся между собой функций в одной и той же мастерской невелико, и, что еще важнее, в эпоху проникновения капитализма в промышленность оно *не* возросло. Немногие технические новшества, введенные древностью и имевшие смысл «прогресса» на пути к «*крупному* производству», т. е. к дифференцированию *внутри* производства и к рациональному сбережению труда, относятся к земледелию и к связанным с сельским хозяйством отраслям промышленности на *Западе*, где капитал (раньше всего у карфагенян) создал *плантации*. Для *частной промышленности* (следовательно, вне сферы военной техники и *строительной техники*, отчасти связанной с военно-политическими интересами, отчасти направляемой *государством*) этого установить *нельзя*. При страшных колебаниях *рынка* и стоимости *содержания* рабов и непрочности *состояний*, рабовладелец должен был и желал иметь возможность во всякое время *разделить* наличный состав своих рабов или изменить способ их эксплуатации: он был именно *владельцем ренты*, а не предпринимателем. Но главным препятствием к организации даже «домашней (кустарной) промышленности» («Hausindustrieen») в Древнем мире, а тем более «фабрик»,

служил «уровень по-требностей» («Bedürfnisstand»), определявшийся господствовавшим тогда способом распределения *имущества*, обусловленным политическими причинами и существованием рабства.

Что касается того, что капитал, как это мы видим в наше время, привлекает к себе на службу науку для того, чтобы создавать крупные производства с «внутренним разделением труда» и технически из него вырастающими орудиями труда, то этого явления, как чего-то *постоянного* и обязательного, не существовало в прошлом и не будет существовать в будущем: оно обусловлено чисто исторически, а отнюдь не может быть выведено из особенностей капитала, как такового, который просто ищет *прибыли*, где и как получить ее всего удобнее. И самым удобным путем к тому в древности не было создание новых методов разделения труда для создания *дисциплинированных* и опирающихся на *разделение труда* крупных производственных единиц: рабский труд технически и «этически» не был для этого подходящим, и нельзя было при характерных для античного мира распределении богатств и уровне потребностей создать *широкий* рынок (der expansive Markt) для сбыта необходимых для *масс* продуктов промышленности. Шло ли увеличение обмена продуктами *промышленности* в эпоху развития капитализма в древности сколько-нибудь параллельно несомненному увеличению обмена продуктами сельского хозяйства, для *частного*, не контролируемого государством оборота продуктами садовой культуры, и горного промысла, это, как известно, в высшей степени сомнительно. Достоверно одно, что успехи «капиталистического» развития *не* подняли экономического и социального положения промышленности, как целого, но лишь разрушили ее старые основы. Демиург в полисе древнейшего периода мог совершенно не считаться равноправным с каким-нибудь аристократом, но он был необходим для государственной обороны, поскольку он занимался выделкой оружия или постройкой судов, а если он был ремесленник-художник, то социальное его положение было сносное: например, кузнец у Гесиода играет заметную роль у себя в деревне; еще Солон называет кузнечное ремесло одним из средств к экономическому возвышению. Но то время, когда домовая община демиурга так обогащалась от хранимых ею из поколения в поколения технических секретов, что он мог стремиться к заня-

тию должностей, требующих от занимающего их самых высоких материальных жертв, с развитием семьи в узком смысле слова, совершавшееся под влиянием денежного хозяйства, миновало. Ищущий помещения капитал создает *несвободных* обученных ремесленников, как он создает и *неимущих* (*beitzlose*) колонов. Владелец капитала, а не демиург является теперь всеми уважаемой личностью. В капиталистическую эпоху обученный ремеслу раб — являющийся для капиталиста просто одним из способов случайного помещения капитала — стоит во всех отношениях, кроме формального-правового, *наравне* со свободным мелким ремесленником, но при этом переходит из рук в руки путем купли, залога, найма, то здесь, то там оказывается в составе более крупной мастерской. Формальное частное и публичное право демократии не могло оградить свободного «βαναυχος»¹²⁶ — ремесленника и мелкого торговца — от последствий такого неблагоприятного положения вещей; не мог ему помочь и хороший заработок, поскольку он не мог благодаря этому попасть в среду капиталистов; а это могло произойти при конкуренции рабского труда лишь в виде исключения.

Владеющие классы, со своей стороны, получали доходы или в виде *земельной* ренты (деревенской или городской: воспрещения иностранцам, а также — исключая тех, кто пользовался личной привилегией — метекам и вольноотпущенникам приобретать землю делало и городскую земельную собственность («Hausagrariertum») монополией полноправных граждан), или в виде *денежной* ренты, или, наконец, в виде ренты с *рабов*. Но развитие земельной ренты в *такой же* мере, как и развитие денежной ренты и ренты с рабов, поскольку оно определялось экономическими условиями, в конечном счете зависело от *торговли*. Одно плодородие почвы само *по себе нигде* не создало кругных землевладельцев (*Grundherren*). За исключением тех случаев, когда политическое господство превращало областных князей в крупных землевладельцев (*Grundherren*) (или граждан в крупных землевладельцев (*Grundherren*), как в Спарте), это делалось в древности обыкновенно при помощи доходов, полученных от торговли (см. выше), а в Элладе, в частности, от *морской* торговли. Развитие *частного рабовладения* в классическую эпоху зависит точно так же от *внешней* торговли, как некогда, в более раннюю пору, развитие *цар-*

ских крепостных ойкосов (Трон — Oiken). Привилегированное в правовом отношении положение лиц, занимающихся ввозом и вывозом товаров, в частности сохранение права заключать в тюрьму за долги по их претензиям, и даже в сущности *только* по их претензиям, если не считать претензий государства, и скорый особый суд по торговым делам достаточно показывают господствующее положение, которое они занимали. Это первенствующее значение морской торговли для *образования* имущества — на это надо обратить особое внимание — не есть аргумент *против* того, что было сказано об *ограниченности* ее размеров. Нужно помнить о незначительности «культурных зон» («Kulturzone») и о *береговом* характере культуры, затем также и то, что эти денежные имущества и этот капиталистический оборот в «классическую» эпоху были, так сказать, «просеками» среди дебрей традиционализма. Ибо капитализм со своими формами оборота стоит почти совсем рядом с остатками далекого прошлого. И не только в ближайшем географическом соседстве, но и *внутри* самого города. Так, например, ἔρανοι — собранные по подписке суммы, раздававшиеся в виде беспроцентной ссуды впадшим в нужду гражданам — продолжают играть *чрезвычайно* важную роль (может быть, это не осталось без влияния и на христианские понятия) в течение всей эллинистической эпохи и вплоть до конца Древнего мира (как и римский «mutuum»¹²⁷), совершенно, как в эпоху господства существовавшей в первобытные времена среди крестьян «соседской помощи». Что ἔρανοι¹²⁸ не были *первоначально обществами* взаимопомощи, уже доказано. Понятие «взаимности» (которое выражено вполне ясно словом «mutuum») имеет свое начало не в имеющей *юридический* характер ассоциации, а в исконной крестьянской и мелкобуржуазной *этике*, которая требует безвозмездных ссуд «между братьями» с *оговоркой*: «как ты мне, так и я тебе» и наоборот*. В этих низших слоях в древности никогда не забывали, что в противоположность этой древнейшей «экономической морали» процент представлял собой право *иностранцев* и *господ* точно так же, как (на Востоке) «служебный дом фараона», бюрократия. В этом отношении *русский крестьянин* и сейчас стоит на чисто античной почве.

* Эта этика находит себе формулировку уже в древних аттических βουξύετοι ἄραϊ.

Произошло ли широкое «нашествие капитализма» («kapitalistische Invasion») *внутри* страны в Аттике и в других древнеэллинических государствах (кроме Спарты, где скопление владений в одних руках не подлежит сомнению) в классическую эпоху, будь то V в. до Р. Х. или, — как то особенно настойчиво утверждали — IV в. до Р. Х., невозможно решить с полной достоверностью, но в настоящее время это справедливо считается всеми маловероятным. Иначе дело обстояло в эллинистический период. Эта позднейшая эпоха видела возникновение колоссальных частных состояний, владельцы которых при помощи самых стеснительных условий, на каких они давали ссуды, держали подчас в своего рода долговой кабале целые города (в противоположность классическому периоду, когда типичными государственными кредиторами являлись *храмы*). И по мере того, как в еще более позднюю пору древняя Эллада, в частности Афины, все более и более превращалась в своего рода «полис пенсионеров» («Pensionpolis»), соединявший в себе преимуществ Веймара и Гейдельберга со все же продолжавшей там существовать по сравнению с Востоком (а позднее с Римом) «свободой», тем чаще людям, разбогатевшим на стороне и приобретшим уважение и возвратившимся туда «к себе домой», должно было представляться желательным помещение своего капитала в покупку земли (иногда по приобретении гражданских прав), являвшееся гораздо более верным помещением для капитала уже в позднеклассическую эпоху, что выразилось в более низком размере процента (приблизительно 8%). После утраты принадлежавшей им некоторое время благодаря политическим обстоятельствам, а потом еще более продолжительное время фактически находившейся в их руках штапельной монополии и монополии на посредническую торговлю, перешедшей от свободной гавани Пирея к Родосу, для Афин сократились шансы на помещение капиталов в морскую торговлю, в банковские дела и в другие подобные им собственно «капиталистические» предприятия; метеки, финансовая мощь которых очень содействовала расцвету Афин, стали быстро опускаться уже после окончательной потери морского владычества (союзническая война¹²⁹). Торговля не давала больше никаких шансов на обогащение; земля оставалась объектом для помещения капитала. К этому присоединялось массовое выселение в эллинистические колониальные области.

Поэтому неудивительно, что столь шумные в IV в. до Р. Х. аттические демы с III в. начинают замолкать: причиной тому является упадок местного сбыта сельскохозяйственных продуктов и, вероятно, сосредоточение земли в руках немногих с заменой крестьян арендаторами. Напротив, для V и IV вв. до Р. Х. развитие в направлении к сосредоточению земли в руках отдельных лиц представляется не очень вероятным. О частных колонах не слышно совсем. Кроме того, в то время высота прибыли от эксплуатации была довольно благоприятна для применения рабского труда в промышленности, хотя цены на рабов, с другой стороны, стояли, при наличии (вероятно) частых колебаний, не особенно низкие. (Впрочем, во времена Демосфена лошадь подчас стоила вдвое дороже раба, — по сравнению с Южными Штатами Америки цена на рабов очень *низкая*. Но для Древности, когда прибавлялись к этому еще расходы по *обучению* и риск, это только *средняя* цена. Впрочем, всегда *очень* опасно выводить прямое заключение из данных о размере цен на рабов в какой-нибудь данный момент, так как, например, низкие цены могут быть *одинаково* и *последствием* незначительного спроса на рабов, и *причиной* усиленного расточения рабского материала.) Так как такой колоссальный подвоз рабов, какой был вызван войнами сицилийцев, карфагенян, а затем римлян, вообще только в исключительных случаях являлся результатом войн, которые велись в древней Элладе, то и *сильное увеличение* числа *сельскохозяйственных* рабов представляется здесь не особенно вероятным. Из 20 000 рабов, бежавших во время Декелейской войны, как сказано совершенно определенно, большая часть были ремесленники (сюда надо еще прибавить домашних рабов), и тем более после Пелопонесской войны миновала пора большого подвоза рабов, по крайней мере и прежде всего для Афин. Что потери рабами во время декелейской войны *не* считались потерей прежде всего для *сельского хозяйства*, можно заключить уже из заявлений Ксенофонта в его известном финансовом проекте. Из его «Экономики» — которая, конечно, изображает не специально аттические условия, а идеальный тип эллинского помещичьего хозяйства (его собственное имение находилось в Пелопоннесе) — с другой стороны ясно вытекает, что, собственно говоря, и в деревне рабы были *нормальной рабочей* силой. Ксенофонт (который, правда, понимал в технике

земледелю едва ли больше, чем прусский офицер в отставке, вступивший во владение рыцарским поместьем) и не говорит ни о каких других рабочих, а что полевых рабов можно было нанимать и отдавать другим внаймы, не подлежит сомнению. (Несвободный или, быть может, отпущенный на волю) ἑλίτρολος¹³⁰, по мнению Ксенофонта, должен быть воодушевлен стремлением к наживе, следовательно, господин, очевидно, старается заинтересовать его участием в прибыли. Рабов надо заинтересовать в работе, награждая самых усердных хорошей едой и питьем и лучшей одеждой (из чего следует, как и из самого названия οἰκέται, что они, очевидно, были *бессемейны* и находились всецело на иждивении господина). Прежде всего приходилось самому следить за ходом хозяйства. Что, в общем, это наблюдение происходило приблизительно точно так же, как во времена Катона, т. е. выражалось только в форме случайной проверки счетов, явствует из других замечаний самого же Ксенофонта. Вообще все совершенно, как у Катона, только что масштаб здесь, очевидно, *гораздо* меньше и отношения гораздо проще, чем в римских поместьях даже во времена Катона. Что римляне заимствовали у эллинов некоторые технические выражения, характерные для крупного рабовладельческого хозяйства (как например, название «instrumentum vocale» — «ὄργανον ἑμψυχόν»¹³¹), это не доказано для *классической* эпохи: источником могла служить Сицилия эллинистического периода. В *классическую* эпоху один Хиос¹³² (оптовая торговля, средоточие крупнейших в Греции состояний, выделки оливкового масла и виноделия) был страной с *массовым* применением *покупных* рабов и (уже начиная с VII в. до Р. Х.) с *восстаниями* рабов, как и Рим. Итак, широкое распространение в Аттике крупных помещичьих хозяйств с применением рабского труда *не* представляется вероятным. Рабы работали в Аттике, как показывает комедия, и на полях крестьян вместе с ними, в качестве их рабочих, как в старые патриархальные времена: этого было трудно избежать уже по военным причинам*; особенно больших цифр при этом быть не могло. Сельское хозяйство в то время было вообще не особенно соблазнительным помещением для капитала. Довольно часто жаловались на его разорительность (Ксенофонт. Экономика. Введение). Нельзя

* Вследствие продолжительных дальних походов за пределы страны. Войска пелопоннесцев, наоборот, возвращались ко времени жатвы домой.

определить, насколько часто на деле бывали случаи спекулятивной покупки земли с целью произвести улучшения и затем перепродать: показателем «купеческого» духа того времени служит то, что такой реакционер, как Ксенофонт, *рекомендует* такого рода земельную спекуляцию. На доходность земледелия в Аттике его времени должны были оказать довольно сильное угнетающее влияние такие меры, как воспрещение вывоза каких бы то ни было сельскохозяйственных продуктов, кроме оливкового масла. Быть может, борьба интересов в VI в. до Р. Х. вращалась также и вокруг этого покровительства «леβία»¹³³. Иностранной привозной хлеб, который, благодаря штапельному праву и принадлежавшему гражданам праву перекупки, в V в. до Р. Х. попадал в Пирей, все же оказывал *относительное* давление на местное хлебное производство. В эпоху от Солона и до Персидских войн в Элладе цены на *скот* поднялись в 10—20 раз, цены на хлеб, по-видимому, только в 3 раза (скот невозможно было перевозить за море!). Сравнительно с VI в. до Р. Х. хлеб поднялся к концу V в. — сначала вследствие прироста населения, затем также вследствие необеспеченности военного времени — вчетверо, из чего аттическое земледелие могло извлекать выгоду лишь в период между битвой при Сфактерии¹³⁴ и началом Декелейской войны. Что же касается *скотоводства*, то особенно в Аттике значительного развития достигло только разведение мелкого скота (и лошадей среди аристократии). После Декелейской войны сословие гоплитов было так основательно разорено, что никогда уже потом не могло настоящим образом оправиться. Тот факт, что δικασταί κατά δήμου (см. выше) сделались отныне снова *городскими* судьями, указывает на уменьшение *социального* и *политического* значения крестьянства: возросло значение войска из оплачиваемых солдат.

Единственно, что мы знаем о *земледелии*, это то, что, по словам Демосфена, Аттика ввозила из одного только царства Левкона¹³⁵ в области Понта около 400 000 медимнов, а, судя по элевсинским податным отчетам за 315—318 гг. до Р. Х., сама производила около 400 000 медимнов, из них круглым счетом $\frac{1}{10}$ — пшеница, остальное — ячмень. Это дало бы, если принять расчет Э. Мейера (а никаких обоснованных возражений нельзя привести против его цифр, как бы они ни были гипотетичны), 14 250 гектаров ежегодно

засеваемой земельной площади; следовательно, при системе оставления земли под паром, из года в год 12% аттической земли засевалось бы хлебом. Одним своеобразием ландшафта, наверное, все-таки невозможно объяснить ничтожность этого процента. Но по делосским спискам, по-видимому, в IV в. до Р. Х. цены на время остановились на одном уровне и лишь потом опять стали более неуклонно подниматься вплоть до начала III в. Таким образом, в классическую эпоху в Аттике *капитал* мог найти приложение только в производстве оливкового масла. Об экономической организации этой отрасли сельского хозяйства источники не дают нам сведений: собственное хозяйство с рабами на римский лад или — еще вероятнее — аренда на современный итальянский лад, — обе эти системы были возможны; тот факт, что Ксенофонт, которому известен только рабский труд, особенно подробно говорит о разведении масличных деревьев, делает *первое* предположение более приемлемым для его времени.

Итак, взвесив все, приходится признать Грецию в классическую эпоху вблизи крупных центров оборота страной довольно сильно раздробленной на мелкие участки с значительно развитой огородной культурой в долинах, с мелким крестьянством по скатам гор, с мелкими землевладельцами по речным долинам Пелопоннеса, с «царством сквайров» («Squirearchie») в Элиде, между тем как Фессалия была страной латифундий, крепостничества («Hörigkeit») и коневодства; Беотия — страной крепких крупных крестьянских хозяйств, деревенский северо-запад еще пребывал в стадии натурального хозяйства. Не надо забывать, что первая половина IV в., а точно также и уже конец V в. до Р. Х., были временем постоянных и лишь на время приостановленных недолгим деспотическим господством Спарты революций и реставраций партийных групп, которые приносили с собой в форме беспрестанных конфискаций неслыханную дотеле неустойчивость землевладельческих отношений. Строго *городские* клерухии с превращением сельского населения в колонов (Митилена¹³⁶), новые переделы земли с поголовным избиением аристократии и кровавые реставрации следуют одни за другими. Притом старые названия партий, как «демократия» и «олигархия», не всегда сохраняли тот смысл, какой они имели в V в. до Р. Х. до борьбы между Афинами и Спартой. Фиванская «демократия» была сель-

ской демократией гоэлитов, которая, достигнув политического объединения Беотии, стремилась к *миру*, совершенно как аттические крестьяне и их «олигархические» вожди, между тем как радикальная афинская демократия представляла собой живший *войной городской* слой — война приносит неимущему городскому населению возможность получать в качестве матросов высокое жалование, в случае победы — новую дань с побежденных, из которой будут оплачиваться общественные работы, увеличение наемной платы для городского домовладельца и расширение возможностей приложения капитала в завоеванной заморской области; а недолго существовавшая спартанская «демократия» (до Селласии¹³⁷) представляла собой военную демократию владельцев земельной *ренты*. *Землевладельческая* (grundherrliche) олигархия в Фессалии и *купеческая* в Хиосе по своей экономической структуре составляли друг другу полную противоположность. Точно так же противоположность составляли олигархии Коринфа и Керкиры¹³⁸ и феодальная олигархия Спарты, которые, несмотря на это, стояли заодно против демократии. Произошла также некоторая перестановка в столь важном для группировки партий в древности отношении должника и кредитора в смысле размещения их на ступенях социальной лестницы. Должниками всегда являются «аграрии» (как и у нас), но *кредиторами* в более *раннюю эпоху* является землевладельческая, живущая в городах и военная *знать*, в *позднейшее время* — *торговцы и владельцы рент*, а среди должников позднее все сильнее выступают вперед как раз *крупные* землевладельцы. Перемена эта совершается постепенно, но тем не менее дает себя чувствовать. Уничтожение долговых обязательств и попытки в этом направлении отныне составляют по преимуществу *юнкерский* идеал, а не политическо-экономическое требование носящего оружие *крестьянства*.

В течение всего классического периода, а также и в эллинистический период, полис — с неразрывно связанным с ним переселением в город (синойкизмом) должностных лиц и, по возможности, также и состоятельных землевладельцев, делением на филы с буле и народным собранием в качестве представляющих интересы народа учреждений и т. д. — продолжал совершать свое победное шествие по всей древней Элладе. Во всей Центральной Греции, кроме Этолии, полис одержал верх и вытеснил древние исторические

племенные названия (между тем там, где однажды утвердилась твердая схема организации полиса, ее невозможно было искоренить никакими самыми радикальными мерами: роды изгнанников, жившие целые столетия на чужбине, получив возможность вернуться, могли тотчас же снова вступить в ряды своих фил и фратрий). Полисы, образовавшиеся вновь, представляют собой при этом в большинстве случаев государства вроде Афин времен Клизфена, подчас чистые синойкизмы *землевладельцев*. Родосский синойкизм 408 г. до Р. Х.¹³⁹ (образовавшийся по военным соображениям, из страха перед Афинами) был не чем иным, как соединением и отчасти совместным поселением трех дорийских военных фил (Heeresphylen), которые при первоначальном заселении острова заняли каждая по отдельному округу и образовали каждая свой собственный полис в едином дорийском, состоящем из фил, государстве (Phylenstaat). Возникновение маленьких городов в горных долинах Центральной Греции объясняется совместным поселением в укрепленном месте в качестве горожан-земледельцев (Ackerbürger) крестьян, что наложило свой отпечаток, например, на облик современной Сицилии, в которой *совсем нет* людей, постоянно *живущих* вне «города». Там, где таким образом, т. е. при помощи действительно осуществленного совместного поселения, *более обширные* области получали организацию полиса, необходимым следствием *всегда*, в конце концов, являлся абсентеизм и хозяйство со сдачей земли колонам (Kolonenwirtschaft). Именно фактическое совместное поселение считалось, по крайней мере в классическую эпоху, *единственным способом* обеспечить военное воспитание по принципу строя гоплитов. При этом нередко военные и экономические точки зрения резко сталкивались друг с другом и вызывали подчас необходимость компромиссов, в особенности в горных местностях Пелопоннеса (где, очевидно, возникали такие же затруднения, какие в свое время возникали в Афинах в области диакриев). Все же большей частью решали дело *военные* соображения. Аркадские синойкизмы (Мантинейя, Мегалополь¹⁴⁰) так же, как синойкизм Элиды (471 до Р. Х.) и Коса¹⁴¹, были созданы «демократическими» полисами гоплитов. Только в Элиде сквайры большей частью оставались жить в деревне (на богатой и хорошо обработанной земле), между тем, как в Аркадии, из опасений перед Спартой, для синойкизировавшихся было обязатель-

но жить на указанных им местах. В Косе, как и в Элиде, деды (как в Афинах постепенно демократизировавшиеся фратрии) решали вопрос о *способностях* граждан носить оружие и владеть землей. Целью синойкизма *во всех* случаях была *военная* организация. В Элиде последствием синойкизма было пробуждение завоевательной политики. Но, что характерно, военная репутация элейцев — несмотря на их временные политические успехи — по-видимому, всегда стояла невысоко, очевидно, вследствие отсутствия у них строго проведенной организации полиса. Страна в это время неизменно оставалась аграрной областью, крупной торговли не существовало. Напротив, аркадяне, составлявшие главный контингент наемников во всей Элладе, издавна отличались своими военными качествами.

Если в Элиде, а также в Аркадии, организация гоплитов (частью фактически, частью только юридически) была облечена еще в древнеэллиническую форму синойкизма, то в древнеэллинической великой державе позднейшей поры, опиравшейся на *народное* войско, у *этолийцев* эта организация *отсутствовала* совершенно. Они и прежде жили в деревнях, и теперь оставались жить в них: Термон был укрепленным местом, куда собрано было громадное количество награбленной добычи, где происходили ярмарки, где заседали союзные власти и местные собрания ополчения; но это не был полис, даже тогда, когда они создали у себя военную организацию и правильную подготовку гоплитов, которой у них совершенно не было в классическую эпоху — тогда они были легковооруженными крестьянами. Знати не существовало, так как тут не происходил вызываемый *торговлей* процесс общественной дифференциации. Эта военная организация, которая во времена македонского владычества тотчас же привела к завоевательной политике, расчленила соседние области, частью принимая их в состав своего военного союза, трактуя их, как элейцы трактовали завоеванные ими области и как швейцарцы Тургау¹⁴², т. е. рассматривая их как покоренных и обязанных платить дань и ставя военные гарнизоны в их города. Но все же это было, по-видимому, по преимуществу переходное состояние. Быть принятым в союз во времена его величайшего могущества было, по-видимому, довольно легко, в противоположность образу действий замкнувшихся в цехи демократических граждан

полисов, в особенности Афин. Здесь, следовательно, техника гоплитов и государство гоплитов, которое везде хотело быть своего рода *capitis deminutio*¹⁴³ древних родовых (аристократических) полисов (*Geschlechtspoleis*), покорением городов деревней, были созданы без синойкизма, потому что здесь *не было* родовой знати (*Geschlechteradel*), а тем самым и родового полиса (*Geschlechterpolis*). Здесь намеренно старались *избежать* возникновения полиса с его дифференцирующими последствиями и создали на этой почве бедное культурой, но мощное государственное целое. Но с проникновением денежного хозяйства в результате завоеваний дифференциация все-таки совершилась. Уже во времена Персея¹⁴⁴ о резком контрасте между имущими и задолженными в Этолии говорят (Ливий 32, 38)¹⁴⁵ точно так же, как полтысячелетия перед тем говорили о том же в Афинах. *Фессалия* — вторая обширная страна, которая была затронута организацией полиса только по окраинам. Здесь аристократия бургов непоколебимо сохраняла свое могущество вплоть до поздних времен.

Наконец, самый могущественный член в цепи национальных эллинских государственных образований — *Македония* — вплоть до эпохи Филиппа¹⁴⁶ оставалась государством почти что гомеровского типа, с жившим в бурге царем во главе (*Burgenkönigtum*): дружинники (*ἑταῖροι*) царя играют здесь почти такую же роль, как и в гомеровскую эпоху. «Города», в том числе и такие резиденции, как Пелла, едва ли были чем-либо иным, чем был Персеполь¹⁴⁷. Введение техники тяжеловоруженного строя гоплитов (ср. речь, будто бы произнесенную Александром перед ветеранами в Описе), введение «оседлости» («*Sesshaftmachung*»), т. е. введение прочной военной организации тяжеловооруженного войска (гоплитов) на основе землевладения, массовое основание полисов, сопровождавшееся бесцеремонным переселением и совместным поселением колонистов, подготовливали территориальное расширение государства. Завоевания создали и здесь те знакомые из старины отношения между царем-военачальником и войском, которые (см. выше) когда-то подготовили возникновение древнего родового государства (*Geschlechterstaat*) на место монархии: войско, как при Хлодвиге, суверенно в такой же мере, как и царь. У него ищет правосудия царская фамилия — как, например, царица

Олимпиада¹⁴⁸, — и к нему апеллирует и царь в случае государственной измены генерала. Только масштаб стал гораздо крупнее, а успехи завоеваний поставили царя и его преемников фактически в положение восточных монархов. Но победоносные македоняне и на Востоке твердо помнили, что эллинский полис должен — и только он один может — составлять основу политической организации, и, таким образом, способствовали последнему широкому распространению этого основного эллинского учреждения.

Глава третья

ЭЛЛИНИЗМ

На Востоке *персидское* владычество не принесло с собой существенных перемен в социальном и экономическом строе. Неизменность податей, установленных Дарием по сатрапиям, за все время существования его царства характерна в этом смысле не менее, чем сохранение свободной сельской военной общины, наподобие швейцарской, на родине *господствующей* нации и древнего аграрного хозяйственного строя (социальная деградация должника, как такового — потому что он является платящим подать холопом, — самостоятельно хозяйничающие крестьяне, обязанные служить в ополчении, по-видимому, отсутствие вотчинной власти (*Grundhegkeit*), но лишь выделяющиеся размерами владений и придворно-рыцарским воспитанием и в силу этого допускаемые к должностям при царе, а в лице старших в роде и к участию в совете царя роды («*Geschlechter*»), назначаемые царем судьи, вместо разбиравших судебные дела местных князей, — как во Второзаконии, — но никаких зачатков кодификации) наряду с деспотически-теократическим господством над *подданными*. Подати — частью денежные, частью натуральные. Денежные подати (самые высокие подати были в Вавилоне: 1000 талантов серебра; общая сумма: 7600 талантов серебра = 53 ½ млн. марок, к которым надо прибавить потреблявшиеся на местах поступления) не дают масштаба для суждения о развитии денежного хозяйства; 14-я сатрапия (на Иранском плоскогорье), представлявшая собой наполовину пустыню, дает почти столько же, сколько и Египет (как, наверное, вполне основательно полагает Э. Мейер, здесь должны были давать себя знать рудники и т. п.). Натуральные подати состоят частью в обязанности давать помещение местному гарнизону и удовлетворять другие его потребности, частью в обязанности городов — как в средние века — содержать своего

властелина или его представителя во время его пребывания в них, частью в определенных податях; эти последние, как в огромного размера «ойкосе», имели разнообразное назначение, соответственно *потребительным* целям, и были распределены по местностям: известные города или деревни доставляют вино, другие — пшеницу к царскому столу или для определенных домохозяйственных и туалетных надобностей царицы; точно так же — что всего важнее — организованы вообще и пребенды¹⁴⁹ царской дружины (персов, которые «едят за царским столом»), должностных лиц и постоянного царского войска. Наряду с этим мы видим (особенно в Месопотамии, где это соответствовало системе прежних властителей, но, конечно, *не только там*) земельные пожалования для запасного ополчения, а для более высоких чинов пожалования *поместьями* (Grundherrschaften) и разного рода иммунитетам: *патримониальным судом и сеньориальной* властью над феодальным ополчением и обязанностью выставлять его. Эти феодальные права очень различны по объему и прежде всего по своему правовому характеру, начиная от чисто частного иммунного ленного поместья до крупных, пользующихся патримониальным изъятием от общей подсудности бароний (Standesherrschaften) и, наконец, до платящего подать, но в других отношениях политически автономного вассального князя (Lehensfürst), — институты, являющиеся дальнейшим развитием тех, следы которых мы находим уже в Вавилонском царстве, и предшественниками впоследствии существовавших предположительно в эллинистическую и с полной достоверностью в римскую эпоху частновладельческих территорий (Privatherrschaften). Только с течением времени предоставление собственно *политических*, превышающих патримониальные иммунитеты, правительственных прав встречается все более и более редко, чем это (по-видимому!) бывало во времена персидского владычества. Естественно, политическая, как и патримониальная власть *высшего сословия* (die politische wie die patrimoniale Standesherrschaft) распространяется преимущественно на внутренние области страны, лишённые всякой городской организации (но не исключительно: иногда *как* вотчинная, *так* и политическая власть жалуются и в отношении к городам); зато чисто частные, обрабатываемые колонами поместья (Grundherrschaften) встречаются также и

в областях с городской культурой. Правовое положение наследственных подданных подробнее неизвестно.

Относительно аграрных отношений *древних культурных стран* — Месопотамии, Египта, Сирии — во времена персидского владычества лишь в самое последнее время стали понемногу поставлять материал раскопки и демотические папирусы. Встречающиеся в вавилонских источниках большие количества фиников, поставлявшихся частными землевладельцами, позволяют заключить, что здесь развились значительные плантации (и притом развились *вновь* на прежней пашне, так как земельные участки должны были платить *мукой*). Долгосрочные (в одном случае на 60 лет) аренды поместий (очевидно, полученных в ленное владение или в подарок) персидских магнатов показывают, что строгие предписания относительно обязательного присутствия при дворе делали необходимым абсентеизм помещиков (Grundherren). Наряду с частными поместьями (private Grundherrschaften), имеющими к тому же своим источником царское пожалование, стоят царские домены: леса, сады, пастбища, пахотные поля, возникшие путем присвоения владений прежних, до персидского владычества существовавших, властителей и путем конфискаций, царские стада, принадлежавшие царю и принцам рабы, в том числе и рабы, обученные ремеслам, при случае работавшие, наверное, и на частных заказчиков и берущие себе в ученье рабов частных владельцев. Домены управлялись как и каролингские домены, администраторами. Крупной аренды в доменах, по-видимому, *не существовало*, так же, как не существовало и государственного откупа налогов. Довольно характерной является в вавилонских источниках посредническая роль капитала при уплате податей: он избавляет *обязанного* платить подати от необходимости самому доставлять следующие с него натуральные взносы, например, закупает муку, которую население должно доставлять царю, и, с другой стороны, берет на себя сбыт фиников, которые рождаются на данном участке, и таким образом устраняет ограничения, вносимые в обработку участков системой натуральных податей.

Время персидского владычества является, по-видимому, периодом сильного хозяйственного застоя в занятых персами областях. Вавилонская система каналов, видимо, при-

шла в разрушение к концу господства персов, и ни об эллинских, ни о финикийских городах мы не слышим, чтобы они благоденствовали под их владычеством, *несмотря* на совершившееся умиротворение этой большой сплошной государственной территории. Там не было как раз тех специфически античных стимулов «капитализма», которые *всегда* были связаны с *политической* экспансией. Сильным препятствием был гнет системы натуральных податей и реквизиций областных *наместников* (о котором, например, говорит Неемия) и полный произвол, жертвой которого были, видимо, и города, между тем как специфически эллинских шансов на *барыши* при этом не было.

Об отдельных областях мало что можно сказать. Относительно Египта времен персидского владычества материал источников пока еще слишком ненадежен и в смысле текста, и в смысле перевода, чтобы можно было на основании его делать какие-либо историко-хозяйственные заключения. В частности, утверждение Ревилью, будто бы революции «национальных» династий в эпоху персидского владычества привели к новым кодификациям и, например, к *восстановлению* (едва ли перед тем устранившегося) права фамильного ретракта, остается еще висящей в воздухе гипотезой до тех пор, пока еще не подверглась тщательному исследованию относительно своего смысла и значения «демо-тическая хроника», на которую он опирается. Впрочем, персидские цари, по-видимому, при случае секуляризировали церковное имущество, но они не внесли никаких перемен в общее положение духовенства и, несомненно, оставили во всей неприкосновенности национальное право. По-видимому, ни там, ни в Вавилоне общий тип социального строя и юридических отношений не подвергался никаким принципиальным изменениям. *Неизменный* характер персидского государственного хозяйства должен был оказывать соответствующее воздействие и на внешний оборот: экономическое развитие огромной, в течение полутора веков пользовавшейся почти совершенно мирным существованием, территории, видимо, стояло на месте (никакой торговли в Персидском заливе, слабое развитие также принадлежавших Персидскому государству финикийских и со времен Пелопонесской войны — эллинских *морских* городов).

Как и в некоторых других областях, персидское господство в *Иерусалиме* старалось найти для себя политическую

опору в теократии. Благодаря этому иудейским любимцам персидских царей удалось получить от них для иудеев разрешение 1) возвратиться в Иерусалим, 2) выстроить вновь храм и городские стены с сохранением за городским храмом исключительного права на место культа и — что в дальнейшей истории оказалось особенно богато последствиями — 3) *октроировать* очистительный ритуал, приобретший во время изгнания евреев первенствующее значение благодаря невозможности сохранения древней формы культа Иеговы, а также предписания, предусмотренные в так называемом «священническом кодексе» и устанавливающие права иерусалимского духовенства. До изгнания евреев священство было первоначально стоящей вне родовых союзов профессией, которая сделалась вскоре наследственной и существовала на определенные, взимавшиеся для этого налоги. Теперь оно было наделено правами на десятину и в то же время получило родовую организацию и составляло особую филу («колена» Левитово, две другие филы поэтому соединились в одно «колена Иосифово» в традиции). На основе родового начала — вроде того, как в Афинах *после* Дракона и перед *Солоном* и в Римском государстве древнейшего периода — была заново организована вся народная масса. Израильские «колена» («Geschlechter»), получившие свое наименование частью от местностей, частью от лиц, включающие в свой состав нередко несколько тысяч душ, и теперь остаются союзами *землевладельцев*, имеющих экономическую возможность носить оружие, — хотя теперь союзы эти были вновь образованы *искусственно* с политическими целями; наряду с ними (как и везде) стояли «цехи», т. е. по своей *функции* соответствующие родам союзы известных ремесленников. «Роды» были разделены на части, причем был произведен, с помощью шнура, частичный новый передел сильно обезлюдившей со времени изгнания земли, а затем при Неемии было предписано путем форменного синойкизма по $\frac{1}{10}$ (будто бы) от каждого колена в качестве представителей его поселить в полисе без права выселяться из него. Основной принцип, что человек, лишившийся своего земельного владения, не принадлежит больше к общине, сохранил свою силу, но «метеки», к числу которых принадлежат люди, не имеющие земельной собственности, и законом, и литературой трактуются с нарочитой предупредительностью, если только они принимают иудейскую веру.

Теократия утвердилась окончательно. Наряду со светскими родами стоят роды городского священства, которым подчинены «левиты» в качестве служителей при храмах. (Число всего духовного сословия — $\frac{1}{7}$ часть населения — необычайно велико.) Так как отличительной особенностью народа являлось теперь соблюдение ритуального закона (обрезания, Субботы, заветов чистоты), то священнические роды еще до того, как первосвященник стал формальным главой государства, являлись руководителями иудейской общины, *экономический* центр тяжести которой, несомненно, оставался в Вавилоне, где ее существование подтверждают нам многочисленные документы. *Политическое* устройство государства служило одной лишь цели: сохранить *сакральный* центр. Как и в эллинских городах, сначала здесь была введена общая трапеца глав родов у наместника, как символ *государственного* единства. С одной стороны, был воспрещен прежде допускавшийся *connubium* [брак] с «жителями страны», т. е. со всеми не вступившими в имевший религиозный фундамент полис путем принятия Закона, будь они даже израильского происхождения; с другой стороны, иудеи начали тогда не считавшуюся с происхождением своих будущих прозелитов *пропаганду* среди метеков и в чужих странах.

Относительно аграрного развития этой влачившей сначала довольно жалкое существование общины мы можем узнать что-нибудь лишь косвенно и из более поздней эпохи, с помощью талмудического права и Евангелий. Но и то узнаем немного и мало своеобразного. (Некоторые замечания см. ниже.)

* * *

«Национальная война» *македонской* военной монархии, положившей основу всемирному господству эллинизма, внесла в экономические условия Востока значительнейшие изменения. Ближайшим последствием было чрезвычайное распространение (*Expansion*) автономного в своих внутренних делах эллинского *полиса* в качестве формы организации также и на *внутренние* страны вплоть до границ Туркестана, между тем, как до тех пор лишь очень немногие города отстояли от морского берега более, чем на один день пути. В связи с этим стоит распространение денежного хозяйства. Это прежде всего сказалось в государственном хо-

зайстве: тогда как пребывание персидского царя в городе являлось экономическим *бременем* для этого последнего (благодаря обязанности содержать его за свой счет), эллинистический полис *имел выгоду* от пребывания в нем двора, что передано нам традицией как самое характерное отличие происшедшей перемены. *Государственный откуп* стал распространяться теперь на Восток. Мы видели, что еще при Артаксерксе частный капитал играл посредническую роль в уплате *долгов*, и Белох, конечно, прав, когда он понимает слова Аристотеля в «Экономике» (Aristot. Oikon. 33) в том смысле, что номархам приходилось *самим* превращать в серебро дань, собираемую с египтян зерном, для того чтобы иметь возможность уплачивать денежный налог, и поэтому они требовали свободы вывоза зерна, потому что иначе они не в состоянии были бы внести налог. Теперь государство начинает — планомернее всего в Египте — сдавать натуральные повинности откупщикам, которые гарантируют ему известную определенную денежную сумму, как выручку от продажи, чтобы иметь, таким образом, возможность сбалансировать свой бюджет в деньгах. Несметные «сокровища» персидских царей были растрочены в качестве донатив¹⁵⁰ суверенным войскам и его вождями и «дружинами» македонских князей и таким образом были пущены в обращение. Царство Селевкидов¹⁵¹, истиннейшее продолжение Персидского царства, видимо, никогда более не обладало особенно богатой царской сокровищницей, но зато его денежные доходы от податей, по-видимому, превосходили доходы всего Персидского царства (кроме Индии), взятого в целом. Государственная казна Египта была очень богата, хотя размеры ее, как они переданы традицией, совершенно неправдоподобны (многие историки принимали на веру цифры фантастические); кроме того, в Египте существовал царский банк, которой, как и в большей части эллинистических полисов, обладал монополией размена и вместе со своими филиалами являлся всеобщим платежным местом. Чеканка монеты по городам началась везде, между тем, как, например, Вавилон еще и во времена персидского владычества вовсе не чеканил денег; золотые «дарийки», «государством обеспеченные ценности» («Reichswährung») служили, главным образом, для хранения в виде сокровищ и для наград, и только некоторые приморские города чеканили эллинскую монету; но в общем денежное дело оставалось

на правовом уровне денежной системы Китая (мелкие разменные деньги наряду с колеблющимся в цене благородным металлом, уплачивавшимся по весу — «pensatorisch»).

Успехи и влияние денежного хозяйства всего яснее сказались на особенно хорошо известном нам теперь, благодаря Вилькену, положении Египта. В разнице между податями, платившимися персам, и доходами Птолемеев (будто бы 700 талантов, 120 000 артаб¹⁵² хлеба при Дарии — что, по данным традиции, сделалось постоянной податью — 14 800 талантов и 1,2 млн. артаб хлеба *будто бы* при Птолемеи Филадельфе¹⁵³, 60 000 талантов *достоверно* в I в. до Р. Х. после сильного упадка), конечно, нельзя видеть (даже оставляя в стороне снижение ценности благородного металла) просто *соответствующее* повышение государственных доходов: все источники говорят, что налоги в пользу *сатрапов* и местных войск были гораздо тяжелее, что на персидский двор уходила только часть всей суммы доходов и, конечно, *менее значительная* часть податей *натурой*. Но денежная стоимость всех поступлений *натурой* при Птолемеях равнялась всего только какой-нибудь $\frac{1}{40}$ *всей суммы* их доходов: так быстро шло вперед денежное хозяйство. И — на что Вилькен указал впервые — между тем, как в содержании войска в III в. до Р. Х. деньги относились к выдачам натурой по стоимости, как 1 : 2, во II в. до Р. Х. отношение это изменилось на $3\frac{1}{2}$: 1, во флоте же в конце II в. — на 20 : 1. Древние, отличающиеся от халдейских больше формально, чем по существу, категории натурально-хозяйственных деловых отношений, займы натурой, вознаграждение натурой и т. д., сохраняются еще в течение всей эпохи Птолемеев (в особенности, но не исключительно, в демотических папирусах). Натуральная *аренда* в частном обороте, судя по дошедшим до нас источникам, преобладает вплоть до эпохи императоров. Но денежное хозяйство неудержимо идет вперед, начиная от III в. до Р. Х. и до середины II в. после Р. Х. Сохранившиеся фрагменты хозяйственных книг показывают нам полную картину денежного хозяйства в области домоводства, с одной стороны, в III в. до Р. Х., с другой стороны — во времена Веспасиана. Закупки на рынке за деньги, продажа продуктов за деньги, подневная плата чистыми деньгами, отдача денег взаймы под денежные проценты господствовали в частном обороте; а главное — денежные *подати* и денежная *расценка* податей. Из поэ-

мельных податей, если не считать злаков, составляющих монополию государства (сезам, кротон и т. д.), только подати зерновым хлебом выплачивались почти целиком натурой, все другие злаки были обложены почти исключительно денежными податями. Точно так же денежными податями были обложены и ремесла, вместо прежних, практиковавшихся при фараонах, барщин и натуральных оброков ремесленными изделиями. Повсюду обнаруживается тенденция к «*adaeratio*», как технически называли этот процесс перехода от натуральных повинностей к денежным во времена империи. Необычайно развитая и доведенная до крайних пределов утонченности финансовая система эпохи Птолемеев, по которой решительно каждый, от проститутки до заведующего каналами — за исключением эллинов, жрецов (до известного числа на каждый храм) и *катоков*¹⁵⁴ (см. ниже) — был обложен особой *податью* (*differenzierte Steuern*) сообразно со своей профессией, а, кроме того, сообразно со своим объектом, каждый акт оборота, — эта система покоится на совершенно последовательном дальнейшем развитии кадастра *барщин* и земельных измерений и оценок, входивших в систему государственного обложения времен Рамессидов, которой она составляет диаметрально противоположность лишь в смысле *способа* обложения: там в принципе — натуральные повинности, здесь в принципе (как было на практике, см. ниже) — денежные налоги. Таким образом, в эллинистическую эпоху государство удовлетворяло свои потребности все более и более *денежно-хозяйственным* способом и могло это делать потому, что хозяйственный строй, на который оно при этом опиралось, в сильной мере был или становился денежно-хозяйственным строем.

Но *управление* вновь возникающих монархий было чисто *бюрократическое* и становилось *все более и более* бюрократическим, и в то же время в государственном хозяйстве, как раз *под влиянием* денежного хозяйства, все сильнее и сильнее выступает вперед принцип *литургий*: обеспечения *доходов* путем возложения имущественной ответственности за поступление государственных податей на состоятельных людей и прикрепления людей, обязанных нести государству *повинности*, к их занятиям (функции, *Funktion*). Египет в этом отношении — классическая страна, но и в других местах мы везде встречаем зачатки этого. Значение государственных *рабов* возрастало и в автономных поли-

сах, как, например, в Афинах. И аттический административный строй в своих *προεισφορά* и *συσφορία*¹⁵⁵, а также в положении демов (см. выше) уже содержал в себе зародыш того способа ответственности за исправное поступление податей, какой стал обычным полтысячелетия спустя в эпоху Константина¹⁵⁶, и того обращения с «*populus plebejus*», какое мы встречаем в муниципиях. Наконец, — вследствие завоеваний и в особенности вследствие территориального расширения *в глубь страны* — восточные государства, несомненно, переняли не только организацию в форме полиса, но и вотчинную (*grundherrschaftliche*) организацию, если не формально, то по существу. Уже тот факт, что в Египте при Птолемах мы имеем налицо случай *наследственной* аренды *частного* земельного владения (на 99 лет), которая практиковалась в Месопотамии времен персидского владычества, между тем, как ни одного примера ее мы не знаем, пока крайней мере до сих пор, ни для древней Эллады, ни для Рима, свидетельствует о более сильном выступлении *феодалных* элементов в социальном строе. Невзирая на политику примирения национальностей, восточная масса является в отношении к эллинскому войску народом *покоренным*, и это нашло свое выражение в социальных институтах. Во всяком случае, эллинистическое государство (кроме Египта) прежде всего энергично принимается за введение в стране городского строя. Лишь города являются носителями эллинской культуры — жители сельских местностей остаются «*ἔδνη*», — и желательная эллинизация происходит обычно, с одной стороны, путем поселения эллинов, отчасти всяких охочих людей из древней Эллады, но отчасти также и семейств ветеранов, путем конституирования этих колонистов и эллинизированных местных древних родов (жреческих родов и военной аристократии) в «полис». Надписи, по-видимому, указывают на то, что в принципе каждый, чье земельное владение несло или только, согласно правовому принципу, могло нести какие-либо государственные повинности, следовательно, все *частные* лица должны были «приписать» это земельное владение, хотя бы они получили его из рук царя (пользующегося в отношении к своим владениям правом экстерриториальности), к «полису». Эллинистические властители и колонисты всячески, очевидно, и совершенно сознательно урезывали вотчинную (*grundherrschaftliche*), собственно *теократическую*, организацию, в про-

тивоположность персам, которые точно так же сознательно выказывали расположение к теократии. Мы видим это из того, с какой ловкостью в Египте — еще до националистического восстания Фиваиды¹⁵⁷, которое послужило началом настоящей египтофильской эпохи — официально столь благочестивая династия Птолемеев воспользовалась причислением Арсиной (265 г. до Р. Х.) к лику богов¹⁵⁸ для того, чтобы, очевидно, ценой крупного денежного подарка отнять у жрецов взимание *ἀπόδορα* ($1/6$ части дохода) со всех огородных культур (*Gardenkulturen*) и передать ее *государству*, под видом предоставления этого дохода новой богине. Мы видим это и в синойкизме Антиохии писидийской¹⁵⁹ и др., совершенно явственно, например, в карийской Стратоникее¹⁶⁰. Здесь посредством основания новых городов древняя сельская храмовая амфикифия была буквально разрезана на части, и городам были, сообразно числу приписанных к ним ком¹⁶¹, отданы голоса этих последних в совете исстари группировавшегося вокруг храмов округа. Из позднейшего времени стоит припомнить, например, основание полисов династией Ирода¹⁶² в виде противовеса *единому* теократическому родовому полису (*Geschlechterpolis*) Иерусалиму; с такой же целью основана была Тивериада, где, по свидетельству Иосифа¹⁶³, новые поселенцы были наделены пахотной землей, домами и привилегиями, но обязывались жить в городе постоянно, и Себаста¹⁶⁴. Эти эллинские города, находясь среди чуждого населения и всецело завися от существования эллинистического государства, были в военном отношении самыми крепкими оплотами диадохов и эпигонов¹⁶⁵ (Себаста выставила во время одной Иудейской войны 3000 человек). Но, сверх того, появление эллинского полиса обеспечивало повышение податной силы: эллинистические монархи были «меркантилистами, как и территориальные государи XVII—XVIII вв. у нас в Германии. Синойкизм и теперь обыкновенно означал фактическое переселение в город для совместной жизни, в особенности для слоев общества, причастных к *деловой* жизни (а также, что следует хорошо заметить, к *управлению* городом, которое можно было использовать в коммерческих интересах). Так, уже Куном было обращено внимание на то, что после синойкизма Кассандреи *вино* из бывшего города Менды¹⁶⁶, продолжавшего свое существование в качестве *κόμη* этого полиса, отправлялось в море уже не из его гаваней

ни, а из Кассандрии: штапельное право есть также одна из принадлежностей эллинистического города.

Однако уже подчас колоссальные размеры городских территорий показывают, что по своему социальному устройству города эти должны были очень отличаться от классического эллинского полиса и на деле нередко представляли собой лишь *юридически* синойкизированный комплекс крупных *феодалных поместий* (von grossen Grundherrschaften). Далее, огромные земельные владения (домены) царей в принципе оставались совсем *экстерриториальными*, и наряду с ними существовали несомненно многочисленные, возникшие благодаря личному пожалованию, феодальные поместья (Grundherrschaften), которые не были приписаны к полису, в особенности в тех областях, где организация полиса не была введена повсеместно. Формальное, установленное *правовыми* нормами прикрепление к земле сидящих на частных феодальных поместьях (Grundherrschaften) *колонов* не может быть доказано, да и не представляется вероятным, не только в тех случаях, когда арендаторами являлись эллины (что случалось, конечно, редко за пределами территории полиса), но и вообще в отношении к неэллинскому населению. Иначе дело обстоит там, где выступало на сцену *административное право*, где, следовательно, дело шло о повинностях в отношении к государству, или, что то же, о повинностях в отношении к *монарху*. В своих отношениях к *государству* так же, как подданный Древнего Египта был связан с указанным ему законом местожительством, а афинянин (без всяких последствий для свободы передвижения) со своим демом, и подданный эллинистического государства был связан со своей родной общиной (*ιδία*¹⁶⁷ эпохи Птолемея — несомненно, только перешедший к ним от Древнего Египта уже раньше разъясненный институт): здесь платит он налоги, сюда его можно удалить в случае, если в месте его пребывания, где он живет в качестве *ἐπίξενος*¹⁶⁸, от него хотя и избавиться, сюда, наконец, может его *вернуть* при случае государство, когда потребуется выполнение им личных литургий. Ибо в древности *обеспеченная* свобода передвижения существовала лишь постольку, поскольку она была гарантирована определенными договорами или привилегиями. В противном случае, согласно *юридическому* принципу, по отношению к государству каждый отдельный человек был точно так же связан со своей общиной, как в насто-

ящее время русский крестьянин. Ибо и физическое возвращение подданных в родную общину для несения государственных повинностей мы находим не только в позднейшее время в известном тексте Евангелия от Луки, но и во все времена в эллинистических государствах. Эллинистическое государство знало, в частности, хотя и не в такой мере, как государства Древнего Востока, *натуральные повинности* публично-правового происхождения, и в тех случаях, когда выполнение их могло *пострадать* от переселений, оно прибегало, несомненно, к принудительному возвращению на место жительства. На экстерриториальных доменах царя, а также на пожалованных царем экстерриториальных феодальных поместьях (*Grundheitschaften*) (где были такие) частноправовые, опирающиеся на традицию и на общий порядок аренды доменов повинности колонов едва ли могли быть защищены от смешения с повинностями *административно-правового* происхождения, и тем более это имело место в Египте, где разнообразнейшие барщинные повинности подданных являлись наследием времен фараонов и продолжали существовать в эллинистическо-птолемеевскую эпоху, например, в виде пятидневной барщины на каналах, как это видно из источников этой эпохи. Впрочем, развитие менового хозяйства повсюду (также и в Египте, см. выше) вызвало тенденцию сделать эти барщины *переводимыми* на платежи натурой или деньгами. Но там, где затронуты были финансовые интересы государства, второй Птолемей¹⁶⁹ без малейших колебаний ограничил свободу передвижения рабочих, которые работали на государственных масляных прессах и *формально* были связаны (по-видимому) исключительно *контрактом*. Подобные мероприятия опирались не на общие правовые нормы, а на административную власть царя. Точно так же поступали, несомненно, в случае надобности и с колонами царских доменов. Документ продажи одной деревни из доменов в Малой Азии царем Антиохом II своей супруге¹⁷⁰ (в 265 г. до Р. Х., факт, впервые оцененный Ростовцевым) заставляет предполагать *фактическую* свободу передвижения у сельских жителей, *юридически* же они остаются — *вопреки* мнению П. М. Мейера — прикрепленными к своей деревне и могли быть, конечно, в *случае надобности* возвращены в свою деревню. Но совершенно так же могли поступать со своими держателями и частные экстерриториальные земле-

владельцы, если им предоставлены были права местной власти. Частное право Востока от Снофру и Хаммурапи вплоть до Талмуда всегда рассматривает мелкую аренду с точки зрения *господина* (Herr) и всегда видит поэтому в мелком арендаторе человека, находящегося здесь для надобностей господина (помещика), который поэтому не только и не прежде всего имеет в отношении к земле *права* пользования, но прежде всего берет на себя и *обязанности* обработать землю (прежде всего, но не исключительно: таково было положение арендатора из части продукта); и едва ли всегда брали на себя труд четко отделять эти повинности в отношении к *царю* или к патримониальному владельцу (Patrimonialherr) от натуральных повинностей публично-правового характера. Уже различие между несшими барщину колоннами *доменов* фараона и его «*подданными*» крестьянами, которых он привлекает к несению *государственных* барщинных повинностей, носило (см. выше) довольно проблематичный характер. Для *туземного* населения («*ἔθνη*») такое положение вещей, может быть, несколько изменилось в эллинистическую эпоху, и то едва ли принципиально. Официальная терминология Птолемея в так называемых «Revenue laws» и в других источниках делает различие между «*λαοί*» доменов (тем же словом обозначаются и малоазиатские колонны, и это же название соответствует, конечно, и «*retu*», «*miritiu*» и другим выражениям времен фараонов) и остальными *γεῖτοροι* страны. Эти последние, формально «свободные» сельские хозяева — собственники или арендаторы, в том числе и *царские* арендаторы («*βασιλική γῆ*»¹⁷¹), — первые же в «Revenue laws» и в других источниках — *египетские* колонны царя. Долго ли держалась эта терминология, остается спорным. Ибо, по-видимому, к этим царским колоннам, в *административно-правовой* практике по существу приравнивалась, как и во времена фараонов, и большая масса *туземного неимущего* (соответственно юридически трактуемого как неимущее или наравне с неимущим) *сельского* населения (такое положение вещей ведет свое начало, очевидно, еще из древнеегипетских отношений, см. выше). *Λαοί* платят поголовный налог, они в своей *ιδία* исполняют натуральные повинности и для государства, и для общины; только в эллинистическую эпоху эта барщина большей частью переведена на деньги, и в силу этого существует и *фактическая* (с юридической точки зрения прекарная)

свобода передвижения. *Когда* с них требуют исполнения натуральных повинностей — во времена острого напряжения государственного тягла или во времена кризисов, когда не хватает денег (как это было, например, во II в. до Р. Х., как впервые отметил П. М. Мейер), тогда они освобождаются от других литургий (например, от принудительной государственной аренды), чтобы не причинить ущерба земледелию. (В какой мере сидевшие на царской земле *λαοί* сидели на ней лишь в силу *договора* — в поместьях частных лиц на юридическом языке позднейшей эпохи они назывались *homologē colōnē** или же они просто платили свои *традиционные* платежи, для этой эпохи это не выяснено; положение так называемых «*ὑπερφοῦντες ὀφίλογοι ἄνδρες*», существование которых во II в. до Р. Х. доказывает Вилькен и которые, по его мнению, сидели на *государственных* поместьях, до сих пор, к сожалению, невозможно определить более точно. В общем, для эллинистических колонов *первоначальной* основой служил *договор*, для туземных («*ἔθνη*») колонов — *традиция*.)

Очевидно, это явление (о его особенностях и дальнейших судьбах изложено в статье «Колонат») входит как неотъемлемая часть в тот государственный аппарат, который Египет, в этом отношении наиболее рационально организованное эллинистическое государство, воздвиг на основе древнеегипетского социального строя. Если, как мы сейчас видели, наряду с организациями вотчинного типа (*grundherrliche Gebelde*) в эллинистическом денежном хозяйстве дают еще себя знать основы древнего *барщинного* государства (*Fronstaat*) времен Рамессидов, то, с другой стороны, это денежное хозяйство разрушалось особенностями системы государственных финансов. Государство держало огромную армию *платных* чиновников и все же значительное постоянное войско, получавшее все в большей и большей мере *денежное* вознаграждение, точно так же двор и (особенно в Египте) добавочные траты на религиозный культ, и (это главное) глобальная политика требовали теперь прежде всего *денег*. Как в настоящее время, так и в эллинистическую эпоху *именно* необходимость *денежно-хозяйственного* покрытия *государственных* потребностей послужила рычагом для преобразования всего хозяйства страны в смысле возвращения ко

* Спорно.

все увеличивавшейся *связанности* хозяйственной жизни общества, к ее обобществлению и к *вытеснению* оборота. В древности этот процесс нашел свое завершение в форме достигшего своего полного развития опирающегося на литургии государства («Leituriestaat»). Более подробное описание такого догосударства не входит здесь в нашу задачу (об отдельных важных в аграрно-историческом отношении пунктах см. статью «Колонат»). Достаточно будет напомнить, что в образцовом эллинистическом государстве — Египте — царство Селевкидов было организовано гораздо слабее и распалось вследствие этого сравнительно быстро — важные отрасли производства были совершенно монополизированы: например, как уже случайно упоминалось раньше, изготовление *масла* (из сезама, кротона, тыквы; разведение маслин распространилось в Египте лишь позднее, именно в эпоху римского владычества), соль (с принудительным минимальным контингентом, соответствуя французской «gabelle»), натр и, по-видимому (в исторической связи с положением текстильной промышленности в Древнем Египте, см. выше), также изготовление тонкого полотна. Возделывание маслин и (вероятно) льна находилось поэтому под строгим контролем; весь сбор в силу принадлежавшей государству монополии закупки поступал в царские магазины. Цены при продаже масла устанавливались весьма произвольно с самых различных точек зрения после того, как κάπλοи¹⁷² отдельных городов и округов указывали необходимые для их округов количества, и двор отчислял, сколько ему было нужно. Масло, наряду с также регулируемой государственным управлением (см. ниже) пшеницей, было важнейшим предметом потребления. В не меньшей мере было монополизировано и сдано в аренду банковское дело (в первую очередь: операции, связанные с валютой). Эта монополизация все развивалась и захватывала все новые — в частности: 1) «трудные» («schwere») (т. е. связанные с поставкой сырья) и 2) работающие на массовое потребление отрасли промышленности. Во времена римского владычества мы находим, например, также сдаваемые в аренду монопольные кирпичные заводы, и таким образом через руки *государства* проходило большинство простейших (elementare) предметов потребления: хлеб, растительное масло, строительный материал, одежда (отчасти).

К этому присоединилась система *литургий* в форме, являющейся комбинацией древнеегипетских учреждений с чисто эллинскими. Государство старается исполнение *каждой* государственной повинности обеспечить *имущественным поручительством*. Чтобы сделать это возможным, все сколько-нибудь прочные и значительные имущества заносятся в кадастр, так что к каждому их владельцу приписывается определенное число *пóροι*¹⁷³ — круглых денежных сумм, в принципе однородных с позднейшими «сарита» времен Диоклетиана¹⁷⁴, и сообразно с этим властями определяется должность, которую он может отправлять, и связанные с ней *обязанности*. Эта система распространяется на все должности, до ночных сторожей в *деревнях* включительно (*пóροι* в 300 драмах). Эта система литургий захватывает также и главнейший источник капиталистического образования имущества, *государственный откуп*, в частности, откуп податей (это прекрасно изображено Ростовцевым). Вместо свободного хозяйничанья афинского и тем более римского откупщика податей, обусловленного отсутствием бюрократии, мы видим здесь взимание податей *государством*. Государство нуждается в *откупщике* в конце концов только как в поручителе за вполне определенный минимум *денежного* дохода для надобностей бюджета и оплачивает его риском участием в излишках или «*ὀψώνιον*»¹⁷⁵ в размере 5—10%*. Вместо того, чтобы за внесенную заранее государству сумму откупщик получал в собственные руки поступающие налоги, здесь эти поступления совершенно не проходят через кассу откупщика и идут прямо в магазины, т. е. *государственные* кассы; с другой стороны, откупщик и не вносит ничего (или только часть) вперед. Откупщику, следовательно, нужно сравнительно очень мало «капитала», ему и его компаньонам (*socii*) и поручителям нужно было скорее только «*имущество*», чтобы иметь возможность явиться поручителями перед государством. Поэтому взятие на откуп податей имело здесь *качественно* иной экономический характер, чем у римских публиканов, и соответственно этому с течением времени оно все более и более рассматривалось как литургия и во времена неблагоприятные *чувствовалось* как *тяжелая* литургия: прямое принуждение к взятию на откуп государственных податей к концу эпохи Пто-

* Многие подробности еще спорны.

лемеев представляло собой постоянное явление (эдикт Александра показывает, насколько оно было невыносимо) и начинает в конце концов распространяться с откупа налогов также и на аренду *доменов*, где ее существование, как вполне нормальное явление, между прочим, заверено вполне определенными, к этому случаю относящимися статьями в контрактах компаний откупщиков (об этом см. статью «Колонат»).

Из больших царских *доменов* поступает очень значительная часть государственных доходов. В первое время, пока династии еще не чувствовали под собой твердой почвы, старые домены в очень значительных размерах служили отчасти для приобретения денежных средств (продажа земли Антиохом I городу Питане¹⁷⁶ за 300 талантов) или для приобретения и обеспечения надежных сторонников. Произведенные Филиппом и Александром крупные земельные пожалования подтверждает (судя по сохранившейся надписи) Кассандр¹⁷⁷; крупные земельные пожалования производились также и при диадохах, в особенности при первых. Один генерал получил в дар от Антиоха I около 600 гектаров земли, и, наверное, это не было особенно большим пожалованием. Но в позднейшее время — и тут последовательнее всего в Египте — царские земли, кроме пожалований храмам (см. ниже), служили двум целям: 1) для раздачи в постоянное владение *солдатам*, для пополнения гвардии всегда готовым резервом или для образования кадров для набора, притом *без денежных* затрат, 2) для получения *рент*, главным образом при помощи сдачи в аренду.

Что касается снабжения землей для *военных целей*, для выяснения которого, хотя, по-видимому, еще и не окончательного, очень много сделал П. М. Мейер, то здесь оно не может быть подвергнуто всестороннему рассмотрению; мы ограничимся несколькими замечаниями, чтобы вкратце проиллюстрировать его *аграрно-историческую* сторону. В самом широком смысле можно было бы видеть военный характер во *всех* наделениях землей клерухов в новых полисах царств диадохов, потому что основание полиса есть основание крепости. Но с формальной точки зрения обязанность идти на войну здесь есть обязанность полиса в отношении к государю, обязанность гражданина по отношению к автономному в своей внутренней жизни полису. Иначе дело обстояло с настоящими *солдатскими* наделами. В Пер-

гаме¹⁷⁸ земельные наделы от 12½ до 6¼ гектаров (из них от 1½ до 1¼ под виноградниками) это — клеросы солдат, военная повинность неразрывно связана с определенным конкретным участком земли. Точно так же было, несомненно, с настоящими поселениями ветеранов, которые еще со времен Александра являлись, очевидно, возвращением к древним восточным учреждениям (см. выше) и создавали (*фактически*) наследственное *сословие* солдат как суррогат македонского ополчения. Приспособление новых учреждений к раньше существовавшим особенно далеко заходило в Египте. Мы находим здесь (как в последний период императорской эпохи и во время переселения народов в Европе) бок о бок: 1) расквартирование (σταθμοί) солдат и 2) расселение по клеросам. Здесь нас интересует только последнее. На земле клерухов опять же бок о бок мы видим туземных, призываемых только в случае нужды μάχοι с их маленькими, на египетский лад наделами (ἐλτάρουχοι μάχοι в Керкеосирисе¹⁷⁹: 1,8 гектара; наряду с ними египетские всадники с более крупными наделами), с другой стороны македонско-греческих клерухов. (Тот факт, что, кроме того, иногда земля клерухов раздавалась полицейским и позже гражданским чиновникам, как это, например, показывают Тебтунисские папирусы, а также вопрос об отношении друг к другу различных обязанных военной повинностью получателей земли: σύνταγμα (линия) к ἐπιτάγμα¹⁸⁰, к ἐπιγονοί¹⁸¹ — привилегированным потомкам старого войска завоевателей, как это установлено теперь П. М. Мейером и Рейнахом (Reinach) — κοινδροῦχοι κάτοικοι, до сих пор остающийся в достаточной мере спорным, все это оставляется здесь в стороне, как и вообще все, даже важные подробности; см. статью «Колонат». И сказанное в дальнейшем изложении во многих отношениях спорно.)

Поскольку клерухи, в частности κάτοικοι (позднее вошедшее в употребление название основной группы эллинских клерухов), сидят на *земле* (встречаются пригородные мелкие наделы в области Дельты Нила до 0,83 гектара), они получают, по-видимому, свой земельный надел, где только это возможно, на находящемся в распоряжении царя высоко лежащих *пустошах* (Geestland) (χέρσος), а не на принадлежащей ему старой (и, следовательно, подверженной наводнениям) *пахотной земле* (σπόρσιος), а потому в гораздо большем размере (в Керкеосирисе колеблясь между 20 и

100 арурами, что приблизительно = от 5,6 до 28 акров, и иногда достигая 320 и даже 500 арур). Если *обязанная* быть сданной в аренду расположенная в низменностях земля (Marschland) отдавалась клерухам, следовательно, оставалась *свободной* от аренды, то в кадастрах это является как уклонение от общего правила и заносится как «недобор» следуюемого от аренды. Обычно, таким образом, «βασιλική γῆ» в собственном смысле, обязанный быть сданным в *аренду* домен царя, отличается, с одной стороны, от земли, принадлежащей частным владельцам (ιδιόκτητος), с другой стороны — от «γῆ ἐν ἀφέσει», состоящей в свою очередь из двух категорий: из земли храмов (ιερά γῆ, см. ниже) и земли клерухов. Эти две последние категории земель, связанных несением известных *служб* (*функций*, Functionen), несмотря на это, не были полностью освобождены от всяких податей (так же, как и частная земля). Подати, платимые клерухами всех категорий, ввиду того, что земля их часто была как раз прежней пустошью, бывали даже чрезвычайно обременительны и заставляли их отказываться от владения ими, хотя первоначально эти подати, судя по их характеру и названию, с одной стороны, носили чисто формальный характер (были Rekognitionsabgaben), а с другой стороны, были податями, уплачиваемыми царю, как главе войска, лишь в определенных случаях. По свидетельству источников, за неуплату подати земля подлежала секвестру и при случае передавалась другому, кто брал на себя и связанные с ней повинности, и прежде всего, без сомнения, за неявку в войско, — как бывало уже со служилыми ленами (Dienstlehen) во времена Хаммурапи. Клерух не обязан обрабатывать землю своими руками: он может сдать землю в аренду. Отчуждать землю он, по-видимому, по закону первоначально не мог, или же это делалось в форме отказа в пользу другого лица с согласия власти. В порядке наследования земля переходит к сыновьям. Завещаний, по-видимому, в III в. до Р. Х. еще не существует. Встречаются случаи раздела земли между отцом и сыном (видимо, всего только деление работы и дохода). Дробление на более мелкие участки встречается очень редко, но все же встречается (при наследовании), несомненно, с разрешения власти. Нельзя сказать наверное, была ли предоставлена клеруху первоначально юридически полная свобода выбора способа обработки земли; по-видимому, нет указания и на *фактическое* вмешатель-

ство властей; судя по арендным договорам, его решительно не было: клерух ведь платил, главным образом, *денежные* подати и кроме того исполнял в случае надобности военную службу. Лишь в случае полного прекращения обработки или падения ее ниже определенного минимума, обеспечивающего государственные подати (следы этого в Тебтунисском папирусе), земля отбиралась в казну — как и во всех античных наследственных арендах.

Эллинские «κῆτοκοί» составляют аристократию среди клерухов. Они так же мало обособлены чисто этнически, как с другой стороны *μῆχθοί*, и чем дальше, тем меньше, в соответствии с политикой Птолемеев. Но среди клерухов существует возможность повышения за заслуги и труды из низшего в высший класс, с постепенным увеличением наделов и с выдачей новых и с одновременным «переводом» в класс *κῆτοκοί*, к которому, несомненно, можно было принадлежать лишь людям, усвоившим эллинскую культуру. Судя по размеру их наделов, число этих *κῆτοκοί* не могло быть особенно велико (ср. также большое число наемников в войсках Птолемеев). Земли клерухов, конечно, очень неравномерно распределялись по стране, и их было всего больше там, где царь приобретал новую землю путем орошения и осушки местности (в точности, как на Древнем Востоке — в Месопотамии; и массовые переселения побежденных производились Птолемеями точно так же, как в древние времена). В сплошь на *нови* расположенной области Керкеосириса, например, вследствие этого совершенно нет частных владений (кроме деревенских усадебных участков) и почти нет (5%) земли, принадлежащей храмам; напротив, земля клерухов занимает из приблизительно 4700 арур (1300 гектаров) 1564, т. е. почти треть, между тем, как вся остальная земля есть *βασιλική γῆ*.

Κῆτοκοί уже с самого своего появления (во II в. до Р. Х.), и, во всяком случае, чем дальше, тем все больше и больше, занимают положение привилегированного класса, и это привилегированное положение распространяется с ходом развития и на их клерос, который превращается фактически в *частное* владение, и даже привилегированное частное владение, как в отношении податей, так, несомненно, и в отношении барщинных повинностей. В III в. после Р. Х. они, по-видимому, платят необычайно низкую подать в размере 1 артабы с каждой аруры. За то они подлежат *ἐλκρίσις* —

кадастрированию для надобностей военного набора, как следует это слово толковать вместе с П. М. Мейером, вопреки Уэсли (Wessely), который понимает этот ἐλικρισς прежде всего как установление — различных для каждой этнической группы — *податных* повинностей; во всяком случае, в эпоху римского владычества, а также, как было замечено, по-видимому, уже и раньше, сословие κάτοικοι не было обособлено этнически.

О египетском царском домене, βασιλική γῆ, я ограничусь здесь немногими замечаниями (о *социальном* значении отношений в домене см. статью «Колонат»). Царская земля кадастрирована уже со времен «Нового царства», вымерена и разделена на четырехугольные участки. Судя по данным источников, способ обработки с точностью определен для каждой деревни и находится под контролем. Со времен фараонов домен разбросан, хотя, несомненно, очень неравномерно, но по всей стране (твердых оснований для ответа на вопрос: «как?» пока еще нет). Домен сдается в аренду, и в эпоху Птолемеев так же, как и в Древнем Египте, и отчасти в противоположность императорской эпохе, преимущественно *мелким* арендаторам. Аренда здесь не есть аренда из части продуктов, а за твердо определенную плату натурой, соотносящуюся с качествами почвы. И плата производится *прежде всего пшеницей*. Всеми другими злаками плата взимается натурой лишь до известного, твердо определенного максимума; остальное рассчитывается пшеницей по твердо установленному тарифу (ячмень относится к пшенице, например, как 3 : 5), и таким образом известная фактическая свобода в чередовании плодов по возможности приводилась в гармонию с интересом фиска — получить пшеницу в желательном количестве. Но в соответствии с этим порядок смены плодов на коронной земле отличался, конечно, от обычного, принятого, например, у клерухов, гораздо более сильным преобладанием *пшеницы*. Между тем, как клерухи в значительной степени обрабатывали землю для *собственного* потребления, и потому, например, стручковые растения играют у них значительную роль, производство на коронных доменах имело в виду коммерческие цели, *экспорт*: Египет сделался всеобщей «житницей». Поэтому посевы пшеницы занимают нередко больше половины, хлебом вообще занято обыкновенно $\frac{2}{3}$ всей земли, остальная треть для отдыха (ἀνάλαυμα¹⁸²) засеивается травами,

чечевицей и т. п. На засев полагалось 1 артаба на 1 аруру (28 аров). Урожай в *одном* случае достигает сам 20 (*в настоящее время* средний урожай — сам 12)*. Для обеспечения столь важного в политическом и экономическом отношении производства хлеба служат ведущие свое начало из времен фараонов царские магазины, из которых в случае надобности крестьяне (арендаторы доменов и *другие*, платившие *подати* натурой) получают ссуду (как теперь в России) на посевную, причем весь аппарат в самой нижней инстанции опирается на царских «ситологов», которые наблюдают по деревням за обработкой земли и за жатвой и в случае надобности выдают ссуду на посевную. Хлеб молотили под наблюдением на гумнах, устроенных перед деревнями, и затем отвозили в магазин; перевозку в Александрию, в случае надобности, производили уже (принудительные) артели, конечно, пользовавшиеся в этом деле правом монополии. Арендная плата представляется, насколько можно судить, умеренной сравнительно с арендной платой на землях частных лиц (см. ниже). Зато уменьшение или вообще отмена арендной платы при аренде доменов допускается, по-видимому, лишь в самых крайних случаях (когда нет разлива).

Кадастр доменов приводит для каждой деревни те составные части доменов, которые приносят ренту, и те, которые постоянно или временно не приносят ее. Это может случиться по той причине, что земля представляет собой «ὀλόλογον», т. е. не дает ренты по естественным или чисто фактическим причинам (отсутствие обработки), или потому что она находится ἐν συκρίσει, т. е. арендатор ее имеет право на отмену арендной платы, наконец, потому, что она пожалована кому-нибудь за службу. Дело в том, что отдельные части βασιλικῆ γῆ, не говоря о вышеупомянутом случае неправильной раздачи земли клерухам, могли быть употребляемы для определенных царем целей: для пополнения средств, которые шли на содержание храмов или жрецов (выражение ἐν συντάξει, видимо, имеет этот смысл), или в качестве ленов царедворцам (такое значение имеет, очевидно, ἐν δωρεᾷ), тогда нередко жаловались сразу целые деревни. И то и другое было, наверное, взято из административной практики времен фараонов. Все остальное отно-

* Ср. с этим арендную плату (см. ниже).

сительно категории царской земли еще продолжает оставаться спорным: есть ли, например, γῆ ἄφροχος, орошаемая земля высоко расположенной пустоши (Geestland), а γῆ σπορίτη — земля затопляемая, что правдоподобно, или же скорее: последняя есть болотистая земля, а первая — осушенная, что весьма маловероятно! и т. д. «Γῆ προσόδου» Миттейс понимает как землю, отданную в *наследственную* аренду, между тем, как «γεωροῦι διρριόσιου», которых другие рассматривали (несомненно, неправильно), как арендаторов *деревенских* владений, были, по его мнению, наоборот, обычными срочными арендаторами. Как бы то ни было, во всяком случае, существование *наследственной* аренды с *наследственной* арендной платой установлено им на основании истолкованного им памятника (Z. f. R. G. 23, стр. 151 и след.), что позволяет сделать соответствующие заключения и относительно римских отношений (см. ниже). Наследственная аренда встречается, с другой стороны, и там, где происходил *самовольный* захват лежавшей высоко пустоши (Geestland), которая затем предоставлялась правительством захватившему ее, но *вместе с тем* на него же возлагалась *обязанность* улучшать землю и обрабатывать ее.

Предоставление рент и пожалования земли в полную собственность, производившиеся Птолемеями в пользу национальных египетских *храмов* не менее щедро, чем греческих, были чрезвычайно значительны — огромные владения храма в Эдфу¹⁸³ возросли сразу в полтора раза — и соответственно обширны были и размеры ιερά γῆ, в особенности в Верхнем Египте, где истари был центр национального жречества. Впрочем, сравнительно с эпохой фараонов земельные владения храмов сократились: даже в четырех самых южных номах Верхнего Египта ιερά γῆ занимает лишь $\frac{1}{25}$ всей обрабатываемой земли. Отто (Otto) определяет площадь ее во II в. до Р. X. в $\frac{1}{10}$ всей земли. Но храму в Эдфу одному принадлежало там свыше 18 300 гектаров, ему же, вместе с некоторыми другими храмами, свыше 21 400 арур (6000 га) по большей части плодороднейшей земли. Если в демотических контрактах встречается nefer hotep, т. е. (прежняя) земля храма в частном обороте, то из этого нельзя делать вывод о том, что Птолемеями были произведены секуляризации, но лишь о производившемся при случае добровольном отчуждении, иногда, может быть, о конфискациях *более давних* времен. Впрочем, ἀλόμορα была экспропри-

рована в пользу причисленной к сонму богов Арсиной¹⁸⁴ (за соответствующее возмещение, см. выше), а обожествление властелина было вообще на Востоке средством, открывающим возможность наложить руку на достояние богов, не навлекая на себя все же опасного упрека в святотатстве: тут ведь дело шло о сделках «между коллегами». Но, в общем, государство брало непосредственно в свои руки лишь *управление* церковными доходами. Местные синоды египетских жрецов продолжали существовать. Сами жрецы, видимо, были, по крайней мере недолго, опорой по существу антиэллинского национализма, хотя это, конечно, не была случайность, что и последнее националистическое восстание имело своим средоточием Фиваиду, этот древний центр теократии и область самых обширных храмовых владений (см. выше).

Древняя традиция приняла стереотипные, раз навсегда установленные формы, но не имела агрессивного характера. Вступление в духовное сословие находилось под контролем государства. Жрецы не отличались хорошим образованием, стояли в этом отношении ниже эллинистического общества. Они отличались теперь от греческих жрецов, кроме своей организации в виде единой *церкви*, существенным образом более сильной мерой «аскезы» и в связи с этим, очевидно, более *редким* совмещением (но не полным отсутствием его) религиозных обязанностей со светской профессиональной деятельностью.

Египетско-эллинистическая церковь наряду с иудейской синагогой оказала влияние на христианскую церковь не только разными специфическими церковными формами организации и жизни, но также и своим экономическим укладом. Ибо, хотя поразительное сходство монастырского хозяйства с хозяйством египетского храма, конечно, не непременно *целиком* должно быть объяснено заимствованием, но нередко просто вызывалось возникавшими от других причин сходными условиями, но монастырское хозяйство первых веков христианства в Египте так сходно с хозяйством тамошних языческих монастырей, что здесь заимствование традиции уже не вызывает никакого сомнения. Хозяйство храмов эпохи Птолемеев, очевидно, успело вырасти из натурально-хозяйственного ойкаса, употреблявшего все свои доходы или, по крайней мере, большую их часть, на удовлетворение собственных (в смысле продовольствия

и расходов по культуре) потребностей, в целый комплекс денежно-хозяйственных производств; зачатки такого порядка, несомненно, восходят (см. выше) еще к национально-египетской эпохе. Наверное, еще издавна храм, чтобы сделать поступающие ему натурой продукты годными к употреблению, устраивает мельницы, а, быть может, в случае надобности и пекарни. Иной раз он прикупает еще зерна, чтобы перемолоть его (Гелиополис¹⁸⁵), и таким образом вполне использовать свою мельницу, или же, наоборот, сдает мельницу в аренду (Soknopaiu Nesos), потому что она ему более не нужна (годовая аренда в Soknopaiu Nesos равнялась 120 драхмам). Брали ли плату за молотбу хлеба и взимали ли за испечение хлеба третью долю муки, точно не установлено. При таком множестве принадлежавших храмам пивоварен производство *для рынка*, несомненно, существовало. Напротив, виссон¹⁸⁶, этот рыночный продукт «ойксов» фараонов и храмов в старые времена, теперь ввиду того, что изготовление его (вероятно) было государственной монополией, храмы могли, вероятно, изготавливать только для собственного потребления. Относительно растительного масла это было вполне определено постановлено, при введении монополии, так называемыми Revenue Laws. Когда, к концу эпохи Птолемеев и в эпоху римского владычества стали разводить оливковые деревья, то свободное от монополии производство масла из собственных оливок должно было сразу занять видное место. Затем, храм издавна нуждался в самых разнообразных рабочих для своих строительных надобностей и в живописцах. *He* представляется вполне достоверным, чтобы упоминаемая в источниках уплата храмом государству налога на патент (Lizenzsteuer) имела тот смысл, что храм времен Птолемеев извлекал *доход* из эксплуатации ремесленников, как предполагает Отто: если они были свободные люди, то непонятно, почему бы они *сами* не продавали свой труд на рынке. Но тут речь идет *либо о колонах* храма (тогда было бы понятно и взыскание налога на ремесленный патент *при посредстве* храмов; но нет никаких *доказательств* в пользу зависимого состояния храмовых ремесленников), *либо* — и это весьма вероятно — *о законтрактованных на долгий срок (fest)* и исключительно для надобностей *храма* свободных строительных и других ремесленниках. В таком случае становится вполне понятным, что храм уплачивает государству налог на патен-

ты и затем взыскивает его с ремесленников. Храм — в этом, как и в других случаях (*в этом Отто совершенно прав*) — с технической-податной точки зрения рассматривался, как владелец-хозяин производства.

В какой мере работа ремесленников для храма служила в конечном итоге производству для *сбыта*, остается очень спорным. Во всяком случае, она, *по большей части* и по своему размеру, и всегда по своему *происхождению* есть придаток (Аппех) «ойкоса». Постоянные «заведения» («Anlagen») для промышленных целей, как, например, встречающиеся не раз *валяльные* мельницы, храм устраивал не только для удовлетворения собственных потребностей, но также и для извлечения доходов, точно так же, и прежде всего, масляные прессы. Мы не имеем никаких указаний на то, чтобы храм занимался посреднической торговлей, но ссуды он дает, как это делали искони все восточные храмы (по 6%, процент умышленно *низкий*, как низка и взимаемая государством за свою землю арендная плата) под залог натурой. Размеры всех этих дел были, очевидно, таковы (1295 драхм, $\frac{1}{8}$ всех своих *денежных* доходов, платит маленький храм в качестве ремесленного налога государству), что Отто с чисто *производственно-технической* точки зрения с полным правом называет храмы самыми крупными «промышленниками» («Industriellen») Египта (наряду с монопольным производством самого царя). Но размеры *рыночного* производства совершенно спорны и, следовательно, применение сюда понятия «фабрики» (как это делает Отто) рискованно, тем более, что и характер договорных отношений занятых здесь ремесленников («рабочих», как говорит Отто) остается неясным, точно так же, как и характер экономической *организации* производств. Крупных сельскохозяйственных предприятий храмы, очевидно, *не имели*. Земля храмов (сплошь) сдана в аренду. Избытки от арендной платы натурой, остающиеся после удовлетворения собственных потребностей, продаются.

Существование бок о бок громадного царского и жреческих «ойкосов», система литургий, положение *λαοί* и т. д., — все это уже само по себе показывает, что и здесь нужно быть осторожнее с применением современных категорий. Конечно, эллинистическому периоду, вероятно, был известен, например, аккредитив (Kreditbrief): он был необходим важным лицам в путешествии, причем если не настоящий приказ об

уплате (Order-Klausel), то приказ об уплате уполномоченному (Prokuratoren-Klausel) для *государственных* долговых обязательств (öffentliche Schuldverschreibungen); чтобы был известен вексель (как то думал Кайме (Caillemet)), представляется, правда, невероятным; но некоторые зачатки того, что получило свое окончательное развитие в Византии и у арабов, должны были быть налицо. Эпоха эллинизма знает, как показал Грандевиц (Gradenwitz), очень высокое развитие системы банковских платежей. Наконец, ей известна спекуляция на срок, в частности в хлебном деле. И мы находим в эту эпоху самые резкие имущественные контрасты и значительные, достигающие сотен тысяч, а в отдельных случаях, миллионов марок, частные *состояния*, превзойденные лишь римскими позднейшего периода. Но достаточно одного взгляда хотя бы в гегуэзские документы XI и XII в., а тем более в книги флорентийских купцов XIII и XIV в., чтобы увидеть тогда не только превосходство в *технике* денежного оборота, но также и большую насыщенность их хозяйства «капиталом» сравнительно с Древностью. Там, где средневековое развитие от *обложения* имущих классов в трудные минуты городской жизни беспроцентными *принудительными* займами переходит к *эксплуатации* затруднительного положения города имущими классами в форме *выпуска* приносящих процент, т. е. дивиденд, облигаций государственного долга, а затем к государственному займу в форме покупки ренты, — там в эпоху эллинизма мы видим, как крайнее средство, наряду с обложением имуществ, заем под залог бурга (Лампсак) или же общественных выгонов (Орхомен), иногда торговых пошлин (Книд)¹⁸⁷, зато в одном случае под залог всего государственного и *частного* имущества, а кроме того еще *личное* поручительство казначеев (Аркесина) перед отдельными кредиторами города. Только в *Риме* намечаются зачатки развития чего-то действительно, а не только внешним образом похожего на «акционерное общество»: повсюду в других местах речь идет о коммандитах¹⁸⁸ с лишь частично пускаемыми в оборот долями. Капитал, не помещенный в земельную ренту или в ренту с рабов, есть по существу и теперь *торговый* капитал.

Оптовая посредническая торговля в Египте очень значительна. Цифра ввоза через Индийский океан (в эпоху *римского* владычества) была уже упомянута во *Введении*, 25-

процентная пошлина в Λευχί Κόμψι должна была отклонить посредническую торговлю от Аравии. В Фивах бывают случаи обложения партии товаров пошлиной в размере почти что 4 талантов. Александрийцы, по-видимому (по толкованию Вилькена), платили почти половину податей всей страны.

Но с «крупной индустрией» дело обстояло *в принципе* не иначе, чем в эпоху классической Эллады, хотя *количественные* различия, несомненно, весьма значительны. Если нам рассказывают, например, об александрийцах (историки называют их «фабрикантами»), которые могли на свои средства выставить целые полки, то само по себе это свидетельствует лишь о скоплении в их руках большого числа *рабов*, какое было уже на рубеже V в. до Р. Х. у Никия, сына Никерата (1000 рабов), и, быть может, также *земельных владений* (в качестве помещения для денег, приобретенных торговлей), но *не* о «фабриках». Как дело обстояло с производством папируса, видимо, монополизированной александрийскими торговцами папирусом, т. е. какой технико-производственный и экономический характер носили соответствующие эргастерии, еще не исследовано. Отдача внаем эргастериев, т. е. оборудованных мастерских, подчас со всеми необходимыми инструментами, встречается в источниках. Когда мы, например, читаем, что в Сокнопаиу Несосе ἐλαίουρῦτον (масличный пресс) был отдан внаймы на 7 месяцев, следовательно в самую страду (auf die «Campagne»), за 100 драхм (что случается часто, в большинстве случаев под условием возмещения порчи от употребления и повреждения инструментов), то надо только задать себе вопрос: похожа ли аренда современной «фабрики», в смысле *срока* и других условий, на то, что рисует нам только что названный памятник, чтобы разница стала понятной. К тому же во времена Птолемеев большая часть такого рода «постоянных капиталов» находилась еще во владении царей или храмов (частные ἐλαίουρῦτα встречаются лишь в более позднее время, другие частные эргастерии существуют и в эпоху Птолемеев). Значительным числом *обученных рабочих-рабов* владели лишь купцы в больших городах (в Египте: в Александрии).

Относительно многих областных городов и деревень Египта теперь окончательно доказано, что число рабов в них вообще было невелико (в 192 г. после Р. Х. в одной деревне

они составляли 7% всех несших барщину), и это были главным образом рабы *домашние*. Это было прежде всего последствием исторической преемственности египетской социальной структуры в том виде, в каком она сложилась со времени Среднего Царства и продолжала существовать после прекращения разбойнических войн XVIII династии¹⁸⁹, следовательно, после прекращения подвоза военнопленных (см. выше). Рабовладельцами являются в источниках преимущественно, хотя и не исключительно, греки (позднее также римляне), — что, впрочем, связано с тем, что, очевидно, все экономически поднимавшиеся «буржуазные» элементы, приспособляясь к социальной среде, эллинизировались и в смысле имен, и в смысле языка, опускавшиеся же книзу, наоборот, довольно часто приравнивались к египетской среде и в смысле имен, и в своих обычаях (этим объясняется и заметный упадок эллинской культуры в Египте в эпоху экономического упадка в промежутке между римским и византийским периодом). Прежде всего прекращение подвоза резко отразилось на *цене* рабов. В древней Элладе в мирных договорах в 304—194 гг. выкуп за взятых в плен рабов равнялся 500 драхам, рабыня (ценившаяся всегда дороже) стоит 2500 драхам в эпоху римского владычества. Возращение и обучение рабов для отдачи их внаем за плату было, надо думать, прибыльным делом (см. место из Аппиана, цитируемое во Введении) и практиковалось так же, как и в древней Элладе. Но какой *риск* был связан с такого рода промыслом, видно из того, что, например, в одном египетском контракте с женщиной, взявшейся вскормить ребенка раба, в случае смерти ребенка она должна была заменить его своим *собственным* ребенком. (Матери-рабыни — рабынь и без того меньше, чем рабов — были 1) нередко проститутками; но 2) и другие, так как их дети могли быть у них во всякое время отобраны, часто были лично немногим более заинтересованы во возвращении собственных детей, чем только что упомянутая кормилица. Дети вообще во всем Древнем мире в сильной мере являлись просто-напросто предметом торговли за исключением тех случаев, когда они имеют *большую ценность* с точки зрения религиозной, военной, экономической или когда из этих соображений вмешивалось законодательство, несмотря на вполне доказанные примеры самых нежных семейных отношений в среде мелкой буржуазии.)

Во всяком случае, производство с помощью рабского труда, тем более *крупное* производство с помощью рабского труда, не играло в Египте никакой роли даже в форме эксплуатации закабаленных должников, за исключением разве (см. ниже) сельского хозяйства, хотя персональная экзекуция (личное взыскание, *Personalexekution*) со всеми ее последствиями продолжала существовать в эллинистическом праве, как это доказал в особенности Миттейс (также, как показывают источники, и в Египте). Ремесло здесь — свободное специализировавшееся мелкое ремесло. Иногда ремесленник нанимает себе у рабовладельца одного или нескольких рабов, или, наоборот, тот отдает их к нему в ученье — совсем как в старые времена. «Крупное производство» («*Grossbetriebe*») со свободным трудом встречается в тех принадлежащих храмам производствах, о которых и об экономической природе которых была речь выше; само по себе, конечно, возможно, что оно существовало кое-где и в других местах. Когда по поводу хлопчатобумажного производства в византийскую эпоху в Верхнем Египте говорится о «производстве» («*Betriebe*») со многими сотнями «свободных» рабочих, получавших вознаграждение исключительно *натурой*, то прежде всего является вопрос, не идет ли здесь, при ближайшем рассмотрении, речь о мелких крестьянах, работающих *на дому* у помещика (или даже просто платящих оброки), как это часто бывает в подобных случаях. Как, затем, дело обстояло со «свободой» *необученных* рабочих в применении ими своей рабочей силы, это не ясно и, ввиду выше упомянутого распоряжения Филадельфа¹⁹⁰ заслуживает исследования. Если Гренфелл (*Grenfell*) в фиксации заработной платы в контракте с подрядчиком (*in einer Accordlohnfixierung*), по которой арендатор масличного пресса получает одну, а рабочий — две драхмы, желает видеть проявление поразительно высокой социальной политики птолемеевского правительства, то к тому нет, конечно, никаких оснований: треть заработной платы каждого рабочего составит, конечно, очень солидный доход («*Exploitationsrate*») для предпринимателя. Впрочем, правительство в своем собственном интересе старалось установить для вознаграждения рабочих известную *традиционную* норму, чтобы предотвратить уже в Древнем Египте столь частые стачки людей, обязанных нести рабочую повинность, постоянным и единственным девизом которых было: «дай нам

наш хлеб», т. е. то, что они исстари привыкли считать своим «хлебом насущным».

Исследование технической и экономической стороны *приложения* «свободного» труда было бы чрезвычайно желательно, но оно не легко. Во всяком случае, если во *Введении* было сказано, что «капиталистическое» понятие «работодателя», *по-видимому*, уже развилось в древности, то теперь это нужно пояснить в том смысле, что пока, при современном состоянии источников, это и остается только *видимостью*: ἐργόδοτος есть *не* предприниматель», но *заказчик*, который «раздает» работу и который только в *исключительных случаях*, например, в качестве «строителя» (Bauherr), (как еще и теперь) может оказаться в положении вроде как бы «работодателя». Напротив, «предприниматель» как раз в самых крупных (для надобностей государства) работах является под названием ἐργολαβών (*берущий* на себя работу).

Точно так же лишь дальнейшая разработка материала, заключающегося в папирусах, может открыть нам, в какой мере в *сельском хозяйстве* существовало в эпоху Птолемея частное *крупное* производство вообще и преимущественно или исключительно со *свободными* наемными рабочими в частности (о римской эпохе см. статью «Колонат»). Эллиническое право принесло с собой *личное* взыскание (так называемую персональную экзекуцию) в отношении к должникам и, в частности, исполнительный *документ* (Ezekutivurkunde), который так же был чужд древнеегипетским «sanch»-документам («sanch»-Urkunden), как и праву других теократических государств. Но в какой мере можно делать выводы *количественного* характера из известия Варрона¹⁹¹, что, кроме Иллирии¹⁹² и Азии (здесь это было последствием римской системы откупа податей; см. ниже), как раз Египет знал применение «обаерати» (попавших в кабалу за долги) в качестве *сельскохозяйственных* рабочих, мы не знаем (от позднейших колонов в собственном смысле, с которыми их отождествляет П. М. Мейер, они отличаются по своему *юридическому* положению). Во время *жатвы* мы видим свободных наемных рабочих, работающих по подряду (Akkordarbeiter), о чем свидетельствует один контракт, по которому можно также догадываться о размерах производства: 54 аруры засеяны (хлебом) — сколько земли при этом осталось под паром, не ясно — за уборку одной аруры (очевидно, считая и молотьбу) рабочие получают $\frac{5}{6}$ артабы (ко-

нечно, *вымолоченного*) зерна, затем воду и, в последний день (так сказать «к празднику жатвы») («zum Erntefest»), пиво; снопы должен свозить сам хозяин (на своей упряжке, следовательно). Пахотная земля занимала в каждом отдельном *хозяйстве*, вероятно, около 25 гектаров. Во всяком случае размеры более крупных *хозяйств* значительно уступают размерам более крупных земельных *владений*, так как из частных арендных документов очень часто видно, что они относятся к аренде *мелких участков*. Сосредоточение владений более часто встречается все-таки, конечно, лишь в эпоху римского владычества, когда наряду с императорскими пожалованиями и частными покупками земля скоплялась в отдельных руках тем способом, какой везде был в ходу у римских провинциальных чиновников, в одном случае (*несмотря* на то, что это было в *императорской провинции*) доходя до 7000 агур.

Во всяком случае, типическим представителем *сельского хозяйства* в Египте остался мелкий собственник, по преимуществу же — мелкий *арендатор*. Дробление земли на мелкие участки (*die Parzellierung*) нередко шло очень далеко: встречаются случаи перепродажи, например, четырех небольших участков земли от $1/2$ до $3\ 1/2$ агур, лежащих в двух разных деревнях (из которых ни одна не есть родина продавца), и там отрезанных от других участков (Pap. Reiner 1428). Такому сильному дроблению земельного владения и еще значительно более сильному дроблению хозяйств (*der Betriebe*) соответствовало, как это позволяют видеть работы Уэсли, значительное разнообразие в видах сельскохозяйственных культур, несмотря на давление, которое оказывало государственное обложение в направлении к возделыванию пшеницы. О плодопеременной системе — усовершенствованной двухпольной и трехпольной системе, наряду с чисто огородной культурой (*Gardenkultur*) — кое-что было сказано уже раньше. Количество скота было и тогда, по-видимому, довольно значительно. Верблюд получил права гражданства: вследствие его значения для перевозки тяжестей на государственных барщинных работах и на войне (кроме осла он был единственным пригодным вьючным животным) это имущество тщательно заносилось в кадастры — в источниках упоминаются люди среднего достатка, владеющие 5 верблюдами. Рогатого скота у *мелких* крестьян (*Kleinbauer*) практически не было вовсе.

Что касается социального *положения* сельского населения, то относительно характера землевладения в деревнях $\chi\omicron\mu\alpha\iota$, и того, владели ли они, как таковые, *пахотной* землей на правах альменды (как заключили на основании опубликованного Барри (Ваггу) папируса), пока ничего вполне достоверного не установлено; что они владели *вьючным* скотом (быть может, *обязаны* были иметь его поблизости от путей транспорта хлеба) и отдавали его внаем, показывают источники (о судьбах $\kappa\omicron\mu\tau\eta$ в римскую эпоху см. статью «Колонат»). В общем, и в этих низших слоях населения повсюду, несомненно, играли известную роль воспоминания об обобщественном хозяйстве (Kommunionwirtschaft) (см. выше). И не *только* у них: также имущие мелкобуржуазные слои часто выступают в экономической сфере совместно (in der Mehrheit): несколько человек дают или (что случается чаще) берут займы *сообща* (gemeinsam), владеют *сообща* домами, причем нередко доли бывают очень невелики, доходя до очень немногих процентов стоимости дома, а отдельное лицо владеет десятой, тридцатой и т. д. долей в *нескольких* домах, так что имеется в виду приобретение ренты, а не (или во всяком случае не исключительно) дома для собственных надобностей. Нечто подобное встречаем мы нередко (начиная с древнейших времен, см. выше) и в области арендных отношений, начиная с откупщика государственных податей и кончая мелким арендатором (см., например, относительно аренды государственных *доменов* договор товарищества Pap. Arch. II, 94, Wilcken, A. f. Pag. F. II, с. 131). Эти многочисленные товарищества (Kommunionen), очевидно, имеют здесь экономической целью (конечно, *кроме* образования общими силами *капитала*) *страхование*, как и многие учреждения раннего Средневековья: они делят риск между многими, как путем общего поручительства всех должников или арендаторов, так и путем разделения интересов между всеми сдающими в аренду, всеми владельцами (например, домовладельцами в случае пожара).

С другой стороны, семейная община (Familiengemeinschaft), наоборот, уже со времен фараонов есть, по существу, *малая* семья, хотя своими размерами еще нередко превосходит современную семью, состоящую из родителей и детей. Господство эллинов внесло сюда перемены лишь постольку, поскольку ввело здесь дотоле чуждый Востоку, характерный для милитаристического полиса институт родовой опе-

ки; а ἑγγυράφος¹⁹³ и ἄγραφος γάμος (см. выше в разделе о Египте) существовали бок о бок. Вполне законным браком (Volhehe) (ἑγγυράφος γάμος) считался такой брак, в котором были налицо супружеское сожительство, супружеская верность, полные права детей на наследство (незаконные дети, дети от ἄγραφος γάμος, наследовали *во вторую очередь* за вполне законными), действительное или фиктивное приданое жены и имущество, предназначенное жене в случае смерти мужа или развода. Вообще же вплоть до времен христианства, когда, судя по данным документов, опять все чаще и чаще встречается в контрактах требование супружеской верности и от *мужа*, царит полная свобода соглашений между полами: кто сойдется с девушкой, того колотит ее семья, если он попадетс ей в руки, пока он не станет платить на ее содержание (это случилось с одним святым!). Απάτωρες¹⁹⁴ отнюдь не являются такими обойденными в социальном и правовом отношении, как это было в гражданском полисе, уже по одним чисто «цеховым» мотивам (см. раздел о Греции). Из «адресных книг», которые восстановлены для целых городских кварталов Египта благодаря настойчивому труду Уэсли, мы видим, что они были нередко довольно состоятельными людьми (конечно, как раз материально обеспеченная женщина могла «позволить» — sich «leisten» — себе «свободную» любовь, как и в настоящее время *только она* могла бы «пользоваться» ею — davon «profitieren»). Часто встречающиеся раньше и позже браки между братьями и сестрами имели целью предотвратить раздел наследства и, по свидетельству одного берлинского папируса, встречаются уже в возрасте 15 и 13 лет. Было введено греческое *завещание*, но наряду с ним продолжал существовать (ведущий свое начало от полигамии) египетский брачный *договор* и *договор* о наследстве.

Частная земельная собственность кадастрировалась с давних пор. Со времен римского владычества — а не в эпоху Птолемеев, как кажется, — заносятся в таблицы также и тяготеющие над ней благодаря ипотеке долги (каждые пять лет производится ревизия). Одинаково характерно как для птолемеевского, так и для Древнего Египта, что относительно них (относительно эпохи Птолемеев в самое последнее время это сделал Масперо) делается предположение, что там не существовало частной собственности в настоящем смысле слова. Однако многочисленные купчие и

закладные доказывают обратное. Впрочем, большая суровость эллинского ипотечного права, смягченная в римскую эпоху (самовластный захват владения должника кредиторов, в случае просрочки) делала положение настоящих мелких собственников крайне сомнительным. Затем, во многих областях преобладала почти исключительно земля клерухов, храмов и царя, так что *κόμμη*, которая оставалась в Египте основной единицей расчленения страны на округа, состояла из одного лишь деревенского выгона (*Dorfbrink*) (см. выше). Кроме того, особенно характер и размер налогов, несомненно, делают утверждение Масперо вполне понятным: «собственность», с древнейших времен *неразрывно* связанная с исполнением известных государственных повинностей, *отличается* от разных видов владения на царской земле — βασιλική γῆ и на землях клерухов *по существу* только отсутствием государственного вмешательства в порядок наследования и в отчуждение. Помимо этого *юридического* различия, разница между положением *мелкого* собственника и положением *арендатора* государственной земли с чисто экономической точки зрения вовсе не так велика: способ обложения был ведь один и тот же (*раз и навсегда установленные* налоги сообразно с оценкой малых участков и (см. сейчас ниже) иной раз всего на какую-нибудь треть ниже арендной платы, так что в общем только *привилегированная* земля (в частности земля катойков) могла становиться объектом аренды). Напротив, *арендатор* частной земли в общем *более высоко* обложен платежами, чем арендатор государственной земли: по свидетельству источников, в эпоху Птолемеев и в раннюю эпоху римского владычества арендная плата *из части* продукта колеблется между $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ жатвы, определенная (*feste*) плата натурой — между 3 и $7\frac{1}{2}$ артабами с аруры (сам третьей, до сам $7\frac{1}{2}$ обычного посева) — позднее попадают размеры несколько выше 1—9 артаб — государственные же подати доходят до $6\frac{1}{2}$ артаб с аруры. Количество земли, сдаваемой в аренду, колеблется при этом между 2 и $36\frac{1}{2}$ арур (0,56 и 10 гектаров). Так как теперь *срок* аренды увеличивался с года до четырех лет, в одном известном случае даже до пяти, между тем, как в Древнем Египте он был годовой, то положение арендаторов, очевидно, несколько улучшилось.

Наряду с арендой из части продукта встречается смешанная аренда: денежная арендная плата наряду с нату-

ральной повинностью. В римскую эпоху все более распространялась *денежная* аренда, вплоть до великой реакции III в. О совершавшейся параллельно с этим сдвигом перемене общего *положения* класса арендаторов можно до известной степени судить по установившейся в то время *форме* договора, анализированной в ценной работе Вашинского¹⁸⁰. Древнеегипетская традиция знает *годовую* аренду и одностороннее обязательство арендатора. В эпоху Птолемеев и в начале римской эпохи появляются вместе с более продолжительными сроками аренды бок о бок односторонние предложения аренды со стороны арендатора, которые затем, в случае принятия с исполнением или без исполнения сдающим землю в аренду, имели значение контракта, обмен частными расписками (следовательно, равное положение сторон), нотариальные протоколы (также) и «гомологии»¹⁹⁵ (также); рядом с ними идет «*односторонняя* гомология» арендатора, которая, в конце концов, с IV в. приобретает исключительное преобладание: арендатор теперь опять в сущности «рабочая сила» землевладельца (*des Herrn*), что особенно ясно выступает в византийской аренде из части продукта, которая в действительности становится продиктованным исключительно *землевладельцем* (*vom Herrn*) по его усмотрению договором о найме труда за плату натурой (*Natural Arbeitsakkord*) (об этом развитии см. ст. «Колонат»). Ухудшение положения нижних слоев сельского населения после того все же сносного положения, какое они занимали в начале эпохи Птолемеев и затем опять в начале римской эпохи, начинается еще до развала в III столетии, приблизительно со времени Марка Аврелия¹⁹⁶, как, между прочим, показывают греческие папирусы, изданные в Берлине Шубартом. Так как пережившая тысячелетия жизнеспособность феллахов, выражаясь мягко, не подтверждает столь излюбленную теперь «физиологическую» гипотезу относительно убыли народонаселения, и так как, далее, аренда, несмотря на *убыль* населения, *росла*, то весь этот процесс, очевидно, должен быть объяснен *не* просто «спросом и предложением» и *не* временными депрессиями, но воздействием *социального* строя Римской империи.

При всей эскизности и вынужденной неточности в частностях, этот взгляд, брошенный на эллинистическое государство, более всего «рационализированное» в своей административной технике и в своем хозяйстве, все же пока-

зывает нам, что о «капитализме» в современном смысле этого слова может быть здесь речь только в очень ограниченной мере, и что *государственное* хозяйство, в частности финансовое хозяйство, так сильно ограничивало поле приобретательской деятельности частного «капитала» на своей территории, что можно говорить прямо об «удушении» («Erdgrüskop») капитализма. Хозяйства храмов являлись тогда в такой же малой мере носителями «капитализма» — распространению которого они скорее препятствовали, *сокращая* территорию, на которую он мог бы распространяться — как и хозяйства средневековых монастырей. *Денежно-хозяйственная*, но вполне мелкобуржуазная, мелкокрестьянская, мелкоремесленная основа, рядом с этим *крупная* посредническая торговля (но при этом не надо также забывать немаловажного значения существовавших повсюду *внутренних* таможенных границ) и надо всем этим государственные литургии, государственные монополии и государственная регламентация, в общем, картины отношений, которые своей *хозяйственной* и *социальной* стороной менее всего являются «современными» («modern»), вроде того, как если бы турецкий Константинополь кто-нибудь вздумал назвать «современным» городом. Как раз эллинизм может служить живым примером того, как *мало* оснований отождествлять «денежное хозяйство» и «капиталистическое хозяйство». Карфаген до чеканки монеты, даже Рим в эпоху «aes rude»¹⁹⁷ были в *более сильной мере* «капиталистическими» образованиями, чем «народное хозяйство Лагидов».

* * *

О великой *азиатской* территории эллинизма совершенно нельзя составить такой ясной картины, как о Египте. Уже о гражданском *праве* источники не дают нам почти совершенно ничего. Миттейс окончательно доказал, что так называемая книга сирийско-римского права включает в себе юридический материал не древневосточный, а смесь эллинистического с римским. О том немногом, что она дает для аграрной истории, как и о поместных отношениях в Малой Азии, речь будет лучше в другой связи (ст. «Колонат»). Преемственность перешедших от *вавилонян* экономических отношений, исконное своеобразие которых не было нарушено ни владычеством Селевкидов, ни персами, была

впервые сужена владычеством парфян, которое, несмотря на свою эллинистическую оболочку, было типичным владычеством варваров, но в общем сохранилась без существенных изменений до времен ислама.

В царстве Селевкидов не было территориальной замкнутости и жесткого управления египетского типа. Оно заключало в себе две области, совершенно различные по своему экономическому характеру, и тем самым и зачатки распада. Тот факт, что насильственное влияние эллинизма в Иерусалиме потерпело неудачу, сам по себе еще не имеет решающего значения; Птолемии никогда не делали подобной попытки в отношении египетской религии. Но что первосвященнический род «Маккавеев»¹⁹⁸ сам сумел силой добиться светской автономии, указывает на безнадежное разложение царства. Здесь не место отслеживать историю борьбы позднейших Маккавеев, государство которых начало превращаться в чисто светскую тиранию, с организовавшимся на родовых началах в синедрионе совете старейшин, жреческой аристократией суддукеев¹⁹⁹, а затем борьбу между принципом аристократической теократии и регламентацией жизни профессиональной теологией «отщепенцев» (фарисеев), имевших на своей стороне мелких буржуа. Сельское население, которое, как таковое, с одним единственным исключением (донатистов²⁰⁰) нигде и никогда не было носителем пуританских идей, являлось в глазах фарисеев нечистым.

Право *Талмуда* (по крайней мере в Мишне²⁰¹) есть право народа, только начинающего становиться торговым народом. В нем, рядом с мнениями защитников древней традиции, самым деятельным образом восхваляющими надежность и достоинство земледелия, стоят уже отдельные, очень характерные мнения противоположного свойства. Его составные части надо было бы подвергнуть прежде всего компетентному анализу, чтобы определить, в какой мере они действительно ведут свое начало от древней раввинской традиции времен теократии, или же от эллинистическо-римской провинциальной среды, или же от влияний, идущих из Месопотамии, и затем надо было бы исследовать, где они передают живое право и где чисто теологическую схоластику. Что эта схоластика может во многих институтах, в особенности относящихся к семейному праву, оказывать поразительно консервирующее влияние, это верно: веду-

щий свое начало из родового государства институт *chaliza* (разновидность левиратного брака) оставался до самого порога настоящего времени живым правом; а обычай приданого невесты, связанный в древневосточном праве с непризнанием за дочерью права на *наследство*, еще и сейчас оказывает свое влияние в борьбе за существование торговых служащих (делая для евреев возможной раннюю самостоятельность в случае вступления в брак и, таким образом, объясняя отсутствие классового сознания и чувства солидарности у еврейских *commis* и *отчасти* антисемитизм их товарищей-христиан). Но *аграрное* право не так легко доступно чисто сектантским влияниям. Раввинская спекуляция о субботнем годе и об угле бедных и т. п. были чистейшими упражнениями в логике без всякого практического значения в жизни. Напротив, другие составные части Талмуда, несомненно, находятся в тесной связи с живым правом, действовавшим в эпоху теократии. Во всяком случае, из Мишны можно с определенностью заключить, например, что наряду с *домашними рабами* она предполагает существование также и рабов, занятых на полевых работах, но что в качестве преобладающего элемента она знает *наемных* рабочих в поместьях, самое большее, *средней* величины. В пользу этих рабочих — совершенно в духе теократии — в связи с предписаниями закона развиваются более подробные правила охраны рабочих (охрана от сверхурочного труда, обеспечение скорой уплаты вознаграждения, упорядочение доставки пропитания, предоставления права пользования новым хлебом во время жатвы) и даже издаются постановления о том, в каких случаях рабочие могут предъявить не принудительно осуществляемые, правда, с помощью сакральных средств, правовые притязания, но право «роптать» (т. е. бастовать на египетский лад), — доказательство как полной зависимости «свободных» рабочих, так и — в особенности, если везде принять во внимание древние традиции соответствующего места, — социального мира того времени, когда возникли эти правила.

Таким же образом трактует Талмуд и аренду, именно аренду «между соседями» (в смысле соплеменниками, которые не могут применять друг к другу ни прав господина, ни прав, существующих в отношении иностранцев). Арендатор (*mekhabbel*) есть или арендатор из части продукта («*aris*»), отдающий $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ жатвы, или же «*choker*»,

т. е. арендатор, который платит за пользование землей определенную сумму натурой или же (очевидно, реже) деньгами. И здесь прежде всего имеются в виду *обязанности* арендатора: он должен полоть землю; он *обязан* вспахивать землю, согласно контракту; он может при этом, правда, сеять пшеницу вместо стручковых растений, но не наоборот (это напоминает Египет; и в Палестине пшеница была главным продуктом, имевшим значение как в качестве предмета вывоза, так и с точки зрения политики борьбы с дороговизной).

В связи с арендой из части продукта Талмуд рассматривает также положение наемного рабочего (Akkordarbeiter), который взялся обсадить участок земли деревьями. Здесь отсутствует институт эмфитевсиса, который и в этом случае обнаруживает свое чисто *греческое* происхождение: и в древнеавилонском праве (см. выше) насаждение имело другую юридическую форму, форму комменды, очевидно, потому, что здесь имелись в виду прежде всего насаждения *пальм* на уже обработанной земле, а не насаждения *масличных деревьев* на нови или на пустыре, как это было в эмфитевсисе (ислам создал впоследствии целую казуистику допустимых для насаждения финиковых пальм деловых форм: плантация является в древности одним из очагов «капиталистической неправды»). Талмуд не ведает никаких ограничений для отчуждения земли и никакого различия между правом наследования недвижимого и движимого имущества. Старые установленные законом сроки для продажи и напоминание Иеговы о том, что земля — *Его* и что нельзя делать ее предметом торговли, считались отмененными одним местом из Иеремии²⁰²: только не достигший еще 20-летнего возраста не должен продавать *наследственную землю*, что вообще считалось — отзвук родового государства — негодным Богу и для человека редко ведущим к добру. Никакой формы связывания земли путем фидеикоммисса во времена Талмуда не существовало. Переход земли из одних рук к другим может происходить или путем уплаты всей цены чистыми деньгами, или при помощи письменного контракта, или же путем назначения владельца тому или иному лицу.

Обычная форма есть покупка на *наличные деньги*. Неполная уплата всей цены превращает отчуждение pro parte quota в «negotium claudicans» (здесь сказываются теократиче-

ские влияния в пользу ограничения *денежной* задолженности, по примеру Египта), поскольку уплата покупной цены не отсрочивается вполне определенно в виде долга (als kredierte Kaufschuld): это совершается при помощи фиктивной мены (наподобие немецкого «Mantelgriff») с выдачей долгового документа. Так как земли и рабы не имеют рыночной цены — что характерно в смысле указания на малую степень развития рабства (Kaufsklaverei) — то в отношении к ним не применяется относящееся к области рыночного права аннулирование сделки (Wandelungsrecht) (ona'ah) из-за laesio enormis [неумышленное преступление] (при переборе в одну шестую цены). Отчуждение земли на *время* допустимо (очевидно, оно функционировало в качестве антихрезы). Залога в форме ипотеки (название iphotiki, apoteke доказывает эллинистическое происхождение понятия) Талмуд касается только мимоходом, так как институт *легальной* ипотеки в отношении к земле и к ханаанским рабам для всех заключавшихся перед двумя свидетелями письменных за печатью контрактов (schetar chob) делал ее излишней (о происхождении легальной ипотеки см. раньше; ср. также генуэзские документы раннего Средневековья). *Только* земля и рабы являются обеспечением при ипотеке (согласно заявлениям раввинов), потому что при других объектах ипотеки факт заклада нельзя сделать известным для третьих лиц (раб может *сказать*, что он отдан в заклад; земельных и ипотечных регистров, впрочем, *не* существует). Право раввинов допускало действие легальной ипотеки в отношении к третьим лицам с момента формального признания долга, что должно было сильно тормозить земельный оборот. Следствием ограничения заклада землей и полевыми рабами является то, что и *наследник* не может закладывать движимости, входящей в состав его наследства. Долговое право вообще носит необычайно мягкий характер. Не подлежит изъятию у должника в обеспечение уплаты долга пропитание на один месяц, платье, кровати, матрац и подушки в течение *одного года* и все ремесленные инструменты. Впрочем, долг, *сопровождаемый клятвой*, не знает никаких ограничений в предметах, обеспечивающих его уплату, — очевидно, нововведение, которое принесла с собой начавшаяся коммерциализация общества.

Такого рода постановления, равно как и казуистика риббитов (казуистика прибыли и роста) указывают на глубо-

кое влияние древних теократических *пут*, которыми был связан оборот, в частности долговое право. Впрочем, весь характер Талмуда доказывает по возможности еще яснее, чем анализ эллинистического социального строя, во всяком случае, одно: что в восточно-эллинистическом мире не существует «социального вопроса» или «социального движения» в каком бы то ни было смысле, какой *мы* связываем с этим вопросом, что чему-либо подобному там не было и *не могло* быть места. «Социальные проблемы», которые, как таковые, чувствуются *субъективно*, в Древнем мире являются *политическими* проблемами свободного гражданина полиса: опасностью, грозящей гражданскому равенству, деклассированием вследствие задолженности и потери владения. Там, где *бюрократическое государство*, а затем мировая империя наложили свою руку на свободу граждан, гражданин полиса вступил в круг «подданных», там, правда, рабочий кричит о своем «хлебе насущном», если его ему урезали, арендатор стонет под игом помещика, все вместе под бременем податей и их откупщиков, — но в качестве «социальных проблем», которые должны бы быть разрешены переустройством общества на новых началах, эти беды индивидуумов не ощущаются. Они не вызывают к жизни идеальных построений государства будущего (Zukunftsstaat) (Платон) или идеальных картин прошлого (Ликург²⁰³), как некогда в эллинском полисе, но переходят в общий *аполитизм*, который *с тех пор* остался на Востоке присущим подвластному. Тем более в такие эпохи, как поздняя эпоха эллинизма, к началу императорской эпохи, когда экономическое положение мелкого крестьянина и мелкого бюргера в общем было более сносным и более обеспеченным, чем когда бы то ни было раньше, о «социальных проблемах» могла быть речь меньше, чем когда-либо во всемирной истории. Не только неправильно, но прямо бессмысленно пытаться, например, христианство выводить из «социальных» причин или представлять его одним из отрошков античных «социалистических» движений — только потому, что оно, как *всякая* «религия искупления», привязанность к «миру», а потому и богатство, которое к этому ведет, считает «опасными». Точно так же и наоборот, неумно (töricht) из «отдавайте кесарю кесарево» — выражение *самого крайнего индифферентизма* в отношении ко всему, относящемуся к государству, как справедливо подчеркнул

Tröltsh (Arch. f. Sozialwissensch. В. XXVI) — вычитывать заповедь позитивно-этического поведения по отношению к государству. Освобождение от мысли о национально-теократическом иудейском государстве, с одной стороны, а с другой стороны — *отсутствие «социальных» проблем* (в древнем смысле) для его приверженцев были ведь как раз теми основными условиями, при которых вообще христианство стало «возможно». Как раз вера в то, что римское господство будет продолжаться до *конца дней* и, следовательно, в *бессмысленность «социально-реформаторской» работы, отвращение* ко всякой «классовой борьбе» были почвой, из которой вытекала христианская, чисто этическая и благотворительная, чуждающаяся мира «любовь к ближнему».

ЧАСТЬ III

РИМ

Глава первая ГОРОД-ГОСУДАРСТВО

Углубляться в рассмотрение италийской и специально этрусской *доисторической эпохи* здесь нет надобности, а для меня было бы и невозможно. Что касается *этрусков*, то археологи совершенно опровергли все результаты работ Гельбига, не сделав, однако, возможным окончательное решение вопроса (пока не прочтена *ни одна* из примерно 8000 их надписей). Основанная на остроумных соображениях и защищаемая Фуртвенглером, Модестовым, Скучом и другими гипотеза о проникновении этрусков *к морю* из восточно-средиземноморской области на *постороннего человека* всегда производит такое же впечатление, как и гипотеза о том, что родиной норманнов является Сицилия, возникшая только потому, что норманны утвердились было (как это вполне установлено) в районе Сицилии (так же, как и «Турша» египтян в Восточном море) и постоянно давали там морские сражения (что, впрочем, сделали и эллины до самой Корсики и еще дальше за ней). Что специфически этрусская *городская культура* (*Poliskultur*) быстро расцветает и из области возле Тарквиний и Цере¹ распространяется внутрь страны, это, однако, вполне соответствует общей схеме: это могло быть, как и во всяком другом месте, следствием *торговли* и никем из исследователей не оспариваемого эллинского влияния. Все же важнейшие основания для этих утверждений лежат в таких областях, которые может обозреть только специалист (тождество гаруспиций² с вавилонскими явлениями подобного рода и древняя традиция самих этрусков являются действительно самыми вескими аргументами в пользу этого — более важными, чем техника земляных

работ, — отсутствие *всякого следа* родственных этрускам народов или пережитков этрусской культуры на Востоке, в то время, как на Западе этруски выступают *немедленно же* как культуртрегеры, но при этом свое письмо заимствуют у *греков*, — самое веское основание против этого). Строго аристократически (на роды) и согласно родословному дереву расчлененное, замкнутое теократическое государство (die theokratische Adelsstaat) этрусков несомненно дало римлянам (по их собственному мнению) многое: технику межевания полей и, кроме того, *может быть*, развитие клиентелы, в связи с чем утверждается авторитарное положение магистратуры (и главы семьи? — в Этрурии господствует метронимия); все это в то время, когда Рим (название которого, как и древние названия фил: Tities, Ramnes, Luceres, в настоящее время толкуются, как этрусские) был городом, которым владели этрусские цари, — но в какой мере? Об этом спорят, как и прежде. Во всяком случае развитие *этрусков* не пошло в направлении к полису *гоплитов* (Hoplitenpolis), с другой стороны, *сабелы*³ не прошли пути развития от крестьянского государства к *городу-государству*, и поэтому и те, и другие покорились гоплитской дисциплине Рима.

Выставлять догадки об эпохе царей и о природе царской власти — не мое дело. Были ли «celerēs» (от κέλῆς — лошадь) древней дружиной царя (легенда о «разбойниках» соответствует, см. выше, другим аналогиям), произошло ли, далее, положение «fabri» в войске центуриев (где они соответствуют *первому* — согласно другому взгляду, *второму* — имущественному классу) из военных литургий, поселенных царем демиургских родов или впервые явилось продуктом нового устройства государства на базисе гоплитского войска, этого, конечно, просто нечего рассматривать.

И ранняя эпоха аграрного развития «свободного» римского полиса окутана мраком. Мы можем признать, что положение единственно полноправных в феодальном городе-государстве ранней эпохи патрицианских родов покоилось на такой же экономической основе, как и господство родов в эллинских городах: на владении скотом и рабами, с одной стороны, и на монополизации посреднической торговли — с другой: уже до-сервиева, а, во всяком случае «сервиева» стена⁴ (с IV в. до Р. Х.) окружает пространство, которое к территории тогдашнего Рима (особенно, если видеть ее в «ager Romanus» [Римском поле]) имеет слабое отно-

шение. Рим в раннюю эпоху не вышел еще в сколько-нибудь значительной мере из стадии пассивной торговли: в руках иностранных купцов находился привоз греческих, финикийских, карфагенских товаров и вывоз полученных в обмен на них рабов и сырых продуктов (сырья). Город долгое время после того, как он уже вступил в широкий торговый оборот в Средиземном море, оставался без флота и без монеты из благородного металла. Господствовавший над сельским округом феодальный город-государство — по видимому, в основных чертах своих военно-политических порядков в значительной мере однородный с греческими городами-государствами и отличавшийся от них только со страшной силой утверждавшейся *дисциплиной* и, следовательно, широтой власти, которой была наделена *магистратура* — в своей аграрной основе так же для нас не ясен, как это надо сказать и о большинстве городов-государств в Элладе.

Изящно построенная К. Нейманом попытка представить весь «plebs» эпохи до Двенадцати таблиц⁶ (т. е. до 457 г.) по аналогии с наследственными подданными Нового времени, как крепостных крестьян поместий (Gutshörige) имеет против себя, как мне кажется, соображения исторической вероятности. В интересах своей конструкции Нейману приходится довольно свободно обращаться с хронологией. Этого, действительно, едва ли можно вполне избежать при любой попытке высказать те или иные догадки о ранней эпохе в истории Рима. Для того, кто хочет сделать последние выводы из гениально-нигилистической критики Этторе Пайса и, следовательно, переносит начало *существования* римского народа как исторически непрерывного данного (als eines historischen Kontinuum) во вторую половину V в. до Р. Х., Двенадцать таблиц считает подделкой II столетия, начало исторически достоверных сведений вообще не считает возможным относить за пределы III в. до Р. Х., для того, конечно, все проблемы древнейшей римской истории разрешаются. Если в последующем нашем изложении не будет, тем не менее, вполне оставлена по крайней мере *попытка*, сохраняя *какой только возможно максимум* данных исследовательской традиции, реконструировать некоторые из черт развития этой традиции, то делается это со всеми возможными оговорками и с представлением читателям права на самый глубокий скепсис относительно наших рассуждений.

О точке зрения Пайса я не позволяю себе высказывать свой приговор. Одно лишь да позволено будет заметить: для множества случаев указаны в качестве источника и легенды, сохранившиеся среди знатных родов, обнаружено тенденциозное перенесение позднейших аграрных столкновений и социальных противоположностей в раннюю эпоху и т. д., тем не менее *простые* «*duplicazioni*» [дублирования] — случаи возвращения *подобных* противоположностей, которыми Паис так часто оперирует, как с данными, вызывающими его подозрительность, — сами по себе *ничего* не доказывают: фактически аграрные столкновения, например, *позднейшей* Эллады, действительно представляют собой повторение аграрных столкновений *ранней* эллинской эпохи с несколько измененным фронтом. Это лежит в существе античного.

С точки зрения Пайса всякая дискуссия с Нейманом, конечно, не имела бы смысла. Но если поступать наоборот, по принципу возможно большего оберегания традиции — как это должен делать Нейман — тогда его (Неймана) тезис не может быть принят, так как он не может быть совместим с положением *плебса*, как его дает возможность представить себе правильно понятая традиция*. Согласно традиции, «плебеи» вовсе не илоты, но, как мне по крайней мере кажется (см. ниже), совершенно очевидно, *ἄρῶκοι* в эллинском смысле, чем вовсе не оспаривается, как *возможное*, эксплуатирование ясно отличимых от плебса людей, отдавшихся под покровительство (*clientes*) старинных патрицианских родов, как источника подати для этих последних (об этом ниже). Что представитель римской, как и всякой другой городской знати в древности, есть «земледелец» (*ein «Grundherr»*), было давно известно**, но только как

* Этим *вовсе*, конечно, не сказано, что все, что предлагает в своей гипотезе Нейман, ошибочно. Действительно ли в 457 г. до Р. Х. не произошли важные изменения в положении гопплитского войска в государстве, об этом я не решаюсь высказать своего мнения. Только в «уничтожение поместного строя» («*die Aufhebung der Grundherrschaft*») я не верю. Не пережили ли *tribus rusticae* [сельские трибы] со времени их возникновения и важных *правовых* перемен, это также не может быть признано твердо установленным (см. ниже к *Dionys.* 4, 14).

** С оговоркой, что при этом понятие «землеладельца» (*des Grundherren*), во всяком случае, уже несколько сильно *расширено*: был ли римский *клиент* «прикреплен к земле» («*Schollenfest*») в том смысле, что и господин должен был оставить ему землю, это более, чем сомнительно. *Кабальным* холопом (*Schuldknecht*) он не был. Спартанского илота (и подоб-

ко как раз *не* — это было *новое* утверждение — землевладелец, державший в зависимости от себя плебеев (*Grundher der Plebejer*). Тем более нельзя представлять себе это так, что они в качестве помещичьих барщинников (*gutswirtschaftliche Fronbauern*), наподобие прусских ласситов возделывали землю знати. Этому последнего не утверждает ведь и Нейман. Но так как плебеи, по его мнению, должны были быть *клиентами*, а клиента Двенадцатью таблицами *не была ведь упразднена* — так думает Нейман — но была *подтверждена*, то следовало бы плебеев и тогда тождественных с ними клиентов (например, клиентов *Atta Clausus'a*⁶, о чем ниже) признать илотами или несущими барщину крепостными (*Fronknechte*). Но такие крепостные (*Hörige*) не дают самого себя экипирующего и тренированного войска гоплитов; а ведь именно *в качестве войска гоплитов* плебеи шаг за шагом, чем необходимее они становились, добились своих успехов. Крепостные (*Hörige*) не делаются кабальными холопами (*Schuldsknechte*) (тогда как бывает скорее обратное), — за кабаление же за долги есть типичная судьба лишенных средств плебеев. Что и *военный* строй, который охватывал и плебеев и, согласно традиции, старее республики, во всяком случае так же стар, как и консулат, предполагает свободных незнатных землевладельцев (*Grundbesitzer*) и имеющих достаток плебеев — это уже было выдвинуто Э. Мейером. Господствующее положение некоторых (не всех, но, в противоположность Афинам, *меньшинства*: 16-ти) патрицианских родов внутри сельского округа, по-видимому, было обусловлено отчасти политическими причинами: они были как раз (частью) прежние окружные князя (*Gaufürsten*) и владельцы *бургов*, которые вошли в состав городской общины. Но сельский округ здесь в такой же малой мере, как и в огромном большинстве эллинских городов, представлял собой когда-либо сплошной комплекс замкнутых поместий

ных ему «крепостных» (*Hörige*) господин *не* мог продать за пределы страны. Римского должника, ставшего кабальным по судебному приговору (*Exekutionsschuldner*), господин *должен был* (в эпоху *после* Двенадцати таблиц) продать за пределы страны. «*Nexus'a*⁷ (по договору закабаленного должника) он должен был заставить отработать долг. *Опять в другом положении* были отданные отцом в наймы или проданные им дети (*personae in mancipio*), в древнейшее время, наверное (как в Вавилоне) имевшие не малое значение для рекрутирования рабочих сил крупных землевладельцев. Достаточное основание для того, чтобы не строить слишком *простых* представлений о том, каким правовым содержанием могло для патрициата наполняться понятие «землевладелец» («*Grundherr*»).

(Grundherrschaften) или даже поместных хозяйств (Gutsbetriebe). *Против этого* (не говоря уже о многом другом) говорит все, что и в более позднее время в виде остатков сохранилось от давно исчезнувшей автономии сельских образований, и чего, однако, достаточно, чтобы сделать невероятным первоначальное общее «крепостное состояние» («Hörigkeit») плебса. Кого приводит в тупик борьба из-за *connubium*'а [брака] между сословиями, тот пусть вспомнит, что и Феогнид⁸ считал брак с мещанкой (Bürgerin) позорным, и что члены рода с развитием родового союза (gens) (см. ниже) как раз в интересах сохранения цельности родового владения были заинтересованы в том, чтобы удержать в пределах своего рода дочерей-наследниц. Одно ответвление традиции представляет ведь и устранение *connubium*'а с плебсом, впервые произведенным децемвирами⁹. И, чтобы видеть, в какой мере вероятным является и здесь *позднейшее* возникновение ограничения в брачном праве (по только что упомянутым экономическим соображениям здесь у знати совершенно так же, как по подобным же основаниям в Афинах у демократии), следовало бы вспомнить, что везде в *древнейшем* праве *произвол отца* решает вопрос о законности ребенка, рожденного ему от жены, наложницы, рабыни. То же и в *древне-эллинском* праве. Принцип сословного равенства родителей и в Риме первоначально имел, несомненно, *второстепенное* значение, как это доказано и для Эллады (именно политический *цеховой* интерес городского гражданства, не существовавший на Востоке, делал полис в Элладе и в Италии носителем *моногамии*).

Более всего следует избегать *всякого* привлечения к этим проблемам так хорошо знакомой нам, благодаря Г. Ф. Кнаппу, картины происхождения «крестьянского освобождения» в XIX в. и предшествовавших ему условий. К. И. Нейман совершенно так же, как и Ф. Кауэр и Свобода, испытал на себе влияние этой справедливо, благодаря Кнаппу, прославленной картины (подобным же образом и я, со своей стороны, имел случай неправильно дать общее применение категориям Мейтцена). Условия, характерные для области с уже в доисторические времена устроенными оросительными приспособлениями, какой является Кампания (современное значение слова «*rivalis*» стоит ведь в связи с процессами орошения), с густым венком городов уже в древнейшее время, исключают всякую аналогию с вывозящей хлеб

областью, в которой возникли поместья (Gutshöfe) Восточной Германии; и *характер* организации крестьянских гуф¹⁰, на которые были расчленены эти поместья, для античного мира в равной мере невероятен как по сельскохозяйственным, так и по историческим основаниям. Весьма возможно, что древнейшей эпохе Рима (как и Эллады и Востока) была известна общность полей (Flurgemeinschaft) *в том смысле*, что — как это делал греческий полис еще и в историческую эпоху — первоначально крестьянская политическая община (Gemeinschaft) приписывала себе, а при случае и осуществляла, право весьма суверенно распоряжаться гуфами своих членов. Это, согласно всем аналогиям, во всяком случае было там, где она смотрела на себя, как на *военный союз* (Wehrverband). *Молодое поколение* (der Nachwuchs) должно было быть наделено землей, или каким-либо иным способом должна была быть решена его судьба. Если оно не устремлялось в далекие страны завоевывать для себя землю, то *куруатные комиции*¹¹ в *городе-государстве* решали по предложению отца, какой сын должен был взять гуфу и какая часть «proles» [отпрысков] должна остаться без земли — «пролетариями» («proletarii»). Как этот вопрос предварительно регулировался в pagus'e¹² (волостном округе), об этом мы ничего не можем сказать за полным незнанием. Но новые переделы земли, наверное, были *возможны* и происходили. Могло быть также и то, что, как в эллинских фратриях старые роды волостных князей (Gaufürsten), позднейшие знатные роды, в меру своего могущества могли оказывать сильное влияние на земельные отношения (Flurverhältnisse) крестьян, свое же владение, наоборот, могли *изъять* из распоряжения крестьянских общин (отсюда переданное Плинием словоупотребление Двенадцати таблиц, связывавшее villa¹³, т. е. *господский двор* (Herrenhof) с hortus¹⁴ и heredium¹⁵, огороженной и неотчуждаемой наследственной землей: N. h. 19, 4, 50). Устранение этих случаев осуществления прав со стороны *аграрных союзов* (Flurverbände), превращение *всей* апроприированной земли¹⁶ в землю — «hortus» и в объект «dominium'a»¹⁷, — *таков* мог быть смысл созданного Двенадцатью таблицами нового порядка правовых отношений, поскольку он касается *аграрных* порядков. Но это, однако, совсем иные отношения, чем те, какие наблюдаются в поместьях (Fronhöfe) средних веков и Нового времени.

Во всяком случае связанную с барщиной *кабалу* (die Fronknechtschaft), встречающуюся нам в качестве типического следствия *задолженности* в «пехум» (см. ниже), следует отличать от клиентелы*. Последняя возникает здесь — как у израильтян и везде — путем отдачи себя *не имеющим владения* человеком под защиту князя или владеющего землей простого свободного (Volkgenossen), как об этом мы будем еще говорить. Конечно, для каждого не участвующего в отправлении правосудия пассивного гражданина (крестьянина) — ср. замечания Гесиода — обращение к процессуальной защите «требующих подарков» сильных людей *может* стать необходимым. Но через это он не становится крепостным *барщинником* (Fronknecht) (скорее «свободная клиентела позднейшей римской поры могла примкнуть к этим отношениям раннего периода: этот добровольный патронат существовал во *все* времена). Противоположность между клиентами и plebs'ом так ясно выступает в источниках, что, например, Оберзинер, который видит в плебсе *покоренное* неиталийское население первобытной эпохи, на *клиентов*, в *противоположность* этому, смотрит как на вместе со знатью переселившихся сюда *италиков*. Но если плебс *отождествлять* с клиентами, то этот подкупающий тезис Оберзинера (в пользу которого и другими приводятся некоторые, сами по себе, по-видимому, сильные указания: отсутствие connubium'a — об этом смотри выше, — засвидетельствованное в Двенадцати таблицах наличие двух способов погребения и т. д.), со своей стороны, лучше всего мог бы быть согласован со свидетельствами античной *традиции*, — *в том*, следовательно, *случае*, если дать веру некоторым (более поздним) местам источников, которые, по-видимому, говорят о планомерном (и всеобщем) распределении плебеев в качестве клиентов между patres¹⁸, — следовательно, на манер илотов, или критских φοικέες. Но как раз эти места традиции представляют собой явные реконструкции, и, во всяком случае, такое трактование крестьян как *государственных* клиентов (на манер илотов) не согласуется с их близким участием в *индивидуальных* помещичьих хозяйствах (Gutswirtschaften): спартиаты ведь *живут арендной платой* и не ведут собственного помещичьего хозяйства (sind Renter keine Gutsherren). И как раз эти свидетель-

* См. предыдущее примечание.

ства ясно представляют это распределение плебеев как меру, принятую в интересах защиты (Schutzfürsorge) понесших ущерб (очевидно, *в судебном процессе*) граждан низшего права (кроме того, *выбор* патрона одним из соответствующих мест источников — см. их у Моммзена Staatsr. III. I. Aufl. p. 63, прим. 4 — ясно изображается как *свободный*).

Не только если судить по положению источников, но и по *фактическим* вероятностям, законодательство Двенадцати таблиц и примыкающее к нему законодательство означает *также* и успех крестьян в отношении к родам (см. ниже), а в области *аграрной* не разрушение «отношений помещика и крестьянина» («grundherrlich-bauerliches Verhältniss»), но скорее разрыв старых *волостных* союзов (Gauverbände) в пользу ставшего позднее типическим *отдельного* поселения (Einzelsiedelung) в форме «villae» (о практическом значении см. ниже).

Деревня, — позже совершенно чуждое римскому управлению понятие, в старину была основной формой поселения.

Правда, первоначальный характер поселения *деревнями* оспаривается и выставляется утверждение, что, в противоположность германцам (и эллинам), италийское поселение было поселением дворами (все еще появляющаяся у некоторых археологов формула: «германцы селились дворами, народы же Средиземного моря деревнями», покоится на полном незнании немецкого поселения и неправильном понимании одного риторического оборота у Тацита). Но нет ни одного доказательства или вероятности, которые бы говорили *за* это, тогда как эллинские аналогии, отношения других италиков и доисторическое поселение говорят *против* того, что отдельный двор, «villa», стоял *в начале* италийского, особенно римского развития, как это думает, например, и Шультен. Размежевание, земли на «fundi»¹⁹, которые принципиально представляют собой «continuae possessiones (сплошные владения) и есть как раз явление *современно-римское* (das modern-römische), включает в себе *разрушение* старых аграрных отношений (Flurzustände) в пользу индивидуалистического порядка поселения, как об этом свидетельствуют заявления римских землемеров. «Villa» ведет начало от феодального владельца *бурга* (Burgherren), а не от крестьянина. Ценное исследование Шультена прямо показывает, как радикально римское «assignatio» истребляло древние сельские общины (Landgemeinden) и деревни. Эллинский *город-госу-*

дарство, как Афины (и другие), мог использовать δήμοι [демы] в качестве составных своих частей. Римская практика решительно от этого отклоняется. Поля (die Fluren) колониальной ассигнации игнорируют «pagi» и при случае разрезают их пополам; так было с полями Плаценции и Велии²⁰, как это видно по алиментарным таблицам. Посредством полицейского применения понятия «vicus»²¹ для обозначения городского квартала, «pagus» для обозначения служившего для целей обложения повинностями (munera) подразделения сельского округа города, конечно, все надежные следы традиции были изглажены. Тем не менее из источников видно, что в позднейшем праве как vicus, так и pagus являются в качестве юридических лиц, которые владеют, например, земельными участками, автономно постановляют решения о своих делах и могут вести процессы, но только «pagus» является в качестве «обладающей распорядительной властью корпорации» (eine «Gebiets-Körperschaft»). Vicus всегда является *замкнутым* поселением и в качестве такого в эпоху до возникновения города представляет собой или средоточие pagus'а, или одну из *нескольких* деревень в pagus'e, какие мы видим при всех древних поселениях: по Фесту²² он есть *рыночное место*.

Что pagus некогда играл роль эллинской κόμη, представляется мне вполне убедительно вероятным. *Антагонизм* между «городом» в римском смысле и «деревней» создает все наши затруднения с источником, как это как раз опять показало само исследование Шультена: этот антагонизм обусловлен характером *позднейшего* аграрного строя (Flurverfassung) (радикально противоположного полюса «строя ком») («Kömenverfassung») (см. ниже). Уже из этого следует, что pagus, как это правильно выясняет Шультен, никоим образом — как думал Моммзен — в *историческую* пору не мог принимать участия в выяснении права собственности, в частности его главная функция, lustratio pagi (чисто религиозный, имеющий целью предотвращение бедствий, акт), не имела с этим ничего общего. Принадлежавшая позднейшему pagus'у власть издавать распоряжения имеет также, насколько известно, чисто религиозный характер: передаваемое Плинием исходившее от pagus'а распоряжение об употреблявшихся женщинами накладках из волос мотивировано явно суеверными соображениями. Что ограничение этой областью имеет характер сохраненного из страха перед

устранением некогда существовавшего культа рудимента более древнего порядка, когда *pagus* имел в социальном строе большее значение — это само собой понятно и с достаточной ясностью вытекает из того, что волость (*Gau*) владела, как это засвидетельствовано источниками, общественными весами, а первоначально, как это достоверно известно, и рыночным правом.

Принадлежавшую некогда деревне альменду можно еще узнать по скудным остаткам в «*ager compascuus*»²³; право выпаса первоначально является здесь как «*jus*» (Цицерон), как индивидуальное право члена общины (*des Genossen*). Рядом с ней стоит *ager publicus*²⁴ [общественное поле], в более позднее время представлявший собой завоеванную, а первоначально несомненно — что без всякого основания было подвергнуто сомнению — никому не переданную пустошь. Как и в раннюю германскую эпоху, очевидно, каждому члену племени на этой «общей марке» принадлежало право поднятия нови, и он находил защиту для своего владения таким «*ager occupatoris*» [«поле оккупанта»] до тех пор, пока он держал его под плугом. Это старинное право «оккупации»²⁵ в измененной форме впоследствии было распространено государство гоплитов на завоеванные, уже приведенные в культурное состояние и приносявшие плоды поля, поскольку они не предназначались для наделения на частном праве или для финансовой эксплуатации посредством сдачи в аренду. То, что при этом имелась в виду урегулированная форма оккупации — как это было в Соединенных Штатах при открытии для поселения индейских областей, — и что часть продуктов взималась в качестве вознаграждения в пользу государства или во всяком случае должна была взиматься — все это *ничего в этом не меняет*, т. е. в том, что по существу право «сквоттеров» было распространено на огромную завоеванную территорию, что «*оккупировать*» даже и в терминологии, является решающим (а не регулирование со стороны магистрата порядка оккупации).

Как в старину выглядела жизнь внутри поселений, в которых крестьяне жили трудами рук своих, мы не имеем возможности разглядеть более близко. Индивидуальная, совершенно *свободно* наследуемая и отчуждаемая земельная собственность в *позднейшем* смысле прежде всего совсем отсутствовала. Но те или иные исходившие от семьи ограничения в распоряжении полем и здесь существовали; что

касается землевладения патрициата, то это само собой разумеется здесь, как и везде; но в более слабой форме существовали они и у крестьян. *Верных* следов этого мы не находим. Ссылка на расточение *bona paterna avitaque** в опеку указывает на общее всякому проникнутому милитаристским духом праву специфическое *осуждение* продажи наследственной земли, но не является верным указанием на первоначальное правовое различие между ними в отношении к отчуждаемости. Можно предполагать, что развитие не было здесь принципиально иным, чем в Элладе, и во всяком случае (*в принципе*) наследственное и отчуждаемое владение землей и здесь стоит *в начале* дошедшей до нас истории. Легенда о наделении *Ромулом* всех граждан *hereditum*'ом в 2 югера²⁶ как единственно наследственным (не отчуждаемым) владением не является доказательством против этого. Ибо ясно, что это не есть полное крестьянское владение ранней поры. Но, с другой стороны, невозможно, — как хотел Э. Мейер — разуместь под этим землю поденщиков. Скорее *hereditum* есть «hortus», усадьба (eine «Wurth»), для индивидуальной обработки отдельным небольшим семействам в наследственное владение предоставленный, но в смысле отчуждения за пределы семьи по основаниям *государственного характера* ограниченный усадебный участок (*Gartenlos*). Для интерпретации открыты *три* возможности.

Во-первых: при основании городов путем синойкизма или путем учреждения города магистратом живущий в *городе плебей* — следовательно, ремесленник, розничный торговец и т. д., который не принадлежал к *gentes*²⁷, но в котором была потребность и которого желали иметь, наверное, так же, как при основании многих немецких городов средних веков — получал 1) усадебную землю (*Gartenland*) и 2) право выпаса для своего скота в общинном поле (*Gemeindeflur*), но вовсе *не получал* крестьянской гуфы (надела). То же, вероятно, было в колониях граждан этой ранней поры, которые еще не имеют аграрно-политической цели, но имеют ввиду снабжение гарнизоном и заселение римлянами береговых мест (*coloniae maritimae*), с помощью которых за Римом в интересах торговой монополии должен был утвердиться берег, и в которых потом колонист обязан был иметь жительство (как в Афинах солоновские клерухи на Саламине). Как

* Отцовских и дедовских имуществ (*лат.*) (*Прим. ред.*).

раз здесь имеет место наделение «*bina jugera*»²⁸ (в одном, не вызывающем сомнения примере: Анксур²⁹), и колонист, как таковой, само собой разумеется, имел право выпаса. (Что, кроме того, ему предоставлены были еще и другие права в этом отношении, как я раньше допускал, это теперь применительно к восточно-эллинистическим условиям больше не кажется мне вероятным, и нужно оставить всякую мысль о какой бы то ни было общности полей (*Flurgemeinschaften*) по типу немецкого поселения как для Рима, так и для всей Древности). «*Bina jugera*» были бы тогда, следовательно, наделом (*das Los*) всех тех свободных плебеев, которых принимали во вновь возникавший *городской* союз.

Вторая возможность (комбинируемая с первой): — надел (*das Los*) пехотинцев или, вернее, его *счетная* единица: в конце 2-й Пунической войны ветеранам испанских и африканских походов было обещано *по столько раз* по два югера, сколько лет они служили (правда, неровные цифры земельного наделения выступают в «Аналистике», но уже название «*centuria*» для 100×2 югеров показывает, что нормальной единицей являлся двойной морген³⁰). *Третья* возможность: что поселенный для утверждения за государством отданной под колонию области полноправный *гражданин* в древнюю пору *совсем иначе* был наделен, чем с помощью двух югеров, это делает вероятным одна заметка об Анциуме³¹, согласно которой после покорения этого города враждебно настроенные жители его были превращены в *крестьян, обрабатывавших из части* землю колонистов (*Teilbauer*) (в илотов). Здесь, следовательно, два югера были лишь *городским* наделом (*das Stadtilos*) сосредоточенных в городе (как это было в Митиленах) клерухов. Клерух, в таком случае — конечно *не* ремесленник или мелкий торговец (гипотеза 1), но воин — должен быть имевшим оседлость в городе землевладельцем (*staatässiger Grundherr*), а не крестьянином. Как тогда, в противоположность этим плебейским или патрицианским *городским* поселенцам, мы должны представлять себе права на поля, принадлежавшие *крестьянским* семьям, это совершенно неясно, точно так же, как и то, какие феодальные права существовали в отношении к ним. Это относится и к *самому* Риму.

Римские граждане в историческую эпоху разделены на трибы и курии, как в Греции на филы и фратрии. Род (*die Sippe*) (*gens*) был (долго оспаривавшийся пункт) и здесь *огра-*

ничен знатью. И здесь он не представляет собой ничего «первобытного», но является образованием, возникшим путем дифференцирования на почве владения скотом, благородным металлом, землей, отдавшимися из-за долгов в рабство людьми и опиравшегося на это рыцарского образа жизни и военного воспитания (Training). Наверное, образование родов (т. е. совместное владение имуществом, придавание значения кровной связи и дальнейшее, что из того следует) и здесь прежде всего началось в семьях прежних волостных князей (Gaufürsten), которые постепенно превратились во владетелей бургов (Burgherren), как и в Греции. Синоикизация знати бургов — политическая заслуга всей древнейшей эпохи Рима. Такое вступление знати в состав общины (Eingemeindung) могло совершиться добровольно — знаменитым примером является принятие рода Атта Клавза в качестве Рода Клавдиев в союз родов (Geschlechterverband) с предоставлением земли ему и его «клиентам» — или при случае насильственным путем с помощью «ломки» («Brechung») ее бургов. Понятно поэтому, что 16 древних сельских триб носят родовые имена. И это, конечно, не доказывает здесь также ни того, 1) что вся или лишь большая часть земли соответствующих территорий принадлежала этим родам как землевладельцам (Grundherren) — в таком случае преобладающее большинство патрицианских родов было без земли, — ни того, 2) что первоначально gens был учреждением, общим всем свободным.

Скорее само римское предание показывает, что территория (das Land) за пределами городских ворот долгое время оставалась разделенной на pagi, как это было с древнейших времен, до тех пор, пока позже (см. ниже) не последовало разделения ее на tribus rusticae. Несомненно, в период полного развития господства знатных родов (Geschlechter) сельские округа так же были лишены политических прав, как и в Элладе в специфически аристократических городах-государствах (Adelspolis). А знатный gens и в Риме (и здесь еще больше, чем в иных эллинских государствах) есть владеющий пахотной землей, но живущий в городе род: солдаты больших войск Рима в эпоху его территориального расширения были крестьяне, но их офицеры — всегда горожане. Как в Элладе знатные роды почти всегда имели других святых-покровителей (Schutzheilige), чем народ (впервые это подчеркнуто Э. Мейером), так и sacra римских родов (gentes)

суть обряды *частного* культа; принципиально *gens* есть «помимо государственное» (*präterstaatliches*) образование, а следовательно, и не «часть» государства. Напротив, общие *sacra* [святыни] курий (*curiae*) суть *sacra publica* [государственные святыни].

Курии — это государством признанные *деления* гражданства. Их большей частью ставят рядом (уже в древности) с греческими *фратриями*. Во всяком случае их происхождение, по признанию специалистов, так же темно, как и этих последних. Для исторической поры установлено лишь следующее: что курии должны были контролировать завещание и усыновление (следовательно, допущение в военную общину и тем самым и к владению землей), и что они должны были ратифицировать передачу военных полномочий вновь выбранным высшим магистратам. Представляется вероятным, что первоначально при формировании войска курии являлись органами выбора. Но ввиду этого аналогия с *фратриями* лишь отчасти сохраняется, в других отношениях их следовало бы сравнивать с *филами*. В противоположность эллинским *фратриям* и они не имели корпоративного характера и, следовательно, не могли совершать юридических актов: они представляют собой лишь сакральные и административные единства. Но и помимо того, тот, кто считает *фратрии* в Элладе «первобытными (*uralt*), не эти древние *фратрии*, но искусственные образования *познейших* синойкизмов может сравнивать с историческими куриями, которые, со своей стороны, являются ведь специфически государственно-городским образованием (собрание народа в *comitium* [комиции] в противоположность *трибам*, и т. д.). Они общи латинским городам (напротив, еще вопрос, знают ли их *coloniae civ. rom.* [колонии римского государства]).

Три древние *трибы* в 10 курий каждая с *gentes*, как с подразделениями, конечно, представляют собой организации, созданные для целей удовлетворения государственных потребностей, организации, в этой схематической форме, может быть, впервые возникшие в патрицианско-плебейском государстве, которое соединяет *все* гражданство в курии и (искусственные) роды. Если в историческую пору к куриям приписываются отдельные и замкнутые полевые марки, то также еще вопрос, насколько это локализованное является продуктом первоначального деления на *филы*,

не представляет ли оно (что вероятно) результата более позднего нового раздела территории между *сигис*, или же вообще оно существовало только во вновь основанных латинских колониях (как и в колониальных филах в Элладе).

Римское государство в своем отношении к своим членам с самого начала в *одном* направлении *отличается* от эллинского полиса: в трактовании *семейственного* права. Для эллинского полиса (например, для Афин) политическое полноправие (*politische Wehraftmachung*) и частноправовая дееспособность взрослого сына (*Haussohn*) совпадают, — для римского государства между ними нет ничего общего. Гражданин как солдат есть объект власти *должностного* лица; как сын он есть объект *домашней* власти, пока жив его отец. Государство останавливается у порога дома, и право дома («*dominium*»), которое с равной абсолютной неограниченностью охватывает жену, детей, рабов, скот (*familia resuni-aque*)*, есть зародыш абстрактного понятия собственности. Нет никакого сомнения, что это радикально патриархальное семейственное право берет свое начало в организации рода (*gens*) — как и положение отца, «*pater*» — главы рода в древнем государстве, как его изображает традиция, с которым параллельно идет *pater familias* в семье — и что первоначально оно служило к сохранению в нераздельном виде владения: *большая* семья (*die Grossfamilie*) здесь, в построенной на строгом принципе власти организации, лежит в качестве нормальной формы в основе структуры права. Как передавалось положение главы рода в публичном праве и в отношении к клиентеле (см. ниже) — наследственным порядком или путем избрания — это при настоящем состоянии источников праздный вопрос. Весьма вероятным кажется только, что раздробление единства большой семьи, которое в историческую эпоху наступает со смертью *pater familias*, не было первоначальным родовым правом, но что тогда на место старого вступал *новый* глава рода. Позднейшие отступления от общего наследственного права, которые состояли в наследовании *патронатных* прав, представляют собой ненадежный источник, хотя он, правда, кое-где восходит к старым распорядкам замкнутого рода (*gens*).

* Отношение «*familia*» к «*resunia*» здесь остается без рассмотрения. Ср. об этом совсем недавно появившуюся книгу Миттейса «*Röm. Privatrecht*», стр. 81 и след.

Эта строго авторитарная организация семейных союзов в римском государственном строе была источником известных *феодальных* составных частей его, которые на всем продолжении существования государства, со своей стороны, широко определяли его своеобразие.

Римский социальный строй как в свою (нам доступную) раннюю пору, так и после того несравненно более сильно развил элемент, который вовсе не отсутствовал и в эллинских городских государствах, но там уже в раннюю пору, а вполне в эпоху демократического устройства был далеко отодвинут назад: феодальную *клиентелу*. Связь с семейственным правом ясно обнаруживается в том, что древние приравнивали наделение землей клиентов к наделению землей *filii familiae*: патриархальное положение главы рода есть источник римского клиентского права. Здесь следует, не выходя из данных рамок, войти в несколько более близкое рассмотрение этого института, который не раз приводил к неправильному пониманию условий более древней эпохи. *Повсюду*, в античной древности (и, конечно, *не только* в античной древности) первоначально человек, не имеющий владения, т. е. не имеющий доли в земельном владении какой-нибудь конкретной общины (*Gemeinschaft*), являлся также и человеком бесправным. В Египте царь требует (*reklamiert*) «человека без жилища», который навьючивает свои пожитки на своего мула и тащится от одного землевладельца к другому, чтобы продать свою рабочую силу; в Древнем Израиле он — архаичный тип «метека»; в Элладе он поставляет «*δῆτες*» и «*πελάται*» [«зависимых людей» и «клиентов»]. В Риме он отдает себя — в эпоху родового государства (*Geschlechterstaat*) — через посредство «*applicatio*»³² под патронат готового принять ее (*applicatio*) состоятельного «*pater*» (главы рода) или же (как это передано традицией для эпохи царей) царя. Этим путем и путем «*susceptio*»³³ со стороны патрона возникающее отношение отличается, с одной стороны, от рабства, а с другой, от вассалитета, совершенно так же, как древнеегипетское отношение «*amach*»: взаимные отношения регулируются традиционным, достаточно неподвижным моральным кодексом, который, однако, благодаря своему религиозному характеру, *чужд* граждански-светскому (*bürgerlichweltlichen*) «*Landrecht*» [земское право] (выражаясь германистически) городского государства, совсем *не может* быть им понят; но, так как однако, он

имеет высокое практическое значение, то существование его не игнорируется просто: Двенадцать таблиц *предают проклятию патрона*, который не соблюдает верности в отношении к клиенту («*si clienti fraudem fecerit*»), как предается проклятию сын, который бьет отца; в обоих случаях как раз нет государственного судьи. Еще законы о вымогательстве, изданные демократией в период мирового владычества, обращали внимание на то, существует ли между двумя лицами отношение, составляющее сущность клиентелы: «*in fide esse*» [«пользоваться доверием»] (и даже в рабское право Дигест³⁴ в эпохи, когда рабские казармы уже не существовали, по ошибке возникло выражение «*in fide domini esse*» [«пользоваться доверием господина»], конечно, вовсе не являясь здесь *прямым* отзвуком отношения древней клиентелы). Fides [доверие], совершенно как и в средние века, играет определяющую роль в отношении господина к клиенту: но в то время, как в средние века (как и в Японии) восхваляется, этически оценивается и подчеркивается ленным правом fides преимущественно *вассала, потому что* он есть на своих ногах стоящий сам себя вооружающий, в своем благосостоянии *фактически* все более и более от сеньора не зависящий рыцарь или даже князь, которого всегда подстерегает искушение предоставить сеньора самому себе, римская древность имеет дело преимущественно с «*fides*» *господина*. Ибо в *историческую* эпоху клиент, как и владелец должностного и служилого лена месопотамских царей или μάχιμοι [воины] фараона и Птолемеев и как «*colonus*», есть *маленький* человек, так сказать, ленник по плебейскому праву, который без господина — ничто, а *против* него уже и совершеннейшее ничто. Указывает ли подчеркивание *обоюдной* «*fides*» в одной «*lex regia*» [«царский закон»] на первоначально более значительное, ближе к вассалитету стоящее и, может быть, впервые в государстве гоплитов выродившееся положение клиента («*cliens*») — это, конечно, должно остаться нерешенным.

Клиент обязан проявлять в отношении к господину почтительность (первоначально: «*послушание*»), следовать за ним на войну, оказывать ему экономическую помощь в случае экстренных затруднений, к которым относятся: наделение приданым дочерей, государственные *munera* [дары], наконец выкуп из плена (для древности важный случай: если припомним, его трактует закон Хаммурапи для *вла-*

дельцев ленов, а в Афинах сохранилась особая процедура для приведения в исполнение требований при подписках — *ἕρνοι* — для выкупа из плена). Клиент, со своей стороны, имеет право за это требовать от господина 1) помощь при экономических затруднениях и 2) защиту, в особенности защиту от судебного преследования, которой он сам для себя, пока «земское право» («*das Landrecht*») трактовало его как метека, следовательно, как *чужака*, не мог доставить *юридически*, а позже довольно часто и *фактически*. Судебный иск, все равно какого рода, *между* патроном и клиентом, возникающий на почве ленных отношений, но также и всякое *уголовное* преследование (*Rönalklage*) еще и в историческом праве так же *исключается* существующим между ними отношением верности (первоначально, конечно, *всякий* иск); точно так же никто из них не мог быть допущен в качестве свидетеля один против другого. В остальном ленный союз между господином и клиентом выражается особенно резко в том, что наследство клиента первоначально целиком достается господину или его роду (*gens*), а — что связано с этим — родственницы клиента без согласия господина не могут выходить замуж (*enubere*) за людей, не принадлежащих к кругу ленников рода (*gens*) господина.

Практическое значение клиентелы для господина (*Нег*) могло быть разнообразно: 1) клиент благодаря лежащей на нем повинности денежного вспомоществования и эвентуально следуемой с него платы за разрешение на брак был источником случайных доходов. Эксплуатировать его деловым образом, в качестве регулярного источника ренты *позже* считалось неприличным; всегда ли так было, конечно, нельзя с уверенностью сказать (к тому же клиентела — см. сейчас же — впоследствии *изменила* весь свой характер), обратное само по себе возможно; 2) столь же мало возможности (по той же причине) решить, являлся ли первоначально клиент обыкновенно и экономической рабочей силой на барском дворе господина. Аналогия позднейшей клиентелы из *вольнотпущенников* не может быть привлечена здесь, ибо этому — *экономически* оплодотворенному — институту, по-видимому, *не доставало* самого важного в древней клиентеле: так сильно ценившейся обязанности, лежавшей на *патроне* — обязанности верности.

С этим вопросом связан дальнейший вопрос об *аграрном* значении клиентелы. С величайшей вероятностью инсти-

тут прекария [precarium] признается некоторыми возникшим из права клиентелы, лучше сказать: считается «земско-правовой» *стороной* («landrechtliche» Seite) земельной аренды по праву клиентелы (zu Klientelrecht). Владение «по просьбе», т. е. владение *без* всякого контракта, которое *признает* гражданский суд, при этом защита владения прекариста против всякого *третьего лица*, тогда как его владельческие права для его *господина* являются как бы несуществующими, так что этот последний во всякое, следовательно, время в порядке самоуправства (по собственной воле) может пустить их на воздух, — это столь характерное решение проблемы отношения между ленным и земским правом (как это мы видим и в предоставлении прекаристу) собственной защиты *владения* против третьего лица, которой колону «земского права» («dem landrechtlichen» colonus) впоследствии — см. ниже — *не достает*), что здесь едва ли может быть сомнение, даже если это и не было определенно сообщено преданием, что «*patres*» (главы родов городской знати) получили свое название *от того*, что они обыкновенно наделяли землей неимущих (tenuiores) (attribuere есть техническое «ленно-правовое» выражение).

Так именно это происходит в легенде о Клавдиях (историческое зерно которой остается невыясненным). В Atta Clausus видят или волостного князя (Gaufürst), или, *вероятнее*, владельца бурга (ein Burgherr) в сабинской земле (его резиденцию, Regillum, нельзя топографически установить: она была как раз рыцарским бургом, а не полисом), который на шестом году «post reges exactos [после точных указаний] со своей свитой добровольно соглашается войти в состав римской общины («eingemeinden») (синойкизировавшись). Когда он со своими клиентами (число которых преувеличено до смешного; нужно только представить себе землю в области Teverone!) переселяется в Рим, он получает место для погребения на Капитолии и государственный земельный надел: из этого последнего он будто бы оставляет себе 25 югеров и по 2 югера дает своим клиентам. С 2 югеров никогда еще и нигде (натурально-хозяйственным способом!) не существовала семья (даже только чисто физически): эта земля была бы достаточна как раз для пропитания *одного* человека. Таким образом, нужно было бы для того, чтобы как-нибудь справиться с этим известием, принять, что речь здесь шла об усадьбах владельцев одних лишь дворов (Häslerstellen), и

что семья клиента при этом за содержание, получаемое ею на барском дворе, отбывала барщину для обработки 25 югеров барской земли («Salland»), родового «fundus». Кто бы стал утверждать *невозможность* такого рода отношения? И если вспомнить также о древнейших источниках германских барщинных повинностей: добровольно, т. е. только *этически* принудительной, *соседской* помощи сеньору в период страды (жатвы и т. д.), то представится в высочайшей степени вероятным, что от клиентов ожидали подобной работы («Aushilfsarbeit»). Конечно, доказать тут ничего нельзя, меньше всего, конечно, на основании этих более поздних данных о размере и способе распределения этого древнейшего клавдиевского fundus. А мысль о «барском хозяйстве» («Gutsbetriebs») с *регулярной* работой клиентов сталкивается с невероятностью *преимущественно экономической* эксплуатации клиента господином. В качестве *рабочих* сил землевладельцев рядом с mancipia (купленными детьми и рабами) засвидетельствованы «пехи» (рабы за долги), но они, конечно, должны быть четко отличаемы от clientes. Для последних сама по себе *более вероятной* была бы вообще *постоянная* экономическая повинность (ökonomische Leistung), затем *податное* отношение (Tributverhältniss). Указания одного требующего обязанности взаимной верности между спартиатом и илотом «ликурговского» предписания могут быть вычитаны из одного замечания Плутарха; и аналогия других эллинских «крепостных» («Hörigen»), например, Φοικέες на Крите, с клиентами, также, конечно, является подходящей*. Ибо спартанский, как и критский крепостной (Hörige) должен был давать традиционно установленные *оброки* (илот 1/2 жатвы) и рядом с этим время от времени нести чисто *личные* службы; но он *не* был хозяйственно эксплуатируемой рабочей силой в барском хозяйстве (Gutsbetriebe). Аттический πελάτης, с которым в древности также сравнивали клиента (и которого, с своей стороны, *неправильно* сравнивали с ἔκτημόριος, см. выше), есть неимущий (bezitzloser) и потому нуждающийся в правовой защите со стороны землевладельца «метек» (в древне-иудейском смысле слова). Как бы там ни было, во всяком случае у римских *клиентов* в

* Только постоянно следует помнить, что с *социальной* стороны римское государство с древнейших времен имело *совсем* другую структуру, чем спартанское: знатный «gens» *отсутствует* у создаваемых лишь воспитанием спартиатов.

существенно высшей мере, чем у эллинских крепостных (Hörigen), подчеркнуты упомянутые выше иные, не прямо экономические повинности в отношении к господину, и специально повинность отправляться с ним в поход во время войны в эпоху *рыцарской* борьбы в гомеровском стиле; при этом они занимают место посредине между дружинниками и илотами. Если в каролингском ополчении сеньор выступает *во главе* своих людей, а с другой стороны, спартиат — вообще эллинский тяжело вооруженный гоплит (Vollhoplit) — во время похода нуждался в илоте или в рабе для *услуг*, то это две резкие противоположности, между которыми der «Кнарре» («отрок») средневекового рыцаря занимает как бы середину. К этому «Кнарре» («отроку») клиент древнего времени на войне (если судить по довольно неопределенному впечатлению, которое при этом получается), по-видимому, стоит совсем близко, *ближе*, чем к находящемуся с господином в товарищеских отношениях гомеровскому «вознице» («Wagenlenker»). Не только римский, но совершенно так же этрусский и сабинский патриций (первоначально) выступает в поход во главе своих клиентов, пока старое рыцарское единоборство со своими «spolia opima»³⁵ как высшей целью героя господствовало на войне; но род (gens) при случае предпринимает частную войну (файду) на собственный страх, как Фабии против Вей³⁶, и тогда он выступает со своими клиентами. Полная несамостоятельность клиента по сравнению с вассалами имеет свое основание в том, что он вооружался господином (как Кнарре рыцарем). Это отношение продолжало существовать, по крайней мере, у полководцев, до самой эпохи Гракхов: Сципион еще созывает своих клиентов, отправляясь в поход против Нуманции³⁷ (134 до н. э.) (в эпоху гражданской войны подобную роль играли уже колонны).

Когда с победой «classis», войска из гоплитов, военное значение клиентелы исчезло, и ее экономическая роль благодаря покупным рабам и чисто договорной мелкой аренде сильно сократилась, *свободная* клиентела, которая, может быть, с давних времен существовала рядом с этим «крепостничеством» («Hörigkeit»), приобрела политическое значение. Это не *ленно-правовой*, но заимствующий свои *формы* у древней клиентелы институт, который, несомненно, обязан своим происхождением *процессуальному* заступничеству влиятельных людей и поэтому никоим образом не был

ограничен патрициями или вольноотпущенниками. Не только для того, чтобы сделаться сотрапезником состоятельного человека, но и ради веса, какой имело его заступничество в суде и вне суда, во всякое время массами отдаются семьи в это клиентское положение к *служилым* знатым родам (*Amisgeschlechter*) (будь они патрицианские или плебейские) и остаются в нем, так как это отношение переходило наследственным порядком, даже когда они достигают благосостояния, пока курульная должность, которая являлась основанием для расторжения клиентелы, устраняла это отношение, которое во II и в I вв. вовсе не накладывало пятна на «клиентов». Что этого действительно не случилось также следствие того, что с приобретением государством положения мировой державы иноземная знать, князья и дружественные общины (*Gemeinwesen*) вступали к римским знатым фамилиям в отношение судебного покровительства, понимаемое как «клиентела». С другой стороны, *экономически* преобразовавшаяся древняя клиентела продолжает существовать в положении, которое занимает в отношении к своему патрону вольноотпущенник, как это яснее всего показывает сенатусконсульт о *Fescenia Hispala* (разрешение: 1. одежды матрон, 2. *gentis enuptio*³⁸, 3. *concupium*'а со свободным без умаления чести последнего). В *противоположность* отношению, проистекавшему из тогдашней *свободной* клиентелы, экономическую эксплуатацию которого сословный обычай *не допускал*, это создаваемое клиентелой отношение служило этой последней, как известно, в высокой мере.

Все различные формы личной зависимости: свободная клиентела чужеземцев и своих, клиентела либертинов, наконец, рабство, образуют в *позднейшую* эпоху республики базис для того положения римской должностной знати (*Amisadel*), которого больше никогда во всей истории не занимала никакая знать: ни эллинская, благодаря более малым размерам и большей зависимости от гражданства и от его благорасположения (Лисандр³⁹, Алкивиад), но и ни английская в XVIII в. (на которую она, так как через посредство курульной должности «создавались пары», по своей структуре похожа). Ибо настолько вполне лично окрашенное патрональное отношение *отдельных* фамилий над целыми государствами, как хотя бы добровольная клиентела Спарты и Пергама в отношении у gens *Claudia* или как принудитель-

ный патронат победоносных полководцев над покоренными городами и народами, как вполне *официальное* учреждение не было известно английскому праву и английским сословным нравам. Римский государственный строй благодаря этому всегда оставался полуфеодальным образованием, ибо эту основу могущества крупных родов должностной знати не могли расшатать «демократические» решения комиций.

Картину политического значения клиентелы для господствующего положения *должностной* знати в эпоху крупных классовых столкновений II и I вв. традиция перенесла в раннюю эпоху Рима и в борьбу патрициев и плебеев и притом в двух друг друга исключающих формах: 1) так, что *все* плебеи являются как клиенты древней городской знати («клиент и «плебей» первоначально одно и то же); 2) так, что, наоборот, власть патрициев *в отношении* к плебеем покоится на голосах их клиентов в комициях. Из этих традиций, вероятно, ни одна не соответствует действительности; но в то время, как во второй могло быть хоть некоторое зерно истины — никто только не знает, к какой эпохе оно относится, так как неизвестно, *как и когда* клиенты могли войти в голосующие группы гражданства — первая ни в *каком* случае не может оказаться согласной с действительностью. Не говоря уже о всех других, уже раньше затронутых трудностях, те же клиенты, которые в 495 г. до Р. Х. будто бы следуют за Аппием Клавдием из чужой области в Рим (и сажаются им на своем *fundus*, получив по 2 югера земли каждый), почти непосредственно после этого совместно с другими в подобном же положении находящимися клиентами, оказывается, вынудили создание *революционной* должностной власти *трибунов*. Ведь, клиенты, наследство которых подлежало *Heimfallsrecht*'у (выморочному праву патрона), должны же были владеть имуществом, чтобы быть в состоянии вооружить себя для «*classis*» войска гоплитов? Обо всем этом не может быть речи. Вероятно, часть плебейских родов позднейшей поры ведет свои параллельные с патрицианскими родами имена от существовавших в древности клиентских отношений с ними. Но решительно ничто не говорит за то, чтобы для *всех* многочисленных плебейских родов римского происхождения существовали патрицианские параллельные роды с теми же именами. Так как *свободный* от клиентелы *plebs* уже в V столетии до Р. Х. постулируется событиями (как их передает традиция), то были

сделаны отчаяннейшие усилия объяснить исчезновение клиентелы над частью plebs'a. Рядом с «вымиранием» родов патронов специально царская клиентела должна была служить тому, чтобы заполнить пробел, — как будто находили возможным допустить существование в городе *действительной* «клиентелы» (военной свиты) изгнанного царя. Тем не менее в «царской клиентеле» древнего плебса может быть зерно истины: плебс состоит *частью* несомненно из δῆμοιουοί, и *их* в раннюю эпоху города царь, как таковой, мог ведь поселить в городе и, обложив повинностями, имевшими характер литургий, поставить под свою защиту. И точно так же очень *возможно*, что царь в борьбе со знатью мог при случае возбудить крестьян против нее, как это делал греческий «тиран», а также, что учреждение трибуната — род отрицательной тирании — было *уступкой*, которой городская знать, не слишком долго спустя после низвержения царской власти, путем компромисса купила у крестьян и мелкой буржуазии продолжение своего политического владычества и невозвращение «тирана». Не раз отмечали, что защита трибуна для политически несправного гражданина представляет собой роль официального *патроната*, который имел значение суррогата защиты, которую род (gens) давал своим членам и клиентам: в этом трибуны *могли* быть преемниками царей; но их «патронат» был бы тогда чем-то абсолютно другим, чем феодальное или вотчинное господство (eine feudale oder grundherrliche Beherrschung) над царскими «крепостными» (Hörigen).

Но все это остается по необходимости гипотетическим. Крепко держаться нужно лишь за следующее: что плебс и клиентела, плебеитет и прикрепление к земле (Grundhörigkeit), феодальное городское государство (Stadtstaat) и вотчинная власть (Grundherrlichkeit) совершенно не совпадают. В сословной борьбе патриции — поскольку верна истине традиция — в общем имели в клиентах опору *против* плебса. Закрепленным на земле (grundhörig) *городской* плебей (как раз его существование особенно бесспорно благодаря существованию древнейших 4 триб, городских) вообще не может быть. В деревне прикрепление к земле (Grundhörigkeit) клиентов возможно (но не доказана). Прикрепление к земле rapani, судя по всем позднейшим источникам, совершенно невероятно и в древнем войске гоплитов (которое древнее, чем трибуны) невозможно (илотам соответствовали в

войске клиенты, plebs — перизкам). «Феодальным» было социальное расчленение старинного городского государства благодаря как существованию клиентов, так и исключению plebs'a из управления. Но «феодализм» — не то же, что «вотчинная власть» («Grundherrlichkeit»). Для патрицианского землевладения, как это было и в других местах, рабочими руками были, рядом с нанятыми и в качестве заклада полученными крестьянскими сыновьями («personae in mancipio»), попавшие в рабство *должники*, затем (все больше и больше) взятые в плен на войне и купленные рабы, в раннюю эпоху, *может быть*, выходившие на помочи прекаристы-клиенты.

Притягательная сила, которой обладал Рим для синоикизирующих владетелей бургов (Burgherren), каким был Аппий Клавдий, в раннюю эпоху едва ли заключалась в желании получить долю в его тогда обнимавшей сравнительно небольшую область полевой земле, и позднейший блеск рода Клавдиев (gens Claudia) покоился не на этом земельном наделении. Но то и другое имело свою общую основу в том, что Рим был местом посреднической торговли (ein Zwischenhandelsplatz), где можно было стать состоятельным человеком с помощью своих рабов, с помощью ростовщических ссуд, посредством участия в торговле и т. д. Впервые изменило это территориальное расширение Рима путем присоединения континентальных областей (die kontinentale Expanzion), которое идет рука об руку с победой плебса (см. ниже). Приведенные выше данные об Atta Clausus могут служить лишь тому, чтобы сделать ясным, насколько *малыми* представляли себе в древности «поместья» («Grundherrschaften») старинного римского *патрициата*. И в этом древняя традиция могла быть верна истине. Если 16 носивших родовые имена tribus rusticae действительно возникли в середине V в. до Р. X. (см. ниже), в таком случае каждая из них, если судить по передаваемому традицией тогдашнему объему ager Romanus (50 000—60 000 гектаров), обнимала около 3200—3500 гектаров земли, — что было бы вполне приемлемым числом. Из всей исчисляемой, *самое большое* (см. ниже), в 30 000 гектаров наличности способной давать урожай земли, приходившейся на ager Romanus, каждому из 300 сенаторских родов древней традиции досталось бы владение в несколько более 100 гектаров с правами на пастбище, если бы они владели *всей* римской почвой. Нам представляется

это для востока Германии как стоящий лишь на границе крупного владения. Но следует вспомнить земельные домены и земельные участки аттических аристократов (пентаксиомедимн — около 50 гектаров, наследственная земля Алкивиада — 30 гектаров).

Из этих цифр, если для пробы их положить в основу, вовсе, таким образом, *не* следует, что городская знать должна была владеть всей землей. Ибо ее доходы — как и доходы знати каждого античного полиса — были частью специфически *городского* происхождения (торговля), часть же покоились на владении *скотом*, для которого внутри старинных *pagi* можно было располагать едва ли не половиной земли в качестве *comprascua*⁴⁰. Как *вторичное*, как следствие возраставшего *денежного* могущества знати и здесь возникла тенденция к скоплению земли и к закабалению за долги рядом со знатью находившихся в *pagi* свободных крестьян. Что в существовании этих закабаленных за долги людей проглядывал элемент тяжелой угрозы для внутренней безопасности, об этом свидетельствует постановление Двенадцати таблиц, по которому в порядке исполнения приговора о взыскании (*im Exetutiuoswege*) приведенные для долгового ареста у кредиторов должники по истечении срока уплаты долга *должны* были быть или убиты, или проданы за границу (*trans Tiberim* [за Тибр]), тогда как эллинский кредитор мог и внутри страны удерживать их в качестве рабов.

О том, чтобы древние владения патрициев (в смысле традиции) были больше или только таких размеров, как с помощью рабов возделывавшиеся поместья времени Катона (около 60 гектаров), не может быть и речи. Скорее мы можем в качестве среднего размера признать поле, едва ли несколько больше 30 гектаров. С 30 гектаров кампанской почвы, засеянной полбой, в случае хорошей обработки, кладя в основу приведенные Полибием и с его слов Катонем дневные рационы для солдат и рабов (*пшеницы*, которая идет на полбу) и предполагая хорошую доходность, *во всяком случае*, могли удовлетворить натурально-хозяйственным способом свою потребность в *хлебе* 60 взрослых мужчин и около 20 (малых) семейств. К этому следует прибавить *пастбищные* права, обеспечивавшие молоко, сыр, шерсть, и права на рубку леса для топлива, построек и поделок. Рассматриваемый таким образом, с точки зрения количественных отношений римский «gens» в смысле традиций должен был

приблизительно так выглядеть, — как бы он ни был социально расчленен, что касается отношения свободных к клиентам или рабам. При круглым счетом 300 таких родов приблизительно третья часть *полевой* земли приходилась бы на патрицианские поля; на остальной могли бы найти себе место несколько тысяч, смотря по тому, что принято за среднее, 3000—5000 семейств мелких крестьян.

Но эти цифры, если иметь в виду *преобладание* аграрных основ, были бы абсолютными *максимальными* цифрами, *далеко* позади которых, наверное, оставалось бы в эпоху, когда Рим был ограничен своим «ager», питавшееся продуктами *собственного* производства гражданство. Тогда мы, может быть, могли бы произвести лишь такой расчет: 2000 плебейских крестьянских семейств из 6—8 человек каждое, из которых половина (во всяком случае) способных быть гоплитами («зевгитов» — по аттической терминологии), и несколько более 100 патрицианских родовых союзов (partizische gentile Kommunionen) в среднем, может быть, из 30 человек каждый, различавшихся между собой, конечно, в смысле размеров земельного владения, и в смысле числа входивших в каждый из них людей, которые, со своей стороны, могли иметь клиентелу каждый, может быть, из 8 человек, а вместе 800 семейств в 4—5 человек, — вспомним, что и аттический самый высший ценз «500 шеффелей» лишь в 8—9 раз превышал *предельную* потребность одной семьи, — итого в среднем 22 000 питавшихся продуктами *собственного сельскохозяйственного* производства — едва ли больше; тогда мы иным путем подошли бы к определению размера *земледельческой* эксплуатации (Askernutzung) ager Romanus, который, наверное, не соответствует исторической действительности (хотя пропорция, конечно, выше, чем в Аттике с ее горными цепями, тем не менее площадь *полей* не могла быть тогда больше приблизительно 15 000—18 000 гектаров из всей совокупности 50 000—60 000, так что *ежегодно обрабатываемая* для получения хлеба площадь при наличности травосеяния составляла бы около 15%, остальное — сады, пастбище, лес для дров). Так как Рим *никогда* с того времени, как он вообще был полисом, не был вынужден и не был в состоянии жить продуктами *собственного* земледелия, то число людей, которых он мог прокормить — сельскую территорию и город — кладя в основу размеры ager Romanus, даже для периода за-

стоя перед началом завоеваний, мы можем гораздо больше, чем удвоить, и тогда возможность производства *на сыт*, естественно, должна поднять и возможное число *мелких* крестьянских участков (Kleinbauerstellen). Само собой разумеется, все это *чисто* гипотетические числа, которые только тогда имеют какой бы то ни было смысл, *когда* вообще делают попытки конструкции условий на почве традиции, следовательно, их перевода в *цифры*. С какими оговорками сделана эта попытка, было сказано выше: здесь прямо *все* ненадежно*.

Plebs состоит сначала *не только* из мелких крестьян. Он, без сомнения, по крайней мере, пока он существовал как *«проблема»*, мерил на тогдашнюю мерку: зажиточных (begüterte), и зажиточных в городе и в деревне, людей он причислял к своим, и как раз *они* были поставлены его вождями. Plebs есть как раз отстраненное от должностей, от жречества, от суда, от военного командования, не принадлежащее к замкнутому родовому союзу гражданство: крестьяне, ремесленники, торговцы, разбогатевшие и оставшиеся бедными. «Сословная борьба» есть борьба *социальная*, поскольку она вращается вокруг *долгового* права (чем, согласно традиции, в Риме она была скорее *меньше*, чем в Элладе). В остальном она — борьба *политическая*. Плебеи первоначально совсем не знали родовой организации (gens), потому что эта последняя здесь, как и в Элладе, есть продукт искусственного сохранения домово́й общины (Hauskommunion). И *собственно* причинное отношение здесь, конечно, такое же, как и везде: не потому, что они были плебеями, не имели они родовой организации (Sippe), но потому, что в древнейшую пору не поднялись в круг зажиточных больших родов, они стали «плебеями». Позднейшая эпоха сословного уравнивания открыла им полный доступ к образованию родовых организаций, а с тем вместе и к куриям (curiae), к патронату и к другим гентильным учреждениям. Древние противоположности — покоившееся на ленном праве родовое наследственное право патрицианской домово́й общины (Hauskommunion) в противоположность семейному наследственному праву плебеев (патриций наследовал «gente», плебей «stripe») — выступили еще позже в процессе

* Уже потому, что гипотетично, в каком *смысле* «древний» ager Romanus когда-либо был тождествен с непосредственно *зависевшей* (direkt beherrschten) от города сельской областью.

между патрицианскими и плебейскими Клавдиями (о наследстве одного вольноотпущенника).

В более раннюю эпоху — согласно преданию, в эпоху царей — должно было последовать включение в состав патрициев разбогатевшей новой знати, так называемых «*gentes minores*», которая признавалась теперь патрицианской. Целью его было, наверное, удвоение патрицианского войска («*gentes minores*» выставляют «*centuriae posteriores*» [«последние центурии»]). И сила феодальной структуры государства была так велика, что здесь — в противоположность аттическим *φρῶντες* не принадлежавших к знати членов фратрий, для которых характерным является *отсутствие* родового эпонима — в Риме, как известно, *каждый* свободный гражданин должен иметь свое гентильное (родовое) имя и *в силу этого* (*damit*) (позже) принадлежит к курии. Напротив, *политическое* приобщение массы плебса к праву полного гражданства совершилось на почве другого деления, чем деление на курии. Оно само есть также и здесь следствие *военного* развития, *возможность* которого в значительной части (как и в Элладе), конечно, *также связана с экономическими* предпосылками.

Ранний подъем благосостояния города вследствие монополизированной, благодаря торговому договору с Карфагеном, *торговли* выступает наружу в совершенно необычно большой для города с таким малым собственным сельским округом «сервиевой» стене. Конечно, эта стена ведет свое начало от IV в., но и более древняя, не включавшая бурга, и стена Авентина⁴¹ охватывает очень значительную городскую территорию. «Сервиева» стена вполне охватывает площадь величиной с Афины, а каково было в начале IV столетия — в котором Рим иногда прямо называется «эллинским городом» — коммерческое значение города, показывает знакомство эллинского мира с галльским пожаром и, еще яснее, участие эллинских городов (Массилия⁴²) в сборе для уплаты выкупа галлам. Его открытое положение и натиск горных племен (вольсков⁴³, самнитов) делало необходимым создание дисциплинированного пешего строя и, таким образом, определило решающую роль на войне тяжелой вооруженной фаланги (Hoplitenphalanx).

Нигде так резко, как в Риме, не было проведено в жизнь это новшество: колоссальные полномочия римской магистратуры, которым по праву удивлялись эллины как спе-

цифической особенности Рима в последнем счете покоятся на военной дисциплине. Легенда знает рассказ о том, как успешный рыцарский поединок вне строя, являясь теперь противным дисциплине и потому грозящим смертью, стоит жизни сыну победоносного консула. Умаление древнего военного значения клиентелы стоит в связи с исчезновением древнего рыцарского единоборства. Войско становится «classis» (фалангой). Использование экономически обусловленной способности всех граждан к вооруженной защите стало требованием самосохранения. Как в драконовском устройстве, граждане делились на группы сообразно с тем, принадлежат ли они к «classis», или, будучи экономически неспособны к несению военной повинности, стоят «infra classem» [ниже фаланги]. (Когда именно нам сообщенное преданием деление на классы всего населения по афинскому образцу было положено в основу порядка подачи голосов, и было ли оно положено в основу градации прав на самоэкипировку, остается неясным: величин *земельного владения* в этом, во всяком случае не восходящем выше III в. до Р. Х. делении на центурии видеть нельзя, — дальше об этом ниже). «Classis» полных гоплитов сделал тогда необходимым решительное допущение содействия войска граждан при выборе «начальников» (praetores) обоих легионов, на которое войско первоначально (?) расчленялось, и опросы войска гоплитов при изменениях действующего права. То, что при этом «comitia» войска, расчлененные на свои военные деления (centuriae) — «по капральствам» («Korporalweise»), — «выступали» по команде («discedite») и становились, а главное, что они должны были *молчать* и с помощью *да* или *нет* en bloc [разом] принимать или отклонять предложения руководивших собранием самых высших офицеров, строго отличает их от экклесии эллинов. Этот первый шаг обозначал прежде всего лишь известное участие состоятельных, фактически наверное в большинстве во всяком случае имевших *городскую* оседлость плебейских семейств в государственных делах.

Политический подъем *крестьян* последовал затем в течение сильного военного *расширения* (Expansion) государства внутри страны с середины V до начала III вв. до Р. Х. и было, как и везде, как следствием, так и условием его. В конце концов плебс достиг в 287 г., после сецессии на Яникуле⁴⁴, того, что его решения в качестве законов имели такую

же обязательную силу для государства, как и решения центуриатного собрания: «крестьянское войско», которое вело самнитские войны, приобрело формальное господство в государстве и полное право занимать должности для своих сочленов. Этапы в этой борьбе здесь не интересны для нас, но лишь ее в аграрно-историческом отношении *важные* стороны. Поднимавшееся и в заключение ставшее господствующим значение плебейских *трибуткомиций* является политически решающим. Как раз в социально-историческом отношении важнейшими законами являются плебисциты, возникавшие по инициативе трибунов. (Позже в своих подробностях и до сих пор, даже Моммзенем, не разгаданная реформа сделала деление народа на трибы также и основой патрицианско-плебейских групп, подававших голоса по центуриям, так что с тех пор оба рода комиций отличались друг от друга лишь участием патрициев в голосовании в центуриях и исключительным правом *трибунов* на «*agege cum plebe*» [«обращаться к простому народу»] в плебейских комициях по трибам. Цифровое значение патрициев было не только относительно незначительным, но, по-видимому, и абсолютно *падало*: число старгородских знатных родов в конце республики сократилось до менее, чем 20 (разделявшихся на много «*stripes*»), в противоположность приблизительно втрое более высоким цифрам, которые дают уже одни имена в должностных списках и анналах (о том же можно судить и по более высоким цифрам и исторически известных *аттических* родовых имен).

Как бы то ни было, во всяком случае участие в трибуткомициях покоится на «трибах» (*tribus*). Эти последние, вполне соответствуя принципам крестьянских демократий, являются *местными округами, прежде всего землевладельческими* округами. Древнейшие 4 «городские» трибы охватывали владение внутри (древней) стены, ближе всех примыкавшие к ним 16 сельских триб обнимали земельное владение в древнюю пору вошедших в состав римской общины округов, которые прямо назывались по именам тех древних владевших бургами родов, которые некогда в них пребывали. (Что они вовсе не были «родового» происхождения, т. е. возникли посредством разложения всех *поместных* организаций (*Grundherrschaften*), это следует не только из того, что ведь тогда лишь 5% всего воображаемого числа *gentes* могли быть «землевладельцами» (*Grundherren*), и некоторые из из-

вестнейших патрицианских родовых имен *не оказываются* *налицо*, но также, например, из того, что патрицианские Клавдии позже вовсе не принадлежали к «своей», т. е. названной их именем трибе. Возможно, что деревни, лежавшие возле родовых бургов синойкизированной родов (gentes) и носившие их имена, передали их трибам.) Всякое дальнейшее расширение римской *частной* собственности (см. непосредственно ниже) несло с собой прежде всего новые трибы (всего до 35), потом, расширение старых: ведь каждый участок частной собственности *должен был* принадлежать к какой-нибудь трибе.

Первоначально граждане, на основании своего *земельного* владения обязанные нести военную повинность и имевшие право голоса, называются в законах Двенадцати таблиц *adsidui*⁴⁵ (что впоследствии употреблялось просто как однозначнее с *locuples*⁴⁶), не имевшие земельной оседлости (*die nicht grundsässigen*) — *proletarii* (т. е., конечно, не в смысле производителей детей, а в смысле к *proles* — именно *proles* полноправного гражданина — принадлежащих и только в качестве «*proles*» — этого предка — принадлежащих к гражданству; ср. в несколько более отчетливой связи смысле иудейское обозначение не принадлежащего к имевшим земельную оседлость знатным родам городского населения как «сыновей презренной жены», т. е. *не признаваемой законной женой* наложницы полноправного гражданина).

После проведения организации по трибам, обязанным нести военную повинность «*tribules*» противопоставляются другие, вместо военной службы платящие деньги, *принадлежащие к владеющему классу* не землевладельцы, «*agerarii*». Эти две категории противоположностей не вполне покрывают друг друга. «*Proletarius*» есть гражданин, который в данный момент не обладает *цензом* гоплита, например, в частности, земельным владением, но во всякое время *может* приобрести таковой. «*Agerarius*» есть гражданин, какой бы ни был его ценз, политически не трактуется как гоплит, — *в частности* (но не только) потому, что он принадлежит к *не имеющим права* на владение землей классам населения (например, по праву эпохи городского государства, конечно, к классу вольноотпущенников). Ибо первоначальным, без всякого сомнения, является то, что, так как только граждане — но как *adsidui*, так и *proletarii* — могут приобретать земельное владение, то только *землевла-*

дельцы могли быть трибулами (tribules) (как было первоначально везде в средневековых городах). Из этого не следовало непременно (как и я раньше иногда склонен был думать), что для принадлежности к *classis*, следовательно, — первоначально — к полноправному гражданству, решающим было *одно* только владение землей и его размер, с тех пор как существовало тяжеловооруженное войско*. Древнейший ценз, это совершенно очевидно, берет своей точкой отправления как раз не земельное владение (см. ниже). Как и в эллинских торговых городах, и здесь развитие уже вследствие необходимости полного использования военной силы с необходимостью приводит к привлечению к военной службе (которая в Афинах в случае нужды требовалась даже с метеков), а вместе с тем и к полноправному гражданству увеличивавшихся в числе и богатевших, но не *имевших* земельной оседлости людей (*Nichtansässigen*): жил ли состоятельный купец в наемной квартире, или же имел земельное владение, нередко это, конечно, являлось чем-то случайным и не могло долго оставаться критерием военной повинности. Но тем, *как* осуществлено было привлечение *не* владевших землей людей, и характером местного расчленения гражданства вообще римское государство решительно отклоняется от клисфеновского (которое всегда привлекается для сравнения), и различие в конечном счете покоится на основных условиях строения римского государства вообще.

Клисфеновское деление на демы наследственно связывает индивида с его демом, где бы они ни жил, имеет ли он земельное владение, или занимается какой-либо профессией; в нем он привлекается к государственным повинностям; в нем ему выпадает жребий занимать должность. Этого в Риме в эпоху позднейших триб *не* было. Сципион жаловался, по словам Геллия⁴⁷, что уже сын голосовал нередко в другой трибе, чем отец, т. е. отчуждал отцовское владение (так ведь это место у Геллия следует толковать). Решалось это местоположением «fundus», *земельного* владения, и в том что касалось неземлевладельцев города Рима, местом жи-

* И в древнейших средневековых городах владение землей ведь является в большинстве случаев непременным условием полного права гражданства, но для гражданских повинностей (с которыми в древности были тесно связаны права) *размер* земельного владения *один* не принимался во внимание. В торговом городе, каким был Рим, едва ли это было иначе.

тельства в городском квартале, а в том, что касалось других, сельских неземлевладельцев, благоусмотрением *цензора*. Первоначальное положение, как его (будто бы) создал Сервий для своих четырех *городских триб* — которые, конечно, занимали не пространство, окруженное так называемой «Сервиевой стеной», но более узкий, в частности, не включавший древнего бурга и Авентина старый город — было иное: отдельный гражданин *там* включался в ценз и имел свое «политическое местопребывание» (politisches Domizil), где некогда стоял его дом. Но он *не мог переменить* раз установленного местопребывания («μεταλαμβάνειν τήν οἴκησιν»), т. е. не то, что он был ограничен в своей *свободе передвижения* (Freizügigkeit), но он юридически являлся раз навсегда *для государства* принадлежащим к этой трибе, каким, например, оставался демот дема Кидаатенэ или Пэани⁴⁸, где бы он в каждый данный момент ни проживал. Так что тогда *вносили в ценз* городских плебеев «ῥώτες κομήτας» [«совершенно как деревенских жителей»], как правильно характеризует это и точно выражает Дионисий⁴⁸. По-видимому, из этого выражения вытекает, что жившее в «*pagi*» сельское население трактовалось тогда подобным же образом, так что первые четыре трибы означали, следовательно, перенесение принципа дема с деревни на город — как это было и при Клисфене.

Но этот (возможный!) порядок не был создан в эпоху территориального расширения. Ибо для *сельских* триб ничего подобного *не* сообщается. Возможно, во всяком случае, хотя, конечно, доказать этого совершенно нельзя, что совершенно для нас погребенное «римское средневековье» — т. е. государство компромисса между городской знатью и войском гоплитов — так же, как и греческое, знало ограничения отчуждения в интересах удержания определенного количества наделов (Hufen): понятие «fundus» ведь включает в себе мысль о «праве товарищей» («Genossenrecht») (fundus fieri в языке италийского союзного права = сделаться товарищем по праву (Rechtgenosse). Древний иск о собственности с контравиндикациями, соответствующий эллинской диакасии, также лучше всего подходит к такому построению. В таком случае fundus соответствовал бы более древнему понятию эллинского клероса. Кадастр до поздних времен знает «fundi» в качестве единиц обложения с наименованием их по именам их первоначальных владельцев, даже если несколько

«fundi» вошло в состав одного владения. Такие ограничения отчуждения, если они существовали, *не* были бы тогда, однако, чем либо в роде остатка древнего *родового* права и древнего *родового* землевладения (Grundherrschaft) городской знати, но, наоборот, как раз, как в Элладе, охраной надела воина (Kriegerhufe) как такового *от* покупки со стороны ἀστοί, как выражались эллины (см. выше): возведение триб, с которыми связывается постоянное юридическое местожительство, к сервиевой конституции достаточно доказывало бы это. Как бы то ни было, во всяком случае позже о таких ограничениях нет речи: гражданин *меняет* трибу добровольно, если он меняет свое земельное владение или (при отсутствии такового) свое местопребывание в городском квартале, или недобровольно, если цензор считает нужным или совсем вычеркнуть гражданина из числа tribules, следовательно, удалить из войска и включить в состав аегагii за проступки против политической или нравственной благопристойности, или когда он по своему усмотрению *указывал* трибу старому гражданину, имевшему земельное владение в нескольких трибах, или новому гражданину (вольноотпущеннику, например). Как это указание должно было происходить, было иногда предметом горячей партийной борьбы — если даже подробности, сообщенные традицией, и легендарны — потому что от этого зависел вес в комициях людей, *не* имевших сельской земельной собственности и сельской оседлости, которые, в большинстве являясь деловыми людьми, конечно, чаще *пребывавшими в Риме*, свое юридическое местопребывание имели, однако, в местах за пределами Рима. Клисфеновский принцип ἰδίαι (согласно позднейшему словоупотреблению) обуславливал — наверное, вопреки намерению своего творца — господство в народном собрании фактически *присутствовавшего* в городе и в экклесии ὄχλος (охлоса)⁴⁹ и создавал таким образом почву для господства «демагогов», например, Перикла. Совершенно того же хотел, согласно традиции, достигнуть цензор Аппий Клавдий посредством приписки людей, не имевших земельной оседлости, *во все трибы*, и даже более позднее время в вопросе трактования *вольноотпущенных* еще должно было решать подобные спорные пункты. И чрезвычайно характерно, что проблема наделения правами неполного гражданства всех триб, впервые для Рима (как везде в древности) была выдвинута с возникновением вопроса о *флоте*,

при Аппии Клавдии для *proletatii, capite censi* [вносимых в ценз без имущества] и *manumisi* [вольнотпущенников], а для остальных позднее.

Что у Рима к началу Пунических войн совсем не было флота, *может быть*, обусловлено также *внутренней* политикой. При Аппии Клавдии развитие в направлении к «демократическому» полису терпит (согласно традиции) крушение от противодействия как со стороны сената, так и со стороны до тех пор находившихся в привилегированном положении, обладавших земельной оседлостью трибулов (*grundsässigen Tribulen*). Протест имевшего свой центр *тяжести* как раз в сельском земельном владении тяжеловооруженного войска (*Hoplitenhher*) — родовых союзов и обладавшего земельного оседлостью крестьянства, находившихся в союзе между собой — вынудил ввести постоянное ограничение людей, не имевших земельной оседлости (*Nichtsässigen*), 4 городскими трибами, т. е. обеспечить их бессилие в комициях и дальнейшее существование «полиса гоплитов» (*Hoplitenpolis*). *Формально* это означало то же, что *хотела* (но как раз не могла) достигнуть клисфеновская конституция: господство *крестьян* над комициями. *Фактически* это означало дальнейшее господство имевших городскую оседлость *сельских* землевладельцев — рантье (*Lehenrechter*), тех, которым размеры их владения давали возможность присутствовать в Риме во время голосований, и прежде всего сенаторских родов*. Ибо «*sevocare populum*», подача голосов в *военном* лагере за пределами города, после того, как однажды она имела место, была запрещена законом. Таким образом, кто из сельских трибулов не владел «*villa urbana*», и чем нескладнее была раскинута по территории Италии его триба, тот не имел никакого влияния в комициях, и только, когда поднимались великие вопросы (движение Гракхов), мы слышим еще потом о массовом наплыве в Рим сельского *среднего* сословия для голосования.

Справедливо Э. Мейер, характеризуя *крестьянский* характер древнего плебса, указывает на то, что одновременно с законом Гортензия⁵⁰ об обязательной силе решений по трибам прошло и постановление, что и в *рыночные* дни (ког-

* Кроме того, нобилитет, по-видимому, насколько возможно избегая расширять многие древние сельские трибы (*Arnensis, Tabia, Horatia, Lemonia, Menenia, Pupinia, Romulia, Voltinia*) создал себе нечто вроде «*rotten boroughs*» (гнилых местечек)⁵¹.

да крестьяне были в городе) должно быть отправляемо *правосудие*; это соответствует аттическим *δικασταὶ κατὰ κώμας* (см. выше) по своей цели (но не по средству). Но для комичий это имело тот политический эффект, что *прямое* политическое влияние *исключительно* городского населения — как ремесленников, так и чистых владельцев денег — было урезано. Но и без того комиции первой поры большого территориального расширения Рима в нормальное время были в руках у земельных рантье (Grundrentner), которые только принуждены были принимать во внимание *возможность* того, что крестьяне когда-нибудь и фактически осуществят свою правовую силу. Так как сенаторам было *запрещено* участие в торговле (см. ниже), то этот характер пытались сохранить и за правящим советом.

В то время, как (первый) торговый договор с Карфагеном (*в случае, если* он относится к приписываемой ему эпохе) показывает, что в Риме к исходу царского периода — как и во всех полисах ранней Древности — господствовали *коммерческие* интересы, в то время экономическое преобладание древней городской знати, несомненно, здесь, как и у этрусков, в *очень* существенной мере было создано *торговлей* и сделанным ею возможным имущественным накоплением, с постепенным усилением *крестьянского* войска *расширение политического господства внутрь страны* (biennep-ländische Expansion), интерес к приобретению *земли*, становится движущим элементом. И это *настолько сильно*, что к началу 1-й Пунической войны (как уже было упомянуто) государство вообще — как ни преувеличено могло быть кое-что легендой — не имело дееспособного военного флота, что, с другой стороны, напротив, в нем была развита в такой мере колонизационная деятельность, в какой не проявило ее никакое другое государство в истории, в особенности городское государство, первоначально такого малого объема. Это в первой линии стоит в связи с географическим положением Рима — с его сильным *Hinterland'ом* — в противоположность эллинским городам, — затем с необходимостью давать отпор бурному напору сабельских горных народов. Это находит свое выражение как в очерченных выше социальных и политических явлениях, так и в юридическо-экономической структуре *землевладельческого права* (Bodenbesitzrecht), как она развилась в течение названной выше эпохи территориального расширения полиса гопли-

тов, у входа в которую и здесь стоит труд (das Werk) — выражаясь по-гречески — коллегии «эйсимнетов» из десяти человек.

Эту законодательную работу можно, конечно, представлять себе только как *этап* на пути преобразования социального строя, а не как *единственное* его изменение. В самом деле, и здесь, как и везде, создание писаного, твердого, поддающегося рациональному истолкованию права вместо прикрепленности к традиции и к ее жреческо-аристократическому толкованию, далее, строгие предписания для ускорения судебной процедуры были ведь особенно существенны. Относящиеся к материальному праву постановления законов, поскольку они переданы традицией и имеют социально-историческую важность, вовсе не представляют собой замкнутого единства, но являются, как это так часто бывает, компромиссом. Что *civis proletarius* может свободно выбирать себе поручителя в процессе, даже за пределами числа *adsidui**, что предается проклятию патрон, который нарушает верность в отношении к своему клиенту, что сын (Haussohn) после тройной продажи своим отцом становится свободным, что брак без *manus* [запись] (соответствующий египетскому *ἄγραφος ὄμιος* [незарегистрированный брак]) прямо был признан, означало смягчение беспощадного права господствовавшей аристократии (*Herrenrecht*). С другой стороны, Цицерон (впрочем, цитируя при этом несомненно легендарное предание о децемвирах второго года) приписывает Двенадцати таблицам введение запрещения *connubium*'а с плебсом. И во всяком случае древнее долговое право осталось во всей своей жестокости, скорее даже стало более жестоким благодаря *запрещению*, очевидно, вызванному — как было упомянуто выше — политическими соображениями, в интересе избежания восстания закабаленных за долги людей, держать должника в качестве раба внутри страны. Закабаление за долги приняло, очевидно, вследствие этого в Риме форму «пехум», т. е. контракта, посредством которого должник во *избежание* личной экзекуции (*Personalexekution*) (как доказывает Миттейс) отдает себя в качестве «пе-

* Вместе с этим отпадает (по солоновскому образцу), для не могшего быть гоппитом *гражданина*, часто наверное бывшее налицо *основание*, для вступления в отношения клиентелы, но сама клиентела, как учреждение, продолжала оставаться. См. выше. И это место также свидетельствует *против* универсальности клиентелы.

хис» во власть кредитора и работает на него (für ihn frondet). Сама личная экзекуция (взыскание, направленное на личность должника) была впервые устранена особым законом для должников, которые под клятвой показывали, что владеют достаточным имуществом, следовательно, только для принадлежащих к владеющим классам. Это, равно как и многочисленные законы о процентах, являлись триумфами *плебса*, — знак того, что плебей выступает в классовой борьбе не как «крепостной» («Höriger»), но как «должник» что, конечно, не исключает того, что «plebs» политически был заинтересован в ослаблении и в *разложении* клиентелы.

Самая важная в аграрно-историческом смысле сторона законодательства Двенадцати таблиц и с ним связанных и к нему примыкающих дальнейших законодательных актов есть проведение свободы *оборота* для земельного владения. Двенадцать таблиц, согласно традиции, *определенно* установили абсолютную свободу завещания, а также обязательную силу совершавшихся в форме «mancipatio» договорных сделок и всех при этом приписанных посредством «mancipatio» объекту договора качеств. Если — согласно преданию — для земельного владения был установлен принцип покупки за наличные деньги, то это, впрочем, соответствует, рассматриваемое как остаток из эпохи социального права, восточным аналогиям. Но это *можно* истолковать и в другом смысле: этим было сделано необходимым только *совершенно определенное* конституирование следуемой к уплате цены (des kreditierten Preises) как личного *долга* рядом с передачей земли в *полную* собственность, — следовательно, формальная ясность правовой ситуации, в частности также применительно к отношениям на почве владения землей, и устранение обременения земли долгами при покупке, совершавшейся в залоговом порядке*. Обременение земли зало-

* *Экономически* в этом нерасположении к покупке в долг могло, конечно, сказываться и *колебание в количествах продажных благ* и, следовательно, «стоимости денег»; из шумерских надписей явствует, как много должен был думать царь о том, чтобы продающий маленький человек мог получить *сейчас же* свои «хорошие деньги». После возникновения «хартальных» денег является, в качестве опасности покупки в кредит, спекуляция на *ухудшение ценности монеты* (в таких манипуляциях в древности укоряли — напрасно — уже Солон). До возникновения «хартальных» денег этого, конечно, не могло происходить; но тогда подобный эффект могла производить необеспеченность привоза благородного металла (или меди), если цена установлена была в чистом металле. — Но не исключается, по-видимому, и намерение через посредство покупки в

гом в собственном смысле, по-видимому, вообще прямо включено механизмом права Двенадцати таблиц.

Что греческая «ипотека» лишь позже была импортирована, доказывает самое ее имя. Но и «fidula», т. е. уговор, согласно которому формальная продажа должна считаться *отмененной* после уплаты долга, — залог в обеспечение уплаты — впервые становится основанием для иска, во всяком случае, в течение позднейшего развития. Первоначально эта сделка является предметом «fides». Она рассматривалась в суде цензора как судьи нравов *после того*, как он узурпировал соответствующие полномочия. *Позже*, очевидно, как раз потому, что первоначально *отсутствовало* право формального иска, нарушение «fiducila» [доверие] рассматривалось как влекущее за собой *инфамию*, как и другие подобные проступки против верности и доверия в гражданском обороте. Так *опять* возник заклад в обеспечение уплаты (das Einlösungspfand). Но, чтобы для времени Двенадцати таблиц отношения так сложились, что залог в обеспечение уплаты *еще* не существовал, кажется мне, согласно всем аналогиям, для торгового города совершенно невероятным: его (кажущееся) *непризнание* означает здесь гораздо более вероятно (равно так же, как и непризнание возникшего путем персональной экзекуции рабства) (Exekutionssklaverei) *устранение* его: попадавшие в кабалу за долги люди (Schuldklaven) и залог земли, составлявшие вместе социально-политический стух всей ранней античной эпохи, должны были сразу исчезнуть. Земля и свободный гражданин, который ею владел, являлись теперь основами военной силы и — в форме взымавшегося в виде принудительного займа «трибута» (tributus) — финансовой силы государства. Древнейший «ценз» (census) был, очевидно, кадастрированием людей (свободных плебеев, клиентов, рабов) и рабочего скота для натуральных повинностей (die Hand-und Spannfronden) древнего полиса: «ges mancipi» всегда определяли по этому признаку — быть способным быть объектом *ценза*. Для обложения натуральными повинностями плебеев служили в частности четыре городские трибы; отсюда фиксирование «idia» (см. выше). *Теперь*, правда, *земля*, как было замечено в та-

кредит по возможности затормозить приобретение права полного гражданства. Аналогия: постановление в фрейбургском Rodel § 70, которое это определенно запрещает (см. также далее, в отделе b, при рассмотрении влияния земельного права)

ком большом торговом городе, как Рим, является, конечно, не единственной, но важнейшей основой оценки граждан: она входит в круг «*res mancipi*», она является основой деления на трибы. Земельное владение гражданина во всякое время должно быть *очевидным* со стороны своего размера. Оно, далее, не должно было дифференцироваться благодаря всякого рода лежащим на нем обязательствам и ограничениям — отсюда затруднения, которыми было обставлено обременение его залогом: в Афинах формулировка имущественной декларации заботилась о том, чтобы обремененное долгами владение при делении на классы не принималось в расчет* — и каждый владелец должен был совершенно так же свободно пользоваться им, как и городскими и плодородными «садами» («*Garten*»). Поэтому, но согласно преданию древности, Двенадцать таблиц особенно ясно выставляют право на *проход* (*das Wegerecht*) и *обязанность* давать проход (*die Wegelasten*) и обеспечивают безусловную *доступность* и (в то же время) ясную отграниченность каждого земельного участка посредством предписания иметь проход между участками шириной в пять футов (*технически* соответствующий эллинистическому *χάλασμα*), не подлежащий уничтожению путем давности. Если уже это есть перенесение городского, т. е. *садового права* (*Gartenrecht*) на полевою землю, то в таком случае это есть род *передела* полей, который в течение *этого* периода, вероятно, через посредство самих Двенадцати таблиц, был применен к римской частной земле. Со своими принципами: 1) проведения сети общественных *дорог*, 2) образования из каждого *fundus* замкнутого владения — следовательно, существуют отдельные дворы, деревень нет — 3) удостоверения владения (*Evidenthaltung des Besitzes*) с помощью *занесения на карту* (*Kartierung*) и связывания *всех* полевых прав владельца с этим занесением на карту этот передел означал *разрушение* древнего *деревенского* и *волостного* строя и установление строго индивидуалистического земельного права и земельного хозяйства.

А) У древних землемеров *нормальным* видом вполне априорированной, могущей быть проданной путем *манципации* и платить *ценз* частной земли является с помощью

* Афинский οὐσία ἐλευθέρη (см. выше) соответствует «*proprium non obligatum*», например, в Констанце в средние века.

техники, с которой сейчас будет речь, поделенный и государством переданный «ager divisus et assignatus per limites in centuriis»⁵². Мы находим его и позже, правда, не исключительно, но во всяком случае преобладающим в Италии, в колониях с полным правом гражданства и на территории больших поселений ветеранов. Межевание пахотного поля, как оно производилось при каждой ассигнации, примыкает к этрусским и отчасти, может быть, к греческим образцам. С помощью простых диоптрических инструментов оно прежде всего разбивает поле посредством координатной системы «limites» на прямоугольные участки, нормально — но не с безусловной необходимостью — на квадраты в 200 югеров каждый (centuriae; — название примыкает к древнему плебейскому земельному наделу). Как и в греческих городах, и в применении к римским полям эта система координат ориентирована по четырем частям света: limites, лежащие в направлении от севера к югу, называются cardines, а от востока на запад — decimani. Отдельные квадраты обозначаются по их положению по отношению к limites, счет которых ведется от центра системы координат, и на углах ставятся государством установленные пограничные камни. Каждый пятый limes остается открытым в качестве общественной дороги предписанной ширины, остальные limites («linearii»), по крайней мере в более позднее время, не являются обязательно общественными дорогами и могут исчезнуть. Limites не имеют целью представлять собой границы участков; скорее ассигнированные участки могут проходить через разные centuriae и делают это. В соответствии с происшедшим актом межевания составляется полевая карта (forma), на которой изображаются полевые границы и centuriae. В отдельные centuriae вписываются имена получивших участков и число югеров, которые им были ассигнованы в соответствующей центурии («assignatio»). Напротив, в полевой карте не заключается указания на границы отдельных участков, — как показывает карта в Ahausio (она, конечно, как правильно указывает Шультен, есть кадастровая карта, а не полевая карта, но, видимо, составлена по образцу полевой карты), еще в первый период императорской эпохи. Границы отдельных земельных участков также, затем, не отмечены поставленными государственной властью пограничными камнями. Под государственной гарантией находился поэтому только размер поля (das Ackerausmass) внутри

отдельной центурии (*modus agri*). Сообразно с этим и *mancipatio* есть форма передачи, которая допускает переход собственности на землю *без* передачи владения.

Этому соответствует также передаваемый римскими землемерами процессуальный прием (*controversia de modo*), с помощью которого данное лицо могло требовать восстановления своих прав на следуемой ему, т. е. его установленным (во всяком случае путем доказательства наследственных прав, с помощью завещания и документов о *манципации*) юридическим предкам (*Rechts vorfahren*), согласно полевой карте *modus*'а. Предметом притязания в *юридическом* смысле является при этом не определенно ограниченный *участок* (*Parzelle*), но та или иная *доля поля*, — *настолько* же, как и при процессе межевания с помощью веревки в немецких полях. Как восполняющую процедуру римские землемеры называют *controversia de loco*, посредством которой восстанавливается *право владения* (*Besitzstand*), и она отождествляется, правда, с владельческими *интердиктами*. Позднейшее исчезновение первого из упомянутых исков объясняется умножением случаев владения земной поверхностью на праве давности (*Flächenusukurion*), которое должно было остановить регулирование *modus*'а. Так как развитие владения землей на праве давности, как способа приобретения земной *поверхности*, датируется довольно поздней датой, то для более раннего времени можно признать в самой высокой степени вероятным, что, если оставить в стороне предъявление претензий на (*первоначально*, может быть, неделимые) «*fundi*» *в целом* — *vindicatio fundi* — ближайшим образом против насильственного и воровского отнятия выставлены были только два правовых средства: 1) регулирование поля (*Flurregulierung*) сообразно *юридически* гарантированному праву на меру поля (*modus agri*) и 2) *интердиктная* охрана *фактического владения* (*locus*) в размере полевой запашки последнего года. «*Квириитарная*» собственность⁵³ относится, таким образом, если предположить правильность этой гипотезы, первоначально *юридически* не к определенно ограниченным *площадям* (*Flächen*), но к определенным *долям* (*Ackerausmasse*) в данном поле. Определенно ограниченные *площади юридически* в таком случае были бы объектом «*possessio*» [владения]. Оба относились к *юридически* различным по роду *объектам*: отсюда резкое различие между исками о собственности и исками о владении в римском

праве, различие, которое впоследствии, когда собственность стала «бонитарной» собственностью на площадь, является непонятным. Свет, который это бросает на первоначальное состояние римского полевого строя, слишком скуден, чтобы допускать дальнейшие заключения. Завладение площадью путем давности (*die Flachenusukarion*) впоследствии продырявило старую полевою систему. С массовым подведением не ассигнированной правильным образом земли под категорию *ager privatus* [частное поле] (например, в грандиозном масштабе в аграрном законе 111 г. до Р. Х.) и с принятием всех не римских общин в гражданский союз *без* нового межевания, в качестве «*municipia*», она и вовсе устарела. Эти меры, которые глубоко изменили социальный и (*municipia*) государственно-правовой характер римской державы, вероятно, произвели и в частно-правовой области, специально в технике иска о собственности, решительные изменения (в конце концов и устранение контравиндикации).

Экономическая особенность описанным образом подвергавшихся межеванию полей заключается, с одной стороны, в гарантируемой государством сети дорог, с другой — в принципиально *замкнутом* характере предоставляемого наделением владельцу участка (*continuae possessiones*). Этим обеспечивается индивидуальная свобода его обработки. Впрочем, источники различают *колониальную* ассигнацию и *assignatio viritana* в зависимости от того, шла ли речь об основании общины или о простом наделении землей ветеранов или других, получавших ее. В последнем случае наделы (*die Lose*) образовывали просто тем, что разбивали центурии на равные участки и давали их заявлявшим желание взять их или тем, кого нужно было обеспечить ими в силу закона; для колониальных ассигнаций было, напротив, необходимо, *уравнение* колонистов, и оно могло быть достигнуто — как это, по-моему, может быть установлено против высказанного Моммзеном сомнения — только, хотя и очень простой, оценкой земли (*Bodenbonitierung*) и, следовательно, *неравной* (может быть, просто различное число раз содержащей 2 югера) величиной поверхностей наделов (*Anteile*), которые при этом всегда раздавались путем жребия. (В эллинских колониях в Крыму по внешности соответствующие «центуриям» («*centuriæ*») квадратные *ἑκατόριον*, по-видимому, были различны *по величине*; если это, как допускает Б. Кейль, было в начале, то *тогда* это было ведь из-за раз-

личия в качестве земли). То же было, согласно определенным указаниям источников, и тогда, когда происходило *перемещение* наличного владения, следовательно, происходила новая ассигнация поля при соучастии (ли, если это бывает, и единственном участии) прежних владельцев. Тогда наделаемый получал «modus pro modo secundum bonitatem». Таким образом превращение в колонию *римского* права (col. civium Romanorum), если впоследствии и не было больше необходимо там, где оно стало иметь чисто титулярное значение, соответственно первоначальной мысли являлось в то же время одним из способов установления связи между колонистами (eine Art von Verkoppelung). Конечно, кое-что остается при этом гипотетическим. Но если (на что недавно опять справедливо указал Toutin), согласно совершенно неосновательно заподозренному свидетельству, еще при *Адриане*⁵⁴ существовало различие между частным правом в колониях римских граждан, с одной стороны, в муниципиях (включая древние общие колонии латинского союза, у которых не было римского наделения и колонисты которых, даже вышедшие из Рима, становились латинянами, а не римлянами), с другой (муниципии живут «suis legibus» [по своим законам]), то это различие *может* быть найдено просто в земельном праве. При этом, *для настоящего времени* (см. ст. «Колонат») может оставаться нерешенным, как *позднейшее* понятие «jus italicum» [италийское право] относится к различиям *республиканской* эпохи, когда «censui censendo esse» [занесение в ценз] со своим последствием — возможностью служить в качестве залога при *государственном* откупе — приобрело до того важное значение, что даже в законах было *определенно* поставлено наряду с «optimo jure privatus esto» [лишением важнейшего права] (это могло бы быть очень *необходимым* ввиду того, что производившаяся цензором кадастрация, а также, следовательно, и субсигнация основывались на присущей древнеримскому полю ассигнации и картрировании) (но и это, конечно, только гипотеза.)

Рядом с формой, которая употреблялась при нормальном межевании римского ager privatus, стоят агрименсорные формы, которые по своему *смыслу* первоначально были назначены для межевания земли, которой владели на основе меньшего права 1) ager publicus p. R., поскольку он не был открыт для оккупации, но планомерно сдавался в аренду, следовательно, был предметом административной деятельности цензора, должен был нормально картрироваться, и

это было во многих случаях. И наделение с правом наследования или с обязанностью нести натуральные повинности (дорожные повинности) и *надельные* (*aufgeteilte*), обязанные платить подать провинциальные земли нормально должны были заноситься на полевые карты, которые, гарантируя лежащие на *участке* (*Parzelle*) как таковом повинности, должны были давать сведения о его положении и форме. Очевидно, для этих случаев применяли межевание «*per scamma et strigas*», которое *вовсе* (согласно — моими критиками охотно игнорируемому — ясному свидетельству источников) *не только внешним образом*, удлиненной формой образовываемых участков, отличается от центуриации (при которой эта удлиненная форма *также* встречается), но по своему *реальному значению тем*, что оно есть межевание «*per proximos possessorum rigores*»* [по границам ближайших владельцев], т. е. такое межевание и картирование, при котором на полевой карте воспроизводятся *границы владения*. Оно необходимо должно было иметь место, когда речь шла об обязанной платить подать земле, там, где государство заинтересовано было в возможности различать отдельные участки, где, следовательно, повинность лежала *на каждом отдельном, имеющем определенные границы участке*. Без него везде можно было обойтись там, где или 1) *вовсе* не лежала на земле подать, или 2) *также*, для *более позднего времени*, которое (с Гая Гракха) знало обязанное нести *оброки* владение колонистов, там, где *modus agrī* как *таковой*, а не *участок* (*Parzelle*), составлял объект обложения; так, в *Агаусио*, где, так как чинш (в до нас сохранившейся *centuria*) измерялся просто в $1\frac{1}{2}$ динария с югера, было, конечно, совершенно достаточно, если, как это и делали, в каждую центурию на карте вписывали число изъятых от налога и обязанных платить налог югеров и в конце налоговую *ставку* для этих последних. (В таких случаях — древнейшими являются «*trientabula*» [«возмещение за одну треть»] и «*ager quaestarius*» [«продажное поле»], и в том, и в другом случае земля, которую неплатежеспособное или нуждающееся в деньгах государство давало обремененную формальным чиншом (*Recognitionzins*) в качестве подлежащего выкупу залога *кредиторам* или вносящим деньги лю-

* Моммзеновская интерпретация (*Hermes* 27, стр. 82) совсем несостоятельна (так как *Balbus*, р. 68, говорит о *центуриации*). «*Rigo*» есть сама по себе прямая линия, у *Гигина*⁵⁵, р. 3, прямолинейная граница *владения*, что *не* есть *limes*.

дям — применяли прежде всего не нормальную лимитацию на «centuriac», но межевание на квадраты другой величины — явное доказательство параллелизма правовых и грамматических форм. К «ager privatus vectigalisque» [«поле частное и облагаемое налогом»] применялась тогда нормальная форма). Совсем иначе, и в соответствии с принципами «scampatio», должны были поступать тогда, когда в конкретном случае отдельные участки должны были трактоваться как несущие повинности. Разница та же, что между двумя известными из папирусов формами не парциарной (из части продуктов) аренды земли: *fixum* с арендуемого участка есть *fixum* с каждой *agura* (пашни). Применение обеих форм межевания в более позднее время могло не проводиться строго, применение одной, как и другой могло тогда, после того, как и без того старые полевые отношения были подорваны признанием оккупаций в качестве *ager privatus* и, наконец, принятием всей италийской земли в полевой союз триб (*Flugverband der Tribus*), определяться и чисто техническими моментами, — древний первоначальный смысл различия для меня ни после, ни прежде не составляет вопроса.

В) Последняя, наконец, форма межевания и картирования «ager per extremitatem mensura comprehensus» [«поле, определяемое пределами протяженности»], т. е. установление и занесение на карту только внешних границ поля, относится лишь к более позднему периоду территориального расширения Рима и применяется там, где при межевании не частной земли не существует интереса государства к содержанию в ясности положения отдельных участков, но его интересует лишь объем всего поля, как при храмовых поместьях, при межевании земли, которая была оставлена или отдана «стипендиарным» общинам или землевладельцам (*Grundherren*) за уплату контрибуции («*stipendium*» — в противоположность подати, *tributum*).

С) Земля, которая совсем обходилась без римского межевания, есть «ager arcifinius», в частности, следовательно, с древнейших времен область признанных чужих городов (древнейший пример: «ager Gabinus» [«поле жителей города Габии»]).

И такие области, которые никогда не производили межевания, к концу республики попадали массами в гражданский союз. Поэтому вовсе не удивительно, что в эпоху землемеров древний параллелизм землемерного и правового качества земли был уже сильно расстроен.

Глава вторая

**ЭПОХА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО
РАСПИРЕНИЯ РИМА**

Параллельно с ростом войска граждан-землевладельцев идет, одно другое обуславливая, распространение политического господства (*die Expansion*) Рима на территории Италии, — для *существования* города неизбежный контрудар против угрожавших Лациуму сабельских горцев⁶⁶ и кельтов.

Дисциплинированное войско гоплитов оказалось сильнее как феодальных войск этрусков, так и чисто крестьянских войск горцев и кельтских племен. К началу IV в. до Р. Х. была покорена Южная Этрурия. Во второй его половине латинский союз городов, превращенный в союзное государство (*Bundesstaat*) под гегемонией Рима (338 г. до Р. Х.), вступает в борьбу с сабельскими горцами, в III в. до Р. Х. были обезврежены и покорены кельты долины По после того, как была сокрушена попытка эллинов утвердить за собой Нижнюю Италию. Все это совершается в процессе колоссальной колонизационной деятельности. В большинстве случаев по крайней мере $\frac{1}{3}$ земли отнималась у врага, иногда и вся земля, и распределялась между Римом и союзными городами. Часть ее отдавалась войску («*viratum*»), и вместе с этим увеличивалась земля триб: трибы увеличились в числе (до 35), а затем, совершенно чудовищным образом, и по величине: с приблизительно 3000 гектаров вначале до размеров целых государств. Другая часть, с сохранением за государством права выкупа («*a. quaestorius*»), продавалась — несомненно, для того, чтобы пополнить казну и при случае возместить трибут⁶⁷ («*tributus*»), который рассматривался как принудительный заем. Остаток остается в качестве государственного домена. Рядом с этим происходит систематическое основание полисов на завоеванной территории. Внутри страны (*in Binnenland*) колонизацией занима-

ется прежде всего союз как таковой: колонии становились городами латинского права с самоуправлением и с собственным земельным правом. Римлянин, посланный в них в качестве колониста, теряет право гражданства на родине и этим прикрепляется к колонии. Зато Рим как торговый центр (Handelplatz) союза берет на себя обеспечение безопасности берегов. Здесь основанные колонии граждан имеют лишь ограниченную автономию. *Позднейшие* колонии римских граждан *совсем* не имеют ее (в принципе); они управляются из Рима; их земля есть римская земля; колонисты здесь — римские граждане, которые в качестве гарнизона свободны от набора, но (в этом нет сомнения) прикреплены к месту своего пребывания. Впервые в III в. до Р. Х., с увеличением значения столицы, вместе с постепенным прекращением латинской колонизации начинается то *систематическое* основание колоний граждан *внутри* страны (Binnenland), которое потом, после 2-й Пунической войны, переживает еще вторичный расцвет, и одновременно с этим, со второй трети III столетия до Р. Х. ослабевает основание союзных колоний и ухудшается их правовое положение (предположительно: ограниченная свобода передвижения).

Эта эволюция в положении колонистов союзных колоний, как и видоизменение союзного права (см. выше), соответствует эволюции внутри *аттической* державы: постепенно возвышающееся державное положение столицы, пригнетение союзников, зато присоединение клерухий к столице (особенно с Перикла). В этих земельных наделениях и колониях прирост римского крестьянства (cives proletarii) находит теперь земельное обеспечение; за это сражается войско гоплитов. Это же соответствует цели и аттических клерухий (как это ясно показывает для Афин народное постановление о колонизации Бреа, разрешающее ее только зевгитам и фетам). Но разница — совершенно так же, как в Новое время между Англией и Америкой — в том, что в силу своего географического положения Афины могли колонизовать лишь разбросанное владение (Streubesitz), Рим — компактную континентальную область.

Гигантское увеличение населения является результатом этого постоянного расширения площади прокорма (Nahrungsspielraum) (*таково*, а не наоборот, естественное, как всегда в подобном случае, причинное отношение). В то же время это огромное увеличение количества земли означает безостанов-

вочное продвижение вперед созданного в эпоху Двенадцати таблиц римского способа поселения (Siedelungsweise). Древние «pagi» были разорваны римской лимитацией. Где еще остается их автономия (для религиозных местных культов), их постановления имеют теперь значение чего-то вроде мероприятий для «земельного обложения» («Grundbelastung»); ager compascuus, древняя альменда, становится также случайной принадлежностью (Pertinenz) отдельных fundi; «деревня» не существует для административного права или же существует лишь как допускавшееся в отдельных случаях замещение пробелов (Lückenbüsser); чересполосица, где она существует, устраняется при ассигнации. Везде остается победителем отдельный двор (villa), некогда символ *благородного* владения. После того, как крестьяне самнитских гор во время союзнической войны, доведенные до отчаяния, еще раз выступили на защиту своей древней деревенской свободы, ассигнация Суллы⁵⁸, затем ужасная конфискация и наделение землей ветеранов триумвиров и здесь своими ограничениями разрушили остатки древних поселений. Город и *городское земельное право* везде остаются победителями. Если Клизфен смягчил сословную борьбу тем, что всех знатных принудительно направил в *деревни*, то Рим пошел обратным путем: он разрушил деревни и превратил всех крестьян (в теории) во «*владельцев поместий*» (Gutsbesitzer), какими до тех пор были лишь знатные. Если о Клизфене, как упомянуто, было сказано, что он сделал всех афинян знатными, то в *социальном и экономическом* смысле это собственно едва ли применимо к его скорее превращающей знатных (stempelnde) в *крестьян* реформе; напротив того, это очень применимо к возникшему в период территориального расширения *римскому земельному праву**.

Но это римское земельное право вопреки некоторым формальным чертам сходства с эллинским делением колониальной земли по цели своей и по своему действию представляет собой нечто почти единственное, потому что оно было

* И, как уже упомянуто выше, не *только* в смысле земельного права, но и *родового* права. В то время, как носившие одинаковые имена патрицианские и плебейские роды (gentes) стоят в Риме рядом друг с другом, древнейший аттический городской знатный род *менял* свое имя, *потому что* в силу клисфеновской реформы демос носил то же имя, — протест против принудительного *демократизирования*, к какому в Риме, где аграрная реформа фактически означала *расширение* права знати, а не *оттеснение* знати, не было повода.

создано с совершенно сознательной целью устранения всех ограничений свободной *эксплуатации* земли и, что было важнее всех общинно-хозяйственных элементов в аграрном строе: перенесение не знающих ограничений владельческих прав, связанных с доминимумом, на землю, мобилизация земли через посредство крайне удобной формы отчуждения (*mancipatio*), которая делает излишней даже передачу земли, ограничение вещно действующих сервитутов лишь абсолютно необходимыми правами на дороги и на воды, в придачу к этому полная материальная свобода завещания, — и это так полно мобилизованное частное земельное владение, сделанное основой принадлежности к трибам и, в соответствии со своим размером, политических и военных прав и обязанностей, периодически устанавливаемых посредством ценза, уже все это одно указывает на абсолютно *тенденциозный* характер этого правового развития. В противоположность аграрной политике эллинской демократии, делавшей *деревню* ячейкой государства, римская аграрная политика носит — *sit venia verbo!* [с позволения сказать] — «американистский» характер: как американский фермер, который также не знает «деревни», сидит на *отдельном дворе* (*Einzelhof*) между не заботящимися ни о каких географических условиях, бегущими под прямым углом через гору, долину, лес и холм «*section lines*» [межи], так, по крайней мере в идеале, и римский сельский хозяин сидит на своей «*villa*». Но эта *тенденция* земельного права обнаруживается еще яснее в резком разделении римского поля на две категории: *или ager privatus, или ager publicus*. Общинно-хозяйственные формы владения, как это показывает также структура частного кондоминиума, подвергаются сознательному разрушению, *ager compascuus* (альменда) предоставлен вымиранию, и, наконец, сохранившийся в надписи, аграрный закон 643 г. до Р. Х. а. у. с.⁵⁹, ставит препятствие его новому возникновению. Подобное намерение становится еще яснее, если с безграничной властью распоряжения, которой предоставляется приобретенная в собственность земля (*ager privatus*), сравнить совершенно противоположное юридическое трактование *не* приобретенной в собственность земли. В отношении к ней гражданская процедура ограничивается защитой против насильственных, воровских или следующих со стороны людей, наделенных несущей службу землей (*vi, clam, precario* [силой, тайно, непрочно]), нарушений *фактического* владе-

ния каждого данного момента (*possessio*) и в случае необходимости его подтверждением таким образом, что жатва достается тому, кто в спокойном владении возделал поле (таково ведь первоначальное практическое значение годового срока при *интердиктах*).

Что владельческие (посессорские) интердикты впервые возникли для *possessiones* на *ager publicus*, оспаривается по важным основаниям. Что они *неприменимы* были для владения на *ager publicus*, это прямо не может быть обосновано (по крайней мере указанием на участие состоявших с Римом в *commercium* италиков в *possessiones*. Неримлянин не имеет лишь «*jus Quiritium*» [права Гражданина] и права иска). Мне кажется, что и то, как упомянуты интердикты в аграрном законе 111 г. до Р. Х., говорит за то, что они применялись на (тогда превращенном в частную землю) *ager publicus*.

Регулирование всех остальных вопросов фактического владения не беспокоит тогда древнее гражданское право: это дело управления; таким образом, на *ager publicus*, каким является *всякая не частная и не признаваемая формально за союзными или, в силу народного или сенатского постановления, терпимыми общинами* (древнейший пример — «*ager Gabinus*») земля, существуют лишь властью в административно-правовом порядке регулируемые или терпимые фактические владельческие отношения.

1. В административно-правовом порядке *регулируемые* виды фактического владения — пока территориальное расширение государства не выходило еще за пределы Италии — представляют собой частью земельные выдачи на условиях службы, в частности службы по проведению дорог (*viasii vicanii*), частью — аренды и наследственные аренды (*ager vectigalis*). Наследственная аренда и выдача земли на условиях службы (*Landleihe*) вовсе не чужды римскому праву, но только (покоящемуся на Двенадцати таблицах) римскому *частному* праву. Установление (*Konstituierung*) их было ведь суверенным правом (*Souveränitätsrecht*) государства, и, так как «*legis actio*» на почве наследственного арендного владения немисливо, то оно прежде всего лишено было *гражданско-правовой* защиты: в случае необходимости должны были приходиться на помощь *владельческие* интердикты и административный приказ. Когда затем первоначально суверенные, входившие в союз общины превратились в

«муниципии», претор создал формулу для муниципально- и государственного *ager vectigalis*. Целью недопущения частной наследственной аренды могло быть только предотвращение возникновения *частной* вотчинной власти землевладельца (*private Grandherrslichkeit*)*.

2. *Терпимые* владельческие отношения на государственной земле составляют столь часто упоминаемые оккупации. Право оккупации на *ager publicus* есть право каждого римлянина, а также каждого гражданина внесенной в италийский союзно-военный матрикул общины, брать во владение за плату государству из части продукта (*gegen eine Quotenabgabe*) (которая, по-видимому, благодаря попустительству, впоследствии не повышалась) государственную землю *первоначально* (см. выше) пустующую землю (*Oedland*), и удерживать ее у себя до дальнейшего распоряжения со стороны государственного управления, — позже: после того, как было дано разрешение на оккупацию, признанное государством. *Это право* (право оккупации) и было тем правом, которое прежде всего привело к созданию огромных земельных латифундий, против которых впоследствии выступило законодательство Гракхов (см. ниже).

Был ли знаменитый закон Лициния-Секстия⁶⁰ реальностью, это, несмотря на защиту Золтау (*Soltau*), становится все более и более сомнительным. В настоящее время в нем видят все более и более перенесение социальных противоречий эпохи Гракхов в IV в. до Р. Х. и принимают, что это (у Катона *будто бы* упоминаемое) ограничение владения относится к началу II столетия до Р. Х. Что закон, который ограничивал оккупации максимум 500 югерами, *невозможен* был в первую треть IV в. до Р. Х., потому что количество поля, которым владели тогда римляне, *будто бы* равнялось «только 2 квадратным милям» — это, конечно, неверно. Даже только при 50—60 тыс. гектаров площади по-

* Как в Греции (см. ниже) и в *противоположность* Востоку. И в средневековых городах ограничение земельного права, имевшего значение основы права гражданства, определенными, исключаящими *личную* зависимость правовыми формами является не случайностью, но связано с *сущностью* права государства. В Констанце (и, наверное, часто) превращение собственности гражданина в платящую оброк землю поставлено в зависимость от *согласия* общины, так же, как (см. выше) в Фрейбурге покупка в кредит собственности гражданина была *запрещена*. Впервые приобретение прав гражданства институтом покупки ренты сделало возможным внутри городов форму обременения земли повинностями, которая не делала гражданина зависимым держателем (*zum Hintersassen*).

лей отдельные оккупации отдельных зажиточных граждан (Grossbürger) в 125 гектаров не были бы сами по себе чем-либо абсолютно невозможным и уж во всяком случае совершенно невероятным. Но римское землевладение уже в IV столетии до Р. Х. вышло далеко за пределы *ager Romanus*. Во всяком случае, традиция очень сомнительна, и последние трудности для признания ее фальсификацией теперь, благодаря остроумным исследованиям Машке, устранены.

Как бы там ни было, фактически решающим является то, что этот *беспримерный* по своей грубой (*brutalen*) простоте институт (объекты для сравнения можно найти в юридически и фактически *весьма*, впрочем, отличном трактовании оккупаций («Bifänge») на царской пустыющей или высоко лежащей песчаной земле (*Oed-oder Geestland*) в Египте: об этом см. в разделе «Эллинизм»), это *перенесение* древнего права «оккупации» (*Bifangs-Recht*) с пустыющей земли на в огромной части уже находящуюся под обработкой землю, которая досталась государству в результате завоевания, с гигантской территориальной экспансией государства, совершенно изменило свое значение. Так как в каждой оккупации ското- и рабовладельцы могли, конечно, участвовать с несравнимо большим успехом, чем еще столь многочисленные свободные крестьяне, то, благодаря этому, *после проникновения в жизнь института покупных рабов* (*Kaufsklaverei*), был создан *неслыханный до того аграрный капитализм*, против которого крестьяне реагировали тем, что выставляли требование, чтобы завоеванная земля систематически распределялась между всеми гражданами и становилась их собственностью в качестве *ager privatus*. Действительно, за большинством успешных войн, как уже было упомянуто, следовало наделение земель победоносного войска. Этому соответствовало применение свободы завещания в виде лишения наследства остальных детей в пользу единого наследника. Оно имело огромное практическое значение для удержания земельного владения в семье, *пока* земля путем *завоевания* попадала в ее распоряжение. Свобода завещания, как и остальные институты римского земельного права, стоит, таким образом, в связи с резко выраженной аграрно-экспансионистской тенденцией (*mit eminent agrarisch-expansiven Tendenz*), которую принуждено было усвоить государство с ростом значения войска гоплитов. Но ското- и рабовладельцы были, напротив, заинтересованы в расшире-

нии открытого для оккупации и для сдачи государством в аренду *ager publicus*. В течение периода завоеваний, происходивших на почве Италии, мы находим в традиции регулярно повторяющиеся упоминания о том, что зажиточные слои на требование масс произвести наделения из *ager publicus* отвечают предложением завоевать новую землю для этой цели или вывести колонию. Совершенно отвергать достоверность этих сведений также и в этом отношении едва ли есть основание: ведь содержание классовых интересов едва ли *могло быть* иным в эпоху территориального расширения Рима. Совершенно подобным же образом протекал процесс территориального расширения, например, в Элиде: знать позволяет демам принимать *участие* в грабеже. В общем, при такой конкуренции интересов, крестьяне, конечно, получали все меньше и меньше. Только под давлением тяжелых внешних опасностей знать решалась на вывод колонии: так, многочисленные колонии граждан с середины II и в начале I столетия до Р. Х. объясняются кельтской и пунийской опасностью⁶¹ и абсолютной необходимостью заполнить созданные войнами пробелы. Несмотря на это, сопротивление со стороны крупного землевладения и в эпоху галльских и пунических войн часто было очень упорным: борьба классов за область проживания сенонов и Пиццев⁶² могла быть решена плебсом (в 232 г. до Р. Х. через посредство Г. Фламиния⁶³), в смысле колонизации лишь *против* определенно выраженного противодействия со стороны сената.

В глубине этих конфликтов скрывалась борьба между свободным и несвободным трудом, которая позже, в эпоху Гракхов, привела к революции. В Элладе и на эллинском Востоке экономическое значение рабства для деревни (*für das platte Land*) оставалось довольно ограниченным. Многочисленные мелкие центры хозяйственного оборота в древней Элладе не имели плодородного, достаточно дешево приобретаемого и поэтому приспособленного для плантационного крупного хозяйства с рабами аграрного «Hinterland'a»⁶⁴. На Востоке земля была густо населена и дорога, и кроме того, связанное с монархическим и бюрократическим режимом многообразие эллинистических государств и большое значение *доменовых*, возделывавшихся *мелкими* арендаторами земельных комплексов с самого начала существенно ограничивало относительное значение *крупного* рабовладель-

ческого хозяйства. Если не считать спартанского феодального государства и Хиоса, мы почти ничего не слышим в Греции и на всем Востоке о восстаниях рабов, и *чем позже, тем меньше*, тогда как восстание Спартака в Южной Италии и на Сицилии причисляется к самым страшным социальным потрясениям Древнего мира. В Риме именно рост денежного богатства, географически обусловленная возможность значительного расширения государства внутрь страны (in das Binnenland), а затем капиталистический характер заморских завоеваний и, следовательно, гораздо более крупное обеспечение рынка рабов дали широкое развитие тенденции к массовому скоплению людей. Огромный ввоз рабов в Рим, а также — на что указывает Ферреро — появление масличных и виноградных плантаций в качестве фактора, имеющего определяющее значение для общего хозяйственного положения, отмечаются в источниках *одновременно* с движением Гракхов, но уже сочинение Катона показывает, что оба эти явления должны быть значительно старше. Поместное собственное хозяйство («Gutswirtschaft») с рабами, такое, каким оно рисуется нам, предполагает, как свою предпосылку, *замирение*, какое наступило в Италии после ее объединения, окончательно же — после поражения Ганнибала⁶⁵: с тех пор в течение 600 лет ни один враг не ступал на римскую территорию. Вместе с этим начался *упадок* тяжеловооруженного войска (das Sinken der Hoplitenschäften).

Чем шире распространялось завоевание, тем меньше могла завоеванная земля служить для заселения ее свободными крестьянами. В эпоху *заморского* расширения государства с этим явлением было покончено совсем. С 177 г. до Р. Х. до момента, когда Гракхами были основаны колонии, в течение более полувека, была выведена лишь *одна* колония граждан. Должностная и денежная аристократия с внешней стороны пребывали в самой лучшей согласии: трибуны функционировали тогда до самых Гракхов лишь как орудие сената — стремилась *упрочить* (stabilisieren) фактические владельческие отношения и утвердить военную силу Италии на повинностях *входивших в союз* общин: Шультен справедливо обратил внимание на то, что к 177 г. до Р. Х., с которым приходит к концу начавшийся в древние времена вывод колоний граждан, относится и lex Claudia⁶⁶, который устранил латинов, и что еще более суровый lex Junia de peregrinis⁶⁷ относится ко времени после низвержения Тибе-

рия Гракха и перед выступлением Гая Гракха. Эти ограничения свободы передвижения союзников как в интересах удаления демократических или прямо нелегитимированных элементов из комиций (в которых владеющий римской землей латинянин первоначально, вероятно, имел право подавать голос), так и в интересах удержания войска гоплитов на его собственной почве и его податной силы за его общинами, последовали *прежде всего* вполне с его согласия, — *lex Claudia* был издан прямо по его предложению. Но в то же время они шли вразрез с консервативными интересами должностной знати, типичному представителю которой Сципиону Эмилиану легенда влагает в уста, вместо обычной молитвы о «приумножении», другую — о «сохранении» государства.

Действительно, интерес знати заключался в сохранении *status quo* как внутри страны, так и вне ее. Ибо прочное господство должностной и военной знати (*Offiziersadel*) в войске и в государстве немедленно должно было поколебаться, если бы Рим предпринял аннексии за пределами замкнутой италийской территории, содержал там войско, которое не могло надолго оставаться гражданским ополчением, собираемым в случае надобности (первые затруднения, касавшиеся пополнения и производства *младших командиров*, начались, что весьма характерно, с расширением сферы деятельности за море). Заморское расширение государства (*die Uebersee-Expansion*) было *капиталистическим*. Не должностная знать старой традиции, которая хотела ограничиться предусмотрительной политикой вмешательства, но *капиталистические* интересы торговцев, откупщиков налогов и доменов предопределили уничтожение старых торговых центров: Карфагена, Коринфа, Родоса, вызвали политику заморских *аннексий*, которые служили интересам капитала, а не колонизационным интересам (*Siedlungsinteressen*) свободных крестьян. Предоставить эти заморские приобретения крестьянам не входило в интересы ни должностной знати, ни капиталистов, не говоря уже о том, что выселение за море и самим крестьянам могло показаться привлекательным лишь в случае крайней нужды. Симптомом этого является то, что когда обеспечение землей естественного прироста населения перестало быть целью завоевания, и свобода завещания начинает хиреть, пока в последние столетия свободного государства она не была фактически

устранена посредством *querela inofficiosi testamenti*¹⁶⁸: она утратила свой старый смысл.

Все более и более веса склонялись в пользу крупных рабовладельцев. Оккупации на захватывавшем все большую и большую часть Италии *ager publicus* имели, очевидно, целью отчасти крупное *пастбищное* хозяйство, по взгляду Катона Старшего бывшее самым доходным (как меньше всего требующим затрат и меньше всего связанным с проблемой добывания рабочей силы) помещением капитала. Частично же они должны были с самого начала быть крупными сельскохозяйственными предприятиями (*landwirtschaftliche Grossbetriebe*). Сдача на откуп государством доменов и доходов с доменов (*Domengenfälle*) благоприятствовала, особенно в провинциях, также крупному производству (*Grossbetrieb*) отчасти сознательно, вследствие большего удобства деловых отношений с более крупными, сильными капиталом арендаторами, частью фактически, вследствие страшного гнета, которым она ложилась на сидевших на завоеванной земле на прекарном положении и (см. ниже) обязанных платить оброк крестьян, тогда как римские крупные арендаторы, естественно, сравнительно с ним были в более благоприятном положении.

Государственные откупы Римской республики вообще *гораздо* более, чем откупы свободного эллинского полиса, носили «капиталистический характер». Общества откупщиков (*societates publicanorum*) *фактически* не подлежали никакому контролю, что является резкой противоположностью не только эллинистическому Востоку, но и нормальной греческой практике, потому что к тому обстоятельству, что свободное городское государство не имело и не могло иметь постоянного персонала финансовых должностных лиц, и, следовательно, откупщики сами должны были ставить и весь персонал сборщиков, здесь присоединялась еще и безграничность территории. Крупные капиталы на рабах и в деньгах, наряду с этим — отсюда обязательства представлять земельное обеспечение — крупное земельное владение на полном (италийском) праве (вследствие этого поставленное в очень привилегированное экономическое положение) были необходимыми условиями участия в этих крупнейших капиталистических предприятиях древности. Но требование представления обеспечения в форме земельных участков, владеемых на полном римском земельном праве, сле-

довательно, требование квалификации через посредство национального земельного владения, делало это сословие капиталистов в то же время в гораздо более высокой мере *национальным* сословием, чем где бы то ни было на Востоке (где в эпоху Птолемеев откупщики, по-видимому, были преимущественно чужестранцы) или даже в Элладе (где более мелкие города уже для того, чтобы вызвать конкуренцию при торгах, часто совершенно сознательно покровительствовали чужестранным финансистам). В экономическом и социальном смысле аристократический отпечаток, лежащий на Риме и присущий ему с давних пор, был этим, естественно, очень усилен. В противоположность прорывавшемуся от времени до времени в эпоху расцвета *эллинской* демократии характерному для цеховой мелкой буржуазии интересу «пропитания» («Nahrungs-Interesse») здесь возникла традиция широко захватывающей, «капиталистически» ориентированной политики как в расчленении владеющих классов союзников — италики как таковые, а не одни римляне, извлекали выгоды из права оккупации на *ager publicus*, как и из деловой экспансии (*von der geschäftlichen Expansion*) господствующей державы — так и в распоряжении завоеванных землями и в конституировании «провинций».

Конечно, при этом такая политика в каждом отдельном случае была предметом самой ожесточенной борьбы интересов. Наряду со старым классовым антагонизмом крестьян и крупных, владевших скотом и рабами поссессоров выступало расслоение внутри имущих слоев. На одной стороне — заинтересованные политикой фамилии должностной знати, которые находили представительство своих интересов в сенате и законом и правовым обычаем были отстранены от прямого участия не только — что почти во всей Древности само собой разумелось — в ремесле, но и в откупе налогов, а также и в судовладении: сенатор мог владеть только судами, которые по своей величине могли быть достаточны только для транспортировки собственных продуктов его поместного хозяйства⁶⁹; вследствие этого он должен был ограничиваться, кроме обогащения на службе, получением земельной ренты, отдачей денег в рост — которая, правда, была ему запрещена, но тем не менее (см. Катона) была возможна и обычно практиковалась через вольноотпущенников и *непрямым* участием капиталом в торговле и судоходстве. На другой стороне стояло вследствие своего

прямого участия в капиталистической наживе отстраняющее себя от должностей и от сената сословие капиталистов, которое имело свое политическое представительство в центуриях, больше всего обложенных налогами, особенно всадников («Ritter»), и окончательно было конституировано как «сословие» Гаем Гракхом (см. ниже). Что должностные лица и откупщики налогов в провинциях обыкновенно работали рука об руку и делили добычу (den Raub), то это не мешало тому — скорее его обуславливало — что сенаторские роды имели настоятельнейший интерес в том, чтобы держать «буржуазию» в политической зависимости и, прежде всего, сохранить за сенатом составление списков присяжных для судов, разбиравших дела о проступках должностных лиц. С другой стороны, постоянное увеличение шансов на прибыль вследствие завоеваний поднимало экономическую силу капиталистов, все более и более становившихся необходимыми для государственной кассы в качестве поставщиком денег (als Geldgeber) и вышколенных в смысле купеческой техники организаторов взимания государственных доходов. Поставщики денег для государства уже в эпоху 2-й Пунической войны фактически составляли силу, которая спасала государство в финансовом смысле, но *за это* диктовала ему свою политику. С эпохи Гракхов, когда и прямые налоги, по крайней мере в провинции Азия, предоставлены были ее эксплуатации, буржуазия переживала пору своего расцвета. Сопровождающим явлением было известное в Элладе лишь в зачатке — правда, в немалой степени — колоссальное развитие работорговли и эксплуатации рабов вообще.

Частное *платнационное* хозяйство, с массами рабов, которые подчинены были военной дисциплине и — так как вследствие постоянного захвата людей на войне их убыль можно было дешево восполнить — подвергались самой беспощадной эксплуатации, распространил по свету и, в частности на Западе, по-видимому, первый ведший колонизацию на чисто *купеческих началах* народ, финикийяне и особенно карфагеняне, обнаружившие такие хозяйства в поместьях египетских фараонов. Действительно, классическими местами процветания их всегда были римская провинция Африка, а затем Сицилия, и, по-видимому, впервые принцип таких хозяйств впервые получил научную трактовку в 28 книгах Магона⁷⁰ (из Карфагена) о земледелии.

Из двух источников получать сравнительно высокоценные и потому пригодные для транспортировки продукты для реализации их на рынке — плоды аренды из части продукта и рабского хозяйства — для капитала в тогда еще относительно слабо заселенных областях Запада являлось приемлемым рабское хозяйство, по крайней мере до тех пор, пока экономически было возможно хищническое хозяйство в отношении к земле и — что главное — в отношении к рабочей силе.

Для Рима со времен Катона до императорской эпохи осязательно постоянно увеличивавшаяся в смысле своего типичного объема рабское хозяйство стало национальной хозяйственной формой. Аграрные писатели принимают господство рабского труда как факт, сам собой разумеющийся; рядом с ним принимаются в расчет (как и Магона) только нанимаемые для жатвы свободные *сельскохозяйственные рабочие*. *Снижающееся* экономическое и социальное значение сословия средних землевладельцев (Ackerbürger) и крестьян, наряду с преобладанием крупных имений, чем дальше, тем все больше и больше парализует его тенденцию к территориальному расширению. Необеспеченное потомство собирается в столице и больше не может быть использовано для колонизационных целей с тех пор, как оно уже не проникнуто интересом, приобретая оседлость, стать полноправными гражданами. Оно должно во все в большем и большем числе получать обеспечение с помощью хлебных раздач от государственной хлебной администрации. Этим в то же время был сужен естественный рынок для италийского хлеба и был создан дальнейший стимул для свободных сельских рабочих к скоплению в столице. К этому прибавилось страшное разорение крестьянского сословия походами в далекие заморские страны и притом для надобностей, которые не имели ничего общего с его интересами. С помощью самоэкипирующегося войска граждан эти войны уже сами по себе не могли вестись долгое время. И чем дальше, тем меньше это было возможно, потому что с увеличением интенсивности обработки, здесь, как и везде, самостоятельно ведущий хозяйство крестьянин все более и более становился экономически «неотлучным» («unabkömmlich»)*.

* То очень верное, что заключается в уже упомянутом однажды замечании Л. М. Гартмана, именно, что рабство в древности было экономически необходимо (из-за военной повинности), в этом изложении, надеюсь,

Решительной борьбой свободного труда и поселения с несвободными было движение Гракхов, которое опять ухватилось за старое требование раздела *ager publicus*. Гракхи лично, по крайней мере Тиберий, были прежде всего *политическими* реформаторами; их цель — восстановление старых основ *военного* строя. Они ставили, само собой разумеется, интересы крестьянства — для себя и для своих детей получить возможность дешево приобрести землю — на службу своему делу. Земля для целей поселения могла быть в большом количестве получена лишь путем ограничения и частичной конфискации оккупаций. Но это отнятие старых владельческих прав целых поколений — это как раз подчеркнул Э. Мейер — шло вразрез с интересами не только римских, но также и допущенных в оккупации, в принципе на равной ноге, *союзнических* поссессоров; и поэтому движение Гракхов вызвало не только классовую борьбу в Риме, но также борьбу римского гражданства с союзниками, которые теперь уже для своей экономической защиты и для того, чтобы участвовать в ассигнациях, должны были потребовать права гражданства, тогда как до тех пор, напротив, они довольно часто должны были протестовать против оттока в Рим своих самых состоятельных граждан (см. выше).

Гракхи могли, даже в союзе с крестьянами, лишь от раскола в рядах превосходившего их противника ожидать победы для своего в *первой* линии идеологически мотивированного движения. Им действительно удалось привлечь на свою сторону «commercial interest» [выгодой] слой принадлежавших к должностной знати владельцев денег и рабовладельцев, чисто экономически заинтересованной буржуазии, так называемое сословие всадников, когда они помогли откупщикам налогов путем предоставления провинции Азия их эксплуатации по системе сдачи на откуп в городе

нашло свое подтверждение. Но, конечно, ни собственно специфическое явление, каким представляется *сельскохозяйственное* рабство в *крупном* производстве, не может быть выведено из *одного* этого, ни вообще то, что как раз *рабство*, а не другие формы сваливания с себя ведения хозяйства, каковы *Instleute*, арендаторы из части продукта, илоты и т. д., представляло собой средство «приспособления» к этому положению, к необходимости «отлучки» (**Abkömmllichkeit**) для политики и войны. Какой из (*в большинстве случаев*) очень *различных* путей «приспособления» избирает историческое образование (*ein historisches Gebilde*), в *этом* покоится (*в большинстве случаев*) как раз то, что исторически *важно* в его своеобразии.

Риме и путем передачи им судов подняться на вершину их могущества, с которой лишь Сулла их окончательно низверг, когда опять подчинил их судебному контролю сенаторских родов. Этот подъем античного капитализма на высшую точку своего развития (в ему присущих формах), как он был достигнут этим усилением обладателей крупных капиталов, совершался, несомненно, за счет интересов жителей провинций, которые подвергались беспощаднейшей эксплуатации. Тем не менее, это недолго было на пользу движению Гракхов. Сенату удалось перетянуть на свою сторону экономически насыщенных всадников (*die ökonomisch gesättigte Ritterschaft*). Мысль привлечь к себе союзников предложением им прав гражданства не могла иметь успеха в Риме: с тех пор как право гражданства не только давало право рассчитывать на надел земли, но вообще опять стало внушать комициям чувство силы, а вместе с тем и возможности ее экономического использования, они пошли по пути афинского демоса до Перикла и при нем. И в конце концов как раз вследствие военно- и аграрно-политической цели аграрных законов Г. Гракх, приобретя популярность у масс, увидел направленную против себя конкуренцию демагогии крупных землевладельцев.

Произведенные Гракхами, как и позднейшие, наделения земель пытались предотвратить вновь создаваемые ими возможности спекуляции и задолженности: владелец полученного участка должен был становиться действительно *крестьянином-землевладельцем*. Различного рода вспомоществования для приобретения инвентаря стоят поэтому рядом с решительными *правовыми* ограничениями: неотчуждаемостью и, как показателем верховной собственности государства, чиншем в пользу государства (*Rekognitioszins*) (наделения земель ветеранов, проведенные Суллой и Цезарем запрещали заклад участков и отдачу их в приданое и в то же время освобождали их от оброка). Но как раз «социально-политически» мотивированные ограничения и погубили Гракхов. Ввиду этих политических целей декретированная неотчуждаемость вновь выделяемых земельных участков и уплачиваемый государству в виде признания его верховного права собственности в отношении к этим участкам чинш (*der Rekognitioszins*) были искусно выдвинуты против Г. Гракха, и он был «побит» («überboten»).

Победа «земельного интереса» («landed interest») вместе с насильственным подавлением движения Гракхов знаменовала победу несвободного труда и вместе с тем устранение старых основ государства. Оккупации путем дошедшего до нас в надписи *lex agraria* 111 г. до Р. Х. были и формально разъяснены как *ager privatus*, следовательно, окончательно превращены в собственность, и вместе с тем был устранен италийский *ager publicus*. После этого Марий⁷¹ стал набирать в старое, самозкипирующееся войско граждан снаряжаемый государством пролетариат «*capite censi*» [«вносимые в ценз без имущества»], потому что только таким образом могла быть проведена реорганизация войска и отражена крайняя опасность германского нашествия. Правда, путем союзнической войны крестьянство и мелкая буржуазия Италии силой добыли себе участие в выгодах права гражданства. Но политическое значение крестьянства, идет ли речь о составе комиций или о государственном управлении и о разрешении задач мирового государства, уже отошло в прошлое. Войско превратилось в учреждение, обеспечивающее неимущих (*eine Versorgungsanstalt der Besitzlosen*): ветеран, а не гражданин имел теперь право рассчитывать на наделение землей, и как раз с Мария начали повышаться средние размеры наделов: 30 югеров в эпоху Гракхов, 50 — при триумвирах⁷² в Италии, еще значительно большие участки в провинциях. С другой стороны, отбываемая в виде конной службы военная повинность имущих классов перестала быть действительной. Тем и другим была создана политическая основа цезаризма.

Крупные восстания рабов указывают на значительное увеличение численности несвободных сельских рабочих. Тяжелые потрясения владельческих отношений, вызванные конфискациями и наделениями земель, особенно проводившиеся триумвирами, по существу, оказали отрицательное, а не положительное воздействие. Раз данную экономическую структуру и вместе с этим данное деклассирование крестьянина нельзя было потрясти, и ветераны, вопреки упомянутым ограничениям оборота, не удержались на своей земле. Земля со времени регулирования оккупаций в Италии была в громадной своей части в руках крупных владельцев; как сильно было *увеличение* этого владения путем прямой скупки у крестьян, нельзя точно определить:

«massae» [массы] дошедшего до нас материала источников дают для этого лишь совершенно случайные (и поздние) точки опоры. Для Рима следует остерегаться во всей полноте представлять себе *количественное* исчезновение крестьянского сословия. Во все времена римского владычества, в особенности в областях не дающей ренты земли, существовали многочисленные «самостоятельные» крестьяне, как *в настоящее время* существуют и будут существовать «самостоятельные» ремесленники. Произведенные Шульценом чрезвычайно обстоятельные исследования областей распространения сабелльских *имен* показывают очень большую устойчивость, особенно крестьян горных местностей, которая едва ли может быть приписана только или главным образом римским ограничениям права передвижения. Крестьянин оставался количественно в большом числе. Но качественно — в смысле своего социального и экономического веса — он уже не имеет значения сопоставимого с рабовладельцами. В глазах аграрных писателей он превращается — конечно, преувеличенно — в «pauperculus» [«беднячка»], который «cum sua progenie» [«со своим потомством»] возделывает землю, какую оставляет ему рациональное хозяйство. Распоряжение Цезаря, что *пастухи* на треть должны быть свободные люди, и речь Тиберия⁷³ в сенате о последствиях сельскохозяйственного рабства ясно показывают, куда привело развитие.

Хозяйственная техника римских «крупных хозяйств» («Grosswirtschaften») оставалась на той же ступени, что и греческая. Удобрение навозом в эпоху Катона практикуется интенсивно, так же как и кормление скота в стойле, но полевые орудия совершенно примитивны. Употребление бороны, где оно встречается, относится лишь к императорской эпохе; для снятия с поля хлеба употребляется серп; формой молотьбы является топтание хлеба скотом. Затем была заимствована у Карфагена молотильная телега. Малопродуктивное, в особенности внутри страны, хлебопашество рано остановилось на этой своей технике. По существу, только высокоценные продукты, оливковое масло и вино, откормленный скот и, в особенности, предметы гастрономии, могли производиться внутри страны для *сбыта* с устойчивым доходом.

Этим определяется в римских крупных поместьях характер организации производства. Крупные *пастбищные*

хозяйства с переходящими с местами на место стадами господствуют в Апулии и на «calles»⁷⁴ горных местностей, в других местах они *не* являются правилом. Но везде в капиталистических хозяйствах интерес к хлебопашеству отступает назад*. В собственном хозяйстве культивируются с помощью *рабского* труда требующие интенсивные приложения *капитала* отрасли: масличные и виноградные плантации и специальные культуры; пахотная земля в эпоху Катона, может быть, возделывалась с помощью работы по подряду из части продукта (in Antellsakkordarbeit), но еще чаще, и во всяком случае, чем дальше, тем чаще, сдавались колонам (мелким арендаторам) из части или (все больше и больше, и в юридических источниках речь почти исключительно идет о ней) за денежную арендную плату.

Рабская плантация в эпоху от Катона до Варрона переживала свое расширение (Expansion). Рабы, пока рабский рынок обеспечивает постоянный подвоз их, живут в казармах, живут, следовательно, лишенные брака и собственности — рабыни едва ли находят тогда применение в производстве — и подчинены суровой военной дисциплине. Только вилик⁷⁵ (villicus) пользуется обыкновенно правом на concubernium (рабский брак) и на rescilium (право выгонять скот на господское пастбище). Собственно плантационные рабы (на виноградных плантациях) в эпоху Катона часто бывают закованы в цепи и получают, в соответствии с более трудной принудительной работой, большие рационы. Но вообще в позднереспубликанский период в поместьях с вполне развитой эксплуатацией несвободного труда рабы, подобно рабам фараонов в Новом царстве, живут в общих спальнях, «выступают» («treten an») у Варрона по утрам декуриями и идут на работу, погоняемые бичами своих погонщиков. Лучшее платье сдается в «камеру» на попечение виллика и выдается только в праздничные дни или от времени до времени

* Изданный Виссова (Wissowa) (Aphophoretion, Berlin, 1903) «Крестьянский Календарь», как он ни интересен, не дает, однако, ничего существенного для характеристики способа производства. Что он указывает сроки для начала отдельных операций для сельского хозяина (посев, молотба, жатва и т. д.) в отношении к ячменю, пшенице, полбе, бобам, журавлиному гороху, сену, овощам, оливковым деревьям, орешнику, тростнику, вину, скоту, не свидетельствует, однако, как, по-видимому, склонен принимать Виссова, что *все* эти продукты комбинировались в *одном* хозяйстве, и не показывает, *какие* именно из этих продуктов комбинировались.

для «сбора» (переключки); предусмотрены лазарет для больных и карцер для не желающих работать.

С ростом производства и, следовательно, с ростом спроса на рабов стараются покупать их как можно *дешевле*; ценили расторопность обращенных в рабов преступников: «*velocior est animus improborum*» [«дурная натура расторопнее»]. Ибо, хотя назначали премии за деторождение и выращивание детей, но при полном смещении полов (расположение к одной определенной рабыне развивало бы, например, склонность к симуляции болезни, как выдвигает это Варрон) сколько-нибудь значительное самовоспроизведение рабов было невозможно. Поэтому рабская казарма всегда нуждалась в прикупке рабов, и для этого дешевизна является решающим фактором, ибо производство с рабским трудом представляет собой страшное расточение человеческих сил (*Menschenverschleiss*).

Полное использование рабского труда ввиду колеблющегося спроса на труд (*Arbeitsbedarf*) есть одна из основных проблем римского поместного хозяйства (*Gutsbetrieb*). Как в настоящее время стоящие без работ машины «пожирают» проценты, так — в буквальном смысле этого слова и более прямым способом — то же делает заключающийся в рабах капитал (*instrumentum vocale*) поместного двора (Cato, г. г. 39, 2). Первоначально еще умеренные размеры производства — Катон имеет дело лишь с несколькими сотнями моргенов — еще не допускали развития поместных ремесленников, а дешевизна рабов не создавала еще побуждения к обучению их с целью превратить в технически подготовленных рабочих. Поэтому, за исключением немногочисленных работ по плетению, обработке дерева и починкам, потребность в *ремесленных* продуктах, а именно во всякого рода металлических товарах, но также, по-видимому, и в платье для рабов*, далее в таких продуктах, как рыба, соль (и то и другое для пропитания рабов), вар (для кадок) и т. д., покрывалась на рынке, и почти все продукты — даже и шерсть — продавались в необработанном виде.

Кроме рабов, и свободные рабочие были заняты в качестве поденщиков при уборке хлеба, сена, винограда, для вскапывания почвы, а также — для сбережения рабов — употреблялись для работ на нездоровой почве. Но эти сво-

* В Элладе Мегара, например, поставляла Афинам платье для рабов.

бодные рабочие, которые были совершенно необходимы, особенно в период жатвы, все более и более теряли относительное значение, потому что их нахождение рядом с массами рабов казалось опасным, а также, конечно, в результате общих психологических последствий несвободы труда — совет Варрона постоянно, по возможности ежедневно *менять* свободных рабочих остается фактом, так как сомнения, выставленные Пернисом против толкования этого места, принятого Глазером (и вместе с ним Гуммерусом), на мой взгляд, несостоятельны. В качестве вспомогательных рабочих принимались в расчет еще в эпоху Варрона *pehi, obaerati*, которые должны были отработать должные ими суммы. В более раннее время можно было необходимых в страдную пору рабочих посадить на землю в качестве прекаристов (*правовое* положение таких же так называемых «свободных» сельских рабочих у нас, которым дают кусок картофельного поля *без* даваемой контрактом гарантии, чтобы этим их приковать к поместью для страдной поры — в противоположность «Instleute»⁷⁶ и другим рабочим по контракту — соответствует в Восточной Германии еще и теперь положению римского прекариста; см. Труды общества социальной политики 50, стр. 773). Но уже в эпоху Катона, повидимому, широко было распространено сваливание работы *по уборке урожая* на предпринимателей, которые обходились с помощью свободных рабочих, или еще более простая продажа урожая на корню. Также и стада скота таким же образом сдавались для извлечения дохода (своеобразие катоновской схемы договора стоит в связи со слабостью предпринимателя в отношении капитала).

Вследствие такого решения проблемы сезонных рабочих идеальное поместное хозяйство II столетия до Р. Х., как его изобразил Катон в «De Agricultura» [«О земледелии»], и как центр производства, и как центр потребления, а также в относительно сильной мере и как потребитель труда, вступило в тесную связь с рынком; основное положение: ничего не покупать, что можно у себя произвести, имело, правда, вес как унаследованная мудрость, но структура поместного хозяйства уже тогда позволяла лишь в малой мере проводить его в жизнь, как это превосходно доказала прекрасная работа Гуммеруса: в эпоху Катона растет денежное хозяйство. Но с все расширявшимся ростом крупного владения и размеров производства — явления эти, конечно, не тожде-

ственны, но фактически развиваются параллельно — уже в эпоху Варрона появляются наряду с кирпичными заводами и гончарными мастерскими для надобностей сбыта и поместные ремесленники для *собственной* надобности, затем, вполне достоверно, и применение (у Катона, как и в Элладе, еще совсем *отсутствовавших*) *рабынь* для изготовления одежды для рабов*, устройство собственных маслодавилок, благодаря своей дороговизне доступных только обладателям значительного капитала. С другой стороны, в качестве типического явления в эпоху поздней республики уже появляются колонны.

Поместных *ремесленников* мы, естественно, больше всего находим там, где крупное производство проникает в более бедные городами и обменом области, и даже для тогдашних средней величины поместий, как это определенно указывает Варрон, риск капиталом, который влекло за собой владение собственными обученными рабами-ремесленниками, в большинстве случаев был еще очень велик. Чем *крупнее* поместье и чем больше лежит оно внутри страны (in Binnenland), тем большую роль играют, с одной стороны, собственные ремесленники, с другой — колонны.

Когда возникла мелкая *аренда* в форме двухстороннего bonac-fidei договора locatio-conductio⁷⁷, нельзя с точностью определить: она появляется, как и в Египте, вместо и с формальной стороны чисто по просьбе совершавшейся передачи земли, старинного феодального прекариума. Для оценки социального положения колона уже в республиканскую пору следует указать на тот факт, что он не только (как и прекарист) в отношении к собственнику земли, но и, в противоположность прекаристу и (несомненно) арендатору государственной земли, в отношении к *третьим лицам* не пользуется никакой защитой *владения*, но только по иску, вытекающему из договора, может получить возмещение ущерба в случае, если собственник земли опять не отдаст ему участка. Уже в республиканскую пору повсюду увеличивается число coloni вместе с увеличением объема наподобие лавины выраставших, частью в виде *разбросанного* владения (Streubesitz), частью в виде *замкнутого* «latifundia» [«обшир-

* Что ткачи-мужчины, о которых упоминает Варрон, работают для рынка, кажется мне (как и Гуммерусу) вероятнее. Они составляют устроенное при поместье приспособление для переработки хозяйственных излишков.

ное поместье»] — естественно, главным образом на первых, но и на последних. С тех пор как исчезли надежды на аграрный переворот, естественно возраставшее в числе крестьянство в Италии могло рассчитывать лишь на аренду земли у становившихся все более и более крупными землевладельцев. В провинциях государство забирало массами конфискованные или иным путем приобретенные владения царей или аристократических фамилий, на которых сидели колонны или крестьяне на прекарном владельческом праве.

Вопрос о том, выгоднее ли самому (т. е. с помощью рабов) вести хозяйство в поместье или сдавать в аренду колонам, научно разбирался уже в начале последнего столетия до Р. Х. На практике он мог решаться в пользу рабского труда до тех пор, пока этот последний так же дешево было *пополнять*, как и в республиканскую эпоху, но и тогда только для таких продуктов, которые производились в *экстенсивном*, в смысле труда, плантационном хозяйстве. Много пахотных земель (Getreideäcker) и в особенности лежащих далеко от центра (agri longinquoies) все растущих поместий сдавали, наоборот, вероятно, уже в эпоху Варрона (хотя он и не говорит об этом) также мелким съемщикам, как это бывало, вполне достоверно, позже; и чем *меньше* крупное поместье было приспособлено к производству продуктов плантационным способом, *тем более* должна была преобладать в нем сдача земли колонам. Ибо то, что колонны в этом смысле уже до Варрона стали представлять собой вполне типическое явление, вполне установлено, и в эпоху Цезаря (b. civ. [О гражданской войне] I, 34, 2) они социально и политически имели почти совершенно такое же значение в качестве «держателей» («Hintersassen») своего помещика (Gutsherr), как и его рабы и вольноотпущенники (liberti).

Колонны уже в поздне-республиканскую эпоху являются постоянными жителями поместья (Gutsinsassen), которые в качестве собственного имущества в большинстве случаев владеют лишь некоторым количеством скота и которым помещик сдает землю вместе с инвентарем и поэтому часто предписывает способ пользования ею в форме общего для всего поместья закона — характерно соответствующего нашим «рабочим распоряжениям» («Arbeitsordnungen»), — которые часто оказываются задолжавшими ему и затем благодаря залоговому праву становятся фактически прикрепленными к своему имуществу. Кроме того, поскольку аренда

должна была быть арендой из части продукта, — что, впрочем, не может быть доказано для частного владения еще в начале императорского периода на Западе — естественно, каждый раз от условий отдельного случая зависело бы, рассматривались ли ни прежде всего как люди, которые брали на себя *обязанность* так вести хозяйство на данном мелком участке земли, чтобы собственнику поступало с него в виде части продукта как можно больше дохода, или же как арендаторы, которые за плату части продукта получают *право* согласно договору эксплуатировать этот участок. Но и при денежной аренде там, где собственник земли всегда предоставлял инвентарь, с самого начала возобладала первая точка зрения: это сам собственник земли «через посредство колонов» («*per colonos*») хозяйственно «эксплуатирует» («*exerhet*») свой участок.

На основании источников нельзя прямо доказать, что на колонов договором возлагалась обязанность работать на барском дворе в виде выполнения подсобных работ. Варрон молчит об этом. Что такие работы в период большой нужды в рабочих руках все же производились, это тем не менее аргумент представляется в самой высокой степени вероятным. Согласно одному, впрочем, в этой интерпретации оспариваемом месту, впоследствии, если они работали для барского двора, они, как и почти все свободные рабочие древности, получали от землевладельца содержание и подлежали надзору инспектора.

Таким образом, с ростом крупного землевладения и масса *свободного* сельского населения — ведь колоны занимают *частично* территорию свободных крестьян — на праве необеспеченного владения осела на своей земле. Если первоначально войско в Риме, как и в каждом полисе, составлялось из самоэкипировавшихся земельных *собственников*, то после того, как стали принимать и безземельных «*capite censi*» в теперь уже экипируемое государством войско, все больше и больше на их место вступают *колоны*.

Ведение хозяйства в республиканскую пору страдает значительными недостатками, именно вследствие типичного *абсентеизма* землевладельцев, которые, участвуя в политике, постоянно жили в городе. Владелец в большинстве случаев лишь от времени до времени появляется в деревне, чтобы принять от виллика отчет. Как мало сам он (очень часто) понимает в хозяйстве — чем дальше, тем меньше — по-

казывают те облегчения (*Eselsbrücken*), какие хотят устроить для него аграрные писатели. Ведение книг распространяется в сколько-нибудь тщательной форме только на высокоценные продукты сбыта, именно на оливковое масло и вино. Наличная денежная рента — единственная цель владения. Отсюда нерасположение ко всяким преследующим более далекие цели улучшениям, для которых к тому же не было выработано формы реального кредита. Этим же объясняется и частое отчуждение урожая винограда и оливок на корню. Культура оливок и винограда *экстенсивна* в смысле труда и в общем, по-видимому, в очень малой мере тщательна. Хлебопашество, техника которого осталась в смысле труда *интенсивной*, служило главным образом натурально-хозяйственному покрытию потребностей поместного ойкоса. Колоны могли снабжать мелкие местные рынки. Снабжение хлебом Рима с помощью контролируемого государством заморского ввоза было почти совершенно отнято у свободного рынка в главном своем деле — в снабжении хлебом масс и все более и более базировалось на натуральных взносах подданных, которые обращались на хлебные раздачи.

Куда ни ставило свою ногу правительство римской аристократии, везде оно *ускоряло* возникновение крупного землевладения. Не непосредственно тем, что римское господство, в общем и целом, везде в зависимых заморских общинах, в конце концов, помогало захватить власть *олигархии* и на нее политически опиралось, а тем, как оно распоряжалось самой землей и земельным *правом*. Хотя этот пункт более подробно будет рассмотрен в статье «Колонат», все же да позволено будет предпослать здесь по крайней мере кое-что.

В высочайшей степени пестра юридическая природа владельческих отношений на всей не находящейся на праве полной частной собственности территории. На *ager publicus* *pop. Rom.* первоначально, как уже было сказано, существовали с точки зрения частного права лишь «*possessiones*». Но *италийский* *ager publicus* исчез вследствие перевода всей земли, занятой на праве оккупации, в частную землю и вследствие выделения наделов Цезарем (в Кампании) и триумвирами. Последние его остатки («*subseciva*») Домициан⁷⁸ передал их владельцам. В сущности со времени Цезаря в качестве государственной (пригодной к обработке) земли в Ита-

лии существовала лишь муниципальная земля, «ager publicus» был ограничен провинциями.

Что допущенный к юридически оформленной *аренде* государственной земли (всегда человек, обладавший правом commercium'a) пользовался поссessorной и нетиторной защитой и против *третьих лиц*, для меня, в противоположность Миттейсу, совсем не является спорным и для срочной аренды, и свидетельство Гигина⁷⁹ ставит это вне сомнения. (Отсутствие прямого иска частных колонов имело (см. выше) социальные причины. Положение государственного съемщика везде иное, как юридически, так и фактически). Передача аренды заместителю (vicarius) могла происходить с согласия административной власти. Но судебная защита, о которой сейчас шла речь, была доступна только людям, пребывавшим в римском правовом союзе (римлянам и союзникам), но не подданным. Эти последние, поскольку они сидели на ager publicus в силу ли юридически оформленной аренды, или же внося традиционные оброки, составляли сословие оброчных арендаторов на прекарном праве (einen prekären abgabepflichtigen Besitzerstand), которое при конфискациях завоеванной земли составлялось прежде всего из людей, бывших до сих пор собственниками этой земли, пока произвол цензоров или распоряжение полями для целей колонизации не ставило на их место других.

Отличной от сдачи в аренду доменов, которая фактически была нормально лишь ревизией арендных контрактов по сдаче доменов, у которых de jure уже истек срок, является сдача на откуп *оброков*, посредством которой наряду с другими платежами и оброки арендаторов доменов сдавались на откуп откупщикам. Впрочем, то и другое могло сливаться, когда крупный съемщик снимал в аренду государственный домен вместе с оброками с сидевших на нем мелких съемщиков (колонов), или когда он, со своей стороны, пересдавал мелкими участками снятую землю домена. Из юридически связанных с периодами ценза и прекарных владельческих отношений (Besitzständen) и рядом с ними развивались разнообразные наследственно-арендные отношения, именно, когда шла речь о земле, которая нуждалась в мелиорации. Для Африки уже посредством lex agraria 643 а. и. с. установлен был размер vectigal [сбор] для земли, отданной в наследственную аренду, и постепенно перешли к тому, что стали сдавать домены и оптом на 100 и более

лет за *vestigal* и наследственную денежную плату (*Erbbestandgeld*) *mancipēs*, которые затем, с своей стороны, сажали на них своих съемщиков или сами вели на них крупное хозяйство.

В противоположность Миттейсу я и теперь держусь того мнения, что *крупные* аренды на *вечные* времена, которые в своей комбинации с передачей участков колонам так ясно встречаются нам в распоряжении Константина от 319 г. (*Cod. iust. XI, 63, 1*), в зародыше уже выступают у Гигина (*de cond. agr. p. 116*). Во всяком случае (ср. Англию!) аренда «на 100 лет» *не* есть другое выражение для вечной аренды, как думают Миттейс и Шультен. Но *мансепс* [покупатель] Гигина есть явный предшественник константиновского эмпитеота⁸⁰ и едва ли просто для цели вербовки наследственных съемщиков посредничающий колонизатор-предприниматель (*Ansiedelungsunternehmer*). В *этом* пункте аргументы Миттейса — здесь по существу дедуктивного характера и не могущие быть основанными на источниках — кажутся мне неубедительными. «*Proximi quique possessores*» [«самые ближние, которые владельцы»] вовсе же не обязательно «крестьяне»; они являются ими так же мало, как и египетские катэки. *Мелкие* наследственные съемщики появляются в римском, как и греческом праве, хотя при экономической структуре римского господства, отличного от греческой политики небольших городов, *менее* часто (для области *ager vestigalis* о них нет свидетельств в источниках). Но характерно римским является, конечно, постоянный *рост* размеров частных и квазичастных владений. С этим соглашается для позднейшего императорского периода и Миттейс. Но кажется совершенно невероятным, чтобы *поздняя республика*, к специфической административной технике которой относится «*мансепс*», устроила это во *избежание* крупных аренд.

Достаточно рано — мы не знаем, когда именно — развились и *бессрочные* владельческие отношения на государственной земле. Они покоятся или на сенатусконсульте — так возникло арендное право упомянутых выше *viasii vasaпi* — и тогда регулируются и гарантируются лишь административным порядком, или на законе как на «*ager privatus vestigalisque*», наследственно-арендная земля, в Африке.

Лишь очень малая часть римской земли, таким образом, охвачена тенденциозным земельным правом квиритов⁸¹,

большая масса землевладельцев сидит на чрезвычайно разнообразных, в большинстве случаев прекарных правах.

К этому присоединяются, наконец, владельческие отношения (*die Besitzstände*) на неримских полях (*a. peregrines*). Среди членов латинского союза правовое положение земли и *commercium* в отношении к ней регулируется договорным порядком, обе стороны определенным, исторически меняющимся образом, имеют участие в национальном земельном праве друг друга. В заморских владениях Рима полная правовая автономия и, следовательно, владение землей по собственному праву одной части союзных городов гарантировано договором (*foedus*) (*civ. foederatae*), следовательно, не подлежит отмене. Очень значительная часть лежащей в заморских владениях земли остается в качестве *ager publicus* в непосредственном распоряжении центральных властей в Риме. Но одна (может быть, значительная) часть этой конфискованной или в качестве домена перешедшей к Риму земли, по-видимому, отдавалась государством общинам (в качестве *ager per exterrimitatem mensura comprehensus*, см. выше) за уплату трибута с правом взять ее у них обратно (это та часть, требование возвращения которой государству в IV в. вызвало такие сильные потрясения владельческих прав, как совершенно правильно думает Миттейс). Это отношение могло, в частности, возникнуть и из того, что общины — как в Сирии уже в эпоху Птолемея — оптом брали на откуп государственные взносы с находящегося на их политической территории *ager publicus* (сначала на срок, а потом навсегда). Более обширной части земли законом, следовательно, односторонне и потому с возможностью также по закону, а не силой административного произвола, отмены, было оставлено положение *ager peregrinus* [собственность чужестранцев]. Сюда относятся, например, *stipendiarii* [платящие дань] в Африке, обязанные платить контрибуцию крупные землевладельцы, которые удерживают свою землю, но владеют ею не по римскому праву частной или государственной аренды, но, очевидно, по праву чужестранцев, а это означало: с возможностью произвольного вмешательства со стороны наместников во владельческие отношения, как оно существовало для всякого владения в руках подданного. Наконец, части общин — и они называются в специфическом смысле «*civitates stipendiariae*» — распоряжением сената прекарно оставлено владение до дальнейшего распоряжения с фор-

мулой: *habere uti frui liceat* (ἔχειν ἕνεχα εἶναι ἐξῆνα в SCde Thisbaeis) [обладает правом пользования], следовательно, владение на праве чужестранцев с возможностью возврата, обыкновенно обремененное оброком (*stipendium*-хроническая военная контрибуция) без того, чтобы земля эта становилась от этого римским *ager publicus*.

Право сената (*die Zuständigkeit*) на распоряжение государственной землей и провинциальными владельческими отношениями (*Besitzstände*) менялось (подробности нас здесь не интересуют), в общем оно постоянно росло, а с ним и право римской *олигархии* распоряжаться землей целого мира. Возможности владельческих отношений (*die Besitzständigkeitlichkeiten*), как показывает уже предыдущий очерк, чрезвычайно многочисленны. Здесь нужно только констатировать, что *большинство всех землепашцев* в римском *orbis terrarum*⁸² в конце республиканского периода сидело на своей земле на *не* обеспеченном *договором* в силу «*foedus*», следовательно, в этой мере на *прекарном* праве. И это относится в совершенно, правда, специфической степени к крестьянам. Поскольку они сидели на конфискованной земле или на перешедших к Риму доменах, на земле стипендиарных землевладельцев или общин, везде они находились в одинаковом положении с ἔδνη эллинистической эпохи и λαοί эпохи Птолемея в том отношении, что их личный статус и их отношение к земле *фактически* совсем не пользовалось защитой против произвольных распоряжений наместника и, поскольку этот последний не вмешивался, откупщиков податей, — если только не удавалось возбудить прямого обвинения, как против Верреса⁸³. Что для этого требовались могущественные покровители и большие деньги, и что *крестьяне* — поскольку и они фигурируют в судебных речах — собственными силами лишь с трудом могли пойти по этому пути — вполне ясно.

Ибо для республиканской эпохи стоит вне всякого сомнения, что не только управление такого наместника, как Веррес, но и совершенно «нормальное» управление в провинциях всегда означало *уменьшение* крестьянских хозяйств, *увеличение* возделываемых с помощью рабов более крупных земельных комплексов (приведенная Цицероном статистика владельцев на *ager Leontinus* [поле жителей (города) Леонтии] представляет собой лишь особенно разительный случай). Сложная система постепенных переходов (*Abstufung*)

в политических и экономических правах, на которой строила свое господство римская республика, действовала таким же образом. Только *полноправный* гражданин был, например, действительно *вполне свободен в смысле права передвижения* (*freizügig*). Уже латинянин *высылался из Рима* (см. выше), если его община требовала его назад, чтобы привлечь к участию в государственных повинностях. Совершенно так же — и это вполне естественно — *высылался и гражданин всякой другой из в той или иной из различных форм присоединенных и подчиненных общин. Фактически он мог еще в каждом отдельном случае свободно передвигаться, но юридически он во всякий момент может быть отправлен на родину или вытребован оттуда назад.* Вытекающие отсюда последствия для аграрного строя вывела впервые императорская эпоха (статья «Колонат»). Не менее *индивидуально* путем договора или, гораздо чаще, привилегии и распоряжения был урегулирован *commercium* и *connubium*: т. е. право вступать в брак и, что связано с этим, право наследовать и право владеть землей, принадлежащие гражданам каждой отдельной союзной или зависимой общины, тогда как, с другой стороны, римская должностная знать в эдиктах преторов, как английская аристократия в «equity» [право справедливости] лорда-канцлера, *фактически автономно* создала для себя адекватное ей «бонитарное» наследственное, землевладельческое право и право, регулирующее оборот (*Verkehrsrecht*), в случае надобности насчет традиционного «права квиритов».

Такое, в этом, как и во всяком другом отношении *словно* привилегированное положение римского гражданина, естественно, выражалось в его деловых шансах в провинциях (около 100 000 италиков в течение одного дня унесла устроенная Митридатом в Азии «сицилийская вечерня»⁸⁴) и в соответствующей экономической зависимости непривилегированных. Колоссально росла, в особенности в тех областях, подати которых в Риме были отданы на откуп всадникам, задолженность. Успех Митридата покоился — это между прочим справедливо сильно подчеркнул Ферреро — прежде всего на его революционном лозунге всеобщей *сисактии*, который здесь в последний раз в древности выступает в качестве *социальной* программы (ибо Катилина в действительности представлял интересы задолжавших *юнкеров*) и вокруг которого среднее сословие Вос-

тока собралось против Рима так же, как одновременно с этим в союзнической войне⁸⁵ среднее сословие Италии собралось вокруг лозунга участия в привилегиях права гражданства, — требования, против которого *теперь* как раз поднялась и буржуазия всадников (Ritter) в интересах сохранения своей эксплуататорской монополии, специально монопольной эксплуатации своего *земельного* владения (см. выше).

Римская должностная знать в конце концов осталась победительницей, заключив мир с италийским средним сословием, который ей самой ничего не стоил. Платить (die Kosten tragen) *должна* была при реставрации Суллы по существу буржуазия «рыцарского сословия» («Ritterstand»), в политическом смысле (отнятие переданных Гракхом в ее распоряжение судов) и в экономическом (устранение введенной Гракхом сдачи на откуп азиатской десятины в Риме). Но как раз это толкнуло ее в руки цезаризма, который, таким образом, впридачу к военному орудию своей власти (Machtinstrument) получил и экономическое.

Глава третья
**ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ
В ИМПЕРАТОРСКУЮ ЭПОХУ**

I

И в императорскую эпоху *полис* продолжал свое победное шествие по античному миру. Как македоняне основанием «Alexandreschata» коснулись границ Туркестана⁸⁶, так римское владычество синойкизмами лузитанцев⁸⁷, основанием колоний и еще более важной городской организацией *подданных* в Британии, Галлии и Мавритании, на Рейне и на Дунае, где только она оказалась возможной, приготовило полису подобный же победный путь на Западе. И здесь еще более, чем в эпоху эллинизма, колоссальные земельные территории часто «приписывались» («attribuiert») к городам. Перенесением управления в центральный город, затем созданием привилегированного штата декурионов⁸⁸ из выше всех обложенных было не прямо (а иногда и прямо) вызвано поселение в городе по возможности всех, по крайней мере части *крупных* землевладельцев. Как в возникших путем синойкизма Афинах «эпатридами» были те землевладельцы, которые являются «ἀπό τὸ ἄστυ οἰκοῦντες» (живущими в самом городе), так ἐπιφανέστατοι (самые знатные) аллоброгов⁸⁹ живут, по словам Страбона⁹⁰, в Виенне, в противоположность «γεωργοῦντες» (земледельцам), которые в χῶμαι (деревнях) образуют сельский «plebs». На первых опирается римское господство, они имеют шансы постепенно подняться до права гражданства. Вступив в общение с государством, в христианскую императорскую эпоху к полису примкнула и *церковь*. Ее приверженцами с самого начала — пока не вошел в действие принцип «coge intrare» [«заставь вступить»] — были главным образом *горожане* (*мелкая буржуазия*): выражение «paganus» которое в древности постепенно приобретало свой презрительный с точки зре-

ния городского бюргера привкус, было теперь в церкви, как в жаргоне военной монархии к «штатским» («Zivilisten»), применено к «язычникам». И когда церковь официально стала организовываться как государство в государстве, она все более и более строго стала проводить основное положение, что епископ может иметь резиденцию только в *городе*.

И в римских синойкизмах политические интересы часто становились в конфликт с экономическими: как «диойкизмы» Мантинеи и Патр⁹¹ идут вразрез с желанием землевладельцев жить в своих поместьях, так высказывается часто сопротивление синойкизму в императорскую эпоху, и чем дальше, тем больше именно в городах внутри страны (in den Binnenstädten), где город не представлял никаких шансов на помещение капитала в морской оборот. Но, во всяком случае, везде рабский труд или сдача земли колонам является, при наличии сильной меры абсентеизма, следствием, которое неизбежно влекло за собой создание городов, в особенности городов с большими земельными территориями, лежащими внутри страны. Начиная с III в. до Р. Х., и с тех пор постоянно, дальнейшие успехи городской организации наталкиваются на явно все растущие трудности. Прежде, чем будут затронуты их причины (более близкое выяснение их относится к статье «Колонат»), мы рассмотрим на прощание еще раз своеобразные особенности античного полиса и здесь прежде всего спросим: в каком же отношении находится он к «городу» («Stadt») *средних веков*.

Комбинация землевладения и участия на рынке, как основ права гражданства, постепенное скопление земельного владения с помощью торговых барышей, трактование безземельных как «гостей» («Gäste») (метеки), натуральные повинности (литургии) бюргеров в отношении к городскому сеньору, военная организация бюргерства и, в частности, важных для военного дела ремесел, социальная рознь между всадниками и пехотой, — все это мы находим в *начальном периоде* средневековых городов так же, как мы наблюдали это в раннюю пору античного полиса. Но в остальном различия очень велики. Конечно, прежде всего следует очень твердо помнить о том, как различны между собой по своей социальной структуре города средних веков. Чтобы взять сначала важный пункт: отношение к «рыцарской» *знати*, которая в античном городе везде и всегда составляет *зерно* городского развития, — то, например, Генуя, о на-

чале которой в известном смысле можно сказать то же самое; Флоренция, где бюргерство сделало необходимым «*incasamento*» [упорядочение] сельского дворянства, временам знали нечто вроде политического «штрафного перевода в дворянское сословие» («*Strafversetzung in den Adelsstaand*»); затем те многочисленные города, которые прямо или непрямо принуждали знать к вступлению в цехи; с другой стороны, Фрейбург в Брейсгау и другие города, где дворянству было *запрещено* поселение в городе, и, наконец, те многочисленные города (большинство крупных), которые пережили возникновение рыцарского патрициата *из* бюргерства, очень различно, как видим ясно, к ней (рыцарской знати) относились.

Вполне в общем смысле можно сказать, что *морские* города Средиземного моря с преобладанием в них чисто торговых интересов и торгового капитала ближе всего городскому типу античного *большого* города и что (второстепенные) *чисто* земледельческие городки (*Ackerbürgerstädchen*) также, пожалуй, похожи на античные мелкие города, тогда как, напротив, *промышленные* города (*die Industriestädte*) представляют собой тип, сильно отклоняющийся от античного полиса. Как ни текучи эти различия — как и *все* столь большие экономические различия — все же, вопреки возражениям Гольдшмита, в тезисе Ластига (*Lastig*), что специфические новые достижения в области права, регулирующего отношения промышленного *капитала*, принесены промышленными городами, как Флоренция, заключается много верного. Что право на труд (*das Arbeitsrecht*), социальная сила цехов и цеховая организация труда, следовательно, первая организация *свободного* труда — некоторые зачатки которой встречаются и в древности, но именно зачатки и ничего законченного — по существу обязаны своим возникновением этим «промышленным городам» — это находится вне всякого сомнения.

Каролингская империя⁹² знает и регулирует рабский рынок. Во внутренних областях Восточной Европы работорговля продолжала существовать так же, как и в городах на берегу Средиземного моря (Генуя); напротив, в промышленных городах внутри страны она исчезла. Нельзя сказать, чтобы им с самого начала была *чужда* личная зависимость (*die Leibeigenschaft*). Напротив, ремесленники, а также и торговцы, которые тянутся во вновь основываемый (неу

konzessionierte) город, в очень значительной своей части являются зависимыми (Leibeigene), которых сеньор — как античный рабовладелец своих «χωρὶς οἰκοβυτες» [отдельно живущие] — отпускает в город, чтобы извлекать выгоду из их оброков и наследств, и которые только очень постепенно (иногда по истечении целых столетий) становятся лично совершенно свободными людьми. Подобно рабам Древности, с которых господин получал свою «ἀποφορά», и эти зависимые люди рядом со своими свободными товарищами по профессии ищут заработка; но *разница* в том, что здесь это смешение свободных и несвободных образовывало «целевой союз» («Zweckverband»), который в пределах своей сферы *игнорировал* сословные различия, и из него в дальнейшем вырастала автономная *община* с определенными правами свободы, что, следовательно, именно *они*, платящие чинш со своей земли или со своего тела, а *не господа*, как в античном мире, представляют «город» («die Stadt»), по крайней мере, в городе упомянутого типа, в «промышленном, внутри страны расположенном городе» («industrielle Binnenstadt»), вообще во всех городах, в которых цехи приобрели определяющее влияние.

При этом «Binnenstadt», конечно, не следует представлять себе как «город в совершенно *не имеющей* оборота с внешним миром области»: в такой области нигде нет городского развития. Но под ним подразумевается город, производство и потребление которого в смысле своего центра *тяжести* покоится на *местном* рынке. И «промышленный город» («Industriestadt») в средние века, собственно говоря, не есть город, потребность которого в сельскохозяйственных продуктах покрывается *только* путем сбыта продуктов собственной промышленности, но такой, у которого концентрация *свободной* промышленности (Gewerbe) составляет *существенную* основу города как потребительного района (Nahrungsspielraum) и в то же время *специфическую особенность* города сравнительно с сельской территорией. Города, существование которых покоится на доходах (рентах) с земли, лежащей внутри страны, и с рабов, как Москва до нынешнего столетия, их противоположный экономический полюс, города, которые, подобно Генуе, имеют своим базисом доход от морской торговли, помещение капитала в заморские предприятия и колониальное плантационное хозяйство, стоят, *и те и другие*, ближе к античному полису,

чем тот, который находится между этими крайними пунктами, именно средневековый *промышленный* город (Industriestadt) в только что разъясненном смысле. Что промышленный город и торговый город по временам сливаются друг с другом (Венеция и, прежде всего, Фландрия и многие верхнегерманские и рейнские города), также вполне несомненно, равно как и то, что в древности *промышленность* могла иметь большое значение для развитие полиса. Тем не менее остается очень большое различие. И — что имеет самое важное и решающее значение — положение античной промышленности, как социальное, так и экономическое, *не поднимается* с развитием богатства, *нигде* не достигает высоты крупных средневековых промышленных центров, тогда как все специфически *современное* (moderne) капиталистическое развитие, развитие промышленного капитализма, *примыкает* как раз к этим «промышленными городами» («Industriestädte») созданным правовым формам, следовательно, к тому, чего *не достаёт* античному полису. «Демиург» ранней поры античного полиса *теряет значение* с развитием капиталов в рабах (Sklavenkapitalien). Напротив, та смесь свободных и несвободных мелких людей, которая к началу средних веков, *совершенно так же* презираемая, как и в древности, *совершенно так же* и тогда, в противоположность купцам, не допускавшаяся к занятию должностей, конституирует «ремесла» («Handwerke»), *поднимает*ся экономически и политически.

Конечно, древность знает, как это показывают нам книги Либнама (Liebnam) и Зебарата (Ziebarth), корпорации ремесленников. Но, в то время, как — совсем, как в средние века — в *военном отношении* имеющие значение ремесленники ранней поры образуют военные и голосующие в народном собрании корпорации (Wehr-und Stimmkörper), союзы ремесленников «классической» эпохи античного мира *совершенно не имеют* никакого сколько-нибудь заметного значения. Впервые с упадком относительного значения покупных *рабов* встречаются союзы ремесленников, имеющие социальную значительность, но *без* типичных для средневековых цехов прав, зачатки которых появляются скорее лишь в самую позднюю пору, после полного падения капитализма, правильно указанные Л. М. Гартманом.

Как в античном полисе отсутствует как раз самое характерное для городского развития средних веков, — *цех* с его

борьбой против патрициата и конституирование специфически *цеховых* городов, так у средневекового города отсутствует *всякая* аналогия с самым характерным явлением *свободного* городского развития древности: с борьбой *крестьян* против патрициата и с конституированием того, что было обозначено выше как «полис гоплитов» («Hoplitenpolis»), — господства над городом способных нести военную повинность крестьян. Типический средневековый город сначала принципиально не допускает крестьянина к участию в праве гражданства, и, когда впоследствии он хочет взять его под свою защиту как «чужака» («Ausbürger»), ему в этом препятствуют дворянство и князья. И земельное владение, которое приобретают богатейшие бюргеры, не означает расширения сельской *территории*. Конечно, и здесь встречаются «переходы», как и везде в истории. Что в древности «город гоплитов» *нигде* не является в действительно *чистом* виде, ни в Афинах после Клисфена и Эфиальта, ни в Риме после закона Гортензия, ни где бы то ни было, показал предшествующий очерк; и дальше не следует, конечно, упускать из виду, что в состав «гоплитов» все же в качестве *очень* существенной части их входили и мелкие *городские* бюргеры, в частности *домовладельцы* (о «демиургах» и их роли была речь в предшествующем изложении). С другой стороны, не следует забывать и значения мелких горожан-землевладельцев (Ackerbürger) в средние века и административно-правовую роль «отдельных общин» («Sondergemeinden») в городах, тем более роли сельской *территории* в итальянских городах-государствах. Но тот, кто *исключительную* задачу «истории» видит не в том, чтобы сделать ее излишней, доказав, что «все уже было», и что все или почти все различия суть лишь различия *меры* — что, конечно, справедливо, — тот будет делать ударение на различиях (Verschiebungen), которые выступают, несмотря на все параллели, и будет пользоваться сходствами для того только, чтобы выяснить *своеобразие* каждого из обоих кругов развития по отношению друг к другу.

А оно действительно достаточно велико. Где в средние века *цехи* приобретают господство над городом и для политических целей принуждают городскую знать, как и каждого, кто хочет пользоваться политическими правами, записываться в какой-нибудь цех, чтобы им облагаться налогами и подлежать его контролю, там в древности стоит де-

мос, *деревня*, которая — например, почти во всем кругу афинского владычества — для политических целей употребляет такое же принуждение. Где Древность распределяет (abstuf) обязанность иметь военное вооружение среди владельцев земельной ренты, там средние века распределяют ее по цехам. Различие бросается в глаза, и уже одно это показывает, что «средневековый», т. е. являющейся специфическим для средних веков, город экономически и социально в решающих пунктах был совершенно иначе конституирован, чем античный. И хотя бы в том смысле, что средние века задолго до возникновения форм капиталистической организации *ближе* стояли к *нашему* капиталистическому развитию, чем полис.

Это выступает там и здесь на передовых позициях социальной борьбы. В древности типической противоположностью является просто имущественная противоположность: помещик (Grundherr) и мелкий владелец. Борьба прежде всего вращается около *политического* уравнивания и распределения *повинностей*. Где она заключает в себе *экономическую* напряженность (eine ökonomische Spannung) между классами, там она, если оставить в стороне вопросы о государственной земле, в конце концов может быть сведена *почти* совершенно к противоположности: 1) землевладелец и деклассированный или же 2) предшествующая этому ступень — кредитор и *должник*. Должником при этом является, правда не исключительно, но главным образом, *крестьянин*, живущий у (vor) *города*. Противоположность *цехов* и знатных родов (Geschlechter) *первоначально* в самой высокой точке нашего Средневековья (XIII—XIV вв.), пожалуй, еще можно сравнить с борьбой внутри полиса в эпоху античного «средневековья»: лишение политических прав, финансово-политическое угнетение и стеснения в пользовании альмендой стоят на первом плане. Но не *крестьяне*, живущие у *города*, но живущие *внутри его* ремесленники составляют отборное войско оппозиции. А когда затем начинает давать себя знать капиталистическое развитие, то при возникающей теперь борьбе речь идет уже не просто о противоположностях *величины* владения или о простых отношениях кредитора и должника, как это было в античном мире. Но, чем яснее обозначаются специфически *экономические* несогласия, тем определеннее вырисовывается в древности никогда не встречавшаяся в *таком виде* противоположность:

купец и ремесленник. Античный крестьянин не хочет быть кабальным холопом (Schuldknecht) и вместе с этим *сельско-хозяйственной* рабочей силой живущего в городе владельца земельной и денежной *ренты*. Ремесленник городов позднего Средневековья не хочет стать кустарем (Hausindustrieller) и тем самым *промышленной* рабочей силой капиталиста-«предпринимателя». А после победы цехов выступает кроме того еще новый социальный контраст, которого древность не знала — контраст между «мастером» и «подмастерьем» («Geselle»). Античный барщинный рабочий (Fronarbeiter) на Востоке «бастует» с криком: «дай на наш (традиционный) хлеб». Античный *сельскохозяйственный* раб (Landskave) восстает, чтобы опять стать свободным; напротив, о восстаниях и борьбе античных *промышленных* рабов (Gewerbeskaven) мы ничего не слышим. Как раз промышленность была в античном мире благоприятна для положения раба: она, в противоположность сельскому хозяйству, предоставляла ему шансы выкупиться. Тем более для социальных требований свободных «ремесленных *подмастерьев*» здесь нет никакой почвы (см. выше), потому что здесь нет самих подмастерьев» (или же, где они и существовали*, они не составляли социально значимого *класса*).

Почти все античные *социальные* столкновения являются, и *ведь как раз в городах*-государствах, в конечном счете, борьбой за владение *землей* и за земельное *право*, — проблема, которая в этом виде и как специфически городская проблема в средние века совсем не существует, но по существу относится к конфликтам между *сидевшими на земле* классами — крестьянином и стоящими над ним *не-городскими* слоями, порой сеньорами (Grundherren), порой политическими властителями (politische Herren) — как они решались в полной превратностей, в большинстве случаев неудачой борьбе крестьян за свободу в Англии, Франции, Германии. Конечно, города нередко принимали участие в этих столкновениях, в Италии они низвергли феодализм, в Германии боролись с ним (в общем тщетно). Но только в отдельных, более

* Ибо, как сказано, их существования никоим образом нельзя безусловно оспаривать. Помощников аттических художников, изготовлявших вазы, которые впоследствии выступают как самостоятельные «мастера», можно, например, подвести под это понятие. Только мы не знаем, какую юридическую форму приняли эти отношения (заработной платы или организации на товарищеских началах).

крупных (итальянских) городах-государствах это была борьба *внутри* городской общины (Stadtgemeinschafft) или ее территории*. Борьба гоплитов древнего Запада против городской знати нашла, может быть, потому в средние века свою параллель разве только в борьбе швейцарских масс против феодального рыцарства и территориальных владельцев**.

В основе этого различия лежит одна из важнейших противоположностей античного и средневекового городского развития: различие в положении и характер *знати* (Adel) и *князей*. В то время, как развитие античного полиса начинается с *городской* монархии (Stadtkönigtum) и прежде всего влечет за собой вытеснение ее *городской* знатью, но затем политическую эмансипацию *сельского округа* (des Landes) и его господство над городом, на исходном пункте средневекового развития стоит знать *сидевших на земле* сеньоров (ein landsässiger Grundherrndel) и специфически *сельская* (spezifisch ländliches) королевская и княжеская власть, и средневековое городское развитие является эмансипацией *городских* граждан от сеньориальной (grundherrlicher) и публично-правовой зависимости от этих *не-городских* властей. Правда, и здесь не следует придавать этому противоречию абсолютного характера. Как раз крупные торговые города на южной границе городского развития средних веков, как Пиза, Венеция, Генуя, а также многие крупные французские и испанские города, в большой степени были и *стали* резиденциями знати в Италии, в конце концов, так, что в XVIII в. в Тоскане «citta» [город] от «borgo» [поселок] и «castello» [замок] отличали, кроме церковной квалификации (резиденция епископа или нет), по рангу знати, которая имела там свое местопребывание. И присяжные братства (die Eidver-

* И тогда — борьба между *горожанами* и знатью, а не между *крестьянами* и знатью.

** Борьба швейцарцев напоминает больше всего борьбу израильтян против филистимской городской знати (см. выше) и, по-видимому, также борьбу сабельских племен против Рима. Но разница во *втором* случае состоит в том, что крестьяне-гоплиты Рима, борясь против напавших горных племен за обладание их землей в равнинах, благодаря своей дисциплинированной и поэтому более высокой военной технике, отеснили, а в конце концов и совершенно разгромили самнитов, тогда как на исходе средних веков швейцарцы, наподобие спартанцев, был виртуозами пешей войны: ведь их аграрный строй был прямо рассчитан на наемничество (впрочем, известно, какую роль и *городские* бюргеры играли в борьбе швейцарцев).

brüderungen), с помощью которых была в таких городах — например, в Генуе с помощью «*compagna communis*» — узурпирована автономия города, могут, несмотря на все различия в своем социальном составе, очень напоминать синойкизм античных городов. По крайней мере, их можно с ними *сравнивать*: и в этих романских городах раннего Средневековья знать имеется в наличии и притом в руководящей роли. И, что связано с этим, экономический базис вновь возникающего городского патрициата этих городов в принципе родственен экономическому базису знатных родов (*Geschlechter*) античного полиса: заморская торговля, эпизодическая, в форме комменды (как на Древнем Востоке), сочетающаяся со значительным и, в результате доходов от торговли, растущим земельным владением.

Это последнее сходство в экономической структуре *городского патрициата* с патрициатом ранней эпохи присуще даже вообще городам Средневековья. Напротив, отношение к собственно *феодальным* властям у огромного большинства средневековых городов, особенно североевропейских и континентальных промышленных городов, и по способу их возникновения, и по характеру их позднейшего развития совершенно иное, чем у свободного полиса Древности. Это — последствие того, что городское развитие средних веков было введено в русло, правда, очень слабо связанных, но все же так или иначе связанных, больших *ленных государств*, было сконцессионировано и наделено привилегиями князьями и сеньорами (*Grundherren*), со всех сторон охвачено их территорией и даже там, где зависимость от них уже так была слаба, все же было связано в смысле меры и рода своего дальнейшего раскрытия, потому что ему всегда приходилось идти на компромиссы с ними. Как раз следствием этого является гораздо более определенно выраженный «бюргерский» их характер, имеющий своей основой достояние, приобретенное посредством монополизации промышленности и мелкой торговли, чем у городов, созданных на берегах Средиземного моря ведшим заморскую торговлю патрициатом. Они с самого начала очень сильно *отличаются* этим очень специфически «экономическим» характером от античного полиса классической эпохи, тогда как эллинистические города и города поздней античной эпохи как раз в этом к ним приближаются.

Широкая масса средневековых городов возникла путем поселения на территории князя или сеньора (Grundherr), который надеялся получать от этого земельные чинши, рыночные пошлины, судебные доходы, — прямое продолжение простых «рыночных» концессий, которые уже преследовали подобную же цель. Спекуляция при основании городов, как прежде при основании рынков, иногда терпела и неудачу. Если она удавалась, тогда уступленная сеньором территория населялась смесью свободных и несвободных поселенцев, которые получали усадебную землю, сад (Garten), пользование альмендой и право торговли (das Verkehrsrecht) на рынке города, скоро и торговые привилегии (Verkehrsprivilegien) — штапельное право (Stapel), право заповедной мили (Bannmeile) и т. д. Это поселение сразу или в течение короткого времени превращается в укрепление и мало-помалу приобретает, конечно, в каждом отдельном случае очень различную по величине, меру независимости по отношению к своему основателю, иногда полное освобождение от его власти, а иногда только экономическую и полицейскую автономию, в больших же городах, как общее правило, полную внутреннюю и, фактически, внешнюю автономию с сохранением прав на земельный чинш и судебных прав за сеньором, который, таким образом, остается заинтересованным в них и политически, но *главным образом* экономически (как получавший пошлины и чинши).

То, что городское гражданство все более и более *расширяло* свою автономию внутри государственных союзов до самого XV в., тогда как эллинистические и римские города все более и более *теряли* свою внутри монархических государств, имело свою причину в противоположности *структуры* государственных образований, в русло которых было введено и то и другое. Монархическое государство Древности есть *бюрократическое* государство (или становится им). В Египте, как мы видели, из царской клиентелы уже во II тысячелетии до Р. Х. выросло универсальное господство бюрократии. Это господство и теократия сообща подавили развитие на Востоке свободного полиса; Римская империя при монархии (см. выше) пошла тем же путем. На средневековом Западе превращение министериалитета в систему должностей идет параллельно с образованием территориальной власти, которая в сущности начинается с XIII в., в XVI в. окончательно укрепляется и *с тех пор*, уже с нача-

лом XV в., все более и более уничтожает автономию городов и вводит их в состав династического бюрократического государства. Но в течение всего раннего периода средних веков и в самый расцвет эпохи развивающемуся *городу* предоставлена была возможность развернуть свои основные особенности: он является в эту эпоху главным носителем не только денежного хозяйства, но, в связи с этим, и управления в силу *должностного* долга, и в то же время он со всех сторон окружен иерархией покоящихся на принципе лена и ленной службы властей, в которой (говоря вообще) нет места его бюргерам как таковым.

Это имеет важные последствия: в полисе, с его расчленением на филы, фратрии и несущие военную повинность, каждый в меру своего экономического положения, сословия, в котором милитаризм пронизывает решительно всё, военная повинность и право гражданства просто *тождественны*, и также решительно все — торговые монополии, шансы на спекуляции землей, наконец и прежде всего, *владение* землей — зависит от военного успеха в хронической войне одного города против, в конечном счете, всех других городов. Полис представляет собой в классический период самую *совершенную* военную организацию, какую только создала древность. Он основан *по существу* для военных целей, подобно тому как *масса средневековых* городов основана *по существу* для экономических целей. Аналогии с милитаризмом и беспощадной военной экспансией античного полиса можно найти в приморских городах Италии: безжалостное уничтожение Амальфи Пизой, обессиленье Пизы Генуей, борьба Генуи против Венеции по цели и средствам представляют собой совершенно «античную» городскую политику. Можно найти аналогии и внутри страны (in Binnenland): разрушение Фьезоле, покорение Аррецо, изматывание Сиены Флоренцией, а также и политика Ганзы⁹³ звучат с этим в унисон. Но в общем, в особенности на континентальной французско-немецкой территории и в Англии, военная хищническая политика как *городская* политика с самого начала не была возможна.

Средневековый город *не* представляет собой, как город в раннюю пору в древности, совершеннейшего военного организма: городá, расположенные внутри страны (Binnenlandstädte), в период рыцарского военного строя, в средневековую эпоху в собственном смысле, могут приобретать и от-

стаивать свою независимость и *общественный порядок* лишь для своих торговых интересов (*Verkehrsinteressen*), и то лишь в *союзе* друг с другом. Впервые эпоха кондотьеров и наемного войска дает даже в Италии преобладание их перед денежной силой *там, где* капитализм достаточно развит для того, чтобы дать для этого средства (даже борьба за независимость нидерландских городов *на суше* — не говоря о защите стен — велась всецело с помощью *наемных* войск, совершенно так же, как и территориальное расширение Флоренции). Город (внутри страны) при всем значении, какое должно было придаваться способности горожан нести военную повинность, все же с самого начала и, чем дальше, тем все *больше и больше*, носит «бюргерский» характер, сложившийся на почве мирного добывания средств к жизни *на рынке*. «Бюргер» в средние века с самого начала есть в гораздо более высокой мере «*homo oeconomicus*» [«человек экономический»], чем гражданин античного полиса хотел или мог быть. Прежде всего, что представляет самый резкий контраст с античным полисом, завоевание земли для вывода клерухий обычно находится совершенно вне поля его зрения уже просто потому, что в средневековом городе нет тех, кому они были бы нужны — деклассированных, лишенных (*beraubten*) своего земельного владения, впавших в неоплатные долги или ищущих для своих потомков земли *крестьян* в качестве движущего элемента городской политики; а городской *патрициат*, совершенно как и в древности часто мог помещать свои деньги в имения.

И даже для проникновения крестьян в глубину первобытных лесов и на восток в средние века совсем не имела места *завоевательная* территориальная экспансия для оккупации земли, наподобие того, какое бывало в древности, потому что движение это совершалось в рамках *феодальной* организации. Территориальная экспансия, здесь совершавшаяся, находилось теперь в руках сеньоров и владетелей территорий (*Grund-und Territorialherren*). Как цель политики (нормального) средневекового *города* «клерухия» была бы невозможна как в *военном смысле*, так и экономически, тогда как для античного полиса она является *нормальной*. Интерес средневекового бюргерства — кроме немногих городов, которые эксплуатировали *заморские* отношения для торговли и колонизации — был и остался направленным на *мирное* расширение — местного и межрегионального (*interlo-*

kalen) — сбыта *товаров*. Конечно, свои шансы на *очень* крупные доходы (как справедливо подчеркивает Зомбарт⁹⁴) во второй половине средних веков возникающий *капитализм* находил и теперь там, где ему попадали в руки государственные откупы (Генуя, Флоренция) или — что главное — покрытие финансовых нужд короля. Но *это* явление и все те фигуры, которые стоят с ним в связи — Аччяджоли, Барди, Медичи, Фуггеры⁹⁵ и т. д. — не представляют собой *ничего нового* по сравнению с древностью, которая, начиная с «денежных людей» Хаммурапи и заканчивая Крассом⁹⁶, также была вполне знакома с ними; *не здесь* и не в вопросе о способе накопления первых крупных денежных состояний заключена проблема происхождения *особенностей* (Eigenart) хозяйственного строя позднего Средневековья и Нового времени и, в конце концов, следовательно, *современного* капитализма. Но решающие вопросы связаны, с одной стороны, с развитием *рынка*: как развивался в средние века *покупатель* для впоследствии капиталистически организованной *промышленности*? — с другой — с направлением организации *производства*: как в своем стремлении к получению прибыли капитал нашел путь создания *таких* организаций «свободного» труда, каких древность *не* знала? Здесь не место рассматривать эти проблемы. К сказанному до сих пор еще следует прибавить лишь несколько замечаний о противоположности средневекового развития *античному*, поскольку в этом играют роль *аграрные* условия.

Медленный, но постоянный подъем экономического положения средневекового крестьянства, который заканчивается лишь с остановкой внутренней колонизации, в лесной области и в направлении к востоку, но который в средние века означал возникновение медленно расширявшегося *рынка* для городов — как, наоборот, развитие городов означало возникновение возможности сбыта для крестьянских продуктов — связан, как уже последние замечания позволяли предполагать, в конце концов, как и перед тем рассмотренное специфически «бюргерское» развитие средневековых городов в противоположность античным, с жизненными условиями, какие в это время представляла крестьянам континентальной Европы установившаяся *за пределами* городов *феодалная организация общества*. Представляется здесь уместным бросить взгляд на ее противоположность параллельным явлениям *Древности*.

Мы видели, какое большое значение имели *феодальные* элементы в течение всей древности. Мы видели всевластие религиозно окрашенных *клиентских* отношений в Египте, и при страшной силе религиозного элемента в повседневной жизни людей античного мира, где даже искусственное, чисто рациональное образование фил и т. п. сейчас же приобретало религиозную значительность, нельзя и для более поздней поры недооценивать живучести феодальных отношений верности (*Treueverhältnisse*). И *исходный* пункт феодального развития в обоих случаях один и тот же. В начале развития стоит в средние века, как и древности, *дружина* (*trugis*) областного князя (*des Gaufürsten*), которая потом опять появляется в большем масштабе, как дружина *короля*, здесь, как и в древности, часто рассматриваемая как чуждая стране (*landfremd*) или, во всяком случае, стоящая вне земского права (*Landrecht*), находящаяся под защитой принудительной власти короля. Здесь, как и там, мы находим зачатки королевского магазинного управления (*Magazinverwaltung*), снабжение войска из магазинов (*Capitulaire de villis*), мероприятия, направленные против дороговизны (*Teuerungspolitik*) и т. д. Здесь, как и там, наконец, из этой дружины — хотя при использовании и разных других, вне специально дружинных отношений лежащих правовых институтов — развивающаяся *рыцарская знать*, благодаря своему могуществу и невозможности без нее обойтись, все более и более связывает короля, делает его зависимым от себя, иногда низводит его до положения чисто выборного короля и получает господство над страной. Но как и король не есть городской король, так и знать не есть городская знать и ею — по крайней мере в континентальной области, в противоположность отчасти берегам Средиземного моря — в средние века не сделалась.

Также и *крупные поместья* (*die Grundherrschaften*). В древности, до императорской эпохи включительно, они составляют основу существования *городских* рантье. Это прежде всего просто потому, что то, что мы называем древностью, обнимает область *береговой культуры* (*Küstenkulturgebiet*): уже фессалийское крупное поместье (*Grundherrschaft*) носит, по видимому, ближе стоящий к средним векам характер, — собственно о территориях внутри материка мы узнаем кое-что впервые в эллинистическую и особенно в императорскую эпоху (см. ниже). В средние же века, напротив, центр

тяжести того исторического целого (historisches Kontinuum), которое продолжается от фараонов до нашей культуры, приходится на страны *внутри материка (Binnenland)*. Масса крупных поместий здесь составляет не пригородные, но настоящие *деревенские* образования, которые должны служить основой существования для постоянно живущих в *деревне* людей и их свиты (князей и свободных вассалов с их рыцарями-министериалами). Эту функцию крупные поместья отправляют вовсе не исключительно, а очень крупные — не всегда и преимущественно, в *натурально-хозяйственной* форме. Напротив, король, князья, крупные вассалы, все они и здесь хотят извлекать выгоды и из *обмена (Verkehr)*. Основание рынков и городов представляет собой, как уже было упомянуто, княжескую и сеньориальную спекуляцию на пошлыны и ренты (fürstliche und grundherrliche Gebühren — und Rentenspekulationen). Но знать и сеньоры (Grundherren) *не* являются *как таковые*, как это было в древности, городскими гражданами; напротив, они стремятся свои барские дворы (Hofengöfe) охранить от включения их в «свободную» общину города, изолируя их, и отнимать у городов право включать в свой состав «Ausbürger'ов». Сельские и городские круги интересов также стремятся *разъединиться*. То, что этого они далеко не вполне достигают, понятно; но они все же приближаются к этому в такой мере, в какой это нигде и никогда не было возможно в полисе Древнего мира, этом военном экзерцицплаце и постоянном лагере.

Также и внутреннее социальное расчленение феодальных слоев иное, чем в древности. Ленники (die Lehensträger) восточных князей, илоты, ойкеи, клиенты, прекарисы и колонны сеньоров (Grundherren) берегов Средиземного моря являются в эпоху античного рыцарства, как мы видели, мелкими людьми, которые в качестве обоза и, во всяком случае, легких пехотинцев сопровождают едущего в битву *на колеснице* единоборца. В эпоху *тяжеловооруженного* войска (Hoplitenheer) одетый в панцирь полный гоплит нуждается лишь в одном или *двух* людях (илоты, рабы) в качестве носильщиков и для услужения. Напротив, (вплоть до классической эпохи не знавшая стремени!) конница Древнего мира технически стоит низко до самой эпохи парфян⁹⁷. Напротив, ленное войско средних веков с самого начала является *конным* войском и остается им все это время, с постепенным усовершенствованием панцирей, вооружения и

дисциплины. Такие крестьянские κλῆροι, какие возделывали μάχοι и т. д. Востока или (вероятно!) клиенты в Риме, вообще такое угнетенное социальное положение, в какое попадают находящиеся в союзе античной клиентелы ленники, нельзя было поэтому предложить даже стоящим на самом низком конце ленной иерархии министериялам, если они вооруженные также должны были отправляться на войну. Их лен должен был всегда доставлять им «рыцарский» образ жизни. Все, что есть «крестьянин», остается под этим слоем, который по существу необходимо является как *слой рантье**.

И как раз то, что уже самый низший над крестьянином расположенный слой представляет собой сословие *рантье* (ein *Renterstand*), с сословными интересами, которые уже стали *далеки* от всего экономического, тогда как, с другой стороны, крестьяне сами все более и более становятся *не-военным* классом, определяет характер развития континентального крестьянства в эпоху раннего Средневековья. Это крестьянство совершало крупные территориальные завоевания, столь же крупные, как и те, какие совершало какое-нибудь античное войско гоплитов, но, как и средневековый город, завоевания по существу *мирные* и, кроме того, совершенные главным образом на службе у феодальных рантье. И корчевание леса, и заселение колонизированной земли восточной окраины были совершены под влиянием заинтересованности к *ренте* слоя *господ*. Так как для этого огромного дела «внутренней колонизации» рабы 1) количественно были бы недостаточны, 2) *пропитание* рабов вызвало бы более высокие (и *повышающиеся*) *издержки*, 3) так как — это решает дело — качественно рабский труд для создания крестьянских участков на «диком корню» или на песчаной почве восточной окраины нельзя было применить с выгодой, то это заселение означало мощную территориальную экспансию «свободных», т. е. здесь главным образом платящих определенные оброки крестьян; индивидуалистическое сквоттерское право германского «*bifanc'a*» (заимки) в первобытном лесу действовало как раз обратно оккупационному праву Рима на завоеванных территориях (где оно помогло создать *плантации*) и совершенно противоположно

* Я несколько упрощаю здесь в действительности гораздо более сложные отношения.

по необходимости бюрократически руководимому созданию новой земли с помощью сооружения *каналов* в восточных государствах ранней поры. Крестьянство средних веков до тех пор было все расширявшимся территориально и поднимавшимся классом, пока над ним стоял чисто феодальный, ищущий *рендт*, а не *дохода от торговли* сеньориальный слой (Hengenschicht) чисто *ленного* государства. Громоздкость (die Wucht) натурального хозяйства на слишком огромных для тогдашних средств сообщения внутренних территориях задержала темп развития сбыта на *далекое расстояние* для сельскохозяйственных продуктов на низком уровне достаточно долго для того, чтобы дать крестьянскому хозяйству время завоевать Центральную Европу. К концу средних веков *вотчинный* (grundhegliche), но (нормально!) главным образом только *традиционными* оброками обложенный крестьянин является типом сельского хозяина; ближайший город есть его нормальный рынок; сам он, так как город по возможности монополизировал для себя промышленность, а «Störer'ов» и занимающихся в деревне промышленностью уничтожил, есть нормальный, но верный покупатель массы продуктов городской промышленности. *Ленное* войско и *ленное* государство помогли создать чисто экономически расширявшегося территориально крестьянина (den rein oekonomisch expansiven Bauer) и чисто экономически расширявшийся территориально город (die rein oekonomisch expansiven Stadt) средних веков.

С *этим* положением вещей связаны успехи современного *капитализма* как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Конечно, он при этом разрушал данное соотношение. Но все же невозможно было бы недооценивать значения этих тысячами сцеплений связанными друг с другом правами, привилегиями, общинными образованиями, правами принуждения, штапельными правами, заповедными правами, рыночными правами и т. д., прежде всего традиционными или таможенными уложениями *цен* созданных основных условий оборота для развития капитализма. Они являются для него не только *помехой* в его стремлении к прибыли, но и *опорой* его коммерческого *расчета* (seines Kalküls), который уже не должен был строиться на зыбучем песке восточного торга (Feilschen). Ибо во всяком случае тысячи нитей связанная средневековая организация оборота благ, какая могла развиваться внутри теократически-фео-

дальней оболочке тогдашнего мира, является одной из основных частей доступного коммерческому расчету (Kalkül) товарного рынка, как входящий в эту организацию слой *свободных* крестьянско-мелкобюргерских существований представлял тот широкий, *относительно* устойчивый круг *покупателей*, в котором нуждался для своих товаров современный капитализм.

Противоположность, которая обнаруживается между развитием бюргерства и крестьянского хозяйства на средневековом Западе и в древности, обусловлена, таким образом, *прежде всего переменной географической сцены, во-вторых*, связанным самыми различными причинными рядами с этим *военным* развитием средних веков, несходным с древним. В то время, как рыцарское войско в средние века сделало необходимым феодальный общественный строй, а его разрушение войском ландскнехтов, а затем (с Морица Оранского⁹⁸) дисциплинированным современным войском привело к победе современного государственного порядка, Древность пережила два крупных военно-технических переворота: появление *коня*, с Востока (не то из Ирана, не то из Турана⁹⁹), создало (как и в средние века) бург, восточное завоевательное государство и рыцарское общество на берегах Средиземного моря. *Железо**, т. е. колющее холодное оружие, идущая по правилам рукопашная битва одетых в панцирь бюргеров, создало войско крупных крестьян и мелких бюргеров и с тем вместе античный «полис бюргеров» («Bürgerpolis»). Все дальнейшее затем обусловлено аренной, на которой он стал действовать. Ибо полис был воинствен, завоевателен, искал торговых монополий и платящих подати поданных, но в то же время и земли для обеспечения потомства гоплитов и случая увеличить ренты мелких бюргеров, где только представлялись ему шансы для этого; таким он был с самого начала, и таким он всегда и везде оставался, где только его территориальное расширение не встречало помехи в превосходившей его политической силе.

Экономика и техника хозяйства, напротив, за все время от Рамессидов и Ашшурбанипала, если исключить изобретение *монеты*, сделала в древности, очевидно, относительно незначительные успехи. Насколько много (или насколько

* Собственно говоря, железо было в употреблении с доисторических времен. Но железное *оружие* получает преобладание впервые в «послегерманскую» эпоху.

мало) нового создала в области *техники* та эпоха Древности, которая лежит в свете истории, можно будет решить лишь тогда, когда появится соответствующая нынешнему состоянию источников *промышленная* история Египта и Месопотамии (для *техники*, главным образом, история Египта). Весьма возможно, что тогда Восток — который был отцом всех форм *торговли* (Вавилон), господствовавших до конца нашего Средневековья, затем поместных дворов (Fronhöfe) (Египет), несвободной работы на дому (Heimarbeit) (Египет), системы литургий (Египет), бюрократии (Египет), монастырских и иных церковных организаций (Египет, Иудея) — окажется и создателем огромного большинства всего того *технически* нового, что было создано в области *промышленности* до конца средних веков. В области *сельскохозяйственной* техники в течение древней эпохи следует отметить некоторые преобразования, которые послужили *увеличению* поверхности, возделываемой с помощью данного количества труда в данное время, следовательно, к сбережению труда (лучшие орудия для работы по молотье, пахоте, уборке урожая — эти два последние, что характерно, лишь по окончании классической эпохи и во *внутренних* северных *областях*). В промышленности, если не считать, что само собой разумеется, военных машин и близких к ним подъемных приспособлений и т. п., главным образом, при *общественных* работах применяемых орудий, прогресс, поскольку его можно заметить, есть главным образом прогресс *специализации отдельного* работника, не служащий вовсе или в значительной мере *соединению* труда. То же мы видим и в области *экономики* промышленности. И тому и другому не приходится удивляться, принимая во внимание характер как внутреннего расчленения античной промышленности, так и коммерческого интереса (Verkehrsinteressen), который преследовало рабовладение.

На почве средневековой торговой и промышленной организации, отчасти *рядом* с ней, отчасти в ее рамках, но всегда, несмотря ни на какую борьбу против цехов, пользуясь созданными ими путями и правовыми формами, современный капитализм создал себе условия для своего роста. Из господствовавшей в торговле со времен Хаммурапи до XIII в. включительно комменды он создал командитное товарищество (зачатки его в древности — что характерно — только в обществах, организовавшихся на почве *государственно-*

го откупа). Существовавшая в древности только в грубых артелеобразных формах солидарность пайщиков приняла уже очень тонкие формы права в торговых и промышленных обществах позднего Средневековья: отдельного имущества, фирмы (Firma) и т. д. Теперь возникают правовые формы для прочного капиталистического торгового и промышленного *предприятия*, тогда как древность, во всяком случае в чисто *частном* обороте, оставалась при тех правовых нормах, которые сложились на почве *спорадического* (diskontinuierliche) *случайного помещения* капитала*. В средние века капитал, лишь только он захватывает область *промышленного* производства, тотчас же начинает производить *синтез* мелких ремесленных хозяйств. От организации сбыта и затем доставки сырья он безостановочно идет внутрь производственного процесса и постепенно сочетает соответствующие рационализирования техники, искусственные, все более и более отделяющиеся от семьи производственные единицы (Betriebseinheiten), все увеличивающиеся в размере и — говоря вообще — со все увеличивающимся благодаря разложению и соединению труда внутренним расчленением.

В древности мы ничего подобного не замечаем в области чисто частных производств**. Мы видели, что скопление дюжин, даже тысяч рабов в одном *состоянии* (Vermögen), даже там, где рабы принадлежат к *одной и той же* промышленной *отрасли*, не создавало «*крупного* производства» («Grossbetrieb») в экономическом смысле, так же, как теперь помещение состояния в акции разных пивных заводов не означает создания нового пивного завода***. Ибо о *помещении имущества* шла речь и там, как мы видели: экономика и техника производства этим совсем не была затронута; рабы

* Конечно, этим я вовсе *не* хочу сказать, что в античной торговле вообще *только* такая прерываемая (diskontinuierliche) эксплуатация капитала была налицо. Но она является «специфической особенностью» («das Spezifische»).

** И это, как уже не раз подчеркивалось, надо понимать а *potiori*; роль (die Leistung) капитализма древности не в этом. Буквально без всякого «разделения труда» не могла вестись весьма значительная часть в древности известной промышленности.

*** Когда аттическая ваза носит на себе уверение ее творца, что «он ее сделал, как NN (его «конкурент») никогда бы не приготовил», то я предоставляю собственной проницательности (экономически не *вышколенных*) высказать *глубочайшие* различия, которые отделяют эти приемы действий по *смыслу, средствам, эффекту* от *современной* «конкуренции» и «рекламы», под понятие которой они подходят.

остаются тем, чем они были: *мелкими* ремесленниками, которых эксплуатирует состоятельный человек как источник *ренды* или — это максимум *приближения* к капиталистическому «крупному производству» — импортер (Демосфен) как орудия для переработки своего сырья. Мы видели, как *непрочны* (*labil*) при малом значении «постоянного капитала» были такие скопления, как всецело судьба «производства» («*Betrieb*») зависит от судьбы имущества, и в заключение следует прибавить еще одно: когда мы в заключающемся в рабах имуществе Древности наталкиваемся на скопления совершенно разнородных ремесленников (Тимарх), то это в такой же малой мере случайность, как и то, когда мы в составе ценных бумаг современного имущества находим крайне разнородные, в своих шансах на проценты находящиеся в совсем противоположных условиях акции. Подобное же помещение имущества в по возможности *разнородные* бумаги есть, как всякий знает, требование осторожности; но совершенно то же применимо в древности к помещению имущества в рабов, поскольку речь не идет о рабочих для такой абсолютно устойчивой (*stetige*) промышленности, как добывание драгоценных металлов (Никий), или об эксплуатации купеческого имущества в собственном смысле (Демосфен). В иных случаях было прямо требованием осторожности покупать *разнородных* ремесленников, — страхование от потери, какое мы находим в области рент с найма домов в участии *одного и того же* человека во владении долями по возможности большего числа различных домов. А из этого следует: интересы «капитализма» в области промышленности в древности, так как это был *рентный* капитализм (*Rentenkapitalismus*), в известном смысле были прямо направлены *против* создания «крупных производств» («*Grossbetrieb*»), которые создают специально *один* какой-нибудь продукт. К тому же *сбыт* продуктов промышленности, по крайней мере *сбыт внешний*, слишком имел характер *случайного* сбыта, который зависел от бесчисленных политических перипетий и прежде всего от редко в конце средних веков в такой мере встречающихся подобного рода колебаний в цене хлеба (см. выше); место, которое у *массы* — ее потребности как раз и покрывает *современный* капитализм — оставляли расходы на абсолютно необходимое, ее покупательная способность по отношению к продуктам промышленности, было в древности так узко и непрочно (*labil*), что

на этом непрочном базисе не могла существовать социально сильная цеховая промышленность, а еще меньше крупные «кустарные промыслы» (Hausindustrie) или «фабрики».

После этих по необходимости — для того, чтобы существующие без сомнения различия выступили вперед — несколько резко сформулированных разъяснений нельзя уже, конечно, оспаривать того, что промышленные производства древности кое-где могли обозначать известное *приближение* к рациональному «крупному производству» («Grossbetrieb»); это была бы благодарная тема для особого исследования. Но *характерным* для древности является как раз противоположное развитие, которое не *приближается* к современному промышленному капитализму, а *отдаляется* от него. Весьма характерным является по существу и тот факт, что стремление капитала к получению дохода (Verwertungstreben) в древности наталкивалось на *рабский* труд, который тормозил это развитие. Что в средние века *это* было иначе, зависело, помимо чисто исторических причин, главным образом от перемещения *географической сцены* капиталистического развития. Климатом обусловленное, совершенно иное развитие *потребностей**, вызванная климатом *связанность с домом* северных людей в течение длительных периодов в году в противоположность склонности проводить время вне дома, «ἀγοράζειν» [«ходить на рынок»], свойственной античному человеку (которой соответствует жизнь в кафе нынешних испанцев и итальянцев), различия «темперамента», объясняемые — без всяких «расовых» гипотез** — уже прямо из для каждой новой генерации заново данных климатических условий жизни, прежде всего многочисленные центры оборота внутри страны с их исключаящим всякие скачки постоянным расширением потребления и производства, — все это *новые* условия, в которые вклились технические традиции древности, и с ними должно было считаться вновь пробуждавшееся стремление капитала к прибыли.

Не только применение рабского труда вследствие более высоких расходов на его содержание было само по себе убы-

* Взвесим только, что — сравнительно с феллахом — рабочему в нашем климате *нужно чисто физиологически*, в качестве абсолютного минимума, чтобы быть в состоянии постоянно *сидя работать*.

** Гипотезы, которые, впрочем, этим вовсе не должны быть исключены как *вообще* не идущие в расчет в научно отношении.

точно на севере, но описанная выше *военная* структура Средневековья исключает возможность для местопребывания промышленности, для *городов*, войн для добывания рабов на манер полисов Древности; военные же распри (die Fehden) рыцарства континентальных стран давали в качестве военного приза перемену *сеньора* оброчных крестьян, расширение собственного земельного и территориального верховенства за счет другого, но не увод людей, как это было в *морских* хищнических войнах античной береговой культуры. Рабство с ростом культуры внутренних стран (des Binnenlandes), по крайней мере относительно, шло на убыль, тогда как развитие «свободного» труда извлекало выгоды из всех перечисленных выше моментов (более близкое обоснование этого завело бы нас слишком далеко).

Наконец, в то время, как в военных столкновениях полисов Древности до конца Римской республики *каждая* война в принципе означала насильственное уничтожение всех владельческих отношений, гигантские конфискации и новые поселения, и полис в этом отношении, таким образом, заостренел на времени германского переселения народов, — средние века, несмотря на всю свою страсть к раздорам (Fehdelust), а тем более начинавшееся Новое время все же были эпохой «замиренной» общины народов («befriedete» Völkergemeinschaft), если ее мерить античным, пожалуй, и эллинистическим масштабом*. Конечно, современный капитализм в средние века и в Новое время — как уже было упомянуто выше — самый большой свой доход извлекал из «военных потребностей» («Kriegersbedarf»). Но то, что было *новым*, именно капиталистическая организация производства продуктов *промышленности*, покоилась на том «замирении», которое при всех политических перипетиях все же обеспечивало непрерывность экономического развития, и в котором, наряду с большими ленными государствами, прежде всего участвовала общая для всех *церковь*. В древности, напротив, уже *основание* полиса являлось мотивированным военно-политическими причинами актом, и его дальнейшее развитие также зависело от военных обстоятельств, и поэтому капитализм *жил* там, в конечном счете, только политиче-

* Не в смысле, конечно, количественного уменьшения военной деятельности, но в смысле (относительного) увеличения «замирения» носителей частной приобретательской деятельности, в частности городов и бюргерства.

скими условиями (vom Politischen), он был, так сказать, не прямо экономическим: политический подъем и упадок полиса с его варьирующимися шансами на государственные откупы, на захват людей и (особенно в Риме) земли был его элементом. Когда в эпоху эллинизма и в эпоху Римской империи вселенная была *замирена*, тогда и на почве античного города, который стал теперь в большей мере носителем исключительно экономических интересов, сильно развились до тех пор лишь в зачатках существовавшие профессиональные союзы торговцев и ремесленников. Их, использованных позднеантичным государством для своих целей, можно проследить до первых зачатков средневековых цехов. Но для античного *капитализма* пробил смертный час: мир и монархическое государство, переход от береговой культуры к культуре внутренних стран (Binnenkultur) *задавили* его, где только он существовал, вместо того, чтобы, как можно было бы думать à priori, лишь способствовать его расцвету. Но этот переход к миру и к культуре внутренних стран окончательно осуществила *римская императорская эпоха*.

II

Империя принесла, предварительно при Тиберии, окончательно с Адриана, мир, прекращение войн, которые велись для захвата земли и людей, и в то же время включение в состав государства больших континентальных пространств — Галлии, рейнских и дунайских стран, Иллирии, а также (до старой провинции Македонии) всей внутренней части Балканского полуострова. Мир означал постепенное прекращение подвоза рабов: для расточения человеческого материала, какое должны были, по идеалу Варрона, производить плантации и в каком нуждались рудники, спекулятивное разведение рабов и мирная торговля рабами были недостаточны. Цена рабов сначала быстро *поднялась* — так как снабжение рынка было недостаточно — в позднюю эпоху империи она, наоборот, стоит на чрезвычайно *низком уровне*, потому что в течение этого промежутка времени спрос на рабов, благодаря преобразованиям, которым подвергалась хозяйственная организация, сильно упал. Раньше я несколько излишне высоко оценивал эти условия рабского рынка, но его не следует оценивать и

слишком низко. Исчезновение рабских казарм, восстановление семейной жизни рабов, вместе с этим замирание (das Schrumpfen) *капитализма* в крупном сельскохозяйственном производстве есть факт, который *также* стоит в связи и, наверное, в сильной мере (источники дают возможность признать нужду в людях*) с этими изменениями. Крупные владения на гигантских пространствах континентальных стран севера со слабым оборотом и без того не могли эксплуатироваться по образцу карфагенско-римских плантаций. Уже Тацит (или тот, у кого он заимствовал свои сведения) видел, вероятно, у князей убиев¹⁰⁰ на рейнской границе крупное поместье с натуральными рентами, какое потом стало господствовать в эпоху франков, и противопоставляет его римским рабским казармам и военной организации их работ.

Римская вилла (villa) с ее все же высокой культурой начала медленно проникать на север, в конце концов до границ Шотландии. Эта вилла покоится при этом — и это мы имеем возможность узнать из источников — на все расширявшейся основе, и она должна это делать, потому что то, что становится необходимым для «господского» («herrschaftliche») существования, требует все большего и большего пространства. Процесс увеличения крупных земельных владений, который уже происходил в эпоху республики, развивается дальше, и с ним вместе совершается постепенный разрыв их связи с рынком, который становится все менее и менее необходимым для покрытия их потребностей, — процесс, о котором еще будет речь в статье «Колонат». Монархия стремится насильно синойкизировать посессоров, встречая, как это мы узнаем из источников, все более и более сильное противодействие с их стороны. Бегство из городов побеждает. Аристократия становится в основном сельской (landsässig), а это значит: подготавливаются средние века, значение городов падает как социально, так и экономически. *Абсолютно* обмен продуктов приблизительно за три с половиной столетия от Гракхов до Каракаллы¹⁰¹ на территории в императорскую эпоху охватываемого римским государством orbis terrarum, без сомнения, очень сильно увеличился. *Относительно*, если сопоставить его обороты с размером *вовлеченных* в круг специфически античной культуры, в качестве граждан или подданных, областей и людей, этого быть не могло. Ибо круг этот гигантски рас-

ширился. Античная культура из береговой культуры (Küstenkultur) начала становиться культурой континентальной (Binnenlandkultur), и, если судить по масштабу данных средств оборота, это *должно* было означать *относительное* уменьшение *интенсивности* оборота.

В береговых областях содержание и одежда рабов в крупных ойкосах всецело или отчасти покрывались на *рынке*. Рабы или колонны possessора континентальной области живут, собственно говоря, натурально-хозяйственным способом: только тонкий слой господ имеет здесь потребности, которые дают повод к покупке и покрываются продажей излишков поместья. Этот оборот есть тонкая нитяная сеть (Fadennetz) поверх натурально-хозяйственной основы. С другой стороны, в крупных столицах массы обеспечивает не частный оборот, но государственная аннопа. Это развитие, конечно, вовсе не исключает абсолютного увеличения заселения и занятия под обработку почвы во вновь присоединяемых континентальных областях: нет ничего более достоверного, как то, что то и другое в большой степени имело место. Но как раз это *повышало* влияние культурного сдвига. Характер континентальной культуры обнаруживает себя самым решительным образом в двух явлениях: в разоружении полиса, в окончательном упразднении его самостоятельной политики, но вместе с тем и всех *капиталистических* интересов и шансов на прибыль, которые были связаны с ней, и в выступлении вперед *сословия* континентальных *крупных землевладельцев* и их интересов в имперской политике.

Это последнее обстоятельство имело важные, также чисто политические последствия. Уменьшение наступательной силы римского войска, как оно с полной очевидностью сказывается в рассредоточении замкнутых военных организмов по всей широкой северной границе, во всяком случае *также* имеет свою причину в усилении *культурного* сословия провинциальных *сельских* (landsässingen) possessоров, которые требовали от войска прежде всего *защиты* и охраны их владения, следовательно, выполнения задач *оборонительных*.

С этим связан *монархический* характер государства, который влечет за собой все типические последствия монархий древности. Союз италийских городов в свое время с помощью своего гражданского ополчения разгромил кельтов —

силы которых превышали силы готов и вандалов (около 15 000—20 000 воинов у тех и у других) — и во время войны с Ганнибалом сокрушил такую военную силу, для которой одолеть так называемое «переселение народов» было бы совершеннейшим пустяком. Но — совершенно независимо от вопроса о том, давало ли бы еще возможность *социальное* расслоение общества императорской эпохи основывать военную повинность на *самоэкипировании* гражданского (в античном полисе это значило: *крестьянского*) ополчения — такие, каждый раз *ad hoc* создаваемые гражданские ополчения были неспособны брать на себя постоянную обязанность защищать границу страны, проходящую в виде кривой линии через всю Европу, как того требовали интересы континентальных possessоров и арендаторов доменов. Это могло сделать лишь постоянное и, следовательно, соответственно условиям древности, профессиональное войско. И с этими интересами теперь приобщенного к культуре материка здесь, как и везде, совпали *династические* интересы монарха. Династическое профессиональное войско и династическая бюрократия вступили теперь, по эллинистически-египетскому образцу, на место совершенно недостаточного для мирового государств, но характерного для полиса управления, и было лишь последовательным заключительным звеном развития, когда монархическое государство с перенесением резиденции на Восток открыто признало себя наследником *эллинизма*.

Конечно, Август¹⁰² и все выдающиеся фигуры первых двух столетий были императорами римлян, осторожными в распространении права гражданства, в особенности на Восток, и заботящимися о сохранении привилегий римлян. Но, чтобы с своей стороны приобрести господство над господствующей нацией, они постепенно обезоружили ее, как это достаточно ясно показывают данные о родине ветеранов, заключающиеся в военных дипломах. Таким образом, было возможно, что с помощью простого *coup d'état* (*Staatsstreich*) [государственный переворот], без всякого шума и сопротивления, господство римлян при Северах¹⁰³ было *сломлено*, и какое-нибудь лишенное всякой культурной традиции племя как иллирийцы, сменяясь людьми Востока, захватывало власть над империей. Удаление римских родов с мест офицеров и чиновников, исчезновение старой прочной административной *традиции* римской знати (а не «расо-

вые» влияния, для которых также здесь нет сколько-нибудь осязаемого доказательства) должно было потрясти государство в его устоях и, действительно, благодаря (как доказал Домашевский) до безумных размеров повысившихся донативам, которые раздавали всемогущему войску, последовало государственное банкротство, с ним вместе целые поколения длившееся разрушение античного денежного хозяйства (позднейшие постановления о «находке клада» («Schatzfund») показывают, где здесь, как и везде в подобных случаях, оставались наличные денежные средства) и распадение государства, которое было затем опять сплочено на совершенно новом базисе. И римская монархия стала теперь *опиравшимся на литургии государством* (Leiturgiestaat) по эллинистически-египетскому образцу.

Зачатки этого восходят далеко вглубь второго столетия. Сословное расслоение, предпринятое императорской эпохой, от в самой высокой мере привилегированного сословия сенаторов до сложившейся на почве своего рода культа придворных поставщиков (Hoflieferantenkult) (augustales) буржуазии вольноотпущенников мелких городов, а также строй декурионата, организация экстерриториальных доменов и крупных поместий (Grundherrschaften) (см. статью «Колонат») образовали социальную основу для распространения при Каракалле права гражданства на все эти привилегированные слои государства, которым противостояли обязанные платить поголовную подать λαοί, plebs, coloni, tributarii. Эти освобожденные от «sordida munera» [«грязные дары»] простого человека слои «possessores», землевладельцев (Grundherren) составляют теперь и официально, так сказать, «непосредственно подчиненных государству» подданных («reichsunmittelbaren» Untertanen). Уже это состояние общества — дальнейшее развитие положения подданных при республике — носит эллинистический отпечаток, безотносительно к тому, что в этом следует считать прямым заимствованием: условия античной монархии несли с собой эти социальные образования. Способ обеспечения войска провиантом и обеспечения земель легионов, которые теперь превращаются в фактически наследственное сословие женатых, несущих пограничную службу людей (verheirateter Grenzer), несомненно, заимствован с Востока, в частности из Египта, не говоря уже, конечно, о монополиях, государственных мастерских, принудительных цехах, солидарности декурионов в отно-

шении к уплате податей и о всех других литургиях, которые крепкой сетью опутывают отдельного человека и прикрепляют его к его функции.

Этой сетью античное государство медленно, но верно, задушило и *капитализм*. Ибо как это, однако, произошло, что по крайней мере первые два века императорской эпохи, а после восстановления порядка и мира IV столетие, периоды (относительно) глубокого мира, каких не знала вся «классическая» эпоха Древности, не были эпохами расцвета капиталистического хозяйства? Рост *денежного* хозяйства, по крайней мере до эпохи Марка Аврелия включительно, не подлежит сомнению; но ведь «денежное хозяйство» не то же самое, что «капитализм». Крупные *земельные* владения (*Grundherrschaften*) возникают и растут; с другой стороны, мелкие торговцы и мелкие ремесленники Востока в течение всей императорской эпохи, а также и в последний ее период, проникают на Запад (здесь они являются носителями христианства). Но об успехах *капиталистической* хозяйственной организации мы ничего не слышим ни в торговле, ни в сельском хозяйстве, ни, тем более, в промышленности. Напротив, «царские купцы» первого периода императорской эпохи, которые торговали на севере, исчезают, выступает вперед мелкий торговый люд, пошлины с оборота в эпоху великого развала в III в. иссякают до того, что (как доказывает Домашевский) даже взимавшие их чиновники упраздняются. И состояние вялости, опускание вниз идет уже со времени Марка Аврелия, как это становится вероятным по данным папирусов. Древность переживала ведь и более суровые военные времена, чем период смут III столетия; почему же она не оправилась от него?

Потому что капитализм древности стоял на *политическом* якоре, зависел от *частной* эксплуатации политической власти (*politischer Herrschaftsverhältnisse*) в расширявшемся территориально городе-государстве, а с исчезновением этого источника образования капитала и это последнее прекращалось. Первым делом императоров было упорядочивание *налогов* и ограничение произвола государственных откупщиков. Как и птолемаевское правительство (см. выше) они на первых порах не могли обойтись без капитала и деловой опытности государственного откупщика. Но, понятно, чем больше их собственная бюрократия приобретала требуемую сноровку, тем меньше они видели оснований к

тому, чтобы без нужды оставлять государственному откупщику частную прибыль, шли по пути «огосударствления» дела взимания все дальше и дальше, и — как это показали Домашевский и Ростовцев — государственный откупщик кончает тем, что превращается в государственного чиновника. Охраной своих подданных, с одной стороны, замирением мира — с другой, империя привела капитализм в состояние умирания.

Истощение рынка рабов, исчезновение всех тех шансов, какие представляла борьба между полисами, исчезновение насильственного монополизирования торговых путей отдельными полисами, прекращение вообще частной эксплуатации доменов и подданных, все это означало для капитализма Древности, отнятие у него питавшей его почвы. Что в диоклетиановском, опиравшемся на литургии государстве капитализм древности тем более не нашел архимедовой точки опоры, на которой могло бы укрепить свой якорь его стремление к прибыли, само собой понятно. Бюрократический порядок убивал как всякую политическую инициативу подданных, так и экономическую, для которой не было соответствующих шансов. Всякий капитализм превращает «имущество» (Vermögen) имущих слоев в «капитал»: империя изъясла из обращения «капитал» и, подобно государству Птолемея, опиралась на «имущество» владеющих слоев. Свсим владением (Besitz), не более, чем в античном полисе копьем и панцирем, должны были служить ей теперь имущие классы, отвечавшие за ее доходы и за удовлетворение ее государственных потребностей. Для того чтобы на место этой прямой эксплуатации зажиточных подданных в форме опирающегося на литургии государства (Leituriestaat) заступила непрямая, в форме союза между монархией и капиталом, какой мы наблюдаем в меркантилистическом государстве, для этого нужно было развитие промышленного капитализма и пример частного капиталистического богатства Нидерландов и Англии.

Угнетение частной экономической инициативы бюрократией не есть специфическая особенность античного мира.

Всякая бюрократия имеет тенденцию путем расширения своей сферы достигать такого же действия. Также и наша. И в то время, как в древности политика полиса должна была составлять «ускоряющее колесо» («Schrittmacher»)

для капитализма, в настоящее время капитализм является ускоряющим колесом *бюрократизирования хозяйства*. Если мы вспомним об угле, железе и всех горных продуктах, о всех отраслях металлургической индустрии, далее о спирте, сахаре, табаке, спичках и по возможности о всех, в настоящее время в высокой степени картелированных массовых продуктах, взятых в государственные или *de facto* государством контролируемые производства; о владении домами и о фидеикомиссах и государством контролируемых платящих ренту поместьях, все умножающихся; о проекте «Каница», проведенном со всеми своими последствиями, для надобностей войска и государственных чиновников государством руководимых мастерских и потребительных обществах; о внутреннем судоходстве, тянущемся на буксире у государства; о морском судоходстве, находящемся под контролем государства; о всех взятых в казну железных дорогах и т. д.; к этому еще о ввозе хлопчатой бумаги, регулируемом государственными договорами и руководимом государством, и обо всех этих производствах, ведущихся в бюрократическом порядке; о «контролируемых» государством синдикатах и обо всем прочем, регулируемом цеховым способом, посредством бесчисленных академического и иного рода удостоверений правоспособности, об обобщенном типе «*gentier paisible*» [«мирный рантье»], то, при милитаристически-династическом режиме, мы получим состояние эпохи позднейшей империи, только на технически более совершенной основе. Из качеств своих предков эпохи городских союзов современный немецкий «бюргер» имеет, в конце концов, не очень многим больше, чем афинянин эпохи цезарей из качеств участников битвы при Марафоне¹⁰⁴. «Порядок» — его знамя, — в большинстве случаев, даже если он «социал-демократ». Бюрократизация общества у нас по всей видимости *когда-нибудь* также одолеет капитализм, как и в древности. И у нас тогда на место «анархии производства» наступит тот «порядок», который, в принципе сходный, отличает римскую императорскую эпоху и, еще больше, Новое царство в Египте и владычество Птолемеев. И ведь не думают только о том, что служба в бюрократически снабженном военными машинами, одетом, содержимом, вымуштрованном, командуемом казарменном войске может представить «противовес», и что вообще современ-

ная военная принудительная работа в *династических* государствах имеет внутреннее родство с гражданской боеспособностью далекого прошлого.

Но эти перспективы сюда не относятся. Континуум (das Kontinuum) средиземноморского европейского культурного развития не знал *до сих пор* ни замкнутых «круговых движений», ни однозначно ориентированного «прямолинейного» развития. На время совершенно потонувшие явления античной культуры впоследствии опять всплывают в им чуждом мире. С другой стороны, как города поздней античной эпохи, в частности эпохи эллинизма, в области промышленности, так позднеантичные *поместья* (Grundherrschaften) в аграрной области были *подготовительными ступенями* средних веков. Что это действительно было так, и в каком смысле, должно быть выяснено в другом месте (ср. статью «Колонат»).

III

Литература

В качестве текущей библиографии и для надобностей изучения источников для всей древности следует иметь в виду «Jahresberichte der Geschichtswissenschaft», для эллино-римско-эллинистической древности «Jahresberichte der klassischen Altertumswissenschaften» (более подробные, в своем роде образцовые; конечно, отделы, в которых трактуются отдельные области, в частности, в большинстве случаев совместно с политической историей трактуются экономические вопросы, достаточно велики и недостаточно определены по своему содержанию; вообще эта последняя сторона несколько отстает назад). Кроме того следует упомянуть журналы, между ними в особенности библиографии «Historische Zeitschrift» и статьи и отчеты о книгах в «Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte». Большинство собственных и зарубежных журналов по социальным наукам иногда *случайно* дают важные статьи и рецензии, равно как и этнографические, археологические журналы (например, «Revue archéologique» и журналы по сравнительному правоведению, например, колеровские). Специально древность, и притом *вся* древность, охватывается *периодическими* публикациями по определенной программе: *Klio*. «Beiträge zur alten Geschichte» (с дополнительными выпусками), где можно най-

ти много в высочайшей степени ценных социально-исторических статей, использованных в предшествующем изложении. Из общих изложений: большой до сих пор не доведенный до конца труд по национально-эллинской истории Э. Мейера (E. Meyer) «Geschichte des Altertums» в 5-ти томах, с каждым следующим томом становящийся для социальной истории все богаче; первый выпуск второго издания, только что вышедший из печати, содержит, наряду с в высочайшей степени ценным, и несколько общих соображений, как кажется, спорного характера; для «первобытной истории» («Prähistorie») государства и влияния *государственного* в истории, если бы ясный реализм его суждений в тех случаях, когда он вступает на почву фактов, не стоял слишком прочно, следует, после его статьи в Известиях Берлинской Академии за 1907 г., считаться с возможностью нарушения непредвзятости его исторического взгляда штаммлеровской *юридической схоластикой*, которая для историка несет с собою совершенно такую же опасность, как и натуралистический или экономический схематизм понятий. Для общих соображений, высказанных во Введении, ср. для точки зрения Э. Мейера его статьи об «Экономическом развитии древнего мира» и о «Рабстве в древности», полемику с ним Бюхера в его книге «Возникновение народного хозяйства», затем в статье «Zur griechischen Wirtschaftsgeschichte» (в сборнике в честь Шеффле) и в его статье о диоклетиановском эдикте в 50-м томе *Zeitschrift für Staatswissenschaft*, более коротко в его статье «Gewerbe» («Промышленность») в этом словаре; далее, специально о рабстве: *Cicotti*. «Tramonto della schiavita nel mondo antico», применение точки зрения Cairnes'a (в его «Slave power») к античным отношениям, которое (несмотря на известную неясность и неотчетливость), несомненно, имеет значительную цену, и *A. Loria* в 4-м томе *Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte* (к этому ср. статью «Колонат»). Важные работы Вилькена, Ростовцева, между прочим, см. в статье «Эллинизм». Во всех этих работах см. цитаты и из другой литературы. Сочинения *Родбертуса* находятся в томах 4, 5, 8 *Lahrbücher für National Oekonomie*. Нужно обратить внимание, что успехи, сделанные историками в познании (Э. Мейера и его учеников), там и именно там, где они оказываются *правыми* по отношению к Бюхеру, достигнуты тем, что они, к счастью, стали пользоваться услугами (mit dem Kalbe zu pflügen) презираемых ими эконо-

номических «теоретиков» и таким образом пришли к *ясным понятиям* — чего, относительно применяемого ими понятия «фабрики» еще, очевидно, нельзя сказать. — Для социальной стороны античного учения о государстве талантливые работы *Фюстель де Куланжа* (специально «La cité antique», которую очень следует читать, но с осторожностью). Для политической оценки «полиса» работы *Куна* (специально «Die Städte der Alten, Synoikismos und Komenverfassung») еще и теперь являются основными. Далее следует сравнить, кроме в разделе *Эллада* цитированных работ Э. Мейера, первые главы книги *Kaerst*, «Geschichte des Hellenismus» (специально также стр. 62 и след.). Кроме того, сравните литературу, указанную в отдельных главах этого раздела.

Самое большое заблуждение, в которое все еще впадают некоторые, но не все, историки, состоит в том, будто «сложность» и «текучесть» исторических явлений не допускает применения твердых и точных понятий. Само собой понятно, например, что от мелкого ремесленника, который, при случае или как общее правило, дает у себя работу и рабу, но сам вместе с ним работает, до ремесленника, который учился, правда, своему искусству и понимает его, но преимущественно ведет лишь надзор над своими рабами, далее до такого, который иногда, а порой в большинстве случаев, всегда передает его одному из своих рабов, затем к просто купцу, который лично мало или вовсе не владеет техникой, но руководит продажей в качестве «торгового директора» («kaufmannischer Direktor»), далее, к купцу, который только одну часть своего сырья перерабатывает с помощью собственных рабов для продажи, еще дальше к купцу или к частному человеку, который иногда «вкладывает» свои деньги в одного или в нескольких обученных рабов, наконец, к княжескому дому (Haushalt), который заставляет выученных рабов работать для рынка, но также и для собственных надобностей дома или, наконец, *только* для собственных надобностей, — *непрерывная* цепь возможностей. Но это нерасчлененное многообразие *фактов* не доказывает, однако, что мы должны образовывать неясные *понятия*, но, наоборот, что *ясные* «идеально-типические» (ср. Archiv für Sozialwissenschaft XIX, I) понятия должны быть правильно *применяемы*, не как схемы для преодоления исторически данного, но для того, чтобы с их помощью определить экономический характер явления, поскольку оно приближает-

ся к тому или другому «идеальному типу». Краткий очерк, какой представляет собою предшествующий текст, естественно, не мог совсем избежать схематизации.

1. Для *Месопотамии* материал источников в переводах все еще самый лучший можно найти в более старых собраниях у *Oppert*'а и *Menant*'а («Docum. jurid. de l'Assyrie»), далее в «Keilinschrift. Bibliothek» вообще и в «Urkunden und Texte» *Meißнера* в его «Beiträge zum altbabylonischen Privatrecht»; в дополнение к этому — многочисленные немецкие издания «Hammurabi» (*Kohler*'а и *Пеюзера* с юридическим комментарием; о шумерских законах см. *Haupt*, «Die sumer. Familiengesetze»); дальнейший материал доставляют, например, *Moldenke* «Babyl. Contract Tablets», изданные *Hilprecht*'ом результаты раскопок, произведенных университетом в Пенсильвании, сделанное *Meißнером* и *Ростом* издание надписей на постройках (Bauinschriften) Санхериба, сделанное *Пеюзером* издание вавилонских контрактов Берлинского музея (к нему экскурс *Kohler*'а о ретракте); *Oppert* в «Journal Asiatique» 7. ser. XV, стр. 543: о расчленении вавилонян (теперь повторено) и (для ранней эпохи очень важное) издание *Тюро-Данжена* шумерско-аккадских царских надписей (том I «Vorderasiatische Bibliothek»). Кроме того нужно следить за многочисленными ценными работами в «Zeitschr. f. Assyriologie», *C. Bezold*'а (там же текущая библиография и отзывы о книгах), далее, в «Beiträge zur Assyriologie und semit. Sprachwissenschaft» *Delitzsch*'а и особенно в «Travaux rel. à la phil. et archéol. égypt. et assyriol.» (изд. Масперо), рядом с этим некоторые (больше случайно) появляющиеся в «Journal of the R. Asiatic Society», в «Journal Asiatique», в «Proceedings of Biblical Archaeology» и в «Zeitschrift der deutschen morgenländischen Gesellschaft» статьи, наконец, специально «Babylonian and Oriental Records». Для общего ориентирования пригодны: *Винклер*, «Altorientalische Forschungen», его «Völker des alten Orients», т. III и его (очень сжатый и не исчерпывающий, но очень хороший) очерк в «Weltgeschichte» *Helmolt*'а. Масперо «Hist. ancienne des peuples de Orient classique» дает только сжатый поперечный разрез социальных отношений (но заслуживает прочтения). Настоящего *изображения* хозяйственного развития до сих пор нет *совсем*, и оно было бы еще преждевременным. Предварительно надо было бы классифицировать громадный материал источников, но только с до сих пор, естественно, на первом месте стоящих хронологически-исторической, генеалогической и т. д., но

и технической и экономической точек зрения, но более крупным эпохам и рядом с установлением движения цен анализировать их с точки зрения экономической цели (извлечения прибыли из капитала и покрытия потребностей).

2. Для *Египта* существуют большие храмовые и царские надписи в удобной форме, в особенности в более старых английских собраниях переводов. (С недавнего времени опять, например, в важных публикациях *Стейндорфа*, все более и более имеют в виду, что каждый образованный и интересующийся человек читает иероглифы!) О раскопках каждый раз самое новое дают публикации «*Egypt. exploration fund*». Многочисленные, до крайней усталости читателя повторяющиеся переводы одних и тех же источников в работах *Е. Ревилью* часто вызывают подозрение, особенно переводы демотических текстов. Надежные переводы, между прочим, в работах *В. Шпигельберга* («*Rechnungen aus der Zeit Seti's I*»; «*Demotische Papyri des Strassburger. Bibl.*») и *Гриффита* (важна, например, работа «*The Petrie Papyri*»). Комментированные памятники, далее, также в цитированном, в применении к гл. I, ч. I «*Recueil*» (в нем большинство цитированных в тексте с именами их авторов статей) и в «*Bibliothèque Egyptologique*», далее в «*Zeitschr. f. äg. Sprache u. Altertumsk.*», в «*Sphinx*» и в названных применительно к гл. I, ч. I «*Proceedings Bibl. Arch.*»; для комментариев в «*Revue egyptologique*» (редактируемом *Е.* и — прежде — *В. Ревилью* и часто почти сплошь написанном первым из них самим) имеет силу сделанное выше против *Р.* предупреждение, также против его книг: «*Cours de droit ég.*» (может быть прочитан), «*Précis de dr. ég.*» (наивно без всякого разбора собранные в одно разнообразные вещи; с несколькими хорошими — использованными в предшествующем очерке — мыслями перекрещиваются не имеющие решительно никакой цены «аналогии»), памятники в «*Corpus Papyrologum Aegypt.*» (*Revilleut, Eisenlohr*) следует «в лучшем случае рассматривать как первые опыты» (*Шпигельберг*). Для введения все еще заслуживает прочтения «*Aegyptologie*» *Brugsch'a* (много раз повторенная); более популярно написаны работы *Эберса* («*Aegypt. Studien*»); обстоятельны, но уже устарели данные в «*Manners and customs of the a. E.*» *Gardner Wilkinson'a*; лучше всего (но без ясности экономических понятий) «*Aegypten und ägypt. Leben im Altertum*» *Erman'a*. Прекрасное популярное изображение — *Steindorf*, «*Die Blutezeit des Pharaoreichs*». Краткий очерк соци-

альной истории *Thurn Wald*'а в «Zeitschr. f. Sozial-wiss.» IV, 1901. Для распределения земли в эпоху Рамессидов важно: *Erman*, «Zur Erkl. des Pap. Harris», Sitz-Ber. der Berl. Akad, 1903. К *Macpero* относится сказанное применительно к I гл., I части; кое-что в работах *Wiedemann*'а («Erl. zu. Hero-dots II Buch.»); для общей исторической ориентировки (важные «Unters. z. Gesch. u. Altertumsk. Aeg.» *Sethe* на этот раз мне были недоступны): *E. Meyer*, «Geschichte des alten Aegyptens», первый том его *Gesch. d. Altertums* и работы *Petrie* («History of Egypt», «Koptos» и т. д.). О Бокхорисе теперь можно сравнить парижскую диссертацию А. Море (*De Bocchori rege*, 1903). Не более 20 лет назад Э. Мейер справедливо требовал новой *промышленной* истории Египта (на место устарелых трудов Гарднера Уилкинсона). Предварительным условием здесь, где *техника* может быть так далеко прослежена назад благодаря находкам и изображениям, было бы: точное (предпринятое, конечно, *только* при содействии *технологов*) установление эволюции *орудия*, сырья, продукта (например, под влиянием проникновения железа), затем в связи с этим установление, насколько эта эволюция повлияла на специализирование по профессиям *внутри* крупного домашнего хозяйства, с одной стороны, в «свободной промышленности», с другой стороны, и на отношение между ними, а в связи с этим точное установление экономического *смысла* промышленной деятельности в каждом отдельном случае. Необходимой предварительной работой для этого, как и для настоящей «аграрной истории», является, конечно, цитированные в тексте утомительные исследования терминологии.

3. Для *израильской* и *иудейской* истории основное значение имеют большие труды *J. Wellhausen*'а «Prolegomena» и «Israelitische und judische Geschichte»; непосредственно для социальной истории в них, однако, заключается малое. Для нее ср. (для эпохи после изгнания) особенно *E. Meyer* «Die Entstehung des Judentums», далее (для эпохи до изгнания) работы (часто несколько смелые) *Винклера*, (особенно его история Израиля в *Oriental. Forsch.*, к сожалению, во время писания этой статьи мне оставшаяся недоступной); далее *Jeremius*, «Das A. T. im Lichte des alten Orients» и (совершенно разной ценности) литература о Библии и Вавилоне (*Bibel Babel Literatur*) (хорошо ориентирующее изложение ее у *C. Bezold*'а); для правовой и аграрной истории, из более ранних работ: *Nowack*,

«Judische Archäologie» и *Buhl*, «Die sozialen Verhältnisse der Israeliten»; теперь же в особенности: *A. Merx*, «Die Bücher Moses und Iosua» (Religionsgeschichtl. Volksb., II, 3, очерк 1 и 2, — отнюдь не «популярная»). Удобен для пользования очерк *всей* истории *Guthe* («Geschichte d. Volkes Israel», «Grundriss der Theol. W.», II, III), где находится и литературный обзор массы отдельного материала, напечатанного во всех журналах, посвященных изучению Ветхого Завета и семитологии, в том числе и названных в параграфах 1 и 2 и в современных комментариях к Ветхому Завету; несколько хороших отдельных статей в «Jewish. Encyclopaedia» и в «Realencyklopädie f. Prot. Theol. u. Kirche» (где вообще хорошие литературные указания). Новый, хорошо снабженный комментариями перевод Талмуда сделан *Гольдшмитом*; литературу об иудейском праве см. в иудеологических журналах.

4. Для *греческой* и *римской* античной древности дает в большинстве случаев превосходные статьи Энциклопедия *Pauly-Wissowa* (новое издание, до сих пор доведенное до буквы «Е»). Из периодических изданий, кроме названных во Введении «Jahresberichte» из большого множества исторических и археологических журналов следует иметь в виду специально два руководящих немецких журнала — «*Hermes*» и «*Philologus*» (последний с дополнительными тетрадами, оба *без* рецензий в собственном смысле и без библиографических целей), наряду с ними «*Neue Jahrb. f. das klassische Altertum*», «*Mitteilungen*» археологических институтов в Афинах и в Риме (Германия и Австрия), для Франции: «*Mélanges d'Archéol.*», издающиеся *École de Rome*, для греческих и эллинистических проблем специально «*Journal of Hellenic Studies*», «*Bulletin de correspondance hellénique*» (важно для находок новых источников) и «*Revue des études grecques*» (относящееся к социальной истории в особенности в обоих первых). Романистический отдел «*Zeitschr. f. Rechtsgeschichte*» в последнее время дает и исследования по греческому праву. Греко-италийская правовая история *Б. В. Лейста* явилась в свое время попыткой сравнительного изучения права, и ее ошибки — в преувеличении влияния *племенных* особенностей, что относится и к другим его работам («*Altarisches jus gentium*» и «*Altarisches jus civile*»). Для состояния современного исследования решающее значение имеют всецело стоящие на сравнительно-историческом и папирологическом базисе работы *Миттейса* (см. ниже). Прочной заслугой *Белоха* явля-

ется, несмотря на все, что против него, отчасти справедливо, говорят, обоснование *числовых* представлений о населении («Die Bevölkerung der griech.-röm. Welt» и многочисленные работы по отдельным вопросам) и (особенно вызывающие возражения) по экономике древнего мира (ср., например, основанный Конрадом *Jahrb. f. Nat.-Oek.* III, Folge XVIII, стр. 626). Изданная после смерти автора студенческая запись «*Griechische Kulturgeschichte*» I. Burgkhardt'a игнорирует все современное исследование и монументальные источники; пользование ее, несмотря на это, конечно, в высокой степени талантливими *точками зрения* возможно поэтому в отдельных случаях лишь с осторожностью; на непосредственно экономическое она, впрочем, мало обращает внимание (по ср. о значении этого труда — против фон Виламовица — заявления *Heйманна* в «*Hist. Zeitschrift*» и *Керста* в предисловии к его «*Hellenismus*»). Известная и оцененная работа *Блюмнера* «*Gewerbe und Künste*» требовала бы новой переработки (различные ценные статьи его у Pauly-Wissowa; см. например, «*Askerban*», «*Eisen*» и т. д.), но прежде всего в ней нет совсем ничего об экономике. Плохо, что по многим пунктам все еще указывают на дельную, но в экономических категориях совсем неориентированную работу *Büchschenschutz*, «*Besitz, und Erwerb im griechischen Allertum*». О книге *Francotte* («*Biblioth. de la Faculté de Philos. et Lettres de Liège*». 7 и 8) см. текст: этой значительной работе не достаёт отправного пункта в виде выяснения интересов капитала в области *приобретения прибыли*, твердой постановки вопроса об условиях (предполагаемых! — ибо без гипотез здесь ничего нельзя делать) рынка, доставке и характере сырья, характере этим и структурой хозяйства определяемых шансов на прибыль. Расширение исследования на эллинистическую и римскую области следует очень приветствовать (ср. далее *Guiraud* в «*Bibl. de la fac. de lettres*», Paris, XII, 1900). Из *военно-исторических работ* Г. Дельбрюка во всяком случае его «*Geschichte der Kriegskunst*» не раз была оцениваема специалистами так, как он (в качестве не специалиста!) нашел возможным оценить работы В. Зомбарта. С большей, может быть, справедливостью и, *наверное, с такой же несправедливостью*. Ибо, несмотря на некоторые несомненные промахи в экономических представлениях они остаются не только возбуждающими мысль, но (в особенности «*die Persekriege und die Burgunderkriege*», а также те части «*Kriegskunst*», в которых дает се-

бя знать его специально ему присущий талант реалистической прагматики) часто и основными. Некоторые вопросы основной важности и для социальной истории (численность аттических рабов, плотность населения, обработка почвы, Ликург, понятие города-государства и т. д.) заключаются в «Forschungen z. alten Geschichte» Э. Мейера. Не нуждаются в указании большие работы фон *Виламовица* («Aus Kydathen», «Aristoteles und Athen», кое-что даже там, где его и не ищешь, например, во введении к «Herakles» и по многим другим поводам, — сомнение и здесь вызывает с талантливой последовательностью проводимая конструкция «доризма» как противоположности представляемого Афинами подлинного эллинизма; во многих случаях встречается пристегивание к социально-экономическим датам, но в принципе оно было бы отвергнуто Ф. Виламовицем как «материалистическое») Э. Мейера (см. выше), *Busolt*'а (в I т. «Griechische Geschichte» специально ценным является анализ торгово-меновых отношений микенской эпохи на основании находок), *Белоха* (везде отдается должное экономическому, не везде полная отчетливость в образовании понятий), *Hermann*'а (в «Lehrbuch der griechischen Antiquitäten», новое издание *Blümner*'а и *Dittenberger*'а: т. II: Юридические древности, написанные *Thalheim*'ом, т. IV: Частные древности, написанные *Blümner*'ом, очень заслуживающие признательности; в большинстве случаев не хватает отчетливой экономической классификации). Нельзя обойтись без работ *Marquardt*'а («Röm. Privataltertümer», теперь, однако, совсем устаревшие и лишённые отчетливости), а также без различных сочинений *Pöhlmann*'а (специально: «Hist. Zeitschrift» N. F. 44, стр. 193 и след., 385 и след., также «N. I. f. d. klass. Alt.» 1, 205, затем его известная «Geschichte des antiken Sozialismus und Kommunismus»; везде, специально в этом главном труде, многие ценные и прочные результаты комбинируются с несостоятельными, прежде всего страдающими отсутствием экономической отчетливости толкованиями; о выведении им христианства, например, см. текст в отделе «эллинизм», заключение, но также *Tröltsch*'а в «Arch. f. Sozialwiss». XXVI, I). Для истории греческого права теперь рядом с «Hist. de la propriété foncière en Grèce» *Guiraud* можно пользоваться «Droit privé de la Republ. Athénienne» *Beauchet* (впрочем, более широкая, чем юридически отчетливая работа), для Рима, рядом с (заслуженным, но совсем не одухотворенным) трудом *Karlowa* только что

появилось «Röm. Privatrecht bis auf Diokletian» (пока Band I) *Mitteis*'а. Для аграрной истории в «Parerga» *Pernice*'а в «Z. f. Rechtsg» есть несколько отдельных частностей. Памятники, поскольку они важны с историко-правовой точки зрения, удобнее всего изучать для Греции в «Sylloge» *Dittenberger*'а и в «Recueil des Inscript. Juridiques» *Dareste*'а, *Haussouillier* и *Reinach*'а, римские в «Fontes» *Brunns*'а.

Для Греции (Древней Эллады) специально здесь сделаны лишь самые важные литературные указания к специальным, упоминаемым в тексте контроверзам.

Устранение взгляда, признававшего остатки «сельской общины» у Гомера, есть заслуга *Пельманна* (Zeitschr. f. soz. u. Ges. Bd. I). О *филах* исчерпывающей является статья *Szanto* в «Sitzungsberichte der Wiener Akad», 144 (1902), 5; о фратриях, кроме работы *Schäfer*'а и статьи *Rud. Schöll*'а (отчасти спорной) о клисфеновских филах (Sitz. Ber. d. bayr. Akad. 1889, II, I), следует обратить внимание особенно на хорошую статью «Demotionidai» у *Pauly-Wissowa*, принадлежащую *Szanto*). Что касается «рода», то текст во всем существенном примыкает к взглядам *Э. Мейера* (отчасти против *Ф. Виламовица*). Также и во много раз рассматривавшемся вопросе о «микенской культуре» мнение *Э. Мейера* для меня было убедительным. Вопрос о том, родового или военно-политического происхождения сохранившиеся в исторические времена остатки *связанности* (Gebundenheit) земли, конечно, в каждом отдельном случае решить не легко, и в тексте он не мог быть решен. Фактические основания говорят, на мой взгляд, для большинства явлений преимущественно в пользу *последнего* предположения. С защитой теории замкнутого родового землевладения недавно выступил *Вильбрандт* («Politische und soziale Bedeutung der attischen Geschlechter vor Solon») в 7 Suppl. к «Philologus». Ср. далее для раннего периода полиса: *Töpfer*, «Attischealogie»; *F. Cauer*, «Parteien und Politiker in Megara und Athen» (то, что в его изображении мне представляется не выдерживающим критики, все происходит от его основного заблуждения, что только или в особенно высокой мере экономически *угнетенные* слои предпринимают государственные перевороты; история учит обратному); *B. Keil*, «Die solonische Verfassung». О сущности тирании: *R. Nordin*, «Aisymnetie und Tyrannis» в «Klio», Bd. 3, кроме того, *E. Meyer* в «Geschichte d. Altertums». Для истории задолженности, земельного долгового права, ипотеки имеют теперь значение, наряду со

статьей *Szanto* в Известиях Венской Академии, «Griechisches Pfandrecht» *Hitzig*'а и «Beiträge zur griech. Rechtsgeschichte» *Swoboda* (см. текст). Для критского права: *Bücheler u. Zitelmann* «Das Recht von Gortyn» (Suppl. zu N. F. 40 des Rhein Mus. f. Philol). О Спарте работы *Busolt*'а, *Niese* и *Э. Мейера* (в «Forschungen»), который только (на мой взгляд) преувеличивает «старинность» («Altertümlichkeit») спартанского строя. Для права *клерухий* ср.: *Gomperz* («Mitt. d. Archäol. Inst. Athen» 13, 1888), к этому замечания *E. Meyer*'а в «Geschichte des Altertums» (IV, § 393 и след.) и там указанная литература. О земельном праве классической эпохи ср. названные труды *Guiraud* и *Beauchet*; также все еще заслуживает внимания «Der attische Process und die Diadikasia» *Leist*'а. О домах и социальном расчленении Афин теперь следует сравнить *Sundwall* в I. Ergänzungsband к «Klio». О «капитализме» и «фабриках» ср. названные во Введении сочинения, специально Бюхера (о вызвавшей много разговоров мнимой «фабрике щитов» Лисия и аттических «фабриках» вообще, затем и о существовании античной торговли) в «Festg. f. Schäffle»; более новая литература об «опекунском счете» Демосфена была вовремя доступна мне только отчасти; ср. из более старой: *Schäfer*, «Demosthenes und seine Zeit» в первом томе. Об *ἐρανοί* ср. *Ziebart*, «Griech. Vereinswesen» (Jablonskische Preisschrift, № 34), содержит объемистые данные и о профессиональных союзах; для Рима параллели дает более старый труд *Liebenam*'а. Об экономических отношениях Древней Эллады основным является большой труд *Böckh*'а; но выпуск второго неизмененного издания был собственно свидетельством о бедности. О городской продаже хлеба в Самосе ср. *Thalheim*'а в «Hermes» 39 (1904).

5. Для *эллинистической* эпохи (относящиеся к иудеям см. выше № 3) общие труды *Droysen*'а, *Niese* и *Kaerst*'а специально для социальной истории дают, конечно, не слишком много (ср., однако, у *Kaerst*'а стр. 62 и след. и заключительную главу тома I); обстоятельное рассмотрение экономической стороны есть специальная заслуга 3-го тома «Griechische Geschichte» *Beloch*'а (см. № 4). Из работ о Египте «Recherches sur l'éc. pol. sous les Lagides» *Lumbroso* были для своего времени основными, но в настоящее время во многом они, как и его «Egitto dei Greci e Romani», с успехами находок папирусов, устарели. *Mahaffy* («The empire of the Ptolomies») для социальной истории дает немного. Папирология, кото-

рая здесь все более и более дает тон изучению, в библиографическом отношении организована превосходно. *U. Wilcken* в т. I «*Archiv für Papyruskunde*» дал по предметам расположенный генеральный регистр папирусов и в каждом томе пополняет его текущими новостями; в дополнение к этому во всех отношениях превосходно обработанная и исчерпывающая критическая библиография *Viereck*'а в *Jahresb. d. Klass. Alt. Wiss.* Папирологическая литература и с нею тесно связанная литература черепков (*Ostraka*) начинает безмерно разрастаться (юридическое «Введение» («*Einführung*») *Gradenwitz*'а, ср. далее статью «*Papyrus und Papyrologie*» *Deissmann*'а в «*Realenz. f. prot. Theol. und Kirche*»), поэтому в дальнейшем будут названы лишь некоторые более важные для аграрной истории источники и работы. Основным для познания эллинизма, специально хозяйства эпохи Птолемеев и ранней римской эпохи в Египте всегда останется труд *U. Wilcken*'а о «*Griech. Ostraka*»; для правового развития поздней поры (римского владычества) также: *Mitteis*, «*Reichsrecht und Volksrecht*» и его позднейшие многочисленные работы по сравнительному праву. Из изданий папирусов по технике (перевод и комментарий, прибавленный в текст) и по фактическим результатам самые важные сделаны *Mahaffy* (*Flinders Petrie Papyri*), *Grenfell*'ем и *Hunt*'ом (*Revenue Laws of Ptol. Philadelphus*: для системы монополий и государственного откупа первой эпохи; *Tebtunis Papyri*, *Охугунchos Papyri*, содержащие, те и другие, много важных данных о земельном праве, специально *Fayum*'а, *Amherst Papyri*), *Kenyon*'ом, *Brunet de Presle* и *Egger*'ом (*P. du Ì. du Louvre*), *Wessely* (*Corpus pap. Raineri*). Издания берлинского генерального управления в «*Aegypt. Urkunden aus dem kgl. Museum*» охватывают только немного из эпохи Птолемеев. Из многочисленных работ *Wessely* специально «*Karanis und Soknopaiu Nesos*», *Denkschr. d. Wiener. Ak.* 47, 1902, важно для полевых отношений, далее его «*Studien über das Verh. des griech. z. ägypt. Recht im Lagidenreich*», *Sitz-Ber. d. Wiener Akad., Ph.-h. kl.* 124, 1891, и анализ населения в «*Arsinoe*», также в венск. *Sitz-Ber.* 145, 1902. Важны для оценки общего экономического характера государства Птолемеев специально: *Rostowzew*, «*Geschichte d. Staatspacht in der römischen Kaiserzeit*» («*Philologus*», *Suppl.* 9, 1902), для оценки экономического развития античного капитализма вообще имеющая большое значение (ср. текст) ценная книга *Otto* о «*Priester und Tempel im hellenistischen Aegypten*», *B. I* (*Bd. II* выходит, ср.

текст), недавно, как упомянуто в тексте, подвергавшаяся неоднократно нападкам (ср. *Schubart*, «Arch. f. Pap. Forschung» II (1902), стр. 147 и след.) работа *P. J. Meyer*'а «Heerwesen der Ptolemäer und Römer» (по вопросу об «Эпикрисис» ср. *Wessely*, «Sitz-Ber. d. Wiener Akad.» Bd. 142, 1900, Stud. z. Paläogr. u. Pap. K. Heft I), далее, отрывок статьи *Wachsmuth*'а «Wirtschaftl. Zustände in Aegypten während der Ptolemäerzeit» (домоводственные книги) и книга *Waszynski* о «Bodenpacht» (Bd. I Privatpacht, Bd. II должен был выяснить государственную аренду); о сдаче в аренду доменов: *Rostowzew* и *P. Meyer* в «Klio» I (1902); о хлебных элеваторах и хлебном транспорте: *Rostowzew*, Arch. f. Pap. III (1904, стр. 201 и след.). Кроме того, следует обратиться к названной в начале систематической библиографии.

6. Для *Рима* следует сравнить в № 4, в начале, названные сочинения. Совершенно радикальная критика традиции *Ettore Pais* (*Storia di Roma*, до сих пор 2 тома) была принята лишь в отдельных случаях; многочисленные, в высокой степени ценные отдельные комбинации являются очень убедительными. Выяснение древнейшего периода, как известно, сильно подвигается вперед благодаря раскопкам на форуме; для социально-исторического рассмотрения можно извлечь отсюда что-нибудь лишь непрямым путем. О сельских общинах см. статью *Schulten*'а (ср. текст) в 53 томе «Philologus» (странным образом в оглавлении тома не упомянутую!), там же и более старую литературу. Статью *K. J. Neumann*'а «Die Grundherrlichkeit der röm. Republik» (*Strassburger Rektoratsrede*, 1900), поскольку она вносит что-либо новое сравнительно со моей «Agrargeschichte», следует, по моему, почти целиком отклонить (см. в тексте), что не мешает восхищаться тонкостью конструкции. О клиентеле все еще статья *M. Voigt*'а (*Verh. d. Kgl. Sächs. Ges. d. Wiss. Ph.-hist. Kl.* 30, 1878) является основной; очень хороша также (хотя но совсем с ней можно согласиться) статья «Clientes» у *Pauly-Wissowa* (*Premmerstein*'а). О плебсе ср. *E. Meyer*, «Der Ursprung des Tribunats und die Gemeinde der vier Tribus» (в «Hermes» XXX, 1895), вкратце в статье «Plebs» во втором издании этого словаря. О долговом рабстве ср. *Mitteis*, «Ueber das Nexum» (*Z. f. Rechtsg. Rom. Abt.* 22, 1901) и *F. Kleineidam* («Die Personalexekution der Zwölfafeln», Breslau, 1904). Для экономических особенностей межевания земли ср. *Beaudouin*, «La limitation des fonds de terre» и, особенно, *Brugi*, «Le dottrine giuridiche degli

agrimensori Romani», *Schulten*, «Von römischen Kataster» («Hermes», 41, 1906); о колонии и муниципии между прочим: *Toutain* в *Mél. Archéol.*, 16 (1896), 18 (1898). Кроме того, я отсылаю к примыкающим к введению *Rudorff*'а к Лахмановскому изданию «Römische Feldmesser» соображениям в моей «Röm. Agrargeschichte». В тексте за недостатком места можно было лишь случайно указать, насколько я еще и теперь (и в других отношениях) исповедую взгляды этой, конечно, богатой «юношескими грехами» книги (для генезиса колоната см. статью о нем), которая теперь, конечно, во многом опережена другими, а кое в чем (перенесение Майценских категорий на отношения иного характера) с самого начала была на ложном пути. Если не особенно богатый ни талантом, ни собственными мыслями, но там, где он может сопоставлять друг с другом и проверять чужие мнения, часто очень дельный писатель (*Beaudouin*) думает, что книга эта переоценена, то я, конечно, ничего не имею напомнить против этого, в особенности при теперешнем состоянии исследования, но чувствую себя к этому непричастным и в этом невиноватым. Критику *Моммзена* (в *Hermes*, XXV) я могу признать убедительной лишь в ограниченном размере. Об *ἐκατόριος* см. *B. Keil*, *Hermes*, XXXVIII (1903). Периодом территориального расширения начинается изящный, талантливо написанный, очень заслуживающий прочтения труд *Ферреро*, для республиканского периода рядом с в высочайшей степени возбуждающими мысль замечаниями выставляющий иногда и взгляды, которые вызывают возражения, потому что, может быть, они носят слишком модернизирующий характер, как и многие части «Römische Geschichte» *Моммсен*'а. Защита Лициниевского полевого закона против *Niese* (*Hermes*, XXIII) и *Pais*'а (*St. di Roma*, II, стр. 141 и след.) *Soltau* в «Hermes», XXX, стр. 624. Остроумный анализ сакральных и юридических сторон аграрно-исторических проблем у *Maschke*, «Zur Theorie und Geschichte der röm. Agrargesetze» (1906), который в заключении также приходит к принятию «обратного отражения» («Rückspiegelung»). О наследственной аренде ср. *Mitteis* в *Arch. der Kgl. Sächs. Ges. d. Wiss.* 47 Ph.-hist. Kl. 20 (1903) и статью «Kolonat». Об организации *производства* в дополнение к изложенному в моей «Römische Agrargeschichte» см. теперь хорошую работу *Gummers*'а «Der römische Gutsbetrieb als wirtsch. Organismus nach Cato, Varro und Columella», 5 Beiheft в I Erg.-Bd. «Klio». Для периода

Граков следует указать на статью *E. Meyer*'а в «Festschrift zu 200 Jahr. Jubiläum der Univ. Halle» (1894), затем на *Kornemann*'а, *Erg. Bd. I* к «Klio» и на соображения *Maschke* а. а. о. Интерпретация «lex agraria» 111 г. до Р. X. во всем существенном все еще должна отправляться от комментария *Моммзена* в «Corpus Inscr. Lat». Кроме того, можно указать на общую историческую литературу, для отдельных вопросов на библиографию в «Jahresber. der Geschichtswiss» (*Liebenam*'а).

7. Литературу для императорского периода см. в статье «Kolonat» (О моем докладе «Die sozialen Gründe des Untergangs der antiken Kultur» в «Wahrheit», Fromanns Verlag, 1896, Maiheft, см. замечания в тексте).

Действительно критическое *сравнение* стадий развития античного полиса и средневекового города (ср., напр., замечания об этом в «Wirtsch. Gesch. des Schwarzwalds» *E. Gothein*'а, стр. 61 и след.) было бы благодарным делом и плодотворным, конечно, только в том случае, когда оно не является целью и на манер теперь модных построений общих схем развития не охотится за «аналогиями» и «параллелями», но, как раз наоборот, только тогда, когда его цель заключается в выяснении *особенностей* каждой из обеих, в конечном счете столь различных, эволюций и в установлении *причин* различного их хода. Что для него при этом необходимо в качестве необходимой предварительной работы изолирование (следовательно, абстракция) отдельных составных частей явления и затем для *каждой* отдельной составной части ориентирование на *правилах* опыта и образование *ясных понятий* (см. выше во Введении), без которых *нигде* не может быть достигнута какая-либо достоверность в установлении причинных связей, конечно, остается при этом правильным и должно быть принято во внимание как раз для экономического явления, в области которого отсутствие точности понятий может создать самые превратные, какие только можно представить себе, суждения.

ПРИЛОЖЕНИЕ
КОММЕНТАРИИ
УКАЗАТЕЛИ

Проф. М. И. Ростовцев

КОЛОНАТ

Введение

Понятием колонат обыкновенно обозначается правовое, хозяйственное и социальное положение большинства земледельцев позднеримской императорской эпохи. В качестве главных признаков колоната обыкновенно признаются: прикрепление крестьянина к земле и его до крепостного состояния (*Leibeigenschaft*) доходящая зависимость от того, на чьей земле он сидит и чью землю он возделывает.

Но это вовсе не первоначальное значение слова *colonus* и его производного колонат. Первоначально в Италии *colonus* назывался всякий, *qui terram colit* (кто возделывает землю), главным образом землевладелец (*Grundbesitzer*), совершенно соответствуя понятию $\kappa\omicron\lambda\omicron\nu\sigma$ в греческом языке. Лишь позже это понятие настолько сузилось, что под *colonus* стали понимать главным образом съемщика чужой земли. Это значение слово *colonus* впервые приняло, по-видимому, в провинциях, говоривших по-гречески. Цицерон употребляет его в значение съемщика впервые, чтобы передать сицилийское $\kappa\omicron\lambda\omicron\nu\sigma\iota$. Но в Сицилии, как и везде в эллинистическом мире, слово $\kappa\omicron\lambda\omicron\nu\sigma$ уже рано приняло значение съемщика.

Большое значение колоната для развития поздней императорской эпохи и следующих периодов европейской истории привело к тому, что проблема о правовом положении колонов и об историческом развитии колоната стала вопросом, который постоянно и оживленно вентилировался. Несмотря на то, что здесь было проявлено много остроумия и было достигнуто много очень важных отдельных результатов, множество исследований, посвященных этому предмету, до настоящего времени лишь отчасти разъяснили во-

прос. Признано, правда, что колонат медленно развился из более ранних условий, но обыкновенно не замечают того, что это развитие в различных частях античного мира было совсем различно. На Востоке и в Египте колонат в качестве типа государственного аграрного хозяйства (als Typus der staatlichen Agrarwirtschaft) и в качестве частного учреждения (als private Institution) существовал с древнейших времен (см. об этом «Аграрную историю древнего мира») и развивался органически до позднеримской эпохи включительно. И в отдельных частях Запада развитие, насколько мы можем его установить, вовсе не было везде одинаково: италийское развитие никоим образом не является типическим для остального Запада. Особенно важно то, что *формы (die Gestaltung)* колоната на Востоке оказали во многих отношениях сильное влияние на Западе. Эти местные, исторически обусловленные различия идут так глубоко, что даже вводившая единообразие деятельность римских императоров как в первые три века, так и в IV и в позднейшие века не могла стереть их. Только характер нашего материала виной тому, что мы можем в известной мере установить местные различия (das local Verschiedene) только в первые три столетия, а для более позднего времени можем набросать лишь общую для всей империи картину. Это состояние вопроса заставляет меня сделать попытку установить ход местного развития, причем в известной мере ясную картину можно, однако, получить только для Египта, Малой Азии, Африки и Италии.

А. ИСТОРИЯ КОЛОНАТА ДО III СТОЛЕТИЯ ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

1. Египет

(эллинистическая и римская эпоха)

Вся земля (Grund und Boden) Египта в птолемеевскую эпоху принадлежит юридически царю. Но часть ее фактически находится в частном владении, так как царь или продает ее, или передает для *καταφύσεως* (таким путем приобретенные виноградные и садовые земли технически называются *κτήματα*, пахотная земля — *γῆ ιδιόκτητος*), или сдает в наследственную аренду (*μισθωσις εἰς πατρικᾶ*), или же ассиг-

нирует территориальной армии и чиновникам (γῆ κληρουχική). Остальная земля принадлежит царю или непосредственно, или как представителю богов на земле (γῆ βασιλική и γῆ ἱερά). Землей богов управляет царь, но доходы с нее оставляет для храмов; доходы с γῆ βασιλική, как и оброки с частной земли, поступают прямо в царскую казну. Свободной от оброков является, по-видимому, только земля, подаренная царем богам и любимцам (γῆ ἐν δωρεᾷ).

Обработка γῆ βασιλική, ἱερά и δωρεαία производится в большинстве случаев особым классом населения Египта, который технически называется γεωργοὶ βασιλικοὶ (царские земледельцы), а в обиходной речи также λαοί. Это — свободные люди, которые живут в деревнях и обладают, правда, очень ограниченным, самоуправлением. Отношение этих γεωργοὶ βασιλικοὶ к государству это последнее рассматривает как аренду. Государство диктует арендаторам условия аренды в форме νόμος ὄντης, арендатор принимает (akzeptiert) условия в форме предварительного заявления своего желания снять землю (durch ein Pachtangebot). Срок при этом не указывается, и отношение арендаторов носит поэтому прекарный характер. В то время, как государство может, таким образом, во всякое время разорвать (lösen) свое отношение с арендатором, для арендатора сделать это гораздо труднее. Хотя он не прикреплен к месту своего жительства и к своему участку (Landparzelle), государство рассматривает их как его ἰδία и смотрит как на ненормальное положение, если крестьянин оставляет их и не исполняет своей работы.

В качестве прекарных арендаторов государственной земли γεωργοὶ βασιλικοὶ находятся под постоянным и бдительным надзором чиновником. Совсем не говоря уже о том, что в *способе ведения* своего хозяйства (in der Gestaltung ihrer Wirtschaft) они вовсе не являются свободными, вся их жизнь находится под опекой деревенских чиновников и деревенской полиции. Каждый спор, каждая распря доводится до сведения деревенского писаря (Dorfschreiber). Деревенские чиновники (die Dorfbeamten) и деревенская полиция по своей воле воздействуют на жизнь (gestalten das Leben) своих подвластных еще и постольку, поскольку они в последней инстанции управомочены требовать от крестьян всякого рода принудительных работ, барщины, ручной и с упряжкой (Hand-und Spanndieste), для государства: к таким службам

прежде всего принадлежит принудительная обработка остававшейся необработанной государственной земли, γεωργία ἀνευ συναλλάξεων.

Мы имеем, таким образом, дело с отношениями, которые довольно близко стоят к крепостничеству (Leibeigenschaft). Что эти отношения действительно развились и из крепостничества, это доказывает по-моему тот факт, что γεωργοὶ βασιλικοὶ во многих документах тракуются как *один* класс с рабочими в государственных монополиях (Monopolarbeitern), ὑποτελεῖς, когда известные законы и мероприятия получали применение только к этой части населения Египта. А ὑποτελεῖς, поскольку их положение определено большинством законов Филадельфа о монополиях, тракуются как настоящие крепостные (Leibeigene) монополии. Характерным образом предписания об их принудительном возвращении к их работе звучат почти так же, как и аналогичные предписания о колонах IV столетия после Р. Х. Эти отношения, конечно, не были созданы птолемеевской эпохой; она получила их от предшествующей эпохи и фиксировала их в закон. При этом γεωργοὶ βασιλικοὶ были трактованы более мягко, а ὑποτελεῖς более сурово; но для тех и других общим является то, что они поставлены в непосредственную зависимость от государства и освобождены от зависимости от храмов и от их настоятелей (эпистатов), и от частных феодальных владельцев (von privaten Lehnherren).

Провели ли Птолемеи во всех деталях крестьянское освобождение, которое соответственно этому следует предполагать, или только подвели итоги уже совершившемуся развитию, решить этого нельзя. Достоверно только то, что государственное крестьянство в эпоху Птолемея везде выдвинуто на первое место и вытеснено прежнее полуфеодальное крепостничество (Leibeigenschaft).

В аграрную жизнь Египта римская императорская эпоха не внесла ничего принципиально нового. Частное владение, которое значительно развилось впервые под влиянием греческой правовой жизни при Птолемеях, под римским владычеством все растет и растет. Остановили раздачу земли военным, но зато объявили их раньше бывшее прекарным владение за окончательное и неограниченное. Эти κτήματα умножались и путем эфитевтических продаж из государственного фонда, причем делали только формальное раз-

личие между землями, отдававшимися для обсеменения, и землями, предназначавшимися для насаждений. Много земель было роздано в качестве подарков членам императорской фамилии и императорским любимцам. Это производилось в виде пожалования крупных комплексов, целыми комами (деревнями) вместе с жившими в них γεωργοὶ βασιλικοί. Эти раздаренные поместья (Güter) назывались теперь οὐσία. Но уже к концу I столетия после Р. Х. императоры прекратили эти раздачи. Старые, большей частью конфискованные οὐσία образовали с эпохи Флавиев новую ratio, λόγος οὐσιαρός, которая теперь слилась в одно большое целое с прежней γῆ βασιλικῆ, переименованной теперь большей частью в γῆ δημόσια (ager publicus).

Большой частью все эти земли возделывались государственными крестьянами (δημόσιοι, οὐσιακοὶ γεωργοί). Правовое, социальное и хозяйственное положение этих государственных крестьян изменилось теперь по сравнению с птолемеевской эпохой лишь постольку, поскольку их, чем дальше, тем все больше и больше, трактовали одинаково с остальными слоями населения Египта. Особенно ясно выступает это в дальнейшем развитии учения об ἰδία (рим. origo). При каждом цензе появляются теперь эдикты префектов, которые напоминают всему населению Египта о том, что каждый подданный имеет свою ἰδία, в которой он обязан нести неотложные повинности: это были главным образом всякого рода литургии, как обязанность занимать места должностных лиц и обязанность нести всякого рода барщину, ручную и с собственной упряжкой (Hand und Spanndiesten). Обязанность возделывать всю пахотную площадь каждой κόμη или в качестве владельцев, или в качестве государственных съемщиков также принадлежит как важная составная часть к этим литургиям.

Плохая и злонамеренно плохая податная оценка, беспощадное безнедоимочное взимание податей и невыносимое бремя литургий были причинами, которые выгоняли население из его ἰδία. Следствием этого бегства было постепенное залустение страны. Правительство старалось остановить это залустение в большинстве случаев мерами принуждения. Пришедшие в залустение участки или раздавались в принудительную аренду, или распределялись между δημόσιοι γεωργοί, или же на вечные времена взваливались

на плечи владельцев частных земель. При такой системе должны были способствовать развитию частного землевладения еще сильнее, чем прежде, но теперь уже по чисто фискальным соображениям. Взались даже за образование новых *οὐσίων*. На основе этого частного владения построили наконец в течение III столетия даже в почти не имевшем раньше городов Египте общую, во всей империи действовавшую фискальную городскую систему: на городские советы и на городских должностных лиц (*δεκάπρωτοι*) возложено было теперь вместе с государственными чиновниками бремя сбора податей, т. е. ответственность за государственную землю и за *δημόσια γέωρα*. Этим землевладельцы были превращены в фактических господ государственных крестьян. Неудивительно, что при этих отношениях бегство из деревень все учащалось. С этим правительство боролось тем, что усилило строгость учения об *ιδία*, принимало принудительные меры против беглых частных съемщиков, государственных крестьян и проч. Сами землевладельцы гарантировали себя от этого бегства также путем изменения условий частной аренды. Частные арендные контракты, чем дальше, тем все больше и больше, составлялись по образцу государственных контрактов: аренды сдавались на неопределенный срок, в контракты вставляли гарантии, которые обязывали арендаторов постоянно оставаться в имении сдавшего землю. Этим земледельческое население, чем дальше, тем все больше и больше прикреплялось к земле, и притом как государственные, так и частные съемщики. Гнет государства бросал их, чем дальше, тем все больше и больше, в руки становившихся все могущественнее землевладельцев и превращал целые деревни в клиентов крупных землевладельцев как их патронов.

2. Малая Азия

(эллинической и римской эпохи)

Империя Александра и его преемников состоит, как известно, поскольку принимается во внимание Малая Азия, из территорий греческих городов (сюда входят и храмы), с одной стороны, и из *χώρα βασιλική*, которая не имеет городов и расчленена на комы — с другой. Часть этой *χώρα βασιλική* оставлена царями во владении туземных храмов, т. е. их

жрецов-царей (Priesterkönige), и прежних ленных владельцев (Lehnherren), δυνασταί. На городских территориях не вся земля возделывается городскими гражданами, как владельцами и арендаторами. Почти каждый малоазиатский город владеет большими земельными пространствами, на которых обитают и которые обрабатывают покоренные туземцы. Эти туземцы частью трактуются как настоящие крепостные (Leibeigene). Но в большинстве городов они пользуются более свободным положением: они лично свободны, имеют даже в своих деревнях (κῶμαι, κατοικίαι) род самоуправления и уплачивают свой арендный чинш (Pachtzins) непосредственно городу. Технически они называются в большинстве случаев πάροικοι или κάτοικοι. Это, таким образом, настоящие городские крестьяне (Stadtbauern). Χώρα βασιλικῆ возделываются крепостным (leibeigener) населением, λαοὶ βασιλικῆ. Эти λαοί, даже поскольку они живут на храмовых территориях, принадлежат непосредственно царю. Их владельцы каждого данного момента имеют только право пользования (καρτεία) и не могут продавать λαοί. Но эти крепостные (Leibeigenen), чем дальше, тем все больше и больше рассматриваются как настоящие государственные крестьяне. Они получают известную свободу передвижения, продаются и дарятся только вместе с землей, даже получают в своих деревнях известное самоуправление. Их повинность в отношении к царю ограничивается главным образом уплатой ежегодного арендного чинша (Pachtzins). Управляются они особыми чиновниками, для них назначаются также собственные судьи. Наряду с этим мы видим, что Селевкиды стремятся постепенно ликвидировать χώρα βασιλικῆ, раздавая значительные участки χώρα и распродалая или обращая их в городские территории или же каким-либо из этих способов присоединяя к городским территориям. Что случилось с λαοὶ βασιλικῆ в прежней χώρα βασιλικῆ, об этом мы, к сожалению, не имеем данных. При дарениях и продажах λαοὶ остаются прикрепленными к χώρα (an die χώρα gebunden) и платят теперь свой чинш новым владельцам. Но позже они в большинстве превращаются в городских πάροικοι или κάτοικοι, т. е. в городских крестьян (Stadtbauern). Это превращение крепостных (Leibeigenen) в государственных и городских крестьян характеризует, таким образом, политику эллинистических властителей в отношении в λαοὶ βασιλικῆ; но

тем не менее многие феодальные владения (Lehnhertschaften), как и храмовые территории, остаются до римской эпохи при своем старом устройстве.

Как известно, Пергамское царство первым попало в руки римлян. Χώρα βασιλική, естественно, превратились в ager publicus p. R. Со времени Гракхов эта государственная земля сдавалась в аренду публиканам. Публиканы зорко следили за тем, чтобы размеры ager publicus не уменьшались. Естественно, публиканы довольствовались сбором платежей с туземных крестьян и лишь в виде исключения сами вели хозяйство. Дальнейшие завоевания Рима в Малой Азии привели к усвоению им политики Селевкидов. Опять возникают на χώρα βασιλική новые города, опять начинается раздирание больших земельных пространств, опять многие πόλιστα иεροδουлов превращаются в города. Но, с другой стороны, эта эпоха означает поворот назад. Падение влияния публиканов отдает ager publicus в лучших частях Малой Азии в жертву жадности римских магнатов; некоторые римские магнаты, в частности Антоний и его сообщники, создают себе в этой области целые княжества. Этому положению вещей Август готовит конец. В течение немногих лет Август соединил в своих руках почти всю χώρα βασιλική Малой Азии, а тот ager publicus, какой еще оставался, был соединен с ней позже административным путем. Постепенно исчезает и большинство феодальных владений (Lehnhertschaften) и храмовых территорий, дальнейшее основание городов совершается за их счет. К концу I столетия Малая Азия представляет картину провинции, которая состоит, за немногими исключениями, только из городских территорий императорских имений.

Внутренний, социальный и хозяйственный строй этих территорий едва изменился с эллинистической эпохи. Картина, которую рисуют нам надписи III столетия после Р. X., относящиеся к императорским доменам во Фригии, Посидонии и Лидии, лишь немногим отличается от той, какую мы выше набросали для II столетия до Р. X. χώρα βασιλική расчленяется, как и раньше, на κώμαι и κατοίκοι, которые обладают ограниченным, примыкающим к религиозным союзам, самоуправлением. Туземное население состоит из πόροικοι и γεωργοί. Оно обязано платить чинш землевладельцам (Grundherren); чинш взимается туземными откупщика-

ми податей. Во главе управления стоят императорские чиновники (Beamte). Как и раньше, крестьяне прикреплены к своей *кóμη*: она — их *ίδία*, и в своей *ίδία* они должны находиться во всякое время, чтобы быть в состоянии нести многие лежащие на них литургии. Эти-то литургии и отравляют им жизнь. Единственное спасение от притеснений — в бегстве, и можно признать вероятным, что эдикты наместников, которые приглашают к возвращению в *ίδία* на случай ценза, здесь, как и в Египте, заключали в себе много увещаний.

И в городах живется не лучше. И на них лежит гнет учения об *ίδία*; и они обязаны нести те же литургии. Городские должностные лица, которые требуют отбывания литургий и собирают подати, принадлежат почти исключительно к крупным землевладельцам, и эти последние становятся все влиятельнее. Что борьба между такими важными людьми (*Herren*) и мелкими землевладельцами и *пáροικοι* была совершенно неравной, само собой понятно. Городские территории, таким образом, чем дальше, тем все больше и больше превращаются в комплексы крупных поместий (*Grossgrundherrschaften*), хотя правительство от времени до времени и здесь делает попытки покровительствовать мелкому владению. К этим поместьям (*Grundherrschaften*) вступают в подчиненные отношения более бедные граждане городов и большинство *пáροικοι* в качестве арендаторов и подзащитных (*Schutzbefohlene*) землевладельцев (*Grundherren*). Это рост крупного землевладения не ограничивается городскими территориями. И на территории государственной земли мы наблюдаем тот же процесс. Как и в Египте, здесь образуются новые феодальные владения (*Lehnherrschaften*).

3. Африка

После завоевания аграрные отношения провинции Африка были окончательно зафиксированы сохранившимся в надписях законом 111 г. Настоящими собственниками — *domini* — являются только римские колонисты, рядом с ними продолжают существовать некоторые иммунные территории. Но самая большая часть Африки представляет собой *ager publicus p. R.* Значительная часть его оставлена прежним владельцам; эти владельцы называются *stipendiarii*, пла-

тят чинш, *stipendium*, который сдается на откуп публиканам. Наряду с этим развивается в сильнейшей мере римское частое владение, почти исключительно крупное землевладение. Как и в эллинистических царствах, главным образом в Египте, создается это частное владение главным образом путем продажи; путем этой продажи возникает *ager privatus vectigalisque* — римская $\gamma\eta\ \dot{\iota}\delta\dot{\iota}\kappa\tau\eta\tau\omicron\varsigma$. Владельцы его занимают среднее положение между собственниками и наследственными арендаторами и поэтому могут, как и подобные им землевладельцы в Сицилии, неправильно (*abusiv*) называться *domini*. Остальной *ager publicus* по сицилийско-карфагенскому образцу был обложен десятиной (*decuma*) и сдан на откуп публиканам в Риме.

Новые римские владельцы вели отчасти чистое рабское хозяйство, но наряду с этим мы видим, и притом с самого начала, и хозяйство с колонами (*Kolonenwirtschaft*), в особенности на *ager decumanus*. Эти последние держатели (*Afterpächter*) рекрутировались главным образом из обедневших италийских крестьян и из туземных владельцев прилегавшего *ager stipendiarius*. О положении этих колонов в республиканскую эпоху мы, к сожалению, не имеем сведений. Но оно было, как и одновременно в Италии, совершенно прекарным. В императорскую эпоху эти отношения изменяются. Как и в Малой Азии, на территории стипендиариев возникают из туземных деревень более и менее крупные города со значительными территориями. Наряду с ними продолжают существовать крупные поместья (*Grossgüter*) в качестве собственных, к городам не принадлежащих территорий: это в большинстве случаев поместья сенаторов. Наряду с ними растет императорское владение. Особенно сильно увеличилось владение императоров при Нероне, который, как это он сделал и в Египте, конфисковал для себя целое множество сенаторских имений.

Так как императорские поместья в большинстве случаев образовались из частных *saltus*'ов, то они переняли и их способ хозяйства (*Wirtschaftsmodus*), т. е. соединение рабского хозяйства с хозяйством с колонами (*Kolonenwirtschaft*). Но так как новые *domini* в своих поместьях, само собой разумеется, не жили, то сам собой развился обычай сдавать целые поместья в крупную аренду (*in Grosspacht*) кондукторам (*conductores*). В качестве органов контроля над этими арендато-

рами служил постепенно образующийся ряд императорских чиновников.

Для дальнейшего развития время после нероновских конфискаций составляет эпоху. Императорский уполномоченный, нам ближе неизвестный Манциан издал общий, имевший силу для всего *ager publicus* закон, который сохранился для нас в извлечениях. Этот закон регулировал отношения государства к *ager publicus*, к *domini* и к крупным съемщикам (*Grosspächter*) императорских имений, с одной стороны, и отношения между этими последними и мелкими съемщиками (*Kleinpächter*), которые в отношении к государству являлись пересъемщиками (*Alterpächter*), — с другой. Так как из этого закона в нашем распоряжении находятся только сделанные прокураторами и приспособляющие закон к данным обстоятельствам извлечения, которые делались вследствие жалоб *coloni*, то мы хорошо осведомлены только о второй части закона. Повинности различных категорий колонов по этому закону в главном, по-видимому, были одинаковы: *dominus*'у, т. е. собственно кондуктору все они были обязаны платить часть полученных с земли плодов и нести раз навсегда нормированные службы, ручные и с упряжкой (*Hand-und Spanndienste*). Размер чинша и служб определяется, смотря по обычаю поместья, в согласии с его прежним *lex locations* для каждого поместья императорскими прокураторами. Способ (*modus*) уплаты следуемой с колона части плодов обстоятельно определяется в законе.

Новые участки колонов (*Kolonenstellen*) возникают не путем новой сдачи в аренду самими *domini*, т. е. собственно *conductores*, но, насколько нам известно, только путем оккупации впусе лежащей земли колонами поместья. Эти оккупаторы в отношении к своим повинностям поставлены наравне с колонами: оккупанты пахотной земли получают только пожизненный *usus proprius*, те же, которые засаживают свой участок (*die Parzelle*) растениями, становятся наследственными владельцами. Оккупация происходит на основе извещения (*Meldung*) прокуратора, на которое нужно смотреть как на предложение взять землю в аренду (*Pachten gebot*) эллинистического права. *Lex Manciana*, правда, уже скоро после своего появления устарел. Поэтому императором Адрианом он был или дополнен, или заменен в двух новых законах. Один из этих законов регулировал оккупа-

цию лежащей впусе и поэтому еще не возделанной кондукторами земли, другой содержит в себе общие предписания. Большое новшество, которое вносил первый закон, состояло в том, что он превращал в наследственное владение (Erbgut) оккупированные пахотные земли и предоставлял для оккупации неводеланные кондукторами земли. Эти законы — *leges dictae* — имеют поразительное сходство с эллинистическими νόμοι ὀνόης и с сицилийским *lex Hieronica*. Многие предписания этих законов становятся ясными только из сравнения не с нормами римского городского права, но с нормами эллинистических законов об аренде: таковы особенности (Modalitäten) уплаты чинша и предписание об оккупации, т. е. собственно об эмпитевсисе.

Чисто эллинистической является и тенденция этих законов: нормы оккупации, ограничение прав распоряжения (Dispositionsrechte), принадлежавших *domini* и *conductores* в отношении к их поместьям, эмансипация колонов от их произвола, предоставление решающих прав чиновникам, прежде всего права в определенных предписаниями закона пределах осуществлять юрисдикцию, их широкая административная власть принуждения (*administrative Coercitionsgewalt*), полномочие, которое им было дано, приспособлять общие законы к обычаям отдельных поместий, — все эти представляется нам совершенно эллинистическим и делает для нас наглядным процесс превращения частных переселенцев (*Aftergrächter*) в настоящих эллинистических государственных крестьян. Еще лучше освещают нам этот процесс известия, которые мы имеем о внутренней жизни поместий. Деревни колонов и крепости колонов (*castella*), чем дальше, тем все больше и больше, превращаются в настоящие эллинистические *катоикои*. Таким образом, и в Африке возникает государственное крестьянство, на совсем других основах, чем на Востоке. Но покровительство этому государственному крестьянству со стороны императоров не привело к устойчивому результату. И здесь фискальные точки зрения правительства и административные неполадки привели к краху всей системы. Как ни ограничивали деятельность *domini* и *conductores*, они все же оставались посредниками между правительством и колонами, посредниками, без которых правительство не умело регулировать своих отношений к колонам. Они могли (главным образом кондукто-

ры) быть низведены до положения полудолжностных лиц (zu Halbeamten degradiert worden sein), но все они оставались вместе с чиновниками (Beamten) господами колонов. Не partes agrariae, но барщинные повинности, ручные и с упряжкой (Hand- und Spanndienste) вели к сильнейшим притеснениям и жесточайшим экзекуциям. И учение об *idia*, которое с превращением поместий в прочные территории и в Африке прочно утвердилось, в противоположность признанной законом свободе колонов благоприятствовало беспорядкам. Отказ колонов нести больше служб, ручных и с упряжкой (Hand- und Spanndienste), чем было определено законом, заставлял кондукторов ограничивать размеры своего хозяйства; многие поля более не возделывались, и все же колоны не были в состоянии, при неблагоприятных условиях, в которых они жили, тотчас же оккупировать все невозделываемые поля. С другой стороны, раз хотели оказывать покровительство хозяйству кондукторов, то должны были угнетать колонов, и результат был тот, что благодаря этому гнету колоны, как это было и в эллинистические времена, убегали. Окончательным результатом было запустение больших пространств императорской и государственной земли. Подобный же процесс совершался и на городских территориях. Роль кондукторов сыграли здесь крупные землевладельцы, которые входили в состав городских советов.

4. Италия

Об Италии я могу говорить коротко, так как главные вопросы, поскольку речь идет о республиканской эпохе, основательно рассмотрены М. Вебером в его работе «Аграрная история Древнего мира».

Прежде всего нужно подчеркнуть, что к концу республиканского периода крупное землевладение везде в Италии готово было одержать победу, как на *ager publicus*, так и на городских территориях. Но это никоим образом не означает исчезновения крестьянского владения и крестьянского хозяйства: до поздней императорской эпохи включительно они составляли — участки ветеранов не идут при этом в счет — широко распространенное, даже типическое явление. С точки зрения хозяйственной истории эта форма владения и хозяйства сравнительно с крупным хозяйством, которое тогда

дает тон, мало идет в расчет. Особенно сильный расцвет пережило крупное землевладение в I в. до Р. Х. в смутные времена после Гракхов. И здесь значительная часть этих частных владений составляли собственно, чем дальше, тем все более и более, определенно отграчиченные территории, которые трактуются подобно муниципальным территориям.

Крупные поместья самых значительных фамилий, поскольку они не были пастбищами (*Weidegüter*), при всем желании их владельцев (*Herren*) не могли быть возделываемы только с помощью рабского труда. По крайней мере часть их сдавалась свободным колонам в аренду, — форма хозяйства, которая с давних времен была в обычае в Италии. Положение этих колонов нам очень плохо известно: юристы и аграрные писатели рассматривают это отношение как *locatio-conductio*, но, по-видимому, в более крупных поместьях это *locatio-conductio* формально приблизилось к государственной аренде (*Staatspacht*), так как условия просто были продиктованы владельцем в *lex locations* и принимались (*akzeptiert werden*) колонами. Некоторые разбросанные у писателей середины и второй половины I столетия известия о целых войсках, которые составляли некоторые крупные землевладельцы из своих рабов, вольноотпущеников и колонов, позволяют заключить, что социальное положение этих трех категорий сельского населения было почти одинаково; это можно объяснить только тем, что многие рабы и вольноотпущенники разделяли положение колонов, т. е., может быть, владели самостоятельным хозяйством, а с другой стороны — тем, что колоны были связаны с личностью и с хозяйством крупного землевладельца еще и узами клиентелы. При феодализации одной части земли (*Grund und Boden*) Италии не отсутствовал, таким образом, и обычный коррелат — порабощение населения. Но оно было кратковременное. Ибо зачатки его были в большинстве случаев задушены в зародыше императорами — с Цезарем во главе. Тем не менее для Италии крупные поместья частных богачей остаются типическими. Я этим вовсе не хочу сказать, что владение императоров в Италии было незначительно; но оно не было таким дающим тон явлением, каким оно было в Египте, Азии или Африке. Здесь, таким образом, скорее императорское хозяйство следовало за эволюцией частного хозяйства.

Эволюция последнего все более и более клонилась к оставлению рабского хозяйства и к переходу к хозяйству с колонами (*Kolonenwirtschaft*). Положение этих колонов в I—III вв. после Р. Х. делают для нас наглядным известные изображения поэтов эпохи Августа для I в., письма Плиния для II столетия, скудные надписи для позднейших времен. Мы встречаем старые отношения *locatio-conductio*, теперь более частую аренду из части (*Teiracht*), мы наблюдаем все более и более становящийся постоянным обычай пребывания колонов в течение целых десятилетий на одном и том же *fundus*, хотя достаточно часто встречается и сдача земли новым колонам, мы слышим, и чем дальше, тем все чаще, жалобы на обеднение и нерадивость колонов, на растущие *reliqua* (недоимки), на продажу с публичных торгов их инвентаря. Но настоящие условия для появления крепко сидящих на земле (*schollenpflichtigen*) колонов возникли лишь когда, с одной стороны, большие (*grössere*) пространства почвы Италии пришли в запустение, а с другой стороны, Италия, чем дальше, тем все больше и больше становилась обязанной платить подати так же, как и провинции. Благодаря только этому государство было заинтересовано в процветании хозяйства крупных владельцев и выступило в качестве стороны в вечном споре арендаторов и сдающих землю на стороне этих последних. Но это произошло позже, как в провинциях и по образцу их. Для развития колоната Италия имеет поэтому меньше значения, чем провинция, городское право имеет меньшую важность, чем нормы рецепированного эллинистического имперского права.

Приведенные данные об Италии и азиатских и африканских провинциях Римской империи доказывают, что в каждой провинции Римской империи мы с уверенностью можем или констатировать, или предполагать самостоятельное развитие колоната из до-римских хозяйственных и социальных условий. В римскую эпоху доримские аграрные отношения, конечно, не изменяются, самое большее — они приспособляются к нормам римской администрации. Где, как в Египте и на Востоке, существует обширное аграрное законодательство, оно просто рецепируется (самое лучшее доказательство — *lex Hieronica* в Сицилии) и служит базисом для дальнейшего развития. Но где существует только

обычное право, то, поскольку речь идет об *ager publicus* и земле императора, оно кодифицируется в форме императорских *leges locationis* и видоизменяется посредством собственных, опять же по эллинистическим образцам выработанных дополнений.

Императорское законодательство и императорская административная практика как на Западе, так и на Востоке имеет в виду на земле *ager publicus* и императорских доменов или создать (на Западе), или консолидировать (на Востоке) крепкий слой состоятельных государственных крестьян. Основой для этих стремлений служит развитие императорского крупного землевладения за счет частного владения и объединение управления *ager publicus* в руках императоров. Рука об руку с этим идет борьба с крупными съемщиками (*Grosspächter*), которые во многих странах выступают в качестве посредников между государством и государственными крестьянами. Государственных крестьян хотят, насколько это возможно, поставить в непосредственное отношение к государству, а крупных арендаторов превратить в органы государства в виде чиновников-литургов (*zu liturgisch-beamtlichen Staatsorganen*). И в пределах городских территорий покровительствуют, насколько это совместимо с фискальной политикой государства, мелкому владению и городским крестьянам (*Stadtbauern*).

Но это только одна сторона медали. Фискальные точки зрения приводят к тому, что вся Римская империя разделяется на ряд самостоятельных, в качестве фискальных единств (*Einheiten*) служащих территорий. На одной стороне стоят городские территории, на другой — крупные поместья (*Grossgrundherrschaften*), которые большей частью принадлежат императорам, а также некоторым сенаторским фамилиям. На городских территориях, чем дальше, тем все больше, расцветает эллинистическая система финансового управления, которая состоит в том, что состоятельные граждане делаются ответственными за все население города и его территории в отношении к податям и литургиям. Так как богатые граждане в преобладающей части являются крупными городскими землевладельцами, то им выдают (*man liefert aus*) мелкое владение. Городские территории, чем дальше, тем все больше и больше, превращаются в комплексы крупных поместий (*Grossgrundherrschaften*), которые большей частью, с умиранием рабского хозяйства, воз-

делываются попадающими все в большую и большую зависимость колонами.

Подобным же образом складываются отношения и на крупных *salvus*'ах, сельских территориях, которые, как и города, являются самостоятельными фискальными территориями. Мы видели, как на них развивалось, собственно консолидировалось государственное крестьянство. Наряду с этим мы видели также, как постоянное опекавание населения чиновниками, тесная правовая и хозяйственная зависимость государственных крестьян от них, их административные полномочия и полномочие толковать закон приводили вопреки усилиям императоров к тому, что государственные крестьяне все более и более становились прямыми подданными этих чиновников, настоящими государственными рабами по своему положению и настроению.

И в хозяйственном смысле положение государственных крестьян было маловыгодным. Ибо, если императоры и могли своим законодательством способствовать хозяйственному развитию государственных крестьян в самом большом масштабе, они все же не были в состоянии вызвать действительное развитие. Ибо на первом плане для государства всегда стояли фискальные соображения, и они давали полную волю произволу чиновников. А эти последние в большинстве случаев шли рука об руку не с государственными крестьянами, а с крупными предпринимателями. Произошло то, что административная практика, руководившаяся фискальными соображениями и государственной и чиновничьей алчностью, чем дальше, тем все больше и больше, становилась на сторону посредников и закабаливала им государственных крестьян. Результатом был упадок мелкокрестьянской инициативы, обеднение крестьян, их бегство с доменов, уменьшение рождений и запустение домениальных имений. Борьба за существование между мелкими крестьянами, с одной стороны, и чиновниками и крупными арендаторами — с другой, велась во II и III вв. Хотя императоры, как показывают некоторые памятники, принципиально стояли на стороне мелких крестьян, мелкое крестьянство все больше и больше оставалось внакладе, и следствием этого было то, что императоры финансовыми нуждами были побуждены постепенно стать на сторону обладающих большим капиталом крупных владельцев и крупных арендаторов.

Б. КОЛОНАТ С IV СТОЛЕТИЯ ПОСЛЕ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА

Остановить изображенное выше запустение империи, как это пытались делать уже при Августе, путем раздачи неводелываемых земель мелким эмфитевтам императоров, таким образом, не удалось. Уже при Пертинаксе прибегают к другим мерам. Был издан императорский эдикт, по которому все имели право оккупировать запустелые земли даже на территории императорских *saltus*'ов. Указ Пертинакса был не единственным и не первым; к нему примыкает целый ряд императорских конституций, которые открывают частной инициативе крупных владельцев путь к государственным, а также и к городским землям. Я разумею богатое законодательство о *ius privatum salvo* и *dempto canone*, *ius perpetuum*, *ius emphyteuticum*.

Ни одна из этих форм владения не нова; *ius privatum salvo canone* есть дальнейшее развитие *ager privatus vectigalisque* Африки и $\gamma\eta$ $\acute{\iota}\delta\acute{\iota}\omicron\kappa\tau\eta\tau\omicron\varsigma$ Египта, *ius privatum dempto canone* похожа на старую $\gamma\eta$ $\acute{\epsilon}\nu$ $\delta\omicron\rho\epsilon\acute{\alpha}$ и на египетские $\omicron\upsilon\sigma\acute{\iota}\alpha\iota$, *ius perpetuum* есть старая наследственная аренда, которая при римлянах приняла форму *ius in agro vectigali*, и, наконец, *ius emphyteuticum* есть особая форма наследственной аренды. Новым в IV столетии является то, что старые формы пускались в ход массами и являлись средством способствовать развитию крупного землевладения.

Что эти массовые раздачи государственных земель были результатом запустения империи, это доказывает тесная связь, в какой в императорских конституциях эти формы владения находились с постановлениями об $\acute{\epsilon}\lambda\theta\beta\omicron\lambda\acute{\eta}$. Обычай $\acute{\epsilon}\lambda\theta\beta\omicron\lambda\acute{\eta}$ нам уже знаком: это бывший в ходу в Египте с эллинистических времен обычай эксплуатировать некультуривированные земли путем возложения обязанности их возделывания на плечи (крупных) землевладельцев. Этот обычай становится теперь общераспространенным и вместе с обычаем принудительной крупной аренды, которая процветает в Египте уже в I в., а во II в. — во всей империи, составляет главную причину расцвета частного владения на государственных землях.

В коррелате для декурионов и декапротов государство безусловно чувствует надобность и на государственных землях, но полудолжностные арендаторы (*die halbamtliche Pächter*)

доменов, которых в конце концов можно было иметь только с помощью принуждения, не являлись выходом из положения, и пришлось обратиться к раздаче земель вместе с сидевшими на них колонами в постоянное владение, аренду и эмфитевсис. Этим окончательно выдали государственных крестьян крупным частным предпринимателям после многих попыток спасти их.

Но положение этих частных предпринимателей, победителей в борьбе, вовсе не было блестящим. Их большие привилегии даны были им не даром. Для государства они были прежде всего литургами. Крупные землевладельцы, естественно, перекладывали это бремя на плечи колонов и контрибуэнтов, а эти последние отвечали на это давно испробованным средством — бегством. Земли приходили, таким образом, в запустение все больше, владельцы поместий — декурионы и владельцы государственной земли — поднимали одну жалобу за другой и, в конце концов, сами убегали. Если и теперь хотели держаться прежней системы финансового хозяйства, то оставался только один выход — более строгое применение (*die Verschärfung*) старо-эллинистического и даже доэллинистического восточного учения об *ιδία*, ибо при общем бегстве страдали не только финансы, но и военная сила (*die Wehrkraft*) государства: больше не находили материала для военного набора.

А учение об *ιδία* было как бы создано для того, чтобы выручить государство. С тех пор, как государство превратилось в комплекс различных отдельных территорий, каждый имел свое определенное местопребывание (*sein festes Heim*) — как горожанин, так и сельчанин. К этой родине (*Heim*) он был прикреплен прежде всего в финансово-правовом отношении. Чем дальше развивалась литургическая финансовая система, тем крепче каждый прикреплялся к своему родному месту (*Heim*): каждый должен был выполнять на своей родине (*Heim*) неотложные литургические повинности. Если он уклонялся от их выполнения, он платился прежде всего всем своим имуществом. Уже одна перемена родины (*Heim*) была неудобна для государства; но как скоро эти перемены делались постоянными, и в дополнение к этому еще появлялась целая масса не имеющих родины (*heimlozer*) подданных, которые в качестве пролетариата наполняли города, а в качестве разбойников становились чи-

стым бедствием, положение становилось критическим. Особенно тягостным было бегство сельского населения, потому что оно делало почти невозможным всякое хозяйство крупных владельцев, не говоря уже о том, что оно делало невыносимым его расширение. Оставался один только выход — сделать еще более строгим учение об *idēa*, окончательно прикрепить каждого к его родному месту (*Heim*) и каждого беглеца сделать ответственным за его бегство, равно как и каждого, кто принял беглеца, сделать ответственным за этот прием.

Так возникает богатое законодательство четвертого и следующих столетий о прикреплении всего населения к его родине и к его работе (*an ihr Heim und ihre Arbeit*). Только часть его составляют постановления о колонах. Ссылка в одной из этих конституций на *lex a maioribus constituta* напоминает, конечно, только о прежних предписаниях об *idēa*. Прикрепление рабочих к городу и к промыслу (*das Gewerbe*), декурионов и землевладельцев — к городу не создавало в большинстве случаев нового состояния (сословия) (*Stand*). Прикрепление же колонов прикрепляло подданных не к государству, но к землевладельцу, который один был ответствен за колонов перед государством.

Таким образом, возникло новое состояние (сословие) (*Stand*), в хозяйственном отношении нечто среднее между арендаторами и рабами, между государственными крестьянами и крепостными (*Leibeigenen*), положение которого должно было быть фиксировано юридически (*rechtlich*), так как оно представляло собой нечто новое, до тех пор несслыханное. Должно было, таким образом, необходимо возникнуть законодательство, которое отчасти опиралось на обычное право и должно было окончательно оформить (*ausarbeiten*) социальное и правовое положение нового сословия. Приходившая в упадок сила римской юриспруденции уже не могла больше продумать создавшиеся отношения и теоретически формулировать их. Право колонов не было подобно праву граждан и рабов приведено в стройную систему, но оставалось рядом отдельных предписаний, которые схватывали (*anfassten*) как раз то, что являлось спорным и неясным. И задача была нелегкая. Пока шла речь лишь о принудительных мерах, чтобы прикрепить колонов к земле, в распоряжении было много эллинистических мер того же

рода; но когда пришлось устанавливать гражданские права этого гибридного образования, тогда пришлось бороться с несказанными трудностями. Свободен колон или несвободен? Является ли владелец поместья его господином (*dominus*) или же его патроном (*patronus*)? Каково отношение между рабами и колонами? Что должно стать с детьми колонов и с детьми от смешанных браков? В какой момент колон окончательно превращается в составную часть поместья? Каковы его права на его имущество? Эти и другие вопросы возникали один за другим и решались без связи и нередко противореча императорским конституциям, которых мы знаем 43. Основная тенденция этого законодательства везде остается одной и той же: подчеркивают, что колон свободен, но, чем дальше, тем все больше и больше, право колонов формируется (*gestaltet*) по нормам рабского права.

Видно, что колон возник, с одной стороны, из государственного крестьянства, которое корни свои имело в восточном крепостничестве (*Leibeigenschaft*) и постепенно приблизилось к свободной аренде, с другой стороны — из свободной аренды, которая постепенно приближается к государственному крестьянству (*Staatsbauertum*); каждый из этих обоих корней в различных странах развивался различно, имеет в каждой стране различное название и распадается на различные подразделения. Но и государство смотрит на колона с различных сторон: в его отношении к государству и в его отношении к землевладельцу (*Grundherr*). Неудивительно поэтому, что и обозначения колонов в наших правовых источниках совершенно различны. Каждое из этих обозначений передает различный местный или правовой аспект колонов: *inquilinus* и *colonus* (а также *casarii*) суть различные аспекты с точки зрения землевладельца (*Grundherren*), *tributarius* и *adscripticius* — с точки зрения податного управления, *originalis* и *originarius* — с точки зрения учения об *idia*, *plebs* и *populus plebeius* — с точки зрения их социального положения; рядом с этим *homologus coloni* есть чисто египетский аспект колоната, подразделение египетских *coloni*. К этому прибавляются еще новые источники колоната, которые кладут основу опять новым разновидностям: я разумею главным образом поселения варваров в Римской империи, которые отчасти возникли *iure colonatus*, как это было со знаменитыми скирами, и играют такую незаслуженную роль в

теориях о возникновении колоната до нашего времени. Если уже правовое и социальное положение колоната представляет достаточно пеструю картину, которую императоры старались сделать единообразной, то это в еще более сильной мере относится к его хозяйственным отношениям. Но об этом наши источники хранят почти полное молчание.

КОММЕНТАРИИ

Крупнейшие и наиболее известные исследователи Древности, на которых ссылается и с которыми полемизирует М. Вебер

Белох (Beloch) Карл Юлиус (1854—1929) — немецкий историк, специалист по античности; работы по социально-экономическим отношениям греко-римского мира; модернизировал Древность, в анализе источников — сторонник гиперкритицизма.

Бюхер (Büchner) Карл (1847—1930) — немецкий экономист, статистик, представитель новой (молодой) исторической школы. При общей теоретической несостоятельности, работы Бюхера содержат обширный фактический материал по численности населения средневековых городов, организации ремесла и др.

Велльгаузен (Wellhausen), Юлий (род. в 1844 г.) — немецкий историк, ориенталист-семитолог.

Вилавомиц-Мёллендорф (Willamowitz-Möllendorf) Ульрих фон (1848—1931) — крупнейший немецкий филолог-классик, профессор в Грейфсвальде, Гёттингене и с 1897 г. — в Берлине. Осуществил комплексный синтез филологии и истории античной материальной культуры, что позволило ему преодолеть застой в филологической науке, обусловленный слишком продолжительным господством историзма в методологии. Вилавомиц-Мёллендорф расширил сферу изучаемого классической филологией материала, включив в число рассматриваемых периодов эпоху эллинизма, чем навсегда была прервана устоявшаяся традиция преимущественной ориентации на изучение классического периода античности.

Вилькен (Wilcken) Ульрих (1862—1944) — немецкий историк Древнего мира и папиролог. В 1917—1931 гг. — профессор Берлинского университета. Его исследования посвящены главным образом истории эллинизма, в частности деятельности идеализировавшегося им Александра Македонского и социально-экономической истории птолемеевского Египта. Основал журнал «Archiv für Papyrusforschung».

Винклер (Winckler) Гуго (род. в 1863 г.) — немецкий историк-ориенталист, автор книг: «Keilinschriftliche Textbuch zum Alten Testament», «Der Thontafelfund von El. Amarna», «Altorientalische Forschungen» (1893—1905).

Гельбиг (Helbig) Вольфганг (род. в 1839 г.) — археолог, известный, главным образом, каталогизацией и исследованием геркулианских и помпейских росписей. Гельбиг впервые высказал предположение, что эти росписи хотя и исполнены в римское время, но, за немногими исключениями, восходят к эллинистической живописи и представляют более или менее точные копии ее памятников; римские росписи иного стиля большей частью грубо реалистичны.

Кнапп (Кларр) Георг Фридрих (1842—1926) — немецкий экономист и статистик, автор работ по истории аграрных отношений и теории денег.

Кун (Kuhn) Адальберт (1812—1881) — немецкий филолог и историк, один из основателей сравнительной мифологии, автор гипотезы об арийском пранароде, основатель (в 1851 г.) журнала «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung».

Масперо (Maspero) Гастон Камиль Шарль (1846—1916) — французский египтолог; руководил археологическими раскопками в Египте, исследовал тексты на внутренних стенах пирамид.

Мейер (Meuser) Эдуард (1855—1930) — немецкий историк, исследователь Древности (египтолог), профессор в Лейпциге и Берлине, автор «Истории Древности» в 5-ти томах (1884—1902), написанной по принципу синхронного изложения истории Древнего мира и охватывающей всемирную историю со времен возникновения древневосточных цивилизаций по 335 г. до н. э.; придавал важное значение древневосточным цивилизациям, в первую очередь Египту («Египетская хронология», 1904), изучал историю религии («Происхождение и истоки христианства», 1920—1923, 5 т.).

Мейтцен (Meitzen) Август — немецкий статистик (род. в 1822 г.), профессор в Берлине; известен своими работами по истории и статистике земледелия.

Модестов Василий Иванович (1839—1907) — русский историк и филолог, специалист в области античности. В главном сочинении «Введение в римскую историю» (ч. 1—2, 1902—1909) изложил историю древнейшей Италии на основании археологических, лингвистических и историческо-традиционных данных.

Моммзен (Mommsen) Теодор (1817—1903) — немецкий историк античности. Главный труд — «Римская история» (т. 1—3, 1854—1856; т. 5, 1885), в котором Моммзен изложил основную военно-политическую историю Рима до 46 г. до н. э. и дал обзор истории римских провинций, и в настоящее время является одним из наиболее популярных сочинений по античности (Нобелевская премия по литературе, 1902). Также опубликованы работы «Римское государственное право» (т. 1—2, 1871—1875), «Римское уголовное право» (1899) и др.

Пайс (Pais) Этторе (1856—1939) — итальянский историк Древнего Рима. В конце 90-х годов XIX в. выступил как наиболее последовательный сторонник гиперкритицизма, отрицая достоверность римских преданий, историчность царского и раннереспубликанского Рима (до III в. до н. э.)

Ревилью (Revillout) Эжен — французский египтолог (род. в 1843 г.), автор важных работ о демотических письменах.

Рейнах (Reinach) Соломон — французский филолог и археолог (род. в 1858 г.). Проводил ученые экспедиции и раскопки в Смирне, Тунисе.

Робертус (Родбертус-Ягцов — Rodbertus-Jagetzov) Карл Йоганн (1805—1875) — немецкий экономист, известный своими работами по вопросам земельной ренты и прибыли. Выступил с идеей прусского «государственного социализма».

Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952) — русский историк древнего мира и археолог. В 1918 г. эмигрировал в США.

Фуртвенглер (Furtwangler) Адольф (1853—1907) — немецкий историк античного искусства. Опубликовал и определил авторство многих произведений древнегреческого искусства.

Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) Нюма Дени (1830—1889) — французский историк; основные работы посвящены проблеме генезиса феодализма в Западной Европе. Выдвинул идею «непрерывности» развития общества от античности к Средневековью.

Эрман (Erman), Адольф (1854—1937) — немецкий египтолог, профессор в Берлине, известен работами по грамматике древнеегипетского языка, истории египетской культуры и религии, автор книг: «Ägypten und ägyptische Leben im Altertum» (1885—1887), «Ägyptische Grammatik» (1902) и др. Издал самый полный словарь древнеегипетского языка.

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Введение

¹ **Марка** (mark, от древне-верхне-герм. *marka*) — у древних германцев первоначально — граница частных владений и государственных территорий. Позже этим термином стали обозначаться и пограничные провинции (Dänemark — Дания, Steiermark — Штирия). Уже в VII в. слово «марка» получило и другое, переносное значение — округ, расположенный в известных границах и заключавший в себе разного рода владения, состоящие как в общинной, так и в частной собственности. В Западной Европе в средние века маркой называли также сельскую общину, в которой папшя была индивидуальной собственностью (при сохранении некоторых прав общины), а пастбища, леса и другие угодья — общей собственностью.

Альменда (нем. Allmende, от ср.-верх.-нем. *al(ge)meinde* — то, что принадлежит всем) — у германских народов в раннее Средневековье, а позднее и в других странах Западной Европы — земельные угодья, находящиеся в общем пользовании членов общины (аналогично российскому общинному землепользованию). Право пользования альмендой соответствовало прочим правам, в основном имущественным правам крестьян или горожан, и распространялось на все слои обитателей сельской или городской общины.

² **...соединение вассалитета и бенефиция...** — **Вассалитет** (фр. *vassalité*) — в средние века в Западной Европе система отношений личной зависимости одних феодалов (вассалов) от других (сеньюров). **Вассал** (фр. *vassal*) обычно получал от сеньюра феодал (лен) и был обязан нести за это определенные повинности (прежде всего военную службу).

Бенефиций (от лат. *beneficium* — благодеяние) — в период раннего Средневековья в Западной Европе земельное владение, которое жаловалось королем (или каким-либо другим крупным феодалом) в пожизненное пользование вассалу на условии несения военной или административной службы. Постепенно превратился в феодал.

³ **Лен** (нем. *Lehn*) — в Западной Европе в эпоху феодализма (главным образом в Германии) — земельное владение (реже какой-либо другой источник дохода), которое вассал получал от сеньюра на условии несения службы (главным образом военной); с XII в. лен (в отличие от бенефиция) — наследственное владение, практически то же, что и феодал. Ленем называется также подать, собиравшаяся с ленного поместья. Лицо, находящееся в ленной зависимости, т. е. держатель лена, называется **ленником**. В исторической литературе термином «лен» часто называют аналогичные формы феодальной собственности в других странах мира.

⁴ **Intermezzi** — вставки, промежуточные объемы (*ит.*).

⁵ **Талант** (греч. *talanton*, букв. — вес, весы) — самая крупная весовая и денежно-счетная единица Древней Греции, Египта, Вавилонии, Персии и ряда областей Малой Азии; в Древней Греции была равна 60 мин или 6000 драхам.

⁶ *Пелопонесская война* (431—404 гг. до н. э.) — крупнейшая в истории Древней Греции война (по-существу — серия войн) между союзами греческих полисов: Делосским (во главе с Афинами) и Пелопонесским (во главе со Спартой); охватила Грецию и греческие города Южной Италии и Сицилии. В 404 г. осажденные Афины капитулировали. По условиям мира Делосский союз распускался, и Афины вынуждены были вступить в Пелопонесский союз, кроме того они должны были передать Спарте флот (кроме 12 сторожевых кораблей); укрепления Афин и Пирея ликвидировались, признавалась гегемония Спарты в греческом мире. В Афинах устанавливался олигархический режим «тридцати тиранов».

⁷ *Фукидид* (Thucydides) (ок. 460—400 до н. э.) — древнегреческий (афинский) историк; автор «Истории» (в 8 книгах) — труда, посвященного истории Пелопонесской войны (до 411 г. до н. э.); это сочинение считается вершиной античной историографии.

⁸ *Сестерций* (лат. sestertius, от semis tertius — половина трети) — первоначально (со 2-й половины III в. до н. э.) самая мелкая древнеримская серебряная монета достоинством 2,5 асса (а также 2,5 динария), бывшая в обращении до самого конца существования римского государства. В период поздней Римской республики сестерций был уже бронзовой (медной) монетой; Август велел чеканить его весом 23,7 г из латуни. В начальный период Римской империи вес сестерция часто уменьшался. После хозяйственных неурядиц в III в. н. э. чеканка сестерция прекратилась.

⁹ *Веспасиан* Тит Флавий (Titus Flavius Vespasianus) (9—79 н. э.) — римский император, основатель династии Флавиев. Сын откупщика; при Калигуле был военным трибуном, а затем консулом; при Нероне покорил Иудею (за исключением Иерусалима). После низвержения Нерона в 69 г. был провозглашен египетскими войсками императором. Заботился о повышении благосостояния населения; значительно шире, чем его предшественники, распространял на провинциалов права римского и латинского гражданства; при нем был построен амфитеатр Колизей.

¹⁰ *Литургия* (греч. leiturgia) — государственно-денежная повинность богатых граждан и метеков в древнегреческих полисах (например, содержание участников гимнастических состязаний — гимнасиархия, или оплата хоров, выступавших на празднике Диониса — хорегия); чрезвычайной литургией считалась триерархия — снаряжение военного корабля (триеры) триеры. В Древнем Риме литургии соответствовала мунера. Литургия была распространена и в других государствах Древнего мира. Как пишет М. Вебер: «...принцип литургии — прикрепление владения к государственной функции, владельца — к функции владения».

¹¹ *Магазины* — в самом общем смысле это здания или помещения для складирования, хранения, распределения и различного рода реализации каких-либо запасов. Здесь имеются в виду государственные, храмовые или другие общественные учреждения, хранящие и распределяющие чрезвычайные запасы продовольствия на случаи необходимой поддержки бедствующего населения.

¹² *Аннона* (лат. annona, от annus — год) — в Древнем Риме — годовой урожай и запас хлеба, необходимый для снабжения города; общественный хлеб, отдававшийся по низкой цене или вообще даром беднейшему населению; в поздней Римской империи — натуральная повинность населения поставлять продукты и фураж городам и армиям; цены на годовые урожаи, главным образом, хлеба.

¹³ *Остракон* (греч. глиняный черепок) — часть стенки разбитого сосуда, использовавшаяся для записей.

¹⁴ *Птолеми* — в 322 г. до н. э. Египет, находившийся в то время под персидским владычеством (он являлся тогда провинцией Персии), был покорен Александром Македонским, после смерти которого полководец Александра, диадок Птолемей Сотер («спаситель») сын Лага (ок. 367/366—283 до н. э.), в 305 г. до н. э. провозгласил себя царем Египта Птолемеем I, основав царскую династию Птолемеев (Лагидов). В истории Египта началась почти трехсотлетняя эллинистическая эпоха. При последней представительнице династии царице Клеопатре после битвы при Акциуме в 30 г. до н. э. Египет был завоеван Римом и вошел в состав Римской империи в качестве провинции.

¹⁵ *Талмуд* (др.-евр., букв. — изучение) — собрание догматических, религиозно-этических и правовых положений иудаизма, сложившихся в IV в. до н. э. — V в. н. э., главный памятник еврейской раввинской письменности (поучения, легенды, притчи, сведения по истории, географии, астрономии, математике, медицине, естествознанию, промышленности, торговле и др.). Распадается на 2 главные части: 1) Мишна — повторение закона Моисея, т. е. записанные устные предания в дополнение к законам Моисея; состоит из 6 отделов (63 трактата): собрание религиозных, гражданских и уголовных законов, составленных в 189—218 гг. до н. э. на еврейском языке. 2) Гемара (завершение) — собрание толкований к Мишне, изложенных в форме диалогов ученых в палестинских и вавилонских академиях. Составлена в IV—V вв. до н. э. на арамейском языке в 2-х редакциях: иерусалимская Гемара и вавилонская. Последняя пользовалась у евреев наибольшим авторитетом. По содержанию в Талмуде различают части, трактующие о законах — Галаха («Законоположение»), и части, представляющие собой сопутствующие «Законоположению» комментарии и повествования в форме легенд, мифов и т. д. — Агада (или Гагада). К Талмуду написано много комментариев.

¹⁶ *Ойкос* — в античности и раннем Средневековье крупное поместье, основанное на натуральном хозяйстве, не связанное с рынком. Может рассматриваться как определенный тип хозяйства, в чистом виде в конкретной исторической действительности встречающийся на очень ранних стадиях развития.

¹⁷ *Автаркия ойкоса* — имеется в виду политика полного хозяйственного обособления отдельного домового хозяйства.

Автаркия (от греч. *autárkeia* — достаточность, самоудовлетворение) — 1) Отсутствие потребностей и желаний, независимость от окружающих вещей и людей (у Сократа и Платона); способность к блаженству. Согласно киникам и большому числу стоиков, автаркия — отличительный признак мудреца. 2) Политика хозяйственного обособления отдельной страны. Примерно так определял автаркию и Фукидид (политическая и экономическая независимость какой-либо страны от других государств).

¹⁸ *Εργαστήριον* — *эргастерий* (греч. *ergasterion* — рабочее место) — мастерские, не имевшие сколько-нибудь значительного механического или технического оборудования и производившие продукцию на заказ или вырок. Со второй половины V в. до н. э. выступали как организованные мануфактурные производства. С помощью рабов, вольноотпущенников, а также вольнонаемных рабочих при несколько усилившемся разделении (специализации) труда и при значительном числе работников (до 50 рабов в ремесленных предприятиях и до 1000 человек в горных разработках) эргастерий добывались более высокие производственных показателей. Предприниматели часто вели дело не сами, а предоставляли за вознаграждение помещение, инструменты (оборудование), сырье работнику

(рабу), давая ему возможность во всем прочем хозяйствовать самостоятельно. Эргастерии имелись во всех отраслях производства.

¹⁹ *Комменда* (лат. *commenda*) — значение термина описано Вебером в его «Истории хозяйства»: «Первоначально все купцы, входившие в состав товарищества общего риска, сами ездили со своими товарами; то были мелкие торговцы, продававшие свой товар в розницу. Но этот обычай мало-помалу выходит из употребления. Вместо него появляется *commenda* и, по-видимому, одновременно *societas maris*. Она обнаруживается как в вавилонском и арабском, так и в итальянском праве, а с некоторыми изменениями и в ганзейском, и состоит в том, что из двух членов одной ассоциации один остается в родном портовом городе, а другой везет товар за море. Вначале эти взаимоотношения носили характер личной услуги: один из нескольких купцов по очереди перевозил и сбывал товары остальных товарищей. Впоследствии это превратилось в способ пускать деньги в рост. Капиталистами являлись отчасти профессиональные торговцы, отчасти также, особенно на юге, случайные обладатели денег (например, знатные граждане), желавшие выгодно вложить свои излишки в торговое дело. Сделка совершалась таким образом, что отправляющийся в плавание *socius* получал с собой деньги или же товар, оцененный в деньгах; этот вклад составлял торговый капитал и носил техническое наименование *commenda*. Товар сбывался за морем; на выручку приобретался новый и, по возвращении в родную гавань, оценивался и продавался. Дележ барыша производился следующим образом. Если оставшийся дома *socius* вложил в дело весь капитал, то он получал прибыль; если же и путешествующий *socius* вкладывал свою долю (...) то дележ производился поровну. Характерная черта этой сделки состоит в том, что здесь впервые появляется капиталистический расчет...» (см. на стр. 196—197 во втором томе наст. изд.: «История хозяйства. Город». Данное понятие «комменда» не следует путать с коммendaцией (от лат. *commendo* — веритью, передаю).

²⁰ *Вексель* (нем. *Wechsel*, буквально — обмен) — вид ценной бумаги, абстрактное денежное обязательство строго установленной законом формы, безусловный и бесспорный долговой документ. Различают два вида векселей: простой и переводный (тратта).

²¹ *Генуя* (Genova) — город в Италии, один из крупнейших портов Средиземного моря, административный центр провинции Генуя и области Лигурия. В древности Генуя представляла собой поселение лигуров. В средние века она превратилась в могущественную торговую республику, с XIV в. возглавлявшуюся дожем; владела многими колониями на восточном побережье Средиземного моря (в Леванте) и на Черном море (в том числе и в Крыму).

²² *Колон* (лат. *colonus*) — а) арендаторы земли, главным образом мелкие. Колоны выплачивали землевладельцу денежную аренду или выполняли в его пользу натуральные повинности, а взамен получали право обрабатывать арендованный участок земли. Вместе с тем они могли иметь свою собственную землю и обрабатывать ее. В поздней Империи колоны представляли собой зависимый слой сельского населения. К концу III в. они были прикреплены к земле своего хозяина и уже не могли уйти от него. Так юридические права колонов и свобода их передвижения оказались сильно ограниченными. Императоры, начиная с Константина I, принимали множество постановлений, касающихся правового и социального положения колонов. Наличие экономически самостоятельного хозяйства сближало их со средневековыми крепостными, а в классовом отношении

их положение в эпоху поздней античности более походило на положение рабов. Колоны являлись предшественниками средневековых крепостных, но не следует считать, что класс крепостных возник непосредственно из позднеантичной прослойки; б) в латинском языке синоним слова «gusticus» или слова «agricola» (земледелец в широком смысле); в) жители римских колоний в Италии и провинциях.

²³ *Домен* (лат. *dominium*, франц., *domaine*, владение) — земельные владения римского государства, прежде всего императорские. Со II в. первоначально свободные арендаторы через посредство системы колоната все чаще привязывались пожизненным договором к земле. В поздней античности домены стали крупными полуфеодальными поместьями, управляемыми чиновниками. В Западной Европе в эпоху феодализма домен — часть феодального поместья, на которой феодал вел собственное хозяйство, используя труд зависимых крестьян или безземельных работников; королевский домен — наследственные земельные владения короля.

²⁴ *Ceteris paribus* — при прочих равных условиях (лат.).

²⁵ *Эпоним* (греч. *εponυμος*, от *ερι* — после и *οποτα* — имя) — у древних афинян так называли первого из 9 архонтов, именем которого обозначался год; 2) эпонимом называется также вообще всякий, кто дает чему-либо свое имя.

²⁶ *...без рудников Лавриона не было бы аттического флота...* — имеются в виду Лаврийские рудники, расположенные в юго-восточной Аттике. Представляли собой несколько тысяч вырубленных большей частью на глубину 25—55 м шахт и штолен. В 482 г. до н. э. по предложению Фемистокла средства, полученные от разработки этих рудников, были использованы для постройки боевых кораблей. Сам Вебер по этому поводу в своей «Истории хозяйства» пишет так: «Серебряные рудники Лавриона составляли собственность афинского государства. Оно сдавало их в аренду и делило прибыль между гражданами. Афинский флот, одержавший победу при Саламине, был создан на средства, образовавшиеся благодаря отказу граждан получать свою долю дохода в течение целого ряда лет» (См. «История хозяйства», стр. 175 во 2-м т. наст. изд.).

²⁷ *Лукулл* (*Lucullus*) Луций Лициний (ок. 117 — ок. 56 до н. э.) — римский полководец, сторонник Суллы; в 74 г. до н. э. — консул. В войне против Митридата VI, командуя римскими войсками в 74—66 гг. до н. э., добился значительных успехов. Славился богатством, роскошью и пирами («лукуллов пир»).

²⁸ *Драхма* (греч. схваченное рукой) — греческая весовая и денежная единица различного достоинства. Вначале употреблялась на Пелопоннесе. Масса афинской серебряной драхмы (= 6 оболов) составляла 4,36 г. Во времена Солона медин (52,5 л) зерна стоил 1 драхму, бык — 5 драхм, при Перикле прожиточный минимум семьи составлял 1/3 драхмы в день.

²⁹ *Аппиан* (? — 70-е годы II в. н. э.) — историк Древнего Рима из Александрии, грек; автор «Римской истории» от основания Рима до начала II в. (на греческом языке); из 24 книг до нас дошли целиком 6—9 и 11—17, полностью утрачены 18—24.

³⁰ *Катон* (*Cato*) Старший — Марк Порций Цензорий (234—149 гг. до н. э.), прозванный Старшим — римский писатель, консервативный политический деятель, непримиримый враг Карфагена, противник греческого влияния в Риме, поборник староримских нравов. Приобрел известность благодаря своей деятельности на посту цензора в 184 г. до н. э. (отсюда прозвище Цензорий). Стремясь к возврату прежней строгости римских правил и обычаев, Катон очистил сенат и всадничество от недостой-

ных, продажных членов, провел в жизнь закон о налоге на роскошь и намеревался тем самым укрепить и стабилизировать власть римского народа. Его экономическая политика была направлена главным образом на повышение рентабельности средних сельских рабовладельческих хозяйств типа вилл, совершенствование сельскохозяйственного труда, для чего им был на месте изучен соответствующий карфагенский метод и отдано распоряжение о переводе на латинский язык сельскохозяйственных трудов карфагенца Магона. В экономических взглядах Катона отразились укрепляющиеся товарно-денежные отношения в Риме, тенденция к росту торговли и ростовщического капитала, а также возникшая в хозяйственной сфере конкуренция. В области литературы Катону приписывается слава основоположника литературной прозы, но полностью сохранился лишь его трактат «О земледелии» («De agri cultura»).

³¹ *Демосфен* — афинский оратор и политический деятель (384—322 гг. до н. э.), сын богатого оружейного мастера. Несмотря на физический недостаток, целеустремленно упражнялся в красноречии. Занимался адвокатской практикой, сочинял судебные речи, затем перешел к политике и стал идейным вождем в борьбе против Филиппа Македонского, в котором видел опаснейшего врага греческой свободы. В 330 г до н. э. афиняне удостоили его почетного золотого венка за восстановление на свои средства афинских крепостных стен. В своей речи по случаю вручения ему венка Демосфен отстоял свои политические взгляды и вынудил оппонента (Эсхина, который обвинял Ктесифона, предлагавшего наградить Демосфена золотым венком, в нарушении законов) отправиться в ссылку. Несколько годами спустя Демосфен был влутан в аферу с подкупом и вынужден был бежать из Афин (324 г.). После смерти Александра Македонского Демосфен был призван в Афины, но после очередного захвата города македонянами был осужден на смерть и принял яд, чтобы не попасть в руки преследователей (македонского царя Антипатера и его сторонников).

Эсхин (Aeschinus) (ок. 390—314 до н. э.) — афинский оратор и политический деятель, один из вождей олигархической промакедонской группировки, соперник и постоянный противник Демосфена. Потерпев поражение в деле о присуждении Демосфену золотого венка. Эсхин удалился на Родос, где основал школу красноречия.

³² *Peculium* — *пекулий* (от лат. *pecus* — скот) — первоначально означал собственность сына или домашнего раба, состоящую из скота. В римском праве — часть имущества, которую глава семейства (*pater familias*) мог передать сыновьям или рабам в пользование (а не в собственность).

³³ ...как у Плиния... — имеется в виду Плиний Младший (Plinius Junior, 61 или 62 гг. — ок. 114 г.), римский писатель, оратор, адвокат, общественный и государственный деятель, племянник и приемный сын Плиния Старшего. Из сочинений Плиния Младшего сохранились сборники писем («*Epistulae*») в 10 книгах и похвальная речь «Панегирик» императору Траяну. «Письма» рисуют Плиния как образованного, доброго человека, делами доказавшего свою человечность по отношению к рабам и вольноотпущенникам.

³⁴ *Алофорá*, ἡ (арорθoга [огум]) (*áлофора*) — ион. *áлоφορή* — дань, подать; особый оброк, или подать, которую платили своим господам рабы, отпущенные на заработки; форма денежного или натурального обложения раба господином, пожаловавшим этому рабу определенную сумму денег (*пекулий*), для того, чтобы тот мог начать свое дело.

³⁵ *Вольноотпущенники* (лат. *libertus, libertinus*) — рабы, отпущенные на волю актом освобождения. В Греции было также распространено т. н.

культовое освобождение, когда рабы посвящались богу и благодаря этому становились свободными, хотя и не гражданами (положение греческих вольноотпущенников было близко к положению метеков в Афинах). Кроме освобождения по воле господ, рабы, особенно в поздние времена, могли выкупить себя на свои сбережения. Греческие вольноотпущенники не получали гражданских прав. В Риме они могли подняться до высоких постов в государстве (особенно при Клавдии); сыновья вольноотпущенников во времена Империи могли стать всадниками и даже императорами (например Диоклетиан); но в основном они принадлежали к классу мелких производителей и были доверенными лицами своих патронов.

³⁶ *Метеки* (греч. переселенцы) — лично свободные люди, переселившиеся в какой-либо греческий полис и не имеющие в нем гражданских прав. За право на жительство, на занятие ремеслом или торговлей метеки обязаны были платить особый налог — метойкион. Среди метеков были богатые купцы и владельцы ремесленных мастерских.

³⁷ *Revenue Laws* — департамент государственных сборов в птолемеевском Египте; чиновники, собирающие государственные подати. Вебер использует здесь английский термин: *revenue* — годовой доход (особ. государственный), доходные статьи, департамент государственных сборов; *laws* — мн. ч. от *law* — закон; право; правило; судейское сословие.

³⁸ *Пунические войны* — общее обозначение трех войн Рима против карфагенян (пунийцев). К III в. до н. э., когда Карфаген превратился в сильнейшую торговую и морскую державу Западного Средиземноморья, а Рим стал владыкой всей Италии, их стремления к господству столкнулись. В 1-й Пунической войне (264—241 гг. до н. э.) Карфаген потерял все владения в Сицилии и Сардинии и должен был заплатить крупную контрибуцию. Гасдрубал в 226 г. до н. э. основал Новый Карфаген и заключил с Римом так называемый Эбровский договор, согласно которому река Эбро (Ибер) была признана границей между областями, тяготеющими к Риму, и областями, тяготеющими к Карфагену. После того, как Карфаген в 218 г. до н. э. разрушил союзный Риму Сагунт, Рим объявил Карфагену войну. Началась 2-я Пуническая война, в ходе которой (218—201 гг. до н. э.) Ганнибал в 218—216 гг. до н. э. чуть не завоевал Италию, но после потери Капуи, Сиракуз и Тарента в Испании вынужден был вернуться в Африку, где потерпел в 202 г. до н. э. от Сципиона поражение в битве при Заме. Карфаген лишился всех своих внеафриканских владений и роли великой державы. Однако при помощи реформ (переход к рабскому интенсивному плантаторскому хозяйству) он смог относительно быстро преодолеть последствия поражения и снова достиг экономической мощи. В Риме решили навеки уничтожить Карфаген как своего конкурента. Поэтому в 3-й Пунической войне (149—146 гг. до н. э.) он был разрушен, а его жители превращены в рабов. Город и страна стали составной частью Римского государства (часть территории Карфагена была превращена в римскую провинцию Африка, часть передана Нумидии).

³⁹ *Гракс Тиберий* (Tiberius Gracchus) (162—133 до н. э.), римский народный трибун 133 г. до н. э. Происходил из знатного плебейского рода. Пытался проведением демократической земельной реформы приостановить разорение крестьянства. Вокруг реформы разразилась ожесточенная борьба, поскольку ее реализация сильно ударяла по интересам многих оптиматов и поэтому встретила сильное противодействие со стороны сената. В результате закон все-таки удался принять, но ценой смещения (всенародным голосованием) второго трибуна Октавия, наложившего на закон Гракха вето. Недовольство знати было столь сильным, что во время выбо-

ров трибунов на следующий год (134 г. до н. э.), ею были организованы крупные беспорядки, в результате которых Тиберий Грахх был убит.

⁴⁰ *Нерон* (Nero) (37—68) — римский император, последний из династии Юлиев-Клавдиев. При рождении получил имя Лудий Домиций Агенобарб. Был усыновлен императором Клавдием, получил имя Нерон Клавдий Друз Германик Цезарь и женился на дочери Клавдия Октавии. После отравления Клавдия Агриппиной был возведен преторианцами на престол (в 54 г.). Согласно источникам — жестокий, самовлюбленный, развратный. В 59 г. убил свою мать Агриппину, а в 62 г. — жену Октавию; по его приказу покончили с собой его учитель Сенека, а также Лукан и Петроний. Репрессиями и конфискациями восстановил против себя разные слои римского общества. В 64 г. после страшного пожара, уничтожившего $\frac{2}{3}$ города Рима, Нерон, чтобы отвести от себя подозрения в поджоге, обвинил в нем евреев и христиан (первое гонение христиан). С этого же года он стал выступать как актер, певец и возница на арене цирка. Свергнутый Гальбой, 9 июня 68 г. Нерон покончил с собой, а Гальба провозгласил себя императором.

⁴¹ *Чинш* (польск. czynsz) — в феодальной Европе — регулярный фиксированный оброк продуктами или деньгами, который платился сеньюру.

⁴² *Антреприза* (франц. entreprise) — частное зрелищное предприятие.

⁴³ *Мунера* — дарение; дары; приносящий дары (лат.). В Древнем Риме мунера — государственно-денежная повинность богатых граждан; соответствует литургии (см. выше, прим. 11).

⁴⁴ *Мытарь* (от «мыть» — отдавать, брать или снимать внаем; нанимать и отдавать внаем; брать из оброка) — оборотистый человек, кулак, барышник, перекупщик (в настоящее время с негативным оттенком — плутоватый, корыстный, хотя и не мелочный, человек); в Евангелиях мытарями называются сборщики податей.

⁴⁵ *Киники* (лат. cynici) — наиболее значительная сократическая школа древнегреческой философии. Получила свое имя либо от Киносарга — гимнасия, в котором со своими учениками занимался основатель кинизма Антисфен, либо от слова «куон» (собака), поскольку Антисфен считал, что жить следует «подобно собаке». Главные представители кинической школы — Антисфен и Диоген Синопский.

⁴⁶ *Волость* — (ἑξουσία (супр.) — область, территория; государство; тираны — власть) — власть; часть земли, государства во владении одного лица; княжеский удел; бытовая единица сельского населения. Волость состоит из нескольких населенных пунктов, владеющих общей землей и выбирающих на сходах старост и других представителей власти. (В древнерусском праве — территория, находящаяся под одной властью; в этом смысле волостью назывались княжества и подвластные им земли; позднее — полусамостоятельный удел; сельская территория, подчиненная городу. В московский период волость имеет 2 значения: крестьянской общины и административного округа. С конца XIV в. — часть уезда. С 1861 г. — единица сословного крестьянского управления.)

⁴⁷ *Аркадия* — горная область в центральной части Пелопонесса, жители которой занимались скотоводством (воспеты поэтами «аркадские пастухи»). В конце II тысячелетия до н. э. «ахейских» аркадян вытеснили в Аркадию дорийцы. Около 550 г. до н. э. Аркадия попала под спартанскую гегемонию. После поражения при Левктре в 371 г. до н. э. был образован союз городов, в который вошли, помимо прочих, Мегалополь, Мантинейя, Тегея и Орхомен. С 250 г. до н. э. аркадские города принадлежали к Ахейскому союзу. С 146 г. до н. э. Аркадия отошла к Риму.

Самниум (Самний) — в древней Италии область Аппенин между Апулией, Луканией, Кампанией, Лацием.

Самниты — италийские племена Средней Италии, не составлявшие прочного политического единства; населяли центральную и южную часть Аппенин; в результате Самнитских войн к началу III в. до н. э. были покорены римлянами. Рим заложил в Самнии многочисленные колонии и конфисковал большую часть плодородных земель. В 88 г. до н. э. самниты, как и все прочие италики, получили права римского гражданства.

Самнитские войны (в общей сложности 3 войны: с 343 до 290 гг. до н. э.) — между Римом и союзом италийских племен во главе с самнитами; велись за господство в Центральной Италии. В результате войн союз был распущен, а италийские племена подчинены Риму.

Персида (Парса) — историческая область в Иране; называлась так до арабского завоевания VII в. С VII в. и до настоящего времени носит название Фарс. В средние века — ядро ряда феодальных государств.

⁴⁸ **Фратрия** — *phratría* (греч. — братство) — в родовом обществе союз нескольких родов, позднее в греческих полисах — гражданское объединение с единым культом и общим владением. Несколько фратрий составляли филу. В Афинах в древнейшее время существовало 12 фратрий примерно по 30 родов в каждой. Первоначально права гражданина определялись членством в какой-либо фратрии. После реформ Клисфена в конце VI в. до н. э. за фратриями сохранилось лишь религиозное значение.

Фила — *φιλῆ* (греч.) — в Древней Греции при первобытно-общинном строе — племя, состоявшее из 3 фратрий, которые в свою очередь делились на отдельные роды; при рабовладельческом строе фила — территориальный округ, основное подразделение гражданского коллектива в древнегреческом полисе; по своему происхождению она восходит к родовому обществу. Фила состояла из нескольких фратрий, образовывала культурное сообщество со своими собственными жрецами, в периоды войны представляла собой воинское подразделение. Число фратрий было различным, в Ионии чаще всего их было 4, в дорийской области — 3. Клисфен заимствовал слово «фила» для территориального деления Аттики и создал в 508—507 гг. до н. э. 10 новых фил, как административных единиц, причем старым филам, в которых власть находилась в руках родовой знати, он также оставил только религиозные функции. Эти новые филы распались в свою очередь на три триттии (побережье, город и горы) и многочисленные демы. Каждая фила посылала в совет 50 членов, пританов, занимавшихся ведением дел в совете на протяжении $\frac{1}{10}$ части года.

Курия — *curia* (лат.) — 1) объединение мужчин-воинов в Древнем Риме; 2) совокупность 10 патрицианских родов в Древнем Риме (10 курий составляли трибу), а также здание, в котором собирался сенат в Древнем Риме; 3) провинциальный городской совет в Римской империи; 4) в Западной Европе в средние века — совет сеньора с его вассалами (королевская курия — собрание крупных феодалов, созывавшееся королем).

Триба — *tribus* (от лат. tres — три) — первоначально — каждое из 3 подразделений, на которые делилось население Рима по происхождению: Ramnes (Рамны — римляне), Tities (Тации — сабиняне) и Luceres (Луцеры — альбанцы или этруски). Позже трибы стали образовываться по территориальному признаку (4 городские и 16 провинциальных). Еще позднее Сервий Туллий разделил территорию Рима уже на 35 административных округов: 4 городские трибы (*tribus urbanae*) и 31 сельская (*tribus rusticae*).

⁴⁹ **Давид** — царь Израильско-Иудейского государства в конце XI в. — около 950 г. до н. э. Провозглашенный царем Иудеи после гибели Саула,

Давид присоединил к ней территорию израильских племен и создал государство со столицей в Иерусалиме. По библейской легенде юноша Давид победил великана Голиафа. (См. выше, прим. 111 к Части 1).

Основатель Рима — имеется в виду первый римский царь Ромул (Romulus), который, согласно легенде, со своим братом-близнецом Ремом (оба они, согласно той же легенде, — сыновья Реи Сильвии, дочери царя Нумитора из Альбалонги, и бога Марса — были вскормлены волчицей и воспитаны пастухом) в 753 г. до н. э. основал на реке Тибр город Рим. Убив брата, Ромул населил Рим бесприютными беглецами, дал им в жены сабинянок и установил гражданское и военное устройство.

⁵⁰ *Акрополь* (akrópolis) — возвышенная и укрепленная часть древнегреческого города, так называемый верхний город; крепость (убежище на случай войны). Наиболее известен акрополь в Афинах.

⁵¹ *Primus inter pares* — первый среди равных (лат.).

⁵² *Клиентела* (лат. clientela, от cliens букв. послушный) — форма социальной зависимости, характерная для ранней стадии рабовладельческого строя в Италии (VI—III вв. до н. э.). Выражалась в персональном или коллективном подчинении клиентов главе рода или большой семьи, которому клиент был обязан прежде всего сельскохозяйственными повинностями с надельной земли и военной службой. Клиентами становились либо чужеродные, а позднее иноплеменники, попавшие в зависимость в результате завоевания, либо младшие сородичи. У знаменитых римских полководцев в клиентелах пребывали целые завоеванные ими народы.

Клиенты — (лат. ед. ч. cliens) — в Древнем Риме отдельные лица или целые общины, отдававшиеся под покровительство патрона; они получали его родовое имя и земельные наделы, неся сельскохозяйственные и военные повинности в его пользу. Происхождение класса спорно: это либо получившие свободу рабы, либо добровольно ушедшие в зависимость свободные жители Лациума. Не следует путать клиентов с плебеями.

⁵³ *Ашшур* (Ашшур) — город (IV тысячелетия до н. э. до 614 г. до н. э.) в Ассирии; с середины II тысячелетия до н. э. — столица Ассирии; ныне это руины Кальат-Шаргат в Ираке (укрепления, храмы, зиккураты, жилые и торговые кварталы, библиотека клинописных текстов).

⁵⁴ *Нибелунги* (Nibelunge, по-сканд. Niflungar) — бургундское родовое имя. Бургунды — восточно-германское племя, древнейшие поселения которого находились в районе устья реки Одер. Оттуда они переселились в долину реки Майн. В IV в. бургунды потеснили алеманнов и в 407 г. переправились через Рейн. В 413 г. они получили от императора Гонория приграничные области Галлии (в районе Вормса и Майнца) и осели там после сокрушительного поражения, нанесенного в 437 г. бургундскому королю Гундиоу Аэцием и гуннами в Сапавдии (Савойе) в районе Женевы (эти события нашли свое отражение в сказаниях о Нибелунгах: наиболее распространенный мотив в «Песни о Нибелунгах» — история отношений Зигфрида с бургундскими королями, включая его убийство, и история гибели бургундов). Легендарные сокровища нибелунгов, их заколдованный золотой клад как раз и представляли собой «...«сокровищницу», эту непременно опору всех первобытных «царей»...». В немецкой «Песни о нибелунгах» нибелунгами названы первоначальные обладатели клада (которым затем завладел Зигфрид) — король «страны нибелунгов», его сыновья Шильбунк и Нибелунг и их дружинники — сказочные существа (великаны или люди огромного роста и необычайной силы), а также бургундские короли Гибихунги (Гунтер и его братья) — после перехода в их руки клада.

⁵⁵ *Второзаконие* — пятая книга Пятикнижия.

Пятикнижие — первые 5 книг Ветхого Завета, приписываемых Моисею: Бытие Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Основная часть Пятикнижия создана в IX—VII вв. до н. э., но основную редакцию его относят к V в. до н. э.

♦¹⁵ ...То поставь над собою царя, которого изберет Господь, Бог твой; из среды братьев твоих поставь над собою царя; не можешь поставить над собою *царем* иноземца, который не брат тебе. ¹⁶ Только чтоб он не умножал себе коней и не возвращал народа в Египет для умножения себе коней; ибо Господь сказал вам: «не возвращайтесь более путем сим»; ¹⁷ И чтобы не умножал себе жен, дабы не развратилось сердце его, и чтобы серебра и золота не умножал себе чрезмерно...» (Второзаконие; 17, 15—17).

⁵⁶ *Иосиф* — в библейской мифологии самый любимый из 12 сыновей Иакова и Рахили; был продан братьями в рабство; после долгих злоключений стал править Египтом в качестве первого сановника (наместника фараона).

...*легенда об Иосифе*... — Семь плодородных лет в Египте сменились семью годами голода. ♦⁵⁶ ...Отворил Иосиф все житницы и стал продавать [накопленный в системе государственных магазинов] хлеб Египтянам...» (Бытие, 41, 56) ♦¹⁴ ...Иосиф собрал все серебро, какое было в земле Египетской и в земле Ханаанской, за хлеб, который покупали, и внес Иосиф серебро в дом фараона. ¹⁵ И серебро истощилось в земле Египетской и в земле Ханаанской. Все Египтяне пришли к Иосифу и говорили: дай нам хлеба; зачем нам умирать пред тобою, потому что серебро вышло у нас? ¹⁶ Иосиф сказал: пригоняйте скот ваш, и я буду давать вам за скот ваш, если серебро вышло у вас. ¹⁷ И пригоняли они к Иосифу скот свой; и давал им Иосиф хлеб за лошадей, и за стада мелкого скота, и за стада крупного скота, и за ослов; и снабжал их хлебом в тот год за весь скот их. ¹⁸ И прошел этот год; и пришли к нему на другой год, и сказали ему: не скроем от господина нашего, что серебро истощилось и стада скота нашего у господина нашего; ничего не осталось у нас пред господином нашим, кроме тел наших и земель наших. ¹⁹ Для чего нам погибать в глазах твоих, и нам и землям нашим? купи нас и земли наши за хлеб; и мы с землями нашими будем рабами фараону а ты дай нам семян, чтобы нам быть живыми и не умереть, и чтобы не опустела земля. ²⁰ И купил Иосиф всю землю Египетскую для фараона, потому что продали Египтяне каждый свое поле; ибо голод одолевал их. И досталась земля фараону. ²¹ И народ сделал он рабами от одного конца Египта до другого. ²² Только земли жрецов не купил, ибо жрецам от фараона положен был участок, и они питались своим участком, который дал им фараон; посеум и не продали земли своей. ²³ И сказал Иосиф народу: вот, я купил теперь для фараона вас и землю вашу; вот вам семена, и засевайте земою. ²⁴ Когда будет жатва, давайте пятую часть фараону; а четыре части останутся вам на засеяние полей, на пропитание вам, и тем, кто в домах ваших, и на пропитание детям вашим. ²⁵ Они сказали: ты спас нам жизнь; да обречем милость в очах господина нашего, и да будем рабами фараону. ²⁶ И поставил Иосиф в закон земле Египетской, даже до сего дня: пятую часть давать фараону, исключая только землю жрецов, которая не принадлежала фараону.♦ (Бытие; 47 14—26).

⁵⁷ *Патримониальный* (лат. patrimonialis) — наследственный, родовой.

Патримоний, патримониум (лат. patrimonium) — наследственное, родовое имущество, состояние; наследственное имя, вотчина; наследство, наследие.

⁵⁸ *Гоплит* (гр. hoplites) — тяжеловооруженный пехотинец в полисном ополчении Древней Греции в VI—IV вв. до н. э. В отличие от бойцов-одиночек гомеровского времени гоплиты сражались в сомкнутых фалангах, ставших в Спарте и Афинах примерно с VII в. до н. э. решающей системой организации вооруженных сил. Гоплитом мог стать человек, обладающий гражданскими правами и средствами для обеспечения собственного снаряжения (гоплиты носили большой щит, шлем и панцирь, а также поножи; его главным оружием были копье и меч).

⁵⁹ *Фидеикомисс* (лат. fideicommissum — поручение по вере) — управление имуществом по завещательному отказу, содержащему распоряжение о передаче имущества или его части другому лицу: в римском частном праве — неформальное поручение наследователя наследнику о выдаче третьему лицу из наследства определенного имущества, а также само имущество (в Германии в Новое время — родовое имущество, отчуждавшееся и передававшееся по наследству в особом порядке). (Фидеикомиссами называли неформальные легаты, заключавшие в себе просьбу (умирающего), устную или письменную, дать или сделать что-либо для другого лица, в завещании не упомянутого, под честное слово.).

⁶⁰ *Сервитут* (лат. servitus [servitutis] — обязанность, обязательство, повинность, рабство) — юр. признанное в законодательстве ряда государств право пользования чужим имуществом в определенных пределах (например, право прохода, проезда через соседний участок земли) или право на ограничение собственника в определенном отношении (например, запрещение прорубать из дома окно в чужой двор и т. д.); первоначально возник путем превращения в определенного рода повинности старых общинных прав.

⁶¹ *Иммунитет* (лат. immunitas (immunitatis) — освобождение от чего-либо) — юр. исключительное право не подчиняться некоторым общим законам, предоставленное лицам, занимающим особое положение в государстве. В феодальном праве Западной Европы — совокупность прав феодала осуществлять в своих владениях некоторые государственные функции (суд, сбор налогов и др.) без вмешательства центральной власти.

⁶² *Этоляне* (этолийцы) — жители Этолии — гористой местности в центральной части Древней Греции, занимавшиеся охотой и скотоводством (коневождением). Политическую роль этолийские племена стали играть в период правления Александра Македонского и во времена войн диадохов. В 370 г. до н. э. они основали Этолийский союз, к которому примкнули локряне и аркадяне; он представлял в центральной части Греции политический противовес Македонии.

⁶³ *Кельты* (галлы) — древние индоевропейские племена, обитавшие во 2-й половине I тысячелетия до н. э. на территории современных Франции, Бельгии, Швейцарии, южной части Германии, Австрии, северной Италии, северной и западной Испании, Британских островов, Чехии, частично Венгрии и Болгарии. Наиболее значительные племенные группы: бойи, гельветы, белги, секваны, эдуи и др. К середине I в. до н. э. были покорены римлянами.

⁶⁴ *Аттическая демократия времен гегемонии* — имеется в виду период в истории Афин с 479 по 431 гг. до н. э. (так называемое пятидесятилетие), когда Афины и вся Аттика переживали наивысший политический и культурный расцвет и превратились в центр культурной жизни всей Греции. В этот период у власти в Афинах находилась демократическая группировка с выдающимся лидером Периклом. Политическими и военными гегемонами Греции этого периода были Афины и Спарта.

Часть I
ДРЕВНИЙ ВОСТОК

Глава первая
МЕСОПОТАМИЯ

¹ *Хаммурапи* — царь Вавилонии, правивший около 1792—1750 гг. до н. э. Политик и полководец, он подчинил большую часть Месопотамии, включая Ассирию; известен как устроитель государства (им были предприняты и осуществлены большие работы по осушению и орошению страны, было прорыто несколько новых каналов и сделана одна огромная насыпь на реке Тигр для предотвращения наводнений) и законодатель (в 1901 г. в городе Суза был найден диоритовый камень с вырезанным на нем сборником законов царя Хаммурапи. Сходство законов Хаммурапи с Моисеевым законодательством является предметом обсуждения в обширной полемической литературе).

² *Сезам* — то же, что и кунжут: род одно- и многолетних трав семейства сезамовых (кунжутных). Возделывают в основном Кунжут индийский, в семенах которого содержится до 65% пищевого кунжутного масла.

Колоквинты — горькие тыквы — субтропические овощи, употреблявшиеся как слабительное средство.

Латук — род трав, реже кустарников семейства сложноцветных. Латук посевной — салатное овощное растение.

Кишнец — то же, что кориандр: род однолетних трав семейства зонтичных. Культивируют для получения эфирного масла и жирного технического масла. Молодые побеги (кинза) используются как приправа.

Иссоп — род многолетних трав и полукустарничков семейства губоцветных. Иссоп лекарственный содержит эфирное масло, применяемое как пряность.

³ *Сиппар* — город примерно в 25 км к северу от Вавилона на реке Евфрат. Сохранились развалины древнего храма в честь бога Самаса (Солнца).

⁴ *Бург* (*позднелат.* burgus от *греч.* *βύργος*) — укрепленное поселение городского типа; в Западной Европе в средние века — замок, укрепленный пункт.

⁵ *Санхериб* — имеется в виду Синахериб, сын Саргона II — царь Ассирии в 705—680 гг. до н. э. Покорил Вавилонию и разрушил (в 689 г. до н. э.) Вавилон, перенес столицу в Ниневию, в которой построил великолепный храм; заставил платить дань Иудею. Был убит сыновьями.

⁶ *До эпохи «законодательства»* — в VII—VI вв. до н. э. господствовавшее в Греции обычное право было модифицировано и зафиксировано отдельными законодателями (Дракон, Солон, Клисфен). Первым законодателем в Древней Греции был легендарный спартанский царь Ликург, IX—VII вв. до н. э. создавший законы и политические институты спартанского общества. Собственно «эпоха законодательства» в Аттике начинается с законов афинского архонта Дракона, принятых в 631 г. до н. э.

⁷ *Легитимация* (*лат.* legitimus законный) — признание или подтверждение законности какого-либо права, полномочия; легитимационное свидетельство — документ, утверждающий данное право.

⁸ *Апофеоз* (*греч.* apotheosis обожествление) — прославление возвеличивание какого-либо лица, события, явления.

⁹ *Кадастровые карты* — от кадастр (*франц.* cadastre) — систематизированный свод сведений, составляемый периодически или путем непре-

рывных наблюдений над соответствующим объектом (например, земельный кадастр, водный кадастр и пр.); описание и оценка частных земельных владений с целью проведения правильного налогообложения и др.

¹⁰ *Салманасар II* — царь Ассирии в 1031—1020 гг. до н. э., завоевал большую часть Сирии; воздвиг великолепный храм в Калахе.

¹¹ *Цейхгауз* (нем. Zeughaus) — уст. воинский склад оружия, обмундирования, снаряжения и т. д.

¹² *In truste* — в доверии (лат.).

In hoste — в войске (лат.).

¹³ *Клерухи* — владельцы земельного участка — клера. Такие участки выделялись в ранних греческих полисах и особенно в колониях; земля между гражданами распределялась по жребию, причем эта процедура повторялась периодически, чтобы никто не оказался обделенным. С установлением частной собственности на смену жеребьевке пришла система передачи земельных участков по наследству. Так создавались клерухии (гражданские колонии), бывшие одним из средств контроля над союзниками, а также над важными морскими путями. В эллинистическую эпоху клерухи — это военные поселенцы.

Лагиды — царская династия Птолемеев, правившая в Египте; названа по имени Лага, отца Птолемея I. (См. также прим. 14 к Введению).

¹⁴ *Саргон* — имеется в виду Саргон II, царь Ассирии в 722—705 гг. до н. э.; в 722 г. до н. э. разгромил Израильское царство, в 714 г. до н. э. нанес поражение Урарту.

¹⁵ *...во времена Артаксерксов...* — в государстве Ахеменидов было три царя Артаксеркса — Артаксеркс I Долгорукый (465—424 до н. э.), завершивший греко-персидские войны заключением в 449 г. до н. э. Каллиева мира с Афинами и тем самым зафиксировавший поражение персов; Артаксеркс II Мнемон (404—358 до н. э.), победивший и убивший своего брата Кира-младшего; и Артаксеркс III Ох (358—338 до н. э.), добивавшийся укрепления государства, ослабленного при его предшественниках и завоевавший Египет.

¹⁶ *Ретракт* (от лат. retractus — оттягивание назад; возвращать, вновь брать) — в данном случае имеется в виду обратный выкуп земли; юр. retracti — отказ истца от исковых требований.

¹⁷ *Регалия* (лат. regalis, мн. ч. regalia — царский, принадлежащий царю) — в феодальной Западной Европе монопольное личное право королей и (через их пожалования) крупных феодалов на получение определенных доходов (от чеканки монет, от рыночных пошлин, от штрафов, от разработки рудников и др.). В этом смысле термин «регалия» до настоящего времени иногда употребляется в юридической науке в таких словосочетаниях, как «таможенная регалия», «судебная регалия» и др. Регалиями называются также внешние знаки монархической власти — корона, скипетр и др. Иногда регалиями называют знаки отличия (ордена, медали).

¹⁸ *Асархаддон* (ассир. Ашшурахиддин) — третий царь ассирийской династии Саргонидов (правил с 680 по 669 гг. до н. э.). Вел войны в Аравии и Финикии, в 672 г. до н. э. одержал победу над Египтом, подавил восстания в Халдее и Финикии. Восстановил разрушенный его отцом Синахерибом Вавилон.

¹⁹ *Гудеа* (?—2123 до н. э.) — правитель Лагаша в XXII в. до н. э., при котором было построено большое количество храмов, и расцвели литература и искусство.

²⁰ *Patria potestas* — власть отца (лат.).

²¹ *Filius familias* — сын в семье; мн. ч. — *fili familias* (лат.).

²² *Factores et discipuli* — приказчики и ученики (лат.).

²³ *Retento usufructu* — с учетом износа в результате использования (лат.).

²⁴ *Inter liberos* — между детьми (лат.).

²⁵ *Патрон* (лат. *patronus* — защитник, покровитель) — в Древнем Риме — знатный римский гражданин (первоначально — из патрициев), покровитель зависимых от него (часто многочисленных) клиентов и вольноотпущенников и их защитник на суде.

Патронат (лат. *patronatus*) — в Древнем Риме форма покровительства (получение земли, защита в судах и др.), приводившая к зависимости неполноправных или бедных граждан (клиентов) от граждан богатых и влиятельных (патронов); патронат широко использовали в политической борьбе.

²⁶ *Assertor in libertatem* — гарант свободы (лат.).

²⁷ *Сисахтия* (сисахфия) — отмена всех долгов, обеспеченных землей или личностью должника. Введена Солоном. (См. ниже, прим. 93 к главе 3, Израиль).

²⁸ *In quo potuerit* — по возможности (лат.).

²⁹ *Карфаген* — древний город-государство в Северной Африке (в районе современного города Тунис). Был основан в 825 г. до н. э. финикийцами. К началу III в. до н. э., завоевав Северную Африку, Сицилию (кроме Сиракуз), Сардинию и Южную Испанию превратился в могущественную рабовладельческую державу Средиземноморья, что привело к столкновению между ним и Римом. После поражения в Пунических войнах Карфаген был в 146 г. до н. э. разрушен римлянами, а основная карфагенская территория вошла в состав римской провинции Африка.

³⁰ *Зекель* (сикль) — монетной системы у древних вавилонян не было. Ее заменяла весовая система драгоценных металлов. Наиболее ходовой мелкой единицей этой весовой системы был сикль (серебряный и золотой), составлявший $\frac{1}{60}$ мины, которая, в свою очередь, составляла $\frac{1}{60}$ часть таланта. В весе этих единиц, впрочем, не было устойчивости, и он значительно колебался. Талант был двойного рода — тяжелый и легкий; последний был вдвое легче первого, а сообразно с этим видоизменялся вес и других единиц. Тяжелый талант серебра, например, весил 60,6 кг. По этому расчету мина весила 1,010 г, сикль — 16,83 г; легковесный талант 30,3 кг, мина 505 г, сикль 8,41 г. Эта система распространилась по всей Западной Азии и мы постоянно сталкиваемся с ней в Библии.

³¹ *Антихреза* (греч. *antichresis*) — договор, в силу которого кредитор получает право извлекать в свою пользу доходы из переданного ему в обеспечение долга залога.

³² *Fundi instructi* — учрежденных фондов (имуществ) (лат.).

³³ *Эмфитевсис* (греч. *emphyteusis* — право насаждения) — наследственная аренда участка земли; часто осуществлялся в целях распашки пустующих земель.

³⁴ *Новь* — целина, непашь, залог. Поднимать новь — пахать целину.

³⁵ *Quarta proficui* — прибыли в одну четверть (лат.).

³⁶ *Ашшурбанипал* — царь Ассирии в 669 — ок. 633 до н. э., сын Асархаддона. Воевал с Египтом, Эламом, Вавлонией. Вошел в историю как собиратель древних письменных памятников (клинописная библиотека Ашшурбанипала была найдена на месте Ниневии). Славился своей изнеженностью и распутством. Когда враги осадили Ниневию, Ашшурбанипал приказал соорудить огромный костер и предал себя сожжению вместе со всеми своими сокровищами, женами и наложницами. Легенда увековечила его под именем Сарданапала.

Глава вторая ЕГИПЕТ

³⁷ *Демотическое письмо* (от греч. *demos* — народ) — курсивная разновидность иероглифического письма (упрощенный вид иероглифов), содержит много сокращений, отдельные знаки связаны лигатурами. С конца VIII в. до н. э. использовалась в светской литературе.

³⁸ *Номарх* (от греч. *nomárches*) — правитель нома — царский наместник в Древнем Египте (возглавлял административный аппарат, суд и войско нома, ведал ирригацией, контролировал сбор налогов).

Ном (от греч. *nomós* — область, округ) — административный округ в Древнем Египте. Каждый ном имел политический и религиозный центр, войско, герб, своих богов-покровителей. (Ном также — административно-территориальная единица в Греции).

³⁹ *Диодор Сицилийский* (греч. *Diodoros Sikeliotes*) (ок. 90—21 до н. э.) — древнегреческий историк эпохи эллинизма, автор 40 книг по всемирной истории («Историческая библиотека»), из которых кн. 1—5 и 11—20 сохранились полностью, а остальные дошли до нас во фрагментах. В «Исторической библиотеке» синхронно излагается история Древнего Востока, Греции и Рима с легендарных времен до середины I в. до н. э.

⁴⁰ *Эпоха Шешонкидов* — период правления XXII (Ливийской) династии (950—730 до н. э.) египетских фараонов; названа по имени Шешонка I (царствовал с 950 до 929 гг. до н. э.), основателя династии, совершившего военный поход в Иудею и Израильское царство.

⁴¹ *Гиксосы* — кочевые азиатские племена семитского происхождения, около 1700 г. до н. э. пришли из Сирии и захватили Египет. Поселившись в Дельте, они основали свою столицу Аварис и их цари Гиксосы (Гакушасу, т. е. «цари-пастухи») управляли Египтом 3 века. В начале XVI в. до н. э. господство гиксосов было ликвидировано египтянами. Изгнанием гиксосов страна была обязана царям Верхнего Египта (предположительно Амазису — около 1530 гг. до н. э.), вследствие чего столицей Нового Царства стал город Фивы.

⁴² *Кáμη* — деревня, село; реже в значении: квартал города (греч.).

Πόλις — город, иногда в значении: родной город, главный город, главная часть города (например, Акрополь); совокупность всех граждан; государство (греч.).

⁴³ *Дарий* (греч. *Dareios*, др.-перс. *Daraiavus*) — здесь имеется в виду Дарий I, царь государства Ахеменидов (в 522—486 гг. до н. э.), сын Гистаспа; вступил на престол после смерти персидского царя Камбиза и убийства Лжемердиса. Провел административные — разделил страну на сатрапии, т. е. провинции, которыми управляли наместники (сатрапы), — налоговые и другие реформы; при нем было развернуто гигантское строительство (в частности, был прорыт канал между Нилом и Красным морем). Время царствования Дария I — период наивысшего могущества Ахеменидов: в 520 г. до н. э. Дарий еще раз завоевал Вавилон; его влияние в Азии достигло Инда. Однако он терпел и неудачи: бесславный поход на скифов и два провалившихся похода на греков (во время второго похода персидское войско было разбито в 490 г. до н. э. Мильтиадом в знаменитой битве при Маратоне).

⁴⁴ ...*в эпоху династий Тутмоса и Аменхотепа...* — *Тутмос* — имя четырех египетских фараонов XVIII династии. Самый известный из них является Тутмос III (1525—1473 до н. э.), прославившийся своими победоносными походами, расширившими пределы Египта, захватив Сирию и Палестину.

Аменхотеп (Аменофис) — имя нескольких египетских фараонов XVIII династии. Самыми известными являются Аменхотеп III, прославившийся грандиозными постройками дворцов и храмов (развалины в Луксоре, 2 статуи Мнемона и др.), и его сын Аменхотеп IV («Эхнатон»).

⁴⁵ **Министериял** (от *лат.* ministerium — служба, должность) — в средние века в Западной Европе служилые люди короля; выполняли придворную, хозяйственно-административную и военную службу, за что получали лены.

⁴⁶ *Nul homme sans maître* — нет человека без господина (*фр.*).

⁴⁷ **Снофру** — египетский фараон, основатель IV династии (XXVII в. до н. э.), правление которого отмечено походами в Нубию и Ливию и активной строительной деятельностью.

⁴⁸ **Ментухотеп** — в Древнем Египте было три фараона с именем Ментухотеп (XI династия): Ментухотеп III Небхепетра, Ментухотеп IV Санхкара (2015—2007 до н. э.), Ментухотеп V Набтауира (2007—2000 до н. э.).

⁴⁹ **Λαοι** (мн. от *λαος*) — народ, люди, толпа; у Гомера — о воинах или вооруженных полчищах. *Λαος* — народ как огромная масса; *δῆμος* — народ в политическом значении.

⁵⁰ *Liberi in potestate* — от *liberi* — свободнорожденные дети (*лат.*) и *potestas* — распорядительные права, господство, власть отца над сыном, владыка, господин (*лат.*).

⁵¹ *Donatio sub modo* — дарение, приношение в дар.

⁵² **Династ** (от *греч.* dynastía — господство) — представитель династии, обладающий правом наследства.

⁵³ **Полигамия** (*греч.* poly, много и gamos, брак) — 1) многобрачие (многоженство или многомужество); чаще употребляется в значении многоженства. Полигамия — неточный термин, обозначающий групповой брак: полиандрию, а чаще — полигинию; 2) у животных — отношения между полами, характеризующиеся тем, что самец в течение одного сезона спаривается с несколькими самками.

⁵⁴ **Аллодиальный** — свободный от ленных обязательств, наследственный.

Аллод (*нем.* Allod от *др.-герм.* al — полный и od — владение; *лат.* allodium) — в противоположность лену, в Западной Европе у германских племен и в раннефеодальную эпоху — наследственная индивидуально-семейная земельная собственность, находившаяся в свободном распоряжении ее владельца.

Аллодификация — превращение ленного имения в свободную собственность.

⁵⁵ **Партикуляристический** — от *партикуляризм* (*лат.* particularis — частичный, частный) — в феодальном и буржуазном обществе — политическая разобщенность, раздробленность, а также движение к обособлению, отделению каких-либо местностей, частей государства.

Партикулярный — 1) *уст.* частный, неофициальный; 2) *уст.* штатский, не форменный (о платье); 3) обособленный, местный (в противоположность общегосударственному).

⁵⁶ **Capitatio plebeja** — поголовное или подушное обложение народа (пленеев) (*лат.*).

⁵⁷ **Бедуины** (от *араб.* бадаун — обитатели пустынь) — кочевые арабы-скотоводы (преимущественно верблюдоводы) Передней Азии и Северной Африки. В европейской литературе бедуинами называли также полукочевых арабов, совмещавших скотоводство с земледелием. Здесь Вебер имеет ввиду полудикие семитские племена (предков арабов) Север-

ной Африки, которые, согласно библейскому преданию произошли от измаильтян (агарян).

Измаильтяне — народ, произошедший по преданию от Измаила, сына Авраама и Агари; делился на 12 колен, распространившихся по всей северной Аравии: «¹³ ...И вот имена сынов Измаиловых, имена их по родословию их: первенец Измаилов Наваиоф, за ним Кедар, Адбеел, Мивсам, ¹⁴ Мишма, Дума, Масса, ¹⁵ Хадад, Фема, Иетур, Нафиш и Кедма. ¹⁶ Сии суть сыны Измаиловы, и сии имена их, в селениях их. Это двенадцать князей племен их.» (Бытие; 25 13—16).

⁵⁸ **Рамессиды** — с 1180 по 1050 гг. до н. э. в Древнем Египте правили подряд 10 фараонов с именем Рамсес (начиная с Рамсеса III). Началом эпохи Рамессидов, зачастую считают начало правления великого фараона Рамсеса II.

⁵⁹ **Фиск** (лат. *fiscus*) — 1) императорская казна и финансовое управление, в противоположность эрарию, сенатской казне. Ею ведал императорский вольноотпущенник, именовавшийся *a rationibus* (от *ratio* — расчет), со времен Адриана прокуратор *a rationibus* — был большей частью из сословия всадников. Важнейшие поступления в фиск — налоги с провинций, импортные пошлины, налоги с наследства, военная добыча и завещания в пользу императора; 2) в буржуазных странах — государственная казна.

⁶⁰ **Μάχοι** — действительные, строевые воины; воины, как каста у египтян (греч.).

⁶¹ **Геродот** (из Галикарнаса) — выдающийся древнегреческий историк, которого Цицерон назвал «отцом истории». Родился между 490 и 480 гг. — ок. 425 г. до н. э. Предпринимал продолжительные путешествия, хорошо знал прибрежные малоазиатские области с прилегающими к ним островами, часть Передней Азии, Египет, Кирену и т. д. Оставил после себя записанное на ионийском диалекте «Изложение событий» («*Histories Arodeixis*»), которое в Александрии было разделено на 9 книг; во II в. н. э. каждая книга была названа именем одной из 9 муз. Геродот проследил историю отношений между древневосточными деспотиями (Азия) и греческими рабовладельческими государствами (Европа), кульминационным пунктом которых стали греко-персидские войны. Труд охватывает весь исторический период, исключая мифологическую эпоху.

⁶² **Ad hoc** — к этому; для этого случая, для этой цели; специальный, нарочитый (после существительного); к случаю, к стати; сверх (э)того (лат.).

⁶³ **Seniores** — пожилой человек; старый, дряхлый; старейшие; воен. призывники самых старших возрастов (лат.).

Juniores (*juvenis, juvenior*) — молодой, юный; молодой человек, молодая девушка; воен. молодые призывники.

⁶⁴ **Рамсес III** (греч. Рампсинит) (1180—1150) — египетский фараон, предпринимал походы на Сирию и Нубию; по греческим сказаниям извещен своими богатствами.

⁶⁵ ...**храм Аммона в Фивах**... — Аммон (Амон) — сначала местное фиванское божество, позже верховный египетский бог, у греков впоследствии был отождествлен с Зевсом. Амону были присвоены атрибуты бога солнца Ра (голова овна с рогами — боги в Египте воплощались в священных животных), после чего его полное имя стало Амон-Ра. Аменхотеп III построил в Фивах Великий храм Амона, который существенно расширил храмовый комплекс Карнака.

⁶⁶ **Синедрион** (греч. *synedrion* — собрание, совет) — в III—I вв. до н. э. — совет старейшин города Иерусалима — высшее государственное учреждение; состоял из 71 или 72 членов. Председателем был первосвящен-

ник, а членами — представители лучших саддукейских и фарисейских родов. При римском господстве (I в. до н. э. — I в. н. э.) синедрион — верховный суд Иудеи. После разрушения Иерусалима был школой или академией закона.

⁶⁷ *Сюзерен* (франц. *suzerain*) — в Западной Европе в эпоху феодализма — крупный феодал, сеньор по отношению к зависимым от него вассалам; верховным сюзереном обычно считался король.

⁶⁸ *Аменхотеп IV* — египетский фараон в 1410 — около 1400 гг. до н. э., сын Аменхотепа III. Пытаясь сломить могущество фиванского жречества и старой знати, выступил как религиозный реформатор, введя новый государственный культ бога Атона и сделав столицей государства город Ахетатон (современное городище Эль-Амарна); сам принял имя Эхнатон (букв. «угодный Атону»).

⁶⁹ *Рамсес IV* — египетский фараон, один из первых Рамессидов; ничем не прославился.

⁷⁰ *Нáбольший* — начальник; глава дома (хозяйства) или руководитель в каком-нибудь деле; старший, старшина. В России *нáбольший*: в хозяйстве — старший или большак (большуха); в уезде — исправник; в городе — городничий.

⁷¹ *Ἡγεμὼν τοῦ ἐργαστηρίου* — старший (глава) в эргастерии; *ἡγεμὼν* — идущий впереди, вожатый, проводник, вождь, полководец, предводитель, повелитель, глава (*греч.*).

⁷² *Heredes* — от *heredes* — наследник, единственный (исключительный) наследник; преемник; отпрыск; *шутл.* владелец, собственник (*греч.*).

⁷³ *Амазис* — (Аахмес) (*Amassis греч.*) — 1) египетский фараон, изгнавший гиксосов около 1530 гг. до н. э.; 2) фараон 569—526 гг. до н. э., сверг своего предшественника Ухабра (Априя); покровительствовал грекам.

⁷⁴ *...со времен ассирийского завоевания...* — в 671—665 гг. до н. э. Нижний Египет был покорен Ассирией.

...ассирийская и эфиопская династии... — эфиопская (XXV) династия правила с 751 по 656 гг. до н. э.

Бокхорис (*греч.* Βόκχορις, *др.-егип.* — Бекенренеф) — в Древнем Египте фараон XXIV династии, правивший в 732—726 до н. э. в Саисе.

...персидское завоевание... — В 525 г. до н. э. Египет был покорен персидским царем Камбизом и включен в состав Персидской державы.

...борьба эфиопской, персидской и поддерживаемой греками туземной династий... — Персидские династии (XXVII-ая, правившая в 525—404 гг. до н. э. и XXXI-ая — в 341—322 гг. до н. э.). Местная (Саисская) династия вела борьбу против захвативших Мемфис ассирийцев, опираясь на помощь греческих наемников.

⁷⁵ *...наподобие эллинских «эисимнетов»...* — *Эйсимнет* (*греч.* начальник) — судья, наделенный чрезвычайными полномочиями для урегулирования внутренних волнений в греческих городах в VI в. до н. э. (Питтак в Мителене, Харонд в Катане и др.). В некоторых городах (Мегира, Милет, Наксос и др.) эйсимнетами назывались также эпонимные чиновники.

⁷⁶ *Тель-эль-амарнские таблицы* — тель-эль-амарнский архив — собрание клинописных табличек дипломатической переписки 2-й пол. — нач. XIV вв. до н. э. египетских фараонов XVIII династии с правителями стран Передней Азии. Найден в 1887 г. в Амарне. Является важнейшим источником по истории Древнего Востока.

Амарна (Тель-эль-Амарна) — населенный пункт в АРЕ, на месте столицы Древнего Египта Ахетатона при фараоне Эхнатоне (XV в. до н. э.).

⁷⁷ *Тессера* — у древних римлян — свинцовый жетон на право получения хлеба, масла и т. п.; название игральных костей или марок и жетонов (из кости, укамня, глины и пр.), служивших значками (пропусками) для входа в амфитеатр и проч.

⁷⁸ *Псамметих* — имя трех египетских фараонов. Псамметих I (655—610 до н. э.) — один из 12 ассирийских наместников, освободил Египет от ассирийского владычества, приобрел при помощи ионийских и карийских наемников власть, открыл доступ в Египет чужеземцам. Псамметих II — сын Нехо (594—589 до н. э.). Псамметих III (Псамметит) (526—525 до н. э.) — сын Амазиса, побежден и свергнут персидским царем Камбизом.

⁷⁹ *Прекарист* — от *precarium* (лат. прекарий) — данное во временное пользование или в долг, — первоначально в римском праве долговые отношения между займодавцем (например, патроном) и занимателем (например, клиентом) в независимости от того что дано в долг: движимое или недвижимое имущество. Во времена ранней и поздней Римской империи прекарий в связи с предоставлением землевладельцем земельного участка крестьянину с правом отобрать его обратно, возможно, послужил первым шагом к раннесредневековому бенефицию. Права прекариата защищались законом против всех, кроме владельца, который мог участок отобрать. Его отношения с прекариатом (прекаристом) считались основанными на благодеянии, поэтому закон не вмешивался. Положение прекариата было более выгодным, если его участок был вне имения хозяина, и менее выгодным если он был внутри имения. Все это подробно оговаривалось еще юристами ранней Империи. Во франкском государстве Меровингов и Каролингов прекарий был наиболее распространенным способом ставить крестьян в зависимость от крупного землевладельца.

Прекарий — в римском праве — владение по добровольной и безвозмездной уступке со стороны собственника с правом в любое время взять обратно данное. Из прекария развилась особая форма зависимого владения землей с обязательством уплаты оброка собственнику; до XIII в. была распространена на церковных и монастырских землях.

⁸⁰ *Феллахи* — оседлое земледельческое население Аравии и Египта (в противоположность кочевникам бедуинам); произошли от смешения египтян с предками арабов.

⁸¹ *Professio* — официальное заявление; от — *professus* (*profiteor*) — давать сведения, давать показания, делать заявление, открыто заявлять, выдавать себя (лат.).

⁸² *Entail-system* — от англ. *entail* — акт, закрепляющий порядок наследования земли без права отчуждения; майоратное наследование; майорат.

⁸³ *Αυραφος γάμος* — незаписанный, незарегистрированный брак (греч.).

⁸⁴ *Manus* — насилие, сила, власть (лат.).

Глава третья

ИЗРАИЛЬ

⁸⁵ ...«Законов», которые восходят, несомненно, к более древнему периоду... — «Законы» или древний Закон — имеется в виду законодательство Моисея, изложенное им в в библейской книге Исход, начиная с 20-й главы (в отличие от этого же законодательства изложенного в более позднем варианте во Второзаконии).

⁸⁶ *Синай* — горная группа на Синайском полуострове, богатая месторождениями полезных ископаемых; принадлежит Египту. Местонахождение библейской горы Хорив на Синае не выяснено. Гора Моисея (соб-

ственно библейская гора Синай, на которой он получил от бога скрижали с записанными на них 10 заповедями) в настоящее время называется Джебель Муса.

⁸⁷ *Иегова* — искаженная форма имени бога Яхве в иудаизме; по Библии, именно под этим именем Бог впервые открылся Моисею.

Яхве (он же Ягве, он же Саваоф) — одно из священнейших имен бога в Ветхом Завете; включает в себе понятие вечности и совершенства: «¹³ ...И сказал Моисей Богу: вот, я прииду к сынам Израилевым и скажу им: «Бог отцов ваших послал меня к вам». А они скажут мне: «как Ему имя?» Что сказать мне им? ¹⁴ Бог сказал Моисею: Я есмь Сущий (*Иегова*). И сказал: так скажи сынам Израилевым: Сущий послал меня к вам.» (Исход; 3, 13—14).

⁸⁸ *Период царств* — период от пророка Ильи до разрушения Иерусалима Навуходоносором. События, произошедшие в этот период излагаются в 4 канонических книгах Ветхого Завета которые все вместе называются Книги Царств.

⁸⁹ *Моисей* — евр. Моше — в библейской мифологии предводитель израильских племен; сын Авраама из колена Леви, основатель еврейской религии, родился около 1500 г. до н. э.; был воспитан при египетском дворе дочерью Фараона; на горе Хорив получил благословение бога Яхве и был призван им вывести народ Израила из египетского рабства сквозь расступившиеся воды Черного (Красного) моря. Увел евреев к горе Синай, где богом ему были даны скрижали с 10 заповедями и другими законами (синайское законодательство). После 40 лет странствий в пустыне, он со своими спутниками завоевал Заирданье. Моисею приписывается и составление Пятикнижия, однако на самом деле авторами последнего являются несколько авторов более поздней эпохи. У иудаистов, мусульман (Муса) и христиан — Моисей — пророк; похоронен он у горы Нево.

⁹⁰ *Филистимляне* (от др.-евр. пелиштим) — народ, населявший в XII в. до н. э. юго-восточное побережье Средиземного моря, из числа «народов моря» (условное обозначение племен или народов, нападавших в XIII—XII вв. до н. э. на Египет с моря и с суши). Войны филистимлян с иудеями отражены в ряде библейских рассказов. В VIII в. до н. э. были покорены Ассирией. От филистимлян происходит название Палестина. Филистимлянином был знаменитый библейский Голиаф.

⁹¹ *Дракон* (Драконт) (Drákon) — древнейший афинский законодатель, составивший в 621 г. до н. э., будучи архонтом, свод законов (первая кодификация афинского права). Эти законы отличались крайней жестокостью (отсюда выражения: «драконовские законы», «драконовские меры»). По ним отменялось право родовой аристократии на кровную месть, карательные функции были переданы ареопагу, был ограничен произвол судебных приговоров. В целях охраны частной собственности знати законы Дракона содержали тяжкие наказания за нарушение законов о собственности (например, смертную казнь за кражу зерна, овощей и пр.). Во избежание народных волнений уголовное законодательство Дракона было смягчено Солоном в 594 г. до н. э.

⁹² *Солон* (между 640 и 635 гг. — ок. 559 г. до н. э.) — афинский политический деятель и поэт из знатного, но обедневшего аристократического рода. Став в 594 г. до н. э. афинским архонтом, был наделен чрезвычайными полномочиями для того, чтобы преодолеть затяжной экономический и политический кризис афинского государства. Неконтролируемое расширение крупных земельных владений привело к тому, что положение мелких земледельцев крайне ухудшилось, они сильно задолжали

и частично лишились своей земли (гектеморы). Они требовали отмены долгов и нового раздела земли. Ремесленники и торговцы стремились к участию в управлении государством и устранить остатки родового строя, который препятствовал экономическому развитию, установлению демократии. Солон решил пойти на компромисс, чтобы преодолеть кризис: удовлетворить часть справедливых требований бедняков, для того чтобы они не настаивали на дальнейших коренных преобразованиях. Первым его шагом была сисахфия, т. е. освобождение всех граждан от обязательств, связанных с заложеной за долги землей. Рабство за долги было отменено, афиняне, проданные за границу, были выкуплены за государственный счет. Был введен земельный максимум. Следующей мерой Солон явилось изменение действовавшей системы мер и весов и чеканки монеты. Вместо эгинской системы он ввел более легкую эвзейскую систему мер и весов, которая тогда была распространена и облегчала развитие афинской торговли. С этим, вероятно, Солон связывал сокращение долгов, которые обременяли движимое имущество. Солон поощрял торговлю и ремесла, приглашая в Афины из других греческих полисов торговцев и ремесленников и представлял им в ряде случаев гражданство. В социальной сфере он заменил родовые привилегии имуществ. Все граждане были разделены на 4 разряда в соответствии с имущественным цензом первоначально он зависел только от количества земли). Права и обязанности Солон распределил так, что зажиточные граждане обладали большими политическими правами, но при этом были обязаны нести и большую ответственность (тимократия). Принадлежность граждан к той или иной группе (пентакосиомедимны, всадники, зевгиты и феты) определялась годовым доходом урожая. Впоследствии принадлежность к той или иной группе определялась и по денежному цензу. Занимать высокие государственные посты имели право только представители трех первых групп. При этом архонтом или хранителем казны могли быть только пентакосиомедимны. Для фетов было сохранено лишь право участвовать в народном собрании и народном суде. Поскольку военнообязанные должны были сами снабжать себя оружием, то на службу в качестве тяжеловооруженных гоплитов призывались только представители трех первых групп. Пентакосиомедимны и всадники воевали в коннице, а зевгиты в качестве гоплитов. Феты сражались как легковооруженные или позже — в качестве гребцов. Первая группа обязана была участвовать в дорогостоящих литургиях. В противовес аристократическому ареопагу Солон создал Совет четырехсот, в который входило по 100 человек от каждой филы. Солон заставил афинян поклясться в том, что в течение 10 лет они не будут ничего менять в его законах. Однако вскоре после окончания срока его архонства внутри афинского общества вновь началась борьба, так как Солон не задел главную основу аристократии — крупное землевладение. Тем самым у землевладельцев сохранилась возможность возобновить борьбу за власть, а неимущие были недовольны тем, что не получили таких же политических прав, как и богатые. Однако несомненной заслугой Солон является то, что он упразднил большинство привилегий родовой аристократии, открыв этим дорогу дальнейшему развитию рабовладельческой демократии. Античные предания причисляли Солон к Семи греческим мудрецам.

⁹³ *Залевк* (Zalcukos) — знаменитый законодатель эпизефирских локров в Нижней Италии в VII в. до н. э.; считается автором древнейших писанных законов у греков.

Харонд (Charond) — законодатель из города Катана в Сицилии; в конце VI в. до н. э. составил законы для халкидских колоний на Сицилии и

Южной Италии (в первую очередь для своего родного города и города Регия). Законы Харонда отличались чрезвычайной суровостью; его слава как законодателя уступала славе Солона и Драконта.

Питтак (Pittakos) — один из 7 мудрецов Греции, около 650—570 гг. в Митилене, освободил отечество от тирании, отказался от предложенной ему власти.

⁹⁴ ¹⁰ А день седьмой — суббота Господу Богу твоему: не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни рабыня твоя, ни скот твой, ни пришелец, который в жилищах твоих. ¹¹ Ибо в шесть дней создал Господь небо и землю, море и все что в них; а в день седьмой почил. Посему благословил Господь день субботний и освятит его. • (Исход; 20, 10—11). Во Второзаконии, в 5-ой главе это формулируется следующим образом: «¹⁴ А день седьмый — суббота Господу, Богу твоему. Не делай в оный никакого дела ни ты, ни сын твой, ни дочь твоя, ни раб твой, ни раба твоя, ни вол твой, ни осел твой, ни всякий скот твой, ни пришелец твой, который у тебя, чтобы отдохнул раб твой и раба твоя как и ты. ¹⁵ И помни, что ты был рабом в земле Египетской, но Господь, Бог твой, вывел тебя оттуда рукою крепкою и мышцею высокою, потому и повелел тебя Господь, Бог твой, соблюдать день субботний.»

⁹⁵ ¹⁰ ...Шесть лет засевай землю твою и собирай произведения ее; ¹¹ А в седьмой оставляй ее в покое, чтобы питались убогие из твоего народа, а остатками после них питались звери полевые. Так же поступай с виноградником твоим и с маслиною твоею. • (Исход; 23, 10—11). Во Второзаконии, в 15-ой главе о субботнем годе сказано следующее: «¹ Седьмый год делай прощение. ² Прощение же состоит в том, чтобы всякий заимодавец, который дал займы ближнему своему, простил долг и не взыскивал с ближнего своего или с брата своего; ибо провозглашено прощение ради Господа. ³ С иноземца взыскивай, а что будет твое у брата твоего, прости.» (Второзаконие; 15, 1—3).

⁹⁶ *Сихем* — древний город в Самарии, на горе Ефремовой, к северу от Иерусалима. По библейскому преданию был осажден, взят и полностью разрушен братоубийцей Авимелехом (до этого Авимелех был правителем Сихема, избранным жителями города; узнав об убийстве Авимелехом своих братьев жители Сихема восстали и изгнали Авимелеха из города).

⁹⁷ *Magna charta* — великая хартия (лат.).

⁹⁸ *Песня Деборы* — речь идет об одном из древнейших (ок. 1200 г. до н. э.) памятников еврейского эпоса «Победная песнь Деборы» (Книга Судей Израилевых; 5, 1—31). Дебора (Девора) — в библейской мифологии пророчицы и судьи, возглавившей завоевание древнееврейскими племенами Палестины.

⁹⁹ ...не выступивший на бой с Сизерой... — «²³ Прокляните Мероз, говорит Ангел Господень, прокляните, прокляните жителей его за то, что не пришли на помощь Господу, на помощь Господу с храбрими». (Книга Судей Израилевых; 5, 23).

¹⁰⁰ *Эпоха судей* — период истории древних евреев с момента смерти Иисуса Навина до воцарения первого еврейского царя Саула (XV—XI вв. до н. э.). В этот период евреями правили судьи, наиболее известными из которых были Варак и Дебора (Девора), Гедеон, Самсон, Илий и пророк Самуил. О деятельности судей повествуется в библейской книге «Книга Судей Израилевых», излагающая историю евреев с момента смерти Иисуса Навина до правления первосвященника Илии.

¹⁰¹ *Синоикизм* — синоикосный полис (греч. *sinoukismos* — совместное поселение) — объединенный полис из нескольких ранее независимых общин. Объединение (синоикизм) могло осуществляться несколькими спо-

собами: 1. Основание нового города, становящегося центром уже существующего полиса (Тегей, Мантинейя, Смирна, Мессена, Мегалополь); 2. Переселение жителей других общин в уже существующий укрепленный город (Фивы-греческие); 3. Объединение независимых общин вокруг уже существующего города (Афины, Сиракузы, Олиф); 4. Образование полиса путем объединения нескольких общин с закладкой нового города или без нее (Кеос, Родос, Кассандрия, Лисимахия).

¹⁰² Саул — первый еврейский царь, родом из колена Вениамина; основатель Израильско-Иудейского царства (XI в. до н. э.): после победы над аммонитянами он был избран народом и помазан на царство пророком Самуилом; позже страдал душевной болезнью, меланхолией; убит в сражении с филистимлянами.

¹⁰³ *³³ И сказал Саул Давиду: не можешь ты идти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним; ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей. ³⁴ И сказал Давид Саулу: раб твой пас овец у отца своего, и когда, бывало, приходил лев или медведь и уносил овцу из стада, ³⁵ То гнался я за ним, и нападал на него, и отнимал из пасти его; а если он бросался на меня, то я брал его за космы, и поражал его, и умерщвлял его. ³⁶ И льва и медведя убивал раб твой, и с этим Филистимлянином необрезанным будет то же, что с ними, потому что так поносит воинство Бога живого. ³⁷ И сказал Давид: Господь, Который избавил меня от льва и медведя, избавит меня и от руки этого Филистимлянина. И сказал Саул Давиду: иди, и да будет Господь с тобой ... ⁴⁸ Когда Филистимлянин поднялся и стал подходить и приближаться на встречу Давиду, Давид поспешно побежал к строю на встречу Филистимлянину. ⁴⁹ И опустил Давид руку свою в сумку, и взял оттуда камень, и бросил из пращи, и поразил Филистимлянина в лоб, так что камень вонзился в лоб его, и он упал лицом на землю. ⁵⁰ Так одолел Давид Филистимлянина пращею и камнем, и поразил Филистимлянина и убил его; меча же не было в руках Давида.* (1-я Книга Царств; 17, 33—37, 48—50).

¹⁰⁴ Соломон — царь Израильско-Иудейского царства в 965—928 гг. до н. э.; сын и преемник царя Давида и Вирсавии. Провел административные реформы добивался централизации религиозного культа; строил новые города, храмы, дворцы, построил в Иерусалиме водопровод и великолепный храм; однако обременил народ тяжкими налогами и поборами. Согласно библейской традиции, славился необыкновенной мудростью; по преданию. Соломон — автор библейских книг «Книга Притчей Соломоновых», «Книга Екклесиаста, или Проповедника» и «Книга Песней Песней Соломона».

¹⁰⁵ Ахав — сын Аврия, нечестивый израильский царь (*³¹ Мало было для него падать в грехи Иеровоама, сына Навтова, — он взял себе в жену Иезавель, дочь Ефваала, царя Сидонского, и стал служить Ваалу и поклоняться ему. ³² И поставил он Ваалу жертвенник в капище Ваала, который построил в Самарии» [3-я Книга Царств; 16, 31—32]). Ахав правил в 924—903 гг. Он закладывал новые города, прославившись как градостроитель, строил дворцы (себе построил дом из слоновой кости), вооружив армию по последнему слову военной техники того времени, с переменным успехом вел войны с Сирией (во время одного из сражений с сирийцами Ахав был ранен стрелой лучника — она попала в него через шов лат, — но продолжал сражаться на боевой колеснице, а к вечеру умер, по-видимому, от большой потери крови).

¹⁰⁶ Менаим — в библейской мифологии нечестивый еврейский царь (в Самарии), воцарившийся после убийства им своего предшественника Селлума, который, в свою очередь, воцарился после убийства им царя

Захарии. ...¹⁷ В тридцать девятом году Азарии, царя Иудейского, воцарился Менаим, сын Гадия, над Израилем; и царствовал десять лет в Самарии. ¹⁸ И делал он неугодное в очах Господних; не отставал от грехов Иеровоама, сына Наватова, который ввел Израиля в грех, во все дни свои. ¹⁹ Тогда пришел Фул, царь Ассирийский, на землю *Израилеву*. И дал Менаим Фулу тысячу талантов серебра, чтобы руки его были за него, и чтобы утвердить царство в руке своей. ²⁰ И разложил Менаим это серебро на Израильтян, на всех людей богатых, по пятидесяти сиклей серебра на каждого человека, чтобы отдать царю Ассирийскому. И пошел назад царь Ассирийский, и не остался там в земле». (4-я Книга Царств; 15, 17—20).

¹⁰⁷ *Самуил* — в библейской мифологии еврейский пророк XI в. до н. э. и последний из судей Израиля, основатель школы пророков; помазал на царство первого еврейского царя Саула. Под именем Самуил у евреев известны 2 библейские книги (Первая книга Самуила и Вторая книга Самуила), повествующие о возникновении царской власти у евреев и о царствовании Саула и Давида (в христианской Библии это Первая Книга Царств и Вторая книга царств). Критики Библии относят авторство этих книг к послевавилонскому периоду. ¹¹ И сказал: вот какие будут права царя, который будет царствовать над вами: сыновей ваших он возьмет, и приставит к колесницам своим, и *сделает* всадниками своими, и будут они бегать перед колесницами его; ¹² И поставит их у себя тысяченачальниками и пятидесятниками, и чтобы они возделывали поля его, и жали хлеб его, и делали ему воинское оружие и колесничий прибор его. ¹³ И дочерей ваших возьмет, чтоб они составляли масти, варили кушанье и пекли хлебы. ¹⁴ И поля ваши и виноградные и масличные сады ваши лучшие возьмет и отдаст слугам своим. ¹⁵ И от посевов ваших и из виноградных садов ваших возьмет десятую часть, и отдаст внухам своим и слугам своим. ¹⁶ И рабов ваших и рабынь ваших, и юношей ваших лучших, и ослов ваших возьмет, и употребит на свои дела. От мелкого скота вашего возьмет десятую часть; и сами вы будете его рабами». (1-я Книга Царств; 8, 11—17).

¹⁰⁸ *Иосия* — в библейской мифологии Иудейский царь. Главная особенность его правления лучше всего сформулирована в Библии: ²⁵ Подобного ему не было царя прежде его, который обратился бы к Господу всем сердцем своим, и всею душою своею, и всеми силами своими, по всему закону Моисееву; и после него не восстал подобный ему» (4-я Книга Царств; 23, 25). Был убит во время военного похода, предпринятого фараоном Нехао против Ассирии.

¹⁰⁹ *Октроирование* (франц. *octroi* — пожалование) — дарование, пожалование монархом каких-либо прав, привилегий, например, конституции.

¹¹⁰ ⁶ ...Ибо Господь, Бог твой, благословит тебя, как Он говорил тебе, и ты будешь давать взаймы многим народам, а сам не будешь брать взаймы; и господствовать будешь над многими народами, а они над тобою не будут господствовать». (Второзаконие; 15, 6).

¹¹¹ ⁶ Если будет молодая девица обручена мужу, и кто-нибудь встретится с нею в городе и ляжет с нею, ²⁴ То обоих их приведите к воротам того города, и побейте их камнями до смерти: отроковицу за то, что она не кричала в городе, а мужчину за то, что он опорочил жену ближнего своего; и так истреби зло из среды себя. ²⁵ Если же кто в поле встретится с отроковицею обрученною и схватив ее, ляжет с нею, то должно предать смерти только мужчину, лежавшего с нею; ²⁶ А отроковице ничего не делай; на отроковице нет преступления смертного; ибо это то же, как

если бы кто восстал на ближнего своего и убил его. ²⁷ Ибо он встретился с нею в поле, и *хотя* отроковица обрученная кричала, но некому было спасти ее. • (Второзаконие; 22, 24—27).

¹¹² *Измаил* — сын Авраама и его наложницы Агари; считается родоначальником измаильян (агарян), которые, в свою очередь, являются родоначальниками бедуинов. ⁹ ...И увидела Сарра, что сын Агари Египтянки, которого она родила Аврааму, насмехается. ¹⁰ И сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее; ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком. ¹¹ И показалось это Аврааму весьма неприятным ради сына его. ¹² Но Бог сказал Аврааму: не огорчайся ради отрока и рабыни твоей; во всем, что скажет тебе Сарра, слушайся голоса ее; ибо в Исааке наречется тебе семья. ¹³ И от сына рабыни Я произведу народ, потому что он семья твоя. ¹⁴ Авраам встал рано утром, и взял хлеба и мех воды, и дал Агари, положив ей на плеча, и отрока, и отпустил ее. Она пошла и заблудилась в пустыне Вирсавии. ¹⁵ И не стало воды в мехе, и она оставила отрока под одним кустом. ¹⁶ И пошла, села вдали, в расстоянии в *один* выстрел из лука. Ибо она сказала: не *хочу* видеть смерти отрока. И она села против, и подняла вопль и плакала. ¹⁷ И услышал Бог голос отрока; и Ангел Божий с неба воззвал к Агари, и сказал ей: что с тобою, Агарь? не бойся; Бог услышал голос отрока отсюда, где он находится. ¹⁸ Встань, подними отрока, и возьми его за руку; ибо Я произведу от него великий народ. ¹⁹ И Бог открыл глаза ее, и она увидела колодезь с водою, и пошла, наполнила мех водою, и напоила отрока. ²⁰ И Бог был с отроком; и он вырос, и стал жить в пустыне; и сделался стрелком из лука. ²¹ Он жил в пустыне Фаран; и мать его взяла ему жену из земли Египетской. • (Бытие, 21, 9—21).

¹¹³ *Левиратный брак* — *левират* (лат. levir — деверь) — обычай многих народов, преимущественно отсталых, разрешающий младшему брату умершего (или даже обязывающий его) жениться на его вдове. Во Второзаконии об этом сказано так: ⁵ ...Если братья живут вместе, и один из них умрет, не имея у себя сына, то жена умершего не должна выходить на сторону за человека чужого, но деверь ее должен войти к ней и взять ее себе в жену, и жить с нею. ⁶ И первенец, которого она родит, останется с именем брата его умершего, чтобы имя его не изгладилось в Израиле. • (Второзаконие; 25, 5—6)

¹¹⁴ *...история Ахав и Навуфея...* — ¹ ...у Навуфея, Изреелитянина, в Изрееле был виноградник подле дворца Ахав, царя Самарийского. ² И сказал Ахав Навуфею, говоря: отдай мне свой виноградник; из него будет у меня овощной сад; ибо он близко к моему дому, а вместо него я дам тебе виноградник лучше этого, или, если угодно тебе, дам тебе серебра, сколько он сто́ит. ³ Но Навуфей сказал Ахаву: сохрани меня Господь, чтоб я отдал тебе наследство отцов моих! ⁴ И пришел Ахав домой встревоженный и огорченный тем словом, которое сказал ему Навуфей Изреелитянин, говоря: не отдам тебе наследства отцов моих. И лег на постель свою, и отворотил лице свое, и хлеба не ел... ¹⁶ ...Когда услышал Ахав, что Навуфей был убит, встал Ахав, чтобы пойти в виноградник Навуфея Изреелитянина и взять его во владение. ¹⁷ И было слово Господне к Илии Фесвитянину: ¹⁸ Встань, пойдя на встречу Ахаву, царю Израильскому, который в Самарии; вот он теперь в винограднике Навуфея, куда пришел, чтобы взять *его* во владение; ¹⁹ И скажи ему: «так говорит Господь: ты убил, и еще вступаешь в наследство?» и скажи ему: «так говорит Господь: на том месте, где псы лизали кровь Навуфея, псы будут лизать и твою кровь». ²⁰ И сказал Ахав Илии: нашел ты меня, враг мой! Он ска-

зал: нашел; ибо ты предался тому, чтобы делать неугодное пред очами Господа. ²¹ *Так говорит Господь*: вот, Я наведу на тебя беды, и вымету за тобою, и истреблю у Ахава мочащегося к стене и заключенного и оставшегося в Израиле... ²⁷ ...Выслушав все слова сии, Ахав разордал одежды свои, и возложил на тело свое вретигище, и постился, спал во вретигище, и ходил печально. * (3-я Книга Царств, 21; 1—4, 16—21, 27).

¹¹⁵ *Агнаты* (лат. *agnatus* — родственник по отцу) — 1) в древнем римском праве — все члены семьи, происходящие по мужской линии от одного родоначальника, а также вошедшие в семью путем брака или усыновления (правовая группа, в отличие от когнатов); 2) в праве германских народов — кровные родственники-мужчины, связанные происхождением по мужской линии.

¹¹⁶ *Fabri* — мн. ч. от *faber* — мастер, ремесленник, художник; творец, создатель (лат.).

¹¹⁷ *Ex contracto* — согласно договору; по договору; из договора. *Contractus* — сделка, соглашение, договор, кантракт (лат.).

¹¹⁸ *Илоты* (греч. *heilotes*) — местные жители Лаконии и Мессении, в свое время покоренные дорийцами. В Спарте в качестве государственных рабов были прикреплены к определенным наделам земли и должны были отдавать спартиатам и прочим лакедемонянам, перизкам, часть дохода в виде арендной платы. Иногда их привлекали к военной службе как легковооруженных воинов. Полностью бесправные, подвергаемые крайне жестокому обращению, илоты неоднократно поднимали восстания (т. н. Мессенские войны), которые серьезно угрожали власти спартианцев (сер. VII в. до н. э. и 464 г. до н. э.). Продавать и освобождать илотов могло только спартанское государство.

¹¹⁹ *Иезекииль* — древне-еврейский пророк, жил в эпоху вавилонского пленения (VII—VI вв до н. э.). В своих проповедях призывал к неуклонному соблюдению предписаний иудаизма (проповедь чистой веры). Автор одной из книг Ветхого завета, носящей его имя (в ней видны следы многих редакций).

¹²⁰ *Ездра* (Эзра) — еврейский священник; в 458 г. до н. э. вывел из вавилонского плена вторую партию иудейских изгнанников в Палестину и восстановил иерусалимский храмовый культ. О нем повествуется в библейской книге «Ездра».

Неемия (библ.) — деятель эпохи реставрации Второго храма в Иерусалиме, придворный Артаксеркса I; в 444—433 гг. до н. э. — наместник в Иерусалиме, заботился об укреплении города и организации храмовой службы. Его именем названа книга в Библии, повествующая о его деятельности.

Часть I

ЭЛЛАДА

Глава первая

ДОКЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА

¹ *Полба* — виды пшеницы с ломким колосом (при созревании распадается на колоски с члениками стержня) и не вымолачиваемым из пленок зерном, из которого производится крупа и мука.

² *Эвбея* — большой, вытянутый в длину остров в Эгейском море, близ побережья Балканского полуострова, от которого отделяется узким (иног-

да всего лишь до 12 м ширины) проливом Эврип. Важнейшие города Эвбеи (часто враждовавшие между собой) Халкида и Эретрия в VII в. до н. э. были крупными торговыми центрами, основавшими колонии в Сицилии, Италии и Халкидике. В эллинистические времена Халкида превратилась в сильную крепость.

Фессалия — область на северо-востоке Греции, плодородная равнина, окруженная со всех сторон горами; в древности через нее проходили пути проникавших в Грецию различных племен, отсюда частое упоминание Фессалии в легендах и мифах.

³ **Тегей** — город на юго-востоке Аркадии, лежал на пересечении важнейших торговых путей. После продолжительных войн со Спартой стал членом Пелопоннесского союза (550—371 до н. э.), позже членом Аркадского, а потом и Ахейского союза.

Мантинейя — главный город Восточной Аркадии. В 223 г. до н. э. македонский царь Антигон разрушил Мантинейю, население было обращено в рабов, а город переименовали в Антигонею.

Катавотры — имеются в виду оросительные сооружения (*суц.* от глагола *καταυτόω* (*греч.*) орошать), по поводу которых между двумя вышеупомянутыми городами периодически возникали трения.

⁴ **Гортина** (*греч.* Gortyn) — город на острове Крит, приблизительно в центре равнины Мезара. Широко известно городское право Гортини; большая правовая кодификация объединила в 12 столбцах предписания по правам личности, семейному, наследственному, имущественному и долговому праву.

⁵ **Гэнос** — род, семейство; поколение; племя, народ (*греч.*).

⁶ **Аухотеус** — ближайший родственник (*греч.*).

⁷ **...свевы Ариовиста...** — **Свевы** (*лат.* *suebi, suavi*) — большая группа западно-германских народов, племена которых с I в. до н. э. распространились от Северной и Южной Германии до Центрального Дуная. Часть свевов под началом **Ариовиста** (германский король, приглашенный одной из партий галльской знати в качестве своего рода «наемного лидера» и приобретший в дальнейшем самостоятельное значение) в 70-х годах I в. до н. э. устремились в Галлию. В 59 г. до н. э. Цезарь способствовал признанию сенатом Ариовиста «другом римского народа», однако в 58 г. до н. э. изгнал его из Галлии, так как он мешал его планам дальнейшего завоевания страны.

⁸ **Кάμη** — деревня, село, квартал в городе; сельский округ, относящийся к городу; сельская община (в некотором смысле соответствует римскому *Pagus* у (*греч.*)).

⁹ **Δῆμος** — народ, толпа, чернь; свободный народ, народное правление, народное собрание; земля, область, страна; в Атике — дем, округ или участок (было 174 дема).

¹⁰ **...так называемого «переселения дорийцев»...** — распространенное название последней фазы переселения народов, которое начиная с XIV в. до н. э. охватило бассейн Средиземного моря, достигло Центральной Европы и Передней Азии. Следует ли говорить о постепенном проникновении дорийских племен или о вооруженном захвате этих территорий, однозначного ответа нет. Неясен также вопрос о непосредственном пути вторжения. К 900 г. до н. э. Пелопонесс, остров Крит, южные острова Эгейского моря и юг Малой Азии были заселены дорийцами.

¹¹ **Родос** (*греч.* Rhodos) — большой плодородный остров у юго-западного побережья Малой Азии, с XIV в. до н. э. занятый ахейцами. Они были ок. 1000 г. до н. э. вытеснены дорийцами, поделившими терри-

торию острова между тремя городами — Линдом, Ялисом и Камиром, которые вместе с Галикарнасом, Книдом и Косом составили так называемый дорийский Гексаполис (Союз шести городов).

¹² *Амфиктиония*, или амфиктионов союз (*греч.* amphiktionēs — живущий в другом полушарии) — название союза греческих племен, живших по соседству со святилищем общего высшего божества и объединявшихся для его защиты. Спорные вопросы, возникавшие между членами союза, улаживались третейским судом. Наиболее известными амфиктиониями были Дельфийский и Делосский союзы.

¹³ *Suus heres* — sui (suus) — свои, свои; heres (heredes) — наследник, преемник, отпрыск (*греч.*).

¹⁴ *Петиторный иск* — в Древнем Риме название формы иска, дававшего защиту невладельцу собственнику против владеющего несобственника.

¹⁵ *Контравиндикация* — сост.: contra — против (*лат.*) и vindicatio — защита, охрана (*лат.*) от vindico — заявляю претензию, требую. *Виндикация* (*виндикационный иск*) — *юр.* в гражданском праве способ защиты права собственности, с помощью которого собственник может истребовать свое имущество из чужого незаконного владения. Эта форма иска сложилась в римском праве. Собственник может виндицировать свое имущество от недобросовестного, а если имущество приобретено безвозмездно, то и от добросовестного приобретателя независимо от того, каким путем оно выбыло из владения собственника. От добросовестного приобретателя, который возмездно приобрел имущество, оно может быть востребовано лишь в случае, если было утеряно собственником или лицом, которому сам собственник передал это имущество во владение (например, во временное пользование), похищено у того или другого либо выбыло из владения иным путем помимо их воли. *Контравиндикация* — встречный иск о признании лица собственником какой-либо вещи, находящейся во владении несобственника и о возвращении ее подателю встречного иска.

¹⁶ *Интердикт* (*лат.* interdictum — запрещение) — в римском праве — приказ претора, предписывающий или запрещающий какое-либо действие одной из спорящих сторон; решение в пользу истца, когда претор решал, что процесс не должен быть обжалован.

¹⁷ *Ассигнация* (*лат.* assigno atum, age — назначать, отводить, выделять, наделять; поручать, передавать; приписывать, относить) — отведение, распределение земель.

¹⁸ *Usucapio* — приобретение в собственность; приобретать в собственности на основании давности и при наличии определенных условий (*лат.*).

¹⁹ *Тέμενος* — участок земли, посвященный богу, священная или храмовая земля, священная роща, святыня — вообще; также: царский надел или участок (*греч.*).

²⁰ *Клерос* (*греч.* κλῆρος — надел, жребий) — в ранних греческих полисах и особенно в колониях земля между гражданами распределялась по жребию, причем эта процедура повторялась периодически, чтобы никто не оказался обделенным. С установлением частной собственности на смену жеребьевке пришла система передачи земельных участков по наследству, однако само понятие «клера» сохранилось, в частности, в связи с созданием военных поселений (клерухий).

²¹ *Эвмей* — в «Одиссее» Гомера верный свинопас Одиссея, помогавший ему в борьбе против женихов.

²² *Теофраст* (Феофраст) из Эреса (Лесбос) (372—288 до н. э.) — греческий философ, ученик и друг Аристотеля, после его смерти возглавив-

ший перипатетическую школу. Им написаны работы по философии, риторике, поэтике, страноведению, музыке, искусствоведению и религии.

²³ *Микены* — крепость и город в северной части Аргολиды (Пелопоннес); во 2-й половине 2 тысячелетия до н. э. один из центров культуры, получившей название микенской; примерно в XII в. до н. э. разрушены во время дорийского переселения.

Тириф — город с мощной крепостью в Арголиде (Пелопоннес), южнее Микен. Построен во 2-й половине 2 тысячелетия до н. э. Первые постройки относятся к 3 тысячелетию до н. э., последние — к XIII в. до н. э.

²⁴ ...мы совершенно в такой же мере находим у военной придворной знати в Ассирии и Персии, у гетеров македонских царей, у галльских *solduri'ev* и у *degen'ov* и антрустионов германских королей... — приближенные высших правителей, составлявшие их свиты. Упоминаемых здесь Вебером гетеров не следует путать с гетерами. *Hetaeria* (греч.; лат. *sodalitas*) — содружество, товарищество, общество, объединение. *Hetaericos* (греч. *Hetaeria*) — принадлежащий к братству, товарищеский; *ala hetaerice* — земляческий фланг македонян.

Soldurius (*i*) — (кельт. лат. *devotus*) — преданный человек, связанный клятвой дружинник (у галльских предводителей).

Degen — (лат. *de-gener, cris adj. [genus]*) — низкий, низменный, небогатый.

Антрустионы — у франков вассалы, составлявшие свиту короля (при Меровингах).

²⁵ *Феаки* (греч. Φαίακες) — в греческой мифологии обитатели сказочно-го острова Схерия. Отличаясь гостеприимством и исключительным мастерством в кораблевождении, феаки считают своим долгом отправлять на родину мореходов, попавшим к ним в результате кораблекрушения. Одиссей, заброшенный на остров бурей, встречает там радушный прием (Одиссея, VII, 139—328) и получает дорогие подарки (XIII, 4—15). Именно на этот эпизод ссылается здесь М. Вебер.

²⁶ *Терсит* (Ферсит) (Θερσίτης) — в греческой мифологии незнатный воин, участвующий в Троянской войне на стороне ахейцев, враг Ахилла и Одиссея. На собрании войска под Троей Терсит набрасывается с оскорблениями на Агамемнона, обвиняя его в том, что он несправедливо захватывает большую часть добычи. За это Одиссей жестоко избивает Терсита (Илиада, II, 212—270). В выступлении Терсита отразилась попытка простых воинов защитить свои права от посягательств знати.

²⁷ *Сильфий* (гладыш, лазерпиций) (греч. Σύλφιον, лат. *lascriptium*) — смолистое растение семейства зонтичных, сок корня которого употреблялся как лекарство и как приправа, а также в ремеслах. Торговлю высушенным сильфием монополизировали цари Кирены, поскольку в других местах он не производился.

²⁸ ...Агамемнон предлагает Ахиллу в ленное владение несколько «городов»... — имеется в виду эпизод из «Илиады» (кн. IX), когда Ахилл, после того как Агамемнон отнял у него Брисиду, полученную в качестве почетной добычи, отказывается продолжать войну, что приводит к тяжелым последствиям для ахейского войска. Агамемнон вынужден обещать Ахиллу вернуть Брисиду, отдать в жены одну из дочерей и много богатых городов в приданное.

²⁹ *Παλιῆτης* — продавец; полеты в Афинах, т. е. должностные лица (10 человек — по одному от каждой филы), заведовавшие отдачей на откуп государственных доходов (греч.).

³⁰ *Эфоры* (греч. наблюдатели) — пять высших должностных лиц, избиравшихся сроком на один год всеми полноправными спартамцами. Пред-

ставляли консервативную силу этого полиса. С середины VI в. до н. э. обладали широкими полномочиями в управлении, надзоре и судопроизводстве. Один из эфоров — эфор-эпоним — давал имя году.

³¹ *Микенская культура* — культура материковой Греции и островов Эгейского моря (эгейская культура) в эпоху развитого бронзового века (вторая половина II тысячелетия до н. э.), называемая также культурой позднеэлладского периода. Название происходит от ее центра — города Микены, располагавшегося в северной части Арголиты (Пелопонесс). Наряду с городами, характеризовавшимися высоким уровнем ремесленного производства и роскошными строениями (Микены, Тиринф, Пилос), существовали небольшие поселения, которые не пострадали во время дорийского переселения примерно в XII в. до н. э. и подчинились пришельцам. Города же были разрушены.

³² *Меровинги* (Merovingi) — первая королевская династия во Франкском государстве. Названа по имени полулегендарного основателя рода — короля Меровеха (Меровея) (448—457), господствовали с 481 по 751 гг. Главный представитель — Хлодвиг. Меровинги ослабили свое могущество междуусобицами и должны были уступить власть майордомам из рода Каролингов. Последний из Меровингов Хильдерих III в 751 г. был лишен трона Пипином Коротким.

³³ *Диадокси* (греч. последователи) — полководцы Александра Македонского, которые после его смерти разделили между собой завоеванные территории, благодаря чему возникли новые государственные образования.

Хлодвиг I (Chlodwig) (465/466—511) — король салических франков (с 481 г.) из династии Меровингов. Вебер имеет в виду известный рассказ из хроник Григория Турского. После взятия города Суассон при дележе добычи, захваченной в одной из церквей, король Хлодвиг I попросил отдать ему ценную чашу удивительной величины и красоты, чтобы вернуть ее церкви. Но среди воинов были живы еще воспоминания о временах, когда король стоял лишь немного выше своих дружинников и был обязан делить с ними добычу по жребию. Поэтому один из воинов разрубил секирой чашу со словами: «Ничего из этого не получишь, кроме того, что полагается тебе по жребию». Король смолчал, но через год на сборе войска при осмотре оружия заявил, что оружие этого воина содержится в беспорядке, вырвал у него секиру, бросил на землю и разрубил ему голову, сказав: «Так ты поступил с чашею в Суассоне». Остальным же приказал расходиться по домам, «внушив тем большой к себе страх».

³⁴ *Тацит* — Публий Корнелий Тацит (Publius Cornelius Tacitus) (ок. 58 — ок. 117) — знаменитый римский историк и политический деятель (был консулом в 97 г.). Главные его труды посвящены истории Рима, Римской империи («Анналы» и «История» в 14 книгах, из которых до нас дошли 1—4 и начало 5-й) и истории древних германцев. Его труд «Нравы германцев» («De origine, situ, moribus ac populis Germaniae») является ценным источником для изучения религии, общественного устройства и быта германских племен его времени. Произведения Тацита пронизаны морализаторством и пессимизмом.

³⁵ ...как царь Лаэрт, удаляется навсегда в деревню... — имеется в виду Лаэрт (Λαέρτης) — отец Одиссея, который после отплытия сына жил с небольшим числом рабов в своем поместье, ухаживая за садом и оплакивая пропавшего без вести Одиссея (Одиссея, XI, 187—196; XV, 516—525).

³⁶ «*Commenti*» — свод разборов рыцарских раздоров. От *commentarius* (i) [commentor] — записная книжка, заметки, записки; юр. протокол; комментарий, толкование (лат.).

³⁷ *Messieurs les Anglais, tirez les premiers* — «Господа англичане, стреляйте первыми» (франц.)

³⁸ ...*гвельфов и гибеллинов*... — Гвельфы (от рода Вельфов) и гибеллины (от названия замка Штауфенов Вейблинген) — политические направления в Италии XII—XV вв., возникшие в связи с борьбой за господство в Италии между «Священной Римской империей» и папством. Гвельфы, поддерживавшие пап (папа был номинальным главой партии), в основном выражали интересы пополанов, а гибеллины, сторонники императора, — интересы нобилей. Однако в ходе борьбы ориентация нередко менялась: пополаны переходили в лагерь гибеллинов, нобили — гвельфов. С XIV в. во Флоренции и ряде других городов гвельфы разделились на черных («партия» нобилей) и белых («партия» богатых горожан). Вражда между гвельфами и гибеллинами продолжалась с XII по XIV вв. и сопровождалась ожесточенными гражданскими войнами в Италии.

³⁹ *Лелантская война* (VIII — сер. VII вв. до н. э.) — длительная война за плодородную Лелантскую равнину между городами Халкидой и Эретрией (остров Эвбея). Поддержка воюющих городов разными группировками греческих городов придавала борьбе общегреческий характер. На стороне Халкиды выступили Самос, Коринф, Фессалия и Фракия, на стороне Эретрии — Милет и Мегары. Война завершилась победой Халкиды.

⁴⁰ *Синьория* (итал. signoria, букв. — господство, власть) — форма политического устройства ряда городов-государств в Северной и Центральной Италии второй половины XIII — сер. XVI вв., характеризовавшаяся сосредоточением всей полноты гражданской и военной власти в руках единоличного правителя — синьора (тирана). Переход от выборного коллегиального управления коммуны к синьории происходил в условиях ожесточенной борьбы между пополанами и феодалами, когда ни одна сторона не могла одержать полной победы. В результате устанавливалась диктатура, отражавшая интересы либо верхушки пополанов и феодалов, либо только феодалов. Переход всей полноты власти закреплялся пожалованием синьору папой или императором титула викария. Синьорией называли также орган городского самоуправления в итальянских городах-коммунах XII—XIV вв. (коллегия приоров) и управление в Венеции при доже.

⁴¹ *Брасид* (?—422 до н. э.) — спартанский полководец, в 424 г. до н. э. руководил вторжением в северные области Эгеиды, захватил Амфиполь и золотые рудники в Пангее, способствовал отделению от Афин нескольких союзных с ними городов во Фракии. В 422 г. до н. э. одержал при Амфиполе победу над афинским войском. В этом сражении Брасид был убит.

⁴² *Мессения* (Messenia) — плодородная область Древней Греции в западной части Пелопонесса, на востоке граничила с Лаконией. В XI в. до н. э. была заселена дорийцами, во 2-й половине VIII в. до н. э. в результате 1-й Мессенской войны спартамцам удалось захватить территорию Мессении и поработить ее население (илоты).

Саламин — остров и город того же названия между восточным побережьем Аттики и южным мегарским побережьем. Из-за своего положения, выгодного для судоходства и строительства порта, долго был объектом споров между Афинами и Мегарой. Около 600 г. до н. э. по настоянию Солона был занят афинянами. Во время греко-персидских войн служил афинянам убежищем. В 480 г. до н. э. в Саламинском проливе произошла знаменитая морская битва, во время которой персидский военный флот, состоявший из больших, малоподвижных кораблей был полностью разгромлен маленькими, юркими греческими триерами. Эта победа, одержанная под верховным командованием спартамца Эврибиада и под стратегическим руководством Фемистокла, обусловила (после успе-

хов при Платеях и Микале) создание тесного союза греческих государств, в результате чего значительно возросла обороноспособность эллинов.

⁴³ *Эпидамн* (греч. Epidamnus) — колония Кркиры и Коринфа на иллирийском побережье. Изгнание олигархов из Эпидамна в 435 г. до н. э. послужило одной из причин Пелопонесской войны (современный Дуррес — порт в Албании).

⁴⁴ *Демииург* (греч. demiurgós — мастер, творец чего-либо, ремесленник, человек, вообще занимающийся общепольным ремеслом, работающий для народа) — в Древней Греции так называли граждан, занимающиеся какой-либо деятельностью за вознаграждение. К демиургам относились не только поденщики, матросы, рыбаки, мелкие ремесленники, но также врачи, строители, художники, прорицатели, глашатаи и пр. Согласно аттическим источникам, демиурги — это ремесленники, низшее из трех сословий (после эвпатридов и геоморов). В некоторых греческих городах (например, в Дельфах, дорических государствах) демиургами называли высших должностных лиц государства.

⁴⁵ *Экбатана* (Ekbatana) — столица Мидии, находилась на месте современного Хамадана (Иран). Со времен Кира II, была одной из резиденций персидских царей; завоевана Александром Македонским.

⁴⁶ *Автоуру́с* — работающий сам, своими руками; земледelec, сам возделывающий свою землю, а не с помощью рабов; ремесленник, работник вообще, живущий трудом своих рук; сам делающий что-либо, творец (греч.).

⁴⁷ *Гесиод* (VIII—VII вв. до н. э.) — первый исторически достоверно установленный древнегреческий поэт, автор поэм «Теогония» («Происхождение богов») и «Труды и дни». Его отец был выходцем из Кимы (Малая Азия) и переселился в Аскру (Беотия), где вел жизнь крестьянина, занимаясь пастушеством.

⁴⁸ *Беотия* — наряду с соседней Атикой наиболее значительная область в Центральной Греции. Славилась развитым высокоурожайным сельским хозяйством (виноградарство, зерноводство, скотоводство). Ведущую роль в союзе с другими беотийскими городами играли Фивы, которые после победы над спартанцами в 371 г. до н. э. при Левктрах временно распространили свое влияние на всю Грецию; у Гомера — «семивратные Фивы». По преданию, основан Кадмом после того, как доиндоевропейское население было вытеснено греками (постройка крепости Кадмеи, 1400 г. до н. э.)

Геликон (Helikon) — лесистая гора в Беотии, посвященная Аполлону и музам (Геликонидам), высотой 1849 м, с источниками Аганиппа и Гипокрена, по мнению греков возбуждавшими поэтический дар.

⁴⁹ *Прото́с* — первый, первые, знатнейшие (греч.).

⁵⁰ *Епíκλπρoс* — единственная дочь, наследница целого отцовского имущества; позднее — вообще наследница. По афинским законам для того, чтобы имущество сохранилось в роде, эпиклерос должна была выйти замуж за ближайшего родственника (греч.).

⁵¹ *Посейдон* (Poseidon) — в греческой мифологии один из богов-олимпийцев, повелитель морей, всех источников и вод, управляющий ими с помощью трезубца; сын Кроноса и Реи, младший брат Зевса и Аида, с которыми он разделит господство над миром. В римской мифологии Посейдону соответствует Нептун.

Зевс (Zeus) — верховный бог в греческой мифологии (в римской мифологии ему соответствует Юпитер)

Ирис, он же Ирида (греч. радуга) — в греческой мифологии быстрая, крылатая вестница богов, прислужница Геры. Позднее в функции вестника была вытеснена Гермесом.

Эринии (греч. Erin(n)yes) — богини мщения и кары подземного мира (в римской мифологии — фурии), родились из капель крови, упавших на Землю при оскоплении Урана, властные защитницы нравственных устоев. По отношению к раскаявшимся преступникам становятся богинями-благотельницами (*эвменидами*).

⁵² *Элида* (греч. Elis, местное наименование Valis — долина) — местность на северо-западе Пелопоннеса с горой Олимпия. Внедрившиеся в связи с дорийским вторжением элейцы заняли вначале только равнинную, или «впадную» Элиду. В этой плодородной, известной своим коневодством, обильно орошаемой стране преобладало крупное землевладение. Окружающие Элиду горные области (Акрорея, Пизатиды, Трифилия) были постепенно покорены, а их жители превращены в периеков. С завоеванием Пизатиды около 570 г. до н. э. организация Олимпийских игр перешла к Элиде. В политической истории Греции Элида всегда играла лишь второстепенную роль. В 471 г. до н. э. на реке Пеней путем объединения нескольких ранее обособленных городов (синойкизм) возникла столица Элиды (с одноименным названием — ныне город Палеополь).

Филолай из Кротона (или Тарента) — древнегреческий философ, ученик Пифагора, современник Сократа, крупнейший представитель пифагорейской философии. Когда демократическая партия в Метапонте восстала против пифагорейцев, Филолай бежал в Луканию, а позднее, спасаясь от преследований, переселился в Фивы. Был убит после того, как вернулся в Кротон.

⁵³ *Федон* — царь Аргоса в VII в. до н. э., объединил жителей Арголитиды (аргивян), заключил союзы с Коринфом и Эгиной и принял на себя руководство Олимпийскими играми; под его правлением Аргос стал крупным центром в Пелопоннесе. Федон ввел новую систему мер и весов.

Аргос — город в Арголитиде; был населен еще во 2-м тысячелетии до н. э. (микенская крепость) и воспевался в легендах как значительный дорийский центр; на протяжении многих столетий был основным противником Спарты.

⁵⁴ *Липарские острова* — другое название Эолийских островов (Aeoliae insulae) (от названия крупнейшего из них — Липары), где царствовал Эол, имевший власть над ветрами.

⁵⁵ *Сисситии* (греч. syssitia — совместная трапеза) — на Крите в Спарте совместное времяпровождение, включающее общие трапезы мужчин (полноправных граждан), санкционируемые государством. В Спарте сисситии назывались также фидитиями (от греч. phidesthai — экономить). Спартиаты были обязаны делать одинаковый взнос за продукты, поставляемые для сисситии.

Гетерии (hetaeria, ае греч.; лат. sodalitas) — содружество, товарищество, общество, объединение. В Афинах гетерии — общества, как правило тайные, единомышленников-олигархов, направленные против демократического строя. Были вдохновителями и организаторами нескольких олигархических переворотов.

⁵⁶ *Демократическая реставрация Клеомена... потерпела фиаско при Селласии...* — имеется в виду Клеомен III (ум. 219 до н. э.) — спартанский царь (235—222 до н. э.), продолживший реформаторскую деятельность Агиса IV. Провел следующие реформы: касация долгов, увеличение числа полноправных граждан, ликвидация должности эфоров и др. В 222 г. Клеомен потерпел поражение от Македонии и Ахейского союза (выступавших в союзе под руководством Арата и Антигона III Дозона Македонского) при Селласии (Sellasia — город в Лаконии), бежал в Египет и там покончил с собой. Все его преобразования были отменены.

⁵⁷ *Περίοικος* — кругом живущий, соседний; *περίοικοι* — так назывались свободные граждане Лаконики, жившие в селах и города этой страны, за исключением самой Спарты, и по своим правам находившиеся ниже спартиатов и выше илотов (греч.).

ἄγροικος или *ἀγροῖκος* — живущий в деревне, деревенский; о местности: дикий, невозделанный (греч.).

⁵⁸ *...афинские обеды за счет государства в пританее... — Пританей* (греч. общинный дом, толос — круглое здание) — место пребывания пританов и исполняющих в течение одного дня должность председателя (эпистата пританов), который хранил афинскую государственную печать и ключ от государственной казны и архива. Пританы сообща обедали в пританее и поддерживали священный огонь в очаге. Обед в пританее считался и для афинянина, и для иностранца высокой почестью.

⁵⁹ *Πελάται* — мн. от *πελάτης* — наемник, поденщик; позднее — клиент; и *πελάταις* — клиентка, позднее — служанка (греч.).

⁶⁰ *Сикион* — город на северном побережье Пелопоннеса, входил в состав Пелоннесского союза (VI—IV вв. до н. э.); известен как город ремесленников (литейщики, сапожники и гончары) и художников (Лисипп, Апеллес). В III в. до н. э. был разрушен, но вскоре восстановлен под именем Деметрия.

Локрида (греч. *Lokris*) — в древности заселенные племенами локров две небольшие области Центральной Греции, отделенные друг от друга Доридой и Фокидой.

Гераклея (*Ηερακλεια*) — название многочисленных древнегреческих городов. Наиболее известными из них являются Гераклея, располагавшаяся в южной части Италии, где в 280 г. до н. э. Пирр победил римлян, и Гераклея Понтийская в Вифинии на Черном море — процветавшая мегарская колония.

⁶¹ *...между спартанскими илотами и периэками... — Илоты* — местные жители Лаконии и Мессении, покоренные спартанцами. В качестве государственных рабов они были прикреплены к определенным наделам земли и должны были отдавать спартиатам и прочим лакедемонянам часть дохода в виде арендной платы.

Периэки (греч. живущие вокруг) — поработенная спартанцами группа лаконского населения, которая хотя и сохранила личную свободу, все же на протяжении всей истории Спарты не принимала участия в Народном собрании и управлении государством.

⁶² *Эвпатриды* (евпатриды) (греч. сыновья благородного отца) — аттическая родовая знать, до реформы Клисфена представляющая привилегированное сословие в Афинах.

⁶³ *...херуски, по утверждению Сегеста, у своих «principes».* — *Херуски* — германское племя, обитавшее между Везером и Эльбой севернее Гарда; в конце I в. до н. э. были временно покорены римскими полководцами Друзом и Тиберием.

Сегест — знатный херуск, убежденный сторонник Рима в период завоевательных походов Августа.

Principes (*principes*) — руководитель, вожак, главарь, владыка, принцепс, государь (лат.).

⁶⁴ *Parvenu* — парвеню, выскочка, человек незнатного происхождения, пробившийся в аристократическое общество и подражающий аристократам.

⁶⁵ *Архонт* (греч. регент) — девять ежегодно избиравшихся высших должностных лиц в Афинах. Во главе городских властей стоял архонт-поним, по имени которого назывался год. Архонт-басилей исполнял рели-

гиозные функции, например, во время жертвоприношений и праздников. На архонта-полемарха возлагалось командование войсками. Вопросы юрисдикции относились к ведению особой коллегии шести архонтов-фесмофетов. В V в. до н. э. должность архонтов, еще во времена после Солона ожесточенно оспариваемая как способствующая достижению реальной власти, утратила свое прежнее политическое значение вследствие усиления роли стратегов и замены выборов назначением по жребию.

⁶⁶ *Пентакосиомедимны* (греч. пятисотмерники) — афиняне, с 594 г. до н. э. ежегодно получающие 500 медимнов зерна, вина или масла. Позднее так же стали называться афиняне, имеющие доходы в 500 драхм. Пентакосиомедимны составляли 1-ю цензовую группу по конституции Солона. Только они могли занимать должность архонта; они также несли службу в коннице и обязаны были выполнять литургии. (См. выше, прим. 93).

⁶⁷ *Файда* (позднелат. *faida* — в средние века в Западной Европе феодальная частная война, начатая пострадавшей стороной для отмщения обиды).

⁶⁸ *Όβια* — имущество, состояние; сущность, действительность, бытие; *Ελευθερία* — свобода, независимость (греч.).

⁶⁹ *Писистрат* (ок. 600—528 до н. э.) — афинский тиран с 561—560 г. до н. э. (с перерывами), который провел ряд реформ в интересах земледельцев и торгово-ремесленных слоев. В борьбе против аристократии раздавал часть конфискованной земли мелким крестьянам.

⁷⁰ *Δικασται κατά δήμους* — разъездной судья; судья, разъезжающий по демам по демам (греч.).

⁷¹ *Периандр* (?—586 до н. э. — сын и последователь Кипсела, тиран Коринфа (приблизительно с 627 до н. э.). Во время его правления Коринф достиг хозяйственного и культурного расцвета (подъем торговли, ремесел, керамического производства, наделение беднейших крестьян землей, прекращение «бегства от земли», предоставление работы, запрещение заниматься работорговлей, закон о роскоши, содействие искусству и науке). Позднеантичная традиция причисляла Периандра к Семи мудрецам.

Феаген — древнегреческий тиран (правитель) города Мегары (2-я половина VII в. до н. э.). Провел реформы в интересах демоса. Изгнан родовой аристократией, восстановившей олигархический строй.

Клисфен — афинский государственный деятель конца VI в. до н. э., принадлежал к роду Алкмеонидов, изгнанных Писистратидами из Афин. В 510 г. до н. э. тиран Гиппий был изгнан, Алкмеониды вернулись в Афины, и Клисфен возглавил афинский демос (оппозицию аристократам). Реформы, проведенные Клисфеном в 509—507 гг. до н. э. укрепили положение афинского демоса, что позволило ему выдержать борьбу со спартанским царем Клеоменом I. Благодаря реформам Клисфена ускорился процесс ослабления власти родовой аристократии и открылся простор для полного развития рабовладельческой демократии; родовые объединения выполняли теперь только некоторые культовые функции. Важнейшей реформой Клисфена было разделение Аттики по территориальному принципу (вместо родовых фил были созданы филы территориальные). На каждую из 10 вновь образованных фил приходилось по одному округу в городской (Афины), приморской и внутренней части Аттики, что вело к дроблению родовых организаций и смешению населения. Совет пятисот (Булэ) составлялся из представителей всех фил (по 50 от каждой филы); состав Совета сменялся ежегодно. Самыми мелкими единицами управления стали демы, их было около 100. Клисфену удалось уравнивать в правах

коренных граждан и пришлых жителей Афин. Поэтому гражданство стало определяться принадлежностью не к филе, а к дему. Согласно установлению Клисфена, каждый гражданин Афин должен был присоединяться к своему имени не родовое имя отца, как прежде, а название своего дема, что подрывало принципы родовой организации. Клисфен ввел прavitельственную коллегию из 10 стратегов, а также остракизм, чтобы исключить возможность новой тирании.

⁷² *Фокида* — страна в Центральной Греции с горой Парнас и святилищем Дельфы, заселенная пастушескими племенами фокейцев.

⁷³ *Демы* — (греч. *δήμοι*; demoi, от греч. *demos* — народ) — название наименьших административных ячеек (сельских общин и городских округов) в Аттике (после 508 г. до н. э.). По ним указывалось место рождения гражданина (демотикон).

⁷⁴ *Феогнид* — древнегреческий поэт-лирик 2-й половины VI в. до н. э. Две книги стихотворений («Элегии») под его именем, написанные элегическим дистихом, лишь отчасти принадлежат Феогниду: книга 1-я — нравственные советы (автор рассказывает своему юному другу Киру о нравственных принципах аристократов), перемежающиеся с пиршественными мотивами, а также с политическими выпадами против победы демократии (поэт-аристократ критикует социальные перемены, в результате которых к власти пришло демократическое гражданство и появилась новая денежная знать); книга 2-я — эротического содержания.

⁷⁵ *...Ζεύς ἑρκεῖος ἠ Αἰόλλων πατρός...* — Зевс Геркей — защитник домашнего очага и Аполлон Патрос — родовой, семейный бог отцов (греч.).

⁷⁶ *Хантгемал* (Hantgemal) — родовое владение (и знак, указывающий на принадлежность к определенному роду).

⁷⁷ *...имеющих ценз зевгитов...* — *Зевгиты* — афинские граждане, принадлежавшие к третьему имущественному классу с цензом в 200 медимнов зерна, вина или оливкового масла ежегодно. По реформе Солона (см. выше, прим. 93) они получали полный набор гражданских прав, за исключением того ограничения, что избираться они могли лишь на низшие должности. С 458—457 г. до н. э. они получили также право становиться архонтами. На войне зевгиты были голлитами.

⁷⁸ *Навкрария* — первоначально, организация афинских граждан (предположительно восходящая к солоновской эпохе), ведавшая постройкой военных кораблей для защиты побережья от нападений с моря. Каждая из четырех родовых фил Аттики была разделена на 12 навкрарий, которые постепенно приобрели функции административных единиц.

⁷⁹ *Остракизм* (греч. *ostrakismós*) — в VI—V вв. до н. э. в Древних Афинах, а также в Аргосе, Сиракузах и других городах изгнание отдельных граждан по решению народного собрания (обычно на 10 лет). Каждый обладавший правом голоса гражданин писал на черепке (*ostraka*) имя того, кто опасен для народа.

⁸⁰ *Ареопаг* (греч. холм Арея) — холм в Афинах, место заседаний древнего судилища того же названия, происхождение которого относится к мифическому периоду. Суд, заседавший на ареопаге, отправлял уголовное судопроизводство. Солон в 594 г. до н. э. ввел в его состав бывших архонтов. Ареопаг наблюдал за исполнением законов, мог привлекать к ответственности должностных лиц и протестовать против решений совета и народных собраний. По закону Эфиальта в 462 г. до н. э. ареопаг потерял все права, кроме уголовного суда. При римском императоре Адриане в 130 г. н. э. ареопаг был вновь восстановлен в правах как верховный правящий орган, однако деятельность его уже не имела большого значения.

⁸¹ *βουλή* [буле] *пританов* — Буле (греч. совет) — государственный совет, которому поручалось ведение важнейших политических дел. В Афинах Солоном в противовес аристократическому ареопагу был создан Совет 400, Клисфеном — Совет 500 (в него избиралось по 50 человек от каждой из 10 вновь созданных фил).

Пританы — дежурные члены афинского государственного совета (буле), по очереди $\frac{1}{10}$ часть года вели дела.

Буле пританов — 500 членов афинского совета избирали по жребию сроком на 1 месяц в качестве пританов (председателей) 50 булеветов (членов совета) одной из фил для исполнения текущих обязанностей: созыв и ведение народного собрания, подготовка заключений, ведение переговоров, подсчет суточных, прием послов. После отчетного доклада пританию (греч. исполнение обязанностей председателя) принимала на себя следующая фила, так что в течение 10 месяцев афинского календарного года каждая фила исполняла пританию на протяжении одного месяца. Остальные 450 булеветов заседали в булеветерии (совете) по мере надобности.

⁸² *Экклесия* (*ecclesia*) — народное собрание (греч.). В Древней Греции в экклесии все свободные и полноправные граждане имели право голоса. В ходе демократизации рабовладельческого общества расширились политические права экклесии: выборность должностных лиц, контроль за исполнением ими своих обязанностей, решения о войне и мире, высшая законодательная власть, компетенция в отношении государственных процессов и право высылки. Теоретически экклесия обладала верховной властью, однако на практике реализация демократии была затруднена не только из-за олигархического устройства, но и из-за ограниченного числа граждан — участников экклесии.

⁸³ ...*законодательства Эфиальта и Перикла*. — *Эфиальт* (Ephialtes) — афинский политический деятель, стоявший на стороне афинского демоса. В 462 г. до н. э. провел реформу государственной власти, согласно которой ареопаг как орган аристократии был лишен своих политических функций (права утверждать рекомендованные народным собранием законы и судить за преступления должностных лиц). Защита конституции была поручена Совету пятисот, народному собранию и народному суду. После убийства Эфиальта в 461 г. до н. э. начатые им демократические реформы продолжил Перикл.

Перикл (ок. 495—429 до н. э.) — крупнейший из афинских государственных деятелей, происходил из аристократического рода. Получил огромное влияние в Афинах. После смерти Эфиальта продолжил начатые тем реформы. По его инициативе присяжные и члены совета получали ежедневную плату за службу, граждане — деньги на театральные представления. После того, как Кимона подвергли остракизму (461 г. до н. э.), Перикл стал играть первую роль в афинской политике. После победы над Спартой, он упрочил положение Афин внутри морского союза настолько, что они могли выводить клерухии (поселения афинских граждан) на территории союзников, а сам Афинский морской союз превратился в морскую державу, в которой афинские граждане должны были не только пользоваться преимуществами, но и активно участвовать в ее управлении. Политическая власть Перикла формально была основана на должности стратега, которую он занимал после 443 г. до н. э. 15 раз, но в действительности он был главой государства.

⁸⁴ *Комиции* (от лат. *co(m)igere* — собираться) — народные собрания в Римской республике. Старейшей формой таких собраний был куриатский комиций, во главе которого стоял консул; затем Сервием Туллем был

учрежден центуриатский комиций, охватывавший всех граждан, имевших право носить оружие; позднее его сменил трибутский комиций под председательством трибунов и эдилов.

⁸⁵ *Εμπορία* — торговля, преимущественно заморская, оптовая (греч.).

⁸⁶ *Αγορά* (греч. агора) — рыночная площадь — во времена Гомера народное, судебное или военное собрание свободных граждан. Позднее агорой стала называться площадь для проведения собраний, игравшая роль центра городской общественной жизни.

⁸⁷ *Προστρατηγ* — первый, высший стратег. Стратег (греч. strategos) — в Древней Греции военачальник, облеченный широкими военными и политическими полномочиями; иногда фактические правители государства например, Перикл в Афинах и т. д.).

⁸⁸ *Δελφοί* (Delphoi) — древнегреческий город в юго-западной Фокиде, на склоне горы Парнас, у истока Кастальского ключа, общегреческий религиозный центр с храмом Аполлона и оракулом (Пифия); в Дельфах происходили общегреческие пифийские игры.

Κρῖσα — залив в Фокиде, на берегу которого расположена *Κίρρα* (Círrha) — притань Дельф.

⁸⁹ *Ολιμπία* — долина в средней части Элиды на берегу моря по реке Алфей, в которой расположено святилище Зевса, место проведения Олимпийских игр. Святилище основал Геракл, учредивший в честь своего отца всегреческие игры, которым Олимпия обязана своей славой.

⁹⁰ *Περσίδες πόλεμοι* — греко-персидские войны (500—449 до н. э. с перерывами), проходившие между Персией и греческими городами-государствами, отстаивавшими свою независимость. Завершились победой греков. Персия лишилась владений в Эгейском море, на побережьях Геллеспонта и Боспора, признавала политическую независимость полисов Малой Азии.

⁹¹ *Αλκμεονίδες* — один из ведущих аттических аристократических родов, считавший свою родословную от мифического Алкмеона; принимали участие в восстановлении храма Аполлона в Дельфах.

Глава вторая КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА (АФИНЫ)

⁹² *Αβσητεῖς* — собственники земли, не участвующие в процессе производства, а получающие денежный доход в виде ренты или прибыли.

⁹³ *Λεγάτος* (лат. legatus) — завещательный отказ — возложение на наследников по завещанию исполнения какого-либо обязательства в пользу какого-либо лица (лиц).

⁹⁴ *Λυσίης* — афинский оратор (ок. 445—380 гг. до н. э.); метек, сын выходца из Сицилии, владевшего мастерской по изготовлению щитов. Как метек, не имел права лично участвовать в судебном заседании и поэтому избрал профессию логографа и преподавателя риторики. Благодаря простой манере изложения Лисий считался великим мастером античной речи, но уже во II в. до н. э. образцовыми с точки зрения стиля считались речи Демосфена.

⁹⁵ *Φερά, или Τίρα (итал. Санторин)* — самый южный из островов архипелага Киклады. Был разрушен в середине 2-го тысячелетия до н. э. (вместе с цветущим минойским городом) сильным извержением вулкана. К началу

1-го тысячелетия до н. э. был заселен дорийцами, основавшими в 630 г. до н. э. колонию Кирена (Ливия). Такое же название (Фера Селлада) носил один из античных городов.

⁹⁶ *Эвентуальный* (лат. *eventus* — случай) — возможный при соответствующих условиях, при некоторых обстоятельствах; явление, событие, наступление которых возможно, но не необходимо. *Эвентуальный умысел* — в праве — косвенный умысел.

⁹⁷ *Декелейская война* — последний период Пелопонесской войны, во время которого Декелея (населенный пункт у подножия Парнаса) была оккупирована спартанцами, которые отсюда угрожали Афинам.

⁹⁸ ...*так называемого «второго морского союза»*... — имеется в виду второй Афинский морской союз, воссозданный на основе первого (без городов Малой Азии) в 378—377 гг. до н. э. после освобождения от спартанского господства. После потери Спартой своего господствующего положения, многие из членов союза вышли из него. Союз просуществовал до 337 г. до н. э., сохраняя незначительное политическое влияние.

⁹⁹ ...*первый аттический морской союз*... — имеется в виду первый Афинский морской союз, образованный в 478—477 гг. до н. э. Основной целью союза было продолжение войны с Персией за освобождение греческих городов, лежащих в Малой Азии. Верховная власть принадлежала Афинам. Главный руководящий орган — союзный совет — располагался на острове Делос (отсюда также название Делосский союз), здесь же находилась союзная казна. Лишь наиболее крупные члены союза — острова Хиос, Лесбос, Самос, первоначально Наксос и Фасос — предоставляли для участия в оперативных союзных действиях военные корабли. Другие участвующие в союзе города ограничивались денежным взносом (форосом) и, таким образом, полностью зависели от Афин. В 454 г. до н. э. союз охватывал 208 добровольных и вынужденных членов, чьи интересы он успешно защищал, развивая торговлю и обеспечивая надежность ее коммуникаций. По этой причине основу союза составляло купечество и ремесленники. С заключением так называемого Каллиева мира в 449 г. основная цель союза была достигнута.

¹⁰⁰ *Υπεροχη* — возвышенность; в переносном смысле: преимущество, превосходство; избыток, излишек (греч.).

¹⁰¹ *Демарх* — официальный глава афинского дема; вел метрическую и писцовую книгу дема и собирал подати.

¹⁰² *Гектемориш* — на след. стр. М. Вебер пишет: «гектемориями были отдавшие свою землю в залог должники, землей которых владел кредитор, предоставляя им обрабатывать ее в качестве арендаторов из части урожая».

¹⁰³ *Glebae adscripti* (лат. прикрепленные к земле) — крестьяне, прикрепленные к земельным участкам, которые они не имели права оставлять даже в тех случаях, когда земля оказывалась убыточной.

¹⁰⁴ *Εκτιμώριον* — платящие в виде подати $\frac{1}{8}$ часть доходов с земли (греч.).

¹⁰⁵ *Педиаки* — жители аттической равнины, которые в VIII—VI вв. до н. э. составили особую политическую группировку, центр зарождения аттической аристократии.

Диакрии — жители Диакрии (Diacria) (а также Эпакрия или Гиперакрия) — северо-восточной части древней Аттики, население которой (мелкие землевладельцы, пастухи, каменотесы и т. д.) составляло особую политическую партию.

¹⁰⁶ ...*парцелляция земли*... — от парцелла (фр. *parcelle*, букв. — частица) — небольшой земельный участок. По-видимому имеется в виду раз-

дача конфискованной земли Писистратом мелким крестьянам, в результате чего возникло большое количество небольших семейно-индивидуальных крестьянских хозяйств (парцеллярное хозяйство).

¹⁰⁷ *Προεισφορά* — внесение налога вперед, раньше срока; налог, уплаченный за кого-либо (греч.).

¹⁰⁸ *Θιάσον* (θιάσος) — собрания, совершающие процессии в честь какого-нибудь бога; толпа, хор, процессия вакхантов; вообще толпа, сборище; принадлежность к какому-нибудь сообществу; позднее: празднество, пир (греч.).

¹⁰⁹ *Феты* — в Афинах малоимущая прослойка граждан (4-й разряд по законам Солона), чей годовой доход от продажи зерна, вина, масла и т. д. составлял менее 200 медимнов в год; это были ремесленники или малоземельные граждане. После реформ Солона феты могли участвовать в народном собрании и избираться в гелиэю, но им запрещалось занимать какую-либо государственную должность. Примерно с 450 г. до н. э. законом им разрешалось избираться на государственные должности, но практически этот закон не применялся. Феты служили в легкой пехоте или на флоте гребцами. Всех свободных граждан, нанимавшихся на работу, также называли фетами.

¹¹⁰ *Алкивиад* (ок. 450 — ок. 404 до н. э.) — афинский стратег с 421 г. (неоднократно) в период Пелопонесской войны. В 415 г. до н. э. организовал экспедицию против Сиракуз, затем перешел на сторону Спарты, предложив план ведения войны против Афин, позднее бежал в Персию. Поддерживал в 411 г. до н. э. афинское олигархическое, затем демократическое правительство. В 411—408 гг. до н. э. выиграл морские сражения при Абидосе, Кизике и др.

¹¹¹ ...*Кимон выплатил 50 талантов штрафа за своего отца Мильтиада...* — имеется в виду Мильтиад (Miltiades) (ок. 550—489 до н. э.) из рода Филаидов — афинский полководец, одержавший победу над персами при Марфоне (490 г. до н. э.). Его сын *Кимон* (ок. 504—449 г. до н. э.) — афинский полководец, одержавший крупные победы во время греко-персидских войн; вождь олигархической группировки, политический соперник Фемистокла и Перикла.

¹¹² *Никий* (до 469—413 до н. э.) — афинский политический деятель и военачальник, арендатор Лаврийских серебряных рудников. После смерти Перикла возглавил умеренно-консервативное крыло афинской демократии. Противниками Никия выступали Клеон и Алкивиад. С 428 г. до н. э. Никий в должности стратега боролся за прекращение Пелопонесской войны и заключение мира со Спартой на приемлемых условиях. После смерти Клеона добился этой цели, заключив т. н. Никиев мир (421 г. до н. э.). Несмотря на свое нежелание, был избран командующим афинской морской экспедицией на Сицилию. При осаде Сиракуз афинская армия потерпела поражение, чему виной, в частности, была пассивность Никия как военачальника. Взятый в плен с остатками своего войска, Никий был казнен сиракузянами.

¹¹³ *Клеон* — (ум. в 422 г. до н. э.) — афинский вождь радикального крыла демократической группировки. Стронник активизации военных действий против Спарты во время Пелопонесской войны. Погиб в битве со спартанцами под Амфилоем.

¹¹⁴ *Триттия* — составная часть одной из десяти новых (клизфеновских) фил, состоявших каждая из трех тритгий (побережье, город и горы). Триттии в свою очередь делились на демы. (См. также выше, прим. Клизфен в этом разделе.)

¹¹⁵ *Фрия* (Φρία) — в Аттике дем фила Οἰνής.

¹¹⁶ *Эрехтейон* (Эрехфейон — *греч.* Ερεχθειον — сделанный Эрехфеем) — ионический храм, памятник древне-греческой архитектуры (421—415 и 409—406 гг. до н. э.). Храм Афины и Посейдона-Эрехтея на Акрополе в Афинах — последняя постройка классического периода в Акрополе — отличается изяществом асимметричной композиции, тонкой красотой двух ионических портиков и портика кариатид. Эрехтейон вместил в себя многие культурные памятники, а также скульптурное изображение Афины. Его нарядная эlegantность оказала большое влияние на архитектуру классицизма.

¹¹⁷ *Обол* (*греч.* копые, вертел, так как в древности в качестве денег использовались железные прутья) — греческая мелкая монета (и мера веса), равная 1/6 драхмы, чеканившаяся из серебра или меди. Афинский серебряный обол весил 0,73 г.

¹¹⁸ *...возражение Аристарха в Меморабилиях на замечание Сократа...* — Аристарх и Сократ персонажи одного из произведений древнегреческого писателя и историка Ксенофонта Афинского, которое называется «Меморабилии» или «Воспоминания о Сократе». Ксенофонт (Xenophon) Афинский (ок. 430 — 355/354 до н. э.) более всего известен как автор знаменитых «Анабасиса» (о походе 10 тыс. греческих наемников в глубь персидской державы и их обратном пути к Черному морю), «Апологии Сократа» (сочинение в защиту Сократа, описывающее поведение последнего во время суда) и «Киропедии» (или «Воспитания Кира») (тенденциозный педагогический роман, в котором Ксенофонт, с поэтической вольностью описывая жизнь Кира Старшего, излагает свои мысли об образовании и воспитании идеального правителя).

¹¹⁹ *Σύνεργος* — содействующий, помогающий; сотрудник, помощник (*греч.*).

¹²⁰ *Акила* — еврей, изгнанный из Рима по указу императора Клавдия, предписывающему всем иудеям оставить этот город. Поселился в Коринфе и жил там во время первого посещения этого города Павлом, занимаемь скиноделанием (изготовлением палаток, шатров). Павел «...по одинаковости ремесла, остался у них и работал; ибо ремеслом их было делание палаток» (Деян. Апост., 18, 3).

¹²¹ *...золотых дел мастер Димитрий...* — имеется в виду Димитрий Серебряник, занимавшийся выделкой серебром храмов Артемиды в Эфесе; поднял мятеж ремесленников, выступив против христианских проповедей Павла (Деян. Апост., 19, 23—40).

¹²² *Нүεμόν* — идущий впереди, вожатый, проводник; вождь, полководец, предводитель, повелитель, глава (*греч.*).

¹²³ *Каннелирование* — производство каннелюр (от *фр.* cannelure — желобок) — желобов, вертикальных (на стволе колонны или пилястры) и горизонтальных (на базе колонны ионического ордера). Делаются либо вплотную одна к другой (дорический ордер), либо с небольшими промежутками (ионический ордер).

¹²⁴ *Τῷ βουλομένῳ* — что-либо делается по чьему-либо желанию; кому-либо угодно, желательно; кто-либо желает (*греч.*).

¹²⁵ *Οἰκογενής* — родившийся дома, доморожденный; *ос.* раб (*греч.*).

¹²⁶ *Βάναυσος* — ремесленник; ремесленный; в переносном смысле: низкий, неблагогородный (*греч.*).

¹²⁷ *Μίσθισ* — взаимность, обоюдность; заемный, взятый в долг; давать в долг (*лат.*).

¹²⁸ *Ερανοί* — простой товарищеский обед в складчину; товарищество, организующее складчину или делающее определенный взнос для различ-

ных целей, таких как: общие собрания или пиры, взаимное содействие для политических целей и т. п.; складчина, взнос, приношение, воспомоществование (*греч.*).

¹²⁹ ...*союзническая война*... — по-видимому, имеются в виду политические и военные столкновения в 357—355 гг. до н. э., в период постепенного всеобщего упадка афинского государства, между Афинами и некоторыми из их союзников, такими, как Хиос, Родос, Византий и Кос. После заключения мира, согласно которому сепаратисты получили независимость, число членов второго Афинского союза сократилось на треть.

¹³⁰ *Επίτροπος* — опекун; поверенный; управляющий, заведующий чем-либо; наместник; смотритель (*греч.*).

¹³¹ «*Instrumentum vocale*» — говорящее орудие (*лат.*). Имеется в виду раб при тритивопоставлении его немым орудиям — инструментам.

Όργανον ἐμψυχον — живой инструмент (орудие) (*греч.*).

¹³² *Χиос* — плодородный, населенный ионийцами остров в Эгейском море у побережья Малой Азии. В V в. до н. э. жители Хиоса, ремесленные изделия которых были столь же знамениты, как их мастика и вино, пользовались славой наиболее богатых и зажиточных греков. В древности остров считали одним из возможных мест рождения Гомера.

¹³³ *Πεδία* — ровный, находящийся в равнине; равнина, плоскость; сражение в равнине, в открытом поле (*греч.*).

¹³⁴ ...*битвой при Сфактерии*... — *Сфактерия* — небольшой остров у юго-западного побережья Мессении в бухте Наварии, где во время Пелопонесской войны афинские гоплиты блокировали спартанский гарнизон, который был вынужден сдаться (425 до н. э.).

¹³⁵ ...*царства Левкона*... — по-видимому, речь идет о Боспорском царстве в Северном Причерноморье со столицей в Пантикапее, царь которого (389/388—349/348) Левкон I завершил завоевание Восточного Крыма и территории Прикубанья.

¹³⁶ *Μιτιλένα* — главный город острова Лесбос, в котором жили и работали Алкей и Сафо. Когда в 428 г. до н. э. Митиленой была предпринята попытка выйти из состава Афинского морского союза, афиняне захватили город и казнили тысячу участников мятежа.

¹³⁷ *Селласия* (*Sellasia*) — город в Лаконии, место поражения в 222 г. до н. э. спартанского царя Клеомена III от Антигона Македонского, после которого Греция подчинилась Македонии.

¹³⁸ *Κερκυρα* — остров, лежащий к северо-западу от материковой Греции (современный Кюфру). Сначала был колонизован жителями Эретрии (остров Эвбея); в VII в. до н. э. его захватили коринфяне. Был важным промежуточным пунктом в торговле греков Эгеиды с западным Средиземноморьем. Торговое соперничество между Керкирой и стоявшими за ней Афинами и Коринфом было одной из причин Пелопонесской войны.

¹³⁹ ...*Родосский синойкизм 408 г. до Р. Х.*... — в 408 г. до н. э. объединившиеся в одно государство три древних города основывают на северной оконечности острова новую столицу под названием Родос; это способствует быстро превращению Родоса в торговый центр мирового значения. (См. прим. 11 в Элладе).

¹⁴⁰ *Μεγαλόπολη* (от *греч.* *μεγα* — большой, и *polis* — город) — политический центр Аркадского союза, основанный после битвы при Левктрах (371 г. до н. э.) как центр объединения Аркадии (синойкизм) при гегемонии Фив, — место пребывания союзного собрания; его укрепления сыграли значительную роль в войне против Спарты.

¹⁴¹ *Κος* — второй по величине остров Додеканеса (Южных Спорад); был заселен еще в микенскую эпоху; во время дорийского переселения им

завладели дорийцы. Славился производством и экспортом одежды из прозрачных тканей, так называемой косской одежды, а также школой врачей, основанной Гиппократом. Святилище Асклепия появилось там в IV в. до н. э. и впоследствии неоднократно расширялось.

¹⁴² *Тургау* (Thurgau) — кантон в северной Швейцарии; граница с Австрией и Германией проходит по Рейну и Боденскому озеру. Главный город — Фрауэнфельд. В 1460 г. Тургау был отнят у австрийцев; с 1798 г. это самостоятельный кантон; Конституция с 1869 г.

¹⁴³ *Capitis deminutio* — утрата части гражданских прав и преимуществ (лат.).

¹⁴⁴ *...во времена Персея...* — имеется в виду *Персей* (ок. 213—166 до н. э.) — последний царь Македонии (179—168 до н. э.), организовавший и возглавивший антиримскую коалицию; одержал несколько побед, но в битве при Пидне войско Персея было разбито, сам он взят в плен и умер в заключении.

¹⁴⁵ *Ливий Тит* (Titus Livius) (59 до н. э. — 17 н. э.) — римский историк, автор «Римской истории от основания города» (142 книги; из них сохранилось 35 — о событиях периода до 293 г. до н. э. и 218—168 гг. до н. э.).

¹⁴⁶ *...до эпохи Филиппа...* — имеется в виду *Филипп II* (ок. 382—336 до н. э.) — царь Македонии (с 359 до н. э.), отец Александра Македонского. Завершил в 359 г. объединение Македонии. В 359—336 гг. завоевал Фессалию, часть Иллирии, Эпир, Фракию и др. К 338 г. (после битвы при Херонее) установил гегемонию над Грецией.

¹⁴⁷ *Пелла* — столица Македонии с 400 г. до н. э. до конца независимости (168 г. до н. э.); была расположена в прекрасном месте на берегу моря. В римское время была превзойдена Фессалоникой, резиденцией римского наместника.

Персеполь — древнеиранский город, располагавшийся в 50 км к северо-востоку от современного Шираза. Основан в конце VI в. до н. э. Одна из столиц Ахеменидов. В 330 г. до н. э. был захвачен Александром Македонским, сожжен и заброшен.

¹⁴⁸ *Олимпиада* (Olympias) (375—316 до н. э.) — дочь эпирского царя Неоптолема I, жена Филиппа II (была разведена с ним и способствовала его убийству) и мать Александра Македонского. После смерти сына боролась против диадохов, приказала убить одного из наследников Александра, его брата Филиппа III. Осажденная диадохом Кассандром в Пидне, она по решению македонского войска была казнена.

Глава третья

ЭЛЛИНИЗМ

¹⁴⁹ *Пребенда* (лат. praebenda — то, что должно быть дано) — жалование, содержание; в *сред. лат.* — доходы и имущество (дома, поместья), предоставляемые привилегированной части католического духовенства за исполнение обязанностей, связанных с занимаемой должностью.

¹⁵⁰ *Донативы* — с начала III в. до н. э. — денежные подарки римскому войску, выделяемые полководцем из захваченной добычи (манубии); например, при Цезаре donativum мог составлять до 24 000 сестерциев на одного солдата, а во времена Империи часто превышал эту сумму.

¹⁵¹ *Селевкиды* — царская династия, правившая в 312—64 гг. до н. э. на Ближнем и Среднем Востоке (основная территория — Сирия). Основана Селевком I — полководцем Александра Македонского, диадохом. Наи-

высшего расцвета государство Селевкидов достигло в III в. до н. э. при Антиохе III; в 64 г. до н. э. оно было завоевано Римом.

¹⁵² *Артаба* — хлебная мера в Персии, равная 32 кг.

¹⁵³ *Птолемей II Филадельф* (любящий сестру*) (386—246 до н. э.) — царь Египта (с 285 г. до н. э.) из династии Птолемеев; укрепил политическое и экономическое положение Египта в эллинистическом мире.

¹⁵⁴ *Κάτοικοι* — жители (греч.).

¹⁵⁵ *Συμμορία* — симмория (в Афинах) — определенная группа граждан, плативших государству определенный налог (*εἰσφορά*) или обязанных за свой счет снарядить военный корабль (*триерархия*). Для предоставления денежных средств государству, 1200 самых зажиточных афинских граждан были разделены на 20 симморий (по 60 человек в каждой). Каждая симмория имела своего руководителя (гегемона) и казначея (эпимелета). Кроме того из каждой симмории избирались 15 богатейших граждан (всего 300 человек), которые вместе с гегемонами и эпимелетами должны были отвечать за правильный взнос симморий. Разумеется, эти 300 человек пользовались влиянием не только в делах симморий, но и в управлении государством. Разделение граждан по симмориям для внесения налога было введено с 277 г. до н. э., для отбывания триерархии — 357 г. до н. э.

¹⁵⁶ *Эпоха Константина* — период правления императора Константина Великого — первая треть IV века.

Константин Великий (ок. 285—337) — Гай Флавий Валерий Константин I Великий (Gaius Flavius Valerius Constantinus) — римский император; в 306 г. избран войском в Августы. После победы над Максенцием в 312 г. и над Лицинием в 323 г. стал единоличным правителем в Империи. Последовательно проводил централизацию государственного аппарата, поддерживал христианскую церковь, в то же время сохраняя языческие культы. В 324—330 гг. основал новую столицу империи Константинополь на месте Византия, упрочил положение сенаторов и активно привлекал их к управлению государством. Начатое еще Галлиеном разграничение военного и гражданского управления получило при Константине окончательное оформление. Усилилось профессиональное прикрепление сословий, в первую очередь коловнов, к земле. Введение в обращение золотого солида стабилизировало денежную единицу. Русская православная и армянская григорианская церкви чтят Константина Великого как святого.

¹⁵⁷ *...националистического восстания Фиваиды...* — имеется в виду массовое восстание (206 г. до н. э.) против Птолемеев и греко-македонской аристократии, охватившее практически весь Египет. Особенно упорным и организованным оно было на юге страны. В Фивах появляются местные правители, по именам которых датируются демотические документы того времени. Лишь в 186 г. до н. э. при Птолемеи Эпифане Фиваида (так в эпоху Птолемеев назывался Верхний Египет) была вновь подчинена Птолемеями.

¹⁵⁸ *...причислением Арсиной (265 г. до Р. Х.) к лику богов...* — обожествление жены Птолемея II Арсиной, умершей в 270 г. до н. э., было следующим этапом в развитии царского культа и учения о божественном характере царской власти после причисления к лику богов Александра Македонского.

¹⁵⁹ *Антиохия писидийская* (Antiochia) — город на севере Писидии (на границе с Фригией).

Писидия — горная страна на юге Малой Азии в горах Тавра, расположенная севернее Памфилии, южнее Фригии и восточнее Ликии; была заселена воинственным и неукротимым народом.

¹⁶⁰ *Карийская Стратоникея* (Stratonicea) — город в Карии, на реке Марсиас.

Кария — область на юго-западе Малой Азии, богатая природными гаванями. Побережье Карии заселили греки-колонисты, основавшие Милет, Галикарнас, Книд и другие города.

¹⁶¹ *Кома* (коме, ком) (греч. κόμη) — деревня, село; квартал города.

¹⁶² *...династией Ирода...* — Ирод I Великий (ок. 73—4 до н. э.) — царь Иудеи с 40 г. до н. э. (фактически с 37); овладел тронном с помощью римских войск; основатель династии Иродадов, правящей до 100 г. н. э.

¹⁶³ *...основана была Тивериада... по свидетельству Иосифа...* — «Тетрах Ирод, находившийся в очень дружественных отношениях с Тиверием, основал в честь последнего в самой плодородной местности Галилеи, у Генисаретского озера, город Тивериаду» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, II, 216. М., 1996).

Иосиф Флавий (Josephos Flavius) (37 — после 100) — древнееврейский историк; изменил восставшим и сдался римлянам во время Иудейской войны против Рима. Автор «Иудейской войны», «Иудейских древностей», «Жизни».

¹⁶⁴ *Себаста* — имеется в виду Самария (осн. 880 до н. э.), столица Израильского царства. В конце I в. до н. э. Ирод I укрепил город, окружив его мощными стенами и воздвиг в нем новый храм, переименовав при этом в Себасту. «...Он пригласил поселиться там многих из своих прежних солдат, равно как и многих пограничных жителей... и распределил между жителями ближайшую, лучшую во всей стране землю, дабы они при своем поселении сейчас же пользовались известным благосостоянием» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, II, 124. М., 1996).

¹⁶⁵ *Эпигонь* (греч. epigonoí, букв. — родившиеся после) — сыновья диадохв, борвавшиеся за власть в III в. до н. э.

¹⁶⁶ *Кассандрея* (Cassandra) — македонский город на Халкидикe.

Халкидика — большой полуостров в Македонии, далеко вдающийся в Эгейское море тремя пальцеобразными выступами. Первоначально населялся фракийцами, в VIII в. до н. э. был колонизован Халкидой (откуда и название) и Эритреей.

Менда — в Македонии на полуострове Халкидика, рядом с Кассандреей, в состав которой он попал после синойкизма Кассандреи.

¹⁶⁷ *Иδία* — свой, собственный, частный; собственное или частное дело, имущество; собственный интерес, выгода; принадлежать кому-либо или быть свойственным кому-либо; своеобразный, особенный (греч.).

¹⁶⁸ *Επίξευος* — быть гостеприимно принятым, быть угощаемым; находиться с кем-либо в дружественных отношениях; *ἐπίξευος* — общественный (греч.).

¹⁶⁹ *...второй Птолемей...* — имеется в виду Птолемей II Филадельф.

¹⁷⁰ *...царем Антиохом II своей супруге...* — Антиох II Теос — царь государства Селевкидов (261—246 до н. э.). Сохранилась надпись Антиоха II, согласно которой он продал царице Лаодике землю и «местечки, какие окажутся на этой земле, и принадлежащих к ним людей (лаой) со всеми их домами и со всем, принадлежащим им, и с поступлениями пятьдесят девятого [т. е. 253 до н. э.] года» (Цит. по.: Всемирная история. Т. II. М., 1956. С. 251).

¹⁷¹ *Βασιλική γῆ* — царская земля; от βασιλική — царский; в переносном смысле: величественный, великолепный и γῆ — земля (греч.).

¹⁷² *Κάπηλοι* — мелкий торговец, харчевник, шинкар; барышник, обманщик (греч.).

¹⁷³ *Πόροι* (πόρος) — средство для достижения чего-либо; денежные средства; источник доходов; доход.

¹⁷⁴ *Диоклетиан* (Diocletianus) Гай Аврелий Валерий (245—316) — римский император с 284 по 305 гг. Происходил из Далмации, сын вольноотпущенника. При Каре был командиром императорской лейб-гвардии и после смерти Нумериана был провозглашен своими отрядами императором. Предпринимал множество военных походов. Для стабилизации управления страной и обеспечения защиты границ, а также с целью предотвращения узурпации Диоклетиан ввел административное и территориальное разделение власти — тетрархию, чем заложил основу позднейшего расчленения государства. С целью устранения влияния сената на войска власть цезарей была усилена созданием многочисленного аппарата чиновников и установлением придворных церемоний в восточных традициях. С 297 г. в качестве основного налога за землевладение начала взиматься регулярная плата натурой (аннона). Это привело к прикреплению колонов к обрабатываемой земле, что позже было законодательно закреплено Константином. Многие профессии постепенно становились наследственными, например, ремесленники были принудительно объединены в коллегии. В 301 г. Диоклетианом был издан эдикт о ценах. Будучи приверженцем римских традиций, Диоклетиан в целях идеологического укрепления бюрократического государства поощрял культ Юпитера, единообразный для всей империи, безрезультатно пытался замедлить распространение христианства организацией всеобщего преследования христиан (с 303 г.). В 305 г. отрекся от престола. С реформами Диоклетиана начался также доминат, который носил на всех своих формах отпечаток восточной позднеантичной абсолютной монархии. Отсчет эры, названной его именем, начался с 29 августа 284 г. и по сей день сохранился у коптов и эфиопских христиан.

¹⁷⁵ *Οψώνιον* — содержание, жалованье (солдатское); в переносном смысле: вознаграждение, награда (греч.).

¹⁷⁶ *Антиох I Сотер* (324—261 до н. э.) — царь государства Селевкидов (281—261 до н. э.), сын Селевка I.

Питана (Pitane) — приморский город в Мисии, против (западнее) острова Лемнос. Однако здесь, скорее всего, имеет место ошибка: Вебер, по видимому, имеет в виду город Питну, расположенный в Пирии, практически на побережье Фермского залива, как раз напротив (восточнее) Халкидики.

¹⁷⁷ Имеются в виду Филипп II, царь Македонский и Александр Македонский.

Кассандр (ок. 355—298 до н. э.) — полководец Александра Македонского, диадох, царь Македонии (с 306).

¹⁷⁸ *Пергам* (современная Бергама) — древний город в Малой Азии, основан в XII в. до н. э., столица государства Пергам; торговый и культурный центр эллинистического мира, знаменит своей библиотекой и медицинской школой (Асклепий).

¹⁷⁹ *Керкеосирус* — город в Египте.

¹⁸⁰ *Επιταγήα* — поручение, приказание; позднее: часть войска, поставленная позади резерва (греч.).

¹⁸¹ *Επιγονοί* — потомки; эпигоны (потомки семи вождей, предпринявших поход против Фив).

¹⁸² *Ανάπαυα* — участок земли, которому дан отдых от засеивания основными культурами; от *ἀνάπαυσις* — отдых, отдохновение; перерыв, пауза, покой (греч.).

¹⁸³ *Эдфу* (Edfu) (современный Идфу) — город в Верхнем Египте, на Ниле, центр культа божества солнца (греческое название: Apollinopolis magna).

¹⁸⁴ *Арсиноя* — см. выше, прим. 158 к данной главе.

¹⁸⁵ *Гелиополис* (Heliopolis, *библейский Он*) — город в нижнем Египте, на канале, соединяющем Нил с Красным морем.

¹⁸⁶ *Виссон* — очень дорогая (почти драгоценная) тонкая ткань, в древности, употреблявшаяся для пошива одежды первосвященников; любимая ткань римских патрицианок времен Империи; состав ткани точно нестановлен.

¹⁸⁷ *Лампсак* — город в Мисии, в северо-восточной части Геллеспонте (на северо-западе Малой Азии), был подарен Ксерксом Фемистоклу.

Орхомен (Orchomenos) — древний город Беотии, некогда столица исчезнувшего к классическому времени народа пеласгийских минийцев, располагавшийся к северо-востоку от бывшего Копайдского озера, где уже в эпоху неолита имелись поселения. В более поздние времена Орхомен тоже был крупным центром.

Книд (Cnidus) — дорийский портовый город, колония лакедемонян в Карии; известен своей школой врачей, сформировавшейся в этом городе при святилище Афродиты Книдской, в храме которой находится знаменитая статуя Афродиты работы Праксителя. Неподдалеку находился храм Аполлона Трионийского, святилище дорийцев.

¹⁸⁸ *Коммандиты* (от франц. commandité — товарищество на вере) — коммандитное товарищество — предприятие, один или несколько участников которого отвечают по обязательствам товарищества всем своим имуществом, а остальные участники — только своими вкладами.

¹⁸⁹ *...после прекращения разбойнических войн XVIII династии...* — XVIII династия в Египте правила с 1580 до 1392 гг. до н. э. В этот период война с иноземными завоевателями сменилась захватническими походами, в основном в Палестину и Сирию.

¹⁹⁰ Имеется в виду Птолемей II Филадельф.

¹⁹¹ *Варрон* (Varro) Марк Теренций (116—27 гг. до н. э.) — крупнейший и наиболее плодовитый римский писатель и ученый-энциклопедист. Происходил из сословия всадников, занимал многие политические и военные должности; в гражданской войне 49 г. до н. э. выступал на враждебной Цезарю стороне. Автор огромного количества работ, большинство из которых до нас не дошло) по истории литературы, философии, истории, математике и др. Основным его произведением были «Человеческие и божественные древности» в 41 кн. (ныне утеряны). Целиком сохранился лишь трактат «О сельском хозяйстве» в 3 кн., в котором Варрон, вслед за Катонем дает практические сельскохозяйственные советы. По личному указанию Цезаря в 47 г. до н. э. организовал в Риме публичную библиотеку и руководил ею.

¹⁹² *Иллирия* (лат. Illyricum) — первоначальное название средней части Адриатического побережья около Шкодера (Северная Албания), распространившееся затем на весь северо-запад Балканского полуострова от побережья Адриатики до Моравии и от Эпира до среднего течения Дуная. Иллирийские племена прибрежных районов с 228 г. до н. э. попали под влияние римлян.

¹⁹³ *Εγγράφος* — вписанный, написанный (греч.); письменный; здесь имеется в виду зарегистрированный брак *ἑγγράφος γάμος*, в отличие от *ἄγραφος γάμος* — незарегистрированного брака (греч.).

¹⁹⁴ *Ἀπάτωρ* — не имеющий отца, сирота; происходящий от неизвестного отца (греч.).

¹⁹⁵ ...односторонняя гомология... — от лат. *homologi* (гомологи) — прикрепленные к земле земледельцы, переходящие к новому собственнику данного предприятия.

¹⁹⁶ *Марк Аврелий* (Marcus Aurelius) Антонин (121—180) — римский император (с 161 г.) из династии Антонинов. Сам родом из senatorской семьи (испанского происхождения), он опирался на senatorское сословие. Период его правления отмечен жесточайшими оборонительными сражениями знаменовавшими конец относительно спокойного развития эпохи принципата. Аврелий восстановил римский протекторат над Арменией и захватил Месопотамию в войне 162—166 гг. с парфянами. Для внутренней политики Аврелия характерно согласие императора с сенатом при одновременном укреплении государственного аппарата Империи и расширении его функций. Пленных варваров не превращали в рабов, а качестве колоннов оставляли в особых пограничных поселениях. С 146 г. Марк Аврелий начал проявлять интерес к философии и в конце концов стал одним из наиболее выдающихся представителей поздней (эклетиической) стоической философии («Наедине с собой»). Умер Марк Аврелий в 180 г. от чумы.

¹⁹⁷ ...Рим в эпоху «*aes rude*»... — *aes rude* — медь в слитках (весовая) (лат.). Имеется в виду эпоха, когда в качестве разменной монеты ходили *aes rude*.

¹⁹⁸ ...первосвященнический род «*Маккавеев*»... — род иудейских царей и верховных жрецов, названный так по прозвищу его представителя Иуды Маккавея, вождя восстания (166—160 до н. э.), вспыхнувшего в ответ на религиозные преследования иудеев Антиохом IV. После завоевания независимости династия Маккавеев (Хасмонеи) правила Иудеей вплоть до покорения страны Гнеем Помпеем (63 до н. э.).

¹⁹⁹ *Саддукеи* — вместе с фарисеями и ессеями составляли 3 религиозных направления, на которые делились евреи, начиная с эпохи Маккавеев (с 150 г. до н. э. до разрушения Иерусалима (70 г. н. э.); расхитились фарисеями и ессеями в понимании способов применения закона Моисея к жизни. Саддукеи — священнические, богатые аристократические роды, происходившие от первосвященника Садока — претендовали на исключительное право руководить народом, строго придерживались буквы закона, не допуская ни малейшего послабления в нем, отвергали народные обычаи и постановления позднейших законодателей; отрицали бессмертие души, воскресение мертвых и существование ангелов и духов, признавали абсолютную свободу воли.

²⁰⁰ *Донатисты* — участники религиозного движения в римской Северной Африке IV—V вв., названного так по имени избранного в 313 г. епископом Карфагена Доната (Donatus) Великого. Это движение возникло на почве социальных, национальных и экономических трений между берберийским населением страны и римскими и романизированными землевладельцами и горожанами. Оужденный большинством соборов, донатизм подвергался преследованиям.

²⁰¹ *Мишна* — см. выше, прим. 15 к Введению.

²⁰² ...одним местом из Иеремии... — имеется в виду «Книга пророка Иеремии» (Ветхий Завет).

²⁰³ *Ликург* — легендарный законодатель Спарты. Якобы по велению Дельфийского оракула или по образцу государственной системы Крита в период между IX в. и 1-й половиной VII в. до н. э. создал политические институты спартанского общества. В Спарте ему воздавались божественные почести.

Часть I

РИМ

Глава первая
ГОРОД-ГОСУДАРСТВО

¹ *Тарквинии* (лат. Tarquinii, этрусск. Tarch(u)na) — город в южной Этрurie, в к северо-западу от Рима; известен своими погребальными склепами, самый первый из которых построен около 550 г. до н. э, а последний — во II в. до н. э.

Цере — южноэтрusский город, который очевидно являлся резиденцией изгнанных из Рима этрусских царей. В IV в. до н. э. был покорен римлянами. Сохранилась большая часть расположенных вблизи города этрусских гробниц, украшенных богатой настенной живописью и рельефами (например гробница Тарквиниев). Город славился как центр этрусского художественного промысла. Ныне — деревня Черветери.

² *Гаруспиции* (лат. haruspicium) — осмотр внутренностей, печени) — предсказания по внутренностям (преимущественно печени) жертвенных животных, жертвенное гадание.

Гаруспик (haruspex) — этрусск. harus + specio — предсказатель, гадавший по внутренностям жертвенных животных; член этрусской коллегии жрецов. Римское правительство приглашало гаруспиков по конкретным поводам в Рим и получало от них сведения. Предсказания гаруспиков, однако, должны были быть утверждены решением сената. Гаруспики находились также в свитах полководцев, они исполняли свои обязанности предсказателей до конца классической Древности.

³ *Сабеллы* (Sabelli) — общее обозначение древнеиталийских племен, ведущих свое начало от сабинов: марруцины, марсы, пелигны, эквы, эквикулы, герники, вестины, пизены, самниты, гирпины, френтаны, луканы и брутии. В современной научной исторической терминологии термином сабеллы чаще всего обозначают малые среднеиталийские племена, включая самих сабинов, противопоставляя им умбров на севере и самнитов-осков на юге.

⁴ *«Сервиева» стена...* — римская городская стена, создание которой приписывают Сервию Туллию — шестому римскому царю, правившему в 578—534/533 до н. э.

⁵ *«в эпоху Двенадцати таблиц...»* — V в. до н. э. в римской истории; период, когда были созданы Законы двенадцати таблиц.

Законы Двенадцати таблиц (Leges duodecim tabularum) — один из древнейших сводов римского обычного права на 12 досках-таблицах; древнейшая письменная фиксация римского права, осуществленная в 451—450 гг. до н. э. избранной специально для этой цели коллегией децемвиров (decemviri legibus scribundis — буквально, члены коллегии десяти для записи законов). Законоположения законов составили основу римского права, дальнейшее развитие которого во многом определяло задачи их комментирования. Гражданское, уголовное и процессуальное право в этих законах были еще не разделены. В соответствии с достигнутой римским обществом в V в. ступенью социально-экономического развития в центре внимания составителей законов оказались вопросы семейного, наследственного и соседского права. Наряду с установлением сурового возмездия за убийство и покушение на собственность, в котором отражена идея личной мести, наказанием за некоторые виды преступлений становятся уже денеж-

ные штрафы, что дало толчок для последующего развития частного уголовного права.

⁶ *Attus Clausus* — Атта Клавз — сабинское имя Аппия Клавдия Сабина Регильского.

Аппий Клавдий Слепой — римский государственный деятель, цензор в 312 г. до н. э., консул в 307 и 296 гг., претор в 295 г., с 292 по 285 гг. — диктатор. Аппий Клавдий реформами ликвидировал некоторые привилегии патрициев и расширил права плебеев; ввел в сенат вольноотпущенников и зачислил в трибы безземельных граждан; его также считают основателем юриспруденции.

⁷ *Nexus* — от *лат.* *pexum* — долговое обязательство под гарантию личной свободы (обязательство должника в том, что в случае неуплаты долга он будет работать на займодавца или станет его рабом); купчая; а также от *лат.* *necto* — связывать, обязывать, налагать обязательство.

⁸ *Феогнид* — греческий поэт-лирик второй половины VI в. до н. э. Сохранились две книги стихотворений под его именем, но не все они принадлежат перу Феогнида.

⁹ *Децемвиры* (*лат.* *decemviri* — десять мужей) — члены коллегии из 10 должностных лиц или жрецов

¹⁰ *Гуфа* (*нем.* *Hufe, Hube*) — в средневековой Германии — земельный надел крестьянина.

¹¹ *Куриатные комиции* — от *лат.* *comitium* (комиций) — чаще употребляется во множественном числе — *комиции* (от *лат.* *co(m)ig* — собираться) — народные собрания в Римской республике. Старейшей формой таких собраний был куриатский комиций, во главе которого стоял консул; затем Сервием Туллем был учрежден центуриатский комиций, охватывавший всех граждан, имевших право носить оружие; позднее его сменил трибутский комиций под председательством трибунов и эдилов.

¹² *Ragus* — сельская община, село, деревня; сельское население; лат., область, район, округ (*лат.*).

¹³ *Villa* — вилла, загородный или деревенский дом, поместье, дача (*лат.*).

¹⁴ *Hortus* — огороженное место, ферма; огород, фруктовый сад, виноградник (*лат.*).

¹⁵ *Heredium* — наследственное имение, наследство (*лат.*).

¹⁶ *Апроприация* — (апроприация — *лат.* *appropriatio* — усвоение организмом) — присвоение, завладение; приспособление чего-либо. В контекстах подобных данному — антоним слова «экспроприация».

¹⁷ *Dominium* — собственность; право собственности; власть, господство (*лат.*).

¹⁸ *Patres* — от *patet* (*patricius*) — патриций, принадлежащий к родовой римской знати (*лат.*).

¹⁹ *Fundi* — мн. от *fundus* — земля, земельное владение, поместье (*лат.*).

²⁰ *Плациенция* (*Placentia*) (ныне Пьяченца) — город в Цизальпийской Галлии на правом берегу реки Пад.

Велия (*Velia*) — город на западном побережье Лукании, основанный выходцами из Фокеи.

²¹ *Vicus* — деревня, поселок, крестьянский двор; городской квартал, улица, переулок (*лат.*).

²² *Фест Секст Помпей* (*лат.* *Festus*) — римский грамматик и антиквар II в. н. э. Он сделал извлечения из труда Веррия Флакка «*De verborum significatu*» — словаря римских древностей с объяснением слов времен Августа. Часть извлечений сохранилась, но в большинстве случаев — в повторных выписках Павла Диакона конца VIII в.

²³ *Ager compascuus* — земля, служащая общественным пастбищем; земля, отведенная под общественный выгон, пригодная для общественной пастбы (*лат.*).

²⁴ *Ager publicus* — государственный (общественный) земельный фонд, чаще всего пополяющийся за счет военного захвата чужих земель (*лат.*).

²⁵ *Оккупация* — от *лат.* *осциро, осцираге* — занимать, захватывать; подниматься, всходить; завладеть — завладение, занятие земли и т. п.

²⁶ *Югер* (*лат.* *jugerum*) — древнеримская земельная мера, равна примерно 2942 м² (или 2519 м²).

²⁷ *Gentes* (*gens, gentis*) — род, родовая община, клан; племя, народность, народ; городская община (*лат.*).

²⁸ *Bina jugera* — по два югера (*лат.*).

²⁹ *Анксур* (Анкира, в настоящее время — Анкара) — город в Большой Фригии, впоследствии столица Галатии.

³⁰ *Морген* (*нем.* *Morgen*) — земельная мера в Германии, равная 0,25—0,36 га.

³¹ *Анциум* (Антий) (*Antium*) — укрепленный город вольсков в Латии (ныне Porto d'Anzo).

³² *Applicatio* — присоединение клиента к патрону (*лат.*).

³³ *Susceptio* — принятие на себя (*лат.*).

³⁴ *Дигесты* — часть Кодификации Юстиниана. Включает отрывки из сочинений римских классических юристов, в основном по вопросам частного права.

³⁵ *Spolia opima* — доспехи, снятые с неприятельского полководца (*лат.*).

³⁶ *...Фабии против Вей...* — *Вей* — богатый и могущественный этрусский город на берегу реки Кремеры (современный Фосса-ди-Валка) к северу от Рима. После длительной войны с Римом (406—396 до н. э.) Вей были взяты Камиллом; жители были порабощены, город разграблен, а владения Вей объявлены общественной землей (*ager publicus*).

Фабии — римский патрицианский род

³⁷ *...Сципион еще созывает своих клиентов, отправляясь в поход против Нуманци...* — Имеется в виду иберийский город в Кастилии (Испания), центр сопротивления местных племен римской экспансии. В 133 г. до н. э. Сципион Младший разбил повстанцев и после 9-месячной осады разрушил Нуманцию.

Публий Корнелий *Сципион* Эмилиан Африканский Младший (185—129 до н. э.) — римский полководец. В 146 г. до н. э. захватил и разрушил Карфаген, завершив 3-ю Пуническую войну. Римское предание изображает Сципиона ревностным поклонником эллинской культуры, приверженцем староримских нравов.

³⁸ *...gentis enuptio...* — выход из рода вследствие замужества (*лат.*).

³⁹ *Лисандр* (?—395 до н. э.) — спартанский полководец, после осады в 405—404 г. до н. э. взявший Афины и с помощью олигархов (Тирания Тридцати) ликвидировавший там демократическое устройство.

⁴⁰ *Compascua* — поля, служившие общественными пастбищами (*лат.*).

⁴¹ *...стена Авентина...* — имеется в виду стена на Авентинском холме в Риме.

⁴² *Массилия* (*Massina*) — город на юго-восточном побережье Галлии, основанный фокейскими колонистами (ныне Марсель).

⁴³ *Вольски* (*лат.* *volsci*) — италийское (оскское) племя, населявшее долину реки Лириса на юге Лация. Вольски успешно воевали с римлянами с начала V в. до н. э. В 338 г. до н. э. были окончательно покорены римлянами. Города вольсков получили право римского гражданства (*ius sine suffra-*

gio — без права голоса), т. е. статус муниципиев. Вскоре вольски романизовались и в античных источниках как самостоятельный народ не засвидетельствованы.

⁴⁴ ...*после сецессии на Яникуле...* — речь идет об уходе плебеев на один из римских холмов — Яникул — с целью добиться уравнивания их в правах с патрициями.

⁴⁵ *Adsidui* — зажиточные и платящие налоги граждане (лат.).

⁴⁶ *Locuples* — богатые, состоятельные (лат.).

⁴⁷ ...*по словам Геллия...* — Геллий Авл (Gellius Aulus) (род. ок. 130 г.) — римский писатель; составил собрание трудов в 20 книгах «Аттические ночи» («Noctes atticas»). В этих книгах в форме непринужденных бесед и поучений изложены материалы из различных областей науки (история литературы и языка, философия, мифология и история).

⁴⁸ ...*точно выражает Дионисий...* — имеется в виду Дионисий Галикарнаский — греческий историк и ритор второй половины I в. до н. э., автор «Римских древностей» — истории Рима с мифических времен до 264 г. до н. э. (20 кн.; сохранились полностью кн. 1—9 — до 442 г. до н. э.), в которой он пытается примирить греков с римским господством.

⁴⁹ *Οχλος* (охлос) — чернь, народ, толпа; множество; скопище, сборище (греч.).

⁵⁰ *Закон Гортензия* (*Lex Hortensia*) — *Гортензий* (Hortensius) Квинт — римский государственный деятель, в 287 г. до н. э. — диктатор. Убедил удалившихся на холм Яникул плебеев возвратиться в город, проведя закон о том, что решения плебса по трибам (плебисцит) ставятся наравне с постановлениями центуриатных комиций законами (*leges*), благодаря чему народные трибуны получили законодательную инициативу. Этим окончилось внутривнутриполитическое развитие ранней Республики (борьба сословий).

⁵¹ ...*нечто вроде «rotten boroughs» (гнилых местечек)...* — намек на систему выборов парламента в Англии, существовавшую до 1832 г., когда правом выбора депутатов обладали старые деревни и городки, что отвечало интересам земельной аристократии.

⁵² *Ager divisus et assignatus per limites in centuriis* — поле, разделенное на наделы в соответствии с границами между центуриями (лат.).

⁵³ *Квиритарная собственность* — собственность граждан (лат.).

⁵⁴ *Адриан* Публий Элий (лат. *Nadrianus*, 76—138) — родственник (подопечный) императора Траяна, который перед смертью усыновил его и объявил наследником. Отказался от завоевательной политики Траяна и в 117 г. закончил Парфянскую войну, отказавшись от Армении и Месопотамии и ограничившись защитой и обеспечением безопасности своих границ и наведением порядка внутри империи. Последнее крупное восстановление иудеев под руководством Бар-Кохбы (132—135 гг.) Адриан подавил с крайней жестокостью. Во внутривнутриполитической сфере он уменьшил влияние сената, жестоко казняя сенаторов-оппозиционеров. Власть императора была укреплена созданием чиновничьего аппарата. Прежде всего вместо вольноотпущенников к сотрудничеству были привлечены всадники, в том числе во вновь созданный Государственный совет. Бессрочный эдикт (*Edictum perpetuum*) благодаря унификации завершил развитие преторского права (128 г.). Наряду с правовой и финансовой реформами была проведена реформа войска, которая давала солдатам возможность подняться до сословия всадников. Ослабление налогов, продолжение действия алиментарных учреждений, забота о колонах, гуманизация рабского права должны были привести к консолидации государства. Вел активную культурно-строительную деятельность.

⁵⁵ *Гигин* (Giginus) Юлий (?—10 н. э.) — латинский ученый и писатель, вольноотпущенник императора Августа. Август назначил Гигина главой Палестинской библиотеки. Писал в подражание Варрону труды по сельскому хозяйству, философии, географии, о древностях и религии. Из его произведений ничего не сохранилось. Под именем Гигина дошли из II в. до наших дней труд о легендах, связанных со звездами, и «*Fabulae*» — справочник по мифам, использовавшийся как школьный учебник.

Глава вторая

ЭПОХА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ РИМА

⁵⁶ *...сабелльских горцев...* — сабеллами называют древнеиталийские племена, ведущие свое начало от сабинов: марруцины, марсы, пелигны, эквы, эквикулы, герники, вестины, пицены, самниты, гирпины, френтаны, луканы и брутии.

⁵⁷ *Трибут* (лат. tributum) — в древние времена с римских граждан взимался прямой налог с имущества, шедший на содержание армии (до 168 г. до н. э.). Начиная с Римской империи под обозначением «трибут» понимался прямой налог, взимаемый с провинций. В отличие от него существовал непрямой налог (*vectigalia*) на доходы с государственного имущества, на доходы с аренды. Трибут в значении принудительного налога с покоренных Римом государств из Персидского царства и греческих городов известен с V в. до н. э. (*phoros*). В Риме периода Республики он взимался с провинций (*stipendium*) для содержания расквартированных там римских войск.

⁵⁸ *Сулла* (Sulla) Луций Корнелий (138—78 до н. э.) — римский полководец, консул (в 88 до н. э.). Победив Гая Мариа в гражданской войне, стал римским диктатором (82 г. до н. э.), проводил массовые репрессии. Его диктатура была направлена против всех демократических установлений и имела целью преодолеть государственный кризис Рима в духе идей оптиматов. Сулла вновь передал суды в руки сенаторов, ограничил полномочия народных трибунов и тем самым лишил главной опоры популяров и плебеев. Социальную основу диктатуры составляли сенаторская олигархия и войско. В 79 г. до н. э., признав, что не достиг своих целей, Сулла сложил с себя полномочия диктатора и вернулся к частной жизни.

⁵⁹ *а. и. с. (ab urbe condita)* — от основания города (Рима), т. е. считая от 753 г. до н. э.

⁶⁰ *...закон Лициния-Сестия...* — Гай Лициний Столон вместе с Л. Секстием Латераном в 376—367 до н. э. выполняли обязанности народных трибунов. Благодаря их усилиям были приняты законы, по которым долги погашались на выгодных для должников условиях, запрещалось занимать более 500 югеров (125 га) общественной земли и предписывалось избирать одного консула из плебеев.

⁶¹ *...объясняются кельтской и пунийской опасностью...* — пунийская опасность — опасность со стороны пунийцев (пунов). Пунийцами (лат. *росп*) римляне называли карфагенских финикийцев (как известно, Карфаген был основан как финикийская колония).

⁶² *...область проживания сенонов и Пицен...* — *Сеноны* — кельтское племя, проживавшие на восточном побережье Умбрии между Равенной и Анконой (уничтожены римлянами в 283 до н. э.). *Пицен* — область, населенная италийским племенем пиценов, расположенная на восточном побережье Италии на склоне Апеннин от Анконы на севере до Гельвина на юге.

⁶³ *Фламиний* (Flaminius) Гай (?—217 до н. э.) — римский народный трибун (в 232 г. до н. э.), цензор (в 220 г. до н. э.), консул (в 223 и 218 гг. до н. э.); провел ряд законов по демократизации римского общества.

⁶⁴ *Hinterland* — хинтерланд (нем.), незахваченная территория, граничащая с колониями.

⁶⁵ ...*после поражения Ганнибала*... — Ганнибал (Hannibal) (247/246—183 до н. э.) — карфагенский полководец. В ходе 2-й Пунической войны совершил переход через Альпы, одержал победы при рр. Тицин, Требия (в 218 г. до н. э.), у Тразименского озера (в 217 г. до н. э.), при Каннах (в 216 г. до н. э.). В 202 г. до н. э. при Заме (Северная Африка) был побежден римлянами.

⁶⁶ *Lex Claudia* (лат. закон Клавдия) — консульский закон 177 г. до н. э. о том, что все латины должны оставить Рим и вернуться на родину.

⁶⁷ *Lex Junia de peregrinis* (лат.) — закон 126 г. до н. э., предложенный М. Юнием Пенном, изгонял из Рима латинов и перегринов (чужестранцев), присвоивших себе право римского гражданства.

⁶⁸ *Querela inofficiosi testamenti* — жалобы на завещание, составленные в ущерб законным наследникам (лат.).

⁶⁹ Сенаторам запрещалось владение судами, водоизмещением более сорока мюидов (бочек).

⁷⁰ *Магон* — представитель знатного карфагенского рода (Магониды), полководец и ученый, автор трактата о сельском хозяйстве. Это произведение было переведено на латинский и греческий языки и оказало значительное влияние на римских авторов, писавших о сельском хозяйстве. Трактат не сохранился. Он был написан до разрушения Карфагена.

⁷¹ *Марий* (Marius) Гай (около 157—86 г. до н. э.) — римский полководец, консул (в 107, 104—101, 100, 86 гг. до н. э.). Проведенные им преобразования в армии способствовали профессионализации войска.

⁷² *Триумвиры* — члены триумвирата (лат. triumviratus — союз трех мужей; официальное название — «коллегия трех для упорядочения республиканского строя»), союза влиятельных политических деятелей и полководцев с целью захвата государственной власти. Первый триумvirат заключен в 60 (или 59) г. до н. э. между Цезарем, Помпеем и Крассом (действовал до 53 г. до н. э.) и являлся частным соглашением. Второй — в 43 г. до н. э. между Октавианом Августом, Марком Антонием и Марком Лепидом был принят в законодательном порядке (lex Titia); формально действовал до 31 г. до н. э.

⁷³ *Тиберий* (Tiberius) (42 до н. э. — 37 н. э.) — римский император (с 14 г. н. э.) из династии Юлиев-Клавдиев; пасынок Августа. Проводил авторитарную политику; добился улучшения финансового положения империи.

⁷⁴ *Calles* — тропинки, дорожки (преимущественно для прогона скота) (лат.).

⁷⁵ *Вилик* — управляющий римским поместьем. Функции вилика выполняли назначенные землевладельцем избранные рабы, получавшие право вести собственное хозяйство. Они осуществляли надзор за работавшими в поместье рабами и свободными гражданами.

⁷⁶ *Instleute* — мн. ч. от нем. Instmann — батрак, снимающий угол; безземельный крестьянин.

⁷⁷ ...*bonac-fidei договора locatio-conductio*... — ненарушимость контракта о найме (лат.).

⁷⁸ *Домициан* (Domitianus) Тит Флавий (51—96 н. э.) — римский император (с 81 г.) из династии Флавиев, младший сын Веспасиана, брат Тита. Проводя самодержавную политику, систематически ограничивал влияние

сената и опирался на всадников, войско и провинции. Основал провинции Нижняя и Верхняя Германия. Возродил императорский культ; впервые стал называть себя «господином и богом». Убит в результате заговора и проклят сенатом.

⁷⁹ *Гигин* — см. выше, прим. 55, на стр. 546.

⁸⁰ *Эмфитеот* — долгосрочный арендатор (*греч.*).

⁸¹ *Квири́ты* (*лат.* *quiritēs*) — древнее название римских граждан (*cives*), употреблявшееся на народных собраниях и объединенная одной формулой с собирательным названием «римский народ» («*populus romanus*»). Первоначальное значение слова «квири́ты» неясно. Кроме того квири́тами назывались гражданские лица в противоположность военным.

⁸² *Orbis terrerum* — земной круг; земля, мир (*лат.*).

⁸³ *Веррес* (*Verres*) Гай (?—43/42 до н. э.) — римский наместник в Сицилии, заслуживший скандальную славу своими злоупотреблениями. В 74 г. до н. э. был претором, в 73—71 гг. до н. э. — протопретором в Сицилии. Веррес, грубо нарушая закон, жестоко угнетал население. Римский сенат вмешался в его деятельность. Помимо всего прочего, в вину Верресу ставилось присвоение многих произведений искусства, принадлежавшим храмам и частным лицам. В результате процесса Веррес был приговорен к ссылке и возмещению нанесенного ущерба в размере 40 млн. сестерциев.

⁸⁴ *...устроена Митридатом в Азии «сицилийская вечерня»...* — Понтийский царь Митридат VI Евпатор (род. в 132 г. до н. э. в Синопе — убит по собственному приказу рабом в 63 г. до н. э. в Пантикапее) в 88 г. до н. э. захватил всю Малую Азию, где приказал убить 80 тыс. римлян. («Сицилийской вечерней» называется восстание 1282 года жителей острова против захвативших Сицилию анжуйских феодалов, в ходе которого были убиты несколько тысяч французов, и которое подготовила подпольная организация, называвшаяся «Мафия» («*Morte alle Francia Italia Agnella*» — «Смерть всем французам, Италия вздохни»; именно от нее выводит свою родовую одноименную преступную организацию). В переносном смысле «сицилийская вечерня» — массовая резня).

⁸⁵ *...в союзнической войне...* — имеется в виду восстание в 90—88 гг. до н. э. против Рима автономных италийских племен, предоставлявших римлянам вспомогательные войска и конницу, однако не имевших гражданских прав и потому подвергавшихся произволу римских властей (лишение права участия в распределении земли, строгое наказание непокорных, захват римскими латифундистами земель италийских крестьян). В ходе восстания большая часть италийцев, объединившихся под предводительством марсов и самнитов (за исключением этрусков и умбров, у которых крупные землевладельцы обладали огромной властью и оставались верными Риму), основали самостоятельное государство со столицей, названной «Италия» (Корфиний), и, несмотря на ряд военных неудач, сумели путем вооруженной борьбы добиться предоставления им прав римских граждан, иными словами, равноправия.

Глава третья

ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ В ИМПЕРАТОРСКУЮ ЭПОХУ

⁸⁶ *...македоняне основанием «Alexandreschata» коснулись грани Туркестана...* — Александрия Эсхата была основана Александром Македонским в 329 г. до н. э. на берегу Сырдарьи как опорный пункт в Согдиане. Позже переименована в Ходжент, с 1936 — Ленинабад.

⁸⁷ ...римское владычество синоикизмами лугитанцев... — Лугитания (современная Португалия) — римское название части Иберийского полуострова, населенного племенами лугитан, которые с 193 г. до н. э. постоянно вторгались в завоеванные римлянами районы. В 154—136 гг. до н. э. лугитане вели борьбу за свою независимость, в которой потерпели поражение. В 13 г. до н. э. была создана римская провинция Лугитания.

⁸⁸ *Декурион* — титул члена общинного совета города в римском и латинском праве. Декурионы, число которых, как правило, составляло 100 в каждой общине, должны были владеть определенным состоянием. Из них формировалась муниципальная аристократия, необходимая для городского самоуправления в Римской империи. После сенаторов и всадников декурионы являлись третьим привилегированным сословием. С III в. должность стала обременительной, так как на декурионов была возложена ответственность за налоговые поступления их общины.

⁸⁹ *Аллоброги* — кельтское племя, жившее между Изерой и Реной; главный город — Виенна. В 121 г. до н. э. были завоеваны римлянами, а их территория включена в состав провинции Нарбоннская Галлия.

⁹⁰ *Страбон* (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.) — греческий географ и историк. Автор «Географии» (17 кн.), являющейся итогом географических знаний античности, и «Исторических записок» (не сохранились).

⁹¹ ...«диоикизмы» *Мантиней и Патр...* — расселения (греч.).

⁹² *Каролингская империя* — имеется в виду империя Карла Великого (742—814), франкского короля из династии Каролингов, завоевавшего Лангобардское королевство, области саксов и др. и объявившего себя императором (800). Распалась в 843 г.

⁹³ *Амальфи* (Amalfi) — город в итальянской провинции Салерно на Средиземном море; в средние века — главный город норманнского герцогства, где был составлен особый кодекс морского права (Tabula Amaliphitana).

Пиза (Pisa) — город в Центральной Италии (со знаменитой наклонной башней), административный центр провинции Пиза

Венеция (Venezia) — город в Северной Италии, расположенный преимущественно на островах Венецианской лагуны Адриатического моря; административный центр провинции Венеция и области Венеция. Поселение Венеция известно уже с V в. до н. э. город — с начала IX в. н. э. С IX—X по XVI вв. — крупный центр посреднической торговли между Западной Европой и Востоком. В средние века являлась республикой (с конца XIII в. олигархическая, с дожем во главе) со значительной подвластной ей территорией. В 1797—1805 гг. и 1815—1866 гг. Венеция была владением Австрии.

Фьезоле (Fiesole) — город в итальянской области Тоскана.

Арецио (Arezzo) — город в итальянской области Тоскана; древний этрусский Арретий (Arretium) (в восточной Этрурии).

Сиена (Siena) — город в Центральной Италии, в области Тоскана, административный центр провинции Сиена. В XIII—XIV вв. — один из крупнейших в Европе банковско-ростовщических и ремесленных центров.

Флоренция (Firenze) — город в Центральной Италии, административный центр провинции Флоренция и области Тоскана; основан в I в. до н. э. на месте поселения этрусков. В средние века — одна из наиболее влиятельных городских республик, синьория, значительный ремесленно-торговый центр (главным образом сукноделие). В XIV в. здесь впервые в мире появилась мануфактура.

Ганза (нем. Hanse) — ганзейские города — торговый и политический союз северо-немецких городов. Окончательно был оформлен в XIV в., про-

существовал до XVI в. (формально до 1669 г.), хотя упадок его начался уже в XV в. Ганза возглавлялась городом Любеком и осуществляла посредническую торговлю между Западной, Северной и Восточной Европой (ей принадлежала торговая гегемония в Северной Европе). Главными опорными пунктами Ганзы были города Брюгге, Новгород, Лондон, Берген.

⁹⁴ *Зомбарт* (Sombart) Вернер (1863—1941) — немецкий экономист, социолог и историк культуры, неокантианец. Вначале испытал влияние идей К. Маркса, в дальнейшем выступил против марксизма. Развитие капитализма связывал (в духе Макса Вебера) с развитием «духа капитализма» (стремление к наживе, к деньгам), якобы свойственного человеку; один из авторов реформистской теории «организованного капитализма»; в 30-е годы перешел на иррационалистические позиции.

⁹⁵ *Аччяджюли*, *Барди*, *Медичи*, *Фуггеры* — Аччяджюли (Acciajuoli) — богатая флорентийская семья из которой происходит ряд видных государственных деятелей и военачальников.

Барди (Bardi) — известный в средние века банкирский дом из Сиены.

Медичи (Medici) — флорентийский род, игравший очень важную роль в средневековой Италии. Основали торгово-банковскую кампанию, одну из крупнейших в XV в. в Европе. В 1434—1737 гг. (с перерывами) правили Флоренцией. С XVI в. носили титул Великого герцога Тосканского.

Фуггеры (Fugger) — в XV—XVII вв. крупнейший немецкий (из города Аугсбурга) торгово-ростовщический дом, игравший важную роль в эпоху раннего капитализма в Западной и Центральной Европе. Сужали деньгами Габсбургов, за это получали право на эксплуатацию серебряных и медных рудников в Тироле и Венгрии. Широко торговали металлами.

⁹⁶ *Красс* (Crassus) (ок. 115 — 53 до н. э.) — римский полководец; сторонник Суллы (нажился на казнях и конфискациях во время проскрипций Суллы). В 71 г. до н. э. подавил восстание Спартака. В 60 г. до н. э., вместе с Цезарем и Помпеем, входил в 1-й триумвират. Погиб во время войны с парфянами.

⁹⁷ *Эпоха парфян* — по-видимому, имеется в виду период возникновения и расцвета Парфянского царства (250 г. до н. э. — 224 г. н. э.), соперника Рима на Востоке.

⁹⁸ *Мориц Оранский* (Maurits van Oranje) (1567—1625) — принц, статхаудер в Республике Соединенных провинций (с 1585), полководец, военный реформатор.

⁹⁹ *Туран* — низменность (Туранская) в Средней Азии, противопологалась персидскому плоскогорью Ирану, совпадает с Туркменией и западным (низменным) Узбекистаном.

¹⁰⁰ *Убии* — племя, в I в. до н. э. переселившееся с правого берега реки Рейн на левый. Агриппа установил формальный статус общины убиев (Civitas Ubiorum), столица которой в 50 г. до н. э. получила ранг колонии и стала называться Агриппинова колония (современный Кёльн).

¹⁰¹ *Каракалла* (Caracalla) — прозвище римского императора Марка Аврелия Севера Антонина (Marcus Aurelius Severus Antonius) (186—217), полученного им за пристрастие к галльской одежде. Первоначально носил имя Септимий Бассиан, был сыном первого провозглашенного солдатами императора Септимия Севера. В 211 г. вместе со своим братом Гетой вступил на престол, в 212 г. убил брата и стал единоличным правителем империи. В том же году издал эдикт о даровании прав римского гражданства жителям римских провинций. Политика давления на сенат, казни знати, избивание жителей Александрии, противившихся дополнительно

му набору в армию, жестокий и тиранический характер, вызывали недовольство и привели к убийству Карагаллы заговорщиками.

¹⁰² *Август* (до 27 г. до н. э. Октавиан) (63 до н. э. — 14 н. э.) — римский император (с 27 г. до н. э.). Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. После смерти Цезаря принял участие в борьбе за власть и в октябре 43 г. до н. э. вместе со своим противником (в то время правителем Рима) римским полководцем Марком Антонием и Лепидом составил 2-й Триумвират. Победой в 31 г. до н. э. при Акциуме над Марком Антонием и египетской царицей Клеопатрой завершил гражданские войны (43—31 до н. э.), начавшиеся после смерти Цезаря; сосредоточил в своих руках власть, сохранив, однако, традиционные республиканские учреждения — этот режим получил название принципат; преобразовал управление в провинциях; восстановил дисциплину в войске (при нем было завершено завоевание Испании, Паннии, Далмации и Иллирии); украсил Рим великолепными архитектурными сооружениями; при Августе был золотой век римской литературы. Полное имя императора — Гай Юлий Цезарь Октавиан Август (Gaius Julius Caesar Octavianus Augustus).

¹⁰³ *...при Северах...* — *Северы* (Severi) — династия римских императоров в 193—235 гг. Наиболее значительны: Септимий Север, Карагалла, Александр Север. Политика Северов носила в основном антисенатский характер. Опорой была армия и чиновничество. При Северах наметилась тенденция к неограниченной власти императоров.

¹⁰⁴ *...битвы при Марафоне...* — около Марафона в 490 г. до н. э. во время греко-персидских войн греческие войска Мильтиада разбили персидские войска.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Август — 447, 476, 483, 486
Аврелий Марк — 65, 333, 449
Агамемнон — 226, 230
Адриан — 386, 444, 479
Акила — 279
Александр Македонский — 295, 314, 315, 474
Алкивиад — 274, 363, 367
Алкмеониды — 260
Амазис — 194, 195, 199, 200
Аменхотеп — 177, 191
Аменхотеп IV — 191
Аммон — 189, 191, 195, 196
Антиох I — 314
Антиох II — 309
Антоний — 476
Аппиан — 115, 122, 326
Аппий Клавдий — 364, 366, 376, 377
Аполлон — 259
Ариовист — 220
Аристарх — 278
Аристотель — 37, 236, 251, 252, 255, 268, 271, 303
Арсиноя — 307, 321
Артаксеркс — 155, 168, 303
Ассархаддон — 159
Афина — 259
Ахав — 210, 215
Ахилл — 226
Аччяджолы, род — 433
Ашшурбанипал — 171, 438
Баю Ж. — 177, 185
Барди, род — 433
Барри — 330
Белох — 99, 303, 458, 460, 462
Блок А. — 91, 92
Блюмнер — 459
Бокхорис — 195, 196, 199, 457
Брасид — 232
Булар — 181
Бюхер К. — 56—58, 69, 102, 169, 283, 453, 462
Варрон — 328, 407—412, 444
Вашинский — 333, 464
Велльгаузен — 147
Веррес Г. — 417
Веспасиан — 100, 304
Виламовиц Ф. фон — 252, 255, 459, 460, 461
Вильбрандт — 251, 252, 269, 461
Вилькен — 106, 304, 311, 325, 453, 463, 491
Винклер — 147, 455, 457
Виноградов — 492
Виссова — 407
Вольдемар — 492
Ганнибал — 397, 447
Гартман Л. М. — 123, 402, 424, 491
Гегель Г. Ф. В. — 11, 12, 20, 33, 48
Геллий — 374
Гельбиг — 341
Гесиод — 236, 237, 241, 284, 348
Геродот — 187, 192, 200
Гигин — 387, 414, 415
Глазер — 409
Голиаф — 209
Гольшмидт — 422, 458
Гомер — 217, 219, 223, 224, 230, 232, 237, 461
Гортензий — 377, 425
Гракс Г. — 387, 398, 401, 404, 419
Гракс Т. — 125, 398, 403
Гракхи — 83, 362, 377, 394, 396, 397, 401, 403—405, 445, 466, 476, 482
Грандевиц — 324, 463
Гревс — 490, 492
Гренфелл — 327, 463
Гриффит — 189, 456
Гудеа — 160
Гуммерус — 106, 409, 410, 465, 492
Гуте — 147, 458
Давид — 135, 209, 211
Дарий — 177, 297, 304
Дебора — 208
Дельбрюк Г. — 459
Демосфен — 117, 245, 257, 274, 281, 282, 288, 290, 441, 462

- Демосфен-старший — 246, 282
Демотиониды — 220, 272
Димитрий Серебряник — 279
Диодор — 175
Диоклетиан — 313
Дионис — 259
Дионисий — 375
Домашевский — 448—450
Домициан — 413
Дракон — 205, 246, 253, 269, 301
Дюркгейм Э. — 11
Ездра — 216
Еремиас — 147
Залевк — 205, 249
Зебарт — 424, 462
Зевс — 237, 254
Золтау — 394, 465
Зомбарт В. — 89, 433, 459
Иегова — 203, 209, 301, 337
Иезекииль — 216
Иеремия — 337
Измаил — 214
Иосий — 211
Иосиф — 138, 205, 301, 307
Ирис — 237
Ирод — 307
Кайме — 324
Каракалла — 445, 448
Кастриотис — 220
Кассандр — 314
Катон Старший — 116, 163, 289, 367, 394, 397, 399, 400, 402, 406—410
Кауэр Ф. — 252, 254, 346, 461
Кейль Б. — 249, 252, 385, 461, 465
Керст — 459
Керте — 220
Кимон — 274
Клавдии, род — 360, 366, 370, 373
Клеомен — 240
Клеон — 274
Клисфен — 248, 253—255, 271, 293, 375, 391, 425
Кнапп Г. Ф. — 270, 346
Конрад — 459
Константин — 306, 415
Красс — 433
Ксенофонт — 288—291
Кун — 307, 454
Лагиды — 154, 175, 195, 334
Ластиг — 422
Лаэрт — 231
Левит — 301
Левкон — 290
Лейст Б. В. — 223, 458, 462
Либнам — 424, 462, 466
Ливий Тит — 295
Ликург — 339, 460
Лисандр — 363
Лисий — 265, 462
Лициний — 394
Лука, евангелист — 309
Лукулл — 114
Луман Н. — 8
Магон — 401, 402
Маккавеи — 335
Мандевилль Б. — 91
Марий Г. — 405
Маркс К. — 12, 17, 30, 65, 71, 73, 74, 81
Масперо — 331, 332, 455, 457
Машке — 395, 465, 466
Медичи, род — 433
Мейер П. М. — 309, 311, 314, 315, 318, 328, 464
Мейер Э. — 26, 58, 69, 76, 81, 102, 106, 147, 200, 227, 230, 231, 238, 252, 260, 273, 276, 290, 297, 345, 352, 354, 377, 403, 453, 454, 457, 460—462, 464, 466
Мейснер — 455
Мейтцен — 346
Менагем — 210
Ментухотеп — 179
Меркс А. — 147, 203, 205, 213, 458
Меровинги — 229, 230
Мильтиад — 274
Митридат — 418
Миттейс — 260, 320, 327, 334, 356, 379, 414—416, 458, 461, 463—465, 490
Модестов — 341
Моисей — 204, 212
Моммзен Т. — 26, 76, 81, 349, 350, 372, 385, 465, 466, 490
Море А. — 181, 457
Мориц Оранский — 438
Набот — 215
Навсиник — 268
Наполеон Бонапарт — 139
Нахманн — 492
Неемия — 216, 300, 301
Нейман К. И. — 270, 343—345, 459, 464
Нерон — 126, 478
Нибелунги — 138, 228
Никерат — 325
Никий — 274, 325, 441
Ницше Ф. — 8, 12, 20, 66, 74
Одиссей — 226

- Олимпиада — 296
 Отто — 320, 322, 323, 463
 Павел, апостол — 201, 279
 Пайс Э. — 343, 344
 Пейзер — 154, 455
 Пельманн — 461
 Периандр — 248—250
 Перикл — 255, 259, 266, 277, 376, 390, 404
 Пернис — 409
 Персей — 295
 Пертинакс — 486
 Писистрат — 248, 254, 271
 Питтак — 205
 Платон — 339
 Плиний — 119, 224, 347, 350, 483
 Плутарх — 361
 Полибий — 367
 Поллукс — 270
 Посейдон — 237
 Пригоровский — 492
 Псамметих — 199
 Птолеми — 85, 101, 103, 179, 183, 186, 189, 201, 202, 304—308, 310, 313, 317, 318, 320—322, 325, 328, 331—333, 335, 358, 400, 416, 417, 450, 451, 463, 472
 Птолемей II Филадельф — 304, 309, 327, 472
 Рамессиды — 186, 187, 192—194, 196, 200, 305, 311, 438
 Рамзес III — 188, 200
 Рамзес IV — 191
 Ревилью Е. — 173, 175, 180, 191, 194, 195, 199, 300, 456
 Ревилью В. — 456
 Рейнах — 315, 461
 Риджуэй — 223
 Риккерт Г. — 48
 Родбертус — 56, 57, 59, 101, 105, 106, 453
 Ромул — 352
 Рост — 455
 Ростовцев М. И. — 128, 143, 309, 313, 450, 453, 463, 464, 490—492
 Салмансар II — 153
 Самуил — 210, 212
 Саргон — 155, 171
 Саул — 209
 Свобода — 267, 269, 270, 346
 Северы — 447
 Сегест — 244
 Секстий — 394
 Селевкиды — 303, 312, 334, 335, 475, 476
 Сервий — 375
 Сизера — 208
 Скуч — 341
 Смит А. — 48, 74
 Снофру — 178, 310
 Сократ — 278
 Соломон — 209, 211, 212, 215
 Солон — 205, 238, 244, 247, 249, 253, 254, 268, 269—271, 284, 290, 301, 380
 Спартак — 397
 Стейндорф — 456
 Страбон — 420
 Сулла — 391, 404
 Сципион Эмилиан — 362, 374, 398
 Тацит — 230, 349, 445
 Теннис Ф. — 21, 34, 35, 38, 42
 Теофраст — 224, 268
 Терсит — 225
 Тиберий — 406, 444
 Тимарх — 265, 280—282, 441
 Тутмос — 177
 Тюрю-Данжен — 455
 Уилкинсон Г. — 456, 457
 Уэсли — 318, 329, 331, 463, 464
 Фабии — 362
 Феаген — 248
 Федон — 238
 Феогнид — 252, 346
 Ферреро — 397, 418, 465
 Фест — 350
 Филипп Македонский — 295, 314
 Филолай — 238
 Флави — 473
 Фламиний Гай — 396
 Франкотт — 277, 280, 281, 283, 459
 Фугтеры — 433
 Фукидид — 99, 224, 259
 Фуртвенглер — 341
 Фюстель де Куланж — 269, 454, 490, 491
 Хаммурапи — 147, 148, 151, 153—160, 162, 163, 165, 166, 168—170, 205, 310, 316, 358, 433, 439
 Харонд — 205, 218
 Хлодвиг I — 230, 295
 Христос Иисус — 42
 Цезарь — 404, 406, 411, 413, 482
 Цицерон — 350, 379, 417, 469
 Шанто — 221, 267, 461, 462
 Шефер — 282
 Шеффле — 453
 Шешонкиды — 175, 177
 Шпенглер О. — 86
 Шпигельберг В. — 190, 456

- Шубарт — 333
Шультен — 349, 350, 383, 397, 406,
415, 464, 465, 490—492
Эберс — 456
- Beaudouin — 464, 490
Beauchet — 460, 462
Bezold C. — 455, 457
Blümner — 460
Bökch — 462
Bolkestein — 490
Brugi — 464
Brugsch — 456
Brunet de Presle — 463
Bruns — 461
Büchenschutz — 459
Büheler — 462
Burkhardt I. — 459
Busolt — 460, 462
Cairnes — 453
Carcopino — 492
Cicotti — 453
Dareste — 461
Deissmann — 463
Delitzch — 455
Dittenberger — 460, 461
Droysen — 462
Egger — 463
Erman — 456, 457
Gelzer — 491
Gomperz — 462
Gothein — 466
Guiraud — 459, 460, 462
Cuq — 492
Haupt — 455
Haussouillier — 461, 491
Heistenberg — 490
Helmolt — 455
Hermann — 460
Hirschfeld — 491
Hilprecht — 455
Hitzig — 462
His — 490
Hunt — 463
Iahwe — 203
Jeremias — 457
Kaerst — 454, 462
Karlowa — 460
- Эвмей — 224, 226
Эрман — 189
Эсхин — 117
Эфиальт — 255, 425
- Kenyon — 463
Kleineidam — 464
Kohler — 455
Kornemann — 466
Loria A. — 453
Lumbroso — 462
Mahaffy — 462, 463
Marquardt — 460
Mancia — 479
Mispoulet — 492
Moldenke — 455
Niese — 462, 465
Nordin R. — 461
Nowack — 457
Oberziner — 348
Oppert — 455
Pais — 464, 465
Pernice — 461
Petrie — 457
Pöhlmann — 460
Ramsay — 491
Rudorff — 465
Schäfer — 461, 462
Schöll R. — 461
Schubart — 464
Seeck — 490, 491
Sergé — 490
Sethe — 457
Sundwall — 274, 462
Thalheim — 460, 462
Töpfer — 461
Toutin — 386, 465, 491
Tröltzsch — 340, 460
Viereck — 463
Voigt M. — 464
Wachsmuth — 464
Wellhausen J. — 457
Wiat — 490
Wiedemann — 457
Wiegand — 491
Zitelmann — 462
Zulueta — 490

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Авентин — 370, 375
Австрия — 458
Азия — 29, 328, 401, 403, 418, 482
Александрия — 117, 319, 325
Амальфи — 431
Америка — 50, 54, 75, 97
Американские Соединенные Штаты (Соединенные Штаты, Северная Америка) — 115, 253, 255, 277, 288, 350, 390
Англия — 75, 390, 415, 427, 431, 450
Анксур — 353
Антиохия — 307
Анциум — 353
Апулия — 407
Аравия — 196, 325
Аргос — 238, 241, 242, 265
Аркадия — 132, 293, 294
Аркесина — 256, 324
Аррецо — 431
Ассирийское царство — 228
Ассирия — 148, 150, 152, 154, 156, 158, 159, 162, 171, 211, 224
Ассур — 137
Аттика — 113, 236, 244, 248, 250, 263—265, 269, 271, 273, 276, 287, 289—291, 368
Афины — 37, 59, 69, 99, 100, 102, 104, 107, 112, 117, 132, 205, 207, 232, 233, 237, 238, 241, 243—247, 250, 252—257, 263, 265, 268, 271, 272, 274, 275, 278, 287, 288, 291, 293—295, 301, 306, 345, 346, 350, 352, 356, 359, 370, 374, 382, 390, 408, 420, 425, 458, 460, 462, 480, 481
Африка — 126, 401, 414—416, 470, 477, 480, 482, 486, 491
Балканский полуостров — 444
Беотия — 236, 291, 292
Берлин — 333
Бреа — 390
Брейсгау — 422
Британия — 420
Вавилон — 50, 54, 89, 137, 148, 149, 152, 158, 165, 170, 196, 198, 202, 213, 244, 297, 300, 302, 303, 345, 457
Вавилония — 54, 97, 113, 147, 148, 156, 159, 162, 166, 167, 170, 172, 198, 205, 207, 439
Вавилонское царство — 298
Вейи — 362
Веймар — 287
Веллея — 350
Венеция — 424, 428, 431
Виенна — 420
Византий — 241, 242
Византия — 324
Восток — 27—29, 33, 37, 41, 42, 45, 50, 54, 56, 64, 65, 70, 80, 89, 95, 97, 98, 101, 104, 105, 109—115, 122, 129—131, 139—142, 147, 150, 154, 163, 165, 201, 207, 210, 212, 214, 219, 223, 225, 227—229, 231, 234, 235, 241, 242, 247, 248, 258—261, 274—276, 278, 286, 287, 296, 297, 302, 303, 309, 310, 317, 321, 330, 339, 342, 346, 347, 394, 396, 397, 399, 400, 418, 427, 429, 430, 437—439, 447—449, 470, 480, 483, 484
Восточная Европа — 422
Восточное море — 341
Габий — 388
Галлия — 420, 444
Гейдельберг — 287
Геликон — 236
Гелиополис — 322
Генуя — 105, 127, 421—423, 428, 429, 431, 433
Гераклея — 241, 242
Гераклея на Понте — 241, 242
Германия — 161, 307, 347, 367, 409, 427, 458
Голландия — 75
Горгина — 218, 219, 237, 265
Греция — 26, 60, 101, 151, 204, 205, 233, 243, 258, 278, 289, 291—293, 331, 353, 354, 394, 397, 460
Греческое королевство — 99
Декелия — 253

- Делос — 278
Дельфы — 258—260, 277
Дунай — 420
Европа — 27—29, 42, 44, 50, 54, 74, 90, 95—97, 101, 315, 433, 447
Евфрат — 134, 153, 218
Египет — 53, 54, 56, 62—65, 68, 85, 97—101, 105, 106, 112, 113, 123, 137, 143—145, 148, 150, 151, 155—157, 165, 166, 172, 176—179, 182, 183, 186, 189, 192, 195, 196, 199, 201—205, 210—212, 241, 258, 261, 268, 278, 297, 299, 300, 303—309, 311, 312, 314, 315, 318, 320, 321, 323—329, 331, 332, 334, 337, 338, 357, 395, 410, 430, 434, 439, 448, 451, 456, 457, 462, 463, 470—474, 477, 478, 482, 483, 486, 491
Запад — 7, 8, 27—29, 33, 37, 41, 45, 51, 56, 65, 70, 82, 83, 88, 95, 97, 98, 112, 122, 130, 132, 141—143, 156, 208, 259, 283, 342, 401, 402, 412, 420, 428, 430, 438, 448, 470, 484
Западная Европа — 75
Иерусалим — 210, 211, 215, 300, 301, 307, 335
Израиль — 68, 144, 203, 214, 239, 357
Израильское царство — 209, 210
Иллирия — 328, 444
Индийский океан — 324
Индия — 27, 82, 100
Иордан — 204
Иран — 438
Иранское плоскогорье — 297
Испания — 75
Италия — 51, 97, 123, 136, 161, 232, 272, 346, 377, 383, 389, 393, 396, 397, 399, 405, 411, 413, 419, 427, 428, 431, 432, 469, 470, 478, 481—483, 492
Иудея — 211, 439
Камерун — 138
Кампания — 346, 413
Капитолий — 360
Кассандрия — 307, 308
Карфаген — 166, 227, 235, 334, 370, 378, 398, 401, 406
Керкеосирус — 315, 317
Кевкира — 292
Киев — 186
Кима — 236
Кирра — 258
Китай — 82, 89, 304
Книд — 324
Константинополь — 334
Констанца — 382, 394
Коринф — 292, 398
Корсика — 341
Кос — 293, 294
Криса — 258
Крит — 238, 240—242, 360
Крым — 385
Лаврион — 114
Лакедемон — 228, 245
Лампсак — 324
Лациум — 389
Левкада — 237
Лелантская равнина — 257
Леонтия — 417
Ливан — 148
Ливерпуль — 75
Лидия — 476
Липарские о-ва — 238
Локрида — 241, 249
Мавритания — 420
Македония — 228, 295, 444
Малая Азия — 224, 309, 334, 470, 474, 476, 478, 491
Мантиней — 218, 293, 421
Марафон — 451
Массалия — 370
Мегалополис — 293
Мегара — 252, 408
Междуречье — 178
Мемфис — 173, 190
Менда — 307
Мессения — 232
Месопотамия — 96, 135, 147, 164, 168, 176, 190, 233, 298, 299, 306, 317, 335, 439, 455
Микены — 224
Митилена — 291, 353
Москва — 108, 423
Нидерланды — 450
Нил — 150, 174, 175, 178, 179, 191, 218, 315
Нуманция — 362
Олимпия — 259, 261
Опис — 295
Орхомен — 324
Палестина — 337
Патры — 421
Пелла — 295
Пелопоннес — 241, 288, 291, 293
Пергам — 315, 363
Пергамское царство — 476
Передняя Азия — 82, 96, 198, 235
Персеполь — 295
Персида — 132
Персидский залив — 300
Персидское царство — 303

- Персия — 224, 300
 Пиза — 428, 431
 Пирей — 99, 287, 290
 Писатида — 251, 261
 Питана — 314
 Пицен — 396
 Плаценция — 350
 По — 389
 Понт — 290
 Португалия — 75
 Посидония — 476
 Пруссия — 273
 Рейн — 420
 Рим — 19, 60, 61, 78, 79, 83, 99—
 101, 104, 113, 114, 123, 125, 126,
 135, 142, 144, 203, 205, 215, 219,
 233, 242, 247, 250, 253, 258, 263,
 264, 268, 270, 274, 287, 289, 301,
 306, 324, 334, 341—343, 346, 347,
 352—354, 357, 360, 364, 366, 368—
 371, 374, 376—379, 382, 386, 388—
 391, 393, 396—398, 400, 402—404,
 406, 412, 413, 416—419, 425, 428,
 437, 444, 458, 460, 462, 464, 476, 478
 Римская империя — 64, 65, 101,
 103, 104, 110, 333, 430, 444, 483,
 484, 489
 Римская республика — 126, 130,
 141, 164, 399, 443
 Родос — 99, 117, 221, 256, 287, 398
 Россия — 7, 100, 104, 108, 119, 120,
 190, 319
 Русь — 186
 Саламин — 232, 250, 352
 Самниум — 132
 Самос — 100, 462
 Сардиния — 229
 Себаста — 307
 Северная Европа — 39, 44
 Северо-Западная Европа — 96
 Селласия — 240, 292
 Сена — 134
 Сиена — 431
 Сикион — 241, 242
 Синай — 203
 Сиппар — 149
 Сирия — 153, 175, 196, 299, 416
 Сихем — 208, 209
 Сицилия — 289, 293, 341, 397, 401,
 469, 478, 483
 Сокнопапу Несос — 325
 Спарта — 54, 141, 144, 231—233,
 237—242, 250, 257, 258, 263, 264,
 285, 287, 291—293, 363
 Средиземное море — 164, 229, 343,
 349, 422, 429, 435
 Стратоника — 307
 Сфактерия — 290
 Тарквиний — 341
 Тегея — 218
 Тель-эль-Амарн — 196
 Тенос — 268
 Термон — 294
 Тибр — 367
 Тивериада — 307
 Тиринф — 224
 Тоскана — 428
 Туран — 438
 Тургау — 294
 Туркестан — 302, 420
 Фера — 265
 Фессалия — 219, 236, 241, 242, 250,
 263, 291, 292, 295
 Фиваида — 307, 321
 Фивы — 184, 189, 238, 240, 257, 265,
 325
 Физба — 262
 Фландрия — 424
 Флоренция — 422, 431—433
 Фокида — 249, 264
 Франция — 75, 427, 458
 Фрейбург — 394, 422
 Фригия — 476
 Фрия — 276
 Фьезоле — 431
 Хиос — 268, 289, 292, 397
 Центральная Европа — 39, 44, 52,
 55, 98, 437
 Цере — 341
 Черное море — 277
 Шотландия — 445
 Эвбея — 218
 Эдфу — 320
 Экбатаны — 233
 Элевсин — 277
 Элида — 238, 251, 254, 261, 263,
 291, 293, 294, 396
 Эллада — 56, 79, 105, 110, 125, 139,
 150, 151, 215, 224—226, 228, 229,
 231—233, 235, 236, 242, 246—248,
 251, 255, 258, 260, 261, 263, 264,
 275—277, 285, 287, 288, 290, 292,
 306, 325, 326, 343, 344, 346, 347,
 352, 354—356, 369, 370, 376, 396,
 400, 401, 408, 410, 460, 462
 Эпидамн — 227, 233
 Этолия — 292, 295
 Этрурия — 342, 389
 Эфиопия — 195
 Южная Европа — 51, 55, 96, 97
 Яникул — 371
 Япония — 27, 90, 358

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА	5
Юрий Давыдов ВЕБЕРОВСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ ИСТОРИИ	7
ВВЕДЕНИЕ	95
Часть I ДРЕВНИЙ ВОСТОК	147
Глава первая МЕСОПОТАМИЯ	147
Глава вторая ЕГИПЕТ	172
Глава третья ИЗРАИЛЬ	203
Часть II ЭЛЛАДА	217
Глава первая ДОКЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА	217
Глава вторая КЛАССИЧЕСКАЯ ЭПОХА (АФИНЫ)	263
Глава третья ЭЛЛИНИЗМ	297
Часть III РИМ	341
Глава первая ГОРОД-ГОСУДАРСТВО	341
Глава вторая ЭПОХА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО РАСШИРЕНИЯ РИМА	389
Глава третья ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ В ИМПЕРАТОРСКУЮ ЭПОХУ	420
<i>Приложение</i> М. Ростовцев КОЛОНАТ	469
КОММЕНТАРИИ	491
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	552
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	556

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Макс Вебер

АГРАРНАЯ ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

Редакторы *Г. Э. Кучков и Н. Д. Саркитов*
Оформление *Н. Д. Саркитова*
Верстка *А. Н. Саркитова*
Корректор *В. Е. Климанов*

По вопросам реализации звонить: 113-31-31.
Региональным оптовым книготорговым организациям
обращаться по адресу:
111402, г. Москва, Вешняковская ул., 6-3-92.

Подписано в печать 12.03.00. Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolDL. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 29,4.
Тираж 3000 экз. Заказ № 877

Издательство «КАНОН-пресс-Ц»,
113054, г. Москва, Стремянный пер., д. 31/1.
Серия ЛР № 066291

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ППП типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

ISBN 5-93354-010-2

9 785933 540076